

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Мамутов З.М. Источники мусульманского права: шариат и фикх 6

Новикова Ю.А. Историко-правовые предпосылки становления лоббизма в США 15

Осипова Н.А. Роль боярина Юрия Алексеевича Долгорукова в подавлении бунтов и восстаний 19

Рыбкина К.В. Экономико-правовая система России и влияние Запада на ее построение 23

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Гадиятова М.В. К вопросу об обязательности исполнения требований прокурора 30

Госачинская А.А. Проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами на особо охраняемых природных территориях и правовые способы их решения 33

Домрачев А.А. Судебное усмотрение как фактор обеспечения правовой определенности в административном праве 37

Елин В.М., Каримов А.К. Об использовании биометрических данных в интересах обеспечения общественной безопасности 43

Задорожная Е.В., Задорожный Г.А. Особенности глубокого реформирования государства в условиях конституционных кризисных явлений 48

Колесников Н.В. Инновационные подходы в обеспечении транспортной безопасности в условиях технологического прогресса транспортного комплекса 53

Кутергин М.Н., Сидоров Ю.В. Информационная безопасность военнослужащих РФ в условиях информатизации современного общества: правовой аспект 59

Лубнина А.В. О правовом регулировании наблюдения за животными в экологическом туризме 63

Маргорина В.С. Некоторые проблемы реализации конституционно-правового механизма, направленного на формирование комфортной городской среды 68

Махьянова Р.М. Внедрение тактики в надзорную деятельность прокуратуры 73

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российская таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международной и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международного права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багда Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансовое право, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теимуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джидждолия Рауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 28.02.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Мацева А.А.</i> Программно-целевой подход в системе публичных закупок в Российской Федерации: правовой аспект	76	<i>Ихаров М.М.</i> О правовом регулировании акций, выпущенных в виде цифровых финансовых активов, и перспективах их выпуска для достижения целей устойчивого развития	156
<i>Носенко А.Ю.</i> Конституционные элементы структуры механизма защиты права на свободу предпринимательской деятельности.....	80	<i>Кукушкин Р.К.</i> Сроки подготовки дела в гражданском и арбитражном процессе.....	162
<i>Пищальников Г.В.</i> Конституционные модели экономики в зарубежных государствах (особенности регулирования)	85	<i>Матвеева Е.Ю.</i> Договор в пользу третьего лица: оценка советской юридической наукой.....	167
<i>Шахматова Н.А.</i> Место и роль системы управления рисками при проведении таможенного контроля	90	<i>Мельников О.О.</i> Проблемы исполнения договорного обязательства по технологическому присоединению к электрическим сетям	173
<i>Рязанов С.В.</i> Правовое определение категории «кадастровая стоимость» в законодательстве Российской Федерации	93	<i>Михеев Д.С.</i> Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности	179
<i>Хамуков А.А.</i> К вопросу о правовой актуальности цифрового кодекса Российской Федерации.....	97	<i>Молчанов А.В.</i> Проблемы и риски, связанные с экспертизами в сфере закупок в железнодорожной отрасли	183
<i>Чумаченко В.А.</i> Соотношение правового режима информации и баз данных	102	<i>Постная О.В., Исаев Г.О.</i> Договор с самозанятыми как способ сокрытия трудовых правоотношений.....	187
<i>Шагалкина Н.В.</i> Соотношение понятий «государственный орган» и «орган государственной власти»	108	<i>Рябков А.А.</i> О возможности рассмотрения финансовым уполномоченным обращений розничных инвесторов	192
<i>Шахматова Н.А.</i> Проблемные вопросы при возбуждении дела об административном правонарушении, принятие стадии предварительной проверки	112	<i>Михеев Д.С.</i> Субъективная сторона гражданского правонарушения.....	197

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Алекперов Д.С.</i> Очередность удовлетворения требований уполномоченного органа по восстановленному налогу на добавленную стоимость. Комментарий к Определениям Верховного Суда РФ от 3 июня 2024 года № 305-ЭС23-19921 (Дело «Парк Подвязново»)	115	<i>Чернякова С.А.</i> Проблемные аспекты в функционировании рамочных договоров	205
<i>Болтовский В.М.</i> Теоретико-правовые аспекты взаимосвязи правовых категорий корпоративного и конкурсного контроля	119	<i>Чулакова О.Ю.</i> Понятие технологии в праве России	210
<i>Ван Лу.</i> Попечительство как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей	124	<i>Чумаченко В.А.</i> Этические и правовые аспекты использования синтетических данных в обучении искусственного интеллекта	216
<i>Видюченко А.А.</i> Соглашение об организации синдицированного кредитования по английскому праву и по российскому праву	129	УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Владимирова В.Д.</i> Особенности правового регулирования трудовых отношений в цифровой среде	135	<i>Антипов А.И.</i> Публичная демонстрация как признак преступления.....	220
<i>Губанова О.А.</i> Пенсия по случаю потери кормильца для членов семьи сотрудников ФПС	141	<i>Ватутина О.Ю.</i> Юридическое значение участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании.....	225
<i>Зуева К.А.</i> Повышение социальной и пенсионной обеспеченности платформенных занятых в России и за рубежом	146	<i>Вторушина В.В.</i> Меры предотвращения вооруженных нападений в образовательных учреждениях.....	228
<i>Ионцев М.А.</i> Об особенностях правового режима различных видов цифровых финансовых активов и гибридных цифровых прав	151	<i>Жукова А.А.</i> Разграничение незаконного предпринимательства и отдельных составов экологических преступлений	234
		<i>Снеткова Е.А., Зашляпин Л.А.</i> Рецепция идей «правил Миранды»	238
		<i>Крюков А.В.</i> Особенности доказывания и квалификации деяний, связанных с оскорблением представителя власти	246
		<i>Кузнецов Н.В.</i> Конвергенция субъектов, осуществляющих финансовый мониторинг в сфере ПОД/ФТ/ПРОМУ в современных условиях.....	249

<i>Мельчаков К.М.</i> Правовое регулирование смертной казни в России	253
<i>Крюков А.В.</i> Примечание к ст. 210 УК РФ как гарантия от необоснованного привлечения к ответственности	260
<i>Прошин В.М.</i> Криминалистические аспекты формирования события состояния необходимой обороны (комментарии к Определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 года № 67-УД22-6-К8)	263
<i>Разумовский А.И., Терешина А.Н., Файзулина А.А., Литвиненко Д.В., Дубков Н.С.</i> Правовое регулирование политической коррупции в России: современное состояние и меры противодействия	268
<i>Саркисян К.Т.</i> Роль и место судебных экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей	271
<i>Сейцева Е.В.</i> Уголовно-правовой аспект умышленного причинения тяжкого вреда здоровью	276
<i>Сироткин А.Г.</i> Особенности назначения и производства экономических судебных экспертиз с точки зрения соблюдения требований ст. 6.1 УПК РФ	280
<i>Сусалёва О.В.</i> Проблемы установления причинно-следственных связей при реализации уголовной ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения с учетом технологических инноваций в сфере современного автопрома	284
<i>Тарасова А.В.</i> Актуальные проблемы назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов	289
МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ	
<i>Горбачева А.Г., Иванов А.М., Родионов А.Е.</i> Разработка эффективных методов аутентификации пользователей в социальных сетях в Российской Федерации как инструмент международного правового сотрудничества в противодействии кибербуллингу	296
<i>Ионцев М.А.</i> Развитие теории сделок в праве Франции	303
<i>Меджитов Т.В.</i> Роль наднациональных органов ЕАЭС в создании и функционировании общего финансового рынка	311

<i>Рахманов Р.А.</i> Международное сотрудничество по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем	317
<i>Титов М.А.</i> Классификация интернет-угроз, реализуемые в отношении детей, опыт зарубежных стран по борьбе с ними	320
<i>Тюхтенкова Е.И.</i> Пробелы в правовом регулировании международной электронной торговли в странах Евразийского Экономического Союза	325

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

<i>Давлетшина Н.В.</i> Современные формы коммуникации как инструмент повышения качества законодательства и укрепления доверия граждан к представительной власти	331
<i>Иващенко В.А.</i> Историческая динамика правовых основ политических режимов	336
<i>Климова А.Н., Клепикова О.Г.</i> Об оценке действий должника по совершению сделок при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства... ..	341
<i>Лексин Е.А.</i> Трансформация налогового мониторинга в Российской Федерации от внедрения к цифровой эволюции	346
<i>Неминуций Д.Д.</i> Доктринальные противоречия в определении правовой природы исключительных прав на средства индивидуализации	352
<i>Осипова А.Ю.</i> Проблема квалификации преимущественного права на заключение гражданско-правового договора как обязательного основания его заключения	358
<i>Пильчина Д.Ж.</i> Состязательность сторон в упрощенном арбитражном судопроизводстве	361
<i>Царапкина Д.Р.</i> Делегирование властных полномочий федеральными органами исполнительной власти: теоретико-правовая характеристика	365
<i>Шимко С.Е.</i> Особенности преступности мигрантов-иностранцев в Российской Федерации	369
<i>Ларин Д.А.</i> Правовое регулирование лесоклиматических проектов в Российской Федерации	374

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Mamutov Z.M.</i> The sources of Muslim law: Shariah and Fiqh	6
<i>Novikova Y.A.</i> Historical and legal prerequisites for the formation of lobbying in the USA.....	15
<i>Osipova N.A.</i> The role of Yuri Alexeyevich Dolgorukov in suppression of riots and uprisings.....	19
<i>Rybkina K.V.</i> Economic and legal system of Russia and the influence of the west on its building	23

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Gadiyatova M.V.</i> On the question to compliance with the prosecutor's requirements.....	30
<i>Gosachinskaya A.A.</i> Waste management problems in specially protected natural areas and legal ways of solution.....	33
<i>Domrachev A.A.</i> Judicial discretion as a factor in ensuring legal certainty in administrative law	37
<i>Elin V.M., Karimov A.K.</i> On the use of biometric data in the interests of ensuring public safety	43
<i>Zadorozhnaya E.V., Zadorozhny G.A.</i> Features of deep state reform in the context of constitutional crisis phenomena	48
<i>Kolesnikov N.V.</i> Innovative approaches in ensuring transport security in the context of technological progress of the transport complex.....	53
<i>Kutergin M.N., Sidorov Y.V.</i> Information security of servicemen in the Russian Federation in the context of the informatization of modern society: legal aspect	59
<i>Lubnina A.V.</i> On the legal regulation of animal observation in ecotourism	63
<i>Margorina V.S.</i> Some problems of implementing the constitutional and legal mechanism aimed at creating a comfortable urban environment.....	68
<i>Makhyanova R.M.</i> Implementation of tactics in the supervision activities of the prosecutor's office.....	73
<i>Matseva A.A.</i> Program-targeted approach in the public procurement system in the Russian Federation: legal aspect.....	76
<i>Nosenko A.Yu.</i> Constitutional elements of the structure of the mechanism for the protection of the right to freedom of entrepreneurial activity	80
<i>Pishchalnikov G.V.</i> Constitutional models of economy in foreign states (regulation features).....	85
<i>Shakhmatova N.A.</i> The place and role of the risk management system in customs control	90
<i>Ryazanov S.V.</i> Legal definition of the category "cadastral value" in the legislation of the Russian Federation	93
<i>Khamukov A.A.</i> On the issue of the legal relevance of the Digital Code of the Russian Federation	97
<i>Chumachenko V.A.</i> Correlation between the legal regime of information and databases	102

<i>Shagalkina N.V.</i> Correlation between the concepts of "state body" and "state authority body".....	108
<i>Shakhmatova N.A.</i> Problematic issues in the initiation of an administrative offense case, acceptance of the preliminary inspection stage.....	112

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Alekperov D.S.</i> The order of satisfaction of the restored value added tax claims. Commentary on the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 3, 2024 № 305-ЭС23–19921 (Case «Park Podvyaznovo»).....	115
<i>Boltovsky V.M.</i> Theoretical and legal aspects of the interrelation between legal categories of corporate and bankruptcy control.....	119
<i>Wang Lu.</i> Guardianship as a form of placement of children left without parental care	124
<i>Vidiushchenko A.A.</i> Agreement on organization of syndicated lending under english law and under Russian law	129
<i>Vladimirova V.D.</i> Features of legal regulation of labor relations in the digital environment.....	135
<i>Gubanova O.A.</i> Survivor's pension for family members of FPS employees	141
<i>Zueva K.A.</i> Increasing social and pension security for platform employees in Russia and abroad.....	146
<i>Iontsev M.A.</i> On the features of the legal regime of various types of digital financial assets and hybrid digital rights	151
<i>Ikharov M.M.</i> About legal regulation of shares issued as digital financial assets and the prospects for their issuance to achieve sustainable development goals.....	156
<i>Kukushkin R.K.</i> Terms of preparation of the case in civil and arbitration proceedings.....	162
<i>Matveyeva E.Yu.</i> Contract for the benefit of a third party: assessment by Soviet legal science.....	167
<i>Melnikov O.O.</i> Problems of performance of contractual obligations on grid connection	173
<i>Mikheev D.S.</i> The concept and characteristics of civil liability	179
<i>Molchanov A.V.</i> Problems and risks associated with procurement expertise in the railway industry	183
<i>Postnaya O.V., Isaev G.O.</i> Contract with the self-employed as a way to conceal labour relations.....	187
<i>Ryabkov A.A.</i> On the possibility of consideration by the financial commissioner of appeals from retail investors.....	192
<i>Mikheev D.S.</i> Subjective side of a civil offence.....	197
<i>Urnkis T.N.</i> Problems of implementation of legal regulation of relations in the sphere of residential premises turnover.....	201
<i>Chernyakova S.A.</i> Problem aspects in the functioning of framework agreements.....	205

<i>Chulakova O.Yu.</i> The concept of technology in Russian law.....	210
<i>Chumachenko V.A.</i> Ethical and Legal Aspects of Using Synthetic Data in Artificial Intelligence Training.....	216

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Antipov A.I.</i> Public demonstration as a sign of a crime	220
<i>Vatutina O.Yu.</i> The legal significance of a specialist's participation in criminal procedural evidence	225
<i>Vtorushina V.V.</i> Measures to prevent armed attacks in educational institutions.....	228
<i>Zhukova A.A.</i> Distinction between illegal business and certain types of environmental crimes.....	234
<i>Snetkova E.A., Zashlyapin L.A.</i> Reception of the ideas of the "rules of Miranda".....	238
<i>Kryukov A.W.</i> The specifics of proving and qualifying acts related to insulting a government official.....	246
<i>Kuznetsov N.V.</i> Convergence of entities carrying out financial monitoring in the field of AML / CFT / PF in modern conditions.....	249
<i>Melchakov K.M.</i> Legal regulation of the death penalty in Russia.....	253
<i>Kryukov A.W.</i> Note to article 210 of the criminal code of the Russian Federation as a guarantee against unjustified prosecution.....	260
<i>Proshin V.M.</i> Forensic aspects of the formation of an event of a state of necessary defense (comments on the Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 2, 2022 No. 67-UD22–6-K8).....	263
<i>Razumovsky A.I., Tereshina A.N., Faizulina A.A., Litvinenko D.V., Dubkov N.S.</i> Legal regulation of political corruption in Russia: current status and countermeasures	268
<i>Sarkisyan K.T.</i> The role and place of forensic examinations in the investigation of illegal drug trafficking using information and telecommunication networks	271
<i>Seitseva E.V.</i> Criminal law aspect of intentional infliction of grievous bodily harm	276
<i>Sirotkin A.G.</i> Features of the appointment and production of economic forensic expertise from the point of view of compliance with the requirements of article 6.1 of the criminal procedure code of the Russian Federation.....	280
<i>Susaleva O.V.</i> Problems of establishing causal relationships in the implementation of criminal liability for crimes in the field of road safety, taking into account technological innovations in the field of modern automotive industry.....	284

<i>Tarasova A.V.</i> Actual problems of appointment, production and use of the results of examinations in the investigation of crimes attributed to the competence of customs authorities	289
---	-----

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Gorbacheva A.G., Ivanov A.M., Rodionov A.E.</i> Development of effective methods for user authentication in social networks in the Russian Federation as an instrument for international legal cooperation in countering cyberbullying	296
<i>Iontsev M.A.</i> The development of the theory of transactions in French law	303
<i>Mejotov T.V.</i> The Role of Supranational Bodies of the EAEU in the Creation and Functioning of the Common Financial Market.....	311
<i>Rakhmanov R.A.</i> International cooperation on countering the legalization of proceeds from crime.....	317
<i>Titov M.A.</i> Classification of Internet threats against children, the experience of foreign countries in combating them	320
<i>Tyuhtenkova E.I.</i> Gaps in the legal regulation of international electronic commerce in the countries of the Eurasian economic union.....	325

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Davletshina N.V.</i> Modern forms of communication as a tool for improving the quality of lawmaking and strengthening citizens' trust in representative authorities....	331
<i>Ivaschenko V.A.</i> Historical dynamics of the legal basis of political regimes	336
<i>Klimova A.N., Klepikova O.G.</i> On the assessment of the debtor's actions in executing transactions when issuing a court order on completing the bankruptcy procedure.....	341
<i>Leksin E.A.</i> Transformation of Tax Monitoring in the Russian Federation: From Implementation to Digital Evolution.....	346
<i>Neminushchiy D.D.</i> Doctrinal contradictions in determining the legal nature of exclusive rights to means of individualization.....	352
<i>Osipova A.Y.</i> The problem of qualifying the pre-emptive right to conclude a civil contract as a mandatory basis for its conclusion.....	358
<i>Pilchina D.Z.</i> The adversary character of simplified arbitration proceedings.....	361
<i>Tsarapkina D.R.</i> Powers of federal executive bodies as an object of delegation: theoretical and legal characteristics ...	365
<i>Shimko S.E.</i> Features of criminality of foreign migrants in the Russian Federation	369
<i>Larin D.A.</i> Legal regulation of forest climate projects in the Russian Federation	374

Источники мусульманского права: шариат и фикх

Мамутов Зияудин Магомедтагирович,

аспирант, юриспруденция 40.06.01, Забайкальский
государственный университет
E-mail: ziyaudin.mamutov@mail.ru

На сегодняшний момент в системе теории российского права отсутствует унифицированный подход к осмыслению мусульманского права, его корреляции с шариатом и фикхом, взаимосвязи правового и собственно религиозного. Ошибочное толкование ключевых положений шариата – результате намеренного искажения предписаний шариата, что ведет за собой неверную реализацию норм в законодательство мусульманских государств.

В остальных исследованиях, ученые, рассматривая различные вопросы юриспруденции, следуя определенной методологии, на основании которой представляется возможность понимания вопроса о соотношении шариата и фикха. Новизна данного исследования заключается в выявлении и анализе различных теоретических позиций и подходов в трудах по исламской юриспруденции на соотношение понятия шариата и фикха. Мусульманское право неизменно занимало центральное место в исламском учении и воспринималось не только как система норм, но и как всеобщая политико-правовая доктрина. Для полного понимания специфики норм мусульманского права необходимо знание того источников данного права, путём которых формируются конкретные правовые нормы.

Автор рассматривает методологическую неоднозначность, и доказывает необходимость разделения понятий «шариат» и «фикх», в рамках мусульманского права.

Ключевые слова: шариат, фикх, мусульманское право, иджама, иджитihad.

Введение

Мусульманское право характеризуется высокой степенью адаптивности и подвижности, но, будучи откровением, исходящим от Всемогущего Бога, мусульманское право также отличается жесткостью, незыблемостью и невозможностью персонализации. Мусульманское право интегрировано практически во все аспекты жизни, начиная от взаимоотношений, образования, права и заканчивая экономикой и политикой. Для правильного понимания мусульманского права требуется понимание различий между понятиями «шариат» и «фикх».

При проведении научных исследований касающихся шариата, фикха и мусульманского права, отмечается тенденция, при которой авторы, не углубляясь в природу данных категорий правовых явлений, не раскрыв их суть, наполнение и происхождение, переходят к размышлениям об их соотношении, связывая воедино, либо стирая между ними грань, либо отождествляя их друг с другом, не аргументируя при этом своей собственной точки зрения, позволяя себе допускать неточности в источниках и фактах.

Для юристов требуется проведение четкой разграничительной линии между шариатом и фикхом с учетом того обстоятельства, что деятельность правоведа сопряжена с документами, нормативными материалами, регламентирующими правила внешнего поведения [2] людей, следовательно, некорректно взятый или истолкованный документ может повлечь за собой ошибочные выводы. Для решения данной проблемы необходимо выделить теоретические подходы, акцентируя при этом пристальное внимание на доводы данных подходов, на основе собственных суждений подытожить соотношение шариата и фикха, установить источники, а также изложить концептуальные определения.

Значение и сфера применения «шариата»

Шариат может быть определен как свод правил, которые были открыты Богом человеку для того, чтобы руководствоваться в отношении Бога, окружающего мира и повседневной жизни. Мусульманское право обладает характеристиками, отличающими его от других правовых систем в мире.

В среде ученых, современных или классических, мусульманских нет единого мнения относительно точного значения понятия «шариат» и его применения в области мусульманского правоведа. Как утверждает М. Роэ в своем труде «Исламское право в прошлом и настоящем», понятие «шариат» неоднозначно. [3]

Кроме этого, ученый-правовед Али Хан утверждает, что широкое толкование понятия «шариат» привело к возникновению разночтений в области мусульманского правоведения. Авторы труда «Исламское право: шариат со времен Мухаммеда до настоящего времени» считают, что шариат – «длинная, разноплановая комплексная духовная традиция», а не «четко определенный набор конкретных правил и предписаний, легко применяемых в жизненных ситуациях». [4] Некоторые ученые утверждают, что шариат никогда не был собран и кодифицирован в конкретном сборнике законов, чтобы легко понять его четкие границы. Ряд ученых утверждает, что шариат так никогда и не был собран и кодифицирован в конкретном сборнике законов, позволяющем понять его четкие границы.

Под термином «шариат» традиционно понимается путь, указанный Аллахом, ведущий к обретению мирского совершенства и благополучия [5], после завершения жизненного пути правоверный может рассчитывать на высшую милость. Шариат означает «уготованный путь или божественно начертанный путь». [6] По мнению ряда других ученых, шариат буквально подразумевает под собой наличие верного религиозного «мазхаба» и религиозной общины милла, которая позволяет последователям достигать своих целей. [7]

Некоторые ученые полагают, что шариат означает путь к источнику воды, где вода всегда доступна для питья без использования каких-либо предметов, таких как колодец или ведро. Другими словами, шариат неявно означает путь к источнику жизни, который приведет верующих к процветанию в этой жизни и после нее.

Термин «шариат» включает в себя общие принципы, руководство и предписания в свете Корана. «Шариат» относится к стихам Священного Корана, ниспосланным Пророку Мухаммеду, а также к «хадисам» (его высказывания) и «Сунна» (его деяния), которые считаются дополнительными разъяснениями, дополняющими текст Корана и содержащими практическое исполнение, обязательства и запреты. Шариат – это совокупность религиозно-нравственных предписаний, которые последовательно развивались и трансформировались в правовое поле и непрерывно прививаются обществу. По мнению большинства, классических ученых, шариат всесторонне рассматривает все аспекты мусульманской жизни и может решить любые проблемы, связанные с личной и общественной жизнью мусульман.

Шариат располагает определёнными источниками, на основании которых он приобретает силу в мусульманском обществе и характеристиками, обеспечивающими его авторитет и подлинность в среде мусульман.

Шариат делится на два основных источника и девять подисточников. Первыми двумя источниками являются Коран и Хадисы, которые считаются прямо или косвенно вдохновленными Богом.

В основном подисточники построены на схоластической интерпретации и суждениях.

Источники шариата:

1. Коран: мусульмане полагают, что это буквальное слово Бога;

2. Хадисы: наставления пророка Мухаммеда;

3. Иджма: консенсус или коллективное согласие мусульманских ученых;

4. Кияс: нормирование каких-либо вопросов, которые противоречат Корану и хадисам, на основе иджмы;

5. Истихсан: происходит от арабского слова «истах-сана», то есть предпочесть что-то другим возможностям решения;

6. Маслаха аль-мурсаля (общее благо): юридическое соглашение может быть одобрено с мусульманской точки зрения, если оно приносит общее благо для мусульманской общины;

7. Садд ад-Дхара'эй («нормирование надлежащих средств и результатов»): речь идет о недопущении использования любых средств, которые могут вызвать общественные беспорядки, даже если цели могут быть благородными. Это также означает, что любые средства, которые могут привести к общему благу, должны поощряться согласно мусульманскому праву;

8. Аль-Араф: происходит от арабского «арафа», что означает приемлемый способ делать что-либо. Это социальные условности или обычаи в любом исламском обществе, которые могут способствовать изменениям в мусульманском праве;

9. Мат-хаб ас-сахаби (учение сподвижников Пророка): использование учения сподвижников Пророка в качестве исходной модели в повседневной жизни, если нет прямого текста из Корана, хадисов или предыдущих исламских законов.

10. Шариат ман каблана (доисламские законы): если нет известного источника от сподвижника, мусульмане могут следовать законам предыдущих посланий, таких как христианство и иудаизм, если они не противоречат основным источникам Корана и хадисов;

11. Истис-хаб (непрерывность): презумпция непрерывности определенного статуса сохраняется до тех пор, пока она не будет изменена или опровергнута доказательствами.

В исламской традиции Коран занимает центральное место; Сунна занимает второе место после Корана с точки зрения формирования исламского права. Это второй материальный источник шариата, который в широком смысле можно определить, как образ жизни Пророка ислама и то, как он действовал в различных ситуациях на протяжении всей своей жизни. Другими словами, прецедент, установленный Пророком, стал известен как Сунна.

В то же время в исламском научном познании утвердилось специальное понятие, применяемое при исследовании вопросов Ислама, – шариат как свод предписаний, адресованных людям, установленных Аллахом и переданных им через своего посланника, пророка Мухаммеда.

Шариат можно разделить на несколько узких областей, к которым относятся:

1. Мунахат – часть мусульманского права, регулирующая брак, развод и всевозможные следствия из него;

2. Фараид – часть мусульманского права, регулирующая все вопросы, касающиеся наследования;

3. Муамалат – часть мусульманского права, регулирующая имущественные вопросы, права на объекты, порядок оформления купли-продажи и аренды, займа, кредита и т.д.

4. Укубат – часть исламского права, регулирующая вопросы о нарушении шариата состоящие из:

а) Худуд – наказание, основанное на Коране и Сунне;

б) Тазир – наказание, основанное на мнении властей или правительственных органов;

5. Сияр – часть исламского права, регулирующая вопросы войны, мира и отношений между странами;

7. Мухасамат – область мусульманского права, определяющая судопроизводство, а также судебных органов.

Вышеприведенное означает, что шариат существовал не только как правовая доктрина и судебная система, обладающая функцией регулирования общества, или в качестве урегулирования, но в большей степени шариат – это нечто более глубокое для мусульманской общности.

Ваэль Халлак даёт пояснение, что «шариат в то время был не только судебной системой и правовой доктриной, чьей функцией было регулирование социальных отношений, разрешение и посредничество в спорах, но и широко распространенной системной практикой, структурно и органично связанной с окружающим миром по вертикали и горизонтали, структурно и линейно, экономически и социально, морально и этически, интеллектуально и духовно и др. [2].

Некоторые ученые считают, что шариат – это «закон юристов», который был установлен и расширен фикхом.

В последнее время в некоторых трудах ряд учёных рассматривает шариат как источник позитивного права в рамках современного мусульманского государства.

Коран выступает главным источником шариата. В Коране приведены три основополагающих постулата: 1) монотеизм; 2) пророчество; 3) вера в Судный день.

Коран обеспечивает руководство посредством предоставления общих правил, регулирующих поведение людей в их повседневной жизни и направляющих его к достижению лучшего здоровья и благополучия.

Между тем, в соответствии с регулированием прав, Коран разделяет предписания на следующие три группы: 1) предписания, регулирующие различные виды поклонения, 2) предписания, регулирующие человеческие отношения, и 3) предписания, сочетающие «права Аллаха» и права человека.

В соответствии с мусульманской традицией под сунной следует понимать все речи, произнесённые пророком Мухаммадом, кроме записанных в Коране. Поступки, действия, одобрения, упреки, молчание, те есть его образ жизни. [8]

Сунна по праву считается вторым по значимости источником мусульманского права, в том числе и в области уголовного законодательства. традиции и практика исламского пророка Мухаммеда, которые представляют собой образец для подражания мусульманам. Сунна – собрание записей, документирующих традиции или известные практики Пророка Мухаммеда и Его семьи (Ахл Байт), многие из которых были записаны в томах хадисов. В них содержится множество фактов, которые он сказал, сделал или с которыми согласился – в основном на основе его жизни и деятельности, полностью основанной на словах и принципах Корана.

Сунна – это то, что все мусульмане времен Мухаммеда, очевидно, видели, чему следовали и что передавалось следующим поколениям. Согласно классическим исламским теориям сунна документируется хадисами (устно переданная запись учений, поступков и высказываний, молчаливых разрешений или неодобрений Мухаммеда) и наряду с Кораном является божественным откровением, переданным через Мухаммеда [9], которые составляют первичные источники исламского права и веры / богословия.

Хадисы (записанные слова и действия Пророка) являются составной частью Сунны. Важно отметить, что, согласно мусульманскому учению, Коран, первоисточник ислама, был открыт пророку Мухаммеду стих за стихом, и он не изменил послание, дословно передавая его своим последователям, некоторые из которых заучивали его наизусть.

Хадисы состоять из двух частей: «иснад» (в переводе с арабского «опора») – перечень передатчиков хадиса и «матн» (в переводе с арабского «текст») – собственно сам текст хадиса, содержащий какое-либо действие, поступок или слово Пророка.

Сунна Мухаммеда, основанная на хадисах, включает в себя его конкретные слова (Сунна Кавлия), привычки, практику (Сунна Фиилийя) и молчаливое одобрение (Сунна Такририя). В исламе слово «сунна» также используется для обозначения религиозных обязанностей, которые являются необязательными, таких как сунна-намаз.

В сфере исламоведения принято делить все предписания Сунны на три группы:

1) предписания, подтверждающие предписания, изложенные в Коране;

2) предписания, которые интерпретируют и дополняют коранические предписания;

3) Положения, предписывающие самостоятельные нормы, в отношении которых Коран не дает никаких указаний.

Таким образом, шариат – это «свод правил, закреплённых в Коране и Сунне, которые определяют представления, формируют моральные и ре-

лигиозные ценности мусульман, а также служат источниками конкретных правил, регулирующих их поведение.

Рассмотренные ранее формулировки шариата не дают целостного, всестороннего определения шариата и не дают полного ответа на вопрос, что конкретно понимается под шариатом. По утверждениям ряда мусульманских исследователей, в структуру шариата входят три элемента: религиозная догма, мусульманская этика и практические нормы внешнего поведения мусульман.[9]

Данная ситуация представляется довольно спорной, так как несмотря на то, что закон является важнейшим составляющим шариата, тем не менее, в зависимости от того, как верно мусульманин освоил исламскую догматику и этику, то и поведение будет соответствовать шариату. Практические предписания относительно внешнего поведения мусульман в Коране и Сунне, в свою очередь, подразделяются на три категории: «ибадат» (предписания, регламентирующие отношения мусульман с Богом), «муамалат» (предписания, регулирующие мирские отношения) и «укбат» (предписания, касающиеся применения наказания за несоблюдение норм шариата).

В этом понимании шариата отсутствует ответ на вопрос, как подробно содержащиеся в нем предписания регулируют человеческое поведение, а именно, представляет ли шариат собой комплексную систему регуляции или же его предписания сводятся к тому, чтобы установить лишь общие принципы поведения, не касаясь каких-то определенных. [12]

Единогласия в этом вопросе нет. К примеру, одни считают, что Коран и Сунна дают практически исчерпывающие ответы на все вопросы, что они содержат неизменные правила поведения мусульман в той или иной ситуации. По мнению других, нормативно-правовая сторона шариата складывается из нескольких групп правил:

- «катийят ад-далала» – к этой группе предписаний относятся те положения Корана и Сунны, которые несут четко выраженный и ясный смысл (например, в Коране указывается, что мусульманам разрешено торговать, но запрещено ростовщичество;
- «заннийят ад-далала» – к этой группе предписаний относятся те положения Корана и Сунны, которые устанавливают общие принципы поведения мусульман, не имеющие готового решения по той или иной ситуации (например, Коран предписывает мусульманину быть снисходительным, делать добро и не поддерживать связь с невеждами; [10]

Хашим Камали в своем труде «Закон шариата» утверждает, что термин «шариат» используется в Коране только один раз; тем не менее, оба термина «шариат» и «фикх» не упоминались в Коране и Сунне и использовались в их обычном значении после эпохи пророка Мухаммеда и его халифов. Ибн аль-Каййим аль-Джаузид считал, что шариат – совокупность справедливости, милосердия,

мудрости и всего хорошего, которые гарантируют успех человека в его жизни и после смерти: «Шариат – это милость Аллаха и его правосудие среди людей. Шариат – источник всего хорошего, а все злое и порочное происходит от отсутствия внедрения шариата».

Таким образом, по мнению большинства классических ученых, шариат всесторонне рассматривает все аспекты мусульманской жизни и может решить любые проблемы, связанные с личной и общественной жизнью мусульман.

Современные мусульманские ученые, однако, сужают сферу применения шариата до некоторых конкретных вопросов. Основное различие между классическими и современными исламскими учеными относительно значения и использования термина «шариат» заключается в том, что классические ученые подчеркивают широкую сферу применения шариата. Напротив, большинство современных мусульманских ученых не только ограничивают сферу применения шариата, но и подчеркивают источники, из которых почерпнуты принципы шариата. Шариат охватывает все предписанные Богом порядки и религиозные дела в рамках ислама, которые включают духовную деятельность, семейное право, преступления и наказания, сделки, контракты и т.д.

Эти две разные точки зрения относительно значения и использования шариата в наши дни вызывают двусмысленность

Анализируя некоторые определения, предложенные современными учеными, становится ясно, что существуют некоторые факторы, которые вызывают различия в определении и использовании шариата. Разница возникла из-за разнообразия мнений и принципов, которым следуют исламские ученые. Различные школы мысли (мазхабы) использовали термин шариат по-разному, основываясь на принципах своих школ.

Мохаммед Шериф Бассиуни считает, что концепция шариата включает в себя все предписания Аллаха в Коране, которые были ниспосланы пророку Мухаммеду. Он полагает, что использование термина шариат относится ко всем кораническим предписаниям и принципам, отраженным в стихах Священного Корана. По его мнению, термин «шариат» также включает общие принципы и указания относительно того, что делать или чего не делать. Напротив, некоторые современные ученые считают, что шариат относится только к некоторым ограниченным и специфическим темам, связанным с семейным и наследственным правом и личным статусом. Это демонстрирует, что среди современных исламских ученых нет консенсуса относительно определения термина шариат, и они определяют шариат по-разному:

1. Шариат означает богооткровенный или канонический закон ислама; весь свод правил, регулирующих жизнь мусульман, которые взяты из Священного Корана и сунны.

2. Шариат – исламский закон охватывает как гражданское, так и уголовное правосудие, а также

регулирует поведение отдельных лиц, как личное, так и моральное. Основанный на обычаях свод законов, основанный на Коране и религии ислам.

3. Шариат обычно определяется как вечная и неизменная воля Аллаха для человечества. Идеальный мусульманский закон выражен в Коране и примерах Мухаммеда (Сунна) и развит юриспруденцией (фикх).

В целом, шариат решает множество проблем в обществе, включая личные и социальные вопросы мусульман. Такой широкий охват шариата рисует неоднозначную картину и затрудняет выработку общепринятого и четкого определения шариата.

Таким образом, мусульманские и немусульманские ученые по-разному определяли шариат в разные периоды времени. Тем не менее, нормы шариата не сводятся к регулированию этих отношений; шариат включает в себя также правила внешнего поведения мусульманина, непосредственно или косвенно закрепляя их в определенных нормах. Данную задачу разрешает выполняет фикх – механизм извлечения определенных правил поведения из Корана и Сунны.

В определениях современных исламских ученых относительно шариата есть два основных элемента, которые отличаются от определений классических ученых: во-первых, сфера применения шариата более конкретна и конкретно включает юридические вопросы; во-вторых, основными источниками шариата являются Коран и Сунна. В целом, эти два элемента делают шариат очень близким к фикху, мусульманскому праву, которое было частью шариата в классическом подходе, а не в современном определении. Исламские ученые утверждают, что Коран – это не только религиозная книга, содержащая только моральные принципы, но и юридический документ. Кроме того, в мусульманской юриспруденции существует не только один источник для решения вопросов; в мусульманском праве достаточное количество источников, затрагивающих правовые вопросы, и различные школы мысли (мазхабы), которые рассматривают их по-разному.

Значение и сфера применения «фикха»

Фикх – арабский термин, образованный от корня слова faqīh, означающего «глубокое и всестороннее понимание». В арабской литературе используется слово «фикх» и его субстраты в поисках знаний, мудрости и глубокого понимания исламских законов. Например, Коран использует субстрат фикх, чтобы рассказать историю пророка Моисея, который молился Богу о понимании его речи.

Мусульманского ученого, занимающегося фикхом, называют факихом (fuqahā'), или правоведом.

Фикх в исламе известен как «исламская юриспруденция», одна из динамичных дисциплин, имеющая дело с практическими предписаниями шариата, такими как соблюдение богослужений, ритуалов и социальной законности, вытекающих из первоисточников Корана и сунны. Другими словами, фикх – это правовое измерение ислама и расту-

щее распространение законов шариата. Фикх лучше всего можно определить, как изучение «науки Божественного закона» в исламской юриспруденции. Он охватывает различные подходы и развивается в контексте различных культур и традиций, одновременно используя методологию и положения Божьего откровения. Фикх представляет стремление правоведов к пониманию и практическому применению на практике воли Аллаха и Его руководства в условиях индивидуального, социального, общественного и гражданского взаимодействия.

В ранний исламский период фикх использовался для обозначения всестороннего понимания ислама, включая исламские мысли (акида) и практику (шариат). Однако позже термин «фикх» стал использоваться только для обозначения действий в шариате. Мухаммад Абу Захра, например, в своей книге «Уль аль-Фикх» определяет термин «фикх» как «принципы юриспруденции» [11]. Таким образом, понятие «фикх» не относится к шариату; напротив, речь идет о понимании действий, описанных в шариате.

Являясь основным источником фикха, Коран содержит большое количество метафорических, аллегорических и исторических отрывков, а также формулировок моральных принципов и религиозных предписаний, которые требуют понимания в основном с опорой на хадисы (пророческие традиции) и иджтихад (индивидуальные рассуждения). Учитывая источник и метод, развитие фикха как отдельной дисциплины в истории ислама можно разделить на пять этапов, таких как основание, Становление, Построение, Расцвет и упадок.

Многие исламские ученые считают, что буквальное значение фикха – «абсолютное понимание», независимо от того, является ли проблема очевидной или сложной. Они утверждают, что термин фикх имеет то же значение. Они основываются на использовании данного понятия в некоторых стихах Священного Корана, таких как «и устрани препятствие из моей речи. Чтобы они понимали то, что я говорю». В данном стихе термин фикх был использован в контексте понимания того, что говорит пророк.

Абуданифа, также использовал даны термин для обозначения общих знаний об исламской религии. Он определил фикх как знание мусульманином своих религиозных прав и обязанностей. Согласно его определению, фикх включает мусульманскую юриспруденцию, теологию и моральные вопросы. Но когда развивались исламские науки, теология и моральные вопросы были исключены из фикха, и с того периода времени данный термин в основном относится только к мусульманской юриспруденции.

Определение фикха в Маджаллат аль-Акам аль-Адли свидетельствует о постепенной эволюции концепции фикха в исламском обществе. В 1876 году, он был определен иначе и относился к знаниям о практических предписаниях (акам) шариата и включал их юридическое обоснование. Термин акам относится ко всем принципам, кото-

рые Аллах ниспослал пророку Мухаммаду, принципам, регулирующим социальные, моральные, экономические и другие аспекты жизни мусульман в соответствии с исламом. Он уточняет, что информация об этих порядках должна быть подробной и подкреплена юридической аргументацией.

Изучая использование слова фикх в Священном Коране и других арабских текстах, мы видим, что данный термин использовался для глубокого понимания вербальных и идеологических концепций, а не объективных проблем. Аль-Рагиб аль-Ишфахани, известный мусульманский ученый, также считал, что фикх означает глубокое понимание концепции.

В Священном Коране термин «фикх» использовался для понимания концептуальных и теоретических тем, которые ограничены только вербальными и текстовыми вопросами; он не используется для понимания физических или реальных вещей.

Более конкретно фикх определяется современными исламскими учеными как область юриспруденции. В своем труде «Введение в исламскую общую юриспруденцию» Мустафа Ахмад аз-Зарках отмечает, что термин фикх используется для обозначения точного знания относительно правовых концепций исламского шариата (акам). Это подразумевает под собой понимание полного набора принципов мусульманского права, считающихся фикхом.

Как утверждают ученые «Уль аль-фикх» (наука о принципах фикха), выделяются три основных периода, когда термин фикх использовался в истории мусульманского права. Так, имам Абу Ханифа определил фикх очень широко, как знание мусульманина о его религиозных правах и обязанностях, что включало в себя теологию, моральные вопросы и юриспруденцию [10].

Во второй период мусульманские правоведы добавили ограничения на использование термина «фикх», исключив из его сферы действия теологию, но при этом вопросы морали по-прежнему оставались его составной частью. В эту эпоху термин «фикх» относился к области знаний, которая занимается детальными вопросами, охватываемыми понятием шариата. Подробные сведения были получены из первоисточников мусульманского права, в частности из Корана и Сунны. В этих источниках морально-этические вопросы, которые позже были названы суфизмом (араб.: *taṣawwuf*), были частью фикха.

На третьем этапе, продолжающемся до настоящего времени, под фикхом понимаются те предписания шариата, которые точно связаны с подробными практическими вопросами, полученными из Корана, Сунны и других источников. Согласно этому определению, в понятие фикх включаются только практическая и правовая части шариата.

Вопросы фикха связаны в первую очередь с юридическими формами действий человека в таких ситуациях, которые требуют разъяснения с позиции мусульманского права. В классических трудах по фикху нормы, регулирующие действия

и связанные с ними обстоятельства, представлены в двух категориях: поклонение (ибадат) и социальные договоры и сделки (муамалат).

Данные предписания шариата основаны на конкретных принципах, взятых из Священного Корана, Сунны (хадисов), иджмы. Иджма – это отглагольное существительное арабского слова *ajma'a*, имеющее значения «определение», «собрание», «согласие».

Иджма определяется как соглашение муджахидов народа (т.е. тех, кто в силу знаний имеет право выносить собственное суждение) после смерти Мухаммеда, в любую эпоху, по любому вопросу веры. Не смотря на то, что иджма является самостоятельным источником полномочий, тем не менее, для ее обоснованности необходимы подтверждающие доказательства. В соответствии с классической мусульманской юридической теорией, ни одна иджма не может быть признана правомерной без таких подтверждающих доказательств. Доказательство, полученное напрямую из Корана или Сунны, формально известно как делала (указательное или решающее доказательство), а полученное из отдельных традиционных источников или по аналогии (*кияс*) называется амара (доказательство посредством признаком).

Иджтихад, которое происходит от арабского корня *ja-ha-da*, означает прилагать усилия или стремиться к предельной крайности. В мусульманском праве этот термин относится к процессу индивидуального рассуждения, используемого юристами, чтобы прийти к наилучшему предположению, заключению или интерпретации божественного закона, а идж – это продукт человеческого понимания, стремление интерпретировать и применять исламский закон в пространстве и времени. В мусульманском праве под этим термином понимается процесс индивидуального рассуждения, используемый юристами для того, чтобы прийти к наилучшему предположению, выводу или толкованию божественного закона. Так как законом может являться только предписанная система предписаний Бога или шариат, иджтихад рассматривается как инструмент или способ понимания или установления этого закона, а классическая теория права («усуль аль-фикх») состоит из формулировки и анализа принципов, с помощью которых должно быть достигнуто такое понимание.

Иджтихад – это постоянное толкование и применение шариата. При возникновении новых ситуаций или проблем ученые ищут аналогичную ситуацию, описанную в Коране и Сунне, чтобы понять правило шариата. Если возникают вопросы относительно смысла стиха или традиции, или если откровение и практика ранних мусульман молчат, юристы применяют иджтихад для толкования закона.

Таким образом, иджтихад – это интеллектуальные и научные усилия по определению случаев, которые не могут быть определены на основании ясного текста или предписания (*хукм*, *насс*) или ко-

торые еще не были определены консенсусом (иджма) мусульманских ученых.

Фикх имеет дело главным образом с правовыми формами человеческих действий в ситуациях, которые нуждаются в разъяснении с исламской точки зрения. Таким образом, классические труды по фикху объясняют правила, касающиеся действий и их окружения, по двум категориям, а именно поклонение (хибадат) и социальные контракты и сделки. Предписания в отношении действий (амалия) состоят из пяти категорий, таких как фард или ваджиб (обязательные), мандуб (рекомендуемые), мубах (одобренные), макрух (неодобренные) и харам (запрещенные). Правила, относящиеся к обстоятельствам, включают условие (шарт), причину (сабаб), превентивное средство (мни), разрешение (руксах), принудительное ('азима), действительное (шадих), недействительное (батиль), своевременное (ада) и отложенное (када).

Подходы к соотношению шариата и фикха

Современная исламская правовая мысль рассматривает различные подходы к соотношению шариата и фикха. В рамках каждого подхода внимание сосредоточено на различных аспектах изучаемых нами понятий.

В рамках первого подхода шариат и фикх приравниваются к друг другу. Сторонники данного подхода считают, что фикх выступает в качестве знания о шариате. Шариат наряду с исламской этикой, религиозными догмами и практических норм внешнего поведения, также включает в себя и выводы, сформулированные фикхом. Также следует учесть тот факт, что шариат и фикх зародились в разные временные промежутки, природа их также неоднородна.

В соответствии со вторым подходом фикх и шариат не отождествляемы, при этом они совершенно не пересекаются и не совпадают, между ними проходит невидимая граница. Приверженцы данного направления считают, что шариат «заканчивается» там, где «заканчивается» сфера Корана и Сунны: если в данных источниках нет ответа на конкретный вопрос или решения определенного случая, то ответ (решение) лежит за пределами шариата, и он должен быть найден посредством иджидихада. В мусульманском праве иджидихад относится к процессу индивидуального рассуждения, используемого юристами, чтобы прийти к наилучшему предположению, заключению или интерпретации божественного закона. В мусульманском праве данный термин относится к самостоятельному процессу рассуждения, применяемому юристами для того, чтобы прийти к наилучшему заключению, выводу или толкованию закона.

Приверженцы третьего подхода соотносят шариат как целое и как частное фикх. Шариат охватывает все знания, разработанные в области фикха, но не ограничивается нормативной составляющей шариата, а включает также моральные и ре-

лигиозные положения. В рамках данного подхода предусматривается, что фикху включает только постулаты внешнего поведения и фикх позиционируется как один из компонентов шариата. Шариат не может принять ошибочные выводы фикха, отсюда следует, что такой подход неверен.

Большинство представителей исламского мира в рамках четвертого подхода придерживаются мнения, согласно которому шариат и фикх лишь отчасти отождествляются в том случае, если предписания Корана и Сунны исключают какую-либо двойную трактовку. Однако в остальных случаях, если предписания Корана и Сунны могут трактоваться двойственным образом, их в равной степени следует отнести и к шариату, и к фикху. Между ними сохраняется взаимосвязь посредством внешне практических правил поведения. При этом шариат, как правило, в отличие от фикха, является более емким для понимания термином, так как включает не только практические нормы внешнего поведения человека, но и религиозные догмы и исламскую этику, вследствие чего он выступает регулятором более широкого порядка взаимосвязей, уступая фикху. Одновременно в «юридической» (нормативной) сфере шариат сильно превосходит фикх, поскольку правила внешнего поведения человека в шариате неизменны, т.е. не подлежат изменению и дополнению, а сводятся к нескольким правилам Корана и Сунны, тогда как фикх, являющийся результатом человеческих усилий, может изменяться и дополняться с течением времени. Этот подход вполне обоснован и подкреплен аргументами, но вопрос о том, что шире фикх или шариат, остается открытым.

Пятая позиция основана на точке зрения профессора Л.Р. Сюкияйнена, который видит связь между шариатскими и фикх-нормами с позиции приносящего плоды дерева. При этом шариат выступает как грунт (почва) и независимая от человека корневая система. Это благословение, дарованное Богом, благодаря которому дерево растет. Без благоприятной почвы трудно, если не невозможно, произвести спелые плоды. Но и хорошая почва не гарантирует, что плод сможет вырасти, поскольку это также невозможно без участия человека. По аналогии с фикхом, основой которого является иджидихад, труд, который человек вкладывает в рост дерева, то есть человеческая деятельность, является дополнением к божественным предписаниям и превращает их в нечто конкретное, способное удовлетворить потребности человека. В результате, отмечает профессор Л.Р. Сюкияйнен, в плодах дерева невозможно отделить божественное начало от человеческих усилий. Из этого следует, что, по мнению Л.Р. Сюкияйнена, шариат и фикх равнозначны.

Выводы

Авторы данной статьи считают, что шариат, базирующийся на Коране как божественном откровении, намного важнее для верующего мусульманина, не-

жели деятельность человека (фикх), но также авторы не отрицают и результаты деятельности людей. Фикх во многом определяется шариатом, а Шариат зависит от фикха, поскольку только посредством иджихада возможно постижение знания шариата. С теологической точки зрения Шариат более важен, так как знание шариата, полученное из откровения, требуется исключительно для человека, а не шариату.

Фикх не следует путать с шариатом. Первое относится к предписанию действий, изложенному в источниках или его обстоятельствах, в то время как второе относится ко всему откровению и законам, закрепленным в Коране и отраженным в сунне. Рассматривая историческую перспективу, шариат можно определить как статичный и неизменный, в то время как фикх может изменяться в зависимости от обстоятельств и контекстов. В то время как шариат охватывает более общие рамки принципов ислама, фикх зависит от конкретного случая и, следовательно, варьируется по усмотрению юристов. Поскольку фикх имеет дело с совокупностью правовых взглядов из источников шариата, он имеет более техническое юридическое значение, чем шариат, который включает моральные законы.

Шариат – не свод предписаний, он является скорее развивающимся и живым организмом. Существует значительная доля согласия между различными школами, так как отправная точка и фундаментальные принципы абсолютно тождественны. Расхождения в подходах обусловлены влиянием экономических, политических, исторических и культурных факторов.

Шариат – не только комплекс законодательных актов, но и целостный кодекс поведения, который включает в себя общественную и частную сферы жизни человека. В отличие от других правовых систем, шариат оперирует внутренней и внешней сферами человека (внутренняя совесть и внешние социальные отношения). Посредством взаимодействия ритуалов, верований, действий и общественного сознания индивида пытаются контролировать.

Шариат и фикх все же имеют единую связь между собой, однако не являются одним и тем же, это обусловлено более широким охватом шариата и фикха, или другими словами, когда обсуждаются вопросы фикха, то обязательно обсуждается шариат, но также при обсуждении шариата не обязательно обсуждается фикх, так как охват шариата, который включает в себя акиду, поклонение и закон, намного шире по сравнению с охватом фикха, который включает в себя только действия человека. Следовательно, следует понимать, что в принципе природа бессмертного, непреходящего и непостоянного, заложенная в шариате, может быть применена конкретно в определенных условиях и ситуациях путем применения, с другой стороны, фикх и применение должны быть согласованы и не должны противоречить шариату, поскольку истинность обоснована целями откровения,

а не противоположна откровению, следуя здравому смыслу.

Шариат включает в себя юридические, моральные и даже связанные с верой вопросы; с другой стороны, фикх, ограничен акам законными предписаниями. Можно сказать, что фикх является подкатегорией шариата. Фикх – это те юридические мнения, которые выводятся из источников шариата, в основном Корана и Сунны, и могут меняться со временем.

Безусловно, в толковании шариата через труды по фикху, следует придерживаться действующих норм, что не является случаем неправильного толкования и определения ошибки, так чтобы она была понятна, хотя фикх может варьироваться, поэтому фикх должен следовать откровению.

Необходимо понимать, что государственный характер шариата, абсолютного, вечного, Единого и священного, поскольку он исходит непосредственно от Аллаха, и поэтому он не может и не должен быть изменен ни одним человеком, в то время как фикх наука относительная и подверженная сильному влиянию условий места и времени.

Законы шариата – дисциплины и принципы, которые регулируют поведение мусульманина по отношению к самому себе, семье, соседям, сообществу, городу, нации и мусульманскому государству в целом, умме (мировому мусульманскому сообществу) и всем, кто находится под юрисдикцией ислама. Подобным образом, шариат регулирует взаимодействие между сообществами, группами, социальными и экономическими организациями. В шариате закреплены принципы, по которым классифицируются и выполняются все общественные действия в рамках системы общего управления государством.

Литература

1. Кулиев Д.Т. Шариат и фикх: понятие, источники и соотношение [Электронный ресурс] // Исламоведение. 2020. № 1 (43). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/shariat-i-fikh-ponyatie-istochniki-i-sootnoshenie> (дата обращения: 12.04.2023).
2. Prawitra Th. Distinction of Characteristics Sharia and Fiqh on Islamic Law [Электронный ресурс] // Application of Qowaid Fiqhiyyah in Contemporary Islamic Law. 2016. № 31 Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/328044637> (дата обращения: 12.04.2023).
3. Муромцев Г.И. Мусульманское право в контексте правогенеза [Электронный ресурс] // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 1. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-kontekste-pravogeneza> (дата обращения: 12.04.2023).
4. Khan A. The Reopening of the Islamic Code: The Second Era of Ijtihad [Electronic resource] // Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/41373920> (date of reference: 12.04.2023)

5. Mir H. Islam, Custom and Human Rights in_Islam_Challenges and_Prospects [Electronic resource] Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/332464033_Social_Justice (date of reference: 12.04.2023).
6. Сюкияйнен Л.Р. Исламское право в правовых системах мусульманских стран: от доктрины к законодательству [Электронный ресурс] // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2008. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-pravo-v-pravovyh-sistemah-musulmanskih-stran-ot-doktriny-k-zakonodatelstvu> (дата обращения: 18.04.2023).
7. Al-Ṭabarī M. Tafsīr al-Ṭabarī (Jāmi' al-Bayān fī Ta'wīl al-Qur'ān) // Mu'assasa al-Risāla. – 2000. – Т. 17.
8. Керимов Г.М. Ислам, шариат, мусульмане в странах Запада [Электронный ресурс] // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2010. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-shariat-musulmane-v-stranah-zapada> (дата обращения: 18.04.2023)
9. Коран / пер. смыслов и коммент.; пер. с араб., комм. Э. Кулиева. – 11-е изд. – М., 2016. – 816 с.
10. Al-Kaisi M. Abu Nu'aym Al-Iṣfahānī (d. 430/1038): Conflicting Opinions [Electronic resource] // Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/357706401_Abu_Nu'aym_Al-Isfahani_d_4301038_Conflicting_Opinions (date of reference: 12.04.2023).
11. Sezgin Y. A Global and Historical Exploration: Legislative Reform in Muslim Family Laws In Muslim-Majority Vs. Muslim-Minority Countries [Electronic resource] // Mode of access: Law & Policy 45(2) Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/368514073_/link/64061570b1704f343faaa7b6/download (date of reference: 12.04.2023).
12. Сюкияйнен Л.Р. Фихх – источник современного права в арабских странах // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 4. С. 222–245.

THE SOURCES OF MUSLIM LAW: SHARIAH AND FIQH

Mamutov Z.M.

Transbaikal State University,

At present in the system of the Russian law theory there is no unified approach to comprehension of the Muslim law, its correlation with Shariah and fiqh, and interrelation of legal and religious proper. Misinterpretation of the key provisions of Shariah is the result of a deliberate distortion of Shariah prescriptions that leads to incorrect implementation of the norms in the legislation of Muslim states. In the rest of the studies, scholars, looking at various issues of jurisprudence, follow a certain methodology, based on which it is possible to understand the question of the relationship between Shariah and fiqh. The novelty of this study lies in the identification and anal-

ysis of different theoretical positions and approaches in the works on Islamic jurisprudence on the relationship between the concept of Shariah and Fiqh. Muslim law has always been central to Islamic teachings and perceived not only as a system of norms, but also as a universal political and legal doctrine. A full understanding of the specifics of Muslim law requires knowledge of the sources of that law by which specific legal norms are formed.

The author considers the methodological ambiguity and proves the necessity to separate the concepts of “Sharia” and “Fiqh”, within the framework of Muslim law.

Keywords: Shariah, fiqh, Muslim law, ijma, ijihad.

References

1. Kuliev D.T. Shariah and fiqh: concept, sources and correlation [Electronic resource] // Islamology. 2020. № 1 (43). Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/shariat-i-fikh-ponyatie-istochniki-i-sootnoshenie> (date of reference: 12.04.2023). (In Rus)
2. Prawitra Th. Distinction of Characteristics Sharia and Fiqh on Islamic Law [Электронный ресурс] // Application of Qowaid Fiqhiyyah in Contemporary Islamic Law. 2016. № 31 Режим доступа: <https://www.researchgate.net/publication/328044637> (дата обращения: 12.04.2023). (In Engl)
3. Muromtsev G.I. Muslim law in the context of legal genesis [Electronic resource] // Law. Journal of Higher School of Economics. 2021. № 1. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/musulmanskoe-pravo-v-kontekste-pravogeneza> (date of reference: 12.04.2023). (In Rus)
4. Khan A. The Reopening of the Islamic Code: The Second Era of Ijtihad [Electronic resource] // Mode of access: <https://www.researchgate.net/publication/41373920> (date of reference: 12.04.2023). (In Engl)
5. Mir H. Islam, Custom and Human Rights in_Islam_Challenges and_Prospects [Electronic resource] Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/332464033_Social_Justice (date of reference: 12.04.2023). (In Engl)
6. Sukiainen L.R. Islamic law in the legal systems of the Muslim countries: from doctrine to law [Electronic resource] // Law. Journal of Higher School of Economics. 2008. № 2. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/islamskoe-pravo-v-pravovyh-sistemah-musulmanskih-stran-ot-doktriny-k-zakonodatelstvu> (date of reference: 18.04.2023). (In Rus)
7. Al-Ṭabarī M. Tafsīr al-Ṭabarī (Jāmi' al-Bayān fī Ta'wīl al-Qur'ān) // Mu'assasa al-Risāla. – 2000. – Т. 17. (In Engl)
8. Kerimov G.M. Islam, Sharia, and Muslims in the Countries of the West [Electronic resource] // State, Religion, and Church in Russia and Abroad. 2010. № 2. Mode of access: <https://cyberleninka.ru/article/n/islam-shariat-musulmane-v-stranah-zapada> (date of access: 18.04.2023). (In Rus)
9. Qur'an / translations and commentaries; translations from Arab, comments. In: Kuliev, E. The Qur'an. – 11th ed. – М., 2016. – 816 с. (In Rus)
10. Al-Kaisi M. Abu Nu'aym Al-Iṣfahānī (d. 430/1038): Conflicting Opinions [Electronic resource] // Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/357706401_Abu_Nu'aym_Al-Isfahani_d_4301038_Conflicting_Opinions (date of reference: 12.04.2023). (In Engl)
11. Sezgin Y. A Global and Historical Exploration: Legislative Reform in Muslim Family Laws In Muslim-Majority Vs. Muslim-Minority Countries [Electronic resource] // Mode of access: Law & Policy 45(2) Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/368514073_/link/64061570b1704f343faaa7b6/download (date of reference: 12.04.2023). (In Engl)
12. Sukiainen L.R. Fiqh as a source of modern law in Arabian countries // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 4. С. 222–245. (In Rus)

Новикова Юлия Александровна,

аспирант, 2 курс, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова
E-mail: jurist-novikova@yandex.ru

Эта статья посвящена изучению лоббизма в Соединенных Штатах, который имеет давнюю историческую традицию и правовую основу. Также исследуется сам термин «лобби» как механизм влияния организованных групп на законодательство и предпосылки для его зарождения и закрепления в политической системе США. Проводится исследование правового становления и развития лоббизма как первоначально неформальной практики, постепенно регулирующей требования о регистрации лоббистов и заканчивая всеобъемлющими законами об их деятельности. Автор приходит к выводу, что лоббизм имеет важную роль в принятии участия групп интересов, организованных меньшинств и различных объединений в политической и общественной жизни Соединенных Штатов Америки, а также лоббизм имеет глубокие корни в самой общественно-политической системе государства и является частью представительной формы американской демократии.

Ключевые слова: лоббизм, лобби, лоббистские группы, группы интересов, Соединенные Штаты Америки, правовое становление.

Лоббизма в Соединенных Штатах понимается как практика оказания давления, к которой прибегают определенные группы, чтобы повлиять на общественное мнение в отношении социально-политических решений [1]. Такая деятельность имеет давнюю историческую традицию в Соединенных Штатах, где она пользуется правовой защитой на самом высоком уровне, поскольку Первая поправка к Конституции предоставляет американцам право ходатайствовать перед своими правительством [2]. В основе Первой поправки лежит концепция Джеймса Мэдисона о фракциях. Он утверждал, что для защиты меньшинств от тирании большинства крайне важно избегать ситуаций, когда большинство может объединиться вокруг общих интересов или сотрудничать для продвижения только своей программы не обращая внимание на желания меньшинств. Для решения этой проблемы была создана система сдержек и противовесов, а также двухпартийная структура. Американская политическая культура по своей сути поддерживает лоббирование как механизм сохранения равновесия между неорганизованным большинством и хорошо организованным меньшинством [3].

Лобби означает организованную группу людей, созданную для оказания давления или осуществляющую действия в пользу определенных интересов с целью продвижения решений выгодных для конкретной части общества, индустрии или объединения. Термин «лобби» впервые появился в американской прессе в 1820 году и описывал членов Сената, которые взаимодействовали в вестибюле здания с членами Палаты представителей для одобрения определенных законов. Известная история утверждает, что этот термин возник в отеле «Уиллард» в Вашингтоне, округ Колумбия. В ней говорится, что президент Улисс С. Грант использовал это слово для описания политических деятелей, которые часто посещали вестибюль отеля и как они покупали президенту напитки, чтобы попытаться повлиять на его политические решения [4].

Этимологически происхождение слова обнаруживается в Англии конца XVIII века. Доступ граждан в Палату общин, нижняя палата английского парламента, был запрещен, поэтому встречи с депутатами проводились в коридорах или залах ожидания, называемых по-английски «lobby». Этот английский термин буквально означает слово «зал». Значение лобби как «группы интересов» началось как раз таки со специфического вестибюля, который в 1640 году соединял Палату общин с центральной комнатой старого Вестминстерского дворца. В нем британские парламентарии получали и комментировали сообщения и отчеты обще-

ственных сил до и после заседаний. Этот обычай сохранился и в сегодняшнем Вестминстере. Из-за этого концептуального происхождения лоббизма также известно как «лоббирование», и тех, кто занимается этой деятельностью, на английском языке обозначаются как «lobbyists» (лоббисты).

Термин лоббирование впервые был использован в правовой сфере в Соединенных Штатах в 1829 году, во время правления администрации президента Эндрю Джексона, для обозначения деятельности лоббистских групп, добивавшихся привилегий в пользу крупных нью-йоркских банкиров. Во всяком случае, уже в 1876 году в Палате представителей США и ссылаясь на агентов, искавших помощи или услуг, как на посредников перед публичной властью, была принята резолюция, требовавшая регистрации лоббистов. Его первое нормативное регулирование было дано в том году, когда Нижняя палата своим постановлением потребовала, чтобы лоббисты регистрировали свою деятельность в своем секретариате [5].

Важным аспектом регулирования лоббирования в Соединенных Штатах является то, что оно также позволяет иностранным заинтересованным группам (правительствам, профсоюзам, компаниям) продвигать свои программы в этой стране с помощью контрактов с лобби или агентствами по связям с общественностью США. Правовой основой для лоббистов, которые представляют или хотят продвигать интересы иностранных групп, особенно в других правительствах, является Закон о регистрации иностранных агентов (FARA), принятый в 1938 году [6]. Эти агенты должны зарегистрироваться в Министерстве юстиции и обязаны отчитываться о своей финансовой и коммерческой деятельности. По логике вещей, эти лоббисты должны проходить проверку, которую Министерство юстиции может провести в любое время. Основная работа этих лоббистских групп будет заключается в лоббировании интересов иностранных правительств [7].

Следующим этапом становления лоббизма считается 1946 год, когда был принят Федеральный закон о регулировании лоббирования [8], призванный нормализовать лоббирование внутренних дел на парламентском уровне, одобренный после сорока лет обсуждений. Закон, имеющий множество пробелов, в частности потому, что он не регулировал действия лобби по отношению к исполнительной власти, а также действия регулирующих комиссий в процессе принятия закона, и даже закон, который был описан как имеющий «запутанный и двусмысленный характер».

Только в 1995 году, во времена Билла Клинтона, был принят Закон о раскрытии информации о лоббировании (LDA), который также включал лоббистские действия, касающиеся почти всех должностных лиц Конгресса, а не только конгрессменов [9]. Этот Закон был направлен на так называемых «профессиональных лоббистов», то есть тех, чья работа заключается в осуществлении лоббистской деятельности от имени третьей стороны.

В новом законодательстве более четко определены понятия «лоббизм» и «лоббистская деятельность и контакты». Принимая Закон о раскрытии информации о лоббировании, американский Конгресс прямо заявил, что правительство требует осведомленности общественности о попытках оплачиваемых лоббистов повлиять на процесс принятия решений как в законодательной, так и в исполнительной ветвях федерального правительства [10]. Раскрытие личности и масштабов усилий наемных лоббистов по оказанию влияния на федеральных чиновников при проведении действий правительства было призвано повысить доверие общественности к честности правительства.

Закон о раскрытии информации о лоббировании 1995 года различает два типа лоббизма: тот, который можно назвать внутренним, который соответствует сотрудникам организации, осуществляющим лоббистскую деятельность от имени организации, и внешний, который соответствует компаниям, основной деятельностью которых является лоббизм.

Улучшения закона 1995 года заключались в следующем: 1. уточнение тех, кто подлежит регулированию, путем введения более подходящих определений понятий «лоббист» и «лоббистская деятельность»; 2. максимально количественное и четкое определение требований, необходимых для регистрации лоббистов и обязанности подавать отчет о своей финансовой деятельности два раза в год; 3. лоббисты, представляющие иностранные правительства и политические партии, продолжали регистрироваться, как и ожидалось, в Отделе регистрации иностранных агентов (FARA); в то время как лоббисты, представляющие иностранные частные интересы, могут следовать за Законом о раскрытии информации о лоббировании.

Благодаря расширению регулирования лоббирования, закрепленному в Законе о технических поправках к Закону о раскрытии информации о лоббировании 1998 года, Законе о честном лидерстве и открытом правительстве 2007 года и Руководстве по Закону о раскрытии информации о лоббировании 2008 года, правовая база была расширена и теперь включает также давление, оказываемое лобби на исполнительную власть в различных странах и уровнях правительства [11].

В соответствии с этим законом Министерство юстиции США публикует полугодовой отчет в последний день июня и декабря каждого года [12], в котором перечисляется, какие лоббистские фирмы представляют какие иностранные заинтересованные группы, сколько денег они получают за свои услуги, продолжительность таких трудовых отношений, а также конкретной деятельности, которую они осуществляют для продвижения интересов своих подчиненных. В случае, если фирма не регистрирует свою деятельность, она получит очень высокие экономические и уголовные санкции, в том числе будет обвинена в измене родине; отсюда важность того, чтобы лоббисты, продвигающие иностранные интересы, строго соблюдали закон [13].

Таким образом, лоббизм можно понимать как деятельность, целью которой является улучшение политических решений посредством реалистичного восприятия компаний, ассоциаций или групп граждан. В настоящее время в США эта деятельность охраняется законом и осуществляется в основном компаниями, нанятыми в качестве посредников между интересами определенных секторов и законодательной властью. Лоббирование в Соединенных Штатах имеет долгую историю становления, начавшуюся с самого рождения государства и имеющую корни в политическо-правовой системе, глубоко укоренившуюся в конституционных правах граждан страны. Лоббизм появился благодаря Первой поправке, в которой были закреплены гарантии подавать петиции правительству и таким образом оказывать влияние на принятие решений, эта деятельность превратилась из неформального взаимодействия в четкую систему влияния, направленную на обеспечение баланса интересов организованных меньшинств и неорганизованного большинства.

Правовое становление лоббизма заключалось в постепенном введении регулирующих мер этой деятельности, таких как Федеральный закон о регулировании лоббирования 1946 года, Закон о раскрытии информации о лоббистской деятельности 1995 года, Закон о честном лидерстве и открытом правительстве 2007 года и Руководство по Закону о раскрытии информации о лоббировании 2008 года, что позволило повысить его прозрачность и подотчетность. Эти законодательные акты обеспечивают осведомленность общественности о попытках повлиять на принятие решений на различных уровнях государственного управления, как внутри США, так и от имени иностранных акторов, устанавливая обязательную регистрацию, раскрытие финансирования и периодическую отчетность.

Литература

- Lowery D. Why Do Organized Interests Lobby? A Multi-Goal, Multi-Context Theory of Lobbying // *Polity*, 2007. vol. 39. p. 31.
- Поправки к Конституции США. 1992 г. [Электронный ресурс] URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CONAN-1992/pdf/GPO-CONAN-1992-7.pdf> (дата обращения: 07.01.2025).
- Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // *Вестник экономики, управления и права*. 2008. № 4 (5). [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha> (дата обращения: 07.01.2025).
- Birnbaum J.H. Lobbyists. Why the Bad Rap? *American Politics, Classic and Contemporary Readings*. 2005. p. 319.
- Clive S.T. Interest Group Regulation Across the United States: Rationale, Development and Consequences // *Parliamentary Affairs Review*, 1998, vol. 51. p. 504.
- U. S. Government. Foreign Relations and Intercourse: Title 22, Washington, D.C., Authenticated U.S. Government Information. 2010. p. 252.
- U. S. Government. Foreign Relations and Intercourse: Title 22, Washington, D.C., Authenticated U.S. Government Information. 2010. p. 252–255
- Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // *Вестник экономики, управления и права*. 2008. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha> (дата обращения: 07.01.2025).
- Руденкин В.Н. Лоббизм, группы интересов и коррупция в США // *Вестник экономики, управления и права*. 2008. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha> (дата обращения: 07.01.2025).
- Богдановская И.Ю. Правовое регулирование лоббизма в США // *Право и политика*. 2002. № 3. С. 48–49.
- U. S. House of Representatives. Lobbying Disclosure Act Guidance. Washington, D.C., – 2008. – 01.01. – URL: http://lobbyingdisclosure.house.gov/amended_lda_guide.html
- U.S. Department of Justice. Foreign Agents Registration Act (fara), – 2025. – 07.01. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-reports-congress>
- Atieh J. Foreign Agents: Updating fara to Protect American Democracy // *Journal of International Law*, 2010. vol. 31. p. 1054

HISTORICAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF LOBBYING IN THE USA

Novikova Y.A.

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov

This article is devoted to the study of lobbying in the United States, which has a long historical tradition and a legal basis. The term “lobby” itself is also studied as a mechanism of influence of organized groups on legislation and the prerequisites for its origin and consolidation in the US political system. The study examines the legal formation and development of lobbying as an initially informal practice, gradually regulated by the requirements for registration of lobbyists and ending with comprehensive laws on their activities. The author concludes that lobbying has an important role in the participation of interest groups, organized minorities and various associations in the political and public life of the United States of America, as well as lobbying has deep roots in the socio-political system of the state itself and is part of the representative form of American democracy.

Keywords: lobbying, lobby, lobby groups, interest groups, the United States of America, legal formation.

References

- Lowery D. Why Do Organized Interests Lobby? A Multi-Goal, Multi-Context Theory of Lobbying // *Polity*, 2007. vol. 39. p. 31.
- Amendments to the Constitution of the USA. 1992. [Electronic resource] URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/GPO-CONAN-1992/pdf/GPO-CONAN-1992-7.pdf> (date of request: 07.01.2025).
- Rudenko V.N. Lobbying, interest groups and corruption in the USA // *Bulletin of Economics, Management and Law*. 2008. No. 4 (5). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/arti>

- cle/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha (date of request: 07.01.2025).
4. Birnbaum J.H. Lobbyists. Why the Bad Rap? American Politics, Classic and Contemporary Readings. 2005. p. 319.
 5. Clive S.T. Interest Group Regulation Across the United States: Rationale, Development and Consequences // Parliamentary Affairs Review, 1998, vol. 51. p. 504.
 6. U. S. Government. Foreign Relations and Intercourse: Tittle 22, Washington, D.C., Authenticated U.S. Government Information. 2010. p. 252.
 7. U. S. Government. Foreign Relations and Intercourse: Tittle 22, Washington, D.C., Authenticated U.S. Government Information. 2010. p. 252–255
 8. Rudenkin V.N. Lobbying, interest groups and corruption in the USA // Bulletin of Economics, Management and Law. 2008. No. 4 (5). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha> (date of request: 07.01.2025).
 9. Rudenkin V.N. Lobbying, interest groups and corruption in the USA // Bulletin of Economics, Management and Law. 2008. No. 4 (5). [Electronic resource] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lobbizm-gruppy-interesov-i-korrupsiya-v-ssha> (date of request: 07.01.2025).
 10. Bogdanovskaya I.Y. Legal regulation of lobbying in the USA// Law and politics. 2002. No. 3. pp. 48–49.
 11. U. S. House of Representatives. Lobbying Disclosure Act Guidance. Washington, D.C., – 2008. – 01.01. – URL: http://lobbyingdisclosure.house.gov/amended_lda_guide.html
 12. U.S. Department of Justice. Foreign Agents Registration Act (fara), – 2025. – 07.01. – URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-reports-congress>
 13. Atieh J. Foreign Agents: Updating fara to Protect American Democracy // Journal of International Law, 2010. vol. 31. p. 105.

Роль боярина Юрия Алексеевича Долгорукова в подавлении бунтов и восстаний

Осипова Надежда Александровна,

аспирант Департамента истории, Московский городской педагогический университет
E-mail: martynova67@yandex.ru

В статье описана политическая обстановка в XVII в. Обозначена роль бояр в реализации государственной власти. Рассматривается роль боярина Юрия Алексеевича Долгорукова в подавлении народных восстаний XVII в. Анализируются военные и административные действия боярина в борьбе с крупными мятежами, включая восстание Степана Разина (1670–1671). Особое внимание уделяется стратегии Долгорукова в координации царских войск, ликвидации очагов восстаний в Поволжье, а также его роли в укреплении центральной власти. Сделан вывод о том, что жесткие, но эффективные меры, предпринятые Долгоруковым, способствовали восстановлению стабильности в стране.

Ключевые слова: Юрий Алексеевич Долгоруков, восстание, Алексей Михайлович, Степан Разин, стрелецкое восстание.

В XVI–XVII вв. бояре играли ключевую роль в государственном управлении, обладая полномочиями в таких сферах, как законодательство, внутренняя и внешняя политика, налогообложение, военные кампании, судопроизводство, управление вотчинами и хозяйством. Бояре сохраняли свое влияние вплоть до конца XVII в., до прихода ко власти Петра I, которому удалось усилить вертикаль власти и ослабить центробежные процессы в системе государственного управления.

Тем не менее, в рассматриваемый нами период – середина XVII в. – бояре все еще сохраняли свой статус активных и влиятельных участников системы управления государством. Цари окружали себя представителями аристократии, и за определенные заслуги некоторые из них могли быть приближены к правителю, а другие – отправлены на менее престижные позиции. Помимо заслуг на государственной службе, важным критерием для включения представителей боярства в число приближенных к царю была клановая принадлежность («царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе» [3, с. 27]). На тот момент в стране существовало несколько известных дворянских родов, представители которых традиционно составляли политическую элиту того времени. Речь идет, в первую очередь, о потомках Рюриковичей – Шуйские, Одоевские, Черкасские и проч., а также о Хованских, Романовых, Нарышкиных, Милославских и др.

Одним из наиболее влиятельных кланов на данном историческом этапе и в отечественной истории в целом следует считать Долгоруковых. Долгоруковы (Долгорукие) – княжеский род, происходящий от святого князя М.В. Черниговского. Первым носителем фамилии «Долгорукий» стал князь Иван Андреевич Оболенский, прозванный так за свою мстительность и обширное влияние. Род Долгоруковых дал отечественной истории множество видных государственных деятелей, полководцев, литераторов. В роду насчитывалось, кроме того, шесть бояр, четыре окольничих, один фельдмаршал.

Одним из наиболее известных и влиятельных представителей этого дворянского рода принято считать Юрия Алексеевича Долгорукова. Боярин Ю.А. Долгоруков был видным государственным и военным деятелем XVII в., занимавшим высокие должности при дворе царя Алексея Михайловича и его сына Фёдора Алексеевича. Во времена правления царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) и после его смерти Ю.А. Долгоруков считался, согласно историку В.Н. Татищеву, одним «из главных

боляр, которые большую силу в управлении имели» [цит. по 5, с. 10].

Помимо дипломатической деятельности, реализации судебных функций, администрирования, военного командования, Ю.А. Долгоруков был также известен за заслуги в области обеспечения государственной безопасности. Речь идет, прежде всего, о подавлении восстаний и бунтов, характерных для рассматриваемой нами эпохи.

Царь Алексей Михайлович Тишайший находился у власти в достаточно тяжелый, переходный этап в истории страны, при этом он проводил политику централизации власти и усиления крепостного права, что стало одной из причин народных волнений, недовольств и восстаний. Масштаб некоторых из них был настолько велик, что для их нейтрализации приходилось аккумулировать военный ресурс и направлять на место восстания лучших военачальников [1, с. 158]. Так, собственно, на места народных волнений по велению царя неоднократно направлялся и Ю.А. Долгоруков.

Следует сказать, что народные движения в истории страны всегда с особой тщательностью рассматривались отечественными историками и политологами. По мнению многих исследователей, народные волнения и бунты XVII в. стали значимым историческим явлением, оказавшим колоссальное влияние на развитие русского общества [4, с. 27]. Народные восстания и бунты следует рассматривать не просто как некие деструктивные эпизоды российской истории, а как индикаторы общественных отношений, социально-экономической, внутривластной обстановки соответствующего периода. Народный протест выступает сложным социально-психологическим и поведенческим феноменом, обусловленным повышенной эмоциональной напряженностью и агрессивностью масс в условиях кризиса. Как деструктивный активизм толпы. Народные волнения можно понимать в качестве массовой реакции на социальные условия среды, как результат разрушения доверия между социальными субъектами и представителями власти [1, с. 163].

Подавление народных восстаний было одним из важнейших направлений деятельности Ю.А. Долгорукова. Будучи воеводой в Путивле, Ю.А. Долгоруков был вызван в Москву, где в 1648 г. произошло восстание, т.н. «Соляной бунт». Для того, чтобы удовлетворить требования протестующих, был созван Земский Собор, задачей которого стало составление нового законодательства – Соборного Уложения. Князь Ю.А. Долгоруков был назначен главой Нижней (Ответной) палаты Земского Собора. На данном этапе в полномочия Ю.А. Долгорукова входило обсуждение и составление проекта законодательства о восстановлении посада и об обложении посада налогом – т.н. посадским тяглом. Реформа в области «строения посадов» предполагала возвращение в последний всех посадских людей, сбежавших из него в «белые слободы» [8].

В последующем, в 1663 г., Ю.А. Долгоруков был назначен главой приказа Казанского дворца, в подчинение которого находились Казань, Астрахань, уезды, расположенные по Средней и Нижней Волге, Башкирия. Это назначение было во многом обусловлено эскалацией социально-экономической обстановки в регионе. В июле 1662 г. началось восстание местного населения в Башкирии, причинами которого стали произвол и насилие царских воевод, незаконные конфискации земель и злоупотребления в области сбора налогов.

Летом и осенью 1663 г. ситуация обострилась: местное население – башкиры, манси и сибирские татары – напали на армию полковника Д. Полуэктова и нанесли несколько сокрушительных поражений царским войскам. К мятежу примкнули представители башкирских феодалов, которые, в свою очередь, стали сотрудничать с царевичем Кучуком. Восстание народных масс и феодалов привело к тому, что были перекрыты все дороги, ведущие из Сибири в Москву. Местные воеводы оказались не в состоянии оказать противостояние повстанцам, в связи с чем на местность был направлен Ю.А. Долгоруков. Ю.А. Долгоруков принял эффективные меры по ликвидации восстания, выработал новую тактику нападения для правительственных войск. Те повстанцы, которые отказались от дальнейшего участия в восстании, были помилованы князем – это было сделано для того, чтобы сохранить высокую долю лояльных лиц среди местного населения [8].

Одним из наиболее значительных моментов биографии боярина Ю.А. Долгорукого стало подавление восстания Степана Разина. По мнению многих историков, среди основных причин восстания под началом С. Разина можно назвать реформы, способствовавшие закреплению крестьян. Так, по условиям Соборного Уложения от 1649 г. беглые крестьяне объявлялись в бессрочный сыск. Особое недовольство вызвало ограничение вольности в казачьих станах.

Существует также иная точка зрения: С. Разин начал аккумулировать армию повстанцев по соображениям мести за убитого брата: «месть за брата, погубленного боярином, князем Юрием Алексеевичем Долгоруким в 1665 г.» [цит. по 7, с. 239]. Согласно имеющимся сведениям, брат С. Разина был убит во время военного похода на Польшу – его наказали за непослушание и, предположительно, дезертирство. По мнению ряда историков, служба брата С. Разина в Польше была завершена, в связи с чем он хотел вернуться на Дон, но Ю.А. Долгорукий был с этим не согласен. Таким образом брат С. Разина был приговорен к казни через повешение [7, с. 239].

Восстание С. Разина, произошедшее в 1670–1671 гг., является одним из наиболее ярких событий отечественной истории [6, с. 160]. Данное событие оставило свой отпечаток в народном сознании, в фольклоре, в литературе и в музыке. Восстание началось в 1670 г. с похода С. Разина на Поволжье, где восставшие захватили несколько

крупных городов, в т.ч. Астрахань, Саратов и Самару. В требованиях бунтовщиков было свержение бояр и воевод. Ю.А. Долгоруков на данном этапе находился на гражданской службе в Москве, но нарастание масштаба народных волнений обусловило потребность в его командировании на территорию Поволжья. Таким образом боярин был назначен командующим войском столичных дворян для борьбы с повстанцами. Несмотря на преклонный возраст Ю.А. Долгорукого, царь Алексей Михайлович обратился к нему с просьбой о помощи в подавлении бунта. Князь Долгоруков принял командование над московскими войсками, действовавшими в окрестностях Арзамаса и Нижнего Новгорода.

По прибытию к армии, находившейся на данный момент в осаде, Ю.А. Долгоруков обнаружил, что войска находятся в тяжелом положении. Войско было лишено запасов продовольствия, боеприпасов и орудий из-за блокировки дорог повстанцами. Кроме того, армия была крайне малочисленной, нередки были случаи дезертирства, проявления нелояльности к военному руководству. С точки зрения военной тактики положение также было весьма затруднительным: повстанцы под руководством С. Разина окружили Арзамас с трех сторон – с юга, севера и востока.

Тем не менее, и в таких условиях боярин Ю.А. Долгоруков принял решение о подготовке к наступлению. Под его командованием находились воеводы – думный дворянин Леонтьев и окольный князь Щербатов – и они сумели одержать ряд побед, сократить численность отрядов повстанцев и вынудить их отступить. Все это позволило снять осаду Арзамаса и перейти к полномасштабной наступательной операции [2].

Армия была направлена к Нижнему Новгороду, который находился под угрозой захвата, имея при этом стратегическое значение для сохранения целостности государства. Был, кроме того, атакован самый крупный оплот мятежников – село Мурашкино. Одному из воевод, Лихареву, удалось очистить дорогу путь до Темникова – одного из центров восстания и взять его под контроль. Прибывший в Темников Ю.А. Долгоруков окончательно закрепил власть над этой территорией и продвинулся к Красной Слободе [2].

В последующем управление царскими войсками существенно осложнилось из-за отсутствия координации между отдельными подразделениями, рассредоточенными на большой территории. Так, к примеру, в Казани наступательные действия осуществлял воевода князь Урусов, армия которого действовала в направлениях, не согласованных с другими войсками. Для того, чтобы обеспечить согласованность действий, Урусов был направлен обратно в Москву, и все полномочия по руководству военной операцией перешли к боярину Ю.А. Долгорукову.

Данная мера позволила существенно ускорить подавление восстания. Ю.А. Долгоруков направил воеводу Панина в район Алатыря, где его армия объединилась с армией князя Ю.Н. Барятинско-

го. Совместными усилиями очаги мятежа в регионе были ликвидированы. Затем был освобожден Саранск и его окрестности. Князь Д. Барятинский взял под контроль Ядрин и Курмыш, а князь Щербатов – Троицкий Острог, оба Ломова и Пензу. Воевода Я. Хитрово успешно действовал в Шацкой провинции, в т.ч. в окрестностях Керенска [2].

На данном этапе последним регионом, где наблюдались скопления повстанцев, был северо-восток. На этой территории действовали воеводы Леонтьев и Данила Барятинский. Им удалось очистить Алатырский уезд и подавить бунты в Козьмодемьянске, Ядрине, Курмыше, Ветлуге и Унже [2]. К концу января 1671 г. восстание было подавлено. Разин был выдан властям в 1671 году, отправлен в Москву и казнён на Красной площади.

За успех в подавлении мятежа Ю.А. Долгоруков был удостоен царской награды – ему было даровано село Шкин с прилегающими деревнями. Восстание привело к ужесточению государственной политики, а также продемонстрировало уровень недовольства населения крепостническим строем, что впоследствии повлияло на политику государства.

В конце своего пути Ю.А. Долгоруков выполнял функции царского наместника в Москве, где руководил стрелецким приказом и, как известно, оказывал противодействие стрельцам, участвовавшим в заговорах и бунтах. Однако жестокость его методов вызвала ненависть среди стрельцов, что в результате сыграло роковую для него роль – во время Стрелецкого бунта 1682 г. он был схвачен восставшими стрельцами и убит.

Таким образом, в XVII в. бояре играли важную роль в поддержании внутренней безопасности страны, выполняя административные, судебные и военные функции. Бояре занимали высшие военные должности, нередко командовали царскими войсками при подавлении мятежей. Юрий Алексеевич Долгоруков сыграл значительную роль в подавлении народных восстаний в XVII веке, выступив как один из главных военных руководителей при царской власти Алексея Михайловича. Его жесткие и решительные действия способствовали укреплению порядка в стране, охваченной массовыми волнениями.

Литература

1. Бойко, А.Л. Очерки (не)русской смуты / А.Л. Бойко, А.Е. Иванеско // НП/НР. – 2021. – № 2. – С. 158–167.
2. Долгоруков, Юрий Алексеевич // Русский биографический словарь. Том 6. Под ред. А.А. Половцова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-6/440>. – Дата доступа: 19.02.2025.
3. Котошихин, Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича / Г.К. Котоихин. 3-е изд. – СПб., 1884. – С. 27.

4. Мининков, Н.А. Традиции и перспективы изучения массовых народных движений в России XVII–XVIII веков / Н.А. Мининков // Вестник ВолГ У. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. – № 2. – С. 26–35.
5. Седов, П.В. Ближние люди царя Федора Алексеевича / П.В. Седов // Петербургский исторический журнал. – 2021. – № 1 (29). – С. 7–23.
6. Симонова, М.В. Степан Тимофеевич Разин – государственный преступник или народный герой? / М.В. Симонова // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2015. – № 401. – С. 160–164.
7. Федяев, Р.С. Степан Разин. Причина и хронология крестьянского бунта по воспоминаниям Ян Стрейса / Р.С. Федяев // Скиф. – 2020. – № 8 (48). – С. 238–241.
8. Щербаков, С.Н. Боярин князь Юрий Алексеевич Долгоруков – государственный деятель России 20-х – начала 80-х гг. XVII века: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / С.Н. Щербаков; [Место защиты: Моск. пед. гос. ун-т]. – Москва, 2009. – 207 с.
9. Юрий Алексеевич Долгоруков // Романовы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://romanovy.rhga.ru/fedaleks/okruzh/detail.php?ELEMENT_ID=11938. – Дата доступа: 19.02.2025.

THE ROLE OF YURI ALEXEYEVICH DOLGORUKOV IN SUPPRESSION OF RIOTS AND UPRISINGS

Osipova N.A.

Moscow City Pedagogical University

The article describes the political situation in the 17th century. The role of the boyars in the implementation of state power is outlined. The author analyses the role of Yuri Alekseevich Dolgorukov in suppressing uprisings in the 17th century. His military and administrative actions in the fight against major rebellions, including the upris-

ing of Stepan Razin (1670–1671) and other popular uprisings are analyzed. Particular attention is paid to Dolgorukov's strategy in coordinating the tsar's troops, eliminating hotbeds of uprisings in the Volga region, as well as his role in strengthening the central government. The work emphasizes that the harsh but effective measures taken by Dolgorukov contributed to the restoration of stability in the country.

Keywords: Yuri Alexeyevich Dolgorukov, uprising, Alexey Mikhailovich, Stepan Razin, streletsky uprising.

References

1. Boyko, A.L. Essays on the (non)Russian Time of Troubles / A.L. Boyko, A.E. Ivanenko // NP/NP. – 2021. – No. 2. – P. 158–167.
2. Dolgorukov, Yuri Alekseevich // Russian Biographical Dictionary. Volume 6. Ed. A.A. Polovtsov [Electronic resource]. – Access mode: <https://azbyka.ru/otechnik/Spravochniki/russkij-biograficheskij-slovar-tom-6/440>. – Access date: 02/19/2025.
3. Kotoshikhin, G.K. About Russia during the reign of Alexy Mikhailovich / G.K. Kotoshikhin. 3rd ed. – St. Petersburg, 1884. – P. 27.
4. Mininkov, N.A. Traditions and Prospects of Studying Mass Popular Movements in Russia in the 17th-18th Centuries / N.A. Mininkov // Bulletin of VolS U. Series 4, History. Regional Studies. International Relations. – 2019. – No. 2. – P. 26–35.
5. Sedov, P.V. Close People of Tsar Feodor Alekseevich / P.V. Sedov // St. Petersburg Historical Journal. – 2021. – No. 1 (29). – P. 7–23.
6. Simonova, M.V. Stepan Timofeevich Razin – State Criminal or People's Hero? / M.V. Simonova // Vestn. Tom. state University. – 2015. – No. 401. – pp. 160–164.
7. Fedyaev, R.S. Stepan Razin. The cause and chronology of the peasant revolt according to the memoirs of Jan Streis / R.S. Fedyaev // Scythian. – 2020. – No. 8 (48). – pp. 238–241.
8. Shcherbakov, S.N. Boyarin Prince Yuri Alekseevich Dolgorukov – statesman of Russia in the 20s – early 80s. XVII century: dissertation ... candidate of historical sciences: 07.00.02 / S.N. Shcherbakov; [Place of protection: Moscow. ped. state University]. – Moscow, 2009. – 207 p.
9. Yuri Alekseevich Dolgorukov // Romanovs [Electronic resource]. – Access mode: https://romanovy.rhga.ru/fedaleks/okruzh/detail.php?ELEMENT_ID=11938. – Access date: 19.02.2025.

Рыбкина Кристина Владимировна,

аспирант, кафедры «Теория и история государства и права», специальность «Юриспруденция», Чебоксарский кооперативный институт (филиал автономной некоммерческой организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации»
E-mail: k.rybkina2021@gmail.com

Статья рассматривает вопрос о влиянии глобализации и Запада на развитие права в России после распада СССР. Автор анализирует, как Россия находилась под влиянием западных тенденций и моделей при формировании правовой системы, начиная от торговых отношений Новгорода и реформ Александра I до современных процессов цифровизации судопроизводства. Особое внимание уделяется роли США и Запада в распаде Советского Союза и становлении новой России, а также их влияние на выбор политических и экономических моделей. Подчеркивается, что в 90-ые годы американская система была воспринята как единственно верная, но в последние годы Россия вновь стремится к лидирующей позиции. В последних условиях необходимо сохранять суверенитет России.

Ключевые слова: экономическое правосудие, арбитражные суды, экономическая модель, Запад, система разрешения споров, государственная безопасность.

Актуальность темы и ее разработанность

Актуальность темы определяется необходимостью глубокого анализа западных влияний на современное состояние России. Раскрытие влияния холодной войны позволяет глубже понять корни современных проблем. Достаточно сложным может быть дать неэмоциональную оценку отношений России с Западом с учетом той информации, которая стала открыто и скрупулезно предоставлена в различных статьях, книгах и диссертациях. Современные тенденции глобализации и цифровизации выводят Россию на качественно иной уровень при условии поддержания экономики силами государства и бизнеса. К примеру, историко-правовые аспекты влияния Запада на Россию раскрыты в таких работах, как: «Отечественная историография о роли США в развязывании «холодной войны»» (Тетерин П.В., дисс. канд. истор. наук), «Отражение процессов политической глобализации в сознании политических элит и общественных движений США и ЕС: идеологические аспекты (Войтоловский Ф.Г., дисс. канд. полит. наук). Далее мы раскроем различные выдержки и характеристики ситуации с западным влиянием в ходе раскрытия содержания статьи.

Россия всегда взаимодействовала с другими странами, что отражалось на ее праве, начиная с торговых отношений Новгорода, что нами было рассмотрено в предыдущих опубликованных статьях о развитии системы разрешения экономических споров. Россия постоянно испытывала влияние западных теорий и практик.

Цель и задачи статьи

Цель статьи – анализ влияния Запада на экономико-правовую систему России. Задачи статьи: проанализировать существующие исследования, касающиеся влияния Запада на формирование экономико-правовой системы России и, в частности, системы разрешения экономических споров, рассмотреть как влияние иных культур создало кризис системы, рассмотреть как Россия адаптируется в новых правовых реалиях, оценить как мировые процессы сказываются на России. Статья направлена на глубокое исследование отношений России и Запада.

Российские историки считают, что окончание «холодной войны» не решило существовавшие перед Россией проблемы, «холодная война» была выгодна США для решения своих захватнических устремлений [20].

Указывается, что деятельность элит Запада и США была направлена на укрепление капитализма [4].

Распад СССР и становление новой России ознаменовались активным влиянием Запада, в первую очередь США, на формирование правовой системы. Западные страны навязывали свои модели развития, ориентированные на капитализм и технический прогресс, не всегда учитывая духовные ценности. Это привело к определенному кризису в правовом пространстве. В современных условиях Россия вынуждена отстаивать свою собственную модель развития. Отстаивание собственной позиции требует мощной энергии и жизненных ресурсов. Современные тренды в международных процессах ведут к цифровизации и глобализации, что не всегда приветствуется обществом, поскольку не только затратно, но и затрагивает духовные составляющие общества. Ранее (в предыдущих опубликованных статьях) нами был рассмотрен вопрос проблематичности внедрения искусственного интеллекта в работу системы разрешения экономических споров.

Глобализации способствовали расширение международного сотрудничества, приверженность мирохозяйственным отношениям, лидирующая роль транснациональных компаний, а также другие факторы. Предполагается, что США и Запад потеряли свою лидирующую позицию в мире [2].

Как отмечается исследователями путей развития России, ей присущи резкие переходы в развитии, при этом в целом Россия не готова к глобализации [11].

В исследованиях отмечается, что Россия является сильным «игроком», вместе с тем она может быть подвержена глобализации, под которой стали понимать процессы гомогенизации и универсализации мира [24].

Подчеркивается, что с распадом Советского Союза идея американского глобализма была воспринята как единственно верная на территории постсоветского пространства [5].

Развитие России в глобализационной картине мира претерпело существенные изменения: в 90-ые годы она пошла на сближение с Западом, Европой, на сегодняшний день она вновь стала претендовать на более весомую роль в историческом процессе [21].

Запад навязал свою модель развития, России придется отстаивать свои интересы в условиях существования прослойки общества, поддерживающего западную идеологию [13].

Обращается внимание, что западная модель развития основана на ориентации на технос, не учитывающий духовные аспекты, природное разнообразие, у России должен быть собственный путь [10].

Есть также предложение расстаться с глобалистскими «иллюзиями» и искать свой путь [22].

США оказывают сильнейшее влияние на развитие экономической и политической ситуации в мире [6].

В глазах западных политиков Россия не представлялась независимой, в 90-ые годы проявилась близорукость политиков в сфере экономиче-

ских моделей, однако Россия в современном мире вновь проявляет себя как самостоятельный субъект [3].

Высказывается небезосновательное мнение, что кризис западных ценностей связан с энергетической рыночной обманом и социально-политическим лицемерием [16].

Также исследователи обращают внимание на возможные негативные последствия вследствие глобализации [17].

В качестве положительных моментов указывается, что американизация и глобализация представляют различия и разнообразие как феномены благополучного, экономически развитого общества [19].

Также отмечается активное использование современных технологий, информационных ресурсов, социальных сетей, ориентация в отношении на прибыль [15].

Колоссальное влияние получили американские компании, транслирующие свою культуру [7].

К чему же привела американизация? По мнению исследователей, цифровой капитализм обрел возможность преодолевать территориальные границы [1].

В качестве решения проблемы построения отношений с Западом предлагается провести инвентаризацию международных договоров, заключенных после 1988 года [14].

Заслуживает внимание высказывание о том, что термин «глобализация» был применен и введен в оборот Западом для того, чтобы прикрыть хищнические планы [23].

Можно было бы сказать, что не стоит сгущать краски, не нужно накалять отношения, однако санкции в отношении России и, получается, ее жителей лишь подтверждают высказывания о противостоянии в международном полярном мире.

В современном мире задача государства заключена в обеспечении суверенитета, несмотря на желание Запада глобализировать пространства [12].

Западные ценности не являются единственно ценными, необходима целостность во внутренней политике России, важным ориентиром в развитии экономики может быть самодостаточность хозяйства [18].

Кроме того, в качестве слабого места западных ценностей определяется уход от традиционных ценностей, уход от которых приводит к кризису [8]. Полагаем, что Запад самостоятельно придет в ближайшее время к выводу о необходимости пересмотра некоторых своих устоев в силу складывающихся обстоятельств.

О традиционных ценностях «вспомнили» сравнительно недавно. Однако здесь есть лукавство и логическое противоречие применительно к соотношению категорий традиционных ценностей и подходу к государству согласно воспринятой от Запада модели устройства в государственных органах и учреждениях: с переходом на западные образцы потребовался тот самый отказ от традиционных ценностей, семьи и передачи опыта по-

колений, поскольку были поставлены им преграды в виде требований отсутствия взаимодействия членов семьи при осуществлении государственных полномочий, а именно: от тех самых каких-либо родственных и дружеских связей. Примеры мелькающих в новостной ленте фактов о работе государственного аппарата указывает, что ради политических, карьерных амбиций родственники отказываются друг от друга. Не берется также в расчет, что наличие родственной связи само по себе не является маркером фактических отношений. Так о каких традиционных ценностях тогда ведется речь в политических и частных дебатах? Пожалуй, здесь имеется логическая проблема соотношения категорий и ценностей. О данной проблеме мы упоминали также в наших предыдущих статьях о государственной службе и системе разрешения экономических споров. Необходимо более критично и скептически отнестись к законам, принятым начиная с перехода к рыночным отношениям, поскольку именно тогда были восприняты западные ценности и идеология. К тому же, государство само создало базис определённых отношений, проводя в жизнь различные законы, стандарты и внедряя периодически новые условия для образования, просвещения и государственного устройства. К примеру, автор выбрал в качестве последующего образования юриспруденцию не потому, что это было модно, востребовано обществом, а потому что ходил на обязательные дополнительные школьные курсы делопроизводителей и уже имел представление о работе в данной сфере. Можно было пойти на курсы журналистов или математические, но на это физически не было времени. Выбор тех или иных путей может быть определен условиями, созданными обществом.

Упомянем также социализацию посредством пользования сетью Интернет и передовыми технологиями. Еще не всем доступны средства связи в виде смартфонов и связь через Интернет. Такое может быть в силу возраста, отсутствия зоны действия Интернета, дороговизны смартфонов, отсутствием необходимости пользования Интернет-приложениями и практики их использования и т.п.

Рассматривая модель развития американизированного глобализма, исследователи указывают на наличие в этой модели концентрации основных ресурсов в крупных городах, асимметрию в развитии и значительное отставание периферии от центров экономического развития [9].

Ранее в своих статьях автор указывал, что в целом ориентация на западные ценности и формирование новой правовой культуры имело общую красивую картинку, обществу предлагался рынок на конкурентных началах, предполагающий развитие и здоровую конкуренцию. Однако общество не было готово к новой системе, не было заложено соответствующих основ и отсутствовало понимание как следует себя проявлять в условиях стихийного рынка. Отсутствовала цензура и государство утратило контроль над происходившими процессами.

Арбитражная система находится под влиянием как внешних, так и внутренних факторов. Подробно становление системы мы рассматривали в предыдущих публикациях. В условиях глобализации и стремления к интеграции при имеющейся самостоятельности системы арбитражная система сталкивается с необходимостью адаптации к новым реалиям. Однако, как показано в статье есть стойкое противоречие в ценностях. Наличие глубоких противоречий и проблем мы также освещали в публикациях.

Наличие в публикациях в сети Интернет обзоров и анализа отношения молодого поколения к труду и экономической ситуации в целом, его недоверия к возможности самореализации, как это было у более старших поколений, говорит о кризисе поколений и назревшей необходимости ориентации на защиту трудовых прав, снижение трудовой нагрузки в целом. Экономическая система не может полноценно функционировать без учета положений о труде и защите растущих поколений. Данная тема нами также была раскрыта в ряде статей. Молодежи более понятно сравнение диких отношений с «Игрой в кальмара», когда более агрессивно настроенные лица, пользуясь своим положением и различными связями, убирают более честных и открытых конкурентов. Огромный урон экономике и общественным отношениям наносят лица, не осознающие последствия своих действий либо намеренно ухудшающие экономическую ситуацию в целом. Личная нажива, сиюминутная выгода, желание самоутвердиться, а также иные низменные потребности наносят вред развитию общества и государства в целом. Однако, и государство должно ориентироваться на потребности населения, что озвучено различными политическими течениями.

Истории из сети Интернет (особенно много различной информации в комментариях) свидетельствуют, что в процессе занятия должностей, руководящих постов, захвата чужого имущества некоторые лица не брезгают ничем, идут на абьюз, буллинг, используют различные инструменты.

Благодаря мобильности и сети Интернет стало понятно насколько отличается уровень жизни населения в целом и отдельных его представителей. Также еще яснее выступили различия между центрами и периферией, между советским поколением и последующими поколениями. Если в 90-ые годы население могло быть в неведении какие законы принимаются и что происходит на политической арене, то сейчас информации стало больше, хотя и не самого качественного. Наблюдение за блогерами согласно сведениям из публичных опросов стало снижать мотивацию и открывать новые горизонты в сознании. В свете происходящих процессов в сознании общества необходимо закрепление в качестве трудового стажа времени учебы в ссузах и вузах, о чем автор указывал ранее в своих статьях. Такие меры должны снизить нагрузку на население и способствовать популярности образования.

На фоне сложившейся экономической ситуации нужны послабления в нагрузке на население в сфере ЖКХ и медицинской помощи.

Также в более ранних публикациях автор указывал и вновь подчеркивает, что государственная контрольная нагрузка на бизнес не должна превышать разумные пределы, чтоб не душить организации и предпринимателей, оказывающих услуги и продажу товаров населению. Мы подчеркиваем, что важны переговоры, применение предупреждений, выявление слабых мест и работа над ошибками. И опять же существенную роль в переговорах может играть мониторинг. Не только мелкий бизнес, но и более крупные игроки рынка могут не справляться с требованиями законодательства, хотя это не снимает с них ответственность и необходимость прорабатывать в сторону улучшения своей работы. Банкротства и вытеснение мелкого бизнеса с рынка обусловлено стихийностью существования рынка, а также отсутствием взаимопонимания между государственными органами и бизнесом. Хотя Интернет стал предоставлять возможность иметь большее представление о мире права, зона его действия пучкообразная и не у всех есть физическая возможность ознакамливаясь с имеющейся на сайтах информацией.

Вспомним какой тяжелый период в истории России пришелся на 90-ые годы XX века, когда в силу государственных преобразований людям не хватало на еду. По всей видимости, раз уж государство сейчас прощает и более тяжкие правонарушения, общество может простить тех, кто совершал мелкие кражи продуктов в магазинах, тех, кто устраивал семейные ссоры, оскорблял и был привлечен за это к ответственности. С этой позиции должны быть внимательно оценены нарушения, совершавшиеся в то тяжелое для государства и общества время. Христианская мораль говорит нам, что нельзя красть и обижать ближнего, но она также говорит нам прощать и понимать. Нам сложно будет понять соседа, укравшего с огорода урожай, выращенный нашим трудом, но не каждый обратится с заявлением в органы, в то же время можно снисходительно отнестись к людям, потерявшим в то время работу и искавшим возможность не умереть с голоду (при условии единичного эпизода правонарушения). Также нужно отметить, что в качестве негативной составляющей рассматривалось отсутствие работы у нарушителя. Пожалуй, уже в то время органы должны были осознавать, что экономическая ситуация была нестабильной и работы могло реально не быть. Поскольку в задаче статьи не входит рассмотрение правонарушений в период 90-х годов, оставим данный вопрос на размышление тем, кто хотел бы заняться разработкой решений в данном направлении из сферы уголовно-правовых дисциплин.

Кроме того, необходимо уделить внимание кредитно-финансовой сфере: именно с 90-х годов вследствие злоупотреблений в данной сфере население потеряло свои значительные средства, а также дальше продолжает терпеть различные по-

тери от взаимодействия в данной сфере. С одной стороны, банковская сфера стимулирует денежные потоки, с другой стороны, она зачастую злоупотребляет своим положением. Действительно, в России рыночные отношения и об этом говорят на каждом углу, вместе с тем, памятуя как прошли 90-ые годы и как образовались капиталы, должно быть более справедливое распределение средств. Сами капиталовладельцы должны понимать, что вошли давно в стадию перепотребления, что следует из различных Интернет-источников и обзоров риэлтеров. В базовые человеческие потребности входят еда, семья, медицинские, социально-бытовые условия несмотря на то, что экономическая теория не ставит волю к власти на первое место в списке потребностей человека, считаю, что такая воля заложена в человеке с рождения и проявляется в ходе общения и игр. В ходе взаимодействия субъекты могут полностью перенимать поведение, традиции, ценности окружения либо частично перенимать их, либо качественно преобразовывать, либо отстраняться от взаимодействия. В любом случае останутся следы взаимодействия субъектов. Наиболее заметно воля к власти у обладающих ресурсами лиц, поскольку они могут ее реализовать различными путями. Не обладая соответствующими знаниями, опытом и подготовкой лицо может желать завладеть властью и чужим имуществом с целью управления. Нужно отметить, что работодатели с неохотой идут на удовлетворение базовых потребностей и здесь наблюдается избирательный подход с превышением полномочий. Опять же в задаче статьи не входит обзор имущественного расслоения в России, вместе с тем, было бы упущением не упомянуть об этом в общей экономической картине. Никого уже не удивит очередная машина или вилла, но базовые потребности у всех остаются одинаковыми.

Кроме того, автор хотел бы упомянуть еще один пункт в общей экономико-социальной картине. Кажется бы, стоит ли здесь его прописывать, однако проведенное социальное исследование не должно быть упущено из общего виду. Расслоение населения идет не только по сферам имущественного оборота, но и в плане принадлежности к определенному полу или возрастной категории. Люди, прожившие значительную часть своей жизни в советское время, успокаивают себя тем, что у них то все было и есть. Автор провел часть детства с пожилыми бабушкой-дедушкой, которые оказывали помощь своим потомкам из пенсионных начислений, а также урожая с огорода и участков в поле, на которых мы совместно работали, также содержали скот, могут ли сейчас люди похвастаться этим. Городскому жителю может быть крайне неудобно и затратно поддерживать связь с деревней, связь обычно остается пока есть к кому ездить и оказывать уход и заботу. Однако на более молодые поколения лег груз экономико-социальных проблем. Данные проблемы не могут выпадать также из поля зрения религиозных организаций: с целью решения экономических проблем ряд лиц

(судя по комментариям в социальных сетях на данную тему и статья в сети Интернет) решает свои проблемы не путем объединения в кооперативы или иные организации, а путем многоженства и сожительства со сменяемыми партнерами с целью постоянного поддержания уровня достатка. При чем это наблюдается в поведении как мужчин, так и женщин. Видимо в данном случае бесполезно объяснять о возможности взаимопомощи иными более приемлемыми морально путями, в том числе кооперации. Сведения из постов в Интернете также свидетельствуют, что подобные явления стали возможными с 90-х годов, в то время как ранее такое решение экономических проблем осуждалось и не было распространено. Более молодые поколения относятся к такому поведению скептически, также как в России, так и за рубежом наблюдается даже тренд на одиночество среди молодежи, что следует из контента, к примеру, японских и корейских блогеров, но в целом реальная проблема в обществе существует. Дабы не сгущать краски, примем во внимание, что не все пользуются Интернетом и не везде пишут и оставляют свои комментарии.

В плане продовольственной безопасности упомянем вопрос перехвата земель в деревнях и садовых товариществах: в силу некоторых тяжелых жизненных обстоятельств пользователи могут на ряд лет прекратить обработки земель, не вносит какие-либо дополнительные платы, особенно это актуально для городских жителей, стариков и инвалидов. Научный интерес могут представлять лица, которые годами не обрабатывают свои владения, а потом начинают выставлять претензии к соседским участкам по взносам и обработке земли: они словно выжидают, когда у других возникнет экономический кризис. На лицо понимание рыночных отношений утрировано и с жестокой циничностью. Этим моментом пользуются родственники и соседи и перехватывают участки. Люди могут разбираться в законах или что-то слышать от знакомых и применять такие же методы на практике, а в итоге мы видим потерю человеческого лица и брутализм. Также в качестве примера хищнических переделов собственности можно привести банкротные дела, по которым идет приобретение имущества сильными осведомленными экономическими субъектами, притесняющими более экономически слабых. Мы уже освещали в отдельных статьях тему финансового анализа в делах о банкротстве и привлечении арбитражных управляющих к ответственности. Вопросы здесь не однозначные и требующие пристального внимания и переосмысления. Пока суды и проверяющие заостряют внимание только на технических моментах, из экономического оборота может быть выведен и ликвидирован важный экономический субъект. Законы должны быть человечны, но и человек не должен терять свой лик, что относится также к экономическим субъектам. Можно привести множество примеров, когда в отношениях можно руководствоваться не только законами, а и здравым смыслом. Отсутствие

ценностных ориентиров в поведении субъектов говорит об их глубокой деградации. Огромную роль в развитии ценностей могут играть семья, религия, вместе с тем, ценностные установки выбираются самостоятельно и часто носят глубинное убеждение с рождения, корректируются в процессе жизнедеятельности, но вряд ли полностью искореняются. Опять же оставим данный вопрос на размышление уголовно-правовых дисциплин.

Также необходимо убрать ответственность за клевету и оскорбление, предоставим лицам разрешать вопрос на морально-этическом уровне. Данные положения поспособствуют более мягкому ведению переговоров, без применения лишних обращений в органы и суд.

Большое влияние на развитие права могут оказывать лица, занимающие руководящие должности, поскольку они не выполняют множество технических задач, которые ложатся на персонал. Именно руководители имеют возможность теми или иными путями формировать правовую практику и способствовать развитию законодательства. Печально понятен тот факт, что могут замалчиваться насущные проблемы и варианты решения ради личной выгоды и сохранения кресла. При этом по всей видимости может быть отсутствие понимания, что от них кто как раз ждут адекватную обратную связь. Подобные ситуации могут возникать в силу того, что местные СМИ, бюрократический аппарат и суды срачиваются, не освещают и не работают с проблемами, принимают хищнические условия ведения работы, законы порой толкуются ими в целях личного обогащения и превращаются в орудие пыток и дестабилизации экономических отношений.

Мы не раз также освещали тему переговоров и внесудебного разрешения экономических споров. Здесь хотелось бы подчеркнуть, что суды могут физически не смочь рассмотреть все возникающие на практике споры в том объеме, в котором они возникают. Много может остаться между сторонами спора и может быть разрешено в добровольном порядке. Для этого должно быть правовое просвещение и интерес самих экономических субъектов разобраться в проблеме без применения государственной силы.

Заключение

Россия находилась под сильным влиянием западной культуры ценностей, что также отражалось на судебной системе. Западные страны всегда пытались навязать свою систему ценностей и правовую культуру. Здесь, однако нужно указать, что к сложившейся ситуации можно относиться двояко: либо рассматривать как навязывание, либо как добровольное партнерство. Влияние Запада имело как негативные, так и позитивные последствия. Считается, что навязывание Западом своего либерализма привело к кризисным явлениям в России в 1990-ые годы. В настоящее время Россия пытается найти свой путь, отстаивая суверенитет. Только в этом

случае Россия сможет обеспечить свою независимость в правовой сфере. В статье поднимается важная тема традиционных ценностей и современных подходов к государственному устройству, внедренным из Запада. С внедрением западных образцов наблюдается парадокс: несмотря на публичное обсуждение и возврат к традиционным ценностям, в действительности может происходить отказ от них. Логика политических процессов подчас противоречит заявленным ценностям и идеалам, что создает конфликт между идеологией и практикой. Переход на западные образцы требовал отказа от семейных связей и ценностей, что противоречит заявляемым ныне традиционным ценностям, происходит разрыв в понимании между религиозными и государственными устоями. Для применения на практике традиционных ценностей необходимо решение указанного логического противоречия. Таким образом, статья подчёркивает актуальность обсуждения традиционных ценностей в контексте государственных практик.

Литература

1. Арсеенко, А.Г. Проблемы дестандартизации и прекарнизации в контексте глобализации-американизации-деглобализации мировой экономики в XXI веке // Наука. Культура. Общество. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 54–65.
2. Бессонова, Л.П., Черкасова А.В., Глобализация: тенденции и перспективы ее развития в современном мире // Евразийское Научное Объединение. – 2020. – № 8–4 (66). – С. 187–192.
3. Борисов, А.Ю. Международный бизнес и кризис глобализации // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 3 (66). – С. 61–88.
4. Войтоловский, Ф.Г. Отражение процессов политической глобализации в сознании политических элит и общественных движений США и ЕС: идеологические аспекты: дисс. канд. полит. наук: 23.00.04 / Ф.Г. Войтоловский. – М., 2004. – 221с.
5. Гарбузов, Д.В., Рамазанов, С.П. Суверенизация или глобализация на постсоветском пространстве // В сборнике: Политическое пространство и социальное время: Глобальные вызовы и цивилизационные ответы. Сборник научных трудов XXXVII Международного Харакского форума. В 2-х томах. Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Симферополь, 2021. – С. 168–173.
6. Гранин, Ю.Д. Новая форма глобализации и цивилизационная специфика России // Век глобализации. – 2021. – № 2 (38). – С. 3–16.
7. Донецкая, А.С. Сущность явления американизации и его влияние на мировое пространство // Американистика на Дальнем Востоке. – 2022. – № 1 (8). – С. 156–161.
8. Дробинин, А.Ю. Актуальные тенденции мирополитического развития и интересы России // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 1 (76). – С. 46–57.
9. Евстафьев, Д.Г. Глобальная геоэкономическая архитектура: предопределенность кризиса и вектор трансформации // Управленческое консультирование. – 2024. – № 2 (182). – С. 32–49.
10. Зорин, А.Л. Российская цивилизация в эпоху глобализации // Вестник Российского философского общества. – 2020. – № 3–4 (93–94). – С. 48–55.
11. Ильина, В.Ф., Лаптева, Е.В. Глобализация и Россия // E-Scio. – 2021. – № 1 (52). – С. 80–91.
12. Кавеев К.А. Обеспечение суверенитета России в 20-х гг. XXI в.: новые вызовы // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2023. – Т. 14. – № 3 (60). – С. 69–78.
13. Корнилов, В.И., Кукина, Н.В. Российский проект глобализации (политэкономические аспекты) // Теоретическая экономика. – 2021. – № 2 (74). – С. 81–93.
14. Кротов, М.И. Евразийский экономический союз и многополярная глобализация // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2024. – Т. 18. – № 1 (47). – С. 15–24.
15. Логунова, О.А. Роль процесса американизации в России // Система ценностей современного общества. – 2016. – № 44. – С. 107–110.
16. Люблинский, В.В. Трансформация миропорядка, проблемы социально-политического развития стран Запада и России // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 6. – С. 180–184.
17. Маслодудова, Н.В. Россия в процессе глобализации современного мира // В сборнике: Глобальные и региональные воздействия в системе современных обществ. сборник научных трудов. – Иркутск, 2021. – С. 70–74.
18. Никитенко, Д.К. Вектор развития внешней политики России при построении справедливового человеческого мироустройства // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. – № S1.
19. Рачеева, Е.В. Американизация как процесс глобализации современного общества // Вопросы гуманитарных наук. – 2007. – № 4 (31). – С. 293–295.
20. Тетерин, П.В. Отечественная историография о роли США в развязывании «холодной войны»: дисс. канд. истор. наук: 07.00.09 / П.В. Тетерин. – М., 2011. – 239с.
21. Упоров, И.В. Россия и процесс глобализации в историко-цивилизационном измерении // В сборнике: Онтологические и социокультурные основания альтернативного проекта глобализации. Сборник материалов I международной научной онлайн-конференции. Екатеринбург, 2021. С. 319–323.
22. Францев, Н.И. Россия в системе глобальной экономики // В книге: Социальные процессы в современном российском обществе: про-

блемы и перспективы. Материалы IV Всероссийской научной конференции с международным участием. Отв. редактор О.Б. Истомина. – 2020. – С. 544–548.

23. Цой, Л.Н. Глобализация как угроза национальной безопасности России // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 32–43.
24. Шабашова, Н.М. Влияние глобализации на цивилизационные и культурные процессы в современной России // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 60–66.

ECONOMIC AND LEGAL SYSTEM OF RUSSIA AND THE INFLUENCE OF THE WEST ON ITS BUILDING

Rybkina K.V.

Cheboksary Cooperative Institute (branch of the autonomous non-profit organization of higher education of the Central Union of the Russian Federation «Russian University of Cooperation»)

The article examines the question of the influence of globalization and the West on the development of law in Russia after the collapse of the USSR. The author analyzes how Russia was influenced by Western trends and models in the formation of the legal system, ranging from trade relations of Novgorod and the reforms of Alexander I to modern processes of digitalization of legal proceedings. Particular attention is paid to the role of the United States and the West in the collapse of the Soviet Union and the formation of a new Russia, as well as their influence on the choice of political and economic models. It is emphasized that in the 90s the American system was perceived as the only correct one, but in recent years Russia has again strived for a leading position. In the latter conditions, it is necessary to preserve the sovereignty of Russia.

Keywords: economic justice, arbitration courts, economic model, West, dispute resolution system, state security.

References

1. Arsenko, A.G. Problemy destandartizatsii i prekarizatsii v kontekste globalizatsii-amerikanizatsii-deglobalizatsii mirovoj ekonomiki v XXI veke // Nauka. Kul'tura. Obshchestvo. – 2021. – Т. 27. – № 4. – С. 54–65.
2. Bessonova, L.P., Cherkasova A.V., Globalizatsiya: tendentsii i perspektivy ee razvitiya v sovremennom mire // Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. – 2020. – № 8–4 (66). – С. 187–192.
3. Borisov, A.YU. Mezhdunarodnyj biznes i krizis globalizatsii // 1. Vestnik MGIMO-Universiteta. – 2019. – № 3 (66). – С. 61–88.
4. Vojtlovskij, F.G. Otrazhenie processov politicheskoy globalizatsii v soznanii politicheskikh ehliit i obshchestvennykh dvizhenij SSHA i ES: ideologicheskie aspekty: diss. kand. polit. nauk: 23.00.04 / F.G. Vojtlovskij. – М., 2004. – 221s.
5. Garbuzov, D.V., Ramazanov, S.P. Suverenizatsiya ili globalizatsiya na postsovetskom prostranstve // V sbornike: Politicheskoe prostranstvo i social'noe vremya: Global'nye vyzovy i civilizatsionnye otvety. Sbornik nauchnykh trudov XKHKHVII Mezhdunarodnogo Kharakskogo foruma. V 2-kh tomakh. Pod obshchey redakciej T.A. Senyushkinoj. Simferopol', 2021. – С. 168–173.
6. Granin, YU.D. Novaya forma globalizatsii i civilizatsionnaya specifika Rossii // Vek globalizatsii. – 2021. – № 2 (38). – С. 3–16.
7. Doneckaya, A.S. Sushchnost' yavleniya amerikanizatsii i ego vliyanie na mirovoe prostranstvo // Amerikanistika na Dal'nem Vostoke. – 2022. – № 1 (8). – С. 156–161.
8. Drobinin, A.YU. Aktual'nye tendentsii miropoliticheskogo razvitiya i interesy Rossii // Problemy nacional'noj strategii. – 2023. – № 1 (76). – С. 46–57.
9. Evstaf'ev, D.G. Global'naya geoekonomicheskaya arkhitektura: predopredelennost' krizisa i vektor transformatsii // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2024. – № 2 (182). – С. 32–49.
10. Zorin, A.L. Rossijskaya civilizatsiya v ehpokhu globalizatsii // Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshchestva. – 2020. – № 3–4 (93–94). – С. 48–55.
11. Il'ina, V.F., Lapteva, E.V. Globalizatsiya i Rossiya // E-Scio. – 2021. – № 1 (52). – С. 80–91.
12. Kaveev K.A. Obespechenie suvereniteta Rossii v 20-kh gg. XXI v.: novye vyzovy // Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravleniya RANKhIGS. – 2023. – Т. 14. – № 3 (60). – С. 69–78.
13. Kornilov, V.I., Kukina, N.V. Rossijskij proekt globalizatsii (politekonomicheskie aspekty) // Teoreticheskaya ehkonomika. – 2021. – № 2 (74). – С. 81–93.
14. Krotov, M.I. Evrazijskij ehkonomicheskij soyuz i mnogopolyarnaya globalizatsiya // Evrazijskaya integratsiya: ehkonomika, pravo, politika. – 2024. – Т. 18. – № 1 (47). – С. 15–24.
15. Logunova, O.A. Rol' processa amerikanizatsii v Rossii // Sistema cennostej sovremennogo obshchestva. – 2016. – № 44. – С. 107–110.
16. Lyublinskij, V.V. Transformatsiya miroporyadka, problemy social'no-politicheskogo razvitiya stran Zapada i Rossii // Social'no-gumanitarnye znaniya. – 2022. – № 6. – С. 180–184.
17. Maslodudova, N.V. Rossiya v processe globalizatsii sovremennogo mira // V sbornike: Global'nye i regional'nye vozdeystviya v sisteme sovremennykh obshchestv. sbornik nauchnykh trudov. – Irkutsk, 2021. – С. 70–74.
18. Nikitenko, D.K. Vektor razvitiya vneshnej politiki Rossii pri postroenii spravedlivogo chelovecheskogo miroustrojstva // Vestnik evrazijskoj nauki. – 2024. – Т. 16. – № S1.
19. Racheeva, E.V. Amerikanizatsiya kak process globalizatsii sovremennogo obshchestva // Voprosy humanitarnykh nauk. – 2007. – № 4 (31). – С. 293–295.
20. Teterin, P.V. Otechestvennaya istoriografiya o roli SSHA v razvyazvanii «kholodnoj vojnY»: diss. kand. istor. nauk: 07.00.09 / P.V. Teterin. – М., 2011. – 239s.
21. Uporov, I.V. Rossiya i process globalizatsii v istoriko-civilizatsionnom izmerenii // V sbornike: Ontologicheskie i sociokul'turnye osnovaniya al'ternativnogo proekta globalizatsii. Sbornik materialov I mezhdunarodnoj nauchnoj onlajn-konferencii. Ekaterinburg, 2021. С. 319–323.
22. Francev, N.I. Rossiya v sisteme global'noj ehkonomiki // V knige: Social'nye processy v sovremennom rossijskom obshchestve: problemy i perspektivy. Materialy IV Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Отв. редактор О.Б. Истомина. – 2020. – С. 544–548.
23. Coj, L.N. Globalizatsiya kak ugroza nacional'noj bezopasnosti Rossii // Social'nye i humanitarnye znaniya. – 2023. – Т. 9. – № 1. – С. 32–43.
24. Shabashova, N.M. Vliyanie globalizatsii na civilizatsionnye i kul'turnye processy v sovremennoj Rossii // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2019. – № 4. – С. 60–66.

К вопросу об обязательности исполнения требований прокурора

Гадиятова Мария Витальевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры прокурорской деятельности, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный юридический университет» (УрГЮУ)
E-mail: gadiyatovam@inbox.ru

Настоящая статья посвящена исполнению требований прокурора, вытекающих из его надзорных полномочий. Автор указывает на существование несогласованности в понимании степени обязательности требований прокурора как в научном сообществе, так и в судебной практике. Отмечается, что несмотря на указание в законодательстве о прокуратуре на безусловность исполнения требований, выносимых в рамках компетенции надзорного органа, Конституционным судом Российской Федерации требования, отраженные в представлении прокурора, оценены как «не имеющие абсолютного характера». Указанное зачастую приводит к отказу поднадзорных органов от добровольного исполнения актов реагирования прокурора, понуждая последнего к обращению в суд в защиту нарушенных интересов, оспариванию представлений, протестов и иных актов прокурора в судебном порядке. В настоящей статье автор отграничивает обязательность требований прокурора от ответственности, возникающей за их неисполнение, классифицирует требования прокурора в зависимости от степени их обязательности, а также критерия «абсолютного характера», предложенного Конституционным судом Российской Федерации. В статье анализируются трудности привлечения к ответственности виновных лиц за невыполнение требований прокурора, связанные с предметом доказывания, а также наличием в действиях виновного лица умысла на совершение противоправных действий.

Ключевые слова: требование прокурора, обязательность исполнения требования, привлечение к административной ответственности, представление, прокурорский надзор.

Прокурор, будучи субъектом властных полномочий при осуществлении надзорной деятельности, гарантирован безусловным исполнением своих требований. Статья шестая Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» обуславливает указанную обязанность с полномочиями прокурора, предусмотренными статьями 9.1, 22, 27, 30, 33 и 39.1 вышеназванного закона. Между тем законодателем конкретизированы только требования прокурора, связанные с предоставлением документов, информации, необходимой для проведения проверки или для подготовки к ее проведению. Относительно полномочий по реагированию на уже выявленные нарушения закона законодатель ограничивается отсылкой на статьи ранее указанные статьи 9.1, 22, 27, 30, 33, 39.1 закона. Вышеизложенное порождает в судебной и прокурорской практике дуализм мнений, связанных как с определением существа требования прокурора, которое является обязательным, так и со степенью данной обязательности.

1. Изначально важно отграничить понятия «обязательность требований прокурора» от «ответственности за неисполнение требований прокурора». В соответствии с пунктом один статьи 6 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» все требования прокурора, вытекающие из его властных полномочий, обязательны для исполнения. Вне рамок надзорной деятельности, в отсутствие властных полномочий, прокурор вообще не может выносить требования, а его актами в таких случаях выступают заключения, письма, ходатайства и др. Впрочем, не за каждое из неисполненных требований прокурора закон предусматривает возможность привлечения к ответственности. Так, например, невзирая на то, что требования, содержащиеся в протесте прокурора, обязательны для исполнения, к административной ответственности поднадзорное лицо может быть привлечено только в случае неисполнения обязанности по рассмотрению протеста в 10-ти дневный срок, на что указывает отсутствие указания в законе на срок для исполнения вышеназванного акта.

В связи с этим не следует усматривать прямую зависимость неисполнения требований прокурора с возможностью привлечения виновного лица в указанном деянии лица к административной ответственности.

2. *Характер требований прокурора.* В основу оценки характера требований прокурора, изложенных в представлении, положено Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 84-О, которым последний указал, что представление «не имеет абсолютный характер и силой принудительного исполнения не обладает», поскольку имеет цель понудить поднадзорные органы к добровольному ис-

полнению надзорного акта [1]. Позиция Конституционного Суда нашла широкое применение в практике судов общей юрисдикции, которые одновременно стали применять данную характеристику даже при рассмотрении административных дел, где прокурор обратился в суд по итогам неисполненного представления и сами требования прокурора, изложенные в последнем, не являются предметом доказывания.

Между тем, обращаясь к самому Определению КС РФ № 84-О, необходимо напомнить, что в основе спора между заявителем Моторичевой И.В. и паспортно-визовой службой Лахденпохского РОВД лежало совершение последней на основании вынесенного представления прокурора юридически-значимых действий (снятие с регистрационного учета по месту жительства), порождающих прекращение у заявителя права пользования жилым помещением [1]. Таким образом, Конституционный Суд в своем Определении отметил, что само по себе представление прокурора как акт реагирования не может быть основанием для совершения поднадзорным органом юридически значимых действий, совершение которых происходит в установленном законом порядке по основаниям, предусмотренным законом (например, регистрация права собственности, снятие с регистрационного учета и проч.) [2, С. 28].

В связи с этим следует констатировать, что прокурор в рассмотренном Конституционным Судом случае неверно вообще выбрал представление в качестве акта реагирования, так как лицо, совершившее правонарушение, на момент проверки уже не обладало самостоятельной возможностью его устранить. В подобных ситуациях наиболее верным способом реагирования является обращение с иском в суд. Однако необходимо заключить, что рассматриваемое не ставит под сомнение требование прокурора с точки зрения обязательности его рассмотрения. В связи с чем следует заключить, что в основе вынесенных актов прокурорского реагирования лежит сразу два требования: требования рассмотреть акт и требование устранить нарушения закона, каждое из которых обязательно для исполнения, однако возможно не обладает всеми признаками для привлечения к административной ответственности в случае их неисполнения. Указанный вывод можно применить и к другим надзорным актам прокуратуры. Так изложенное в протесте требование прокурора на противоречащие закону правовые акты не содержат срока их исполнения, упоминая только срок для рассмотрения протеста, который следует рассматривать как самостоятельное требование. В связи с этим допустимо возбуждение прокурором административного производства только в случае неисполнения обязанности по рассмотрению протеста, что исключает возможность привлечения к ответственности должностных лиц, вынесших незаконный правовой акт, за отказ от приведения последнего в соответствие с действующим законодательством.

Возвращаясь к вопросу обязательности требований прокурора и беря за основу критерий «аб-

солютного характера», предложенный Конституционным судом РФ, все требования прокурора можно классифицировать на 2 группы в зависимости от наличия или отсутствия абсолютного характера требований, изложенных в акте. Так, к требованиям, которые имеют абсолютный характер и могут быть положены в основу юридически значимого действия, относятся требования прокурора (запросы) о предоставлении документов, сведений, статистической и иной информации (в том числе электронных документов, подписанных электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации), справки и другие материалы или их копии, необходимые при осуществлении возложенных на органы прокуратуры функций, предусмотренных статьей 6, 22 Федерального закона «О прокуратуре РФ», в том числе требования о проведении контрольного (надзорного) мероприятия. Прямое указание вышеназванных требований (выносимых в ходе или вне проведения проверки) в законе, а также срока их исполнения порождает корреспондирующую безусловную обязанность адресата обязанность исполнить требования прокурора. При этом в качестве основания для совершения активных действий со стороны поднадзорного лица будет выступать именно внесенное в установленном порядке требование прокурора о предоставлении документов, материалов. Гарантией исполнения требований абсолютного характера является возбуждение прокурором дела об административном правонарушении по статье 17.7 КОАП РФ, которое активно используется в прокурорской практике. Например, в рамках прокурорской проверки прокурор направил председателю правления ТСЖ запрос о необходимости явки в прокуратуру района для дачи объяснений, а также предоставлении необходимых документов. В назначенное время председатель в прокуратуру района не явился, запрашиваемые сведения не представил, с сотрудниками прокуратуры района не связывался. В судебном заседании фактические обстоятельства дела нашли подтверждение, председатель ТСЖ был признан виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного статьей 17.7 КОАП РФ и подвергнут административному наказанию в виде административного штрафа в размере 2 000 рублей [3].

К требованиям прокурора, не имеющим в своей основе абсолютного характера, относятся все общенадзорные акты прокурорского реагирования на нарушения закона и, в первую очередь, представление прокурора, которое содержит требование, адресуемое поднадзорному лицу, устранить нарушение и сделать это в добровольном порядке, как указал Конституционный суд Российской Федерации. Обязательность исполнения требования прокурора, изложенная в представлении, реализуется посредством обращения прокурора в суд в случае отказа адресата исполнять представление прокурора самостоятельно, а также возможностью возбудить производство об административном правонарушении по статье 17.7 КОАП РФ.

Вместе с тем несмотря на отсутствие абсолютно-го характера требований, изложенных в представлении, представляется принципиально неверным вывод судебной коллегии по административным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции, сформулированном им в Определениях по ряду дел, согласно которому протест и представление не содержат в себе распорядительно-властных предписаний, носят рекомендательный, информационный характер [4]. Полагаем, что указанные суждения прямо противоречат нормам статьи 6 Федерального закона «О прокуратуре РФ», предусматривающей обязательность исполнения требований прокурора и посягают на властный характер надзорных полномочий прокурора.

3. *Степень обязательности.* В законе прослеживается неразрывная связь обязательности требований прокурора с возможностью привлечения виновного лица к административной ответственности по статье 17.7 КОАП РФ. В судебном заседании прокурор должен доказать, во-первых, законность требований, послуживших основанием для возбуждения административного производства, во-вторых, факт умышленного невыполнения субъектом надзора требований прокурора. Исходя из анализа судебной практики, следует заключить, что указанные признаки представляют для прокурорских работников ряд сложностей, что влияет на частоту вынесения постановлений о возбуждении производства об административном правонарушении в прокурорской практике.

Так, Постановлением Уватского районного суда Тюменской области производство по делу об административном правонарушении по ст. 17.7 КОАП в отношении старшего судебного пристава было прекращено в связи с отсутствием состава правонарушения. Суд пришел к выводу, что требование прокурора о предоставлении информации не содержало конкретизации номера исполнительного производства, что не позволило идентифицировать личность участника производства. Кроме того, действия начальника отдела РосП, пытавшейся выяснить по телефону дополнительную информацию у сотрудника прокуратуры, судом были расценены как свидетельствующие об отсутствии умысла на неисполнение требований прокурора [5].

Сложность при возбуждении рассматриваемого административного правонарушения связана также и с тем, какие именно требования остались не исполненными. Если неисполненными являются требования прокурора абсолютно характера (запросы по предоставлении документов), то прокурор вероятнее всего будет более успешен в доказывании правомерности своих требований. В случае, если прокурор выносит постановление о возбуждении производства по статье 17.7 по результатам неисполнения ранее вынесенного представления, правомерность требований прокурора нередко не находит подтверждения в ходе рассмотрения дела судом.

Литература

1. Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2005 № 84-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Моторичевой И.В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 24 Федерального закона «О прокуратуре РФ»// СПС КонсультантПлюс
2. Багаутдинов Ф.Н. Невыполнение требований прокурора – привлечение к административной ответственности. //Законность. 2019. № 7 (1017). С. 28.
3. Постановление Верховного суда РФ от 02.09.2022 № 78-АД22–43-К3// СПС КонсультантПлюс.
4. Кассационное определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.10.2024 N 88a-18720/2024// СПС КонсультантПлюс.
5. Постановление Уватского районного суда Тюменской области от 30.05.2022 г. по делу № 5–201/2022// СПС КонсультантПлюс.

ON THE QUESTION TO COMPLIANCE WITH THE PROSECUTOR'S REQUIREMENTS

Gadiyatova M.V.

Ural State Law University

This article is devoted to the execution of the requirements of the prosecutor arising from his supervisory powers. The author points to inconsistency in understanding of the extent to which the prosecutor's requirements are binding, both in the scientific community and in judicial practice. It is noted that despite the provision in the law on the prosecutor's office to unconditional compliance with requirements issued within the competence of the supervisory body, the Constitutional Court of the Russian Federation demands reflected in the submission of the prosecutor are assessed as «not having absolute character». This often leads to the failure of the supervisory bodies to voluntarily perform acts of reaction by the prosecutor, forcing the latter to apply to court for protection of violated interests, challenging submissions, protests and other acts of the prosecutor in judicial order. In this article, the author distinguishes the requirement of the prosecutor from the liability arising from their failure to perform, classifies the prosecutor's requirements according to the degree of their obligation, as well as the criterion of «absolute nature», proposed by the Constitutional Court of the Russian Federation. The article analyses the difficulties of holding responsible persons accountable for failure to comply with the requirements of the prosecutor, related to the subject of evidence, as well as the existence in the actions of the guilty person intent to commit unlawful acts.

Keywords: the requirement of a prosecutor, the obligation to execute the requirement, the administrative liability, the prosecutor's request, prosecutorial supervision.

References

1. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.02.2005 No. 84-O "On Refusal to Accept the Complaint of Citizen I.V. Motoricheva for Violation of His Constitutional Rights by the Provisions of Article 24 of the Federal Law" On the Prosecutor's Office of the Russian Federation " //SPS ConsultantPlus
2. Bagautdinov F.N. Nonexecution of orders of a Public Prosecutor – bringing to administrative responsibility//Legality. 2019. № 7. P. 28.
3. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 02.09.2022 No. 78-AD22–43-K3// of SPS ConsultantPlus.
4. Cassation ruling of the Sixth Court of Cassation of General Jurisdiction dated 09.10.2024 No. 88a-18720/2024//SPS ConsultantPlus.
5. Resolution of the Uvat District Court of the Tyumen Region of 30.05.2022 in case No. 5–201/2022//SPS Consultant Plus.

Проблемы обращения с твердыми коммунальными отходами на особо охраняемых природных территориях и правовые способы их решения

Госачинская Анна Артуровна,

магистр, МГУ им. М.В. Ломоносова; советник государственной гражданской службы Российской Федерации 3 класса
E-mail: zozulina808@gmail.com

В данной статье на основе проведенного анализа результатов опроса руководств особо охраняемых природных территорий (ООПТ) в различных субъектах Российской Федерации, размещенного в открытых источниках, автором рассматриваются основные проблемы применения законодательства об обращении с отходами производства и потребления, с которыми сталкиваются ООПТ при организации системы накопления и сбора твердых коммунальных отходов (ТКО), образованных на их территориях. Также в данной статье рассматриваются тенденции развития современного законодательства по обращению с ТКО, направленные на устранение существующих проблем. Автором статьи проведен анализ последних изменений действующего законодательства об обращении, а также разрабатываемых органами исполнительной власти Российской Федерации проектов нормативно-правовых актов, направленных на регулирование деятельности по обращению с отходами. Автором приводятся предложения по устранению указанных проблем. При написании данной статьи автором использовались официальные сайты Президента Российской Федерации, Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Минприроды России, новостные порталы.

Ключевые слова: особо охраняемые природные территории, ООПТ, отходы производства и потребления, твердые коммунальные отходы, ТКО, территориальная схема обращения с отходами, нормативы накопления ТКО.

В соответствии с положениями Федеральным законом от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» (далее – Закон № 33-ФЗ) для ООПТ установлен режим особой охраны, направленный на минимизацию негативного воздействия на окружающую среду при осуществлении туризма на данных территориях [1].

Именно поэтому, вопрос соблюдения установленного законодательством порядка обращения с ТКО как источником негативного воздействия на окружающую среду на территориях ООПТ стоит особенно остро. В 2019 году была запущена мусорная реформа, направленная на эффективное управление отходами с целью сокращения их полигонного захоронения и ликвидации несанкционированных объектов размещения отходов, в том числе располагающихся на ООПТ. Несмотря на масштабную трансформацию законодательства об отходах в рамках этой реформы, многие ООПТ столкнулись с проблемами реализации намеченного законодателем пути.

Согласно результатам опроса 140 федеральных ООПТ, проведенного Агентством стратегических инициатив в 2020 году [2], основными проблемами с которыми столкнулась большая часть опрошенных ООПТ являются:

- несовершенство организации системы сбора ТКО (низкая транспортная доступность, удаленность от объектов инфраструктуры по обращению с ТКО, что также влечет низкую рентабельность для региональных операторов, а также неисполнение обязательств региональным оператором по вывозу ТКО, в том числе несвоевременный вывоз ТКО);
- неправильная организация накопления ТКО (отсутствовали ограждения вокруг контейнеров, из-за чего мусор вытаскивали животные, и оставшийся на земле мусор не вывозился региональным оператором, либо контейнеры вообще не были установлены);
- отсутствие ООПТ в территориальной схеме по обращению с ТКО;
- отсутствие у руководства ООПТ заключенного договора по оказанию услуг по обращению с ТКО с региональным оператором (в том числе по причине отсутствия регионального оператора на территории соответствующего субъекта Российской Федерации);
- отсутствие на территории соответствующего субъекта Российской Федерации системы обращения с отходами I–V классов опасности в целом, несовершенство инфраструктуры;

– высокая стоимость услуг по вывозу ТКО, в том числе несоответствие установленного норматива накопления ТКО с фактически накопленным объемом ТКО [3].

Перечисленные проблемы, затрудняющие внедрение эффективной системы накопления и вывоза ТКО, являются причиной возникновения несанкционированных мест размещения отходов на территориях ООПТ. Согласно информации, приведенной Минприроды России, по состоянию на 2020 год на ООПТ были выявлены несанкционированные места размещения отходов общей площадью более 100 га и массой более 300 тыс. тонн, объекты накопленного вреда окружающей среде от предыдущей деятельности хозяйствующих субъектов общей площадью более 5 тыс. га и массой более 67 тыс. тонн, а также была определена необходимость в установке дополнительных контейнеров для накопления ТКО (925 шт.) [4].

Вместе с тем, мусорная реформа не стоит на месте. В период с 2019 по настоящий момент законодательство об отходах переживает трансформацию и ситуация с обращением с ТКО на ООПТ меняется в лучшую сторону.

В целях стимулирования раздельного накопления ТКО, Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ (далее – Закон № 89-ФЗ) [5].

Внесенными изменениями определено понятие вторичные ресурсы, а также уточняется порядок их раздельного накопления. Согласно статье 17.1 Закона № 89-ФЗ в редакции Закона № 268-ФЗ физические лица, в процессе потребления которыми образуются вторичные ресурсы, обеспечивают их раздельное накопление в местах (на площадках) накопления ТКО либо сдачу в места сбора вторичных ресурсов. В местах сбора вторичных ресурсов может осуществляться складирование вторичных ресурсов как по видам вторичных ресурсов, так и по группам однородных отходов в соответствии с требованиями при обращении с такими группами. [6] Реализация указанных положений облегчит осуществление раздельного накопления ТКО на ООПТ.

Одним из нововведений, внесенным Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 26 декабря 2024 г. № 497-ФЗ (далее – Закон № 497-ФЗ) в Закон № 89-ФЗ является определение понятий труднодоступная территория, а также мусороперегрузочная станция. В соответствии с Законом № 497-ФЗ срок хранения отходов, образовавшихся на труднодоступных территориях, увеличен более чем на двенадцать месяцев. Перечень труднодоступных территорий определяется субъектами Российской Федерации в составе тер-

риториальных схем обращения с отходами по результатам согласования с ППК «Российский экологический оператор» и Росприроднадзором [7].

В реализацию постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 27-П (далее – Постановление) в части регулирования порядка ликвидации мест несанкционированного складирования отходов Минприроды России разработан проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – законопроект № 751834–8). Законопроектом № 751834–8 устанавливается порядок выявления территорий, загрязненных в результате сброса ТКО объемом 5 кубических метров и более, не относящихся к объектам накопления или размещения отходов, а также уточняются полномочия субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в случае невозможности установления лиц, виновных в загрязнении территорий ТКО. В соответствии с законодательством об обращении с отходами ликвидировать несанкционированные места обязан либо лицо, виновное в их образовании, либо собственник соответствующего земельного участка. Предполагается, что в случае невозможности определения указанных лиц за ликвидацию несанкционированных мест, расположенных в границах населенных пунктов, ответственны органы местного самоуправления, вне населенных пунктов – органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, в срок не превышающий двух лет [8].

В настоящее время законопроект № 751834–8 находится на рассмотрении в Государственной Дума Федерального Собрания Российской Федерации и принят в первом чтении.

Что касается вопроса повышения рентабельности вывоза ТКО с ООПТ для регионального оператора, ППК «Российский экологический оператор» предложено предусмотреть использование средств курортного сбора в расходах региональных операторов на особо охраняемых природных территориях и строительстве объектов по переработке, дополнив соответствующими положениями тарифное законодательство [9].

Также в силу специфики ООПТ, автору данной статьи видится необходимым внесение изменений в положения законодательства, определяющие требования к площадкам накопления ТКО в части обязанности обеспечения защиты указанных мест от диких животных. И здесь встает вопрос, о том, какой способ будет наиболее благоприятным. Целесообразно предусмотреть универсальную норму, распространяющуюся на контейнерные площадки, расположенные на всех ООПТ, либо оставить это на усмотрение исполнительных органов субъектов Российской Федерации в соответствии с пунктом 6 статьи 13.4 Закона № 89-ФЗ.

Вместе с тем, порядок обращения с отходами на ООПТ до сих пор подлежит совершенствованию. На сайте Кремля опубликован Перечень пору-

чений Президента Российской Федерации по итогам расширенного заседания Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам и комиссий Государственного Совета по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации, состоявшегося 29 мая 2024 г., № Пр-1533 (далее – Перечень). В соответствии с Перечнем кабмину и профильной комиссии Госсовета поручено обеспечить «создание эффективной системы управления такими отходами на объектах туризма, находящихся на особо охраняемых природных территориях, включая запрет на использование пластиковой посуды, пакетов и других неразлагаемых твердых коммунальных отходов, организацию раздельного сбора таких отходов в целях их дальнейшей переработки» [10].

Литература

1. Федеральный закон от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 20 марта 1995 г. № 12 ст. 1024
2. АСИ выяснило причины появления мусорных свалок на охраняемых природных территориях. 2020. [Электронный ресурс] // Сайт Агентства стратегических инициатив (дата обращения: 10 февраля 2025 г.) URL: <https://asi.ru/news/121612/>
3. Обращение с отходами на особо охраняемых природных территориях. Результаты опроса 140 федеральных ООПТ. // Агентство стратегических инициатив. Москва. 2020. [Электронный ресурс] // (дата обращения: 10 февраля 2025 г.) URL: <https://www.calameo.com/read/00471397824268e1d5161>
4. Минприроды России проведен учет несанкционированных свалок на ООПТ. 2020 [электронный ресурс] // Сайт Минприроды России России (дата обращения 10 февраля 2025 г.)
5. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 268-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, № 29, ст. 5235
6. Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 26, ст. 3009, № 33, ст. 4928, 4992, 5002
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об отходах производства и потребления» и Федеральный закон «Об охране окружающей среды» от 26 декабря 2024 г. № 497-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации, 26 декабря 2024 г.
8. Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество») [Электронный ресурс] // (дата обращения: 10 февраля 2025 г.) URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751834-8>
9. РЭО предложил направить деньги туристов на вывоз отходов в заповедных территориях. 2024. [электронный ресурс] // Известия (дата обращения 10 февраля 2025 г.) URL: <https://iz.ru/1680749/2024-04-11/reo-predlozhit-napravit-dengi-turistov-na-vyvoz-otkhodov-v-zapovednykh-territoriiakh>
10. Перечень поручений Президента Российской Федерации по итогам расширенного заседания Совета при Президенте по стратегическому развитию и национальным проектам и комиссий Государственного Совета по направлениям социально-экономического развития Российской Федерации, состоявшегося 29 мая 2024 г., № Пр-1533. 2024. [электронный ресурс] // Сайт Президента России (дата обращения 10 февраля 2025 г.) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74712>

WASTE MANAGEMENT PROBLEMS IN SPECIALLY PROTECTED NATURAL AREAS AND LEGAL WAYS OF SOLUTION

Gosachinskaya A.A.
Moscow State University

In this article, based on the analysis of the survey results of the management of specially protected natural areas (SPNA) in various subjects of the Russian Federation, published in open sources, the author examines the main problems of applying legislation on the management of industrial and consumer waste faced by protected areas when organizing a system of accumulation and collection of municipal solid waste (MSW) generated on their territories. This article also examines trends in development of modern legislation on MSW management aimed at eliminating existing problems. The author of the article analyzes the latest changes in the current legislation on waste management, as well as draft regulatory legal acts developed by the executive authorities of the Russian Federation aimed at regulating waste management activities. The author provides suggestions for the elimination of these problems. During prepare this article, the author used the official websites of the President of the Russian Federation, the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, the Ministry of Natural Resources of Russia, and news portals.

Keywords: protected natural areas, waste management.

References

1. Federal Law of March 14, 1995 No. 33-FZ “On Specially Protected Natural Areas” // Collection of Legislation of the Russian Federation of March 20, 1995 No. 12, Art. 1024
2. ASI found out the reasons for the appearance of garbage dumps in protected natural areas. 2020. [Electronic resource] // Website of the Agency for Strategic Initiatives (date of access: February 10, 2025) URL: <https://asi.ru/news/121612/>
3. Waste management in specially protected natural areas. Results of a survey of 140 federal protected areas. // Agency for Strategic Initiatives. Moscow. 2020. [Electronic resource] // (date of access: February 10, 2025) URL: <https://www.calameo.com/read/00471397824268e1d5161>
4. The Ministry of Natural Resources of Russia conducted an inventory of unauthorized dumps in protected areas. 2020 [electronic resource] // Website of the Ministry of Natural Resources of Russia (date of access February 10, 2025)
5. Federal Law of July 14, 2022 No. 268-FZ “On Amendments to the Federal Law “On Production and Consumption Waste” and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation, 2022, No. 29, Art. 5235

6. Federal Law "On Production and Consumption Waste" of June 24, 1998 No. 89-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation, 1998, No. 26, art. 3009, No. 33, art. 4928, 4992, 5002
7. Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Production and Consumption Waste" and the Federal Law "On Environmental Protection" dated December 26, 2024 No. 497-FZ // Official Internet Portal of Legal Information, December 26, 2024
8. The System for Ensuring Legislative Activity of the State Automated System "Lawmaking" (SOZD GAS "Lawmaking") [Electronic resource] // (date accessed: February 10, 2025) URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/751834-8>
9. REO proposed to direct tourists' money to waste removal in protected areas. 2024. [electronic resource] // Izvestia (date of access February 10, 2025) URL: <https://iz.ru/1680749/2024-04-11/reo-predlozhit-napravit-dengi-turistov-na-vyvoz-otkhodov-v-zapovednykh-territoriakh>
10. List of instructions of the President of the Russian Federation following the results of the expanded meeting of the Presidential Council for Strategic Development and National Projects and the State Council commissions on the areas of socio-economic development of the Russian Federation, held on May 29, 2024, No. Pr-1533. 2024. [electronic resource] // Website of the President of Russia (date of access February 10, 2025) URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/74712>

Судебное усмотрение как фактор обеспечения правовой определенности в административном праве

Домрачев Александр Александрович,

аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Петрозаводский государственный университет»
E-mail: alexbig@inbox.ru

В статье исследуется роль судебного усмотрения в обеспечении правовой определенности в административном праве. Рассматривается правовая неопределенность как неотъемлемая характеристика системы юридического регулирования, требующая сбалансированного подхода при разработке и применении нормативно-правовых актов. Особое внимание уделено анализу дискреционных полномочий судей и их влиянию на правоприменительную практику, а также на формирование правовых позиций высшими судебными инстанциями. Автор рассматривает судебное усмотрение как инструмент адаптации законодательства к конкретным обстоятельствам дела, позволяющий компенсировать пробелы в праве и учитывать динамику общественных отношений. В работе анализируются риски, связанные с произвольным толкованием норм и субъективным подходом судей, а также механизмы ограничения судебного усмотрения для предотвращения правового произвола. На основе анализа судебной практики и доктринальных источников предложены рекомендации по минимизации субъективности правоприменительных решений, а также обеспечению предсказуемости и единообразия судебной практики. Сделан вывод о необходимости выработки единых стандартов и критериев использования судебного усмотрения, которые позволят обеспечить баланс между гибкостью правоприменения и принципом правовой определенности, что в свою очередь способствует повышению доверия к судебной системе и стабильности правового регулирования.

Ключевые слова: судебное усмотрение, правовая определенность, административное право, дискреционные полномочия, судебная практика.

Введение

Правовая неопределенность не выступает полной противоположностью правовой определенности, а, напротив, представляет собой ее составной компонент, который требует внимательного и профессионального подхода при разработке нормативно-правовых актов и их применении. Судебное усмотрение выполняет ключевую функцию в процессе развития правовых систем, поскольку оно не только компенсирует пробелы законодательства, но и способствует его адаптации через формирование правовых позиций. Легитимность судебной власти во многом зависит от строгого соблюдения установленных процедур, включая назначение судей, распределение судебных дел и обеспечение их независимости. Недостаточная определенность правовых норм может стать предпосылкой для правового произвола, что в свою очередь негативно отражается на стабильности правового регулирования. В тех случаях, когда законодатель не дает однозначных решений, судебное усмотрение приобретает особое значение, предоставляя возможность учитывать конкретные обстоятельства дела и обеспечивать справедливое применение норм.

Проблема разграничения правовой определенности и использования оценочных категорий в праве остается предметом научных споров. Особое внимание уделяется роли высших судебных инстанций в формировании правоприменительной практики, поскольку судебное нормотворчество остается одной из наиболее обсуждаемых тем в юридическом сообществе. Актуальность дискуссий в юридической науке связана с поиском оптимального соотношения между судебным усмотрением и правовой определенностью, особенно в сфере административного права. Этот баланс необходим для того, чтобы судебная практика сохраняла предсказуемость и устойчивость, одновременно обеспечивая гибкость при рассмотрении конкретных случаев.

В рамках настоящего исследования применяются различные методологические подходы, среди которых сравнительно-правовой и формально-юридический методы занимают ключевые позиции. Также используется анализ и синтез, позволяющие детально рассмотреть исследуемые правовые явления и выявить их взаимосвязи. Кроме того, в работе задействованы логические методы, обеспечивающие последовательность рассуждений и обоснованность выводов, что способствует формированию целостного представления о предмете исследования.

Основная часть

Административное усмотрение представляет собой полномочие государственных органов применять правовые нормы с учетом особенностей конкретной ситуации, что позволяет осуществлять избирательное правоприменение [1, с. 22]. Дискреционные полномочия заключаются в праве публичных органов и судебных инстанций самостоятельно выбирать один из возможных вариантов административных действий или решений, придерживаясь установленных законом границ [2, с. 1397]. Понятия с оценочной составляющей играют значительную роль в правовом регулировании общественных отношений, а их интерпретация в судебных разбирательствах во многом зависит от уровня правосознания судей и других правоприменителей [3, с. 86].

Судейское усмотрение представляет собой процесс принятия решений, опирающийся на внутренние убеждения судьи, при этом оно должно оставаться в пределах закона и нравственных принципов [4, с. 110]. Судебное усмотрение можно рассматривать как механизм выбора между несколькими правомерными вариантами решений, основанный на анализе правовых норм и индивидуальных обстоятельств дела [5, с. 413]. Данный инструмент играет ключевую роль в обеспечении гибкости судебной практики, позволяя учитывать специфику рассматриваемых дел и выносить обоснованные решения [6, с. 114]. Поскольку судебное усмотрение предполагает возможность выбора между различными законными вариантами, оно предоставляет судье пространство для индивидуального применения норм права. Такой подход особенно важен в ситуациях, когда конкретные обстоятельства дела не имеют четкого регулирования в законодательстве, требуя детальной оценки и профессионального анализа.

Судебное усмотрение принципиально отличается от дискреционных полномочий тем, что его применение строго ограничено рамками действующего законодательства и направлено на обеспечение прав личности [1, с. 24]. В отличие от него, дискреционные полномочия предоставляют органам государственной власти определенную степень свободы при принятии административных решений, позволяя выбирать между различными вариантами, которые считаются равноценными с точки зрения справедливости и законности [2, с. 1397]. Судебное правотворчество выступает инструментом для устранения недостатков позитивного права, включая наличие пробелов, устаревание отдельных правовых норм и их неоднозначное толкование. В свою очередь, неопределенность может присутствовать в содержании самой правовой нормы, ее отдельных положениях, в рамках определенных правовых институтов или даже на уровне нормативных актов в целом.

Неопределенность права является неотъемлемой характеристикой системы юридического регулирования, отражающей его фундаментальную природу [7, с. 17]. Законы, направленные на упо-

рядочение общественных отношений, неизбежно включают элементы неопределенности, поскольку должны учитывать динамику социальной жизни и разнообразие правоприменительных ситуаций. При этом основополагающие принципы права призваны формировать баланс интересов общества, обеспечивая объективные ориентиры для совершенствования законодательства [8, с. 81]. Они выполняют ключевую функцию в оценке качества правотворческого процесса, способствуя созданию устойчивой, последовательной и предсказуемой правовой среды. Соблюдение этих принципов позволяет минимизировать риск произвольного толкования правовых норм и укрепляет доверие к системе правосудия.

Применение толкования *contra legem* достаточно распространено в судебной практике, включая российскую правовую систему. Его обоснованность связана с тем, что право и закон не являются полностью идентичными понятиями, что позволяет судьям в отдельных случаях отходить от буквального содержания нормативных актов [9, с. 87]. С.А. Белов уточняет, что правовые нормы, содержащие запреты, предписания и дозволения, должны быть сформулированы таким образом, чтобы их смысл был понятен каждому, кто с ними знакомится [10, с. 295]. Четкость и однозначность законодательных положений являются важнейшими условиями для предотвращения правовой неопределенности и возможных разночтений в их применении. Л.Ю. Грудцына считает, что прецедентное толкование правовых норм основывается на использовании официальных актов интерпретации, что способствует правовой стабильности и предсказуемости судебных решений [11, с. 131]. В этом контексте правовые позиции высших судебных инстанций играют ключевую роль в устранении пробелов законодательства, формируя ориентиры для правоприменительной практики на всех уровнях судебной системы.

Согласно исследованию Т.А. Желдыбиной неясность формулировок правовых норм может привести к серьезным негативным последствиям, включая вероятность субъективного подхода при их применении [12, с. 79]. Отсутствие четкости в законодательных положениях создает риск произвольного толкования, что может повлечь за собой нестабильность правоприменительной практики и нарушение принципа правовой определенности. Е.А. Коваль считает, что причины правовой неопределенности кроются не только в недостатках правотворчества, но и в отсутствии четкого изложения законодателем своей воли [13, с. 113]. Недостаточная конкретизация норм способна породить разночтения и противоречия в их интерпретации, что негативно сказывается на правовом порядке и может дестабилизировать регулирование общественных отношений. А.А. Маганкова и С.В. Васильева обращают внимание, что особенно опасным проявлением неопределенности является ее влияние на правоприменение в таких сферах, как охрана окружающей среды [14]. В данной области

отсутствие четких правовых критериев может привести к расширению судебной усмотрения, что создает угрозу непоследовательности судебных решений и затрудняет эффективную защиту экологических прав.

Четкость законодательства играет ключевую роль в обеспечении правовой определенности, позволяя судье принимать обоснованные решения без неоправданного расширения усмотрения. Ясные правовые нормы предотвращают произвол в правоприменении, снижая риск субъективных интерпретаций. Отсутствие четких критериев, напротив, ведет к неопределенности и может подорвать стабильность судебной практики.

Гармоничный подход к толкованию *contra legem* по мнению И.Г. Аллахвердиева позволяет объединить принципы правовой определенности, законности и справедливости в процессе правового регулирования [9, с. 86]. В.М. Баранов отмечает, что определенная степень правовой неопределенности может выполнять конструктивную функцию, способствуя динамичному и адаптивному развитию законодательства [7, с. 21]. А.А. Беженцев и Н.А. Игошин акцентируют внимание, что механизм судебного усмотрения играет ключевую роль в обеспечении гибкости правоприменения, позволяя учитывать все значимые обстоятельства каждого конкретного дела [1, с. 27]. Использование оценочных категорий в законодательстве по мнению С.С. Бурцевой способствует индивидуализации правоприменения и адаптации правовых норм к конкретным ситуациям [3, с. 88]. Процесс судебного нормотворчества, как уточняют П.А. Гук, М.С. Чунина, выполняет функцию устранения недостатков правового регулирования, обеспечивая согласованность правовых позиций, выработанных высшими судебными инстанциями [15, с. 134]. Гибкость, которую предоставляет судебное усмотрение, позволяет судьям учитывать уникальные обстоятельства рассматриваемых дел, что способствует принятию справедливых и объективных решений.

Дискреционные полномочия судей, особенно в условиях недостаточной четкости законодательных норм, могут стать причиной правовой неопределенности [2, с. 1398]. Чрезмерное использование оценочных категорий в нормативных актах способно подорвать конституционный принцип правовой ясности, увеличивая вероятность субъективного подхода в правоприменении [1, с. 28]. Процесс интерпретации законов должен учитывать как объективные, так и субъективные факторы, поскольку судьи неизбежно вносят элементы личного восприятия при принятии решений. При отсутствии четких критериев судебное усмотрение может выйти за рамки правовых стандартов, что повышает риски несоответствия решений требованиям законности и справедливости. Нерегламентированные пределы судебного усмотрения создают угрозу правовой неопределенности, позволяя судебной практике становиться нестабильной и непредсказуемой. В таких условиях существует вероятность

произвольного толкования норм, что может поставить под сомнение принцип равенства перед законом.

Необходим комплексный подход к выявлению ключевых проблемных аспектов правоприменительной практики, возникающих вследствие правовой неопределенности. Такая неопределенность способна спровоцировать неоднозначное толкование норм, что требует своевременного анализа и корректировки правового регулирования. Игнорирование судебными органами правовых позиций высших судебных инстанций при применении норм законодательства может привести к вынесению решений, противоречащих принципу справедливости. Отсутствие единообразия в судебной практике нередко становится причиной несоответствия правоприменения конституционным требованиям, что подчеркивает важность учета прецедентных разъяснений высших судов при разрешении спорных вопросов.

Сформированные высшими судебными инстанциями Российской Федерации правовые позиции представляют собой самостоятельные правовые ориентиры, являясь обязательными для исполнения судами низшего уровня [7, с. 30]. Они служат своеобразными стандартами, определяющими единые принципы правоприменительной практики. Судебные прецеденты оказывают значительное влияние на сферу административного судопроизводства, способствуя обеспечению единства и согласованности в вынесении судебных решений [1, с. 29]. Это позволяет минимизировать разночтения в применении законодательства, что особенно важно в условиях правовой неопределенности. В целом правоприменительная практика, формируемая судебными органами, играет ключевую роль в установлении обязательных стандартов для административных органов. В результате решений судебных инстанций вырабатываются правовые нормы, которые впоследствии становятся ориентиром для дальнейшего применения права в административной сфере.

На рисунке 1 представлена схема, которая отображает судебное усмотрение как фактор обеспечения правовой определенности.

На основе материалов настоящего исследования разработаны следующие рекомендации, которые позволяют достичь минимизации субъективности в судебном усмотрении.

Для снижения уровня субъективности в процессе судебного усмотрения необходимо совершенствовать механизмы надзора и разрабатывать четкие стандарты правоприменения. Ограничить произвольность толкования норм можно путем установления дополнительных условий их применения, детального перечисления факторов, которые должны быть учтены при вынесении решения. Введение оценочных понятий должно быть обосновано необходимостью обеспечения гибкости правового регулирования в динамично изменяющихся общественных отношениях.

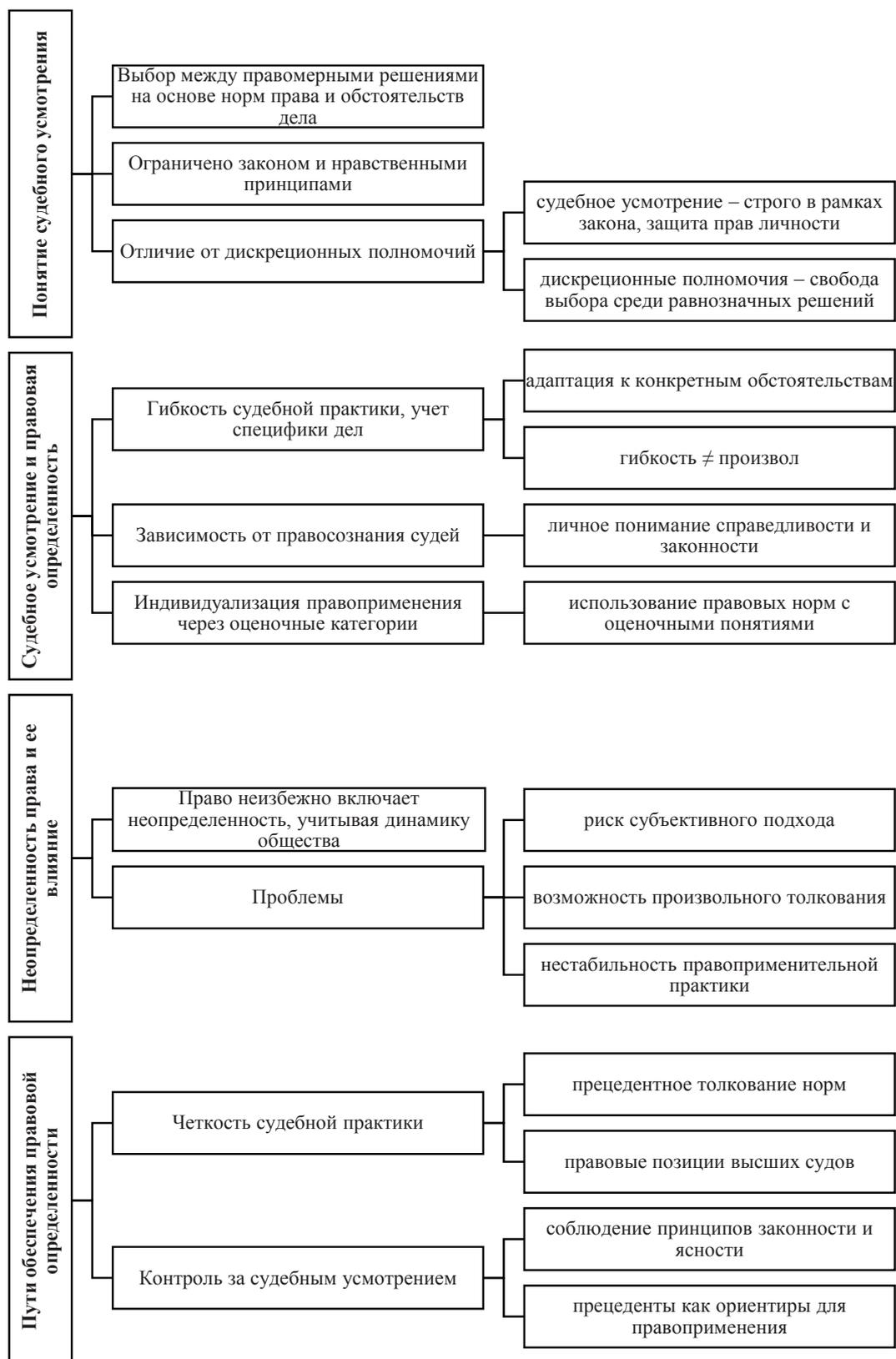

Рис. 1. Формирование правовой определенности через судебное усмотрение в административном праве. (Составлено автором)

Установление единых правовых позиций, формируемых высшими судебными органами, способствует унификации трактовки и реализации норм законодательства, что в свою очередь положительно влияет на уровень правосудия. Разработка механизмов, гарантирующих независимость судейского корпуса, играет важную роль в предотвращении субъективного подхода при

осуществлении правоприменительной деятельности.

Сокращение уровня субъективности в судебном усмотрении возможно через внедрение стандартов и установление критериев, которые позволят сделать правоприменение более предсказуемым. Дополнительным инструментом повышения объективности решений может стать разработка

четких нормативных актов, способствующих снижению свободы усмотрения в спорных правовых ситуациях. Для этого необходимо формирование конкретных рамок, регламентирующих использование судебного усмотрения и предотвращающих его произвольное применение.

Развитие унифицированных критериев правоприменения позволит устранить неопределенность в толковании правовых норм. Кроме того, минимизация субъективного подхода требует разработки комплексных стандартов, которые обеспечат прозрачность и единообразие в принятии судебных решений. Введение четких нормативных ограничений поможет исключить произвол в судебном процессе, повысит правовую предсказуемость и обеспечит стабильность системы правосудия.

Заключение

Судебное усмотрение занимает важное место в правовой системе, обеспечивая баланс между гибкостью правоприменения и правовой определенностью. Его использование должно быть тщательно урегулировано, чтобы способствовать стабильности правового регулирования. Основу правовой определенности в административном судопроизводстве составляют принципы административного права и процессуальные нормы, в том числе дискреционные полномочия, которые позволяют учитывать особенности конкретных дел без нарушения установленных правовых рамок.

Включение правовых позиций в судебное нормотворчество высших судебных инстанций способствует большей прозрачности решений и укрепляет правовую определенность, снижая вероятность правового произвола. Не менее важным аспектом остается процесс назначения судей, осуществляемый в рамках строго регламентированных процедур, что гарантирует их независимость и способствует соблюдению принципа правовой определенности.

Оценочные понятия в правоприменительной практике выполняют ключевую функцию, позволяя учитывать изменяющиеся общественные отношения, но их использование должно быть ограничено четкими критериями, исключающими правовую неопределенность и судебный произвол. Для обеспечения справедливого применения норм требуется балансировка между принципами права и судебским усмотрением, позволяющая судье принимать обоснованные решения в границах закона.

Судебное усмотрение должно применяться в рамках четко установленных стандартов, исключая возможность правового произвола. Оно должно быть строго подчинено нормативным требованиям, что позволит избежать субъективных решений, основанных на личных предпочтениях судьи. Для предотвращения неоправданного расширения пределов усмотрения необходимо учитывать правовые и этические ограничения, обеспечивающие предсказуемость и стабильность судебной практики.

Особенно важно наличие четких критериев и механизмов контроля при применении судебного усмотрения в делах, касающихся малозначительных административных правонарушений. Создание унифицированных регламентов и стандартов в этой области будет способствовать правовой определенности, исключая различное толкование норм. Судебное усмотрение должно сочетать гибкость и предсказуемость, позволяя адаптировать нормы к индивидуальным случаям без нарушения стабильности правовой системы.

Для предотвращения произвольности в принятии решений судебное усмотрение должно быть строго ограничено действующим законодательством, что обеспечит правовую определенность и исключит неоправданные отступления от норм права. Эффективное применение этого механизма требует соблюдения принципов законности и разработки четких нормативных предписаний, позволяющих избежать субъективизма в правоприменении.

Литература

1. Беженцев, А.А. Административное усмотрение: принципы и границы / А.А. Беженцев, Н.А. Игошин // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 3. – С. 21–28. – DOI 10.24412/2073–3305–2024–3–21–28.
2. Бекетов, О.И. Принципы административно-процессуального права: отдельные аспекты содержания и реализации / О.И. Бекетов, В.И. Сургутсков // Baikal Research Journal. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1391–1401. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1391–1401.
3. Бурцева, С.С. Оценочные понятия – необходимое средство достижения конституционной идеи правовой определенности или фактор, приводящий к ее нарушению? / С.С. Бурцева // Правоприменение. – 2023. – Т. 7, № 4. – С. 86–95. – DOI 10.52468/2542–1514.2023.7(4).86–95.
4. Корнакова, С.В. Усмотрение как результат формирования внутреннего убеждения судьи / С.В. Корнакова // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 5(186). – С. 107–116. – DOI 10.17803/1729–5920.2022.186.5.107–116.
5. Нинчиева, Т.М. Механизм формирования правоприменительного усмотрения / Т.М. Нинчиева, О.Ю. Колесникова, О.Н. Харитоновна // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 412–414. – DOI 10.47643/1815–1337_2023_6_412.
6. Овдиенко, Е. Б. К вопросу об индивидуальном судебном регулировании гражданских правоотношений / Е.Б. Овдиенко // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 8(200). – С. 62–64. – DOI 10.47643/1815–1337_2021_8_62.
7. Баранов, В.М. Техничко-юридическая форма правовой неопределенности: сущность, основные виды, ценность функционирования / В.М. Баранов // Государственно-правовые ис-

следования. – 2021. – № 4. – С. 15–41. – DOI 10.20310/2658–5383–2021–4–15–41.

8. Завгородняя, А.А. Интересы в системе общеправовых ценностей и принципов права / А.А. Завгородняя // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2022. – Т. 75, № 9(190). – С. 79–93. – DOI 10.17803/1729–5920.2022.190.9.079–093.
9. Аллахвердиев, И.Г. Сбалансированная модель толкования *contra legem*: попытка обоснования / И.Г. Аллахвердиев // *Право и политика*. – 2021. – № 12. – С. 69–88. – DOI 10.7256/2454–0706.2021.12.36659.
10. Белов, С.А. Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов / С.А. Белов // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право*. – 2022. – Т. 13, № 2. – С. 293–308. – DOI 10.21638/spbu14.2022.201.
11. Грудцына, Л.Ю. Место и роль судебного прецедента в судебной системе / Л.Ю. Грудцына // *Образование и право*. – 2022. – № 1. – С. 130–136. – DOI 10.24412/2076–1503–2022–1–130–136.
12. Желдыбина, Т.А. Роль оценочных понятий в законотворческой и судебной практике / Т.А. Желдыбина // *Философия права*. – 2022. – № 3(102). – С. 77–80.
13. Коваль, Е. А. «Хотели как лучше»: дефект выражения воли нормотворца и правовая неопределенность / Е.А. Коваль // *Государственно-правовые исследования*. – 2021. – № 4. – С. 111–115. – DOI 10.20310/2658–5383–2021–4–111–115.
14. Маганкова, А.А. Прекращение производства по делам об административных правонарушениях в области охраны окружающей среды в связи с малозначительностью совершенного правонарушения – реалии конституционного регулирования и судебной практики / А.А. Маганкова, С.В. Васильева // *Юридическая наука*. – 2021. – № 1. – С. 45–47.
15. Гук, П.А. Акты национального судебного нормотворчества: теория, техника и практика применения / П.А. Гук, М.С. Чунина // *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. – 2022. – № 5(148). – С. 22–28. – DOI 10.24412/2227–7315–2022–5–22–28.

JUDICIAL DISCRETION AS A FACTOR IN ENSURING LEGAL CERTAINTY IN ADMINISTRATIVE LAW

Domrachev A.A.

Petrozavodsk State University

This article explores the role of judicial discretion in ensuring legal certainty in administrative law. Legal uncertainty is analyzed as an inherent characteristic of the legal regulation system, requiring a balanced approach to the development and application of legal norms. Special attention is given to the analysis of judicial discretionary powers and their impact on law enforcement practices, as well as the role of higher courts in shaping legal positions. Judicial discretion is considered as a tool for adapting legislation to specific case circumstances, helping to compensate for legal gaps and account for the dynamics of social relations. The study examines the risks associated with arbitrary interpretation of norms and the subjective approach of judges, as well as mechanisms for limiting judi-

cial discretion to prevent legal arbitrariness. Based on an analysis of case law and doctrinal sources, recommendations are proposed to minimize subjectivity in judicial decision-making and ensure predictability and uniformity in judicial practice. The findings emphasize the necessity of developing unified standards and criteria for judicial discretion to achieve a balance between legal flexibility and legal certainty. This, in turn, contributes to strengthening public trust in the judiciary and enhancing regulatory stability.

Keywords: judicial discretion, legal certainty, administrative law, discretionary powers, judicial practice.

References

1. Bezhenchev, A. A., Igoshin, N.A. Administrative Discretion: Principles and Boundaries / A.A. Bezhenchev, N.A. Igoshin // *Education. Science. Scientific Personnel*. – 2024. – No. 3. – Pp. 21–28. – DOI 10.24412/2073–3305–2024–3–21–28.
2. Beketov, O. I., Surgutskov, V.I. Principles of Administrative Procedural Law: Specific Aspects of Content and Implementation / O.I. Beketov, V.I. Surgutskov // *Baikal Research Journal*. – 2024. – Vol. 15, No. 4. – Pp. 1391–1401. – DOI 10.17150/2411–6262.2024.15(4).1391–1401.
3. Burtsyeva, S.S. Evaluative Concepts – An Essential Tool for Achieving the Constitutional Idea of Legal Certainty or a Factor Leading to Its Violation? / S.S. Burtsyeva // *Law Enforcement*. – 2023. – Vol. 7, No. 4. – Pp. 86–95. – DOI 10.52468/2542–1514.2023.7(4).86–95.
4. Kornakova, S.V. Discretion as the Result of the Formation of the Judge’s Internal Conviction / S.V. Kornakova // *Lex Russica (Russian Law)*. – 2022. – Vol. 75, No. 5(186). – Pp. 107–116. – DOI 10.17803/1729–5920.2022.186.5.107–116.
5. Nintseva, T. M., Kolesnikova, O. Y., Kharitonova, O.N. Mechanism of Formation of Law Enforcement Discretion / T.M. Nintseva, O.Y. Kolesnikova, O.N. Kharitonova // *Law and State: Theory and Practice*. – 2023. – No. 6(222). – Pp. 412–414. – DOI 10.47643/1815–1337_2023_6_412.
6. Ovdnyenko, E.B. On the Issue of Individual Judicial Regulation of Civil Legal Relations / E.B. Ovdnyenko // *Law and State: Theory and Practice*. – 2021. – No. 8(200). – Pp. 62–64. – DOI 10.47643/1815–1337_2021_8_62.
7. Baranov, V.M. The Technico-Legal Form of Legal Uncertainty: Essence, Main Types, and the Value of Functioning / V.M. Baranov // *State-Law Research*. – 2021. – No. 4. – Pp. 15–41. – DOI 10.20310/2658–5383–2021–4–15–41.
8. Zavgorodnya, A.A. Interests in the System of General Legal Values and Principles of Law / A.A. Zavgorodnya // *Lex Russica (Russian Law)*. – 2022. – Vol. 75, No. 9(190). – Pp. 79–93. – DOI 10.17803/1729–5920.2022.190.9.079–093.
9. Allahverdiyev, I. G. A Balanced Model of Interpretation *contra Legem*: An Attempt to Justify / I.G. Allahverdiyev // *Law and Politics*. – 2021. – No. 12. – Pp. 69–88. – DOI 10.7256/2454–0706.2021.12.36659.
10. Belov, S.A. The Role of Language in Ensuring the Clarity and Certainty of Normative Legal Acts / S.A. Belov // *Bulletin of Saint Petersburg University. Law*. – 2022. – Vol. 13, No. 2. – Pp. 293–308. – DOI 10.21638/spbu14.2022.201.
11. Grudtsyna, L.Y. The Place and Role of Judicial Precedent in the Judicial System / L.Y. Grudtsyna // *Education and Law*. – 2022. – No. 1. – Pp. 130–136. – DOI 10.24412/2076–1503–2022–1–130–136.
12. Zheldybina, T.A. The Role of Evaluative Concepts in Legislation and Judicial Practice / T.A. Zheldybina // *Philosophy of Law*. – 2022. – No. 3(102). – Pp. 77–80.
13. Koval, E. A. “We Wanted the Best”: Defects in the Expression of the Will of the Legislator and Legal Uncertainty / E.A. Koval // *State-Law Research*. – 2021. – No. 4. – Pp. 111–115. – DOI 10.20310/2658–5383–2021–4–111–115.
14. Magankova, A. A., Vasilyeva, S.V. Termination of Administrative Offense Proceedings in Environmental Protection Cases Due to the Insignificance of the Offense – Realities of Constitutional Regulation and Judicial Practice / A.A. Magankova, S.V. Vasilyeva // *Legal Science*. – 2021. – No. 1. – Pp. 45–47.
15. Guk, P. A., Chuniya, M.S. Acts of National Judicial Lawmaking: Theory, Technique, and Practice of Application / P.A. Guk, M.S. Chuniya // *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. – 2022. – No. 5(148). – Pp. 22–28. – DOI 10.24412/2227–7315–2022–5–22–28.

Об использовании биометрических данных в интересах обеспечения общественной безопасности

Елин Владимир Михайлович,

доцент кафедры информационной безопасности, МосУ МВД имени В. Якикота; доцент кафедры информационной безопасности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Каримов Андрей Куттузович,

старший преподаватель кафедры информационной безопасности, МосУ МВД имени В. Якикота

В статье раскрывается ряд аспектов использования биометрических персональных данных при идентификации и аутентификации физических лиц. Значительное внимание уделяется проблеме предоставления биометрических персональных данных по запросам правоохранительных органов. В статье представлена общая характеристика мер по обеспечению безопасности биометрических персональных данных. Отдельно выделяется аспект взаимодействия операторов обработки биометрических персональных данных с МВД России и ФСБ России.

Ключевые слова: информационная безопасность, биометрическая аутентификация, персональные данные.

Новеллой российского законодательства выступает закон об использовании биометрических персональных данных при идентификации и аутентификации физических лиц¹ (в дальнейшем: «Закон об идентификации»). Полученные данные обрабатываются Государственной информационной системой «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных» с учетом требований об обработке персональных данных в автоматизированных системах с учетом требований федерального органа исполнительной власти, осуществляющего регулирование в сфере идентификации и аутентификации физических лиц на основе биометрических персональных данных². Российские исследователи давно предвидели возможность подобного использования указанной категории конфиденциальной информации³.

При этом Закон об идентификации понимает под идентификацией совокупность мероприятий по: установлению, проверке и сопоставлению с идентификатором сведений о лице.

В качестве задачи аутентификации следует признать лицо установленным на основании как сопоставления идентификаторов со сведениями о лице (проверка лица на принадлежность ему идентификаторов), так и производство процедуры аутентификации на основании использования аутентифицирующих признаков (признание правомочным факта владения физическим лицом заявленными идентификаторами).

Единая биометрическая система⁴, предназначенная для идентификации физических лиц, функ-

¹ Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 № 572-ФЗ//СПС Консультант плюс

² Приказ Минцифры России от 12.05.2023 № 453 (ред. от 29.11.2023) «О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц»//СПС Консультант плюс

³ Жарова, А.К. Технология дипфейк: вопросы охраны неприкосновенности частной жизни лица и защиты персональных данных / А.К. Жарова // Информационное общество. – 2024. – № 5. – С. 114–122. – EDN BYQCUC.

⁴ Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 883 (ред. от 01.09.2023) «Об утверждении Положения о единой биометрической системе, в том числе о ее региональных сег-

ционирует в нашей стране с 1 июля 2019 года с использованием единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и с подтверждением биометрических данных в ЕБС на базе оператора «Ростелеком».

Функции оператора ГИС «Единая биометрическая система» возложены на АО «Центр биометрических технологий» (ЦБТ), обеспечивающий сбор, хранение, обработку и проверку биометрических персональных данных с учетом требований действующего законодательства¹. ЕБС была создана Минцифры и Банком России в 2018 году. В ее формировании приняла участие и компания Ростелеком. Сейчас оператором ЕБС выступает Центр биометрических технологий, которым владеют Ростелеком, Банк России и Росимущество.

Значительное внимание уделяется обеспечению безопасности в процессе их обработки в единой биометрической системе. Здесь следует иметь в виду, что с принятием Закона «О персональных данных»² определен комплекс организационно-техническим и правовых мер, направленных на обеспечение безопасности персональных данных. Практическая деятельность на первоначальном этапе осуществлялась совместно с Федеральной службой безопасности (ФСБ), Федеральной службой по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК) и Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Согласно постановлению Правительства Российской Федерации № 1119³, следует различать три типа угроз безопасности персональных данных как условий и факторов, создающих актуальную опасность несанкционированного, в том числе случайного, доступа к персональным данным при их обработке в информационной системе, результатом которого могут стать уничтожение, изменение, блокирование, копирование, предоставление, распространение персональных данных, а также иные неправомерные действия. В сочетании актуальных угроз различных типов порождает необходимость обеспечения четырех уровней защищенности персональных данных.

Практическая реализация защиты персональных данных возложена на Федеральную службу по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), которая является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим реализацию государственной политики, специальные и контрольные функции в области государственной безопасности по вопросам обеспечения защи-

ментах, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089»

¹ Постановление Правительства РФ от 21.06.2024 № 834 «Об определении организации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы»

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (Ч. 1). Ст. 3451.

³ Постановление Правительства РФ от 01 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СЗ РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.

ты информации с ограниченным доступом, предотвращения ее утечки по техническим каналам, несанкционированного доступа к ней, специальных воздействий на информацию (носители информации) в целях ее добывания, уничтожения, искажения и блокирования доступа к ней на территории Российской Федерации⁴.

Федеральная служба по техническому и экспортному контролю России предлагает Базовую модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных⁵.

При обработке биометрических персональных данных возрастает объем угроз и, соответственно, увеличивается количество структур и подразделений, несущих ответственность в данной сфере.

Так, Минцифры России требует обеспечить взаимодействие информационных систем государственных органов, органов местного самоуправления, Центрального банка Российской Федерации, организаций, за исключением организаций финансового рынка, индивидуальных предпринимателей, нотариусов с учетом оценки возможного вреда при обработке биометрических сведений⁶.

Приказом ФСБ России определен состав и содержание организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности.

Нормативным актом ФСТЭК России определен перечень требований по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий⁷.

⁴ Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3541.

⁵ Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных. Утв. ФСТЭК РФ 15 февраля 2008 г. // СПС КонсультантПлюс.

⁶ Приказ Минцифры России от 05.05.2023 № 445 «Об утверждении перечня угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, векторов единой биометрической системы, проверке и передаче информации о степени соответствия векторов единой биометрической системы предоставленным биометрическим персональным данным физического лица в единой биометрической системе, а также актуальных при взаимодействии информационных систем государственных органов, органов местного самоуправления, Центрального банка Российской Федерации, организаций, за исключением организаций финансового рынка, индивидуальных предпринимателей, нотариусов с единой биометрической системой, с учетом оценки возможного вреда, проведенной в соответствии с законодательством Российской Федерации о персональных данных» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2023 № 73486)

⁷ Приказ ФСТЭК России от 2 июня 2020 года № 76 «Требования по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и сред-

Сбор биометрических данных россиян осуществляется банками, которые соответствуют требованиям Центрального Банка России. Оператор, осуществляющий сбор биометрических данных должен иметь техническое оснащение, включающее в себя: программу для защиты каналов связи во время идентификации человека через Единую биометрическую систему (КриптоSDK), используемую в мобильных приложениях при дистанционном обслуживании; программу «единого окна» для работы с учетными записями и регистрацией биометрических данных (АРМ Биометрию); облачное или локальное программное обеспечение для защиты биометрической информации клиентов.

Существует два основных решения по биометрии: стандартная (лицо и голос), которая направляется онлайн, через мобильное приложение и позволяет получить только часть услуг; подтвержденная (производится очно), с отметкой в базе о полностью проведенной биометрии, после чего гражданин вправе получить доступ ко всем услугам, не сдавая биометрию повторно.

Параметрами идентификации выступают два биометрических параметра – голос и изображение. В дальнейшем список биометрии, включаемой в данную систему, планируется расширить. Фиксация биометрических персональных данных осуществляется при помощи аудио– и видеозаписи, фото– и киносъемки, описательно, графически, а также может применяться коллекционный и комбинированный способы фиксации.

В качестве оператора единой биометрической системы выступает российское юридическое лицо, являющееся, с одной стороны, владельцем технических средств, предназначенных для обработки содержащихся в единой биометрической системе данных, с другой стороны, обладателем исключительных прав на программное обеспечение, обеспечивающее функционирование единой биометрической системы и обработку содержащейся в ней информации¹.

Российским законодательством определено, что к биометрическим персональным данным относятся сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить его личность². Биометрические персональные данные можно подразделить биологические (сведения о молекулярном строении ДНК и группе крови) и физиологические. В свою очередь, физиологические биометрические персональные данные можно подразделить на статические (анатомические) и динамические (поведенческие) биометрические характеристики человека.

Одной из обязанностей оператора единой биометрической системы является предоставление

¹ Постановление Правительства РФ от 21.06.2024 № 834 «Об определении организации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы»

² Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»

правоохранительным органам сведений, содержащихся в единой биометрической системе. Обязательным условием предоставления указанных сведений является наличие обоснованного и мотивированного запроса, направленного оператору в соответствии с законодательством Российской Федерации³. Правилами предоставления оператором Единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в Единой биометрической системе.

Запрос включает в себя либо идентификатор сведений о физическом лице в регистре физических лиц единой системы идентификации и аутентификации – идентификатор учетной записи в единой системе идентификации и аутентификации; либо идентификатор сведений о физическом лице, содержащийся в иной информационной системе (далее – идентификатор иной информационной системы); либо изображения лица человека, полученные с помощью фотовидеоустройств.

Оператор единой биометрической системы предоставляет в Министерство внутренних дел Российской Федерации или Федеральную службу безопасности Российской Федерации данные изображений лиц, полученные в результате поиска в единой биометрической системе, которые относятся к направляемому в запросе изображению лица в соответствии с методикой определения степени схожести, утверждаемой Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации по согласованию с Министерством внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службой безопасности Российской Федерации и оператором единой биометрической системы.

Оператор также представляет по запросу ряд идентификаторов, содержащихся в единой биометрической системе: идентификаторы сведений о физическом лице в регистре физических лиц единой системы идентификации и аутентификации, биометрические персональные данные которого размещены в единой биометрической системе, идентификаторы учетной записи в единой системе идентификации и аутентификации; идентификаторы иной информационной системы с указанием наименования.

Дополнительно следует отметить, что законодательством определены требования по использованию единой биометрической системы при функционировании организаций, относящихся к объектам оборонно-промышленного, атомного энергопромышленного, ядерного оружейного, химического, топливно-энергетического комплексов, органи-

³ Постановление Правительства РФ от 28.12.2018 № 1703 «О предоставлении оператором единой биометрической системы и оператором регионального сегмента единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе и региональном сегменте единой биометрической системы»

заций, транспортной инфраструктуры (организаций, относящихся к объектам транспортной инфраструктуры, за исключением инфраструктуры городского общественного транспорта, в том числе внеуличного), субъектам критической информационной инфраструктуры. Также применение указанной системы осуществляется на территории таких объектов, где возможно возникновению чрезвычайных ситуаций с опасными социально-экономическими последствиями в результате совершенного террористического акта; и на режимных объектах в соответствии с перечнем сведений, отнесенных к государственной тайне. Закон определено использования информационных систем, обеспечивающих функционирование контрольно-пропускных пунктов для прохода на территорию организаций, осуществляющих аутентификацию с использованием биометрических персональных данных физических лиц.

Таким образом, в настоящее время развиваются механизмы использования биометрических персональных данных в интересах обеспечения общественной безопасности.

Литература

1. Федеральный закон «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» от 29.12.2022 № 572-ФЗ//СПС Консультант плюс
2. Приказ Минцифры России от 12.05.2023 № 453 (ред. от 29.11.2023) «О порядке обработки биометрических персональных данных и векторов единой биометрической системы в единой биометрической системе и в информационных системах аккредитованных государственных органов, Центрального банка Российской Федерации в случае прохождения им аккредитации, организаций, осуществляющих аутентификацию на основе биометрических персональных данных физических лиц»//СПС Консультант плюс
3. Жарова, А.К. Технология дипфейк: вопросы охраны неприкосновенности частной жизни лица и защиты персональных данных / А.К. Жарова // Информационное общество. – 2024. – № 5. – С. 114–122. – EDN BYQCUC.
4. Постановление Правительства РФ от 31.05.2023 № 883 (ред. от 01.09.2023) «Об утверждении Положения о единой биометрической системе, в том числе о ее региональных сегментах, и о признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 16 июня 2022 г. № 1089»
5. Постановление Правительства РФ от 21.06.2024 № 834 «Об определении органи-

зации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы»

6. Постановление Правительства РФ от 01 ноября 2012 г. № 1119 «Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных» // СЗ РФ. 2012. № 45. Ст. 6257.
7. Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3541.
8. Базовая модель угроз безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных. Утв. ФСТЭК РФ 15 февраля 2008 г. // СПС КонсультантПлюс.
9. Приказ Минцифры России от 05.05.2023 № 445 «Об утверждении перечня угроз безопасности, актуальных при обработке биометрических персональных данных, векторов единой биометрической системы, проверке и передаче информации о степени соответствия векторов единой биометрической системы представленным биометрическим персональным данным физического лица в единой биометрической системе, а также актуальных при взаимодействии информационных систем государственных органов, органов местного самоуправления, Центрального банка Российской Федерации, организаций, за исключением организаций финансового рынка, индивидуальных предпринимателей, нотариусов с единой биометрической системой, с учетом оценки возможного вреда, проведенной в соответствии с законодательством Российской Федерации о персональных данных» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.05.2023 № 73486
10. Приказ ФСТЭК России от 2 июня 2020 года № 76 «Требования по безопасности информации, устанавливающие уровни доверия к средствам технической защиты информации и средствам обеспечения безопасности информационных технологий»
11. Постановление Правительства РФ от 21.06.2024 № 834 «Об определении организации, осуществляющей функции оператора единой биометрической системы»
12. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»
13. Постановление Правительства РФ от 28.12.2018 № 1703 «О предоставлении оператором единой биометрической системы и оператором регионального сегмента единой биометрической системы в Министерство внутренних дел Российской Федерации и Федеральную службу безопасности Российской Федерации сведений, содержащихся в единой биометрической системе и региональном сегменте единой биометрической системы»

ON THE USE OF BIOMETRIC DATA IN THE INTERESTS OF ENSURING PUBLIC SAFETY

Elin V.M., Karimov A.K.

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs named after V. Yakikot, Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reveals a number of aspects of the use of biometric personal data in the identification and authentication of individuals. Considerable attention is paid to the issue of providing biometric personal data at the request of law enforcement agencies. The article presents a general description of measures to ensure the security of biometric personal data. A separate aspect of the interaction of biometric personal data processing operators with the Ministry of Internal Affairs of Russia and the FSB of Russia is highlighted.

Keywords: information security, biometric authentication, personal data.

References

1. Federal Law "On the implementation of identification and (or) authentication of individuals using biometric personal data, on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation and recognition of certain provisions of legislative acts of the Russian Federation as invalid" dated 29.12.2022 No. 572-FZ//SPS Consultant plus
2. Order of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media of Russia dated 12.05.2023 No. 453 (as amended on 29.11.2023) "On the procedure for processing biometric personal data and vectors of a single biometric system in a single biometric system and in information systems of accredited government agencies, the Central Bank of the Russian Federation in the event of its accreditation, organizations implementing authentication based on biometric personal data of individuals"//SPS Consultant plus
3. Zharova, A.K. Deepfake technology: issues of protecting the privacy of an individual and protecting personal data / A.K. Zharova // Information Society. – 2024. – No. 5. – P. 114–122. – EDN BYQCUC.
4. RF Government Resolution No. 883 of 31.05.2023 (as amended on 01.09.2023) "On approval of the Regulation on the unified biometric system, including its regional segments, and on recognizing as invalid RF Government Resolution No. 1089 of 16 June 2022"
5. RF Government Resolution No. 834 of 21.06.2024 "On determining the organization performing the functions of the operator of the unified biometric system"
6. RF Government Resolution No. 1119 of 01 November 2012 "On approval of requirements for the protection of personal data when processing them in personal data information systems" // SZ RF. 2012. No. 45. Art. 6257.
7. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2004 No. 1085 "Questions of the Federal Service for Technical and Export Control" // Collected Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 34. Art. 3541.
8. Basic model of threats to the security of personal data when processing them in personal data information systems. Approved by the FSTEC of the Russian Federation on February 15, 2008 // SPS ConsultantPlus.
9. Order of the Ministry of Digital Development of the Russian Federation dated 05.05.2023 No. 445 "On approval of the list of security threats relevant to the processing of biometric personal data, vectors of the unified biometric system, verification and transfer of information on the degree of compliance of the vectors of the unified biometric system with the provided biometric personal data of an individual in the unified biometric system, as well as relevant in the interaction of information systems of state bodies, local governments, the Central Bank of the Russian Federation, organizations, with the exception of financial market organizations, individual entrepreneurs, notaries with the unified biometric system, taking into account the assessment of possible harm carried out in accordance with the legislation of the Russian Federation on personal data" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 26.05.2023 No. 73486
10. Order of the FSTEC of Russia dated June 2, 2020 No. 76 "Information security requirements establishing levels of trust in technical information protection tools and information security tools technologies"
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 21.06.2024 No. 834 "On determining the organization performing the functions of the operator of the unified biometric system"
12. Federal Law of 27 July 2006 No. 152-FZ "On personal data"
13. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.12.2018 No. 1703 "On the provision by the operator of the unified biometric system and the operator of the regional segment of the unified biometric system to the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Security Service of the Russian Federation of information contained in the unified biometric system and the regional segment of the unified biometric system"

Особенности глубокого реформирования государства в условиях конституционных кризисных явлений

Задорожная Евгения Владимировна,

к.ю.н., доцент кафедры гражданского и уголовного права и процесса, АНОВО «Московский международный университет»

E-mail: evgenia.zadorojnaia@yandex.ru

Задорожный Григорий Андреевич,

студент Института международных транспортных коммуникаций РУТ (МИИТ)

E-mail: zadorozhnyj2004@bk.ru

Глубокое реформирование государства затрагивает юридические и политические аспекты. С помощью принятого Основного закона страны происходит формализация политического устройства государства. Необходимо учитывать все факторы, в той или иной степени влияющие на государственные институты в конкретный период времени. В статье проанализированы различные подходы к определению конституционных кризисных явлений и их характеристик. Отмечена важность исследования причин и влияния кризисных явлений на государственные институты, которое может проявляться разнопланово. Сделан вывод, что при преодолении кризисов ключевое значение имеет вопрос легитимности власти и доверие граждан. Все вышеизложенное акцентирует внимание на роли человека, гражданина в механизме государства, так как без человека государство не существует.

Ключевые слова: Конституция, кризис, народ, государство, трансформация, власть.

Глубокое реформирование государства затрагивает как юридические, так и политические аспекты. С помощью принятого Основного закона страны происходит формализация политического устройства государства. Отсюда необходимость учета всех факторов, в той или иной степени влияющих на государственные институты в конкретный период времени.

Конституция выступает основным инструментом обеспечения согласия в обществе. В случае выявляющихся системных противоречий между реальной политической ситуацией и действующей конституцией возможно возникновение конституционного правового кризиса. По мнению А.Н. Медушевского, конституционным кризисом считается ситуация, при которой Основной закон теряет свою легитимность, и возникает разрыв между легитимностью и легальностью, либо когда социальные силы не могут договориться о конституционных нормах [9; С. 10]. В данном случае рассмотрение кризиса затрагивает не только юридические, но также экономические и социальные аспекты, рассматриваемые в комплексе. А.Н. Медушевский выделяет среди конституционных кризисов глобальные (или системные), а также внутренние, т.е. не затрагивающие фундаментальные принципы государственного устройства [10; С. 14]. Он сравнивает конституционный цикл с экономическим, выделяя в нем четыре фазы, и называя конституционный кризис первой частью такого цикла, который не бывает идеальным, но в определенный период времени и для каждого государства будет иметь свои характерные особенности. Сущность конституционного кризиса заключается в его способности выявлять глубокие общественные противоречия. Их проявление может быть разнообразным: от конфликтов между ветвями власти, до введения в действие новой конституции. Кризис может быть вызван как внутренними, так и внешними факторами. Причины конституционного кризиса в России 1993 г. исследовал О.Г. Румянцев. Он, не сформулировал определение конституционного кризиса, однако, отметил в публикации важность «объединительной идеи» [14; С. 5–14], следования, формирования общей государственной воли в процессе создания новой конституции страны и исследовал эволюцию российского конституционализма в одноименном издании [15].

С.А. Михайлов развивает тему цикличности конституционных кризисов, именуя их просто «кризисами», предлагает «теорию предопределенности» или алгоритма происходящего в мировой истории. В его подборке исторических событий, определяющих

ющих вехи развития нашего государства в период с 945 по 1917 годы, цикл имеет четкие временные характеристики: «...324-летний цикл (3*108) «подъем – расцвет – падение» с удивительной точностью (945, 1701, 1917) проходит через историческую канву развития РФ...» [11]. В рамках высказанной им теории точкой начала новой эпохи в истории России, т.н. отражением «ментальной» смены времен, стартом формирования нового мирового порядка становится 2025 год.

В результате конституционных трансформаций, конфликтов и кризисов различного рода происходит изменение состояния различных общественных отношений, имеющее причины и последствия. Учитывая, что многие события, влияющие на специфику таких проявлений, вовне могут выражаться действиями, бездействием или многочисленным нарушением конституционных норм и принципов, важно рассматривать такие трансформации, конфликты и кризисы в комплексе, учитывая разноректорность общественного и политического развития, вероятность возникновения экономических кризисов и не только. Позволим себе объединить их общей дефиницией «конституционные кризисные явления». Мы будем рассматривать такие явления как интегрирующее определение событий, характеризующих отечественное государственное строительство, в виде революций, конституционных, политических, социально-экономических и иных кризисов, принятия новых конституций, их точечных и системных изменений [6].

Среди причин возникновения конституционных кризисных явлений авторы выделяют, в том числе, неполноту или противоречивость конституционных норм, создающих правовую неопределенность, неэффективность институтов власти, провоцирующих ситуацию утраты доверия со стороны граждан и политических сил, стремительные социальные изменения и различные внешние факторы, включая санкционное давление на государство. Влияние кризисных явлений на государственные институты может проявляться по-разному.

Во-первых, конфликты между органами власти способны если не парализовать их деятельность, то точно снизить их эффективность.

Как писал современник революционного 1917 года, Е.С. Горский, свершившаяся революция поставила перед гражданами страны новые политические задачи. Он отмечал, что России необходимо «подвести вод свой новый государственный строй фундамент из прав и свобод». Возник вопрос, каким из государственных органов будет разработана, что важно, «новая конституция»? Таким образом, Конституция в России, по мнению современников, появилась в связи с изданием Высочайшего Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» [7; с. 150]. Манифест, подписанный Николаем II 17 октября 1905 года в Петергофе, провозглашал Государственную думу законодательным органом власти, даровал населению основные права, а также устанавливал принцип контроля Государственной думы над ис-

полнительной властью. С точки зрения современного конституционализма, указанный Манифест не являлся конституцией в прямом смысле слова. Но то, что в нем предусматривалось наделение Государственной думы статусом органа законодательного, представительного, позволяет говорить о возникновении в государстве, появления законодательного процесса парламентского типа.

23 апреля 1906 года Именным Высочайшим указом был утвержден Свод Основных государственных законов [7; С. 615–640]. Несмотря на существенные изменения в организации законодательного процесса России, устанавливалось, что пересмотр и изменение основных (конституционных) законов может иметь место не иначе, как по инициативе монарха. События февраля 1917 года привели к возникновению ситуации, когда монарх отсутствует, а Государственная Дума не отражает волю всего народа. Таким образом, принятие конституции по действующим в стране законам стало невозможным, ведь новые политические формы мог создать только орган, являвшийся собой результаты «общей воли всероссийской нации». Именно народ «в определенной его части» полагался субъектом, имеющим право требовать пересмотра конституции [4; С. 4–5].

Во-вторых, может быть подорвана легитимность власти, сопровождаемая снижением доверия со стороны граждан вплоть до массовых протестов.

В данном случае ярким примером являются события, происходившие в России в 1993 году. В этот период имела место полемика по поводу двух проектов Конституции. Принципиальными были следующие вопросы: механизм реализации заявленных ценностей конституционализма органами государственной власти; пределы расширения прав субъектов и наиболее органичный переход от прежней Конституции к новой [16; С. 231].

В октябре 1993 года легитимность власти была подорвана, что сопровождалось снижением доверия со стороны граждан. В ходе кризиса президент Ельцин издал указ, приостанавливающий деятельность парламента. Это вызвало массовые протесты и сопротивление со стороны депутатов. Противостояние между Борисом Ельциным и Верховным Советом Российской Федерации 3–4 октября 1993 года сопровождалось народным митингом [13; С. 302.] в защиту Верховного Совета страны и завершилось обстрелом танками здания Белого Дома, что привело к человеческим жертвам и разрушениям [5]. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации была приостановлена, хотя формально он не был распущен. Работа над проектом новой Конституции страны продолжалась [18]. Новая Конституция Российской Федерации принята 12 декабря 1993 года [3].

В-третьих, изменение существующего политического устройства страны, которое может быть выражено как в реформировании Конституции, так и в радикальных трансформациях власти.

В качестве примера приведем Иранскую революцию 1979 года. Стихийно возникшее без ведома и согласия руководства религиозной оппозиции восстание в Тегеране, положило конец монархии [8; С. 168]. Результатом революции в Иране стал переход от монархии к теократическому государству. В основу положен принцип исламского правления.

Шах Мохаммед Реза Пехлеви был свергнут. 1 апреля 1979 года Иран официально стал Исламской Республикой [12]. 2–3 декабря 1979 г. на референдуме была утверждена новая конституция Ирана. Она закрепила верховенство духовного лидера (Вилайят-е-факих) и полностью преобразовала политическую систему страны. Главой государства стал Верховный лидер Исламской революции аятолла Рухолла Хомейни. Изменения сопровождались радикальными трансформациями государственных институтов и социального устройства [19].

В-четвертых, способствовать усилению авторитарных тенденций. В отдельных случаях может даже использоваться как предлог для ограничения гражданских свобод и укрепления авторитарного контроля со стороны государства.

Проиллюстрировать это можно, рассмотрев события, произошедшие после попытки переворота в Турции в июле 2016 года. Правительство Реджепа Тайипа Эрдогана объявило чрезвычайное положение. Военные были отстранены от власти. По стране прокатилась волна массовых «чисток», и первыми под удар попали военнослужащие, утратившие доверие официальной власти [17]. Арестованы были не только военные, но и многие члены FETÖ – движения, считающегося в Турции террористическим и аффилированным с имамом и общественным деятелем Ф. Гюленом (бывшим сподвижником Эрдогана), проживающим на территории США [2]. В научной литературе происходящее именуется процессом формирования «демократии с турецкой спецификой» [1].

В этот период власти использовали ситуацию для усиления контроля над обществом и подавления оппозиции. Были введены строгие ограничения на свободу слова, собраний и прессы. В 2017 году был проведен референдум, на котором была одобрена новая Конституция. До принятия конституционных поправок 2017 г. Турция была парламентской республикой, сейчас формально является президентской.

Пример проиллюстрирует, как кризис может быть использован в качестве предлога для ограничения гражданских свобод и усиления авторитарных тенденций, что приводит к значительным изменениям в политическом устройстве страны [2].

Конституционные кризисные явления, таким образом, являются отражением политических и социальных противоречий, а также могут стать катализатором глубинного реформирования государственного устройства. Анализ исторических примеров демонстрирует, что изменения могут происходить как в сторону развития демократии

в стране, так и приводить к эскалации авторитарных тенденций. При преодолении кризисов ключевое значение имеет вопрос легитимности власти и доверие граждан. Все вышеизложенное акцентирует внимание на роли человека, гражданина в механизме государства, так как без человека государство не существует.

Понимание теоретических основ конституционных правовых кризисов, изучение их влияния на правосознание граждан и функционирование государственных институтов, является важным для анализа их причин, последствий и особенностей внешнего их проявления, а также для разработки эффективных механизмов преодоления таких кризисов в будущем.

Литература

1. Аватков Владимир Алексеевич, Сбитнева Алина Игоревна. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом // АПЕ. 2023. № 1 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-v-sovremennom-mire-mezhdu-demokratiey-i-avtoritarizmom> (дата обращения: 25.01.2025).
2. Азимов К. Кто стоит за попыткой переворота в Турции? // Россия и мусульманский мир. 2017. № 2 (296). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-stoit-za-popytkoy-perevorota-v-turtsii> (дата обращения: 25.01.2025).
3. В Центризбиркоме // Российская газета. 1993. 21 дек.; Постановление ЦИК России от 20 декабря 1993 года № 142 // Российская газета. 1993. 25 дек. См.: «Из истории создания Конституции...». Т. 4. Кн. 3. С. 870–871.
4. Горский, Е.С. Суверенитет народа и Учредительное собрание / Е.С. Горский. – Одесса: Типо-лит. Штаба Одесского воен. округа, 1917. – 16 с. – (Общественно-политическая библиотека; № 1). Стр. 4, 5.
5. Доклад комиссии Государственной думы ФС РФ по дополнительному изучению и анализу событий, происходивших в г. Москве 21 сентября – 5 октября 1993 г. М., 1999.
6. Задорожная, Е.В. Законодательный процесс и конституционно-правовые кризисы в России / Е.В. Задорожная. – Екатеринбург: Общество с ограниченной ответственностью «Издательские решения», 2022. – 184 с. – ISBN 978-5-0056-3684-3. – EDN FOKKKH.
7. Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. – С.-Петербург: Издание Юридического книжного склада «ПРАВО». 1909. С. 150.
8. Калинин Е.Л. Исламская революция 1979 года в Иране. Записки очевидца. – М.: Институт востоковедения РАН, 2010. – 236 с.

9. Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме / А.Н. Медушевский. – 2-е изд. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 176 с. С. 10.
10. Медушевский А.Н. Конституционные кризисы в обществах переходного периода // Вопросы философии. 1999. № 12. С. 14.
11. Михайлов С.А. Новый мировой порядок-2025 и роль РФ в его формировании // Казачество. 2023. № 70 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-mirovoy-poryadok-2025-i-rol-rf-v-ego-formirovaniy> (дата обращения: 21.01.2025).
12. Окунев Д. «Небритость мужчин и цитаты Хомейни»: как ислам изменил Иран. // Официальный сайт «Газета.ру». URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/01_a_12277477.shtml
13. Румянцев О.Г. Конституция Девяносто третьего. История явления. (Документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов.). Издание третье, исправленное и дополненное. – М.: «Издательство РГ», 2018. – 400 с.
14. Румянцев О.Г.. Конституционный кризис в Российской Федерации и возможный выход из него. Конституционный Вестник № 15. Март 1993. С. 5–14.
15. Румянцев, Олег Германович О конституционном развитии России: избранное в трёх томах / О.Г. Румянцев. ... Т. 3: Эволюция российского конституционализма: выступления, статьи, эссе, 1990–2024 гг. – 2024.
16. Румянцев, Олег Германович. Том II. Конституция Девяносто третьего. История явления [Текст]: документальная поэма в семи частях от Ответственного секретаря Конституционной комиссии 1990–1993 годов / М.: Инфотропик Медиа, 2024. – 406 с. С. 231.
17. Шлыков, П.В. Концепт «турецкой модели» в сравнительно-исторической перспективе: от евроинтеграции к девестернизации / П.В. Шлыков // Ломоносовские чтения. Востоковедение: Тезисы научной конференции, Москва, 16 апреля 2018 года. – Москва: Тезаурус, 2018. – С. 62–65. – EDN UOJYCK.
18. Указ Президента РФ от 6 ноября 1993 года № 1845 «О проекте Конституции Российской Федерации, представляемом на всенародное голосование» // «Из истории создания Конституции...». Т. 4. Кн. 3. С. 834.
19. Большая Российская энциклопедия // URL: <https://bigenc.ru/c/islamaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01>

FEATURES OF DEEP STATE REFORM IN THE CONTEXT OF CONSTITUTIONAL CRISIS PHENOMENA

Zadorozhnaya E.V., Zadorozhny G.A.

Moscow International University, Institute of International Transport Communications of the Russian Academy of Sciences (MIIT)

The deep reform of the state affects legal and political aspects. With the help of the adopted Basic Law of the country, the political structure of the state is being formalized. It is necessary to take into account all the factors that affect state institutions to one degree or another in a specific period of time. The article analyzes various

approaches to the definition of constitutional crisis phenomena and their characteristics. The importance of studying the causes and impact of crisis phenomena on state institutions, which can manifest itself in various ways, is noted. It is concluded that the issue of the legitimacy of government and the trust of citizens is of key importance in overcoming crises. All of the above focuses on the role of a person, a citizen in the mechanism of the state, since the state does not exist without a person.

Keywords: Constitution, crisis, people, state, transformation, power.

References

1. Avatkov Vladimir Alekseevich, Sbitneva Alina I. Turkey in the modern world: between democracy and authoritarianism // APE. 2023. NO. 1 (117). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/turtsiya-v-sovremennom-mire-mezhdu-demokratiey-i-avtoritarizmom> (date of reference: 01/25/2025).
2. Azimov K. Who is behind the attempted coup in Turkey? // Russia and the Muslim World. 2017. No. 2 (296). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kto-stoit-za-popytkoy-perevorota-v-turtsii> (date of request: 01/25/2025).
3. In the Central Election Commission // Rossiyskaya Gazeta. 1993. December 21; Resolution of the Central Election Commission of Russia dated December 20, 1993 No. 142 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. 25 Dec. See: "From the history of the creation of the Constitution ...". Vol. 4. Book 3. pp. 870–871.
4. Gorsky, E.S. Sovereignty of the people and the Constituent Assembly / E.S. Gorsky. – Odessa: Tipo-lit. The headquarters of the Odessa military. Okrug, 1917. – 16 p. – (Socio-political Library; No. 1). Pp. 4, 5.
5. Report of the Commission of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on additional study and analysis of the events that took place in Moscow on September 21 – October 5, 1993, Moscow, 1999.
6. Zadorozhnaya, E.V. The legislative process and constitutional and legal crises in Russia / E.V. Zadorozhnaya. Yekaterinburg: Publishing Solutions Limited Liability Company, 2022. 184 p. ISBN 978-5-0056-3684-3. EDN FOKKKH.
7. Legislative acts of the transitional period. 1904–1908: Collection of laws, manifestos, decrees to the Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers related to the transformation of the Russian state system, with an alphabetical index of the subject. – St. Petersburg: Edition of the Legal Book Warehouse "PRAVO". 1909. p. 150.
8. Kalinin E.L. The 1979 Islamic Revolution in Iran. Notes of an eyewitness. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, 2010. 236 p.
9. Medushevsky A.N. Reflections on modern Russian constitutionalism / A.N. Medushevsky. – 2nd ed. – Moscow, Berlin: Direct-Media, 2015. 176 p. 10.
10. Medushevsky A.N. Constitutional crises in societies in transition // Questions of philosophy. 1999. No. 12. p. 14.
11. Mikhailov S.A. The New World Order-2025 and the role of the Russian Federation in its formation // Cossacks. 2023. No. 70 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novyy-mirovoy-poryadok-2025-i-rol-rf-v-ego-formirovaniy> (accessed: 01/21/2025).
12. Okunev D. "Unshaven men and Khomeini quotes": how Islam changed Iran. // The official website of <url>. URL: https://www.gazeta.ru/science/2019/04/01_a_12277477.shtml
13. Rummyantsev O.G. Constitution of the Ninety-third. The history of the phenomenon. (A documentary poem in seven parts from the Executive Secretary of the Constitutional Commission 1990–1993.). Third edition, revised and expanded. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 2018. 400 p.
14. Rummyantsev O.G.. The constitutional crisis in the Russian Federation and a possible way out of it. Constitutional Bulletin No. 15. March 1993. pp.5–14.
15. Rummyantsev, Oleg Germanovich On the constitutional development of Russia: Selections in three volumes / O.G. Rummyantsev. ... Vol. 3: The Evolution of Russian Constitutionalism: speeches, articles, essays, 1990–2024–2024.
16. Rummyantsev, Oleg Germanovich. Volume II. The Constitution of the Ninety-third. The history of the phenomenon [Text]: a documentary poem in seven parts from the Executive Secretary

of the Constitutional Commission of 1990–1993 / M.: Infotropik Media, 2024. – 406 p.p. 231.

17. Shlykov, P.V. The concept of the “Turkish model” in a comparative historical perspective: from European integration to de-westernization / P.V. Shlykov // Lomonosov Readings. Oriental Studies: Abstracts of a scientific conference, Moscow, April 16, 2018. – Moscow: Thesaurus, 2018. – pp. 62–65. – EDN UOJYCK.

18. Decree of the President of the Russian Federation dated November 6, 1993 No. 1845 “On the draft Constitution of the Russian Federation submitted to a popular vote” // “From the History of the Constitution ...” Vol. 4. Book 3. pp. 834–19.

19. Great Russian Encyclopedia // URL: <https://bigenc.ru/c/islamaia-revoliutsiia-v-irane-1979-afef01>

Инновационные подходы в обеспечении транспортной безопасности в условиях технологического прогресса транспортного комплекса

Колесников Николай Владиславович,

эксперт научно-исследовательского центра экспертиз на транспорте Российского университета транспорта (РУТ (МИИТ) РФ)
E-mail: kolprezi@mail.ru

В научной работе рассматриваются актуальные вопросы состояния транспортного комплекса в Российской Федерации, в том числе, исследуются статистические и сводные данные с целью выявления актуальных рисков и угроз транспортной безопасности.

В процесс исследования делается вывод о том, что сегодняшний день при внедрении новых технических, технологических и методических решений, направленных на поступательное развитие транспортного комплекса в России, должен учитываться баланс между экологическим, общественным, личностным, противопожарным, дорожно-транспортным, диверсификационным, политическим, инфраструктурным и инновационным аспектами безопасности.

В частности, необходимо брать за основу риск-ориентированный подход, основанный не только на необходимости обеспечения наиболее безопасного и разнообразного использования гражданами транспортной инфраструктуры, но и также создании условий для реализации как можно большего объема критически важных перевозок с учётом временных и финансовых затрат, а также экологического воздействия на окружающую среду.

В завершении исследования формируются конкретные инновационные решения, которые могли бы быть интегрированы в проект технологического развития транспортного комплекса с учётом применимой и апробированной практики Российской Федерации, а также некоторых зарубежных стран.

Ключевые слова: инновационный подход, транспортная безопасность, национальная безопасность, экология, транспортный комплекс, искусственный интеллект, риск-ориентированный подход.

Введение

Не стоит недооценивать важность планирования и прогнозирования процессов, протекающих в сфере транспортного комплекса. На сегодняшний день транспортный комплекс – это многосоставное понятие, включающие в себя, во-первых, систему межгородских пассажироперевозок, общественных перевозок внутри поселений, межгосударственные перевозки населения, доставку грузов, документации и иные аспекты, связанные с движением автомобильного, железнодорожного, городского наземного электрического, воздушного, речного, морского, внеуличного и иного транспорта.

Во-вторых, в состав транспортного комплекса входит непосредственно транспортная инфраструктура (дороги и иные трассы для движения транспорта; объекты для ремонта, стоянки и обслуживания транспорта; объекты для ожидания транспорта и приобретения на него билетов – аэропорты; ЖД– и морские-вокзалы; системы навигации; площадки для взлёта и посадки воздушных транспортных средств; системы видеофиксации правонарушений и т.п.), позволяющая обеспечить возможность эффективного, безопасного, согласованного и контролируемого движения различных видов транспортных средств, а также такую возможность бесперебойного оказания услуг населению в транспортной сфере.

В период санкционного ограничения российской экономики, в том числе изъятия из промышленного и взаимосвязанного с ним транспортного комплекса техники, ресурсов и технологий, а также в условиях осложнения геополитической, международной и межконфессиональной обстановки вблизи территориальных границ Российской Федерации и непосредственно на территории России, как никогда остро стоит вопрос об обеспечении транспортной безопасности в условиях объективно необходимого технологического прогресса соответствующего комплекса.

Износ авиационного парка российских авиакомпаний, конструирование авиации за счёт самолётов-доноров, технический износ инфраструктуры железнодорожного полотна, моральное и техническое устаревание общественного транспорта в удалённых от Центра регионах России, постепенное сокращение «неликвидных» маршрутных сетей между небольшими поселениями, кадровый голод в сфере пассажиро– и грузоперевозок, несоответствие некоторых видов транспорта экологическим нормативам, снижение уровня автоматизированного контроля в обще-

ственных видах транспорта – всё это лишь малая часть насущных современных угроз транспортной безопасности в транспортном комплексе Российской Федерации, решение или по крайней мере минимизация которых, в том числе, представляется возможным путём внедрения отдельных инновационных подходов.

Материалы и методы исследований

Материалы исследования составляют статистические данные, общероссийские и региональные материалы, отражающие последние сведения о состоянии безопасности отдельных сфер транспортного комплекса Российской Федерации. К эмпирической базе исследования также относятся отчёты, доклады и иные материалы практики реализации инновационных подходов, направленных на обеспечение транспортной безопасности.

Методологию исследования определили следующие методы: синтез; обобщение; сравнение; аналогия; классификация; анализ; конкретизация; постановка проблем и их решение; системного анализа эмпирических данных; догматический; формально-юридический; и др.

Результаты исследования и обсуждения

Для начала определимся, что следует понимать под транспортной безопасностью в целом. В первую очередь ответить на данный вопрос представляется возможным через нормативно-правовой подход в рамках п. 10 ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» (далее по тексту – ФЗ № 16). Из данной нормы следует, что транспортная безопасность – это то состояние транспортного комплекса (объектов и инфраструктуры транспорта и непосредственно самих транспортных средств), которое характеризуется защищённостью от всевозможных актов неправомерного вмешательства.

Согласно п. 1 ч. 1 ст. 1 ФЗ № 16 под подобными актами неправомерного вмешательства следует понимать всякие нарушения со стороны физических или юридических лиц, которые направлены на потенциальное или реальное нанесение вреда жизни или здоровью граждан, пользующихся транспортом и (или) транспортной инфраструктурой, а равно такого имущественного ущерба системам транспортного комплекса. В состав актов незаконного вмешательства, в том числе, входят и акты терроризма [1].

Забегая вперёд, следует заметить, что нормативный подход к пониманию сущности транспортной безопасности в некоторой мере сужает реальное представление об исследуемой категории, в связи с чем целесообразно обратиться к доктринальным воззрениям по рассматриваемому вопросу.

К примеру, исследователь Р.Ю. Баранов в своей работе пишет, что транспортная безопасность является категорией многосоставной, в связи

с чем её рассмотрение лишь через призму защищённости от неправомерных посягательств является не совсем точным. Именно поэтому автор рассматривает транспортную безопасность в качестве уровня защищённости транспортного комплекса, то есть транспортных средств, транспортной инфраструктуры и её объектов, а также участников транспортных отношений, от всевозможных угроз, которые чинят препятствия и даже возможный ущерб (вред) нормальному функционированию налаженной и регулируемой системы [6, с. 99].

Не менее интересен и подход учёного И.С. Гуменюк, который отмечает, что транспортная безопасность – это один из составных компонентов единой национальной безопасности, обеспечение которого происходит через становление инновационной, многообразной и безопасной системы транспортного и иного логистического сообщения между поселениями в целях надлежащего социально-экономического развития страны. При этом И.С. Гуменюк справедливо дополняет, что компонент в виде транспортной безопасности находится в неразрывной связи от экологической, общественной, публично-правовой, энергетической и иных форм национальной безопасности [9, с. 139].

Мы также убеждены в том, что рассматривать концепцию транспортной безопасности в отрыве от системного подхода и учёта других видов безопасности навряд ли представляется возможным и актуальным на сегодняшний день. Встаёт закономерный вопрос о том, какие виды безопасности пересекаются с транспортной безопасностью, а также влияют на транспортный комплекс в целом. Отметим наиболее актуальные из них:

1. Общефедеральные и политические.

Данный вид безопасности обуславливает необходимость защиты транспортной инфраструктуры, транспортных средств и непосредственно участников транспортных отношений от угроз как правило политического характера, к которым, в частности, относится учащение случаев совершения актов терроризма на транспорте или на объектах транспортной инфраструктуры, включая случаи поджогов и иных диверсий в транспортном комплексе. Так, по данным на 2024 год в России число диверсий и терактов на транспорте выросло в целых 2,3 раза [7];

2. Связанные с обеспечением общественной безопасности.

Несмотря на регулярные профилактические рейды правоохранительных служб, а также систему видеонаблюдения, немалая часть граждан всё же допускает нарушение установленного административного правопорядка и общественной безопасности, что зачастую выражается в курении, употреблении алкоголя или наркотиков в транспорте и возле объектов транспортной инфраструктуры (на остановках; возле вокзалов и на перронах и т.д.), в распространении наркотиков в транспортной среде, в дебоширстве и нецензурной брани, хулиганстве.

Так, за 2023 год было выявлено более 2,7 тыс. административных правонарушений на транспорте [4], а учитывая иные правонарушения, связанные с транспортным комплексом в целом, эта цифра достигает почти 120 тыс. [16];

3. Экологические.

Экологические угрозы и тенденции обуславливают объективную необходимость пересмотра нынешнего автопарка и иных видов транспорта, используемых в транспортном комплексе Российской Федерации, с учётом обеспечения экологической безопасности. По различным данным около 23% от всех загрязнений атмосферы в российских городах приходится на общественный транспорт, что несомненно стало драйвером для развития экологических видов транспорта [13]. Однако, подобная история скорее свойственная для таких субъектов РФ как г. Москва, г. Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Свердловская область и некоторых других регионов, опережающих развитие;

4. Связанные с новизной инфраструктуры и парка транспортных средств.

Экологические угрозы, обуславливаемые нынешней транспортной системой России, в частности, являясь причиной устаревания парка транспортных средств. Так, порядка 40% всего парка общественного и междугороднего парка транспортных средств в России вышло за пределы нормативного срока эксплуатации [3].

Региональные власти, не имея средств для комплексного обновления транспортной системы общественного и междугороднего сообщения, вынуждены осуществлять ремонт постоянно ломающихся транспортных средств, что, во-первых, не решает проблему безопасности транспортного комплекса, а во-вторых, создаёт немалые риски для её безопасной эксплуатации.

К примеру, в г. Барнауле, г. Новосибирске и ряде других городов средний возраст трамваев составляет порядка 65–75 лет что нередко становится причиной еженедельных поломок, а из-за износа трамвайного полотна зачастую случаются аварии и съезды с рельс [17];

5. Связанные с безопасностью движения.

К сожалению, транспортная инфраструктура в небольших городах и даже хоть и отдалённых, но региональных центрах, не отличается развитой системой дорог и элементов для её разгрузки от «пробок». Подобные проблемы решаются, но порой затягиваются и зачастую по причине коррупционной составляющей [14]. Здесь же следует отметить, что зачастую отсутствуют оборудованные и регулируемые пешеходные переходы и опасные зоны для пешеходов, что в конце концов выражается в неутешающей статистике в 4479 пострадавших лиц из-за нарушения водителями правил проезда пешеходных переходов лишь за полгода [15];

6. Угрозы пожарной безопасности.

По разрозненным региональным данным, количество пожаров, происходящих в транспортных средствах или из-за них, составляет от 12%

(в ХМАО-Югре [5, с. 8]) до 24% (в Республике Башкортостан [12]). Причинами распространения и реализации таких угроз становится халатность водителей и несоблюдение ими обязательных требований противопожарной безопасности, включая несоблюдение правил обязательного наличия в транспортном средстве системы тушения пожара. Здесь же следует отметить и ранее отмеченную проблему износа транспортных средств, что становится причиной воспламенения транспорта из-за изношенной электрики;

7. Связанные с диверсификацией системы транспортного сообщения.

Несмотря на то, что региональные центры и субъекты опережающего развития активно совершенствуют транспортные системы в поселениях и между ними, небольшие поселения и отдалённые, в том числе дотационные субъекты РФ вынуждены сокращать транспортные маршруты из-за их «неликвидности» и кадрового голода в транспортной сфере. Так, по последним имеющимся данным на 2023 год, было сокращено порядка 100 транспортных маршрутов [8].

Это далеко не все аспекты безопасности, которые следует учитывать при развитии транспортного комплекса России, однако, они являются основополагающими, наиболее актуальными и их учёт является обязательным исключительно в рамках системного подхода. Ведь нарушение или акцентирование внимания лишь на одном или нескольких аспектах безопасности, затрагивающих развитие транспортного комплекса, может повлечь за собой нарушение баланса транспортной безопасности в целом.

Для управления и контроля всей этой совокупностью потенциальных и реальных угроз транспортной безопасности, необходима система управления безопасностью транспортного комплекса, которая концептуально была разработана авторами данной статьи.

Авторский подход предполагает, что на сегодняшний день при внедрении новых технических, технологических и методических решений, направленных на поступательное развитие транспортного комплекса в России, должен учитываться баланс между экологическим, общественным, личностным, противопожарным, дорожно-транспортным, диверсификационным, политическим, инфраструктурным и инновационным аспектами безопасности.

Итак, авторский подход управления системой безопасности транспортного комплекса включает в себя следующие составные направления:

1. При обеспечении транспортной безопасности необходимо брать за основу риск-ориентированный подход, основанный не только на необходимости обеспечения наиболее безопасного и разнообразного использования гражданами транспортной инфраструктуры, но и также создании условий для реализации как можно большего объема критически важных перевозок с учётом временных и финансовых затрат,

а также экологического воздействия на окружающую среду.

В условиях многогранных и постоянно изменяющихся угроз, охватывающих различные сферы деятельности, комплексный и риск-ориентированные подходы позволяют не только минимизировать риски, но и создать устойчивую и безопасную транспортную инфраструктуру;

2. Ранее в обзоре существующих угроз транспортной безопасности была определена важность нивелирования таких негативных экологических аспектов, неразрывно связанных с транспортной безопасностью. Как следствие, важность учета экологических аспектов говорит о необходимости интеграции принципов устойчивого развития в транспортную политику.

Эффект от внедрения и реализации механизмов и мер снижения экологического влияния транспортным комплексом скажется не только на очевидном улучшении экологического благосостояния окружающей среды, но и также позволит создать для транспортного сектора положительный имидж со стороны общественности, что в свою очередь позволит привлечь дополнительные частные, в том числе и иностранные инвестиции;

3. Здесь же необходимо учитывать и неразрывность прогресса транспортного комплекса от инновационных решений, активно интегрируемых в различные сферы общественной жизни и публичного управления. Внедрение отдельных инновационных решений в транспортную инфраструктуру и (или) отдельные виды транспортных средств может сказаться позитивным образом на нивелировании или по крайней мере минимизацию сразу нескольких видов угроз в структуре транспортной безопасности.

В частности, рекомендуется акцентировать внимание на необходимость внедрения в города с развитой транспортной сетью интеллектуальных транспортных систем, в частности основанные на технологии геопозиционирования, с целью не только непрерывного отслеживания местоположения общественного транспорта, но и также для принятия автоматизированного решения на базе искусственного интеллекта о необходимости задержки маршрутного рейса или наоборот о такой необходимости выдвигения на линию рейса дополнительного транспортного средства. Как отмечают исследователи Н.А. Кудрявцева и А.В. Бондаренко со ссылкой на экспериментальное исследование «Ростелекома», подобное инновационное решение позволяет оптимизировать пропускную способность на дорогах города в среднем на 15–20%, тем самым, в частности, за счёт снижения «пробок», способствуя и снижению аварийности на целых 25% [11, с. 277];

4. При рассмотрении общей концепции безопасности транспортного комплекса необходимо также учитывать техническое прикрытие транспортных коммуникаций и рассматривать

их в совокупности. Обеспечение технического прикрытия и транспортной безопасности инфраструктуры – это ключевой аспект безопасности. Техническое прикрытие включает в себя физические меры защиты, такие как установка систем видеонаблюдения, сигнализаций, механизмов фиксации правонарушений, барьеров и прочих средств, предотвращающих нарушения в сфере транспортной безопасности.

Оно также включает в себя создание резервных систем и протоколов, которые могут быть задействованы в случае угроз. Техническое прикрытие должно быть интегрировано в общую систему обеспечения безопасности на транспорте, где все меры и технологии работают в едином комплексе, создавая многоуровневую защиту, способную эффективно справиться с различными вызовами.

Как следствие, транспортная безопасность и техническое прикрытие транспортных коммуникаций являются неотъемлемыми аспектами обеспечения устойчивости и надежности транспортной системы. Эти два элемента взаимосвязаны, и их необходимо рассматривать в совокупности по нескольким причинам.

Так, в рамках развития систем прикрытия следует отметить возможность и необходимость активного внедрения технологий фото– или видеофиксации правонарушений не только на федеральных трассах и в городах, но и также в сельских поселениях численностью от 2 тыс. человек. Так, специалисты института экономики транспорта и транспортной политики НИУ ВШЭ отмечают, что подобные стационарные системы позволяют снизить аварийность на дорогах на целых 50%, в то время как смертность на дорогах аж на 70% [10], что свидетельствует об эффективности соответствующей меры для обеспечения транспортной безопасности.

Ещё одно из актуальных решений в рамках инновационного подхода, направленное на обеспечение личностной и общественной безопасности лиц, пользующихся различными элементами транспортного комплекса – это внедрение современных интеллектуальных систем видеонаблюдения не только непосредственно в общественном транспорте, но и также на остановках с технологией компенсации яркой засветки (HLC), ИК-подсветки и такой компенсации встречной засветки (BLC) для обеспечения видеонаблюдения за лицами в любое время суток, а также в любые погодные условия.

Также необходимо внедрение технологии искусственного интеллекта в систему видеонаблюдения общественных транспортных средств, междугородних транспортных средств, на транспортные остановки и объекты отправки такого транспорта, которая позволит в автономном порядке выявлять подозрительное поведение пассажиров и передавать материалы в совокупности с действующей геолокацией места конфликта правоохранительным службам для их скорейшего реагирования на правонарушения или преступления.

Учитывая изношенность трамвайного и железнодорожного полотна во многих городах и регионах России, рекомендуется также рассмотреть возможность внедрения инновационной технологии «умная дорога», представляющая собой комплекс технических и технологических решений в виде датчиков, считывающих в автоматическом режиме данные о состоянии дорожного полотна, о его нагрузке, с передачей сведений о возможных рисках, поломках и необходимости реагирования уполномоченных служб для предотвращения аварий. Подобные технологии уже активно применяются и положительно зарекомендовали себя в США, КНР, Швеции и ряде других стран [2].

Выводы

Постепенная цифровизация и внедрение технологий, основанных на искусственном интеллекте, наряду с возрастающими рисками и угрозы транспортной безопасности, неминуемо влекут за собой необходимость переосмысления традиционных подходов к оптимизации и развитию транспортного комплекса Российской Федерации.

В то же время учёт комплексного, инновационного и риск-ориентированного подходов в обеспечении безопасности транспортного комплекса является не просто обязательством государства перед социумом при обеспечении правопорядка и безопасности, но и также объективное требование в процессе комплексного обеспечения безопасного и устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации в целом.

Литература

1. Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ (ред. от 01.09.2024) «О транспортной безопасности» // Российская газета. – 14.02.2007. – № 31.
2. Распоряжение Правительства РФ от 27.11.2021 № 3363-р (ред. от 06.11.2024) «О Транспортной стратегии Российской Федерации до 2030 года с прогнозом на период до 2035 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 13.12.2021. – № 50 (ч. IV). – ст. 8613.
3. Автобусная гонка: как в стране обновляют общественный транспорт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/12/03/2024/65e8650c9a79472de97a4245> (дата обращения: 18.01.2025).
4. Административные правонарушения: показатели по отдельным правонарушениям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn – p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (дата обращения: 17.01.2025).
5. Анализ пожаров и последствий от них, произошедших на территории Ханты-Мансийского автономного округа – Югры за 7 месяцев 2023 года // Главное управление МЧС России по Ханты-Мансийскому автономному округу-Югре Управление надзорной деятельности и профилактической работы. – 2023. – 17 с.
6. Баранов Р.Ю. Сущность транспортной безопасности и ее обеспечения / Р.Ю. Баранов // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: Сборник статей по материалам XI международной научно-практической конференции. Том 9 (11): Общество с ограниченной ответственностью «Международный центр науки и образования», 2017. – С. 97–103.
7. В УрФО число дел о диверсиях и терактах на транспорте выросло в 2,3 раза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tass.ru/proisshestiya/22871567> (дата обращения: 17.01.2025).
8. В 2023 году стало почти на 100 маршрутов городского транспорта меньше [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2024/65bcf3419a7947566f123d46> (дата обращения: 18.01.2025).
9. Гуменюк И.С. Транспортная безопасность / И.С. Гуменюк // Проблемы экономической безопасности регионов Западного порубежья России: Монография / Под редакцией Г.М. Федорова. – Калининград: Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта, 2019. – С. 139–158.
10. ИЭТиТП провел исследование об эффективности метода контроля средней скорости на дорогах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ittps.hse.ru/news/554645754.html>; (дата обращения: 19.01.2025).
11. Кудрявцева Н.А. Применение новых технологических решений для обеспечения транспортной безопасности / Н.А. Кудрявцева, А.В. Бондаренко // Вестник науки. – 2024. – № 2 (79). – С. 275–280.
12. Пожары. Итоги 2024 года в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://02.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/5435982> (дата обращения: 18.01.2025).
13. Российские регионы переходят на более экологичный городской транспорт // Российская газета. – 05.06.2023. – № 121.
14. С подрядчика, сорвавшего строительство развязки в Барнауле, требуют более 467 млн рублей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bankfax.ru/povestka/160536/> (дата обращения: 18.01.2025).
15. Статистика аварийности из-за нарушения ПДД водителями за шесть месяцев 2023 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosacademtrans.ru/statistikadtp2023/> (дата обращения: 18.01.2025).
16. Статистика ДТП по России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rusdtp.ru/statdtp/> (дата обращения: 17.01.2025).
17. «Это какое-то скотство». Барнаулец пожаловался на работу трамваев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.amic.ru/news/eto-kakoe-to-skotstvo-barnaulec->

pozhalovalsya-na-rabotu-tramvaev-539328 (дата обращения: 18.01.2025).

INNOVATIVE APPROACHES IN ENSURING TRANSPORT SECURITY IN THE CONTEXT OF TECHNOLOGICAL PROGRESS OF THE TRANSPORT COMPLEX

Kolesnikov N.V.

Research Center for Expertise in Transport of the Russian University of Transport (MIIT)

The scientific work examines current issues of the state of the transport complex in the Russian Federation, including statistical and summary data to identify current risks and threats to transport security.

The research concludes that today, when introducing new technical, technological, and methodological solutions aimed at the progressive development of the transport complex in Russia, a balance between environmental, social, personal, fire, road transport, diversification, political, infrastructural, and innovative aspects of safety must be considered.

It is necessary to take a risk-based approach based not only on the need to ensure the safest and most diverse use of transport infrastructure by citizens, but also to create conditions for the implementation of as much critical transportation as possible, considering time and financial costs, as well as environmental impacts.

At the end of the study, specific innovative solutions are formed that could be integrated into the project of technological development of the transport complex, considering the applicable and proven practices of the Russian Federation, as well as some foreign countries.

Keywords: innovative approach, transport security, national security, ecology, transport complex, artificial intelligence, risk-based approach.

References

1. Federal Law No. 16-FZ of 09.02.2007 (as amended on 01.09.2024) "On Transport Safety" // Rossiyskaya Gazeta. – 02/14/2007. – No. 31.
2. Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/27/2021 No. 3363-r (as amended on 11/06/2024) "On the Transport Strategy of the Russian Federation until 2030 with a forecast for the period up to 2035" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 12/13/2021. – No. 50 (part IV). – V.8613.
3. Bus race: how public transport is being updated in the country [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rbc.ru/opinions/economics/12/03/2024/65e8650c9a79472de97a4245> (date of access: 01/18/2025).
4. Administrative offenses: indicators for individual offenses [Electronic resource]. – Access mode: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn—p1ai/stats/adm/t/31/s/1> (date of request: 17.01.2025).
5. Analysis of fires and their consequences that occurred on the territory of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra for 7 months of 2023 // Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Yugra Department of Supervision and Preventive Work. – 2023. – 17 p.
6. Baranov R.Y. The essence of transport security and its provision / R.Y. Baranov // Scientific Forum: Jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy: A collection of articles based on the materials of the XI international scientific and practical conference. Volume 9 (11): Limited Liability Company "International Center for Science and Education", 2017, pp. 97–103.
7. In the Ural Federal District, the number of cases of sabotage and terrorist attacks on transport increased 2.3 times [Electronic resource]. – Access mode: <https://tass.ru/proisshestviya/22871567> (date of request: 17.01.2025).
8. In 2023, there were almost 100 fewer urban transport routes [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.rbc.ru/business/05/02/2024/65bcf3419a7947566f123d46> (date of reference: 01/18/2025).
9. Gumenyuk I.S. Transport safety / I.S. Gumenyuk // Problems of economic security of the regions of the Western borderlands of Russia: The monograph / Edited by G.M. Fedorov. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University, 2019, pp. 139–158.
10. IETiTP conducted a study on the effectiveness of the method of controlling the average speed on the roads [Electronic resource]. – Access mode: <https://ittps.hse.ru/news/554645754.html>; (date of access: 01/19/2025).
11. Kudryavtseva N.A. Application of new technological solutions for ensuring transport safety / N.A. Kudryavtseva, A.V. Bondarenko // Bulletin of Science. – 2024. – № 2 (79). – Pp. 275–280.
12. Fires. The results of 2024 in figures [Electronic resource]. – Access mode: <https://02.mchs.gov.ru/deyatelnost/press-centr/novosti/5435982> (date of request: 18.01.2025).
13. Russian regions are switching to more environmentally friendly urban transport // Rossiyskaya Gazeta. – 06/05/2023. – No. 121.
14. More than 467 million rubles are demanded from the contractor who disrupted the construction of the interchange in Barnaul [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.bankfax.ru/povestka/160536/> (date of access: 01/18/2025).
15. Accident statistics due to traffic violations by drivers for six months of 2023 [Electronic resource]. – Access mode: <https://rosacademtrans.ru/statistikadtp2023/> (date of access: 18.01.2025).
16. Statistics of road accidents in Russia [Electronic resource]. – Access mode: <https://rusdtp.ru/stat-dtp/> (date of appeal: 17.01.2025).
17. "This is some kind of bestiality." Barnaul resident complained about the operation of trams [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.amic.ru/news/eto-kakoe-to-skotstvobarnaulec-pozhalovalsya-na-rabotu-tramvaev-539328> (date of request: 18.01.2025).

Информационная безопасность военнослужащих РФ в условиях информатизации современного общества: правовой аспект

Кутергин Михаил Николаевич,

аспирант, кафедра публичного права и национальной безопасности, Уральский институт управления – филиал, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

E-mail: m.kutergin@list.ru

Сидоров Юрий Вадимович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публичного права и национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Уральский институт управления

E-mail: sidorov-yv@ranepa.ru

Статья посвящена исследованию актуальных правовых вопросов, связанных с обеспечением информационной безопасности военнослужащих Российской Федерации в условиях активной информатизации современного общества. Автор акцентирует внимание на теоретических и практических аспектах этого явления, анализирует ключевые угрозы, возникающие в информационном пространстве, и рассматривает правовые основы защиты информации. Основной целью исследования является определение правовых аспектов обеспечения информационной безопасности военнослужащих и выявление факторов, влияющих на ее эффективность. Особое внимание уделяется таким вопросам, как недостаточный уровень информационного правопорядка в условиях современных информационных угроз, отсутствие системного подхода к его обеспечению, а также пробелы в законодательстве, касающемся информационной безопасности в военно-политическом аспекте. В статье подчеркивается важность внедрения новых правовых технологий для обеспечения информационной безопасности, совершенствования нормативно-правовой базы и формирования культуры информационной безопасности среди военнослужащих. Выводы и рекомендации, представленные в исследовании, могут быть применены как при дальнейшем научном анализе, так и при разработке практических решений, направленных на повышение информационной безопасности в Вооруженных Силах Российской Федерации.

Ключевые слова: информационная безопасность, военнослужащие, киберугрозы, правовое регулирование, конфиденциальность, защита данных, информатизация, современные технологии.

Введение

В современном обществе, отличающемся информационной насыщенностью и стремительной цифровизацией, вопросы информационной безопасности приобретают особое значение, особенно в контексте государственной службы и обороны. Информационная безопасность военнослужащих Российской Федерации становится критически важным аспектом, требующим пристального внимания и комплексного правового анализа. Военнослужащие, находясь в эпицентре государственных интересов и обладая доступом к конфиденциальным сведениям, становятся мишенью для информационных атак. Обнаруживается, что традиционные методы правовой защиты уже не соответствуют актуальным реалиям. Проблема становится еще более сложной в условиях активного использования социальных сетей и других интернет-платформ, где любая утечка информации может привести к серьезным последствиям как для отдельного человека, так и для безопасности государства в целом.

В этой связи правовой аспект информационной безопасности военнослужащих необходимо рассматривать как комплекс правовых мероприятий и технологий, направленных на защиту информации, предотвращение ее утечки, неправомерного использования и уничтожения. Важным элементом этого комплекса является и правовое обеспечение развития информационной культуры и ответственности военнослужащих, без которых любые технические средства безопасности не смогут быть эффективными. Содержание информационной безопасности в данном контексте предполагает не только применение правовых и технологических мер, но и формирование устойчивой системы подготовки кадров, готовых к оперативной противодействию современным киберугрозам. Особое значение в этой связи приобретает разработка и внедрение нормативных правовых актов, регулирующих поведение военнослужащих в цифровой среде.

Информация и информатизация общества

Информатизация современного общества является не только неизбежной, но и логичной эволюцией, в которой доминирующими факторами выступают информация и знания. Они воплощаются в новых информационных и телекоммуникационных технологиях, формирующих основу настоящего времени. Этот процесс приобрел ключевую значимость в контексте цивилизационного развития, оказывая

значительное влияние на все сферы человеческой жизни.

Термин «информация» берет свое начало в латинском языке и означает разъяснение или осведомленность. В Толковом словаре С.И. Ожегова она трактуется как сведения о явлениях и процессах в окружающем мире, а также как сообщения, информирующие о текущем положении дел или состоянии вещей [7]. В свою очередь Энциклопедический словарь расширяет это определение, включая в него обмен сведениями как между людьми, так и между автоматическими системами, а также передачи сигналов в животном и растительном мире [8]. В этой связи можно рассматривать информацию как качественную и количественную характеристику структурированности отражения. Как отметил К.К. Колин, информация занимает ключевое место как в изучении природных явлений, так и социальных процессов. Она определяет эволюционные изменения в мире, пребывая на одной ступени важности с такими основополагающими категориями, как вещество и энергия [5].

При этом мир в высокой степени информативен, однако из этого многообразия воспринимается лишь определенная часть, что обуславливает субъективность восприятия различной информации. Реальная действительность выступает системно организованной, отражаясь в сознании человека и трансформируясь в знаковые системы, размещается на материальных носителях. Следовательно, в правовом аспекте информатизация затрагивает различные аспекты жизни, предполагая обращение людей с большими объемами информации. Это не только укрепляет значение информации, но и предполагает необходимость ее восприятия обществом как целостного правового феномена, способствуя анализу его активности с позиций информационно-правового подхода.

Информационная безопасность

Информационная безопасность с технической точки зрения заключается в защите данных и систем от несанкционированного доступа, использования, раскрытия, разрушения, изменения и записи. Это предполагает меры по предотвращению атак со стороны злоумышленников, таких как хакеры, вирусы и другие вредоносные программы. При этом конфиденциальность данных гарантирует, что информация доступна только тем лицам, у кого есть соответствующие полномочия. А целостность и надежность таких лиц обеспечивает неизменность данных и защищает от несанкционированных изменений. Однако, Т.В. Закупень особо акцентирует внимание на том, что информационная безопасность является не только техническим вопросом, но и социальным феноменом. Ее нельзя ограничивать лишь применением технологий и методов для предотвращения несанкционированного доступа, кражи или уничтожения информации. Это более широкий вопрос, затрагивающий социальные и поведенческие аспекты [3]. При этом с точки зрения правового аспекта ин-

формационной безопасности ее содержание состоит в поддержании информационного правопорядка, под которым понимается состояние упорядоченности общественных отношений в информационной сфере, при котором обеспечивается соблюдение норм права, защищающих информацию, права и свободы граждан, а также интересы государства и организаций в условиях цифровизации. Другими словами, это система правовых норм, механизмов и институтов, обеспечивающих безопасное, законное и этическое функционирование информационного пространства. Его наличие гарантирует соблюдение законности и защищенности множества общественных отношений, которые законодательно связаны с вопросами национальной безопасности.

Информационная безопасность военнослужащих

Основой информационной безопасности военнослужащих выступает то, что данный вид безопасности в Российской Федерации рассматривается как ключевая составляющая национальной безопасности в информационной сфере. В Доктрине информационной безопасности РФ, национальные интересы в этой области подразделяются на аспекты, касающиеся личности, общества и государства. Упоминание «личности» здесь, по сути, синонимично термину «человек», часто встречающемуся в нормативно-правовых документах. При этом, например, С.В. Иванов определяет информационную безопасность личности как состояние, при котором обеспечивается высокий уровень защиты личности и её прав в информационной сфере, минимизируя риск внутренних и внешних угроз [4]. В свою очередь Г.Г. Гафарова и В.В. Смелянская отмечают, что информационная безопасность также определяется отсутствием угроз, связанных с повреждением или искажением информации, принадлежащей личности, а также с угрозой нанесения вреда самой личности через информационные каналы [1]. Таким образом, права человека в контексте информационной среды становятся одной из доминирующих проблем государственной информационной безопасности России. Что подтверждает и А.А. Стрельцов, который говорит о составляющих этой безопасности как об охране интересов личности, общества и государства [9].

При этом в правовом контексте обсуждение проблем информационной безопасности личности часто сводятся к созданию системы норм, регулирующих возможность государственно-правового реагирования на негативные информационные воздействия, потенциально угрожающие национальной безопасности. Примером служат положения военной доктрины, утвержденные Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976, которые акцентируют внимание на угрозах информационно-психологического воздействия на российских граждан, сдвиге угроз в информационное пространство и попытках дестабилизации традиционных ценностей [6]. Однако эти угрозы подразумевают необходимость создания более действенного правового

механизма защиты для военнослужащих, направленного на формирование их правового сознания и укрепление мировоззренческих позиций. Это в значительной мере обеспечивает четкую ориентацию в военно-политической обстановке и процессах современного мира, что критически важно в сложных, часто негативных условиях информационного воздействия. В этой связи в современном мире следует признать актуальной задачу необходимости не только постоянного учета влияния профессионально подготовленной информации и дезинформации на психологическое состояние воинских коллективов, но и построение действенной системы правовых средств противодействия данным влияниям на военнослужащих. Следовательно, речь идет о том, что для формирования целостного восприятия информации необходимо использовать правовые технологии, позволяющие оценивать её влияние, значение и роль, особенно в отношении морально-политического и психологического состояния военнослужащих. Однако это может иметь как позитивные, так и негативные последствия [2].

В данном случае надлежащая правовая регламентация и закрепление на нормативном уровне понятия «информационной безопасности военнослужащих» в контексте военно-политической проблематики должны играть ключевую роль в повышении их информационной компетентности, необходимой для поддержания боевой готовности и способности армии обеспечивать безопасность российского государства. Именно правовая регламентация механизмов информационной безопасности военнослужащих позволит успешно преодолевать негативные информационные воздействия и более эффективно исполнять свои обязанности, направленные на укрепление обороноспособности страны. Кроме того, в условиях, когда военнослужащие являются не только активными участниками, но и потребителями различных других информационных потоков, необходимо наличие у них актуальных правовых знаний в области информационной безопасности. Это касается как защиты от негативного воздействия информации на личность, так и предотвращения потенциальных утечек информации в их окружении. Обладание такими знаниями критически важно для обеспечения личной и коллективной защиты в условиях растущих информационных угроз.

Выводы

В условиях стремительно развивающейся информатизации современного общества, информационная безопасность военнослужащих Российской Федерации приобретает особое значение. Данная проблема обусловлена возрастанием объема информации, циркулирующей в цифровом пространстве, и увеличением рисков утечки данных, что может привести к угрозам для национальной безопасности. Важность защиты личной и служебной информации как стратегического ресурса требует применения комплексного информационно-правового подхода,

включающего не только технические меры, но и развитие нормативно-правовой базы, а также повышение уровня правовой грамотности военнослужащих. Для достижения надёжной защиты информации необходимо учитывать не только технические аспекты, но и человеческий фактор, связанный с правовой культурой военнослужащих и их способностью противостоять киберугрозам.

В эпоху цифровых технологий во всех сферах деятельности возрастает потребность в особых как правовых средствах, так и навыках и компетенциях, которые помогают выявлять и предотвращать потенциальные угрозы информационной безопасности. В этой связи одним из приоритетных направлений может стать формирование устойчивого правового механизма обеспечения информационной безопасности военнослужащих в контексте их профессиональной деятельности, что позволит минимизировать ошибки, которые зачастую служат основным фактором информационных атак.

Заключение

Таким образом, применительно к военнослужащим обеспечение информационной безопасности становится не только вопросом применения передовых технологий, но и комплексом правовых мер, направленных на системное и постоянное развитие информационного правопорядка в среде военнослужащих. В конечном итоге, это способствует укреплению национального суверенитета и обеспечивает устойчивое функционирование Вооружённых сил в условиях повышенной информационной уязвимости.

При этом интенсивное вовлечение цифровых технологий в различные аспекты военной службы обуславливает необходимость всестороннего анализа правовых рисков, связанных с возможным несанкционированным доступом и кибератаками, которые могут повлечь за собой как не только утечку стратегически важных сведений, так и подрыв внутренней безопасности государства. В этом контексте особое внимание должно уделяться разработке и внедрению комплексного правового подхода к защите информации, а также правовую подготовку личного состава к противодействию современным угрозам информационной среды.

Литература

1. Гафарова Г. Г., Смелянская В.В. Информационная безопасность личности // Безопасность личности: состояние и возможности обеспечения: материалы междунар. науч.-практ. конференции 10–11 мая 2012 года. Ереван, Пенза, Колин: Социосфера, 2012.
2. Дерешко Б.Ю. Правовое регулирование информационно-пропагандистской работы в системе морально-психологического обеспечения деятельности Вооружённых Сил // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 3 (62). С. 49–53.

3. Закупень Т.В. Понятие и сущность информационной безопасности и ее место в системе обеспечения национальной безопасности РФ // Информационные ресурсы России. 2009. № 4. С. 28–34.
4. Иванов С.В. Правовое регулирование информационной безопасности личности в Российской Федерации // Вестник Екатеринбургского института. № 1 (25). 2014.
5. Колин К.К. Фундаментальные проблемы информатики // Системы и средства информатики. Вып 7. М: Наука, 1995.
6. Морозов В. Е., Калмыков Р.В. Военная доктрина Российской Федерации: сущность и пути совершенствования // Государственное управление III тысячелетия: проблемы и перспективы: сб. науч. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск. 2017. С. 90–94.
7. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: Оникс, 2011. С. 206.
8. Советский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
9. Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. Теоретические и методологические основы / под ред. В.А. Садовниченко и В.П. Шерстюка М.: МНЦМО, 2002. С. 52–57.

INFORMATION SECURITY OF SERVICEMEN IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF THE INFORMATIZATION OF MODERN SOCIETY: LEGAL ASPECT

Kutergin M.N., Sidorov Y.V.

Ural Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy Of National Economy And Public Administration

The article is dedicated to the study of relevant legal issues related to ensuring information security for servicemen of the Russian Federation in the context of the active informatization of modern society. The author focuses on the theoretical and practical aspects of this phenomenon, analyzes key threats emerging in the information space, and examines the legal foundations of information protection. The main objective of the study is to determine the legal as-

pects of information security for servicemen and identify factors influencing its effectiveness. Special attention is given to issues such as the insufficient awareness of servicemen about modern threats, the lack of a systematic approach to training in information protection, and gaps in legislation regarding the protection of personal data and confidential information. The article emphasizes the importance of implementing new technologies for information protection, improving the regulatory framework, and fostering a culture of information security among servicemen. The findings and recommendations presented in the study can be applied both in further scientific analysis and in the development of practical solutions aimed at enhancing information security within the Armed Forces of the Russian Federation.

Keywords: information security, servicemen, cyber threats, legal regulation, confidentiality, data protection, informatization, modern technologies.

Reference

1. Gafarova G. G., Smelyanskaya V.V. Information security of personality // Personal security: status and possibilities of ensuring: materials of the international scientific and practical conference on May 10–11, 2012. Yerevan, Penza, Kolin: Sociosphere, 2012.
2. Dereshko B.Y. Legal regulation of information and propaganda work in the system of moral and psychological support for the activities of the Armed Forces // Psychopedagogy in law enforcement agencies. 2015. No. 3 (62). pp. 49–53.
3. Kupren T.V. The concept and essence of information security and its place in the system of ensuring national security of the Russian Federation // Information Resources of Russia. 2009. No. 4. pp. 28–34.
4. Ivanov S.V. Legal regulation of personal information security in the Russian Federation // Bulletin of the Catherine Institute. № 1 (25). 2014.
5. Kolin K.K. Fundamental problems of computer science // Computer science systems and tools. Issue 7. Moscow: Nauka Publ., 1995.
6. Morozov V. E., Kalmykov R.V. The military doctrine of the Russian Federation: the essence and ways of improvement // Public administration of the III millennium: problems and prospects: collection of scientific articles of the IV International Scientific and Practical Conference. Khabarovsk. 2017. pp. 90–94.
7. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: Onyx, 2011. pp.206.
8. Soviet Encyclopedia. Moscow: Soviet Encyclopedia, 1983.
9. Streltsov A.A. Ensuring information security of Russia. Theoretical and methodological foundations / edited by V.A. Sadovnichy and V.P. Sherstyuk, Moscow: ISTCMO, 2002. pp. 52–57.

О правовом регулировании наблюдения за животными в экологическом туризме

Лубнина Анастасия Вячеславовна,

аспирант кафедры земельного и экологического права Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»
E-mail: astreya.96@yandex.ru

В данной статье рассмотрены вопросы правового регулирования наблюдения за дикими животными в рамках оказания услуг в сфере экологического туризма, определены основные запреты и ограничения, связанные с наблюдением за дикими животными, на примере наблюдений туристов и местных жителей за гренландскими тюленями, байкальскими нерпами, беренгийскими сусликами, и анадырскими лисицами проанализированы наиболее проблемные аспекты взаимодействия человека и животных, при использовании последних в качестве объекта туристского показа. Также в статье сформулирована гипотеза о возможности установления правового режима наблюдения за дикими животными не нормативными, а индивидуальными правовыми актами, в частности договорами об оказании туристских услуг, а также обеспечения соблюдения указанных правил туристическим оператором или лицами, сопровождающими туристов.

Ключевые слова: правовое регулирование, экотуризм, наблюдение за дикими животными.

Сегодня создание благоприятных условий для увеличения потенциала отечественного туризма рассматривается в качестве одного из этапов достижения национальных целей развития Российской Федерации, стоит также отметить, что в документах стратегического планирования туризм достаточно часто рассматривается не только как высокодоходная отрасль экономики, но и как один из инструментов, позволяющих сохранить видовое разнообразие флоры и фауны России. В последнем случае, однако, речь идет не о туризме в целом, а об одном из его видов – экологическом туризме.

Экологический туризм характеризуется использованием в качестве туристских ресурсов преимущественно природных объектов, ориентированностью участников туристской деятельности на получение новых знаний о природе и заинтересованностью в ее сохранении, а также вовлеченностью местного населения в формирование и продвижение туристского продукта. Экотуризм позволяет достигнуть баланса частных (получение прибыли) и публичных (сохранение природного достояния) интересов путем установления дополнительных запретов и ограничений для всех лиц, вовлеченных в оказание туристских услуг, и обеспечения их соблюдения. При этом для отнесения какой-либо деятельности, связанной с оказанием услуг туристам, к экологическому туризму недостаточно декларации о заинтересованности в сохранении природных объектов и экосистем, необходимо фактическое обеспечение минимизации негативного антропогенного воздействия. Стоит отметить, что в большинстве случаев соблюдение правового режима объектов, используемых в экологическом туризме, достигается не путем принуждения со стороны органов, наделенных публичными полномочиями, а благодаря формированию бережного отношения к природным объектам, выступающим в роли объектов туристского показа [4, с. 278].

В настоящей статье будут рассмотрены отдельные аспекты правового регулирования наблюдения за животными в рамках экологического туризма.

В первую очередь, необходимо обратить внимание, что при оказании услуг в сфере экотуризма туристы наблюдают за дикими животными, то есть за животными, находящимися в состоянии естественной свободы.

О.С. Колбасов, сравнивая различные режимы правового регулирования объектов животного мира, рассматривает в качестве примера содержание зубров в Приокско-Террасном заповеднике, и де-

лает вывод о невозможности их признания дикими животными, так как жизненное пространство зубров ограничено размерами вольеров, в которых они содержатся, кроме того, животные получают дополнительную подкормку от человека. Аналогичной позиции придерживаются М.М. Бринчук, Н.В. Краев и другие.

Таким образом, в юридической науке под состоянием естественной свободы понимается совокупность следующих факторов: воспроизводство животных осуществляется естественным путем (без создания человеком дополнительных благоприятных или неблагоприятных условий), жизненное пространство животных не ограничивается, и они сохраняют возможность к свободному перемещению в рамках территории доступной для конкретного биологического вида, животные самостоятельно добывают пропитание и защищаются от негативных воздействий [1, с. 60–67; 2, с. 25].

Во – вторых, дикие животные могут выступать в качестве объектов показа в экотуризме только при невмешательстве человека в процесс их жизнедеятельности. Указанное условие нашло свое отражение как в международных правовых актах, так и в нормативных правовых актах Российской Федерации.

Всемирная хартия природы, принятая резолюцией 37/7 Генеральной Ассамблеи ООН от 28 октября 1982 года, связывает возможность получения наилучших условий для организации досуга и отдыха с достижением гармонии между природой и человеком, в том числе путем соблюдения принципа уважения природы и невмешательства в естественные процессы. Конвенция ООН о биологическом разнообразии указывает на приоритет сохранения экологических систем и естественных мест обитания, поддержания и восстановления жизнеспособных популяций видов в их естественной среде.

Положения статьи 58 Конституции Российской Федерации закрепляют обязанность по сохранению природы и окружающей среды, бережному отношению к природным богатствам. В соответствии со статьями 12, 34, 44 Федерального закона от 24.04.1995 № 52-ФЗ «О животном мире» (далее – Закон «О животном мире») использование диких животных, в том числе в рекреационных целях возможно лишь при обеспечении их устойчивого существования и устойчивого использования, при указанных условиях использование объектов животного мира в течение неопределенно длительного времени не может повлечь в долгосрочной перспективе истощение биологического разнообразия, а животные должны сохранить способность к воспроизводству.

Отдельная регламентация по использованию животных в качестве объектов туристского показа существует для туризма на особо охраняемых природных территориях (далее – ООПТ). Статьей 5.2 Федерального закона от 14.03.1995 № 33-ФЗ «Об особо охраняемых природных территориях» установлено, что туризм на ООПТ воз-

можен лишь в формах, не приводящих деградации объектов животного мира и среды их обитания. Правилами организации и осуществления туризма, в том числе обеспечения безопасности туризма на ООПТ федерального значения, утвержденными постановлением Правительства Российской Федерации от 21.12.2023 № 2229, отдельно оговаривается возможность проведения всех видов съемки исключительно методами, «не влияющими на ход естественных процессов и не вызывающими беспокойство животных». Также данными правилами установлен запрет на проведение любых преднамеренных действий в отношении животных, направленных на улучшение условий для съемки, а применение дополнительного оборудования и реквизита возможно только при наличии отдельного разрешения. Аналогичные положения содержатся в правилах осуществления туризма на ООПТ регионального значения.

Наряду со специальным режимом охраны территории, учреждениями, осуществляющими управление ООПТ, могут вводиться дополнительные меры по охране животного мира. Так, в Шорском национальном парке месячник тишины проводится в мае в связи с нерестом рыбы, и в этот период запрещается не только вылов водных биологических ресурсов, но и эксплуатация маломерных судов на водных объектах заповедника. Также в мае проводится месячник тишины в Кроноцком государственном заповеднике, с началом репродуктивного периода бурого медведя сокращается число популярных у туристов вертолетных экскурсий в Долину гейзеров, при этом в зависимости от активности животных во время брачных игр срок введения ограничений продлеваться или сокращаться. Таким образом, конкретные ограничения и запреты, связанные с установлением месячника тишины, а также временные рамки их действия зависят от вида и поведения животных во время репродуктивного периода. Введение указанных ограничений позволяет контролировать туристический поток на территорию и снизить негативное антропогенное воздействие на диких животных.

В то же время туры по наблюдению за дикими животными организуются и на территориях, не имеющих статуса ООПТ, в таком случае вероятность оказания негативного воздействия на животных значительно возрастает. В качестве меры снижения негативного антропогенного воздействия на объекты животного мира и места их обитания органы исполнительной власти регионов России наделены полномочиями по принятию правил наблюдения за дикими животными в соответствии с Законом «О животном мире». Однако на текущий момент практика утверждения региональных правил наблюдения за дикими животными еще не получила широкого распространения, подобные правила действуют только в Камчатском крае и лишь в отношении наблюдения за морскими млекопитающими [7; с. 290]. Вместе с тем в 2021 году экспертным сообществом сформулированы рекомендации по наблюдению в рекреационных це-

лях за ластоногими, каланами и китообразными на Дальнем Востоке. Упомянутые рекомендации не обладают юридической силой, но могут применяться при организации экологических туров, целью которых является наблюдение за морскими млекопитающими, и выступать в качестве основы для разработки соответствующих подзаконных актов [8, 9].

Необходимо понимать, что интерес к наблюдению за дикими животными в целом и за морскими млекопитающими в частности фиксируется не только на Дальнем Востоке. Например, в г. Кандалакша Мурманской области каждую весну местные жители и туристы массово пребывают на берег Кандалакшского залива для наблюдения за детенышами гренландских тюленей. При этом несмотря на рекомендации экологических общественных организаций и научного сообщества случаи кормления тюленей и последующего нападения на прикормленных животных собак все еще остаются достаточно распространенными. Вместе с тем нельзя отрицать и положительное влияние массового интереса к наблюдению за морскими млекопитающими на процессы взаимодействия между человеком и тюленем. Так, Ю.В. Краснов отмечает, что увеличение числа людей, наблюдающих за тюленями, в 90-е и начале 2000-х гг. привело к ощутимому снижению незаконной добычи этих животных. Кроме того, ученый подчеркивает значимость влияния экологического просвещения на сокращение фактов негативного воздействия человека на тюленя, по его мнению, выпуск просветительского фильма о тюленях и его демонстрация в образовательных организациях г. Кандалакши позволила практически полностью искоренить акты детской и подростковой агрессии по отношению к детенышам гренландского тюленя [3, с. 19, 22, 23].

Следовательно, правила наблюдения за дикими животными независимо от того носят ли рекомендательный характер или являются обязательными к соблюдению, направлены на регулирование общественных отношений по охране и использованию объектов животного мира и среды их обитания, способны позитивно повлиять на поведение туристов и местных жителей, взаимодействующих с дикими животными.

Говоря о наблюдении за дикими животными в рамках экологического туризма, необходимо упомянуть и об использовании объектов инфраструктуры, позволяющих снизить негативное антропогенное воздействие на самих животных и среду их обитания. В настоящее время указанные объекты (смотровые площадки, укрытия для наблюдения за животными, наблюдательные вышки) разрешено размещать на ООПТ и на землях рекреационного значения. Таким образом, законодатель уравнивает возможности для организации экологических туров как в границах особо охраняемых территорий, так и за их пределами. В то же время, как отмечает А.Б. Купчинский, наличие необходимых объектов инфраструктуры, а также наделение природной территории статусом особо охраняемой

не является достаточным условием для снижения негативного антропогенного воздействия на диких животных. Так наблюдения 2022 года за лежбищем байкальской нерпы на острове Долгий, расположенном в архипелаге Ушканьи острова в границах Забайкальского национального парка, показали, что наличие укрытия для наблюдения животными (стены с отверстиями для наблюдения и фотосъемки) не исключает возможность «спугивания» нерпы с лежбища туристами, предпочитающими наблюдать за тюленями вне пределов специально оборудованной площадки [4; с. 274]. Таким образом, наряду с наличием правил наблюдения за дикими животными и условий для организации такого наблюдения в рамках экологического туризма необходимо обеспечить также эффективное соблюдение всех установленных ограничений и запретов, направленных на снижение негативного воздействия человека непосредственно на самих животных и на среду их обитания.

В свою очередь, Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» не содержит отдельных положений, посвященных регулированию экологического туризма, также как и положений, затрагивающих вопросы поведения туристов при использовании диких животных в качестве объектов туристского показа. В то же время статья 4 указанного закона относит охрану окружающей среды и рациональное использование природного наследия к целям государственного регулирования туристской деятельности, а статья 7 данного правового акта выделяет среди обязанностей туриста обязанность сохранять окружающую среду. Таким образом, необходимость применения к процессу наблюдения за дикими животными в ходе оказания туристических услуг положений природоохранного и природоресурсного законодательства отраслевым законом все же предусмотрена.

Дикие животные являются популярным объектом туристского показа в экологическом и других видах туризма. В то же время далеко не каждый тур, основанный на наблюдениях за животными в естественной среде обитания, можно признать экологическим. Дикие животные часто подвергаются преследованию, в том числе с использованием транспортных средств, со стороны туристов, желающих получить уникальные фотографии или видеоролики, а постоянно контактирующие с человеком животные утрачивают естественные поведенческие реакции и способность к самостоятельному выживанию. Пятилетние наблюдения за популярнейшей берингийских сусликов, обитающих на Авачинском перевале в природном парке «Налычево» (является объектом Всемирного наследия ЮНЕСКО) показали, что группировка сусликов непосредственно, контактирующая с туристами, приобрела поведенческие черты не характерные для их собратьев, подвергшихся влиянию человека в меньшей степени. Суслики социализировались, перестали видеть в человеке опасность, начали позировать для фотографий, выклянчивать и во-

ровать еду, реакция животных на естественных врагов замедлилась, изменились периоды суточной активности, стали чаще проявляться вспышки агрессии. Кроме того, социализировавшиеся животные становились добычей хищников значительно чаще своих сородичей, реже контактировавших с человеком [5, с. 361–363]. Схожие примеры социализации были выявлены и в результате наблюдений за семьями анадырской лисицы, также обитающими в районе Авачинского перевала: лисы стали подпускать человека ближе к своим детенышам, участились факты позирования животных для фото- и видеосъемки, а также факты попрошайничества [5, с. 97].

Приведенный пример доказывает, что туры по наблюдению за дикими животными относятся к экотуризму лишь в тех случаях, когда оказание туристических услуг не влечет существенного вмешательства в естественные процессы и не оказывает значительного негативного воздействия на диких животных. Вместе с тем анализ описанной ситуации также позволяет сформулировать гипотезу о возможности установления запретов и ограничений, связанных с наблюдением за дикими животными, не нормативными, а индивидуальными правовыми актами, в частности договорами об оказании туристических услуг. В приведенном примере берингийские суслики и анадырские лисицы подвергались антропогенному воздействию преимущественно со стороны туристов. При этом организованные группы туристов, осуществляющие наблюдение за дикими животными, находятся в природной среде в относительной изоляции от общества, а их действия в достаточной степени могут контролироваться и пресекаться организатором тура, экскурсоводом (гидом) или инструктором-проводником. В свою очередь, в качестве дополнительной мотивации туристического оператора к подобному поведению может выступать предоставление финансовых и нефинансовых преференций для предпринимателей, оказывающих услуги в сфере экологического туризма, со стороны исполнительных органов субъекта Российской Федерации. В качестве инструмента стимулирования экологически ответственного поведения туристического оператора могут выступать введение дополнительных критериев к участникам конкурсных отборов на получение субсидий в сфере туризма, предоставление площадки для продвижения услуг экологически ответственных туроператоров на региональных туристических порталах, приглашение в качестве экспертов на тематические туристические форумы и т.д. Для экскурсоводов (гидов) и инструкторов-проводников, обеспечивающих экологически ответственное поведение туристов, может быть предоставлено приоритетное право рассмотрения заявлений на посещение ООПТ, начислены дополнительные баллы в региональных конкурсах профессионального мастерства, предоставлены специальные возможности для продвижения.

Таким образом, в настоящее время наблюдение за дикими животными в рамках экологического ту-

ризма регламентируется положениями международных правовых актов, Конституции Российской Федерации, федеральных и региональных законов и подзаконных правовых актов. Вместе с тем видится возможным осуществление правового регулирования указанных отношений индивидуальными правовыми актами, в частности договорами об оказании туристических услуг, содержащими правила наблюдения за дикими животными, и санкции за их нарушения.

Литература

1. Колбасов О.С. Право собственности на животный мир // Развитие аграрно-правовых наук. М., 1980. С. 56–70;
2. Краев Н.В., Краева В.Н. О юридическом статусе диких животных, обитающих в состоянии естественной свободы, содержащихся и разводимых в неволе и полувольных условиях // Адвокат. 2016. № 10. С. 22–42;
3. Краснов Ю.В. О гренладских тюденях, экологическом туризме и просветительской деятельности. // Охрана дикой природы, 2005, № 4. С. 19–23;
4. Купчинский А.Б. Антропогенное влияние на байкальскую нерпу (*Pusa sibirica* Gm.) в береговой период ее жизни (по материалам 2022 года) / А.Б. Купчинский, М.Е. Овдин, Е.А. Петров // Биосфера. – 2023. – Т. 15, № 3. С. 261–284;
5. Ненашева Е.М. Естественные и синантропные популяционные группировки сусликов *Spermophilus parryi stejnegeri* (J. Allen, 1903) Авачинского перевала / Е.М. Ненашева, В.В. Зыков, Е.А. Карпов // Сохранение биоразнообразия Камчатки и прилегающих морей: Материалы XVIII международной научной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения доктора биологических наук П.А. Хоментовского, Петропавловск-Камчатский, 15–16 ноября 2017 года. – Петропавловск-Камчатский: Камчатский филиал Тихоокеанского института географии ДВО РАН, 2017. С. 358–363;
6. Ненашева Е.М. Этологический мониторинг семейства лисиц *vulpes vulpes berengiana* (middendorf, 1875) Авачинского перевала (природный парк «Налычево») / Особо охраняемые природные территории Камчатского края: опыт работы, проблемы управления, перспективы развития: тезисы докладов Второй региональной научно-практической конференции. – Петропавловск-Камчатский: Камчатпресс, 2017–2018 с. С. 94–98;
7. Примак Т.И. О необходимости правового регулирования наблюдений за дикими животными в сфере туризма / Т.И. Примак // Охрана и рациональное использование животных и растительных ресурсов: Материалы международной научно-практической конференции, приуроченной к 120-летию со дня рождения профессора В.Н. Скалона, в рамках XII междуна-

ной научно-практической конференции «Климат, экология, сельское хозяйство Евразии», Иркутск, 24–28 мая 2023 года. Том Часть I. – Молодежный: Иркутский государственный аграрный университет им. А.А. Ежевского, 2023. С. 289–296;

8. Рекомендации по наблюдению за китообразными в рекреационных целях на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (дата обращения: 20.01.2025);
9. Рекомендации по наблюдению за ластоногими и каланами в рекреационных целях на лежбищах и в местах скопления на Дальнем Востоке [Электронный ресурс] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (дата обращения: 20.01.2025).

ON THE LEGAL REGULATION OF ANIMAL OBSERVATION IN ECOTOURISM

Lubnina A.V.

The Russian State University of Justice

This article discusses the issues of legal regulation watching wild animals within the framework of provision of services in the field of ecotourism, defines the main prohibitions and restrictions related to watching wild animals, using the example of observations of tourists and local residents of Greenland seals, Baikal seals, Bering ground squirrels, and Anadyr foxes, the most problematic aspects of interaction between humans and animals, when using the latter as an object of tourist display, are analyzed. The article also formulates a hypothesis about the possibility of establishing a legal regime for observation of wild animals not by regulatory, but by individual legal acts, in particular, contracts for the provision of tourist services, as well as ensuring compliance with these rules by the tour operator or persons accompanying tourists.

Keywords: legal regulation, ecotourism, watching wild animals.

References

1. Kolbasov O.S. Ownership of the animal world // Development of agrarian legal sciences. M., 1980. pp. 56–70;
2. Kraev N.V., Kraeva V.N. On the legal status of wild animals living in a state of natural freedom, kept and bred in captivity and semi-free conditions // Advocate. 2016. № . 10. pp. 22–42;
3. Krasnov Yu.V. About bowhead seals, eco-tourism and educational activities. // Wildlife Conservation, 2005, № . 4. pp. 19–23;
4. Kupchinsky A.B. Anthropogenic impact on the Baikal seal (*Pusa sibirica* Gm.) during the coastal period of its life (based on materials from 2022) / A.B. Kupchinsky, M.E. Ovdin, E.A. Petrov // Biosphere. – 2023. – T. 15, № . 3. pp. 261–284;
5. Nenasheva E.M. Natural and synanthropic population groups of ground squirrels *Spermophilus parryii stejnegeri* (J. Allen, 1903) of the Avacha Pass/E.M. Nenasheva, V.V. Zykov, E.A. Karpov // Conservation of biodiversity of Kamchatka and adjacent seas: Materials of the XVIII international scientific conference dedicated to the 70th anniversary of the birth of Doctor of Biological Sciences P.A. Khomentovsky, Petropavlovsk-Kamchatsky, November 15–16, 2017. – Petropavlovsk-Kamchatsky: Kamchatka branch of the Pacific Institute of Geography FEB RAS, 2017. pp. 358–363;
6. Nenasheva E.M. Ethological monitoring of the fox family *vulpes vulpes berengiana* (middendorf, 1875) of the Avachinsky Pass (Nalychevo Natural Park) / Specially protected natural areas of the Kamchatka Territory: work experience, management problems, development prospects: abstracts of the Second Regional Scientific and Practical Conference. – Petropavlovsk–Kamchatsky: Kamchatpress, 2017–204 p. pp. 94–98
7. Primak T.I. Wildlife watching needs regulation measures/ T.I. Primak // Protection and rational use of animal and plant resources: Proceedings of the international scientific-practical conference, timed to the 120th anniversary of the birth of Professor V.N. Skalon, within the framework of the XII International Scientific Conference «Climate, ecology, agriculture of Eurasia» Irkutsk, May 24–28, 2023. Volume Part I. – Youth: Irkutsk State Agrarian University named after A.A. Jezhevsky, Irkutsk, May 24–28, 2023. A.A. Jezhevsky, 2023. – pp. 289–296;
8. Recommendations on Cetacean Observation for Recreational Purposes in the Far East [Electronic resource] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (date of access: 20.01.2025);
9. Recommendations on surveillance of pinnipeds and wild boars for recreational purposes at rookeries and aggregation sites in the Far East [Electronic resource] URL: <https://marmam.ru/about/documents/> (date of access: 20.01.2025).

Некоторые проблемы реализации конституционно-правового механизма, направленного на формирование комфортной городской среды

Маргорина Варвара Сергеевна,
аспирант Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

В статье рассматривается проблема отсутствия нормативного регулирования соучаствующего проектирования – вовлечения граждан и других заинтересованных лиц в процесс принятия решений в области благоустройства территорий. Автор сравнивает соучаствующее проектирование с такими формами участия населения, как публичные слушания и общественные обсуждения, и приходит к выводу, что они не обеспечивают полноценного вовлечения граждан.

В статье также отмечается, что предложения и замечания жителей, высказанные в ходе публичных слушаний и общественных обсуждений, носят рекомендательный характер и не всегда учитываются организаторами процедур. Автор предлагает закрепить механизм привлечения граждан к инициированию и составлению проектов, а также более чётко регламентировать учёт их предложений и замечаний.

Ключевые слова: комфортная городская среда, вовлечение граждан, публичные слушания, общественные обсуждения, соучаствующее проектирование.

Показатель уровня вовлеченности местного населения решение вопросов формирования комфортной городской среды является одним из ключевых в реализации Федерального проекта «Формирование комфортной городской среды». В соответствии с Методическими рекомендациями по вовлечению граждан, их объединений и иных лиц в решении вопросов развития городской среды, утверждёнными Приказом Минстроя России от 30 декабря 2020 г. № 913/пр для вовлечения граждан в решение вопросов благоустройства сегодня могут применяться информирование, консультирование, соучастие и партнерство. Эти инструменты можно объединить одним термином «соучаствующее проектирование», широко используемым сегодня в урбанистике. Впервые изучением этого явления занялся урбанист и специалист в городском планировании Генри Санюфф, который предложил использовать следующее определение соучаствующего проектирования: соучаствующее проектирование – это процесс проектирования с вовлечением жителей, местных сообществ, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов, представителей экспертного сообщества и других заинтересованных в проекте сторон для совместного определения целей и задач развития территории, выявления истинных проблем и потребностей людей, совместного принятия решений, разрешения конфликтов и повышения эффективности проекта¹.

По мнению Надежды Снигиревой, советника Мэра Вологды по развитию городской среды, соучаствующее проектирование – это соучастие всех заинтересованных сторон в процессе принятия решений, обсуждения проблем, формирования программы развития территории с учетом реальных потребностей и реального влияния на ситуацию разных заинтересованных сторон. При этом к заинтересованным сторонам следует отнести жителей, местные сообщества, активистов, представителей административных структур, локального бизнеса, инвесторов и экспертов. Если переформулировать данные определения в более лаконичную форму, то можно сказать, что соучаствующее проектирование – это вовлечение граждан и других заинтересованных лиц в процесс принятия решений в области благоустройства территории.

Проблематика в области соучаствующего проектирования заключается в том, что данное явление

¹ Кияненко К. В. (2010) Генри Санюфф: к архитектуре, озаренной человеком. О проектировании людей, с людьми и для людей // Архитектурный вестник. No 1. С. 96–101.

ние не имеет какого-либо нормативного регулирования ни на федеральном уровне, ни на уровне субъектов, несмотря на то, что широкий перечень нормативных актов рекомендует привлекать граждан в решение вопросов формирования комфортной городской среды: Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Стандарт комплексного развития территорий Минстроя РФ и ДОМ.РФ, Приказ Минстроя «Об утверждении методических рекомендаций для подготовки правил благоустройства территорий поселений, городских округов, внутригородских районов», Рекомендации по организации общественного участия в реализации проектов комплексного благоустройства городской среды Минстроя РФ, Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды Минстроя РФ и Агентства стратегических инициатив 2020 года¹.

Сегодня формы участия населения в местном самоуправлении перечислены в главе 5 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». При этом согласно ст. 33 данного закона наряду с предусмотренными законом формами участия населения граждане вправе участвовать в осуществлении местного самоуправления и в иных формах, не противоречащих законодательству. По мнению ученых, наиболее приближенными по форме и содержанию к соучаствующему проектированию являются публичные слушания и общественные обсуждения². Однако соучаствующее проектирование, в отличие от публичных слушаний и общественных обсуждений, предусматривает и последующее вовлечение граждан в реализацию проекта – непосредственное участие в его осуществлении, контроль и последующую оценку итогового результата.

Нормы об общественных обсуждениях и публичных слушаниях были включены в Градостроительный кодекс РФ Федеральным законом от 29 декабря 2017 г. N 455-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»³. Однако принципиальное отличие данных форм участия от соучаствующего проектирования проявляется в том, что публичные слушания и общественные обсуждения в соответствии с действующим законодательством

¹ Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды Минстроя РФ и Агентства стратегических инициатив 2020 года. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/ad/7f04fc-75c2-4397-9fe4-5e58246ae252/Стандарт_гражданского_участия.pdf?ysclid=lgxkwflv9q882101592 (дата обращения: 09.02.2025)

² Сафарова М.Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // Городские исследования и практики. Т. 6. No 2. С. 77.

³ Федеральный закон от 29.12.2017 N 455-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. N 1 (Часть I). ст. 39

проводятся по заранее подготовленным проектам. По мнению автора, более верным было бы закрепить механизм привлечения граждан как к иницированию проектов, так и к их составлению.

По итогам проведения общественных обсуждений или публичных слушаний формируется заключение. Примечательно, что в соответствии с п. 5 ч. 22 ст. 5.1 ГрК РФ в нем должны содержаться аргументированные рекомендации организатора общественных обсуждений или публичных слушаний о целесообразности или нецелесообразности учета внесенных участниками предложений и замечаний. При этом закон предоставляет чрезмерную широту дискреционных полномочий организаторам процедур, поскольку не регламентирует, как именно должны учитываться высказанные жителями предложения и замечания.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что предложения и замечания жителей носят исключительно рекомендательный характер, а значит, главная задача рассматриваемых процедур не решается – они не имеют реального влияния на итоговый проект благоустройства. Такой подход законодателя подкрепляется и позицией Конституционного Суда, сформулированной им в 2010 году в определении N 931-О-О по поводу конфликта в Санкт-Петербурге в связи со строительством общественно-делового квартала «Охта-центр»⁴. Ольга Андропова обратилась в Красногвардейский районный суд Санкт-Петербурга с заявлением о признании несостоявшимися слушаний по вопросу предоставления разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства и необходимости их повторного проведения. Суд отказал в удовлетворении заявленных исковых требований, мотивировав это тем, что публичные слушания являются лишь способом информирования населения о готовящемся градостроительном решении, а потому не порождают для истицы каких-либо прав и обязанностей, не нарушают ее права и свободы, не влекут позитивных или негативных последствий⁵.

Затем гражданка Андропова обратилась в Конституционный Суд РФ: по ее мнению, оспариваемые законоположения (части 3–9 статьи 39 и части 3, 5 и 6 статьи 40 Градостроительного кодекса Российской Федерации) нарушают конституционно-правовые принципы народовластия и самостоятельности местного самоуправления, права граждан на осуществление местного самоуправления при решении населением вопросов местного значения, поскольку не исключают принятие решений вопреки интересам местного сообщества.

Конституционный Суд РФ признал жалобу не подлежащей дальнейшему рассмотрению. Он отметил, что, будучи публично-правовым институтом, призванным обеспечить открытое, независи-

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 N 931-О-О // Вестник КС РФ. 2011. N 2.

⁵ Решение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 11.11.2009 по делу N 2–4104/09. URL: <http://spsipiter.ru/court/2-4104.htm> (дата обращения: 23.02.2025).

мое и свободное обсуждение общественно значимых проблем (вопросов), имеющих существенное значение для граждан, проживающих на территории соответствующего публичного образования, публичные слушания по смыслу ст. 3 Конституции РФ и федерального законодательства, которым регулируется их проведение, не являются формой осуществления власти населением. Тем не менее, они предоставляют каждому, кого может затронуть предполагаемое решение, правомочие на принятие которого принадлежит компетентным органам и должностным лицам, возможность участвовать в его обсуждении независимо от наличия специальных знаний либо принадлежности к определенным организациям и объединениям. Конечная цель такого обсуждения – выработка рекомендаций по общественно значимым вопросам либо получение общественной оценки правового акта.

И.Р. Медведев считает такую трактовку неприемлемой, поскольку Конституционный Суд РФ, по сути, определил публичные слушания как никому не нужный рекомендательный институт. Такая интерпретация дает зеленый свет органам власти: даже если люди голосовали «против», это не блокирует проект¹.

Таким образом, существующая судебная практика движется в том направлении, который определил Конституционный суд в своем решении: «заключение, принятое по результатам публичных слушаний, носит рекомендательный характер и не является непосредственным основанием для возникновения, изменения, прекращения прав либо обязанностей какого-либо субъекта. С учетом этого оспариваемое заключение о результатах публичных слушаний, по мнению суда апелляционной инстанции, не может рассматриваться как ненормативный правовой акт, который может быть оспорен в рамках отдельного дела в соответствии с положениями главы 24 АПК РФ»².

Однако на практике нередки и противоположные ситуации, когда публичные слушания и общественные обсуждения признаются судами незаконными, а их результаты – недействительными. Верховный суд отмечал, что основанием для принятия решения суда о признании ненормативного или нормативного акта государственного органа или органа местного самоуправления недействительным являются одновременно как его несоответствие закону или иному правовому акту, так и нарушение указанным актом гражданских прав и охраняемых законом интересов гражданина или юридического лица³. Проанализировав существую-

¹ Медведев И.Р. Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете Закона N 455-ФЗ // Закон. 2018. N 3. С. 130.

² Постановление Десятого арбитражного суда от 27 ноября 2012 года по делу N А41-5222/12. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=440125#cVZgOdT4maHqFf4O> (дата обращения: 23.02.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 9. 1996. N 5. 1997.

ющую по данной категории дел судебную практику, можно сделать вывод о том, что публичные слушания и общественные обсуждения признаются судами незаконными, а их результаты – недействительными в следующих случаях:

1. В случае, если проект не был размещен ни на официальном сайте администрации, ни в помещениях администрации, ни иным образом, позволяющим ознакомиться с проектом изменений, в связи с отсутствием в распоряжении администрации этого документа⁴
2. При нарушении сроков публикации заключения о результатах публичных слушаний
3. При условии, если Постановление администрации об отклонении и направлении документации по планировке территории на доработку не содержит мотивов, по которым документация отклонена и направлена на доработку⁵.

При этом указанные случаи скорее исключения нежели сложившаяся практика: в большинстве своем суды поддерживают позицию Верховного суда⁶, который указал, что нарушение сроков проведения публичных слушаний, отсутствие опубликования заключения по результатам публичных слушаний сами по себе не свидетельствуют о нарушении прав физических и юридических лиц на участие в публичных слушаниях, внесение предложений и замечаний по проектам⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что соучаствующее проектирование на сегодняшний день является «надстройкой» в местном самоуправлении и используется скорее, как эксперимент, поскольку его реализация нормативно не урегулирована. По мнению Е.И. Верещагиной, в местном самоуправлении нет работающих механизмов, позволяющих практикам соучаствующего проектирования встроиться в градостроительные процессы, закрепленные на официальном уровне, – например, действовать в рамках публичных слушаний. Неэффективность регулирования данного вопроса приводит к низкому уровню *привлечения* граждан в решение вопросов благоустройства среди органов местного самоуправления. В.Г. Ледяев отмечает, что в таких случаях высок

⁴ Решение Нижегородского областного суда от 22.10.2018 по делу N 3А-554/2018-М-510/18. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=388186#olchOdTqgxNexoMD> (дата обращения: 23.02.2025).

⁵ Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2019 N 20АП-6857/2019 по делу N А54452/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=75243#b54j0dTm6izkV9z01> (дата обращения: 23.02.2025).

⁶ Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 13.07.2021 N 66а-905/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=23640&dst=100001#5Z8j0dTmkmaPC2c6> (дата обращения: 23.02.2025).

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2019 N 127-АПА19-18. URL: <https://legallacts.ru/sud/apelliatcionnoe-opredelenie-sudebnoi-kolleгии-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16102019-n-127-apa19-18/> (дата обращения: 23.02.2025).

риск роста использования имитационных или манипуляционных техник муниципалитетами, поскольку нет ни реальной мотивации для использования соучастия, ни компетенций для организации соучаствующего проектирования, ни нормативно-правовой базы¹.

Следующая проблема, по мнению автора, неразрывно связана с проблемами информирования граждан не только о реализуемых в субъектах РФ проектах благоустройства, но и о возможностях и способах участия граждан в решении вопросов по формированию комфортной городской среды. Невысокий уровень вовлеченности граждан нашей страны в решение вопросов формирования комфортной городской среды во многом связан с тем, что на территориях субъектов и муниципальных образований Российской Федерации не налажена система информирования горожан о реализуемых программах благоустройства городов и предстоящих мероприятиях (общественных обсуждениях, публичных слушаниях), в рамках которых жители где горожане могут выразить свое мнение по вопросам городской среды. Администрации, как правило, формально подходят к оповещению жителей – новости публикуются на официальных сайтах в общей ленте новостей, где быстро сменяются другими новостями. О проведенных мероприятиях жители зачастую узнают уже после того, как они прошли, из социальных сетей или общедомовых чатов.

Рассмотрим механизм информирования населения об этапах проведения общественных слушаний, предусмотренный Законом N 455-ФЗ. Первой составляющей является оповещение о начале общественных осуждений: закон предусматривает публикацию информации в официальных печатных СМИ, распространение на информационных стендах около здания органа местного самоуправления, в местах массового скопления граждан и в иных местах на территории, в пределах которой проводятся общественные обсуждения (публичные слушания).

Однако к форме оповещения нормативные требования не формулируются, что зачастую приводит к тому, что сроки публикации либо пропускаются, либо игнорируются вообще, а доказать тот факт, что оповещение не осуществлялось, жителям сложно даже в судебном порядке: «Ссылки на то, что свидетели – жители микрорайона – не видели объявлений о слушаниях на информационных стендах и подъездах жилых домов (и это обстоятельство, по мнению заявителей, говорит о том, что объявления там не вывешивались), суд не может положить в основу принимаемого решения, поскольку то, что свидетели не видели объявлений, не означает, что те не вывешивались вообще»².

¹ Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В.Г. Ледаев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 43

² Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 28.02.2014 N 2–5080/2013. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6ldk4PgRWbd/> (дата обращения: 23.02.2025)

В заключение данной статьи автор считает важным отметить, что в настоящее время вовлечение граждан в решение вопросов о формировании комфортной городской среды в Российской Федерации носит фрагментарный характер: это связано как с отсутствием законодательного регулирования, так и с неэффективной системой информирования горожан о возможностях и способах принятия участия населения в решении вопросов благоустройства городов. Несмотря на то, что сегодня внедряются электронные формы для повышения эффективности вовлечения граждан в вопросы формирования комфортной городской среды, такой подход может привести к еще большим конфликтам между населением и местной властью.

Литература

1. Федеральный закон от 29.12.2017 N 455-ФЗ «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 01.01.2018. N 1 (Часть I). ст. 39
2. Определение Конституционного Суда РФ от 15.07.2010 N 931-О-О // Вестник КС РФ. 2011. N 2
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 6, Пленума ВАС РФ № 8 от 1 июля 1996 года «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. N 9. 1996. N 5. 1997.
4. Решение Красногвардейского районного суда Санкт-Петербурга от 11.11.2009 по делу N 2–4104/09. URL: <http://spasipiter.ru/court/2–4104.htm> (дата обращения: 23.02.2025).
5. Постановление Десятого арбитражного суда от 27 ноября 2012 года по делу N A41–5222/12. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=440125#cVZg0dT-4maHqFf4O> (дата обращения: 23.02.2025)
6. Решение Лефортовского районного суда г. Москвы от 28.02.2014 N 2–5080/2013. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6ldk4PgRWbd/> (дата обращения: 23.02.2025)
7. Решение Нижегородского областного суда от 22.10.2018 по делу N 3А-554/2018-М-510/18. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=388186#olch-0dTqgxNewoMD> (дата обращения: 23.02.2025).
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2019 N 127-АПА19–18. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16102019-n-127-apa19–18/> (дата обращения: 23.02.2025).
9. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.11.2019 N

20АП-6857/2019 по делу N A54452/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=75243#b-54j0dTm6izkV9z01> (дата обращения: 23.02.2025).

10. Апелляционное определение Третьего апелляционного суда общей юрисдикции от 13.07.2021 N 66а-905/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=23640&dst=100001#5Z-8j0dTmkmaPC2c6> (дата обращения: 23.02.2025).
11. Кияненко К. В. (2010) Генри СанOFF: к архитектуре, озабоченной человеком. О проектировании людей, с людьми и для людей // Архитектурный вестник. No 1. С. 96–101.
12. Медведев И.Р. Общественные обсуждения градостроительных проектов в свете Закона N 455-ФЗ // Закон. 2018. N 3. С. 130.
13. Сафарова М.Д. Участие граждан в градорегулировании: теория и практика законодательного обеспечения // Городские исследования и практики. Т. 6. No 2. С. 77.
14. Социология власти. Теория и опыт эмпирического исследования власти в городских сообществах / В.Г. Ледяев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. С. 43
15. Стандарт вовлечения граждан в решение вопросов развития городской среды Минстроя РФ и Агентства стратегических инициатив 2020 года. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/ad/7f04fc-75c2-4397-9fe4-5e58246ae252/Стандарт_гражданского_участия.pdf?ysclid=lgxkwflv9q882101592 (дата обращения: 09.02.2025)

SOME PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL MECHANISM AIMED AT CREATING A COMFORTABLE URBAN ENVIRONMENT

Margarina V.S.

Postgraduate student of the Kutafin University

The article examines the problem of the lack of regulatory framework for participatory design – the involvement of citizens and other stakeholders in the decision-making process in the field of landscaping. The author compares participatory design with such forms of public participation as public hearings and public discussions, and concludes that they do not ensure full involvement of citizens.

The article also notes that suggestions and comments from residents expressed during public hearings and public discussions are advisory in nature and are not always taken into account by the organizers of the procedures. The author proposes to consolidate the mechanism for involving citizens in initiating and drafting projects, as well as more clearly regulate the consideration of their suggestions and comments.

Keywords: comfortable urban environment, citizen involvement, public hearings, public discussions, participatory design.

References

1. Federal Law of 29.12.2017 N 455-FZ “On Amendments to the Urban Development Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 01.01.2018. N 1 (Part I). Art. 39
2. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.07.2010 N 931-O-O // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2011. N 2
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 6, Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 8 of July 1, 1996 “On Certain Issues Related to the Application of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. N 9. 1996. N 5. 1997.
4. Decision of the Krasnogvardeisky District Court of St. Petersburg dated 11.11.2009 in case N 2–4104/09. URL: <http://spasipiter.ru/court/2-4104.htm> (date of access: 23.02.2025).
5. Resolution of the Tenth Arbitration Court dated 27 November 2012 in case N A41–5222/12. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=440125#cVZg-0dT4maHqFf4O> (date of access: 23.02.2025)
6. Decision of the Lefortovo District Court of Moscow dated 28.02.2014 N 2–5080/2013. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6ldk4PgRWbd/> (date of access: 23.02.2025)
7. Decision of the Nizhny Novgorod Regional Court dated 22.10.2018 in case N 3A-554/2018-M-510/18. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOPV&n=388186#olch0dTqgxNewoMD> (date of access: 23.02.2025).
8. Appellate ruling of the Judicial Collegium for Administrative Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16.10.2019 N 127-APA19–18. URL: <https://legals.ru/sud/apelliationnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-administrativnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-16102019-n-127-apa19-18/> (date of access: 23.02.2025).
9. Resolution of the Twentieth Arbitration Court of Appeal dated November 26, 2019 No. 20AP-6857/2019 in case No. A54452/2019. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS020&n=75243#b54j0dTm6izkV9z01> (date of access: February 23, 2025).
10. Appellate ruling of the Third Court of Appeal of General Jurisdiction dated July 13, 2021 No. 66а-905/2021. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOAS&n=23640&dst=100001#5Z8j0dTmkmaPC2c6> (accessed: February 23, 2025).
11. Kiyanencko K. V. (2010) Henry Sanoff: Towards a Human-Centered Architecture. Designing for, With, and by People // Architectural Bulletin. No. 1. pp. 96–101.
12. Medvedev I.R. Public discussions of urban development projects in light of Law No. 455-FZ // Law. 2018. N 3. P. 130.
13. Safarova M.D. Citizen Participation in Urban Regulation: Theory and Practice of Legislative Support // Urban Research and Practice. Vol. 6. No. 2. P. 77.
14. Sociology of Power. Theory and Experience of Empirical Research of Power in Urban Communities / V.G. Ledyayev; Nat. Research University “Higher School of Economics”. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2012. P. 43
15. Standard for Involving Citizens in Resolving Issues of Urban Environment Development of the Ministry of Construction of the Russian Federation and the Agency for Strategic Initiatives 2020. URL: https://100gorodov.ru/attachments/1/ad/7f04fc-75c2-4397-9fe4-5e58246ae252/Стандарт_гражданских_участия.pdf?ysclid=lgxkwflv9q882101592 (date of access: 09.02.2025)

Махьянова Римма Мубараквна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры военной администрации, административного и финансового права Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ
E-mail: R@9099177842.ru

Надзорная деятельность прокуратуры является одним из приоритетных направлений прокурорской деятельности. В настоящее время к прокурорским работникам предъявляются высокие требования, что в свою очередь обязывает их развивать профессиональный опыт и навыки, владеть современными технологиями. Анализ законодательства, регламентирующего вопросы проведения прокурорских проверок, начиная с советского периода времени и по настоящее время свидетельствует о необходимости его обновления в целях повышения качества и результативности. В статье автором обоснована целесообразность усовершенствования надзорной деятельности прокуратуры, подхода к ее организации и осуществлению на качественно новом уровне. В этих целях предложено при организации и осуществлении прокурорско-надзорного процесса использовать результаты проведенных автором исследований теоретических и прикладных основ тактики надзорной деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: органы прокуратуры, тактика надзорной деятельности, совершенствование.

В настоящей статье автором отождествлены понятия: надзорная деятельность, прокурорско-надзорный процесс, проверка.

Актуальность темы статьи обусловлена тем, что ее разработка имеет важное научно-практическое значение для дальнейшего развития надзорной деятельности прокуратуры, применения на основе новаторского подхода в ходе ее организации и осуществления наиболее эффективных средств.

Развитие общественно полезной деятельности подразумевает под собой некоторое обновление и требует поиска, введения и применения наиболее эффективных и рациональных инструментов ее реализации, отвечающих современности, т.е. инновационного подхода.

Содержание каждой профессиональной деятельности складывается из следующих основных элементов: научный (теоретический), правовой (законодательный) и прикладной (практический).

К самому подвижному (динамичному) элементу относится прикладной (или практическая деятельность), реализация которого возможна и осуществляется на основе двух остальных – научного и правового.

Процесс осуществления практической деятельности способствует развитию навыка и накоплению профессионального опыта, а также выявлению (обнаружению) конкретных проблем (организационного, управленческого, теоретического, правового и иного характера), препятствующих достижению ее качества и результативности. Их разрешение, на наш взгляд, возможно путем развития и совершенствования научного и правового элементов профессиональной деятельности, сопровождающих процесс ее непосредственной реализации.

Кроме того, опыт осуществления практической деятельности дает основание полагать, что достижению качества и результативности профессиональной деятельности способствует ее конкретизация (представление в конкретном виде [1, с. 3]) и детализация (разработка в деталях, подробностях [2, с. 3]), в особенности при реализации прикладного элемента.

Надзорная деятельность прокуратуры является одним из основных инструментов обеспечения верховенства законов, восстановления нарушенных законных прав и интересов гражданина и человека.

Анализ норм действующего законодательства и опыт надзорной практики дает основание полагать, что соблюдение прокурорами некоторых требований и рекомендаций в ходе прокурорско-

надзорного процесса (или проверки) способствуют достижению его качества и эффективности:

- обоснованность проведения проверок;
- последовательность совершаемых действий (стадийность);
- осуществление подготовительных мероприятий;
- тактическое оснащение процессов организации и осуществления проверки, способствующее анализу и оценке условий складывающейся надзорной ситуации в целях совершения выверенных действий и принятия обоснованных и целесообразных решений на каждой надзорной стадии;
- достижение цели проверки и предупредительного эффекта.

Результаты проведенного анализа законодательства и научных трудов по прокурорскому надзору свидетельствуют о наличии проблем, связанных с совершенствованием надзорной деятельности прокуратуры. В первую очередь это касается процесса проведения проверки, который по сути своей является сложным, последовательным и многоэтапным мероприятием, а его детализация нуждается в более конкретной и подробной правовой регламентации.

Данная позиция поддержана учеными, полагающими необходимым законодательное закрепление деятельности прокурора по проведению проверок [3, с. 4].

Подавляющее большинство ученых и практиков в научных публикациях и диссертационных исследованиях отмечают целесообразность выделения конкретных проверочных стадий (проведение проверки, принятие мер реагирования, предупреждение правонарушений, оценка результативности актов реагирования и т.п.) [4, с. 4].

Исходя из практики проведения прокурорских проверок, их базовую основу составляют определенные стадии, характеризующиеся присущими для каждой из них целями и задачами. Так, на стадии выявления нарушений закона необходимо осуществлять мероприятия, связанные со сбором документов, предметов (доказательств), указывающих на наличие или отсутствие факта нарушения законности и т.д. Кроме того, требуют уточнения вопросы, связанные с документальной фиксацией результатов проверки, привлечением к участию в проведении проверки специалистов, экспертов и т.п.

Оптимизация и развитие надзорной деятельности подразумевает не только вышеперечисленные предложения, связанные с упорядочиванием процесса надзорной деятельности путем его правовой регламентации. По мнению ученых и практиков достижению эффективности проверок способствует использование прокурорами тактики в ходе их организации и проведения [5, с. 5].

Результаты проведенного нами научного исследования сущности и содержания тактики надзорной деятельности прокуратуры дают основание полагать, что процесс ее разработки способству-

ет детализации прокурорско-надзорного процесса, а именно: выверке и последовательности совершаемых прокурором действий, мониторингу обстоятельств надзорной ситуации и логическому осмыслению совокупной информации, составляющей ее содержание, поиску рациональных решений для выполнения целей задач на каждой стадии надзорной деятельности. Процесс разработки тактики представляет собой алгоритм действий прокурора, в ходе которого прокурором целесообразно использовать элементы тактики в определенной последовательности. Данный процесс, на наш взгляд, представляет собой правило (положение, в котором отражена закономерность, постоянное соотношение каких-нибудь явлений [6, с. 5]).

Указанное находит подтверждение в определении понятия «тактика надзорной деятельности прокуратуры», которое нами понимается как поиск, разработка и реализация рациональных решений в условиях надзорных ситуаций, складывающихся в процессе проведения проверок и реализации их результатов. Именно поиск способствует выбору наиболее рационального решения в конкретной надзорной ситуации, содержание которой определяет виды и формы реализации тактики. Данный процесс непрерывно сопровождается мыслительной деятельностью, направленной на логическую обработку информационных сведений надзорной ситуации и способствует реализации знаний, умений и навыков прокурорского работника.

Кроме того, применение тактики способствует научному обеспечению надзорной деятельности.

В ходе исследования выявлены главные элементы тактики: *надзорная ситуация* и *тактическое мышление прокурора*. В результате использования тактического мышления прокурор должен получить интеллектуальный продукт (идея, замысел) в целях принятия решений применительно к условиям складывающейся надзорной ситуации на всех стадиях надзорной деятельности.

По нашему мнению, мышление прокурора представляет собой деятельность, связанную с логической обработкой информационного контента складывающейся надзорной ситуации в целях выработки интеллектуального продукта (идеи) и его использования при принятии решений в ходе проведения проверки и реализации ее результатов.

Здесь речь идет о тактическом мышлении прокурора, которое, по нашему мнению, имеет сложное строение, исходя из содержания мыслительных операций, осуществляемых в процессе разработки тактики и ее реализации. К отличительным признакам тактического мышления можно отнести: логичность, оригинальность, оперативность, изобретательность и др.

Так, при разработке тактики в процессе организации и осуществления надзорной деятельности прокурор обязан анализировать обстоятельства складывающейся надзорной ситуации, которая состоит из двух основных компонентов (более постоянного (состояние законности) и подвижного факторы, влияющие на ее динамику). Здесь сле-

дует заметить, что результат такого анализа непосредственно влияет на формирование содержания тактики, от реализации которого зависит достижение цели проверки и ее качество. Важную роль в этом выполняют интеллектуальные способности прокурора, проявление творчества и изобретательности в целях разработки рационального и оригинального решения. По нашему мнению, мышление прокурора должно отличаться такими свойствами, как логичность, обоснованность, аргументированность, доказательность. Этого требует не только поисковый характер тактики, но и прокурорско-надзорный процесс, основной целью которого является установление объективных данных о состоянии законности на конкретном направлении надзора.

На наш взгляд, надзорные ситуации подлежат наиболее детальному изучению с учетом надзорной практики органов прокуратуры, что позволит совершенствовать тактику и методику прокурорских проверок, повысить их качество и эффективность, а исследование научных основ надзорных ситуаций будет способствовать совершенствованию методического обеспечения органов прокуратуры и разработке, прежде всего, методик на основе обобщенного тактического опыта, сформированного в ходе надзорной деятельности прокуратуры.

О влиянии надзорных ситуаций на процесс проведения проверки и необходимости их тактической корректировки отмечено в трудах советских ученых [7, с. 6].

Использование ситуационного подхода способствует наиболее объективному планированию надзорных мероприятий, совершенствованию форм и методов их проведения и повышению результативности; разработке целесообразной тактики на каждой из стадий надзорной деятельности и ситуационных методик проведения проверок; предупреждению совершения правонарушений и пресечению условий, их порождающих.

Таким образом, внедрение тактики в надзорную деятельность прокуратуры позволит полностью обновить прокурорско-надзорный процесс, повысить уровень профессиональной компетентности прокурорских работников и роль прокуратуры Российской Федерации в укреплении законности и правопорядка в государстве.

Литература

1. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Москва. 2014.
2. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Москва. 2014.
3. Ергашев Е.Р. Актуальные проблемы организации и деятельности прокуратуры Российской Федерации: монография / Е.Р. Ергашев; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уральский

государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева». – Екатеринбург: Уральский гос. юридический ун-т им. В.Ф. Яковлева, 2023. – 310, [1] с.; ISBN 978-5-7845-0717-4.

4. Работа прокурора по общему надзору: Вопросы общей методики / А.Д. Берензон, В.Г. Мелкумов; Отв. ред. гос. советник юстиции 2 кл. И.В. Черменский. – Москва: Юрид. лит., 1974. – 144 с.
5. Ю.Е. Винокуров. Предупреждение преступлений и других правонарушений средствами общего надзора прокуратуры // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 45. М.: Юрид. лит-ра, 1987.
6. Толковый словарь русского языка. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова. Москва. 2014.
7. Проблемы тактики общенадзорной деятельности прокуратуры / Ястребов В.Б. [и др.] // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. № 45. М.: Юрид. лит-ра, 1987.

IMPLEMENTATION OF TACTICS IN THE SUPERVISION ACTIVITIES OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Makhyanova R.M.

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The supervisory activity of the prosecutor's office is one of the priority areas of prosecutorial activity. Currently, high demands are placed on prosecutorial employees, which in turn obliges them to develop professional experience and skills and master modern technologies. An analysis of the legislation regulating the conduct of prosecutorial inspections, from the Soviet period to the present, indicates the need to update it in order to improve quality and effectiveness. In the article, the author substantiates the feasibility of improving the supervisory activities of the prosecutor's office, the approach to its organization and implementation at a qualitatively new level. For these purposes, it is proposed to use the results of the research conducted by the author on the theoretical and applied foundations of the tactics of supervisory activities of the prosecutor's office when organizing and implementing the prosecutorial supervisory process.

Keywords: prosecutorial authorities, supervisory tactics, improvement.

References

1. Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. Moscow. 2014.
2. Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.I. Ozhegov and N. Yu. Shvedova. Moscow. 2014.
3. Ergashev E.R. Actual Problems of Organization and Activities of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: monograph / E.R. Ergashev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev". – Ekaterinburg: Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 2023. – 310, [1] p.; ISBN 978-5-7845-0717-4.
4. The Work of the Prosecutor on General Supervision: Issues of General Methodology / A.D. Berenzon, V.G. Melkumov; Ed. State Counselor of Justice, 2nd Class I.V. Chermensky. – Moscow: Legal Literature, 1974. – 144 p.
5. Yu. E. Vinokurov. Prevention of Crimes and Other Offenses by Means of General Supervision of the Prosecutor's Office // Issues of Combating Crime. Issue. 45. Moscow: Legal Literature, 1987.
6. Explanatory Dictionary of the Russian Language. S.I. Ozhegov and N. Yu. Moscow. 2014.
7. Problems of Tactics of General Supervision Activities of the Prosecutor's Office / V.B. Yastrebov [et al.] // Issues of Combating Crime. Issue. No. 45. Moscow: Legal Literature. liter-ra, 1987.

Программно-целевой подход в системе публичных закупок в Российской Федерации: правовой аспект

Мацева Аида Алиевна,

адъюнкт кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России
E-mail: aida.matseva@mail.ru

В статье рассматривается программно-целевой подход в системе публичных закупок Российской Федерации с позиций нормативно-правового регулирования. Анализируются механизмы увязки государственных программ с закупочной деятельностью, в т.ч. в рамках Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ и Федерального закона «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ. Определяются ключевые этапы эволюции системы нормативного регулирования. Особое внимание уделяется перспективам совершенствования законодательства через внедрение гибких инструментов закупок, бюджетирования, ориентированного на результат. Сделан вывод о необходимости законодательного развития программно-целевого метода как инструмента повышения эффективности государственных закупок и рационального использования бюджетных средств.

Ключевые слова: программно-целевой подход, публичные закупки, госзакупки, бюджетирование, ориентированное на результат, государственный бюджет.

Современные методы программно-целевого управления восходят к теории управления по результатам П. Друкера и основываются на управленческих решениях, принятых по результатам оценки состояния наблюдаемого объекта по заданным показателям и критериям. Во многих странах программно-целевой подход используется в области финансирования государственных расходов, так как он позволяет повысить прозрачность и эффективность бюджетных процессов [8, с. 235]. Как показывает мировая практика, программно-целевой метод является эффективным способом реализации государственных экономических и социальных стратегий.

Программно-целевое управление представляет собой методологический подход, предполагающий выработку и исполнение программ, а также последующую оценку качества и полноты их исполнения [2, с. 135]. Выработка и имплементация программы предполагает: идентификацию существующих проблем, отбор основных целей в области экономического, социального, научно-технического развития, формализацию разрабатываемых плановых решений (составление положений программы), разработка комплекса мероприятий целей в установленные сроки и посредством заданного объема ресурсов [2, с. 154].

Кроме того, в научной литературе можно встретить синонимичный термин – бюджетирование, ориентированное на результат. Его принято определять как инфраструктурный институт государственного управления, альтернативой которому выступает сметное бюджетирование. Бюджетирование, ориентированное на результат, предполагает обеспечение «прямой взаимосвязи между общественно значимыми конечными результатами и бюджетными ресурсами, с помощью которых финансируется программная деятельность субъектов бюджетного планирования» [3, с. 25].

Впервые программно-целевой метод в области государственного управления в нашей стране начал применяться в середине 1990-х гг. В рамках Федерального закона № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» от 13 декабря 1994 г. в законодательство было введено понятие «федеральная целевая программа». Закон обусловил реформирование сферы государственного бюджета и государственных закупок. Положения Закона позволили совершить переход от сметного финансирования к программно-целевому методу планирования бюджетных средств [4, с. 239]. Вышеотмеченный Закон был дополнен Распоряжением Правитель-

ства РФ от 25.10.2005 № 1789-р «О Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2010 годах». Концепция административной реформы предполагала внедрение подхода «управление по результатам».

Как показывает отечественный и зарубежный опыт, довольно эффективным выступает применение программно-целевого метода в области государственных закупок. Государственные закупки – одна из форм организации бюджетного финансирования, направленная «на оформление процесса выделения средств бюджета их получателя на основе государственного задания на осуществление закупки, выполнение работ, оказание услуг» [7, с. 85].

Базовым документом, регламентирующим вопросы управления государственными закупками, выступает Бюджетный кодекс РФ, принятый в 1998 г. и вступивший в силу с 2000 г. В момент утверждения Бюджетного кодекса программно-целевой метод управления еще не был актуален, но в последующих редакциях уже можно заметить изменения, обусловленные следованием программно-целевому методу.

Среди важных документов в рассматриваемой нами области следует отметить также Федеральный закон № 94-ФЗ от 21 июля 2005 г. «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». Закон зафиксировал механизмы размещения заказов, описал процедуры проведения конкурсов, аукционов, электронных аукционов, запросов котировок и т.п. С точки зрения реализации программно-целевого метода управления данный Закон содержал в себе ряд существенных недостатков. В Законе не были предусмотрены механизмы взаимодействия между стратегическим и бюджетным планированием, что приводило к неэффективному использованию средств. Кроме того, не было предусмотрено методологической связи между планированием программных и непрограммных расходов, а также капитальных и текущих расходов.

В последующие годы многие исследователи обращались к анализу недостатков закупочной системы, на основе чего в последующем были сделаны выводы о необходимости перехода от парадигмы «управления бюджетными расходами» к парадигме «управления результатами». Декларировалась концепция «бюджетирования, ориентированного на результат» (БОР), предполагавшая планирование исполнения бюджета, внедрение бюджетного контроля, распределение бюджетных средств исходя из общественной значимости конкретных результатов. Базисом подобного режима бюджетирования, собственно, стал программно-целевой метод бюджетного планирования. Сущность подобного метода бюджетирования заключается в последовательном системном выделении средств на цели, закрепленные в целевых программах.

На данном этапе система реализации программно-целевого метода бюджетирования

находилась на стадии становления. Программно-целевой метод в сфере государственных закупок стал определяться как подход, при котором закупки товаров, работ и услуг осуществляются в соответствии с утвержденными государственными и ведомственными программами, направленными на достижение стратегических социально-экономических целей.

На следующем этапе, в 2010-х гг., был принят ряд нормативно-правовых актов, положения которых обозначили стадию активного внедрения программно-целевого метода бюджетирования. Среди этих актов можно выделить следующие: Порядок разработки, реализации и оценки эффективности государственных программ (Постановление Правительства РФ от 02.08.2010 № 588), Методические указания по разработке и реализации государственных программ Российской Федерации (приказ Минэкономразвития России от 26.12.2012 № 817), Перечень государственных программ Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 11.11.2010 № 1950-р), Федеральный закон «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием бюджетного процесса» от 07.05.2013 № 104-ФЗ». В результате процедуры планирования федерального бюджета в период с 2011 г. стали опираться на аналитические данные о распределении расходов федерального бюджета согласно государственным программам.

Переход к программно-целевому методу непосредственно в области государственных закупок произошел после принятия Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ. Данный Закон сменил Закон № 94-ФЗ и представил более детализированные положения о регламентации процесса планирования закупок. Согласно положениям Закона, заказчики реализуют закупки с целью обеспечения федеральных нужд, нужд субъектов и муниципальных нужд, в частности, во исполнение государственных программ, (включая федеральные целевые программы или другие документы стратегического и программно-целевого характера). Кроме того, госзакупки реализуются во исполнение государственных программ субъектов, муниципальных программ.

Следование программно-целевому подходу весьма очевидно, если обратиться к тексту гл. 2 «Планирование», в которой раскрыты вопросы формирования Планов-графиков закупок, их обоснования, проведения общественного обсуждения.

Еще одним важным нормативно-правовым актом, регулирующим данную область, выступает Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» от 18.07.2011 № 223-ФЗ [9, с. 279].

В последующем имплементация программно-целевого метода планирования госзакупок была дополнена Указом Президента Российской Феде-

рации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», а также Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». Инструментами реализации указанных в этих документах целей и задач являются государственные программы. На данном этапе стало очевидным, что программно-целевой метод планирования госзакупок обладает множеством преимуществ и открывает широкие возможности для построения и реализации долговременных, масштабных программ с соответствующим финансированием.

Таким образом, программно-целевой подход в системе публичных закупок на современном этапе закреплён главным образом в Федеральном законе «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ, а также в Федеральном законе от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Эти нормативные акты предусматривают взаимосвязь между государственными закупками, государственными программами и стратегическими документами развития конкретной отрасли. Законы о государственных закупках создают институциональную основу для реализации государственных программ, обеспечивая прозрачность и эффективность государственных контрактов.

Ключевыми элементами программно-целевого подхода в госзакупках, согласно двум вышеописанным Законам, выступают следующие: (1) планирование закупок в рамках государственных программ: формирование долгосрочных программ с учётом приоритетных направлений социально-экономического развития; определение перечня необходимых закупок, их объёмов и сроков реализации; (2) целевое финансирование: бюджетные средства распределяются на основе программ, что обеспечивает целевое расходование и контроль эффективности их исполнения; предусматривается также возможность корректировки бюджетов в зависимости от изменения социально-экономических условий; (3) оценка эффективности закупок: контроль исполнения государственных контрактов осуществляется с учётом показателей эффективности, производится анализ достигаемых результатов в сопоставлении с запланированными целями.

На современном этапе государственные закупки играют роль финансового звена, опосредующего функционирование государственных программ и распределение бюджетных средств. Посредством государственных закупок реализуется программно-целевой подход к планированию в современной отечественной экономической системе [7, с. 84].

Тем не менее, в 2020-х гг. в научной литературе стала все чаще высказываться критика в адрес программно-целевого метода планирования госза-

купок. Так, в нестандартных ситуациях, в условиях внезапных кризисов программно-целевой метод оказался недостаточно гибким и адаптивным к высокой динамике внешней среды. К примеру, в ситуации распространения коронавирусной инфекции потребовалось реализовать в срочном порядке множество внеплановых госзакупок. Тем не менее, программное планирование бюджета не всегда позволяло выделить на это необходимые средства; кроме того, процесс согласования госзакупок достаточно трудоёмкий, предъявляются высокие требования к обеспечению контракта [1, с. 2].

Среди недостатков можно отметить и то, что внедрение программно-целевых методов бюджетного планирования сопряжено с недостатком финансовых средств, которые бы могли быть дополнительно распределены для финансирования внеплановых расходных обязательств [Чеернобровкина, с. 99]. В этой связи специалисты указывают на необходимость внесения изменений в законодательство, направленных на повышение адаптивности планирования, создание механизмов экстренного перераспределения бюджетных средств и повышение прозрачности процесса принятия решений в сфере государственных закупок.

Специалисты, кроме того, говорят о неэффективности методик оценки и мониторинга показателей. В Российской Федерации все еще не накоплен существенный опыт работы в контексте «ориентации на результат» при осуществлении государственных закупок [10, с. 99]. По всей видимости, требуется усовершенствовать текущую методологию оценки показателей и внести соответствующие изменения в законодательство. На текущий момент система госзакупок не способна оказывать влияния на осуществление контроля за оценкой эффективности государственных программ [5, с. 117].

В заключение отметим следующее. Государственные закупки являются ключевым инструментом реализации социально-экономической политики государства. Их эффективность напрямую зависит от стратегического планирования, регулируемого государственными программами, и правовых механизмов, установленных Федеральными законами № 44-ФЗ и № 223-ФЗ.

Программно-целевой метод (бюджетирование, ориентированное на результат) позволяет сделать систему государственных закупок более эффективной, но, при этом, в текущем виде она требует совершенствования механизмов контроля, корректировки показателей эффективности и повышения ответственности заказчиков за достижение установленных программами целей. Кроме того, требуется внесение соответствующих изменений в законодательный массив.

Литература

1. Алексеев, С.Л. Цифровизация процедур государственных закупок как вызов угрозам безопасности региональной и национальной эконо-

- мики / С.Л. Алексеев, С.Г. Гордеев // МНИЖ. – 2023. – № 2 (128). – 5 с.
2. Аршинова, И. Теоретические основы программно-целевого планирования / И. Аршинова // Национальная безопасность и стратегическое планирование. – 2018. – № 1. – С. 152–159.
 3. Букина, И.С. Бюджетирование, ориентированное на результат, и новое правовое положение государственных (муниципальных) предприятий / И.С. Букина, С.И. Черных // ЭТАП. – 2012. – № 1. – С. 25–43.
 4. Гомонова, К.В. Программно-целевой подход к управлению в России и за рубежом / К.В. Гомонова // Экономика и социум. – 2018. – № 4 (47). – С. 237–241.
 5. Гусева, М.Н. Анализ состояния системы государственных закупок Российской Федерации с позиции системного подхода / Н.М. Гусева // Государство и право. Экономика. – 2015. – № 2. – С. 108–117.
 6. Донцова, Н.А. Организационно-правовые основы государственных закупок / Н.А. Донцова // Вестник науки. – 2023. – № 9 (66). – С. 187–194.
 7. Максименко, В.А. Роль государственных закупок в современной национальной финансовой системе / В.А. Максименко // Финансовые исследования. – 2020. – № 4 (69). – С. 82–94.
 8. Пруель, Н.А. Об эффективности программно-целевого подхода в российском исполнении / Н.А. Пруель, Л.Н. Липатова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2022. – № 17–1. – С. 235–238.
 9. Хамидуллина, Е.А. Проблемы и перспективы совершенствования законодательства в области осуществления государственных закупок / Е.А. Хамидуллина, В.В. Смирнова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5–4 (92). – С. 277–281.
 10. Чернобровкина, Е.Б. Влияние программно-целевого бюджетирования на концепцию управления государственными расходами / Е.Б. Чернобровкина // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2015. – № 3. – С. 94–99.

PROGRAM-TARGETED APPROACH IN THE PUBLIC PROCUREMENT SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL ASPECT

Matseva A.A.

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article analyses the program-target approach in the system of public procurement of the Russian Federation from the standpoint of legal regulation. The mechanisms of integration of state programs with procurement activities are analyzed, including within the framework of Federal Law "On the Contract System in the Sphere of Purchase of Goods, Works, and Services to Meet State and Municipal Needs" as of 05.04.2013 № 44-FZ and Federal Law "On Purchase of Goods, Works, and Services by Certain Types of Legal Entities" as of 18.07.2011 № 223-FZ. The key stages of the evolution of the regulatory system are determined. Particular attention is paid to the prospects for improving legislation through the introduction of flexible procurement tools, result-oriented budgeting. A conclusion is made about the need for legislative development of the program-target method as a tool for increasing the efficiency of public procurement and rational use of budget funds.

Keywords: program-target approach, public procurement, state procurement, result-based budgeting, state budget.

References

1. Alekseev, S.L. Digitalization of public procurement procedures as a challenge to security threats to the regional and national economy / S.L. Alekseev, S.G. Gordeev // MNIZH. – 2023. – No. 2 (128). – 5 p.
2. Arshinova, I. Theoretical foundations of program-target planning / I. Arshinova // National security and strategic planning. – 2018. – No. 1. – P. 152–159.
3. Bukina, I.S. Result-oriented budgeting and the new legal status of state (municipal) enterprises / I.S. Bukina, S.I. Chernykh // ETAP. – 2012. – No. 1. – P. 25–43.
4. Gomonova, K.V. Program-targeted approach to management in Russia and abroad / K.V. Gomonova // Economy and society. – 2018. – No. 4 (47). – P. 237–241.
5. Guseva, M.N. Analysis of the state of the public procurement system of the Russian Federation from the standpoint of a systems approach / N.M. Guseva // State and Law. Economy. – 2015. – No. 2. – P. 108–117.
6. Dontsova, N.A. Organizational and legal foundations of public procurement / N.A. Dontsova // Bulletin of science. – 2023. – No. 9 (66). – P. 187–194.
7. Maksimenko, V.A. The role of public procurement in the modern national financial system / V.A. Maksimenko // Financial research. – 2020. – No. 4 (69). – P. 82–94.
8. Pruel, N.A. On the effectiveness of the program-targeted approach in the Russian implementation / N.A. Pruel, L.N. Lipatova // Russia: development trends and prospects. – 2022. – No. 17–1. – P. 235–238.
9. Khamidullina, E.A. Problems and prospects for improving legislation in the field of public procurement / E.A. Khamidullina, V.V. Smirnova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 5–4 (92). – P. 277–281.
10. Chernobrovkina, E.B. The impact of program-targeted budgeting on the concept of public expenditure management / E.B. Chernobrovkina // Bulletin of the O.E. Kutafin University. – 2015. – No. 3. – pp. 94–99.

Конституционные элементы структуры механизма защиты права на свободу предпринимательской деятельности

Носенко Андрей Юрьевич,

аспирант, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко

Цель. Целью данной работы является исследование элементов структуры механизма защиты права на свободу предпринимательской деятельности, а также их влияние на реализацию конституционного права на свободу предпринимательской деятельности. **Методы.** При написании научной статьи использовался метод анализа, который применялся при работе с действующим законодательством Российской Федерации, а также при обобщении нормативных, научно-практических материалов. **Результаты.** Результаты научного исследования показали, что многообразие форм и способов защиты прав предпринимателей, а также показали позитивный опыт их применения и реализации. **Выводы.** Эффективная защита прав предпринимателей требует комплексного подхода, включающего как законодательные меры, так и активное сотрудничество между государственными органами и бизнес-сообществом.

Ключевые слова: право на свободу предпринимательской деятельности, защита субъектов предпринимательства, механизм защиты права на свободу предпринимательской деятельности, Конституция Российской Федерации, законодательство, субъекты предпринимательства.

Введение

В соответствии с положениями второй статьи Основного закона РФ, защита и обеспечение прав и свобод граждан выступает первостепенной обязанностью государства. Свобода предпринимательской деятельности, закрепленная в Конституции, является неотъемлемым компонентом правового статуса индивида в условиях современного правового государства. Тем не менее, текущая ситуация в сфере рыночных взаимоотношений, характеризующаяся комплексом правовых, политических и социально-экономических факторов, а также существующие препоны в реализации конституционного права на предпринимательство, сформировали новый спектр исследовательских задач. В частности, перед специалистами в области конституционного права встала необходимость детального изучения механизмов и инструментов защиты предпринимательской свободы.

Материалы и методы

В процессе исследования автор опирался на широкую нормативно-правовую базу, включающую Основной закон РФ и профильное федеральное законодательство, в частности, ФЗ, регламентирующий защиту прав предпринимателей при проведении контрольно-надзорных мероприятий государственными и муниципальными органами. Теоретическую основу работы составили современные научные публикации по исследуемой проблематике. Методологический инструментарий исследования базировался на применении аналитического подхода, методов обобщения и дедуктивного рассуждения, что позволило обеспечить комплексное рассмотрение изучаемых вопросов.

Литературный обзор

Актуальность исследований в сфере правовой защиты хозяйствующих субъектов подтверждается значительным количеством научных публикаций. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесли такие исследователи, как [6] Н.А. Абрамов, [7] Л.В. Гузенко, [9] Н.Д. Марков, а также [8] М.Д. Давитадзе и М.А. Баканов. Однако динамичные изменения в социально-политической и экономической сферах общества диктуют необходимость дальнейшего углубленного изучения правовых аспектов данной тематики. Современные реалии требуют постоянного обновления и актуализации научных подходов к исследованию этой области права.

Нарушения прав предпринимателей и их защита

В современной экономике, особенно на этапе ее инновационного развития, предпринимательская деятельность играет ключевую роль, выступая катализатором экономического роста и повышения производительности труда. Конституционное закрепление права на предпринимательство в статье 34 Основного закона [1] предоставляет каждому гражданину возможность свободно использовать свои способности и имущество для ведения предпринимательской и иной законной экономической деятельности. Данная конституционная норма служит фундаментальной гарантией функционирования свободного рыночного правопорядка, базирующегося на принципах независимого участия граждан и институтов гражданского общества в экономической сфере.

Однако предпринимательская деятельность неизбежно сопряжена с различными рисками и сложностями, включая возможные нарушения прав предпринимателей. Для эффективной защиты этих прав необходимо четкое понимание спектра возможных нарушений, которые могут исходить как от государственных структур, так и от недобросовестных конкурентов или потребителей. Наиболее распространенные нарушения затрагивают права собственности, интеллектуальные права, договорные отношения, а также включают неправомерные действия со стороны государственных органов и должностных лиц. Отдельную категорию составляют нарушения в сфере трудовых отношений и прав потребителей [11, с. 536]. Характер и специфика нарушений существенно варьируются в зависимости от конкретной отрасли и обстоятельств предпринимательской деятельности.

Нарушения прав субъектов предпринимательской деятельности со стороны различных участников правоотношений способны существенно затормозить развитие бизнес-среды в государстве. Особую важность приобретает строгое следование букве закона надзорными органами, исключающее необоснованное вмешательство в деятельность предпринимателей.

При анализе правовой защиты предпринимательской деятельности существенное значение имеет разграничение понятий «защита» и «охрана». В юридической доктрине и законодательстве эти термины несут различную смысловую нагрузку. Защита права на предпринимательство подразумевает активные действия по восстановлению уже нарушенных субъективных прав. В свою очередь, охрана направлена на обеспечение беспрепятственной реализации предпринимательских прав и свобод. Как отмечает Н.И. Матузов, охранительная функция носит постоянный характер, тогда как защита активируется при конкретных нарушениях, являясь составным элементом охраны [10, с. 95]. Охрана формирует общий правовой режим, а защита представляет собой конкретные меры реагирования на нарушения.

Механизм защиты прав и законных интересов предпринимателей реализуется через установленные законом формы и способы. Значимым шагом в этом направлении стало принятие в декабре 2008 года Федерального закона [3], регламентирующего защиту прав предпринимателей при проведении контрольно-надзорных мероприятий. Данный нормативный акт устанавливает четкие правила взаимодействия бизнеса с контролирующими органами, определяя основания, формы, сроки и методологию проверок. Несоблюдение установленных законом требований квалифицируется как нарушение прав предпринимательских субъектов.

Механизм защиты прав и интересов предпринимателей

Анализ современного конституционно-правового механизма защиты предпринимательских прав в России требует детального рассмотрения его структурных компонентов. Основопологающей целью данного механизма выступает признание и восстановление нарушенных прав предпринимателей, что достигается посредством законодательно закрепленных правовых инструментов.

Конституционно-правовой механизм защиты предпринимательской свободы представляет собой комплексную систему взаимосвязанных элементов, включающую разнообразные способы и формы защиты, а также развитую сеть государственных правозащитных органов и общественных организаций [6]. Реализация способов защиты осуществляется в определенных правовых формах, предусматривающих применение норм права для признания законных прав и противодействия их нарушению.

Многообразие способов защиты охватывает различные санкционные меры в отношении нарушителей, механизмы признания и восстановления прав, а также процессуальные инструменты, включая обращение к институту бизнес-омбудсмена [12, с. 164]. Формы защиты прав предпринимателей реализуются через деятельность компетентных органов, которые устанавливают фактические обстоятельства, определяют оптимальные способы защиты, выносят соответствующие решения и обеспечивают применение правовых норм [6].

Законодательство предусматривает два основных направления защиты предпринимательских прав. Первое реализуется через систему судебных органов, включая арбитражные суды, суды общей юрисдикции, а также Верховный и Конституционный суды. Второе направление охватывает внесудебные механизмы, такие как третейское разбирательство, международный коммерческий арбитраж, нотариальную защиту и процедуры досудебного урегулирования споров.

Особую значимость в системе защиты прав хозяйствующих субъектов приобретает судебная форма, зарекомендовавшая себя как наиболее действенный инструмент обеспечения законности в сфере предпринимательских отношений. Реа-

лизация принципа верховенства права невозможна без функционирования независимой и беспристрастной судебной системы, осуществляющей контроль за законностью действий всех участников хозяйственных правоотношений, включая государственные органы и должностных лиц. Сущность данной формы защиты заключается в возможности обращения лица, чьи права нарушены, к уполномоченным органам, способным принять меры по восстановлению нарушенных прав или пресечению правонарушений.

Судебная защита предпринимательских прав осуществляется через иерархическую систему судебных органов, включающую Конституционный Суд РФ, систему арбитражных судов и судов общей юрисдикции различных уровней, вплоть до Верховного Суда РФ.

Конституционный Суд РФ играет ключевую роль в формировании системы защиты прав предпринимателей. Поскольку экономический строй является неотъемлемой частью конституционного законодательства, Конституционный Суд систематически обращается к анализу экономических принципов, определяя допустимые границы государственного регулирования экономической сферы и тем самым обеспечивая защиту интересов предпринимательского сообщества.

В своей правоприменительной практике Конституционный Суд последовательно придерживается принципа баланса конституционно охраняемых ценностей. Показательным примером служит постановление от 20 декабря 2010 г. [5], где Суд подтвердил соответствие льготного режима для малого и среднего бизнеса конституционным принципам, закрепленным в статьях 8, 34 и 35 Основного закона [1].

Значимым процессуальным нововведением стал институт судебного примирения, внедренный в российское законодательство в июле 2019 года через изменения в ГПК РФ, КАС РФ и АПК РФ. Согласно пункту 6 статьи 2 АПК РФ и Регламенту судебного примирения, утвержденному Пленумом Верховного Суда РФ, данный механизм направлен на мирное разрешение споров и развитие партнерских деловых отношений. Примирительная процедура, доступная на любой стадии судебного процесса и исполнительного производства, становится эффективным инструментом судебной защиты, позволяющим сторонам достигать взаимовыгодных соглашений.

Конституция РФ и действующее законодательство возлагают на государство обязанность обеспечивать свободу экономической деятельности. Реализация этой задачи осуществляется через систему органов государственной власти и местного самоуправления, при этом функции выявления правонарушений и устранения угроз экономической свободе закреплены за органами прокуратуры.

Современная государственная политика России уделяет особое внимание формированию позитивного отношения граждан к предпринимательской деятельности, созданию благоприятной среды для

реализации деловых инициатив и развития добросовестной конкуренции. Приоритетное значение придается поддержке малого и среднего бизнеса как фундамента рыночной экономики.

Наряду с судебной защитой, законодательство предусматривает различные внесудебные механизмы защиты прав предпринимателей. Третейское разбирательство позволяет разрешать гражданско-правовые споры в негосударственном органе при наличии соответствующего соглашения сторон, обеспечивая оперативность и гибкость процесса [9]. Нотариальная защита применяется в бесспорных делах для юридического закрепления прав и защиты уже нарушенных прав, например, при удостоверении неоплаты чека [4, ст. 96]. Досудебное урегулирование, обязательное в случаях, предусмотренных законом или договором [2, п. 5 ст. 4], направлено на разрешение конфликта путем претензионной работы до обращения в суд. В современной практике большинство договорных споров требует предварительного досудебного урегулирования.

Организационно-правовая система защиты предпринимательской деятельности включает широкий круг государственных органов и институтов гражданского общества, наделенных специальными полномочиями в данной сфере. В эту систему входят Правительство РФ, органы исполнительной власти, Федеральное собрание РФ. Особый статус принадлежит Президенту РФ, который, согласно ч. 2 ст. 80 Конституции, выступает гарантом прав и свобод граждан. Эта роль налагает на главу государства обязательства по формированию эффективной системы защиты прав и обеспечению их реализации. Президент обладает широкими полномочиями законодательной инициативы, позволяющими ему непосредственно влиять на развитие правовой базы в сфере экономических прав и свобод.

В современной России сформировалась эффективная система защиты интересов предпринимателей, включающая взаимодействие органов местного самоуправления, института бизнес-омбудсмена, Торгово-промышленной палаты, прокуратуры и общественных организаций. Во всех регионах страны осуществляется постоянный мониторинг соблюдения прав предпринимателей, развивается информационное взаимодействие с предпринимательскими объединениями [12, с. 166]. На муниципальном уровне функционируют различные каналы коммуникации с бизнес-сообществом, включая консультационные центры, горячие линии и регулярные встречи с представителями власти.

Результаты

Система защиты прав предпринимателей, закрепленная в конституционно-правовом механизме, представляет собой многоуровневую структуру, объединяющую различные формы и способы защиты, а также широкий спектр государственных

и общественных институтов. Среди существующих форм защиты особое место занимают судебная и внесудебная, при этом судебная защита зарекомендовала себя как наиболее действенный инструмент обеспечения законности в экономической сфере. Фундаментальную роль в этом процессе играет Конституционный суд РФ, формирующий правовые позиции относительно пределов государственного регулирования экономики и защиты предпринимательских интересов.

Существенный вклад в защиту прав предпринимателей вносят органы местного самоуправления, институт бизнес-омбудсмена и различные общественные организации, осуществляющие мониторинг соблюдения прав хозяйствующих субъектов и оперативное реагирование на выявленные нарушения. Современная государственная политика уделяет приоритетное внимание формированию благоприятной предпринимательской среды и поддержке малого и среднего бизнеса как ключевых факторов развития рыночной экономики.

Результативность механизма защиты прав предпринимателей достигается через системное взаимодействие нормативно-правовой базы и институциональной инфраструктуры, основанное на тесном сотрудничестве государственных органов с предпринимательским сообществом.

Обсуждение

Проведенное исследование демонстрирует ключевую роль предпринимательства как движущей силы экономического развития и инновационного прогресса. Несмотря на существующую систему законодательных гарантий, субъекты предпринимательской деятельности продолжают сталкиваться с различными препятствиями, от прямых нарушений их прав до избыточных административных ограничений.

Выявленные проблемы указывают на необходимость дальнейшего совершенствования механизмов защиты прав предпринимателей. Эффективное решение этих задач требует системного подхода, сочетающего развитие правовых инструментов защиты с укреплением конструктивного диалога между властью и бизнесом. Только комплексная реализация данных мер способна обеспечить надежную защиту предпринимательских прав и создать благоприятные условия для развития бизнеса в России.

Результаты исследования подтверждают, что успешное функционирование системы защиты прав предпринимателей возможно лишь при условии согласованного взаимодействия всех элементов правового механизма и активного участия как государственных структур, так и представителей предпринимательского сообщества.

Заключение

Проведенный анализ выявляет комплексный характер механизма защиты предпринимательских

прав в современной России. Эффективное использование правовых инструментов защиты требует от представителей бизнеса глубоких юридических знаний, отсутствие которых, особенно в сегменте малого и среднего предпринимательства, создает существенные препятствия для реализации их законных прав.

Решение ряда системных проблем в сфере защиты предпринимательских прав возможно только через совершенствование законодательной базы, что предполагает масштабную аналитическую работу и конструктивное взаимодействие бизнес-сообщества с государственными структурами. Недостаточная гибкость существующего механизма защиты прав предпринимателей в условиях динамично меняющейся экономической среды, а также необходимость оперативного противодействия бюрократическому давлению, коррупции и административным барьерам привели к созданию института бизнес-омбудсмена. В современных условиях Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей выполняет двойную функцию: обеспечивает защиту текущих интересов бизнеса и способствует формированию благоприятной предпринимательской среды в долгосрочной перспективе.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. // Российская газета. 1993. № 237, редакция по состоянию на 14.03.2020 г.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002, редакция по состоянию на 28.12.2024.
3. Федеральный закон от 26.12.2008 N 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008, редакция по состоянию на 26.12.2024 г.
4. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате (утв. ВС РФ 11.02.1993 N 4462-1) (ред. от 28.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 20 декабря 2010 г. по жалобе администрации города Благовещенска // Федеральный портал малого и среднего предпринимательства URL: <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/legislation/cases/Igotnaya-privatizaciya/m, f,565904/> (дата обращения: 11.02.2025 г.)
6. Абрамов, Н.А. Защита права на предпринимательскую деятельность: теоретический аспект / Н.А. Абрамов // Молодой ученый. – 2023. – № 3 (450). – С. 304–306. – URL: <https://moluch.ru/archive/450/99256/> (дата обращения: 18.02.2025).

7. Гузенко Л.В. Проблемы защиты прав субъектов предпринимательской деятельности / Л.В. Гузенко // Молодой ученый. – 2018. – № 16 (202). – С. 197–200
8. Давитадзе М. Д., Баканов М.А. Проблемы конституционно-правовой защиты предпринимательства на современном этапе / Давитадзе М.Д., Баканов М.А. // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konstitutsionno-pravovoy-zaschity-predprinimatelstva-na-sovremennom-etape> (дата обращения: 08.12.2024).
9. Марков, И. Д. К вопросу о судебных формах защиты прав и законных интересов предпринимателей / И.Д. Марков // Молодой ученый. – 2024. – № 6 (505). – С. 176–178. – URL: <https://moluch.ru/archive/505/111178/> (дата обращения: 18.02.2025).
10. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2010. – 105 с.
11. Самитов Д.А. Правовые возможности защиты прав предпринимателей в современных реалиях // Бюллетень науки и практики. – 2023. – № 6 – С. 536–539
12. Слукин С. В., Романов А.Н. Конституционная защита прав предпринимателей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. – № 6–7. – С. 164–166.
13. Снежко, О.А. Президент Российской Федерации – гарант прав и свобод граждан / О.А. Снежко // Право и политика. – 2005. – № 2. – С. 69.

CONSTITUTIONAL ELEMENTS OF THE STRUCTURE OF THE MECHANISM FOR THE PROTECTION OF THE RIGHT TO FREEDOM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

Nosenko A.Yu.

T.G. Shevchenko Pridnestrovian State University

Goal. The purpose of this work is to study the structural elements of the mechanism for protecting the right to freedom of entrepreneurial activity, as well as their impact on the implementation of the constitutional right to freedom of entrepreneurial activity. Methods. When writing a scientific article, the analysis method was used, which was used when working with the current legislation of the Russian Federation, as well as when summarizing regulatory, scientific and practical materials. Results. The results of the scientific research have shown that there are a variety of forms and methods of protecting the rights of entrepreneurs, as well as positive experience in their application and implementation. Conclusions. Effective protection of entrepreneurs' rights requires an integrated approach, including

both legislative measures and active cooperation between government agencies and the business community.

Keywords: the right to freedom of entrepreneurial activity, protection of business entities, the mechanism for protecting the right to freedom of entrepreneurial activity, the Constitution of the Russian Federation, legislation, business entities.

References

1. Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Rossiyskaya Gazeta. 1993. No. 237, as amended on 14.03.2020.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ // SZ RF. 2002, as amended on 28.12.2024.
3. Federal Law of 26.12.2008 N 294-FZ "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" // SZ RF. 2008, revised as of 26.12.2024.
4. Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries (approved by the Supreme Court of the Russian Federation on 11.02.1993 N 4462–1) (as amended on 28.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025)
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2010 on the complaint of the Blagoveshchensk city administration // Federal Portal of Small and Medium-Sized Business URL: <http://oldsmb.economy.gov.ru/content/legislation/cases/lgotnaya-privatizaciya/m, f,565904/> (date of access: 11.02.2025)
6. Abramov, N.A. Protection of the right to entrepreneurial activity: theoretical aspect / N.A. Abramov // Young scientist. – 2023. – No. 3 (450). – P. 304–306. – URL: <https://moluch.ru/archive/450/99256/> (date of access: 18.02.2025).
7. Guzenko L.V. Problems of protecting the rights of business entities / L.V. Guzenko // Young scientist. – 2018. – No. 16 (202). – P. 197–200
8. Davitadze M. D., Bakanov M.A. Problems of constitutional and legal protection of entrepreneurship at the present stage / Davitadze M.D., Bakanov M.A. // Cyberleninka. – Access mode: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-konstitutsionno-pravovoy-zaschity-predprinimatelstva-na-sovremennom-etape> (date of access: 08.12.2024).
9. Markov, I.D. On the issue of judicial forms of protection of rights and legitimate interests of entrepreneurs / I.D. Markov // Young scientist. – 2024. – No. 6 (505). – P. 176–178. – URL: <https://moluch.ru/archive/505/111178/> (date of access: 02/18/2025).
10. Matuzov N.I. Legal system and personality. – Saratov: Publishing house of Sarat. University, 2010. – 105 p.
11. Samitov D.A. Legal possibilities of protecting the rights of entrepreneurs in modern realities // Bulletin of science and practice. – 2023. – No. 6 – P. 536–539
12. Slukin S. V., Romanov A.N. Constitutional protection of the rights of entrepreneurs // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2017. – No. 6–7. – P. 164–166.
13. Snezhko, O.A. The President of the Russian Federation is the guarantor of the rights and freedoms of citizens / O.A. Snezhko // Law and Politics. – 2005. – No. 2. – P. 69.

Конституционные модели экономики в зарубежных государствах (особенности регулирования)

Пищальников Глеб Вячеславович,

аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: gvpischalnikov@edu.hse.ru

В статье рассматриваются различные конституционные модели экономики, применяемые в зарубежных государствах, с акцентом на особенности их регулирования. Автор анализирует влияние конституционных норм на экономическую политику, выявляя ключевые аспекты, способствующие устойчивому развитию и инновациям в различных контекстах. Особое внимание уделяется конституционным нормам, обеспечивающим баланс между государственным вмешательством и рыночными процессами. В статье также представлен сравнительный анализ конституционного регулирования экономики в разных странах, что позволяет выявить тенденции и лучшие практики, способствующие эффективному управлению экономическими процессами. Особое внимание уделяется эволюции конституционных норм в контексте динамики политической власти и социально-экономических реалий. Результаты исследования могут быть полезны для последующего исследования конституционного регулирования конкретных секторов экономики в зарубежных государствах и в Российской Федерации.

Ключевые слова: Конституция, конституционная модель экономики, конституционное регулирование, экономические принципы, экономическая система, собственность, экономическая политика.

Комплексный сравнительный анализ конституционного регулирования экономической модели в зарубежных странах обуславливает необходимость использования универсальной терминологии и точных классификаций с целью выявить особенности и тенденции развития конституционных моделей экономики в других странах.

В зарубежной научной литературе сложилась тенденция, следуя которой авторы рассматривают виды моделей экономической системы в контексте совокупности характерных черт отдельной конституции. В частности, М.Б. Руис-Гальегос, говорит о существовании испанской конституционной экономической модели.[1] Представляется, что подобный подход является не до конца проработанным, поскольку сосредотачивает свое внимание на экономической модели отдельного государства. Безусловно, испанская конституционная модель экономики имеет общие черты с моделями экономики других государств (Португалии, Италии), однако она не является первичной по отношению к ним и не может рассматриваться в качестве основополагающей.

Отсутствие общепринятого определения «конституционной модели экономической системы» в научном сообществе привело к созданию различных классификаций моделей экономики. Наиболее распространенной является классификация, при которой выделяются капиталистическая или рыночная модель, социалистическая модель и смешанная модель экономики.

Согласно другому подходу, выделяются рыночная, централизованная (включая коллективную и тоталитарную), а также промежуточные экономические модели.[1] Последние находятся в процессе формирования и включают в себя основные принципы либо рыночной, либо централизованной экономической системы.

Сравнительно-правовой анализ конституции зарубежных государств позволяет выделить два антонимичных нормативных аспекта формирования экономической модели. В первой группе конституций таких государств (Швеция, Франция, Германия) отсутствуют специальные разделы или главы, которые посвящены экономической сфере. Вместо этого основной закон государства содержит конкретные нормативные положения, которые осуществляют регулирование экономических отношений и формируют экономическую модель страны.

Подобные нормы могут располагаться в разделах об основных правах и свободах человека и гражданина. Так, Конституции Финляндии во 2 главе «Основные свободы и права» закрепляет

право на защиту частной собственности, а также свободу предпринимательской деятельности.[2] Важное значение при таком способе формирования экономической модели имеют нормы, посвященные полномочиям органов государственной власти. Например, согласно ст. 10 гл. 9 Конституции Швеции «без уполномочия Риксдага Правительство не вправе заключать соглашения о займах или иным образом возлагать на государство экономические обязательства».[3] Таким образом, конституции некоторых зарубежных государств детализируют полномочия и механизмы взаимодействия органов государственной власти по вопросам реализации экономической модели. Особая значимость также придается деятельности специализированных государственных органов, обеспечивающих активное регулирование экономических отношений. Ряд государств, создавая подобные структуры, закрепляет их статус и полномочия непосредственно в конституции страны, показывая их особую значимость для экономики. Так, раздел XI Конституции Франции имеет название «Экономический, социальный и экологический совет»,[4] в котором описываются полномочия данного органа в виде дачи заключений на законопроекты, касающиеся экономики государства, консультации Правительства по любым экономическим проблемам и др. Негативным аспектом данного подхода Г.Н. Андреева видит «высокую сложность достижения адекватного идеалам (свободы и равенства) состояния при наличии только небольшого количества конституционных ориентиров. Можно сказать, что этот подход предьявляет к законодателю и органам конституционного контроля повышенные требования творческого подхода и высокого уровня правовой культуры».[5]

Несколько иначе законодательное формирование экономической модели происходит в конституциях Турции, Италии, Греции, Андорры. Конституции этих государств закрепляют отдельные главы или разделы, которые посвящены экономической сфере жизни общества. В частности, часть 4 Конституции Турецкой Республики носит название «Финансовые и экономические положения» [6] и включает в себя 2 раздела и более 10 статей, устанавливающих регулирование экономических отношений. В Конституции Португалии закреплена Часть II «Экономическая организация общества»,[7] в которой определяются основополагающие экономические принципы, секторы собственности, а также различные виды политик (промышленная, торговая, сельскохозяйственная). При этом в Конституции Греции нормы регулирующие экономические отношения располагаются в специфическом разделе «Специальные положения» [8]. В этой части четко обозначены внешнеэкономические цели государства, отражаются основные принципы экономического устройства, а также роль государства в экономике страны. Позитивным аспектом данного подхода выступают «достижимая с его помощью внешняя простота, наглядность конституционного регулирования экономических

отношений» [5], при этом серьезной проблемой может стать налогообложение определенного этапа экономического развития государства с принятием новой конституции, поскольку она базировалась на представлении документа, который рассчитан на определенный период исторического развития, по крайней мере так было с социалистическими конституциями.

Важным нормативным аспектом экономических моделей зарубежных государств является обобщенный характер закрепленных норм. Отдельные экономические положения были сформулированы на разных исторических отрезках времени и были направлены на регулирование складывающихся на тот момент экономических отношений. В связи с этим прежние экономические нормы постепенно трансформируются, адаптируясь под новые реалии. Так, согласно ст. 18 Конституции Финляндии «каждый имеет в соответствии с законом право получать свой доход путем найма на работу, ремесленничества или предпринимательства, которые он свободно выбирает».[2] В данной формулировке отражается подход к юридической технике, которые были использованы при написании первой редакции основного закона государства и некоторые его положения (о ремесленничестве) не являются столь актуальными при экстраполивании на существующие реалии.

Способы закрепления конституционных основ экономической системы различаются в зависимости от исторических контекстов, социальных условий, традиций, установившегося политического режима, влияния политических сил и выбранной экономической модели. Важно отметить, что многие европейские страны, избегают прямого упоминания экономической системы в своих конституциях (например в Конституции Германии воспринята идея «экономической нейтральности»)[9], и, в отличие от азиатских стран (КНДР, Вьетнам), предпочитают не указывать на определенную рыночную модель, давая законодателю большую гибкость для разработки законов без привязки к определенной модели экономики и не вынуждая общество следовать императивно установленным экономическим ориентирам.

Выявление уникальных черт экономических моделей, установленных конституциями разных государств, требует дополнительного анализа конституционного регулирования и рассмотрение вектора их развития.

*Ключевой особенностью конституционного регулирования является **укрепление роли органов государственной власти в контексте осуществления ими экономических полномочий в рамках общей системы конституционных норм.***

Конституции части зарубежных государств закрепляют достаточно детализированный перечень экономических полномочий органов государственной власти для эффективной реализации экономической модели общества. Так, ст. 85 Конституции Аргентины закрепляет внешний контроль национального публичного сектора в экономическом от-

ношении в качестве предмета ведения законодательной власти.[10] Конституция Турции, в свою очередь, определяет в качестве необходимого элемента своей конституционной модели экономики контроль за состоянием рынков и регулирование внешней торговли, закрепляя в ст. 167 Конституции Турции полномочие Совета Министров «вводить или упразднить дополнительные финансовые обложения на импорт, экспорт и другие внешне-торговые операции в дополнение к налогам и подобным обязательствам» [6]. Помимо этого, ст. 166 Конституции Турции подчеркивает значимость экономического планирования для государства, предоставляя Великому Национальному Собранию Турции полномочия на утверждение и контроль за планом экономического развития.

Конституционная модель экономики Германии ставит акцент на экономическом контроле за деятельностью органов государственной власти. Так, согласно ст. 114 министр финансов по поручению правительства обязан отчитаться перед Бундестагом и Бундесратом о главных экономических показателях (доходах, расходах, состоянии государственного имущества)[11], а Федеральная счетная палата проверяет данные отчеты с точки зрения правильности управления в экономической сфере. Помимо этого, конституции ряда государств закрепляют экономические функции президента. Так, согласно ст. 36 Конституции Греции «Президент Республики заключает договоры об экономическом сотрудничестве».[8]

Конституций данной группы зарубежных стран демонстрируют высокий уровень правовой проработанности, поскольку содержат множество специальных конституционных норм, направленных на эффективное регулирование экономических отношений в государстве путем закрепления детальных экономических полномочий различных органов государственной власти, первоочередных обязанностей государства, экономических планов и целей.

Подобная тенденция отражает высокий уровень регулирующего государственного воздействия на экономику зарубежных стран. Укрепление роли органов государственной власти в регулировании хозяйствующей деятельности рыночной экономики, обозначение именно экономических полномочий в данном случае необходимы для динамичного развития выбранной конституционной экономической модели государства.

Следующей особенностью конституционного регулирования экономической модели в зарубежных государствах является направленность норм на социализацию частной собственности.

Конституции зарубежных государств, которые были приняты после начала Второй мировой войны, не содержат норм, устанавливающих полную неприкосновенность частной собственности. Представляется, что подобный подход законодателя в данных странах вызван желанием с одной стороны предоставить гражданам право на признание и защиту частной собственности как одного

из фундаментальных экономических прав, с другой, обеспечить возможности для вмешательства государства в осуществлении этого права, в тех случаях, когда это необходимо для интересов государства и общества.

Детализируя подобные положения в основном законе, у государства появляется серьезный рычаг давления на субъектов экономических отношений. Придавая частной собственности социальную роль, государство ставит определенные обязательства перед собственником. По мнению В.Е. Чиркина, «подобные обязательства могут касаться базовых требований, например, не использовать частную собственность во вред обществу, так и ограничений частной собственности в пользу баланса общественных интересов».[12]

В соответствии со ст. 43 Конституции Ирландии, осуществление права частной собственности должно соответствовать принципам социальной справедливости.[13] Государство может, если это необходимо, ограничить право законодательно для обеспечения его согласованности с общим благом. В свою очередь Конституция Германии в ст. 14 вообще закрепляет за частной собственностью социальную функцию «Собственность обязывает. Ее использование должно одновременно служить общему благу. Отчуждение собственности допускается только для общего блага».[11] В данной конституционной модели экономики социализация частной собственности проявляется наиболее полно. С одной стороны, данное право может ограничиваться государственными мерами воздействия с целью общественных интересов, с другой, само владение уже обязывает собственника использовать ее во благо общества.

Таким образом, право частной собственности, закрепленное в конституциях разных государств, не рассматривается в качестве абсолютного права. Его ограничение в интересах общества и государства свидетельствует о явно выраженной социальной направленности конституционной экономической модели, иными словами, рыночной модели экономики с социальным аспектом.

Третьей отличительной чертой конституционного регулирования экономической модели в зарубежных странах выступает закрепление достаточно подробного перечня норм-целей экономической политики страны.

Например, в Конституции Португалии государственным целям экономического развития посвящена ст. 90.[7] В ней отражены основные ориентиры экономической политики страны, среди которых особенно выделяются экономический рост, координация экономической политики с иными политиками государства и эффективное распределение национального продукта.

В Королевстве Испания, как государстве с высоким уровнем сепаратистских настроений, в ст. 138 конституции закреплена цель по установлению баланса между различными регионами испанского государства, включая островные территории, которым отводится повышенное внимание.[14]

В течение длительного времени в Конституции РФ не были отражены нормы о долгосрочном планировании, целях и ориентирах экономической политики. Однако после внесения изменений в 2020 году, в статью 75.1 Конституции РФ были введены определенные цели конституционной модели экономики российского общества, такие как «устойчивый экономический рост страны, повышение благосостояния граждан, экономическая солидарность» [15]. Так, В.Е. Чиркин отмечал, что «это было крайне важным в период перехода от плановой к рыночной модели экономики. Переход к свободному рынку требовал активного государственного участия, чтобы обеспечить баланс интересов всех участников общества и минимизировать негативные аспекты рыночной экономики».[16]

Создание современного рыночного механизма, который учитывает интересы всех субъектов экономических отношений, должно происходить при участии общества с активным поддерживающим регулированием со стороны государства. Для уменьшения негативных аспектов рыночной экономической модели и снижения отрицательных тенденций необходимо активное вмешательство государства.

*Важным элементом формирования конституционной модели экономики зарубежных государств является **закрепление конституционных норм, устанавливающих общие экономические обязанности и полномочия государства как самостоятельного субъекта экономических отношений, в качестве основ конституционного строя.***

Так, ст. 2 Конституции Швеции в качестве одной из основ формирования своей экономической модели закрепляет за государством обязанность по экономическому благосостоянию частных лиц. [3] В свою очередь, ст. 9 Конституции Португальской Республики обязывает государство создавать условия для экономической независимости страны, применять государственные меры с целью повышения благосостояния общества, а также развития и модернизации экономических структур.[7]

Таким образом, конституции зарубежных государств по-разному определяют значимость тех или иных функций государства в регулировании экономических отношений. При этом само нормативное отражение подобных положений представляется значимым с точки зрения понимания роли государства как самостоятельного субъекта экономических отношений и важность передаваемых ему обязанностей с целью формирования конкретной модели экономической системы.

Стоит согласиться с Г.Н. Андреевой, которая отмечает, что в зарубежных государствах демонстрируется «двойственность природы современных конституций, с одной стороны они призваны урегулировать в первую очередь отношения по поводу политической власти, отношения между государством и гражданами, с другой стороны оформляют отношения экономического характера, которые в основном возникают между гражданами, но в которых возрастающую роль играет

государство». [5] Проведенный анализ конституционных моделей экономики зарубежных государств указывает на то, что специфика формирования конституционного регулирования отражает определённые уникальные экономические и исторические этапы, которые преодолело государство, его сложившиеся традиции конституционного регулирования. Степень детальности конституционного регулирования может варьироваться в зависимости от того, к какому историческому этапу или правовой системе относится данная конституция, а также от национальной идеологии, которая находит свое отражение в основном законе государства.

Литература

1. RuizGallegos M.B. Notas sobre el Modelo económico constitucional español. Madrid. 1992. P. 33–39.
2. Finland 1999 (rev. 2011) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Finland_2011 (дата обращения: 15.02.2025).
3. Sweden 1974 (rev. 2012) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Sweden_2012 (дата обращения: 15.02.2025).
4. France 1958 (rev. 2008) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/France_2008 (дата обращения: 16.02.2025).
5. Андреева Г.Н. Экономическая конституция в зарубежных странах. М.: Наука, 2006. – С. 2–25.
6. Turkey 1982 (rev. 2017) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Turkey_2017 (дата обращения: 16.02.2025).
7. Constitution of the Portuguese Republic // Republic Assembleia da República URL: <https://www.parlamento.pt/sites/EN/Parliament/Documents/Constitution7th.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
8. Greece Constitution // Constitute Project URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008 (дата обращения: 17.02.2025).
9. Билалова Ж.Ж. Концепция «экономической конституции» и ее практическая значимость. М.: Юридический факультет МГУ, НОЦ КИМС, 2010. // URL: https://www.law.msu.ru/uploads/files/local_documents/nauchnie%20proekti/6.%20Билалова%20Ж.%20Концепция%20«экономической%20конституции»%20и%20ее%20практическая%20значимость.%202010%20г..pdf (дата обращения: 17.02.2025).
10. Argentina 1853 (reinst. 1983, rev. 1994) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Argentina_1994 (дата обращения: 17.02.2025).
11. Germany 1949 (rev. 2014) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (дата обращения: 19.02.2025).

12. Чиркин В.Е. Российская конституция и международный опыт // Государство и право. – 1998. – № 12. – С. 10.
13. Constitution of Ireland // Irish State Book URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 19.02.2025).
14. Spain 1978 (rev. 2011) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Spain_2011 (дата обращения: 19.02.2025).
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.). – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации от 04.07.2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.02.2025).
16. Чиркин В. Е. О некоторых проблемах реформы российской конституции // Государство и право. – 2000. – № 6. – С. 7.

CONSTITUTIONAL MODELS OF ECONOMY IN FOREIGN STATES (REGULATION FEATURES)

Pishchalnikov G.V.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article examines various constitutional models of the economy applied in foreign countries, with an emphasis on the specifics of their regulation. The author analyzes the influence of constitutional norms on economic policy, identifying key aspects that contribute to sustainable development and innovation in various contexts. Particular attention is paid to constitutional norms that ensure a balance between government intervention and market processes. The article also presents a comparative analysis of constitutional regulation of the economy in different countries, which allows identifying trends and best practices that contribute to the effective management of economic processes. Particular attention is paid to the evolution of constitutional norms in the context of the dynamics of political power and socio-economic realities. The results of the study may be useful for subsequent research into the constitutional regulation of specific sectors of the economy in foreign countries and in the Russian Federation.

Keywords: Constitution, constitutional model of economy, constitutional regulation, economic principles, economic system, property, economic policy.

References

1. RuizGallegos M.B. Notas sobre el Modelo economico constitucional español. Madrid. 1992. P. 33–39.
2. Finland 1999 (rev. 2011) Constitution // Constitution URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Finland_2011 (date of access: 15.02.2025).
3. Sweden 1974 (rev. 2012) Constitution // Constitution URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Sweden_2012 (date of access: 15.02.2025).
4. France 1958 (rev. 2008) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/France_2008 (date of access: 16.02.2025).
5. Andreeva G.N. Economic Constitution in Foreign Countries. Moscow: Nauka, 2006. – Pp. 2–25.
6. Turkey 1982 (rev. 2017) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Turkey_2017 (date of access: 16.02.2025).
7. Constitution of the Portuguese Republic // Republic Assembleia da República URL: <https://www.parlamento.pt/sites/EN/Parliament/Documents/Constitution7th.pdf> (date of access: 16.02.2025).
8. Greece Constitution // Constitute Project URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Greece_2008 (date of access: 17.02.2025).
9. Bilalova Zh.Zh. The concept of the “economic constitution” and its practical significance. M.: Faculty of Law of Moscow State University, Scientific and Educational Center KIMS, 2010. // URL: https://www.law.msu.ru/uploads/files/local_documents/nauchnie%20proekti/6.%20Bilalova%20Zh.%20The%20Concept%20of%20an%20“Economic%20Constitution”%20and%20its%20practical%20significance.%202010%20.pdf (accessed: 17.02.2025).
10. Argentina 1853 (reinst. 1983, rev. 1994) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Argentina_1994 (accessed: 17.02.2025).
11. Germany 1949 (rev. 2014) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/German_Federal_Republic_2014 (date of access: 19.02.2025).
12. Chirkin V.E. Russian Constitution and International Experience // State and Law. – 1998. – No. 12. – P. 10.
13. Constitution of Ireland // Irish State Book URL: <https://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (date of access: 19.02.2025).
14. Spain 1978 (rev. 2011) Constitution // Constitute URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Spain_2011 (date of access: 19.02.2025).
15. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). – Text: electronic // Official Internet portal of legal information dated July 4, 2020. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (date of access: February 19, 2025).
16. Chirkin V.E. On some problems of the reform of the Russian constitution // State and Law. – 2000. – No. 6. – P. 7.

Место и роль системы управления рисками при проведении таможенного контроля

Шахматова Наталья Анатольевна,

аспирант, Российская таможенная академия; начальник отдела контроля за соблюдением законности в области таможенного дела правовой службы Шереметьевской таможни
E-mail: smnc@yandex.ru

Данная статья посвящена анализу механизма управления рисками, применяемого таможенными службами в процессе осуществления контрольных мероприятий над подконтрольными объектами. В центре внимания находится оценка результативности различных методик риск-менеджмента и особенности их практического внедрения. Исследование включает сравнительный анализ позиции системы управления рисками в общей структуре таможенного контроля, рассматривая её взаимосвязь с существующими формами надзора и обеспечивающими мерами контрольной деятельности таможенных органов.

Ключевые слова: таможенный контроль, таможенные органы, перемещение товаров, система управления рисками, формы таможенного контроля, меры, обеспечивающие таможенный контроль, система, таможенная граница Евразийского экономического союза.

В эпоху цифровизации традиционное таможенное администрирование трансформируется в электронный формат, где ключевыми приоритетами становятся цифровая автоматизация процессов, дистанционное взаимодействие и клиентоориентированный подход [1]. Современные рыночные условия диктуют необходимость регулирования внешнеэкономической деятельности преимущественно экономическими инструментами.

Всеобъемлющий контроль таможенного оформления уступил место более прогрессивному механизму – системе управления рисками (СУР). Данный инструмент базируется на комплексной оценке вероятности нарушений таможенного законодательства, в частности, уклонения от обязательных платежей и пошлин. В таможенной практике риск трактуется как потенциальная возможность противоправных действий при осуществлении экспортно-импортных операций.

Фундаментальные основы таможенного контроля, интегрирующие риск-ориентированный подход, базируются на оптимизированных и унифицированных процедурах, закрепленных в нормативных документах Всемирной таможенной организации.

Риск-анализ выступает инструментом, обеспечивающим построение результативной, унифицированной и централизованной системы таможенного контроля во всех сферах деятельности, позволяющим достигать сопоставимых показателей эффективности.

Практический опыт демонстрирует наивысшую результативность «рамочных» профилей риска, основанных на интуитивном подходе и комплексном анализе различных данных. Существенный вклад в изучение проблематики СУР внес видный ученый Афонин Петр Николаевич – доктор технических наук, возглавляющий кафедру технических средств таможенного контроля и криминалистики, член Международной Академии прогнозирования и Международной Академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности. По его определению, эффективность СУР заключается в способности генерировать экономические и социальные выгоды при реализации таможенных функций [2].

Комплексная оценка результативности системы складывается из показателей эффективности по отдельным векторам работы, которые находятся в тесной взаимосвязи. Качество организации таможенного контроля напрямую определяет эффективность риск-менеджмента. Система управления рисками охватывает несколько ключевых аспектов: методологию учета ущерба в различных измерениях, разработку прогностических инстру-

ментов, сравнительный анализ эффективности различных подходов и формирование ситуационных рекомендаций.

Риск-анализ в таможенной сфере представляет собой структурированный подход к формированию единой системы контроля на территории РФ, нацеленной на достижение измеримых результатов. Ключевое значение приобретает аналитическая составляющая, включающая идентификацию зон риска, индикаторов и профилей.

В соответствии с пунктом 4 статьи 310 ТК ЕАЭС [3], таможенные органы реализуют принцип выборочности при определении объектов, форм и обеспечительных мер контроля. Выбор осуществляется на основе системы управления рисками согласно национальному законодательству государств-членов ЕАЭС о таможенном регулировании.

В Таможенном кодексе ЕАЭС механизм СУР описывается в контексте осуществления таможенного контроля. Нормативные положения устанавливают, что контрольные мероприятия реализуются в отношении подконтрольных объектов посредством определенных форм контроля и обеспечительных мер.

Примечательно, что система управления рисками не включена ни в перечень форм таможенного контроля, ни в состав обеспечительных мер. Такая правовая неопределенность создает практические сложности и порождает конфликтные ситуации. В частности, активация рисков профилей существенно увеличивает временные рамки выпуска товаров: вместо стандартных четырех часов процедура может растянуться от суток до десяти дней и более. Это вызывает обоснованные претензии участников ВЭД, которые расценивают подобные задержки как бездействие таможенных органов. Должностные лица таможенных органов ошибочно воспринимают СУР, как форму таможенного контроля и после «срабатывания риска» перестают обращать внимание на сроки выпуска товаров, а именно 4 часа на выпуск таможенной декларации (пункт 1 статьи 119 ТК ЕАЭС), начиная реализовывать мероприятия по обработке риска за пределами указанного срока.

СУР в области таможенного регулирования мало изучалась учеными, к основным вопросам рассмотрения явилось совершенствование СУР. Этот вопрос отражен в диссертационных исследованиях Морозова О.А., Сафарова Э.А., Соловьева И.В., Саламан О.Л. Однако, считаю необходимым рассмотреть СУР совершенно с другой позиции и определить ее место в таможенном контроле. В условиях действия Таможенного кодекса Таможенного союза профессор Гречкина О.В. выдвинула предположение о том, что СУР может быть отнесена к формам таможенного контроля [4].

В Таможенном кодексе ЕАЭС система управления рисками занимает двойственную позицию. С одной стороны, она выступает как директивный инструмент, определяющий необходимость применения конкретных форм и мер контроля для принятия решения о выпуске или отказе в выпуске това-

ров. С другой стороны, СУР фактически обеспечивает реализацию таможенного контроля, поскольку именно на основании профилей риска таможенные органы инициируют запросы документации, проведение досмотров и назначение экспертиз. При этом исполнение мероприятий, предписанных профилем риска, носит императивный характер.

Важно отметить, что СУР, подобно таким формам контроля как устный опрос или таможенное наблюдение, базируется на аналитической составляющей. Применение профиля риска позволяет таможенным органам выявлять нарушения законодательства ЕАЭС. Таким образом, СУР представляет собой механизм обеспечения законности, реализуемый через властные полномочия таможенных служащих.

Хотя профили риска реализуются посредством установленных форм таможенного контроля, аналогичная схема работает и при других формах контроля. Например, устный опрос при выявлении признаков нарушений также может повлечь применение более строгих форм контроля, таких как личный таможенный досмотр или досмотр (осмотр) товаров.

При применении СУР таможенный орган по факту начал таможенный контроль, только декларант об этом не знает до того момента пока ему не придет запрос в рамках формы или меры таможенного контроля. Сама СУР не может относиться ни к формам таможенного контроля, ни к мерам, обеспечивающим проведение таможенного контроля. СУР стоит выше и занимает главенствующее положение, определяющее. Само название «система» уже определило ее роль в таможенном контроле. Система (греч. σύστημα, позднелат. systema, буквально – состав, от συνίστημι – составлять, ставить вместе; лат. compositio) выступает интегрирующим механизмом, объединяющим различные формы и меры контрольной деятельности.

Для преодоления текущих недостатков необходима имплементация инновационного подхода к анализу и управлению рисками, который бы учитывал накопленный практический опыт и обладал прогностическим потенциалом. Модернизация системы должна быть ориентирована на два ключевых аспекта: упрощение трансграничного перемещения товаров через границу ЕАЭС за счет прозрачности и экономической обоснованности таможенных процедур, при одновременном повышении действенности контрольных механизмов [6].

Для таможенной службы совершенствование СУР должно обеспечить оптимизацию рабочей нагрузки на персонал, осуществляющий контроль и выпуск товаров, в том числе через автоматизацию проверочных процедур. Освободившиеся ресурсы целесообразно перенаправить на усиление контроля за недобросовестными участниками ВЭД для предотвращения таможенных правонарушений.

Резюмируя, можно утверждать, что внедрение СУР способствует качественному повышению эффективности таможенного контроля, обеспечива-

ет необходимый уровень безопасности и минимизирует риски нелегального перемещения товаров через таможенную границу ЕАЭС.

В целях оптимизации применения СУР считаю возможным рассмотреть вопрос закрепления СУР как самостоятельного действия, по аналогии с таможенной экспертизой, то есть дополнить пункт 1 статьи 338 ТК ЕАЭС следующей формулировкой: «использовать систему управления рисками».

Литература

1. Стратегия развития таможенной службы Российской Федерации до 2030 года, утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.05.2020 № 1388-р.
2. Афонин, П.Н., Гамидуллаев, С.Н. Интеллектуальный анализ данных в управлении таможенными рисками. Таможенные риски: анализ и управление. СПб: Издательство политехнического института. Университет пресс, 2008. – 243 С.
3. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // СПС КонсультантПлюс.
4. О.В. Гречкина О соотношении и взаимосвязи форм таможенного контроля и мер административно-правового принуждения, статья, вестник ЮуРГУ, № 19, 2009, стр. 104
5. Большая Российская энциклопедия: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7?ysclid=m6xciasgkf888170944>.
6. Пантюк Ю.С. Совершенствование таможенного контроля за перемещением товаров через таможенную границу ЕАЭС физическими лицами с использованием системы управле-

ния рисками в Республике Беларусь // статья в журнале «ГИПОТЕЗА» 2019. № 1. С. 20–29.

THE PLACE AND ROLE OF THE RISK MANAGEMENT SYSTEM IN CUSTOMS CONTROL

Shakhmatova N.A.

Russian Customs Academy, Sheremetyevo Customs

This article is devoted to the analysis of the risk management mechanism used by the customs services in the process of implementing control measures over controlled facilities. The focus is on evaluating the effectiveness of various risk management techniques and the specifics of their practical implementation. The study includes a comparative analysis of the position of the risk management system in the overall structure of customs control, considering its relationship with existing forms of supervision and security measures of control activities of customs authorities.

Keywords: customs control, customs authorities, movement of goods, risk management system, forms of customs control, measures ensuring customs control, system, customs border of the Eurasian Economic Union.

References

1. The Development Strategy of the Customs Service of the Russian Federation until 2030, approved by the Order of the Government of the Russian Federation dated 23.05.2020 No. 1388-r.
2. Afonin, P.N., Gamidullaev, S.N. Intelligent data analysis in customs risk management. Customs risks: analysis and management. St. Petersburg: Publishing House of the Polytechnic Institute. University Press, 2008. – 243 p.
3. The Customs Code of the Eurasian Economic Union (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // SPS ConsultantPlus.
4. O.V. Grechkina On the relationship and interrelation of the forms of customs control and measures of administrative and legal coercion, article, Bulletin of SUSU, No. 19, 2009, p. 104
5. The Great Russian Encyclopedia: <https://bigenc.ru/c/sistema-4284c7?ysclid=m6xciasgkf888170944>.
6. Pantyuk Yu.S. Improving customs control over the movement of goods across the customs border of the EAEU by individuals using the risk management system in the Republic of Belarus // article in the journal "HYPOTHESIS" 2019. No. 1. P. 20–29.

Правовое определение категории «кадастровая стоимость» в законодательстве Российской Федерации

Рязанов Сергей Викторович,

аспирант, Государственный университет по землеустройству
E-mail: taxarbitr@inbox.ru

Предметом статьи является процесс формирования института кадастровой стоимости земли, который представляет собой интегральный показатель, который становится олицетворением ценности самого участка в сочетании со значением уровня экономической развитости территории в пределах которой он географически заключен. Цель работы – проанализировать законодательные и теоретические подходы к определению понятия «кадастровая стоимость». Основными методами исследования стали метод системного анализа и синтеза; сравнительного анализ; методы табличного представления данных. Новизна работы состоит в том, что автором исследуется особенность законодательного и теоретического осмысления категории «кадастровая стоимость» в соответствии с положениями нормативно-правовых актов об оценочной деятельности.

Ключевые слова: кадастровая стоимость, кадастровая оценка, земля, земельный участок, недвижимость, ценообразование, зонирование, оценочная деятельность.

Государственная кадастровая оценка земли имеет полномасштабный характер, затрагивающий всю территорию страны, а ее итог становится информационной платформой для решения государством вопросов в области налогообложения земель, инвестиционной политики, их перераспределения и землепользования. Согласно именно данным тезисам выстраивается нормативно-правовое регулирование процедуры оценки земель, которое реализуется в рамках федерального уровня власти.

Согласно положению Федерального закона от 03.07.2016 № 237–ФЗ «О государственной кадастровой оценке» [1], под государственной кадастровой оценкой понимается ряд мероприятий, которые в соответствии с имеющимся законодательством призваны выявить кадастровую стоимость рассматриваемого объекта. Государственная кадастровая оценка проводится в три этапа:

- 1) Первый этап – принятие решения о проведении государственной кадастровой оценки.
- 2) Второй этап – проведение непосредственно процедуры оценки объекта недвижимости и составление отчета о полученных результатах.
- 3) Третий этап – утверждение полученных результатов.

Государственная кадастровая оценка объектов недвижимости преследует ряд целей, ключевой из которых является формирование условий для социально-экономического развития на территории местного самоуправления, субъекта Российской Федерации и всего государства в целом за счет обеспечения эффективности регулирования земельных отношений.

В свою очередь, результаты государственной кадастровой оценки могут быть использованы в следующих целях:

- разработка единой информационной системы кадастра объектов недвижимости;
- разработка и внедрение в работу рынка недвижимости налогооблагаемой базы;
- определение размера арендной платы за пользование государственными и муниципальными объектами недвижимости;
- оценка состояния городской среды и выявление направлений, которые требуют развития и застройки;
- совершенствование схемы функционального зонирования территории населенного пункта, региона или страны;
- оценка земель при изъятии и величин выплат за них [4].

В настоящее время правовое регулирование института государственной кадастровой оценки не дает ответа на главную терминологическую проблему – определение понятия «кадастровая стоимость», что вызывает в научном сообществе полемику по поводу определения данного термина.

В.А. Савиных предлагает рассматривать кадастровую стоимость как «ограниченную рыночную стоимость», так как цель установления ограничена отношениями налогообложения. Установление ее величины происходит не под лозунгом принципа наиболее эффективного использования земельного участка, являющимся основополагающим при определении рыночной стоимости, а исходя из вида ее использования.

Федеральный закон об оценочной деятельности в Российской Федерации в 2010 году был дополнен главной «Государственная кадастровая оценка» в соответствии с Федеральным законом № 167-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. В данной главе были указаны дополнительные положения, которые регулировали процедуру кадастровой оценки недвижимости, а также определяли состав и требования к ее проведению. Кроме того, в указанной главе было представлено определение термина «кадастровая стоимость». Итак, согласно положению данной главы, под кадастровой стоимостью понимается стоимость, которая была выявлена в результате проведения государственной кадастровой оценки недвижимого имущества.

При этом Федеральный стандарт оценки «Определение кадастровой стоимости объектов недвижимости (ФСО № 4)» (утратил силу) предлагает нам иную трактовку этого термина. В рамках данного документа, кадастровой стоимостью является оценка рыночной стоимости объекта недвижимости со стороны государства при использовании средств массовой оценки или подобранных специально для конкретного объекта методик при учете установленных норм и требований. Однако в представленное определение были внесены корректировки в соответствии с решением Минэкономразвития РФ «О внедрении изменений в федеральный стандарт оценки ФСО № 4». Так, определение стало включать дополнительные параметры, которые могут оказать влияние на изменение кадастровой

стоимости объекта недвижимости. При этом было отмечено, что выявление кадастровой стоимости объекта в соответствии с законодательством РФ необходимо для достижения конкретных целей, в том числе целей налогообложения, а определение кадастровой стоимости должно производиться при учете информации в отношении рыночных и прочих экономических характеристик использования недвижимого имущества. Позднее правительство включило данное определение в Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке».

На сегодняшний день Закон о кадастровой оценке содержит другое определение кадастровой стоимости. Если раньше кадастровой стоимостью считалась стоимость объекта недвижимости, которая определяется в соответствии с положениями законодательства РФ о государственной кадастровой оценке и ее результатах, то с 11 августа 2020 года определение было изменено. Теперь кадастровой стоимостью недвижимого имущества является полученный в результате определения критериев ценообразования на определенный объект недвижимости результат его оценки на конкретную дату. При этом ценообразующими критериями могут являться только те критерии, которые четко определены законодательством РФ и методическими рекомендациями о государственной кадастровой оценке.

При рассмотрении важности данных рынка недвижимости в процессе определения кадастровой стоимости стоит отметить, что в пункте 2 статьи 3 Закона о государственной кадастровой оценке присутствует акцент на рыночную информацию об объекте недвижимости. Причем она не является обязательным критерием, который учитывается в процессе выявления кадастровой стоимости. Поэтому согласно имеющейся практике, проведение кадастровой оценки может производиться как без учета рыночной информации, так и с ее использованием.

Важно сказать, что незначительное время, прошедшее с момента законодательного определения исследуемого термина, свидетельствует о продолжающемся процессе его формирования на современном этапе оценочной деятельности. Процесс формирования понятия «кадастровая стоимость» в российском законодательстве можно представить в таблице 1.

Таблица 1. Кадастровая стоимость в российском законодательстве

Временной период	Название нормативного правового акта	Содержание определения «кадастровая стоимость»
2007	Федеральный закон «О государственном кадастре недвижимости»	Средство для выявления цены конкретного объекта недвижимости при использовании метода массовой оценки
2007	ФСО № 2 (Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2007 № 245)	Выявления рыночной стоимости объекта недвижимости при использовании средств массовой оценки или подобранных специально для конкретного объекта методик при учете установленных норм и требований
2010	ФСО № 4 (приказ Минэкономразвития от 22.10.2010 № 508)	Рыночная стоимость, которая была выявлена в результате проведения государственной кадастровой оценки недвижимого имущества при использовании средств массовой оценки или подобранных специально для конкретного объекта методик при учете установленных норм и требований

Временной период	Название нормативного правового акта	Содержание определения «кадастровая стоимость»
2014	Федеральный закон от 29.07.1998 № 135 «Об оценочной деятельности»	Стоимость объекта недвижимости, которая была выявлена одним из альтернативных способов, предусмотренных в законе: 1) кадастровой оценки; 2) рассмотрения индивидуальных споров о результатах кадастровой оценки конкретного участка земли; 3) при наступлении случаев, определенных в статье 24.19 Закона № 135
2016	Федеральный закон от 03.07.2016 № 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке»	Стоимость объекта недвижимости определяемая по правилам проведения кадастровой оценки в соответствии с методическими указаниями, разъясняющими порядок такой оценочной деятельности
2016	Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон от 03.07.2016 «О государственной кадастровой оценке»	Результат оценки объекта недвижимости на конкретную дату путем применения ценнообразующих критериев и факторов, установленных в законодательстве
2021	Методические указания о ГКО № П/0336	Стоимости объекта, выявление которой производится при учете информации в отношении рыночных и прочих экономических характеристиках использования недвижимого имущества с различными целями, в том числе для достижения целей налогообложения

В целях налогообложения кадастровая стоимость земли является налогооблагаемой базой, поэтому положения о начислении налога на землю включены в содержание Земельного и Налогового кодексов. Налоговая база определяется по рыночной стоимости недвижимости, что формирует у налогоплательщика желание эффективного обладания и распоряжения собственностью.

Важно отметить, что невозможно понимание терминов «кадастровая стоимость» и «налогооблагаемая стоимость» как синонимов. Стоимость для целей налогообложения или налогооблагаемая стоимость – это информация об объекте земли в денежном эквиваленте, занесенная в налоговую ведомость. Эта стоимость не всегда совпадает со значениями кадастровой в силу особенностей действия в нормативных правовых актах системы льгот и освобождений от налога. Использование термина налогооблагаемая стоимость обладает узким специальным назначением. При этом кадастровая стоимость – более широкое понятие, охватывающее не только сферу налогообложения, но и применяемая для расчета размеров платежей в наследственном правопреемстве, в отношениях страхования, аренды и регистрации недвижимости [6].

Таким образом, Кадастровая стоимость – это признание государством ценности земельного фонда, что отражается в претворяемой им политике в области налогообложения. В свою очередь измерение такой ценности происходит способами регламентированными государством в Методических указаниях о государственной кадастровой оценке № П/0336 [3]. Так как кадастровая стоимость напрямую влияет на налоговые правоотношения то требование о справедливости, обозначение в Налоговом кодексе, переносится в процесс определения кадастровой стоимости. Справедливость как этическая категория с позиции экономического знания выражается в стремлении социума к общественному равноправию. Д. Е. Иваненко утверждает, что принципом экономической целесообразности существования института кадастровой оцен-

ки выступает справедливое налогообложение. При этом автор говорит о том, что в соответствии с реализацией данного принципа необходимо обеспечить максимальное приближение кадастровой стоимости участка к рыночной стоимости этого же участка. Это важно, поскольку кадастровая оценка будет вызывать больше доверия в том случае, если размеры кадастровой и рыночной стоимости будут максимально соответствовать друг другу [5].

В связи с изложенным, следует предположить, что государство в целях обеспечения верховенства принципа справедливости должно сформировать научно-методические материалы по совершенствованию института кадастровой оценки через повышение уровня достоверности результатов оценки, а также своевременно изменять их в ответ на прогрессивное развитие общественных отношений, в том числе по поводу собственности. Это окажет положительное влияние и на экономический эффект от справедливого определения размера, и начисления налогов, а также уменьшит количество случаев оспаривания собственниками недвижимого имущества результатов кадастровой оценки. В случае с кадастровой оценкой, реализация принципа справедливости происходит на основе разделения подходов к выбору методик для ее проведения. Требуется учитывать при расчетах степень плодородия почвы, адаптивно-ландшафтного земледелия, категорию земель, транспортную доступность и прочее. По мнению автора в аспекте сущности кадастровой стоимости справедливость выражается в:

1. стремление приблизить кадастровую стоимость к значениям рыночных показателей;
2. экономической обоснованности;
3. доверии к результатам такой оценки;
4. применении дифференцирующих признаков земельных участков на прямую влияющих на их экономическую оборотоспособность;
5. использование алгоритма и применение критериев аналогичных тем, которые применялись для определения кадастровой стоимости похожих по своим экономическим и простран-

ственным характеристикам объектов недвижимости.

Таким образом, кадастровая стоимость – это многогранное по своей природе явление, поскольку одновременно выступает как:

1. оценочная стоимость;

2. экономическая характеристика конкретного объекта недвижимости или земельного участка, подлежащего кадастровой оценке;

3. мера ценности объекта для государства, общества и отдельного налогоплательщика – его собственника.

В связи с этим исследуемое понятие может получить разнообразное понимание в зависимости от области толкования: экономика, налоги, учет или социальная сфера.

К особенным чертам объектов кадастровой оценки следует отнести их количественные показатели, дифференциацию по видам и территориальному расположению и т.д.

Согласно полученным результатам, можно сделать вывод, что кадастровая стоимость является ничем иным, как оценочной стоимостью, которая выявляется в соответствии с требованиями и нормами российского законодательства, а также типом объекта недвижимости и способом его применения. При этом кадастровая стоимость формирует налоговую базу для процедуры налогообложения в соответствии с Налоговым кодексом РФ.

Литература

1. Федеральный закон от 03.07.2016 N 237-ФЗ «О государственной кадастровой оценке» // «Российская газета», N 146, 06.07.2016
2. Федеральный закон от 18.03.2020 N 66-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 23.03.2020, N 12, ст. 1658
3. Приказ Росреестра от 04.08.2021 N П/0336 «Об утверждении Методических указаний о государственной кадастровой оценке» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.12.2021 N 66421) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.12.2021
4. Домнина, С.В. Государственная Кадастровая Оценка Недвижимости В Условиях Развития Рынка / С.В. Домнина, Е.В. Савоскина // Фун-

даментальные исследования. – 2021. – № 11. – С. 66–72.

5. Иваненко, Д.Е. Аспекты кадастровой оценки недвижимости: институциональный опыт зарубежных стран / Д.Е. Иваненко // Имущественные отношения в РФ. – 2014. – № 1. – С. 18–26.
6. Михеева, Я.А. Правовое регулирование оценки кадастровой стоимости земельных участков в Российской Федерации / Я.А. Михеева // Вестник науки. – 2022. – Т. 2, № 12(57). – С. 210–214.

LEGAL DEFINITION OF THE CATEGORY “CADASTRAL VALUE” IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ryazanov S.V.

State University of Land Management

The subject of the article is the process of formation of the institute of cadastral value of land, which is an integral indicator that becomes the personification of the value of the site itself in combination with the value of the level of economic development of the territory within which it is geographically enclosed. The purpose of the work is to analyze legislative and theoretical approaches to the definition of the concept of “cadastral value”. The main research methods were the method of system analysis and synthesis; comparative analysis; methods of tabular presentation of data. The novelty of the work consists in the fact that the author explores the features of legislative and theoretical understanding of the category “cadastral value” in accordance with the provisions of normative legal acts on valuation activities.

Keywords: cadastral value, cadastral valuation, land, land plot, real estate, pricing, zoning, valuation activity.

References

1. Federal Law No. 237-FZ of 03.07.2016 «On State Cadastral Valuation» // Rossiyskaya Gazeta, No. 146, 06.07.2016
2. Federal Law No. 66-FZ of 03/18/2020 «On Amendments to the Federal Law «On Valuation Activities in the Russian Federation» and Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 03/23/2020, No. 12, art. 1658
3. Rosreestr Order No. N/0336 dated 08/04/2021 «On approval of Methodological guidelines on State cadastral valuation» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 12/17/2021 No. 66421) // Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 12/20/2021
4. Domnina, S.V. State Cadastral Valuation Of Real Estate In The Context Of Market Development / S.V. Domnina, E.V. Savoskina // Fundamental Research. – 2021. – No. 11. – pp. 66–72.
5. Ivanenko, D.E. Aspects of cadastral valuation of real estate: institutional experience of foreign countries / D.E. Ivanenko // Property relations in the Russian Federation . – 2014. No. 1. pp. 18–26.
6. Mikheeva, Ya.A. Legal regulation of the assessment of the cadastral value of land in the Russian Federation / Ya.A. Mikheeva // Bulletin of Science. – 2022. – Vol. 2, No. 12(57). – pp. 210–214.

К вопросу о правовой актуальности цифрового кодекса Российской Федерации

Хамуков Алим Асланович,

стажёр-исследователь, Центр исследований и экспертиз
Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: 23aal@mail.ru

На рубеже 20–21 веков в мире начались информационная и цифровая революции. Повсеместное распространение цифровых технологий изменило привычный облик сфер образования, здравоохранения, государственного управления, культуры, медиа, науки, финансов, банкинга и пр. Новые возможности и риски, пришедшие с цифровизацией, сделали актуальным вопрос разработки правового регулирования использования информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в новых условиях. Принятие в связи с этим новых законов и внесение изменений в действующие не отличались структурированностью и общей логикой, что помешало появлению в России стройного законодательства, регулирующего доступ и обработку информации и использование информационных систем. Целью настоящей статьи является определение необходимости систематизации норм права, регулирующих цифровые и информационные технологии, в единый цифровой (информационный) кодекс Российской Федерации.

В результате проведённого исследования автор приходит к выводу о наличии потребности в разработке и принятии в РФ цифрового (информационного) кодекса как единого правового акта, регулирующего цифровую сферу.

Ключевые слова: информационно-коммуникационные технологии, цифровизация, вычислительная техника, компьютер, цифровое право, цифровой кодекс.

В конце двадцатого – начале двадцать первого века в мире начались информационная и цифровая революции, при которых произошел переход человечества от повсеместного использования аналоговых технологий к цифровым. Такие преобразования, вызванные массовым распространением вычислительной техники, особенно компьютеров, и портативных коммуникационных устройств существенно изменили скорость распространения информации и поспособствовали окончательному формированию постиндустриальной экономики.

На смену компьютеризации и информатизации пришла цифровизация, позволившая использовать появившиеся в большом количестве компьютеры и иную вычислительную технику для создания новых возможностей и решения экономических, социальных, политических и прочих задач [1].

Быстрое развитие и широкое распространение цифровых технологий изменили жизнь множества людей. Существенные преобразования претерпели сферы образования, здравоохранения, государственного управления, культуры, медиа, науки, финансов, банкинга и пр. Используя цифровые технологии, теперь можно запросить справку, снять деньги с банковского счёта, записаться на прием к врачу, получить образование и многое другое. Цифровизация также привела к появлению принципиально нового вида преступности – киберпреступности. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) позволяют злоумышленникам совершать масштабные по размерам нанесенного ущерба преступления без личного контакта с жертвами и при сохранении анонимности, что существенно усложняет задачу их отслеживания и поимки.

В таких условиях появилась потребность в создании правового регулирования для изменившихся с развитием технического прогресса общественных отношений. Это привело в первые десятилетия двадцать первого века к внесению множества поправок в действующие законы и принятию новых с целью восполнения возникшего вследствие стремительного развития технологий правового вакуума.

В настоящее время законодательное регулирование цифровых отношений в Российской Федерации осуществляется целым рядом законов. Это федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2], «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» [3], «О персональных данных» [4], «О связи» [5], «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» [6] и пр.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному финансированию Финансового университета при Правительстве РФ

Вместе с тем в эти принятые относительно недавно законы уже внесено множество изменений. Один только Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» претерпел более 60 правок [7]. Многочисленные изменения были внесены также в иные федеральные законы [8].

Эксперты в связи с этим отмечают, что «единая логика появления и построения норм о доступе и обработке информации и использовании информационных систем отсутствует», так как в каждом законе регулирование выстраивается по-своему [9]. Отсутствие системообразующего подхода к регулированию цифровых и информационных технологий создает множество проблем в применении законов, регулирующих их использование в разных сферах жизни. В таких условиях представляется логичным необходимость разработки и принятия единого цифрового (информационного) кодекса Российской Федерации (ЦК РФ).

Целью настоящей статьи является определение необходимости объединения норм права, регулирующих цифровые и информационные технологии, в единый цифровой (информационный) кодекс Российской Федерации.

При написании настоящей работы использовались частнонаучные и общенаучные методы научного познания.

В «Стратегии развития отрасли связи на период до 2035 года» указано следующее: «Оптимальным видом законодательного акта, позволяющим сформировать стройную взаимосвязанную систему отраслевых правовых норм, является федеральный закон (Цифровой кодекс РФ), обеспечивающий комплексное регулирование развития и использования информационных технологий, сетей связи и инфраструктуры связи» [10].

Стоит отметить, что доктрина пока не определилась с предметом нового кодекса [11]. По мнению автора, таковыми могут быть урегулированные нормами права общественные отношения в сфере применения цифровых технологий, включая информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и связь.

По вопросу необходимости проведения кодификации законодательства в информационной сфере в российской правовой науке также пока не сложилось единого мнения [7]. Сторонники принятия ЦК РФ в защиту своей позиции приводят такие аргументы, как:

1. Неупорядоченность действующего российского законодательства в цифровой сфере;
2. Наличие противоречий и правовых пробелов;
3. Отсутствие единого категориального аппарата и четко сформулированных принципов правового регулирования «цифры»;
4. Появление после разработки и принятия ЦК РФ единообразной правоприменительной практики в сфере цифровых технологий;
5. Отставание правового регулирования от фактического развития общественных отношений

в указанной сфере и применения государством и населением цифровых технологий; [12]; [13].

Противники говорят о:

1. Слишком большом количестве неоднородных законов, систематизация которых почти невозможна;
2. Невозможности обеспечения необходимой для кодификации стабильности закреплённых правил в условиях бурного развития цифровых технологий;
3. Неопределённости предмета регулирования будущего кодекса и традиционной сложности кодификации норм, регулирующих общественные отношения в разных отраслях права; [14]; [15].

По мнению автора, ускорение научно-технологического прогресса обуславливает потребность в модернизации и унификации действующего в России правового регулирования цифровых технологий. В первую очередь, требуется разработка единого категориального аппарата и комплексного регулирования электронного документооборота, искусственного интеллекта, технологий больших данных, машинного обучения, прав потребителей контента на различных цифровых платформах и пр., применение которых до сих пор надлежащим образом не урегулировано в законе [16].

Создание цифрового (информационного) кодекса существенно упростит правоприменительный процесс. Нестройность правового регулирования в сфере информационного права приводит к часто возникающим разногласиям по вопросам его применения и толкованию отдельных положений в интересах разных субъектов. После кодификации повысится унификация подходов практики к применению норм, регулирующих использование цифровых технологий. Помимо этого, не нужно будет долго искать нормативные правовые или подзаконные акты, регулирующие цифровую информацию, например, в медицине или госуправлении. Все будет в одном месте.

Как известно, кодификация как наиболее совершенная форма правотворчества [17] предусматривает «устранение противоречий в системе норм права, внесение новых правовых положений, отвечающих требованиям времени». При ней в наибольшей степени проявляется «зависимость систематизации законодательства от объективно существующей системы права» [18]. По мнению автора, большая работа, которая проводится при создании любого кодифицированного акта, поможет законодателю обнаружить и устранить возможные правовые пробелы или противоречия между разными актами. Например, отсутствие в отечественном законодательстве перечня гарантий прав и обязанностей пользователей различных цифровых платформ [9]. Свобода действий российских пользователей и создателей «контента» в виртуальном пространстве сегодня фактически подчиняется только абстрактно расписанным правилам цифровых платформ, в последнее время особенно часто используемых своими иностранными владельцами

для исполнения односторонних санкций недружественных государств или реализации своей цензурной политики [19].

Заслуживает внимания и вопрос закрепления в законодательстве переживающего в наши дни свое бурное развитие искусственного интеллекта (ИИ). Широкое распространение, например, нейронных сетей и их способность заменить труд людей сразу множества профессий, включая военные, делают более актуальным вопрос создания правовых рамок применения технологий ИИ в целях защиты безопасности государства и общества. Этот вопрос тоже может быть урегулирован новым кодексом. Также могут быть затронуты новым нормативным правовым актом некоторые иные блоки регулирования, такие как правовой режим различных тайн, кроме государственной, деятельность средств массовой информации (СМИ), вопросы интеллектуальной собственности и пр.

Большое количество неоднородных законов, по мнению автора, является скорее аргументом в пользу систематизации информационного и цифрового законодательства. Аргументы противников принятия ЦК РФ о невозможности создания цифрового кодекса по причине слишком быстрого развития цифровых технологий или неопределённости предмета также не перевешивают приведённых достоинств кодификации. Основные положения информационного и цифрового законодательства, включая категориальный аппарат, принципы и пр., которые предлагается закрепить в кодексе, не претерпевают существенных изменений со временем, несмотря на бурное развитие новых технологий, а неопределённость предмета вызвана уже упомянутой неоднородностью регулируемой сферы и может быть решена консенсусом между разработчиками закона.

Стоит отметить, что идея объединения норм информационного и цифрового права в один закон возникла и обсуждается не только в России. Похожие проекты активно разрабатываются в Азербайджане, Кыргызстане, Узбекистане и Казахстане [20], что свидетельствует об осознании насущности его принятия законодателями стран с родственными российской правовыми системами.

Исходя из вышеизложенного автор приходит к выводу о наличии потребности в разработке и принятии в Российской Федерации цифрового (информационного) кодекса как единого правового акта, регулирующего цифровую сферу.

По мнению автора, проведение кодификации норм цифрового и информационного права позволит не только систематизировать множество принятых в разное время нормативных правовых актов, но и устранить правовые коллизии и пробелы, существование которых обусловлено отсутствием единых подходов к регулированию «цифры».

Надлежащее правовое регулирование использования новых технологий дополнительно стимулирует появление и развитие в стране высокотехнологичных стартапов, поспособствовав реше-

нию стратегической задачи обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации.

Стоит отметить, что и сторонники, и противники кодификации норм права, регулирующих цифровые и информационные технологии, в своих работах отмечают существенные недостатки действующего законодательства и необходимость его переработки и систематизации.

Литература

1. Набиева Н.Ю. Цифровизация: понятие и особенности / Н.Ю. Набиева // Форум молодых учёных. – 2022. – № 3(67). – С. 115–118.
2. Федеральный закон от 27. 07. 2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
4. Федеральный закон от 27. 07. 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3451.
5. Федеральный закон от 07.07. 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2895.
6. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 258 – ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 5017.
7. Сивоконева П.С. Гаврилова В.Д. Перспективы и риски принятия цифрового кодекса / П.С. Сивоконева, В.Д. Гаврилова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 9–5 (96). – С. 196–199.
8. Зубкова А.С. Комплексное правовое регулирование в сфере цифровизации общественных отношений: к вопросу о разработке Цифрового кодекса Российской Федерации / А.С. Зубкова // Закон и право. – 2024. – № 11. – С. 20–26.
9. Свести законы воедино: что такое Цифровой кодекс и для чего он нужен в России // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/499753-svesti-zakony-voedino-cto-takoe-cifrovoj-kodeks-i-dla-sego-on-nuzen-v-rossii> (дата обращения 14. 02. 2025).
10. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2023 г. № 3339-р «О Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 50. – Ст. 9094.
11. Беликова К.М. Цифровой кодекс России: современное состояние и перспективы / К.М. Беликова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – № 1. – С. 34–39.

12. Цифровой кодекс: как будет выглядеть новая концепция регулирования ИКТ // СБЕР Про. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sber.pro/digital/publication/tsifrovoy-kodeks-kak-budet-viglyadet-novaya-kontseptsiya-regulirovaniya-ikt/?ysclid=m0i5hmse8w721656301> (дата обращения: 20.02.2025).
13. В Совфеде рассказали, как будет выглядеть Цифровой кодекс России (май 2024 г.) // Парламентская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfede-rasskazali-kak-budet-vyglyadet-cifrovoy-kodeks-rossii.html> (дата обращения: 20.02.2025).
14. Концепция Цифрового кодекса видится неопределенной (декабрь 2023 г.) // Новости цифровой трансформации, телекоммуникаций, вещания и ИТ. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.comnews.ru/content/230579/2023-12-07/2023-w49/1008/kontseptsiya-cifrovogo-kodeksa-viditsya-neopredelennoy> (дата обращения: 21.02.2025).
15. Решение о возможности разработки Цифрового кодекса Российской Федерации (принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 01.12.2023 № 235-1/2023) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.02.2025).
16. Единый документ: какие нормы будет описывать Цифровой кодекс РФ // URL: <https://iz.ru/1704035/mariia-frolova/edinyi-dokument-kakie-normy-budet-opisyvat-tcifrovoy-kodeks-rf> (дата обращения: 14.02.2025).
17. Вергелес Д.Е. Основы кодификации законодательства / Д.Е. Вергелес // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. – 2013. – № 3. – С. 137–141.
18. Правоведение: Учебник для высших учебных заведений / М.И. Абдулаев, Ю.В. Берладир, М.В. Колганова и др.; под ред. М.И. Абдулаева. М.: Магистр-Пресс, 2004.
19. Морозов А.В., Небродовская-мазур Е.Ю., Матвеева И.П., Цифровая инфраструктура и смысловые линии информационной войны / А.В. Морозов, Е.Ю. Небродовская-мазур, И.П. Матвеева // Телескоп. – 2022. – № 4. – С. 56–62.
20. Цифровой кодекс: перспективы и риски // URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/5371/#broadcast> (дата обращения 20.02.2025).

ON THE ISSUE OF THE LEGAL RELEVANCE OF THE DIGITAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Khamukov A.A.

Center for Research and Expertise at the Faculty of University under the Government of the Russian Federation

At the turn of the 20th and 21st centuries, the information and digital revolutions began in the world. The ubiquity of digital technologies

has changed the familiar face of the fields of education, healthcare, public administration, culture, media, science, finance, banking, etc. The new opportunities and risks that have come with digitalization have made the issue of developing legal regulation of the use of information and communication technologies (ICT) relevant in the new environment. The adoption of new laws in this regard and the introduction of amendments to existing ones were not structured and did not follow a common logic, which prevented the emergence of coherent legislation in Russia regulating access and processing of information and the use of information systems.

The purpose of this article is to determine the need to systematize the legal norms governing digital and information technologies into a single digital (information) code of the Russian Federation. As a result of the conducted research, the author comes to the conclusion that there is a need for the development and adoption of the digital (information) code in the Russian Federation as a single legal act regulating the digital sphere.

Keywords: information and communication technologies, digitalization, computing, computer, digital law, digital code.

References

1. Nabieva N.Y. Digitalization: concept and features / N.Y. Nabieva // Forum of Young Scientists. – 2022. – № 3(67). – pp.115–118.
2. Federal Law No. 149-FZ of 27.07.2006 “On Information, information Technologies and information Protection” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. – Article 3448.3.
3. Federal Law No. 210-FZ dated 27.07.2010 “On the organization of the provision of state and municipal services” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 31. – Article 4179.
4. Federal Law No. 152-FZ of 07/27/2006 “On Personal Data” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31. – Art.3451.
5. Federal Law of 07.07. 2003 № 126-FZ “On communications” // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2003. – No. 28. – Art.2895.
6. Federal Law No. 258 – FZ dated 07/31/2020 “On experimental legal regimes in the field of digital innovations in the Russian Federation” Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – No. 31. –Article 5017.
7. Sivokoneva P.S. GavriloVA V.D. Prospects and risks of adopting the digital code / P.S. Sivokoneva, V.D. GavriloVA // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – № 9–5 (96). – pp. 196–199.
8. Zubkova A.S. Complex legal regulation in the field of digitalization of public relations: on the issue of developing the Digital Code of the Russian Federation / A.S. Zubkova // Law and Law. – 2024. – No. 11. – pp.20–26.
9. Bring the laws together: what is the Digital Code and why is it needed in Russia // URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/499753-vesti-zakony-voedino-cto-takoe-cifrovoy-kodeks-i-dla-cego-on-nuzen-v-rossii> (date of access 14. 02. 2025).
10. Decree of the Government of the Russian Federation dated November 24, 2023 No. 3339-r “On the Development Strategy of the communications industry of the Russian Federation for the period up to 2035” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – No. 50. – Art. 9094.
11. Belikova K.M. Digital Code of Russia: current state and prospects / K.M. Belikova // Problems of economics and legal practice. – 2024. – No. 1. – pp. 34–39.
12. The Digital Code: what the new concept of ICT regulation will look like // SBERPRO. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://sber.pro/digital/publication/tsifrovoy-kodeks-kak-budet-viglyadet-novaya-kontseptsiya-regulirovaniya-ikt/?ysclid=m0i5hmse8w721656301> (accessed: 02/20/2025).
13. The Federation Council told how the Digital Code of Russia will look (May 2024) // Parliamentary Newspaper. – [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.pnp.ru/politics/v-sovfede-rasskazali-kak-budet-vyglyadet-cifrovoy-kodeks-rossii.html> (date of access: 02/20/2025).
14. The concept of the Digital Code seems uncertain (December 2023) // News of digital transformation, telecommunications, broadcasting and IT. – [Electronic resource]. –Access

- mode: <https://www.comnews.ru/content/230579/2023-12-07/2023-w49/1008/koncepciya-cifrovogo-kodeksa-viditsya-neopredelennoy> (date of access: 02/21/2025).
15. The decision on the possibility of developing the Digital Code of the Russian Federation (adopted at the meeting of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation on 12/01/2023 No. 235-1/2023) // ConsultantPlus Legal Reference System (date of access: 02/21/2025).
 16. A single document: what norms will describe the Digital Code of the Russian Federation // URL: <https://iz.ru/1704035/mariia-frolova/edinyi-dokument-kakie-normy-budet-opisyvat-tcifrovoi-kodeks-rf> (date of access: 02/14/2025).
 17. Vergeles D.E. Fundamentals of the codification of legislation / D.E. Vergeles // Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan. – 2013. – No. 3. – pp.137–141.
 18. Jurisprudence: Textbook for higher educational institutions / M.I. Abdulaev, Yu.V. Berladir, M.V. Kolganova et al.; edited by M.I. Abdulaev. Moscow: Magister-Press, 2004.
 19. Morozov A.V., Nebrodovskaya-mazur E.Yu., Matveeva I.P., Digital infrastructure and semantic lines of information warfare / A.V. Morozov, E. Yu. Nebrodovskaya-mazur, I.P. Matveeva // Telescope. – 2022. – No. 4. – pp.56–62.
 20. The Digital Code: prospects and risks // URL: <https://legalforum.info/programme/business-programme/5371/#broadcast> (date of access 02/20/2025).

Чумаченко Василий Андреевич,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета, направление «Публично-правовые (государственно-правовые) науки»

Статья посвящена исследованию правового регулирования информации и баз данных в Российской Федерации. Особое внимание уделяется изменению законодательного подхода к определению правового режима информации с 2007 года, а также особенностям правового статуса баз данных как объектов авторских и смежных прав. Целью исследования является анализ соотношения правового режима информации и баз данных, а также выявление проблем, возникающих в результате их правового регулирования. В работе использованы методы сравнительного, историко-правового и формально-юридического анализа. В результате исследования установлено, что российское законодательство претерпело значительные изменения в отношении правового регулирования информации. Первоначально информация рассматривалась как объект гражданского права, однако с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» правовой статус информации как самостоятельного объекта гражданского права был изменен. В заключение сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства в сфере регулирования информации и баз данных, а также о важности учета прав обладателей информации при создании и использовании баз данных.

Ключевые слова: информация, базы данных, правовой режим, авторское право, смежные права, цифровизация, регулирование информации, информационные технологии, законодательство РФ, интеллектуальная собственность.

Введение

Начавшаяся еще в середине XX века цифровизация стремительно захватывает все новые сферы жизнедеятельности человека. В последние три десятилетия в Российской Федерации технологические процессы также успешно развиваются, усложняются общественные отношения ввиду развития технологий искусственного интеллекта, вследствие чего возникают новые затруднения в обыденной жизни человека, перетекающие в юридическую плоскость. Подобные трудности оказывают влияние как на саму категорию «информации», так и на базы данных, в которых такая информация содержится.

Глубинное влияние информации на общественные отношения заставляет законодателей различных государств реагировать и, следовательно, устанавливать нормативную регламентацию ее использования. Любая информация, находящаяся в обороте, подлежит правовому регулированию [19]. Как указывает В.В. Блажеев, информация стала универсальным объектом права, существует в любой правовой отрасли [22]. Л.К. Терещенко указывала на факт того, что на информацию не распространяется право собственности, но вместе с тем она не относится и к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности, сама по себе она способна создавать предпринимательские преимущества, в частности в тех случаях, когда она не является общеизвестной [21].

По мере распространения средств вычислительной техники применение информационных технологий начали рассматривать в качестве одного из условий повышения эффективности управления экономикой, что и оказалось главной целью регулирования информационных отношений [22]. Категория «информации» является результатом сознательной деятельности человека, которая зафиксирована в любой пригодной для восприятия форме» и при этом должна быть воспроизводима и копируема, т.е. должна иметь возможность быть в обороте [2, 7].

В данной работе нами будет представлен взгляд за развитие соприкосновения правовых режимов «информации» и «базы данных» с оглядкой на историческое становление данных правовых феноменов. По результатам анализа с синтезом теоретической и практической перспективы будет дана оценка изменения законодательства РФ с 2007 года по сей день при решении проблематики соотношения правового режима информации и баз данных.

Понимание и правовые режимы «информации»

С точки зрения русского языка, информация – это сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах или сообщения, осведомляющие о положении дел, о состоянии чего-либо. Основная дилемма заключается только в одном простом вопросе: как регулировать категорию «информации» в национальном законодательстве [16]?

Изначально до конца 2007 года российский законодатель рассматривал информацию как объект гражданского права. В статье 128 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) указывалось, что информация является одним из видов объекта гражданского права наряду с вещами, деньгами и ценные бумаги, иным имуществом, в том числе имущественные права; работами и услугами; результатами интеллектуальной деятельности, нематериальными благами. Параллельно с отнесением информации как категории к объектам гражданского права, в Федеральном законе от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации» под информацией понимались сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. По сути, можно было считать, что данный закон ранее устанавливал правовой режим информации как объекта гражданского права.

В свете принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) правовое регулирование информации как объекта гражданского права официально прекратилось и породило новый виток рассуждения ученых как регулировать феномен «информации» с точки зрения российского законодательства. Так, в соответствии со статьей 2 Закона об информации, информация – это сведения (сообщения или данные) независимо от формы их представления. Из этого определения следует ряд признаков, характеризующих легальную формулу информации, но не саму информацию.

Справедливо отмечают О.А. Городов и Е.А. Суханов, что информация является не объектом гражданского права, а объектом правоотношения, следовательно в Законе об информации устанавливается только правовой режим ее использования [10, 18]. Другие ученые продолжают считать, что информация продолжает оставаться объектом гражданского права, при этом Законом о защите информации устанавливается правовой режим ее использования [13].

На наш взгляд, необходимо отталкиваться от того, что информация не может быть объектом гражданского права, она является объектом правоотношений, благом особого рода [10]. В частности, такую позицию разделяет и российский законодатель в пункте 1 статьи 5 Закона об информации, указывая, что информация может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых от-

ношений. Вместе с тем, информация как правовая категория обладает особым правовым режим использования.

В общем виде «правовой режим информации» можно понимать, как совокупность установленных государством правил (принципов), определяющих [19]:

- правомочия пользователей информации в сфере ее оборота (поиска, получения, распространения, хранения и т.п.);
- степень доступности и открытости информации, порядок доступа к ней;
- порядок отнесения информации к категории информации ограниченного доступа;
- порядок документирования информации и индивидуализации материальных носителей;
- порядок защиты информации и обеспечения информационной безопасности;
- порядок привлечения к ответственности за нарушение правил оборота информации.

В российской юридической науке было разработано две основных точки зрения к пониманию «правового режима». В соответствии с первой правовой режим понимается как функциональная характеристика права и особый порядок правового регулирования [14,15]. Представители же второй точки зрения утверждают, что правовой режим – это система норм, регулирующих определенную деятельность разных субъектов, их отношения по поводу определенного объекта [3,7,14]. Наиболее оптимальное определение предложил С.С. Алексеев, который предложил под ним понимать порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязанностей и создающих особую направленность регулирования [1].

Система режимных требований конкретизируется применительно к правовому режиму определенного вида информации с помощью правовых установлений, учитывающих специфические особенности объекта, осуществляется регламентация порядка деятельности в рамках установленного режима, включая систему разрешений и запретов отдельных действий, и все в совокупности обеспечивается применением различных видов ответственности за нарушение действующих правил [20]. На основании таких режимных требований законодатель и осуществляет деление правовых режимов на:

- общие или свободные (подразумевающие под собой открытую информацию, свободный доступ);
- специальные или ограничивающие (которые имеют под собой определенные ограничения в доступе третьих лиц к информации, ограниченный доступ).

Базы данных: объект авторских и смежных прав

От понимания правового режима зависит не только подход к категории «информации»,

но и к базам данных, которые содержат последнюю в себе.

В соответствии с пунктом 2 статьи 1260 ГК РФ базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ).

Специфическим отличием их от других видов составных произведений является то, что они должны быть систематизированы особым образом с тем, чтобы могли быть использованы ЭВМ [11].

При этом несмотря на расположение данной нормы в структуре ГК РФ, законодатель рассматривает базу данных как специальную разновидность составного произведения в качестве лишь одного из двух вариантов:

1. База данных как объект авторского права должна характеризоваться тем, что для создания таковой необходимы творческие и интеллектуальные ресурсы создателя или создателей базы данных [5].
2. База данных как объект смежных прав становится таковой и получает правовую охрану, если является результатом существенных финансовых, материальных, организационных или иных вложений (инвестиций) изготовителя базы в ее создание [5].

В научной литературе, а именно М.А. Рожкова в свою очередь, вводит разделение баз данных на креативные (как объект авторских прав) и инвестиционные (как объект смежных прав)[17]

Базы данных как таковые неосознаемы, непотребляемы и не могут быть объектом правоотношений безотносительно к материальному носителю[12]. В соответствии с пунктом 2 статьи 1259 ГК РФ под составным произведением следует понимать объект авторского права как результат творческого труда по подбору или расположению материалов.

Стоит отметить, что информация, составляющая базу данных, может быть самой разнообразной, начиная с нормативных актов, научных статей, расчетов и заканчивая фактами об окружающей действительности, марками автомобилей и разновидностью цветов[5]. Следовательно, информация и база данных соотносятся между собой как общее и объединяющее. Информация представляет собой сведения (сообщения или данные), а база данных объединяет в себе эту информацию по определенному признаку и в соответствии с конкретизированными правилами.

Рассматривая базу данных в качестве составного произведения возможно выявить множество особенностей. В частности, она охраняется законом как единое целое вне зависимости от того, какая информация систематизирована и хранится в ней, а также без оглядки на правообладателей такой информации. В пункте 4 статьи 1260 ГК РФ и пункте 88 Постановления Пленума Верховного

Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление ВС № 10) права разработчика – автора базы данных охраняются как права на самостоятельные объекты авторских прав независимо от охраны прав авторов произведений, на которых основано производное или составное произведение.

Справедливо отмечает М.А. Рожкова на тот факт, что правовую охрану как составное произведение получает не само объединение множества различных материалов воедино – в качестве составного произведения охраняется именно порядок подбора и компоновки материалов, реализованный в рамках такого объединения. База данных как раз и является аккумулятором, определенным авторским объединением определенной информации в реестре [12]. Авторское право на указанную базу данных принадлежит одному субъекту – составителю / изобретателю такой базы, при этом его право не распространяется на информацию, составляющую базу данных. Владелец информации, которая находится в базе данных, не утрачивает свое право на нее, продолжает реализовывать свои полномочия по разрешению и ограничению доступа к ней.

Возникшая ситуация может привести к т.н. эффекту «матрешки», когда информация как объект правоотношений может иметь один правовой режим, а база данных как объект авторского права – другой. Например, информация может быть открытой, но база данных, в которой она содержится, может иметь режим ограниченного доступа. Показательно также то, что неправомерное использование базы данных будет нарушать как исключительное право правообладателя такой базы, так и обладателей включенной в нее информации.

Данная проблема также не решается в случае правового режима «объект смежных прав». Так, охраняется как объект смежных прав далеко не любая база данных, а только лишь та, создание которой требует существенных финансовых, материальных, организационных или иных затрат (п. 1 ст. 1334 ГК РФ), при этом первоначально права на такую базу данных возникают у ее изготовителя (лицо, организовавшее создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов).

Однако существенным образом проблема эффекта «матрешки» не решается. Стоит предположить, что содержание базы данных – информация, должна следовать тому правовому режиму, который в определенный момент присваивается базе данных. Иное порождало бы внутренне противоречивую ситуацию множественного дробления режимом. Разумеется, «следование» информации за базой данных должно сопровождаться правомочностью использования и обработки такой информации в системе.

Часто возникают ситуации, когда информация без согласия ее обладателя может быть использована автором базы данных и включена в нее. Дан-

ная тематика даже была предметом рассмотрения Конституционного Суда РФ.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1260 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.Е. Мамичева» подтвердилась конституционность положений ГК РФ с указанием на то, что охрана составных произведений, созданных без разрешения авторов первоначальных произведений, не вступает в противоречие с нормой пунктом 5 статьи 2 Бернской конвенции, согласно которой составные произведения, представляющие собой по подбору и расположению материалов результат интеллектуального творчества, охраняются как таковые без ущерба правам авторов каждого из произведений, составляющего часть таких сборников.

Создание составного (производного) произведения с использованием первоначального произведения без согласия автора нарушает его исключительное право, но не причиняет ему ущерба, ведь пока экземпляр (оригинал) составного произведения не вовлечен в экономический оборот, само по себе существование охраняемого авторским правом составного произведения не может нанести имущественного убытка авторам (правообладателям) произведений, вошедших в составное произведение [6]. Хотя в пункте 88 Постановления ВС № 10 и указывается на тот факт, что исключительное право автора составного произведения возникает в силу факта создания такого произведения, но использоваться такое произведение (база данных) может только с согласия обладателей информации на переработку их произведения или на включение его в составное произведение.

В том же пункте Верховный суд РФ развивает мысль и указывает на то, что использование составного произведения, созданного с нарушением прав авторов обладателей использованной информации, является нарушением прав последних. Следовательно, создание базы данных возможно без согласия обладателей информации. Однако такое использование определенной информации автором базы данных без согласия ее обладателя повлечет ответственность, предусмотренную в статье 1252 и статье 1301 ГК РФ, статье 7.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и статьи 146 Уголовного кодекса Российской Федерации.

В научной литературе есть точка зрения, в соответствии с которой положения статьи 1259 ГК РФ, косвенно касающиеся информации, являются в корнях ошибочными, т.к. использование информации, включая ее переработку не могут быть включены в перечень способов использования произведений, составляющих содержание исключительного авторского права [9]. Использование информации в таком случае может осуществляться субъектами в соответствии с режимом свободного доступа и будут являться актами творчества, в связи с чем их будет невозможно подвергнуть право-

вому регулированию. Однако такая точка зрения вряд ли реализуема на практике и не найдет свое отражение в законодательстве.

Чаще всего на практике к нарушителям применяются меры гражданско-правовой ответственности, что сводит к незначительным издержкам для авторов баз данных. Поэтому, создание авторами баз данных и наполнение их информацией без получения согласия их обладателей является фактической нормой в российской правовой действительности. Здесь происходит «столкновение» правовых режимов информации и баз данных.

Также необходимо оговорить момент, связанный с субъектом – владельцем базы данных. По критерию владельца базы данных делятся на две категории: публичные и частные.

Публичные базы данных, как правило, нормативно регламентированы со стороны законодателя или государственных органов, его правообладателем является государство в лице уполномоченных государственных органов (например, Росреестр или Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ)). Монополией на информацию, содержащуюся в государственных (публичных) реестрах, обладает государство [8]. Информация, составляющая ряд публичных баз данных, может использоваться без согласия обладателя такой информации сугубо в соответствии с нормативными правовыми актами – это не будет считаться нарушением правового режима информации. Аналогично, если государственный орган решит создать свою базу данных, но в нормативных актах у него будет отсутствовать полномочие на использование информации без согласия ее обладателей, то в этом случае уже произойдет нарушение правового режима информации частных лиц.

Особенность же частных баз данных заключается в том, что ее автором / правообладателем должен быть субъект гражданско-правовых отношений. При создании базы данных или ее изменении он в любом случае должен запрашивать согласие на использование информации от ее обладателей. Это позволяет избежать «столкновения» правовых режимов информации и баз данных, что отражено в российском законодательстве и судебной практике.

Вывод

Необходимо четко разграничивать правовые режимы автора / правообладателя (как публичной, так и частной) базы данных и обладателей информации, включенной в такую базу. Нами предлагается не претендующий на абсолютную истину вклад в юридический научный дискурс следующего характера.

С одной стороны, они находятся в тесной взаимосвязи, например, в случае нарушения исключительных прав правообладателя базы данных происходит нарушение прав самого такого правообладателя и одновременно обладателей информации, которая составляет базы данных.

С другой стороны, они имеют существенные различия ввиду первоначального использования информации для составления / изменения базы данных, которые сводятся как к получению обязательного разрешения у обладателей информации для ее включения в базу данных, так и ее свободное использование для иных целей помимо включения в конкретную базу.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. // М.: Изд-во Бек. – 1993. – 223 с
2. Антопольский, А.А. Правовое регулирование информации ограниченного доступа в сфере государственного управления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук // М.. –2004. – 29 с.
3. Бахрах Д.Н. Административное право России. // М. – 2000. – 568 с.
4. Бачило, И.Л. Информационное право: учебник для вузов // Москва: Издательство Юрайт. – 2023. – 419 с.
5. Белоусов В.Н., Баянова. Ж.Л. Правовой режим базы данных в условиях информатизации общества // Известия Байкальского государственного университета. – 2023. – Т. 33, № 1. – С. 173–180.
6. Близнец И.А., Витко В.С. Правовые позиции Конституционного Суда РФ в Постановлении от 16 июня 2022 г. № 25-П // ИС. Авторское право и смежные права. – 2022. – № 7. – С. 5–30.
7. Братановский С.Н. Специальные правовые режимы информации. //М. – 2012. – 172 с.
8. Бузова Н.В. Государственные реестры – базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 69–85.
9. Гаврилов Э.П. Перевод и иная переработка произведения // Патенты и лицензии. – 2015. – № 1. – С. 31–38; № 2. С. 32–36.
10. Городов О.А. Информационное право: учебник для бакалавров. – 2-е изд. // Москва: Проспект. – 2019. – 304 с.
11. Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий // СПС «Консультант Плюс». 2022
12. Жуйков. В.М., Багрянская П.Д., Беяева О.А., Бурлаков С.А. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) // М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ. – 2021. – Вып. 28. – 200 с.
13. Лебедева Д.С., Яценко А.О. Информация как объект гражданского права. Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. // Юридические науки. – 2017. – Т. 3 (69). № 4. – С. 163–167.
14. Малько А.В., Родионов О.С. Правовые режимы в российском законодательстве // Журнал российского права. – 2001. – № 9. – С. 19–22.
15. Матузов Н.И., Малько А.В., Правовые режимы: вопросы теории практики // Правоведение. – 1996. – № 4. – С. 16–29.
16. Ожегов, С.И. Словарь русского языка // М.. –1978. – 846 с.
17. Рожкова М.А. Базы данных и сервисы онлайн-классифайдов: пользование базой и использование информации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2019. – № 26. – С. 25–32.
18. Суханов Е.А.. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права // М.: Статут. – 2010. – 958 с.
19. Тазиева, М.М. Категория «информация» и ее режим в законодательстве Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. – 2018. – № 2. – С. 96–104.
20. Терещенко Л.К. Правовой режим информации. Диссертация на соиск. уч. степени доктора юридических наук: 12.00.14. Место защиты: Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. //Москва, 2011. – 415 с.
21. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: Монография.// М.: Юриспруденция. – 2007. – 192 с.
22. Цифровое право: учебник / под общ. ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. – Москва: Проспект, 2020. – 640 с.

CORRELATION BETWEEN THE LEGAL REGIME OF INFORMATION AND DATABASES

Chumachenko V.A.
St. Petersburg State University

The article is devoted to the study of legal regulation of information and databases in the Russian Federation. Particular attention is paid to changes in the legislative approach to determining the legal regime of information since 2007, as well as the specifics of the legal status of databases as objects of copyright and related rights. The purpose of the study is to analyze the relationship between the legal regime of information and databases, as well as to identify problems arising as a result of their legal regulation. The work uses the methods of comparative, historical-legal and formal-legal analysis. As a result of the study, it was established that Russian legislation has undergone significant changes in relation to the legal regulation of information. Initially, information was considered as an object of civil law, however, with the adoption of the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and the Protection of Information", the legal status of information as an independent object of civil law was changed. In conclusion, a conclusion is made on the need to improve legislation in the field of regulation of information and databases, as well as the importance of taking into account the rights of information holders when creating and using databases.

Keywords: information, databases, legal regime, copyright, related rights, digitalization, information regulation, information technology, Russian legislation, intellectual property.

Referents

1. Alekseev S.S. Theory of Law. // Moscow: Bek Publishing House. – 1993. – 223 p.
2. Antopolsky, A.A. Legal regulation of restricted-access information in the sphere of public administration: author's abstract. dis. ... candidate of legal sciences // Moscow. –2004. – 29 p.
3. Bakhrakh D.N. Administrative law of Russia. // Moscow. – 2000. – 568 p.
4. Bachilo, I.L. Information law: textbook for universities // Moscow: Yurait Publishing House. – 2023. – 419 p.

5. Belousov V. N., Bayanova. Zh.L. Legal regime of the database in the context of informatization of society // Bulletin of the Baikal State University. – 2023. – Vol. 33, No. 1. – P. 173–180.
6. Bliznets I.A., Vitko V.S. Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Resolution of June 16, 2022 No. 25-P // IS. Copyright and Related Rights. – 2022. – No. 7. – P. 5–30.
7. Bratanovsky S.N. Special legal regimes of information. //M. – 2012. – 172 p.
8. Buzova N.V. State registers – databases protected as objects of related rights? // Journal of Russian Law. – 2019. – No. 10. – P. 69–85.
9. Gavrilov E.P. Translation and other adaptation of a work // Patents and licenses. – 2015. – No. 1. – P. 31–38; No. 2. P. 32–36.
10. Gorodov O.A. Information law: a textbook for bachelors. – 2nd ed. // Moscow: Prospect. – 2019. – 304 p.
11. Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-article commentary // SPS “Consultant Plus”. 2022
12. Zhuykov. V.M., Bagryanskaya P.D., Belyaeva O.A., Burlakov S.A. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial and arbitration practice) // M.: IZISP, CONTRACT. – 2021. – Issue. 28. – 200 p.
13. Lebedeva D.S., Yatsenko A.O. Information as an object of civil law. Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. // Legal sciences. – 2017. – Vol. 3 (69). No. 4. – P. 163–167.
14. Malko A.V., Rodionov O.S. Legal regimes in Russian legislation // Journal of Russian law. – 2001. – No. 9. – P. 19–22.
15. Matuzov N.I., Malko A.V., Legal regimes: issues of theory of practice // Jurisprudence. – 1996. – No. 4. – P. 16–29.
16. Ozhegov, S.I. Dictionary of the Russian language // M.. –1978. – 846 p.
17. Rozhkova M.A. Databases and online classifieds services: using the database and using the information // Journal of the Intellectual Property Court. – 2019. – No. 26. – P. 25–32.
18. Sukhanov E.A. Russian civil law: textbook: in 2 volumes. Volume 1: General part. Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights // Moscow: Statut. – 2010. – 958 p.
19. Tazieva, M.M. The category “information” and its regime in the legislation of the Russian Federation // Legal policy and legal life. – 2018. – No. 2. – P. 96–104.
20. Tereshchenko L.K. Legal regime of information. Dissertation for the candidate. academic degree of Doctor of Law: 12.00.14. Place of protection: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. // Moscow, 2011. – 415 p.
21. Tereshchenko L.K. Legal regime of information: Monograph. // Moscow: Jurisprudence. – 2007. – 192 p.
22. Digital law: textbook / edited by V.V. Blazheev, M.A. Egorova. – Moscow: Prospect, 2020. – 640 p.

Соотношение понятий «государственный орган» и «орган государственной власти»

Шагалкина Наталия Владимировна,

аспирант, кафедра государственно-правовых дисциплин Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; юрист, член Национальной ассоциации административистов
E-mail: moscow_n@inbox.ru

Статья посвящена исследованию соотношения понятий «государственный орган» и «орган государственной власти». Проведенный анализ правовых понятий осуществлен с применением функционального и системно-структурного метода научного познания. В исследовании сделан акцент на соотношение понятий с учетом правил формальной логики, учтены правила сопоставления родовых и видовых понятий. Исследование научных трудов, действующего законодательства, судебной практики показало отсутствие единого мнения относительно дефиниций «государственный орган» и «орган государственной власти». По итогам исследования предлагается разработать и закрепить определения соответствующих терминов в федеральном законодательстве, предусмотреть закрепление в правовых источниках системы государственных органов, а также перечня государственных органов, функционирующих на территории страны. В работе отмечается, что единообразие в понимании и применении исследуемых понятий отвечает требованиям и целям защиты прав граждан и направлено на повышение эффективности реализации прав.

Ключевые слова: система, структура, система органов государственной власти, государственный орган, орган государственной власти, иной государственный орган.

В современной научной среде не прекращается обсуждение вопроса соотношения понятий «государственный орган» и «орган государственной власти», а также сопоставления данных понятий с другими, похожими терминами. В большинстве случаев при исследовании заявленного вопроса учеными используется функциональный метод, реже встречается применение системно-структурного метода познания. Функциональный подход позволяет провести сравнение через те задачи и цели, которые стоят перед каждым государственным органом, либо иным государственным или публичным образованием. При правильном использовании функциональный подход позволяет наиболее полно и верно определить и раскрыть содержание необходимой дефиниции. Таким образом, в большей степени происходит сравнение самого «наполнения» исследуемых терминов. Системно-структурный подход направлен на выделение элементов системы, их количества, соотношения элементов данной системы между собой, что позволяет рассмотреть и сопоставить не только непосредственно отдельную дефиницию, но и проследить связь со всей системой, выявить ее возможные недостатки. Сочетание данных методов познания позволяет провести исследование в обозначенной теме наиболее эффективно.

В научной литературе представлены различные мнения относительно дефиниций «государственного органа» и «органа государственной власти».

Авакьяном С.А. предложено следующее определение: «Органом государства (государственной власти) является группа (коллектив) граждан или один гражданин, которым поручено осуществление задач и функций государства; орган образован в надлежащем порядке, определенным конституцией или законом, наделен соответствующими полномочиями, действует в установленном законодательством порядке, принимает необходимые правовые акты и несет ответственность за свою деятельность перед народом и государством. Понятия «орган государства» и «орган государственной власти» употребляются нами как тождественные» [1, 358]. Исходя из представленной точки зрения, понятия «орган государственной власти» и «орган государства» рассматриваются как равнозначные.

В коллективном труде под редакцией Страшуна Б.А. понятию «государственный орган» дано следующее определение: «государственный орган – лицо или организованная группа лиц, наделенные правом принимать властные решения (например, парламент, президент, суд, префект).

В зависимости от порядка принятия властных решений государственные органы могут основываться на принципах единоначалия (например, министерство) или коллегиальности (например, совет министров)» [4, 153].

В коллективном труде под редакцией Лазарева В.В. предложено следующее определение: «государственный орган является гражданином или коллективом граждан, наделенными государственно-властными полномочиями, уполномоченными государством на осуществление его задач и функций и действующими в установленном государством порядке» [3].

В более современной коллективной работе под редакцией Фадеева В.И. приведено следующее определение – «государственный орган – это организационно и структурно обособленная часть государственного аппарата, состоящая из граждан Российской Федерации и наделенная государственно-властными и (или) иными полномочиями осуществлять от имени государства его задачи и функции в законодательно установленных формах и порядке» [5, 316].

Безруковым А.В. определяется, что в доктринальном плане «государственный орган есть юридически оформленная действующая в установленном государством порядке часть системы органов государственной власти, наделенная государственно-властными полномочиями и необходимыми материальными средствами для реализации задач и функций, возложенных государством» [2, 78].

Безусловного и одинакового принятого понятия «государственный орган» сложно встретить в научной литературе.

В Большом юридическом словаре можно увидеть такое определение, как «орган государства» – это организованная часть государственного механизма, наделенная властными полномочиями, определенной компетенцией и необходимыми средствами для осуществления задач, стоящих перед государством на конкретном участке государственного руководства обществом. При этом органом государства может быть одно должностное лицо или организованная группа (коллектив) должностных лиц и служащих.

Использование терминов «государственный орган» и «орган государственной власти» в правовых источниках можно встретить повсеместно. Приведем в пример Конституцию Российской Федерации¹. Положения Основного закона страны, закрепленные в п. 2 ст. 3, п. 3 ст. 5, п. 2 ст. 15, п. 2 ст. 32, п. 2 ст. 40, п. 2 ст. 46, ст. 53, п. 2 ст. 68, а также статьях 70, 71, 72, 77 и других, содержат термин «орган государственной власти». Термин «государственный орган» также используется в Кон-

ституции Российской Федерации, например, в статьях 33, 120.

Дефиниция термина «государственный орган» и «орган государственной власти» в законе отсутствует. Однако, федеральное законодательство, в частности, Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»² (ст. 1) определяет, что государственными органами являются органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации и иные государственные органы, образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации.

Из приведенного перечня государственных органов следует, что государственные органы классифицированы на три вида:

- органы государственной власти Российской Федерации;
- органы государственной власти субъектов Российской Федерации;
- иные государственные органы (образуемые в соответствии с законодательством Российской Федерации, законодательством субъектов Российской Федерации).

Из данной классификации усматривается выделение родового понятия, и трех его видов. Основанием классификации является отношение к власти, ее уровням. Из указанного следует, что понятие «государственный орган» является более широким по отношению к «органу государственной власти», который в свою очередь является одним из видов государственных органов. Такой вывод не противоречит закону обратного отношения между объемом и содержанием понятия (правила формальной логики), в котором увеличение содержания понятия ведёт к уменьшению его объема, и наоборот. В рассматриваемом случае: «государственный орган» – родовое понятие, увеличивая его содержание, уменьшается его объем, что приводит к появлению такого понятия, как «орган государственной власти».

Следует отметить, что положения Федерального закона от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» могут использоваться только для целей именно данного закона. В связи с данным обстоятельством следует отметить отсутствие федерального законодательства, которое могло быть использовано в любой сфере при определении «государственного органа».

Согласно ст. 11 Конституции Российской Федерации государственную власть в Российской Федерации осуществляют Президент Российской

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

² Федеральный закон от 09.02.2009 N 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» (в ред. от 14.07.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2009 г., N 7, ст. 776.

Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации; государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти; разграничение предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляется Конституцией Российской Федерации, Федеративным и иными договорами о разграничении предметов ведения и полномочий.

Из указанного следует, что часть государственных органов прямо отмечена в Основном законе страны: такие, как государственные органы, осуществляющие государственную власть федерального и субъектового (или как повсеместно распространено – регионального) уровней, и называемые «органы государственной власти».

Сложность правильного определения дефиниции, по нашему мнению, определяется позицией Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Определении от 29.05.1997 г. N 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 года N 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»»¹.

В 1997 году в Конституционный Суд Российской Федерации нижней палатой Федерального Собрания был направлен запрос о проверке конституционности норм, согласно которым Администрация Президента Российской Федерации (далее – «Администрация Президента Российской Федерации» или «Администрация») обозначалась, как государственный орган. Государственной Думой была заявлена позиция, что Конституция Российской Федерации не относит Администрацию Президента Российской Федерации к органам государственной власти, и по сути, она является не государственным органом, а службой, аппаратом, вспомогательным органом Президента Российской Федерации.

Определением от 29.05.1997 г. N 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 года N 1412 «Об утверждении Положения об Администрации Президента Российской Федерации»» Конституционным Судом Российской Федерации были определены следующие важные составляющие:

1) не должно производиться отождествления государственного органа и органа государственной власти;

2) «...положение о том, что Администрация Президента Российской Федерации является государственным органом, носит общий характер, и его реальный смысл и значение определяются полномочиями, которыми наделена Администрация».

¹ Собрание законодательства Российской Федерации от 1997 г., N 22, ст. 2664

При этом было указано, что полномочия Администрации конкретизируются в соответствующих указах Президента страны.

Таким образом, Конституционным Судом Российской Федерации было прямо обозначено наличие двух правовых терминов – «государственный орган» и «орган государственной власти».

Тем не менее, ясности в применении данных двух терминов не прибавилось, и скорее наоборот, стало меньше.

Президент Российской Федерации в соответствии с Конституцией Российской Федерации осуществляет государственную власть и является одним из органов государственной власти. Из этого следует, что данный орган уже следует относить к видовому понятию по отношению к родовому «государственный орган».

Администрация Президента Российской Федерации не действует и не существует сама по себе, и является структурой, помогающей Президенту Российской Федерации в его работе. Администрация согласно пункту «и» статьи 83 Конституции Российской Федерации создается Президентом Российской Федерации. В данной связи логично, что Государственной Думой Федерального Собрания Администрация была охарактеризована, как служба или аппарат. С точки зрения логических отношений между понятиями, Администрация Президента Российской Федерации входит в круг понятия «государственный орган», равно как Президент Российской Федерации, но имеет другое содержание, и при классификации не может оказаться на равнозначной позиции. По нашему мнению, Администрация Президента Российской Федерации в большей степени, как понятие, в случае выполнения иных функций нежели тех, что предоставлены исключительно Президенту Российской Федерации, должно относиться к «иным государственным органам». Обозначение же Администрации Президента Российской Федерации как «государственный орган» без конкретизации, несет за собой путаницу в понятийном аппарате, влекущую за собой (возможное) нарушение в понимании системы государственных органов страны в принципе.

Кроме того, стоит отметить, что термин «иной государственный орган» обладает неконкретизированной смысловой нагрузкой и редко применяется в качестве самостоятельного понятия.

Сложность в определении рассмотренных дефиниций обозначает такие проблемы, как непроработанность в доктринальном смысле общей системы понятийного аппарата, скудность имеющихся терминов, побуждение называть любой орган, находящийся внутри структуры другого органа или вне такой структуры – государственным органом.

Сложно не согласиться с профессором Лазаревым Б.М. в том, что «анализ компетенции имеет очень важное значение для совершенствования не только системы органов, но и структуры каждого из них, ведь структура должна создавать наилучшие условия для реализации тех управленче-

ских функций и полномочий, которые возложены на данный орган» [3]. В данном высказывании сочетаются вопросы относимые, и к самой системе (государственных) органов, и непосредственно к их внутренней структуре. В связи с чем работа над усовершенствованием понятийного аппарата, дефиниций терминов, остается весьма актуальной.

Следует отметить, что согласованность функционирования и взаимодействия государственных органов, правильное использование терминологии, должны отвечать требованиям и целям защиты прав граждан, обеспечения их равных возможностей на всей территории страны. Система государственных органов и используемая терминология должны быть понятны гражданам, должны отвечать критериям однозначности. В данной связи имеет смысл предусмотреть в федеральном законодательстве закрепление системы государственных органов, перечня государственных органов, а также дефиниций соответствующих терминов, в том числе, «государственный орган», «орган государственной власти», «иной государственный орган».

Литература

1. Конституционное право России. Учебный курс: учеб. пособие: в 2 т. / С.А. Авакьян – 5-е изд., перераб. и доп. 0 М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юстицинформ, 2015.
3. Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. М., 1972. С. 5.
4. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: К75 В 4 т. Тома 1–2. Часть общая: Учебник / Отв. ред. проф. Б.А. Страшун. – 3-е изд., обновл. и дораб. – М.: Издательство БЕК, 2000. – 784 с.
5. Конституционное право: учебник для бакалавров / отв. Ред. В.И. Фадеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – 592 с.
6. Конституционное право: Учебник /Отв. Ред. В.В. Лазарев. М., 1999. С. 326.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 г. № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 г. № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 г. № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 г. № 11-ФКЗ) // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29.05.1997 № 55-О «О прекращении производства по делу о проверке конституционности Указа Президента Российской Федерации от 2 октября 1996 года N 1412 «Об утверждении Положения об Администра-

ции Президента Российской Федерации»», Собрание законодательства Российской Федерации от 1997 г., N 22, ст. 2664.

9. Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 09.02.2009 N 8-ФЗ (в ред. от 14.07.2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2009 г., N 7, ст. 776.

CORRELATION BETWEEN THE CONCEPTS OF “STATE BODY” AND “STATE AUTHORITY BODY”

Shagalkina N.V.

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, National Association of Administrative Lawyers

The article is devoted to the study of correlation between the concepts of “state body” and “state authority body”. The analysis of legal concepts is carried out using the functional and system-structural method of scientific knowledge. The study focuses on the correlation between concepts, taking into account the rules of formal logic, and takes into account the rules for comparing generic and specific concepts. The study of scientific works, current legislation, and judicial practice showed the lack of a unified opinion regarding the definitions of “state body” and “state authority body”. Based on the results of the study, it is proposed to develop and fix the definitions of the relevant terms in federal legislation, to provide for the fixing of the system of state bodies in legal sources, as well as the list of state bodies operating in the country. The work noted that uniformity in compliance and application of compliance with concepts meets the requirements and goals for the protection of citizens' rights and is aimed at improving the efficiency of the implementation of rights.

Keywords: system, structure, system of state authority bodies, state body, government body, state authority body, other state body.

References

1. Constitutional law of Russia. Study course: textbook: in 2 volumes / S.A. Avakyan – 5th ed., revised and enlarged. 0 М.: Norma: INFRA-M, 2014.
2. Bezrukov A.V. Constitutional law of Russia: study guide. 3rd ed., revised and enlarged. М.: Yustitsinform, 2015.
3. Lazarev B.M. Competence of governing bodies. М., 1972. Page 5.
4. Constitutional (state) law of foreign countries: K75 In 4 volumes. Volumes 1–2. General part: Textbook / Ed. prof. B.A. Strashun. – 3rd ed., updated and enlarged. – М.: BEK Publishing House, 2000. – 784 p.
5. Constitutional Law: Textbook for Bachelors / Ed. V.I. Fadeev. – 2nd ed., revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2022. – 592 p.
6. Constitutional Law: Textbook / Ed. V.V. Lazarev. М., 1999. P. 326.
7. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ) // Coll. Legislation of the Russian Federation. 2014. No. 31, Art. 4398.
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of 29.05.1997 No. 55-O “On the termination of proceedings in the case on the verification of the constitutionality of the Decree of the President of the Russian Federation of October 2, 1996 No. 1412 “On approval of the Regulation on the Administration of the President of the Russian Federation””, Collected Legislation of the Russian Federation of 1997, No. 22, Art. 2664.
9. Federal Law “On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies” of 09.02.2009 No. 8-FZ (as amended on 14.07.2022) // Collected Legislation of the Russian Federation of 2009, No. 7, Art. 776.

Проблемные вопросы при возбуждении дела об административном правонарушении, принятие стадии предварительной проверки

Шахматова Наталья Анатольевна,

аспирант, Российская таможенная академия; начальник отдела контроля за соблюдением законности в области таможенного дела правовой службы Шереметьевской таможни
E-mail: smnc@yandex.ru

Статья фокусируется на актуальном вопросе: какой объем информации следует считать достаточным для инициирования административного производства. В центре внимания находится первоначальный этап делопроизводства по административным нарушениям. Особое внимание уделяется сложностям, возникающим при формировании доказательной базы в условиях отсутствия предварительного этапа, который мог бы обеспечить надлежащую проверку поступивших сведений о совершенном административном правонарушении.

Ключевые слова: дело об административном правонарушении, поводы для возбуждения дела об административном правонарушении, достаточные данные, стадии производства. доказательства, сообщение об административном правонарушении, предварительная проверка.

В рамках административного процесса существует множество различных производств, каждое из которых разворачивается в определенной временной последовательности. Эти производства реализуются через установленные законом процедуры, имеющие четкую структуру: начальный этап, развитие и финальную стадию, где все участники процесса выполняют предписанные действия в строгой логической последовательности.

Среди разнообразных видов административного процесса особое место занимает делопроизводство по административным правонарушениям. Процедура привлечения к административной ответственности требует выполнения определенной последовательности процессуальных действий, первым из которых является инициация производства – возбуждение административного дела.

В сфере таможенного регулирования возбуждение административного дела знаменует собой начало всего производства. А.Е. Лунев подчеркивает, что на данном этапе компетентные органы и их представители, действуя в рамках законодательства, документально фиксируют факт административного нарушения, что служит основанием для начала делопроизводства [1]. В свою очередь, Н.Г. Салищева указывает, что основанием для начала административного производства может служить предполагаемый факт правонарушения, даже если впоследствии выяснится, что должностное лицо действовало в условиях «добросовестного заблуждения», а привлекаемое к ответственности лицо фактически не совершало вменяемого ему нарушения [2].

По мнению Д.Н. Бахраха и Э.Н. Ренова, инициация любого юрисдикционного производства требует наличия двух фундаментальных оснований: материального и процессуального [3]. Более развернутую трактовку стадии возбуждения административного дела предлагает концепция, определяющая ее как комплекс процессуальных мероприятий, нацеленных на выявление и документирование факта правонарушения, исследование сопутствующих обстоятельств, их юридическую квалификацию и определение органа, в чью компетенцию входит рассмотрение данного дела [4].

Согласно статье 28.1 КоАП РФ, инициирование административного производства возможно только при наличии законного повода. Под таким подразумевается совокупность обстоятельств и фактов правонарушения, а также действий и решений, послуживших его причиной. Примечательна терминологическая особенность части 1 статьи 28.1 КоАП РФ: если пункт 1 требует нали-

чия «достаточных данных», свидетельствующих о событии административного правонарушения, то в пунктах 2 и 3 законодатель оперирует более общим понятием «данные», опуская критерий достаточности. Разъяснений КоАП России что следует понимать под достаточными данными, а что под данными не дает. Данная тема также не являлась предметом исследования ученых.

Возникает закономерный вопрос о процессуальных рамках установления «достаточных данных». Шевченко О.А. выступает за введение отдельной предварительной стадии, предшествующей возбуждению дела об административном правонарушении. По мнению исследователя, такая стадия должна включать несколько этапов: получение первичной информации о правонарушении, ее верификацию и анализ, определение наличия или отсутствия оснований для возбуждения дела, а также надлежащее процессуальное оформление принятого решения [5].

Однако существует и альтернативная точка зрения: некоторые исследователи полагают, что предварительная проверка не является частью процессуальной деятельности. Они аргументируют это тем, что такая проверка осуществляется сотрудниками профильных подразделений в рамках их основных должностных обязанностей и, следовательно, находится за пределами административного производства [6].

В современной юридической науке отсутствует единое понимание начальной стадии административного производства. Особый интерес представляет позиция Д.Н. Бахраха, который рассматривает возбуждение дела как первоначальный этап стадии административного расследования. Согласно его концепции, после принятия решения о возбуждении дела компетентные органы приступают к детальному изучению обстоятельств, документальному оформлению результатов и последующей передаче материалов для рассмотрения. При этом ключевое значение придается формированию достаточной доказательной базы, что может потребовать проведения дополнительных процедур, включая экспертные исследования, для обеспечения объективности принимаемых решений [7].

В контексте таможенного контроля процесс сбора информации и документации, которые впоследствии могут служить доказательной базой и основанием для возбуждения административного дела, происходит непосредственно в ходе проверочных мероприятий. Хотя этот факт может показаться аргументом против введения предварительной проверки, такой вывод был бы поспешным и необъективным. Существуют ситуации, требующие предварительной проверки, например, при рассмотрении вопроса о возбуждении административного дела после отказа в возбуждении уголовного дела, или при получении информации согласно пунктам 2 и 3 части 1 статьи 28.1 КоАП РФ. Примечательно, что еще в 1970-х годах И.А. Галаган подчеркивал важность предварительной проверки материалов о нарушениях таможенных правил [8].

Показательно, что Таможенный кодекс РФ 1993 года содержал более детальное регулирование этого вопроса. В статье 293 предусматривалась возможность проверки информации о таможенных правонарушениях, за исключением случаев непосредственного обнаружения нарушения должностным лицом. Согласно статье 294 того же кодекса, при прямом выявлении признаков правонарушения или получении материалов с достаточными данными протокол составлялся незамедлительно. В остальных случаях проверка поступившей информации проводилась в трехдневный срок, с возможностью продления до десяти дней в особых случаях. С принятием нового таможенного законодательства и действующего КоАП РФ эти нормы утратили силу.

В настоящее время порядок рассмотрения сообщений об административных правонарушениях регламентируется методическими рекомендациями ФТС России (письмо от 28.04.2007 № 01–06/16201). Согласно пункту 43 этих рекомендаций, временные рамки рассмотрения таких сообщений не должны превышать установленных сроков рассмотрения обращений.

Таким образом, срок проведения проверки составляет один месяц, но на практике по рапорту может продлеваться еще на месяц, потом еще и получается может доходить до двух лет. Чтобы такое не происходило и исключить затягивание сроков необходимо установить четкие рамки проведения проверки. Поэтому необходимо ввести стадию предварительной проверки и внести норму в КоАП России, как сделано в уголовном процессе.

В условиях отсутствия специального нормативного регулирования данного процесса автор предлагает руководствоваться положениями Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 59-ФЗ) как основным нормативным актом, регламентирующим процедуру рассмотрения подобных обращений. По факту сообщения о правонарушении поступают в таможенный орган посредством почтовой связи или иным способом, но в любом случае подлежат регистрации, как входящая корреспонденция. Следовательно, с момента поступления такой информации следует отсчитывать 30 дней, после чего должно быть принято решение о возбуждении дела об АП либо вынесено заключение об отсутствии АП. Часть 2 статьи 12 Федерального закона № 59-ФЗ предусматривает продление срока, но не более чем на 30 дней. Таким образом, проверка сообщения об АП не может длиться более двух месяцев.

Особого внимания заслуживает часть 3 статьи 26.2 КоАП России, которая устанавливает запрет на использование доказательств, полученных с нарушением закона, включая результаты проверок в рамках государственного и муниципального контроля (надзора).

Согласно пункту 39 рекомендаций ФТС России, установление факта административного правона-

рушения требует проведения мероприятий таможенного или валютного контроля. Следовательно, при проверке сообщений о правонарушениях доказательственная база формируется на основе результатов соответствующих контрольных мероприятий.

Отсутствие в законодательстве четко регламентированной стадии предварительной проверки создает серьезные проблемы в области доказывания. В настоящее время процедура проверки и рассмотрения сообщений об административных правонарушениях должностными лицами таможенных органов не имеет нормативного закрепления. Законодательство не содержит специальной нормы, определяющей содержание и порядок проведения такой проверки [9]. А.В. Равнюшкин подчеркивает, что отсутствие в действующем КоАП России правовых норм, регламентирующих процессуальную деятельность по проверке и рассмотрению материалов, заявлений и сообщений о правонарушениях, является существенным правовым пробелом, создающим значительные трудности для правоприменителей [10]. Тем самым, доказательства, полученные в ходе рассмотрения сообщения об АП должны признаваться недопустимыми, так как закон не предусматривает такую процессуальную деятельность.

Основным предложением по данному разделу представляется необходимым внести изменения в главу 28 КоАП России и дополнить статьей 28.1.2, предусматривающей проведение предварительной проверки по поводам части 1 статьи 28.1 КоАП России.

Литература

1. Лунев А.Е. Административная ответственность за правонарушения. М., 1961. С. 177.
2. Салищева Н.Г. Административный процесс в СССР. М.: Юридическая литература, 1964. С. 68–150.
3. Бахрах Д.Н., Ренов Э.Н. Административная ответственность по российскому законодательству. М.: Норма, 2004. С. 200.
4. Административно-процессуальное право: Курс лекций / Под ред. И.Ш. Киясханова. С. 326.
5. Шевченко О.А. Возбуждение и административное расследование дел об административных правонарушениях в области дорожного движения: автореф. дис. канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 15.
6. Круглов В.А. Производство по делам об административных правонарушениях. Минск: Амалфея, 2002.
7. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник. – Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2020. [Электронный ресурс]. – URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=365150>
8. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР: Процессуальное регулирование. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1976. С. 94.
9. Ильина, О.В. Исторические аспекты, проблемы и перспективы развития федерализма в современной России / О.В. Ильина // Наука. Общество. Государство. – 2022. – Т. 10. – № 1(37). – С. 3–12.
10. Равнюшкин А.В. Нормативно-правовое совершенствование содержания стадии возбуждения дела об административном правонарушении // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского Юридические науки. – 2020. – Т. 6 (72). – № 4. – С. 297–307.

PROBLEMATIC ISSUES IN THE INITIATION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE CASE, ACCEPTANCE OF THE PRELIMINARY INSPECTION STAGE

Shakhmatova N.A.

Russian Customs Academy, Sheremetyevo Customs

This article focuses on an urgent question: how much information should be considered sufficient to initiate administrative proceedings. The focus is on the initial stage of administrative violations. Special attention is paid to the difficulties that arise in the formation of the evidence base in the absence of a preliminary stage that could ensure proper verification of the information received about the committed administrative offense.

Keywords: administrative offense case, reasons for initiating an administrative offense case, sufficient data, stages of production, evidence, a report of an administrative offense, and a preliminary check.

References

1. Lunev A.E. Administrative liability for offenses. Moscow, 1961. Page 177.
2. Salishcheva N.G. Administrative process in the USSR. Moscow: Legal Literature, 1964. Pages 68–150.
3. Bakhrakh D.N., Renov E.N. Administrative liability under Russian legislation. Moscow: Norma, 2004. Page 200.
4. Administrative-procedural law: Lecture course / Ed. by I.Sh. P. 326.
5. Shevchenko O.A. Initiation and administrative investigation of cases of administrative offenses in the field of road traffic: author's abstract. diss. candidate of legal sciences. – M., 2015. – P. 15.
6. Kruglov V.A. Proceedings on administrative offenses. Minsk: Amalfeya, 2002.
7. Bakhrakh D.N. Administrative law of Russia: textbook. – Moscow: NORMA-INFRA-M, 2020. [Electronic resource]. – URL: <https://znanium.ru/catalog/document?id=365150>
8. Galagan I.A. Administrative liability in the USSR: Procedural regulation. Voronezh: Publishing house of Voronezh University, 1976. P. 94.
9. Ilyina, O.V. Historical aspects, problems and prospects for the development of federalism in modern Russia / O.V. Ilyina // Science. Society. State. – 2022. – Vol. 10. – No. 1 (37). – P. 3–12.
10. Ravnuyushkin A.V. Normative and legal improvement of the content of the stage of initiation of a case on an administrative offense // Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky Legal sciences. – 2020. – V. 6 (72). – No. 4. – P. 297–307.

Очередность удовлетворения требований уполномоченного органа по восстановленному налогу на добавленную стоимость. Комментарий к Определениям Верховного Суда РФ от 3 июня 2024 года № 305-ЭС23-19921 (Дело «Парк Подвязново»)

Алекперов Думан Салман оглы,
аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: dumanalekperov@gmail.com

Предметом исследования настоящей статьи являются позиции высших судебных инстанций, в частности, Определение Верховного Суда РФ по делу «Парк Подвязново» [1], в котором рассматривался вопрос очередности удовлетворения требований уполномоченного органа по уплате восстановленного налога на добавленную стоимость. Настоящее исследование состоит из нескольких частей. В начале автор рассуждает о правовой проблеме, возникшей в судебной практике, ее актуальности. Затем рассматриваются фабула комментируемого дела и позиция Верховного Суда РФ. Комментируя позиции судов, автор приходит к нескольким выводам. Во-первых, ставится под сомнение само восстановление налога на добавленную стоимость при реализации имущества при банкротстве. Во-вторых, обосновывается позиция о том, что очередность удовлетворения налогового требования зависит того, когда оканчивается налоговый (отчетный) период. В-третьих, автор критикует позицию суда о включении требования уполномоченного органа в третью очередь и предлагает перенести обязанность по уплате налога в случае реализации имущества на нового собственника имущества по результатам банкротных торгов.

Ключевые слова: налог на добавленную стоимость (НДС), восстановленный налог, налоговый вычет, очередность удовлетворения, требования кредиторов, уполномоченный орган.

Введение. Постановка проблемы

Как считал И.А. Покровский, граница между публичным и частным правом на протяжении истории далеко не всегда проходила в одном и том же месте, области одного и другого многократно менялись. Надо иметь в виду и то обстоятельство, что даже в каждый данный момент эти границы не представляют резкой демаркационной линии. Как по сию, так и по ту сторону границы, как в области публичного, так и в области частного права всегда есть большие или меньшие отступления в сторону противоположного принципа [2].

Вышеприведенная цитата находит яркое подтверждение в процедуре банкротства в отношении требований уполномоченного (налогового) органа. Являясь представителем интересов государства в процедуре банкротства, уполномоченный орган обращается с заявлением о включении требования (об уплате обязательных платежей: налогов и сборов) в реестр требований кредиторов должника. Поскольку банкротство представляет собой процедуру, при которой у должника недостаточно имущества для полного удовлетворения требований всех кредиторов, то возникает ситуация, при которой, с одной стороны, имеются интересы государства (т.е. публичные интересы) в виде пополнения бюджета, с другой стороны, интересы кредиторов (участников гражданского оборота) должника, желающие получить наибольшее удовлетворение своих требований [7. С. 1–3]. Статус уполномоченного органа при банкротстве, а также своеобразность исчисления разных видов обязательных платежей рождает для арбитражных судов проблемы при определении очередности удовлетворения налоговых платежей при банкротстве в системе иных требований кредиторов должника [6. С. 19–53].

Отсутствие четкого регулирования в налоговом и банкротных законодательствах привело к возникновению в судебной практике аналогичной вышеописанной проблемы при определении очередности уплаты восстановленного НДС в реестре требований кредиторов должника-налогоплательщика. До разрешения данного вопроса Верховным Судом нижестоящие инстанции не имели однозначного подхода, что подтверждается как судебными актами в рассматриваемого дела, так и иных дел, дошедших до ВС РФ [3,4].

Далее представляется целесообразным рассмотреть фабулу дела и комментарию позиций.

Фабула комментируемого дела и позиция ВС РФ

В период осуществления предпринимательской деятельности должником (ООО «Парк Подвязново») был создан объект недвижимости, что стало основанием для возникновения налога на добавленную стоимость (далее – НДС). НДС от расходов на создание данного объекта был предъявлен к вычету.

Тем не менее после создания объекта и предъявления к вычету суммы НДС в отношении должника была введена процедура банкротства, и в скором времени процедура конкурсного производства. Это привело к тому, что объект недвижимости, а также право аренды земельного участка были реализованы на торгах, что стало основанием для подачи декларации, восстанавливающей НДС (пп. 15 п. 2 ст. 146 и пп. 2 п. 3 ст. 170 НК РФ).

По мнению конкурсного управляющего, очередность удовлетворения требований уполномоченного органа в части восстановленного НДС зависит от периодов, в которых возник соответствующий налог. В целях разрешения разногласий конкурсный управляющий обратился в суд.

Суд первой инстанции не согласился с позицией конкурсного управляющего и исходил из того, что требование уполномоченного органа является текущим, поскольку восстановление суммы НДС осуществлено после возбуждения дела о банкротстве. В апелляционной инстанции определение суда первой инстанции было отменено со ссылкой на то, что для определения очередности удовлетворения налоговых требований является дата принятия НДС к вычету и дата возбуждения процедуры банкротства. Однако суд кассационной инстанции согласился с позицией суда первой инстанции и отменил акт суда апелляционной инстанции.

Верховный суд РФ, отменяя акты судов нижестоящих инстанций, отметил следующее. Во-первых, если объект основных средств приобретен лицом до возбуждения в отношении него дела о банкротстве и сумма НДС была принята лицом к вычету при исчислении его собственного НДС в соответствующем периоде до возбуждения дела, то при реализации этого объекта на банкротных торгах возникает обязанность по восстановлению ранее принятой к вычету суммы налога и ее уплате в бюджет.

Во-вторых, если налоговый период, в рамках которого предоставлен вычет (финансирование), окончился до возбуждения дела о банкротстве, то требование уполномоченного органа должно квалифицироваться в качестве реестрового. При этом законодательство о банкротстве не дифференцирует кредиторов в зависимости от выражения воли на вступление в отношения с должником и не устанавливает приоритет для недобровольных кредиторов.

В-третьих, реализация имущества имеет связь с ранее осуществленной деятельностью должника, которая привела к негативным финансовым результатам, служит продолжением и итогом такой деятельности. Таким образом, ре-

ализация имущества осуществляется для кредиторов и в интересах кредиторов, а сумма восстановленного вычета, как и налог на прибыль, может существенно влиять на реальный доступ кредиторов к участию в распределении вырученных средств. Иными словами, включение требований уполномоченного органа в текущую очередность существенно уменьшит размер удовлетворяемых требований кредиторов третьей очереди, что противоречит принципам очередности и пропорциональности.

Комментарии

Восстановление ранее принятого к вычету НДС

Несмотря на то, что ВС РФ сделал вывод о необходимости восстановления налога на добавленную стоимость после реализации имущества, представителями юридической доктрины не был поставлен вопрос обоснованности восстановления налога при реализации имущества на банкротных торгах, то есть после наступления конкурсного производства.

Норма пп. 2 п. 3 и пп. 4 ст. 170 НК РФ относится к регулированию правоотношений налогоплательщика в условиях отсутствия банкротства, то есть реализации имущества должником-налогоплательщиком при его нормальном функционировании. Это вытекает из того, что должник-налогоплательщик руководствуется своей волей и в своем интересе, в то время как при конкурсном производстве вопрос необходимости реализации находится в распоряжении кредиторов должника. По всей видимости, законодатель при принятии данной нормы не предполагал ее распространение на процедуру банкротства. Несмотря на это, ВС РФ распространил действие данной нормы и в процедуру банкротства, что, по мнению автора, является весь сомнительным.

Согласно буквальному толкованию нормы пп. 15 п. 2 ст. 146 НК РФ, реализация объектов в процедуре банкротстве не должна создавать для должника-налогоплательщика НДС. Возникает вопрос: «Включает ли диспозиция данной нормы ситуации восстановления НДС, принятого к вычету?».

Представляется, что данная норма не подразумевает восстановление НДС, поскольку в ином случае возникает весьма противоречивая ситуация. Налогоплательщик в условиях его нормального функционирования получает выгоду в виде налогового вычета, но при этом в процедуре банкротства данная выгода исчезает и, по сути, отвечает не сам должник, а его кредиторы, которые, вступая с должником в правоотношения, не могли учесть наличие обязательств по уплате обязательных платежей. Скорее всего, зная о наличии налогового вычета они не вступали в правоотношения с должником либо это обстоятельство повлияло бы существенным образом на договорные условия.

Таким образом, вопрос о допустимости восстановления НДС по результатам реализации иму-

щества в рамках конкурсного производства носит весьма спорный характер и, по всей видимости, требует детальной проработки от законодателя.

Налоговый период как основной определитель очередности удовлетворения налоговых платежей

Позицию ВС РФ в данном случае следует приветствовать. В соответствии с позицией КС РФ, выраженной в Постановлении № 28-П от 2023 года [5], применение формального подхода было ограничено. По этой причине, позиция в части отказа от включения требования в текущую очередность, основанная на том, что реализация имущества и, соответственно, восстановление сумм принятых к вычету НДС формально возникли после введения в отношении должника процедуры банкротства является верной. Безусловно, при определении очередности уплаты платежей нужно обратить внимание, когда было предоставлено то или иное финансирование. Право на налоговый вычет – это финансирование субъектов предпринимательской деятельности со стороны государства. В настоящем деле такое предоставление и отчетный период произошли до принятия заявления о банкротстве, что является основанием для отказа во включении требования в текущую очередность.

Насколько включение в третью очередь требований уполномоченного органа соответствует принципам пропорциональности и соразмерности удовлетворения требований?

ВС РФ, включая требования уполномоченного органа в третью очередность, обосновал свою позицию не только тем, что налоговый период возник до возбуждения дела банкротства, но и тем, что удовлетворение данных требований в текущей очередности может существенно влиять на реальный доступ кредиторов к участию в распределении вырученных средств. Однако руководствуясь той же логикой, можно утверждать, что и включение в третью очередь приводит к уменьшению размера удовлетворяемых требований кредиторов. Поэтому данный аргумент тоже является сомнительным и не выдерживающим серьезной критики.

Также стоит обратить внимание, что имущество, в отношении которого был восстановлен НДС, находилось в залоге у банка. Включение задолженности по восстановленному налогу находится в противоречии с ранее изложенной ВС РФ позицией о возникновении дисбаланса в объеме прав кредиторов [8]: «поскольку имущественная выгода от продажи предмета залога будет предоставляться одному члену названного сообщества – залоговому кредитору, тогда как расходы, непосредственно связанные с этим же имуществом, будут погашаться за счет иных активов должника в ущерб интересам незалоговых кредиторов, что не может быть признано справедливым».

Таким образом, включение в третью очередь требований уполномоченного органа в данном случае может привести к возникновению дисбаланса в объеме прав.

Возникает справедливый вопрос: «в какой же очередности следует удовлетворить требования уполномоченного органа по восстановленному НДС?». По мнению автора, наиболее правильным было бы переход права на вычет и обязанности восстановить НДС в случае потенциальной реализации на нового собственника, то есть победителя банкротных торгов. Возможно, что это повлияет на начальную цену реализуемого имущества, но тем не менее это наиболее оптимальный вариант, приводящий, с одной стороны, к соблюдению прав кредиторов, с другой стороны, к увеличению вероятности и размера удовлетворяемых требований уполномоченного органа за счет нового налогоплательщика. В ином случае, при наличии залогового кредитора и иных кредиторов третьей очереди размер удовлетворяемых требований уполномоченного органа является крайне низким.

Литература

1. Определение ВС РФ от 03.06.2024 № 305-ЭС23–19921 по делу № А41–63047/2017. // Доступ из СПС Консультант-плюс.
2. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. – Петроград, 1917. // Доступ из СПС Консультант-плюс.
3. Определение ВС РФ от 13.06.2024 № 305-ЭС20–4777 (4) по делу № А40–323/19. // Доступ из СПС Консультант-плюс.
4. Определение ВС РФ от 13.08.2024 № 305-ЭС24–4009 по делу № А40–331754/2019. // Доступ из СПС Консультант-плюс.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П «По делу о проверке конституционности ст.ст. 248 и 249, п. 1 ст. 251 и статьи 271 НК РФ, а также п. 1 и 3 ст. 5 и п. 2 ст. 134 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом ВС РФ и жалобой ООО «Предприятие строительных работ энергетики» // Доступ из СПС Консультант-плюс.
6. Извеков С.С. Особенности правового режима налогообложения при несостоятельности (банкротстве) организации: дисс ... канд/ Юр. наук: 12.00.04 / Извеков Станислав Сергеевич; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»], 2018.
7. Roth, Jan. Insolvenzsteuerrecht: Insolvenzzrechtliche Implikationen im Steuerrecht, Köln: Verlag Dr. Otto Schmidt, 2021. <https://doi.org/10.9785/9783504385750>.
8. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.04.2021 № 305-ЭС20–20287. // Доступ из СПС Консультант-плюс.

THE ORDER OF SATISFACTION OF THE RESTORED VALUE ADDED TAX CLAIMS. COMMENTARY ON THE DECISION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED JUNE 3, 2024 № 305-ЭС23–19921 (CASE «PARK PODVYAZNOVO»)

Alekperov D.S.
Saint-Petersburg State University

The subject of this article is the positions of the highest judicial authorities, in particular, the Decision of the Supreme Court of the Russian Federation in the case of «Podvyaznovo Park» [1], which considered the issue of the order of satisfying the claims for payment of the restored value-added tax. This study consists of several parts. At the beginning, the author discusses the legal problem that arose in judicial practice, its relevance. Then, the plot of the commented case and the position of the Supreme Court of the Russian Federation are considered. Commenting on the positions of the courts, the author comes to several conclusions. Firstly, the very restoration of value-added tax upon the sale of property in bankruptcy is questioned. Secondly, the position is substantiated that the order of satisfying the tax claim depends on when the tax (reporting) period ends. Thirdly, the author criticizes the position of the court on the inclusion of the tax claims in the third priority and proposes to transfer the obligation to pay the tax in the event of the sale of property to the new owner of the property based on the results of bankruptcy auctions.

Keywords: value added tax (VAT), restored tax, tax deduction, the order of satisfaction, creditor's claims, authorized body.

References

1. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03.06.2024 № 305-ES23–19921 in case № A41–63047/2017. // Access from SPS Consultant-plus.
2. Pokrovsky I.A. Main problems of civil law. – Petrograd, 1917. // Access from SPS Consultant-plus.
3. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.06.2024 № 305-ES20–4777 (4) in case № A40–323/19. // Access from SPS Consultant-plus.
4. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 13.08.2024 № 305-ES24–4009 in case № A40–331754/2019. // Access from SPS Consultant-plus.
5. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 31.05.2023 № 28-P «On the case of verifying the constitutionality of Articles. 248 and 249, paragraph 1 of Article 251 and Article 271 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 1 and 3 of Article 5 and paragraph 2 of Article 134 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaint of LLC «Energy Construction Works Enterprise» // Access from SPS Consultant-plus.
6. Izvekov S.S. Features of the legal regime of taxation in case of insolvency (bankruptcy) of an organization: diss ... Cand. Sciences / Law: 12.00.04 / Izvekov Stanislav Sergeevich; [Place of protection: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Moscow State Law University by O.E. Kutafin (MSAL)»]. 2018.
7. Roth, Jan. Insolvenzsteuerrecht: Insolvenzzrechtliche Implikationen im Steuerrecht, Köln: Verlag Dr. Otto Schmidt, 2021. <https://doi.org/10.9785/9783504385750>.
8. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated 08.04.2021 № 305-ES20–20287. // Access from SPS Consultant-plus.

Теоретико-правовые аспекты взаимосвязи правовых категорий корпоративного и конкурсного контроля

Болтовский Валентин Михайлович,

аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права, Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: noxin2009@yandex.ru

В статье исследуется взаимосвязь корпоративного и конкурсного контроля как правовых категорий. Автор анализирует их общую правовую природу, основанную на концепции экономического контроля, и выявляет ключевые сходства и различия в механизмах реализации. Особое внимание уделяется сравнительному анализу правового положения субъектов контроля, специфике их прав и обязанностей, а также организационной структуре управления в обеих сферах. В работе обосновывается тезис о том, что конкурсный контроль является производной формой корпоративного контроля, адаптированной к условиям несостоятельности должника. Исследование демонстрирует параллели в правовом регулировании и охранительных механизмах обоих видов контроля.

Ключевые слова: конкурсный контроль, корпоративный контроль, саморегулирование, конкурсные отношения, соотношение корпоративного и конкурсного контроля, происхождение конкурсного контроля.

В Российской Федерации значительная доля процедур банкротства приходится на корпоративные юридические лица, что обусловлено структурой юридических лиц в стране. Согласно статистическим данным ФНС России¹ по состоянию на 1 января 2025 года, из общего числа действующих юридических лиц, насчитывающего 3232 474 юридических лиц, корпоративные юридические лица представлены в количестве 2790 144 субъектов, что достигает более 86% от общего числа юридических лиц. Данное соотношение наглядно демонстрирует преобладание корпоративного сектора в структуре юридических лиц, что, в свою очередь, отражается на статистике банкротств, где корпоративные должники составляют большинство среди всех категорий банкротов-юридических лиц.

При этом эффективность процедур банкротства напрямую зависит от качества осуществляемого конкурсного контроля за ходом процедур банкротства, что особенно актуально в условиях преобладания корпоративных банкротств. Правовой институт несостоятельности построен на диалектическом сочетании корпоративного и конкурсного контроля, объясняется это тем, что при введении процедуры банкротства участники корпорации полностью не утрачивают корпоративный контроль и способны оказывать то или иное влияние на должника, но вместе с тем, у корпоративного должника появляются внешние регулирующие субъекты – субъекты конкурсного контроля, под действием которых корпоративный контроль существенно ослабевает. Законодательство о банкротстве предусматривает поэтапную передачу контроля над корпорацией в пользу субъектов конкурсного контроля, делая это последовательно, от процедуры к процедуре, соразмерно ограничивая полномочия неэффективных органов управления корпорации, субъектов корпоративного контроля.

Для юридической доктрины будет весьма полезным и перспективным исследовать связь корпоративного и конкурсного контроля, обнаружить основу формирования правовой категории конкурсного контроля.

Следует начать с того, что корпоративный контроль, будучи первичной формой управленческого воздействия, предоставляет базовую методологическую и институциональную платформу для формирования конкурсного контроля. По нашему мнению, правовая природа и концептуальные основы

¹ Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.01.2025 URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/14414858/ (дата обращения: 07.01.2025).

конкурсного контроля демонстрируют глубинную взаимосвязь с институтом корпоративного контроля, являясь его специфической трансформацией в условиях несостоятельности хозяйствующего субъекта.

При этом конкурсный контроль можно рассматривать как производную форму от корпоративного контроля, адаптированную к условиям несостоятельности должника. В процессе этой трансформации происходит модификация субъектного состава контролирующих лиц, где место традиционных участников корпоративных отношений (акционеров, участников, товарищей) занимают кредиторы и арбитражный управляющий.

Единой правовой природой и общим началом конкурсного и корпоративного контроля является их относимость к родовому понятию – экономическому контролю. Данный тезис обосновывается наличием имущественной составляющей в их содержании, а также общностью ключевых характеристик, включающих элементы господства, властных полномочий, возможности оказания влияния и участия в формировании волеизъявления при принятии решений. Как отмечает Е.Г. Антонова, в целом экономический контроль проявляется в целенаправленных действиях по повышению эффективности управления юридическим лицом и его структурными подразделениями. Автор приходит к выводу, что экономический контроль включает в себя различные виды контроля, в том числе корпоративный, управленческий, финансовый, административный и другие виды, так или иначе связанные с имущественным интересом¹.

Особое значение и тесную взаимосвязь корпоративного и конкурсного контроля также отмечает С.С. Галкин, который впервые обратился к исследованию понятия конкурсного контроля как доктринальной категории, не имеющей законодательного закрепления².

Действительно, тесная взаимосвязь двух правовых категорий проявляется в том, что в каждом варианте контроля происходит управление собственностью хозяйствующего субъекта, определяются способы, направление и возможность хозяйственной деятельности. Примечательно, что в обоих случаях возможна концентрация властных полномочий, которая может осуществляться как единолично, так и коллегиально через формирование обособленных групп влияния, обладающих потенциалом определяющего воздействия на процесс принятия решений как на уровне корпорации в целом, так и ее отдельных органов управления³.

По мнению С.Д. Могилевского и М.А. Егоровой, оценке содержания корпоративных отношений с их неотъемлемым элементом корпоративного контро-

ля должны придаваться не отношениям собственности, а управленческим отношениям, основу которых составляет феномен частноправовой власти⁴. Проводя параллель с указанным тезисом, необходимо подчеркнуть, что феномен частноправовой власти является фундаментальной основой как корпоративных, так и конкурсных правоотношений. В обоих случаях субъекты правоотношений (кредиторы и участники корпорации) не обладают вещными правами на имущество подконтрольного субъекта, они имеют лишь организационно-управленческие права в отношении подвластного хозяйствующего субъекта.

Отсутствие вещных прав на имущество подвластного субъекта следует выделить как один из ключевых признаков корпоративного и конкурсного контроля. В корпоративных отношениях способность определять решения корпорации⁵ и влиять на принятие стратегических решений не ставится в зависимость от наличия вещных прав⁶. Этот признак наиболее сближает рассматриваемые виды контроля как частноправовые явления с множественностью участников, не характерных для остальных разновидностей имущественных правоотношений.

В свою очередь, можно сделать вывод, что правовое положение субъекта конкурсного контроля аналогично положению участника корпорации, поскольку уровень конкурсного влияния кредиторов должника может быть объективно измерен, как и уровень корпоративного влияния участника корпорации, через процентное выражение права участия в собрании участников корпорации и соответственно кредитора на собрании кредиторов должника.

В отсутствие вещных прав на имущество должника, кредитор, как и участник корпорации, обладает долей участия в общем «капитале» пропорционально доле участия иных кредиторов третьей очереди, кредиторы первой и второй очереди по аналогии с корпоративным законодательством являются привилегированными кредиторами (акционерами конкурсной массы) и не имеют право голоса на общем собрании, за некоторыми исключениями (статья 32 ФЗ «Об акционерных обществах»⁷). То есть голосующие кредиторы третьей очереди на основе своих требований формируют консолидированное требование, и в зависимости от количества требований к должнику имеют пропорциональный конкурсный контроль и соответствующее количество голосов на собрании кредиторов, формирующее волю должника.

⁴ Могилевский С.Д., Егорова М.А. Корпоративная защита как отражение сущности корпоративных прав // Гражданское право. 2015. № 1. С. 3.

⁵ Корпоративное право: Учебник / А.В. Габов, Е.П. Губин, С.А. Карелина и др.; Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и управление. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 648.

⁷ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

¹ См.: Антонова Е.Г. Экономический контроль: понятие и юридическое значение // Конкурентное право. 2020. № 3. С. 7–11.

² Галкин С.С. Правовое положение должника – юридическое лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 179–225.

³ См. об этом: Deborah A. DeMott. The Mechanism of Control, 13 Conn. J. Int'l L. 233, 234 (1999); Bayne, supra note 3, at 447.

Е.Д. Суворов сравнивает конкурсных кредиторов с корпоративными «собственниками» в отношении конкурсной массы, которая способна погашать требования таких кредиторов, что позволяет считать кредиторов ее бенефициарами, а также предоставлять отсюда полномочия по управлению¹.

Между упоминаемыми «бенефициарами» корпоративного должника также имеются существенные различия в характере обязанностей субъектов контроля.

Согласно корпоративному законодательству, участники корпорации обязаны действовать добросовестно и осмотрительно в интересах корпорации, что также закреплено в п. 4 ст. 65.2 ГК РФ². Данная обязанность включает активное участие в принятии решений через общее собрание участников.

Такой подход обусловлен необходимостью обеспечения развития корпорации и предотвращения блокирования её деятельности. Напротив, законодательство о банкротстве не возлагает на кредиторов обязанности участвовать в собрании кредиторов или действовать в интересах конкурсной массы и должника. Это объясняется наличием независимого арбитражного управляющего, обеспечивающего баланс интересов всех участников процесса.

Активная обязанность участников корпорации принимать участие в общем собрании также продиктована развитием деятельности корпорации через решения участников, устранения возможности блокирования совместной деятельности. С другой стороны, отсутствие обязанности кредиторов участвовать в принятии решений также объясняется отсутствием совместной деятельности должника в процедурах несостоятельности (банкротстве), возможностью преодоления решений собрания кредиторов, либо их бездействия в принятии решений, самостоятельно арбитражным судом, также надзирающим за ходом дела о банкротстве. Несмотря на некоторую общность целей (защита интересов участников правоотношений), конкурсный и корпоративный контроль существенно различаются по механизмам реализации и распределению обязанностей между субъектами.

С другой стороны, анализ правового регулирования гражданско-правовых сообществ кредиторов и участников корпорации указывает на параллели в механизмах реализации их прав. В частности, примечательна аналогия в отношении инициирования внеочередных собраний: участники обеих форм объединений, обладающие не менее десятой частью голосов, наделены самостоятельным правом созыва собрания при уклонении уполномоченных лиц от его проведения (п. 4 ст. 35 Закона об ООО³).

¹ См.: Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов как инструмент выявления злоупотреблений в банкротстве: равное равным, различное различным // Закон. 2020. № 9. С. 39–52.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

³ Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законо-

Если брать во внимание несостоятельность с множеством голосующих кредиторов, входящих в состав членов собрания кредиторов, то значительное количество членов лишает собрание определенной мобильности. Поэтому в законодательстве о банкротстве предусмотрена норма, обязывающая к созданию комитета кредиторов в случае, если количество конкурсных кредиторов составляет более пятидесяти членов (п. 2 ст. 17 Закона о банкротстве⁴).

В указанном подходе о соотношении количества конкурсных кредиторов и необходимости создания комитета кредиторов видится заимствование из корпоративного законодательства. Законом об акционерных обществах в п. 1 ст. 64 предусмотрено, что в обществе с числом акционеров – владельцев голосующих акций менее пятидесяти устав общества может предусматривать, что функции совета директоров общества (наблюдательного совета) осуществляет общее собрание акционеров. Согласно п. 1 ст. 88 ГК РФ и п. 3 ст. 7 Закона об ООО общее число участников общества не должно быть более пятидесяти, если число участников общества превысит установленный настоящим пунктом предел, общество в течение года должно преобразоваться в открытое акционерное общество или в производственный кооператив, в рамках организационно-правовых форм которых уже создаются собственные наблюдательные советы.

Из указанного нормативного регулирования прослеживается, что в отечественном законодательстве сложен единый количественный порог в размере пятидесяти самостоятельных субъектов в рамках гражданско-правового объединения, при увеличении численности которого законодатель предусматривает требование о создании контролирующего органа. Установление единого количественного порога обусловлено объективными управленческими закономерностями: при превышении определенной численности участников происходит диффузия контроля и возрастает потенциал конфликтности.

Если же число акционеров или участников общества с ограниченной ответственностью менее пятидесяти, совет директоров (наблюдательный совет) может быть создан по инициативе самих участников (акционеров), аналогичное правило предусмотрено и для конкурсных кредиторов. В то же время, как выработано судебной арбитражной практикой, предоставленное законом право на образование комитета кредиторов при количестве кредиторов менее пятидесяти, должно отвечать принципам добросовестности и не должно нарушать прав кредиторов, также имеющих законный интерес в управлении и контроле над процедурой банкротства⁵.

дательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

⁴ Федеральный закон от 08.01.1998 № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 2. Ст. 222.

⁵ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 02.10.2023 № 09АП-60329/2023 по делу № А40-134808/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Концептуальное обоснование подобной структуры управления предложено в доктрине корпоративного права. Как отмечают В.Ю. Абрамов и Ю.В. Абрамова, «предусмотренная законодателем возможность образовывать иерархическую систему управления (имеется в виду высший орган, наблюдательный совет и исполнительные органы) обеспечивает эффективную многоступенчатую систему управления в хозяйственных обществах. Достигается это за счет системного и логического перераспределения и разделения функций и компетенций между всеми органами хозяйственного общества»¹. Данный теоретический подход представляется релевантным и для организации управления в процедурах несостоятельности.

По своей функциональности, согласно действующему законодательству, комитет кредиторов – одновременно и орган управления, и орган контроля, а его функции правомерно определить как контрольно-управленческие, что также относится и к собранию директоров в корпоративных организациях².

Анализ охранительных мер, направленных на противодействие недобросовестному поведению участников правоотношений в обеих рассматриваемых сферах, также отражает сходство корпоративного и конкурсного регулирования.

Нахождение в реестре требований кредиторов должника лиц, совершающих недобросовестные действия в ущерб интересам должника или кредиторов, использующих правовой институт несостоятельности (банкротства) как способ передела имущества, уклонения от обязательств, ограничения конкуренции и другие недобросовестные действия, может быть поставлено под сомнение субъектами конкурсного контроля. Для исключения негативного влияния находящихся в реестре недобросовестных кредиторов законодателем предусмотрен механизм исключения требований таких кредиторов из реестра требований (п. 6 ст. 16 и п. 8 ст. 71 Закона о банкротстве).

Аналогичная мера ответственности предусмотрена корпоративным законодательством, если участник корпорации грубо нарушает свои обязанности либо своими действиями (бездействием) делает невозможной деятельность корпорации или существенно ее затрудняет, в том числе при принятии или непринятии значимых решений через общее собрание участников корпорации (например, ст. 10 Закона об ООО). Примечательно, что в обоих случаях применение данной санкции возможно исключительно в судебном порядке, что подчеркивает исключительный характер такой меры ответственности.

Важно отметить, что конкурсный контроль заимствует от корпоративного контроля также меха-

¹ Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. С. 32.

² Ломакин Д.В. Гражданско-правовые аспекты деятельности совета директоров акционерного общества // Хозяйство и право. 2010. № 1. С. 23.

низмы обеспечения прозрачности и подотчетности управленческих решений, в том числе принцип внутрикорпоративной демократии, позволяющий выстраивать управление на равных возможностях всех членов (участников корпорации)³. Это проявляется в сохранении системы сдержек и противовесов, хотя и в модифицированном виде, учитывающем специфику процедуры банкротства. Арбитражный управляющий, выступая в роли, аналогичной единоличному исполнительному органу корпорации, несет ответственность перед кредиторами, которые, подобно участникам корпорации, как указано ранее, являются «бенефициарами» корпоративного должника. Организационная структура управления в процедуре банкротства демонстрирует четкое разграничение полномочий между ключевыми органами: арбитражным управляющим, собранием кредиторов и комитетом кредиторов (по аналогии с корпорацией: единоличный исполнительный орган, общее собрание участников/акционеров, совет директоров). Система контроля включает механизмы независимой проверки: при несогласии с результатами оценки и аудита, проведенных арбитражным управляющим, кредиторы имеют право инициировать независимый внешний аудит. Защита прав миноритарных кредиторов обеспечивается через институт кумулятивного голосования при формировании комитета кредиторов, что аналогично процедуре избрания совета директоров в акционерном обществе. Информационная прозрачность процедуры банкротства обеспечивается обязательным раскрытием информации в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве (ЕФРСБ), что сопоставимо с требованиями к публичным акционерным обществам. Правовая защита кредиторов реализуется через механизм возмещения убытков, причиненных действиями арбитражного управляющего, аналогично защите участников корпорации от неправомерных действий исполнительного органа (косвенные иски). Процедурная регламентация проявляется в строгих императивных правилах организации и проведения собраний кредиторов, что соответствует корпоративным стандартам проведения собраний участников. Экономическая мотивация арбитражного управляющего обеспечивается системой вознаграждения, аналогичной корпоративным механизмам стимулирования. Завершающим элементом системы является возможность судебного исключения недобросовестных кредиторов при причинении существенного вреда должнику, что соответствует механизму исключения недобросовестных участников корпорации.

Следует заключить, что существенным аспектом данной преимущества является сохранение основных целевых установок контроля – обеспечение эффективного управления имуществом комплексом и защита законных интересов всех участников правоотношений. При этом происходит закономерная трансформация приоритетов управ-

³ Корпоративное право: учебник / отв. ред. А.Н. Беседин. – М.: Проспект, 2024. С. 166.

ления: если в рамках корпоративного контроля основной целью является максимизация прибыли и стоимости компании, то при конкурсном контроле на первый план выходит обеспечение сохранности активов и максимально эффективное удовлетворение требований кредиторов.

Таким образом, конкурсный контроль, являясь производной правовой категорией от корпоративного контроля, сохраняет его базовые характеристики и принципы, адаптируя их к специфическим условиям несостоятельности должника. Это позволяет говорить о глубокой генетической связи данных правовых институтов, что имеет существенное значение для понимания природы и механизмов функционирования конкурсного контроля в современной правовой системе банкротства.

Литература

1. Абрамов В.Ю., Абрамов Ю.В. Корпоративное право: права и обязанности участников хозяйственных обществ: практическое пособие с судебным комментарием. М.: Юстицинформ, 2021. С. 32.
2. Антонова Е.Г. Экономический контроль: понятие и юридическое значение // Конкурентное право. 2020. № 3. С. 7–11.
3. Галкин С.С. Правовое положение должника – юридического лица в российском законодательстве о банкротстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 179–225.
4. Корпоративное право: учебник / отв. ред. И.С. Шиткина. – М.: Статут, 2019 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Корпоративное право: учебник / отв. ред. А.Н. Беседин. – М.: Проспект, 2024. С. 166.
6. Ломакин Д.В. Гражданско-правовые аспекты деятельности совета директоров акционерного общества // Хозяйство и право. 2010. № 1. С. 23.
7. Могилевский С.Д., Егорова М.А. Корпоративная защита как отражение сущности корпоративных прав // Гражданское право. 2015. № 1. С. 3.
8. Суворов Е.Д. Принцип равенства кредиторов как инструмент выявления злоупотреблений в банкротстве: равное равным, различное различным // Закон. 2020. № 9. С. 39–52.
9. Шиткина И.С. Холдинги: правовое регулирование и управление. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 648.
10. Deborah A. DeMott. The Mechanism of Control, 13 Conn. J. Int'l L. 233, 234 (1999);

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE INTERRELATION BETWEEN LEGAL CATEGORIES OF CORPORATE AND BANKRUPTCY CONTROL

Boltovsky V.M.

Kutafin Moscow State Law University

The article examines the relationship between corporate and bankruptcy control as legal categories. The author analyzes their common legal nature based on the concept of economic control and identifies key similarities and differences in implementation mechanisms. Special attention is paid to the comparative analysis of the legal status of control subjects, the specifics of their rights and obligations, as well as the organizational management structure in both spheres. The paper substantiates the thesis that bankruptcy control is a derivative form of corporate control adapted to the conditions of debtor's insolvency. The study demonstrates parallels in legal regulation and protective mechanisms of both types of control.

Keywords: bankruptcy control, corporate control, self-regulation, bankruptcy relations, correlation between corporate and bankruptcy control, origin of bankruptcy control.

References

1. Abramov V.Yu., Abramov Yu.V. Corporate law: rights and obligations of participants in business entities: a practical guide with judicial commentary. M.: Yustitsinform, 2021. P. 32.
2. Antonova E.G. Economic control: concept and legal significance // Competition law. 2020. No. 3. P. 7–11.
3. Galkin S.S. Legal status of a debtor – a legal entity in Russian bankruptcy legislation: dis. ... Cand. of Law. M., 2016. P. 179–225.
4. Corporate law: textbook / ed. I.S. Shitkina. – M.: Statut, 2019 // SPS "ConsultantPlus".
5. Corporate law: textbook / ed. A.N. Besedin. – M.: Prospect, 2024. P. 166.
6. Lomakin D.V. Civil law aspects of the activities of the board of directors of a joint-stock company // Business and law. 2010. No. 1. P. 23.
7. Mogilevsky S. D., Egorova M.A. Corporate protection as a reflection of the essence of corporate rights // Civil law. 2015. No. 1. P. 3.
8. Suvorov E.D. The principle of equality of creditors as a tool for identifying abuses in bankruptcy: equal to equal, different to different // Law. 2020. No. 9. P. 39–52.
9. Shitkina I.S. Holdings: legal regulation and management. M.: Wolters Kluwer, 2006. P. 648.
10. Deborah A. DeMott. The Mechanism of Control, 13 Conn. J. Int'l L. 233, 234 (1999);

Попечительство как форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей

Ван Лу,

аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
E-mail: Luwang670@gmail.com

Вопросы воспитания детей, вне зависимости от их правового статуса в семье, являются наиболее актуальными вопросами государственной социальной политики. И речь здесь идет не только о той обязанности, которая возложена на государство в части воспитания детей конституционно декларируемыми принципами, а о том, что от качества воспитания детей и объема государственного участия в этом воспитании зависит будущее развитие государства. В настоящий момент в Российской Федерации попечительство является той формой устройства детей, которая не только гарантирует ребенку возможность воспитываться в полноценной семье и получать заботу, но и имеет достаточно большой объем социальных гарантий. Анализ правоприменительной практики по проблемным вопросам, связанным с попечительством, показывает, что ключевые проблемы связаны как раз с незаконным лишением прав на социальные гарантии государства по причине субъективного подхода различных государственных органов, уполномоченных на принятие таких решений. Решением существующей проблемы может стать только ужесточение правил надзора за органами, выносящими соответствующие решения в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, и детей-сирот, а также определение четких критериев и порядка принятия решения о назначении выплат и предоставления жилого помещения, исключающих возможность любого субъективного подхода к принятию таких решений.

Ключевые слова: попечительство, проблемы детей, права детей, дети, оставшиеся без попечения родителей, воспитание детей, семья.

Введение

Социальная важность проблем детей, оставшихся без попечения родителей, обуславливает необходимость поиска оптимального решения таких проблем. В первую очередь речь идет о поиске решения на государственном уровне с учетом того факта, что именно государство выступает основным гарантом соблюдения прав и законных интересов детей.

Вместе с тем, несмотря на наличие в законодательстве Российской Федерации нескольких форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей, реализация таких законодательных положений сопряжена с рядом проблем практического характера, что предопределяет актуальность тематики исследования.

Методология исследования

Для проведения исследования использован комплексный подход к анализу нормативных правовых актов, материалов правоприменительной практики, а также научной литературы по вопросам опеки и попечительства. Реализация такого комплексного подхода обеспечивалась также использованием совокупности различных методов исследования, среди которых – метод системного анализа, метод научного общения, а также формально-юридический метод, позволивший сопоставить положения законодательства с материалами правоприменительной практики и прийти к научно обоснованным выводам по проблематике исследования.

Сущность и правовые основы попечительства как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей

Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения определяет детей, оставшихся без попечения родителей, как «социальных сирот» [15]. Наделение детей данным статусом предполагает возложение ответственности за их воспитание на государство. Таким образом, государство обязано сделать все возможное для улучшения их благосостояния, что позволит им в дальнейшем адаптироваться к условиям жизни.

Конституционные принципы Российской Федерации обеспечивают всем без исключения детям государственную защиту. Важно отметить, что речь идет не только о детях, лишенных родительского попечения, но и о тех детях, которые проживают в родных семьях.

В России обеспечение защиты прав и интересов детей является одной из основных конституционных гарантий государства. При этом такой конституционный подход распространяется на всех детей без исключения, вне зависимости от того, лишены они родительского попечения или нет. Конституционно закрепленные основы защиты детей находят свое последовательное отражение в нормах национального законодательства. Так, положениями ст. 4 Федерального закона от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» [4] закреплено, что фундаментальными целями государственной политики в интересах детей являются, помимо прочего, осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией Российской Федерации, недопущение их дискриминации, упрочнение основных гарантий прав и законных интересов детей, восстановление их прав в случаях нарушений, содействие воспитанию и развитию детей и их защита от различного рода негативных факторов.

Если рассматривать научные подходы в отношении вопросов защиты прав детей, то можно сделать однозначный вывод о единстве научных воззрений в части вывода об обеспечении детского развития исключительно посредством семейного воспитания [12, 13]. Речь здесь идет не только о развитии физическом, но и развитии нравственном, психическом и пр. С указанной позицией нельзя не согласиться в целом, поскольку именно путем воспитания ребенка в семье закладываются основные социальные ценности. Отсюда следует, что основной и приоритетной формой оставшихся без попечительства детей выступают не приемные семьи, а усыновление (удочерение).

Совершенно очевидно, что усыновление (удочерение) имеет отличные от опеки и попечительства правовые последствия как для ребенка, так и для потенциальных родителей. Кроме того, объем прав и обязанностей усыновителей и усыновленных детей существенным образом отличается от аналогичных прав и обязанностей в приемных семьях.

Однако несмотря на то, что усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в отношении не всех детей возможно осуществление процедуры усыновления. Это связано с различными причинами. Так, учитывая специфику такой процедуры, как усыновление и ее правовые последствия, невозможность воспользоваться данной формой устройства ребенка может быть связана с материальным положением будущих родителей. Усыновленные дети лишаются дополнительных мер государственной поддержки, таких, как предоставление жилья по достижении возраста 18 лет [5] или же пособий, необходимых для содержания ребенка. De jure при оформлении усыновления приемный ребенок становится для усыновляющих «родным». Соответственно, такой ребенок должен воспитываться в условиях поддержки семьи и содержание таких детей полностью возлагается на усыновителей.

Существуют и другие причины нежелания участвовать именно в процедуре усыновления. Это могут быть причины психологического характера, например, отсутствие родственных чувств к ребенку, нежелание брать на себя ответственность по постоянному воспитанию ребенка ввиду его состояния здоровья, наличие в семье других детей и пр.

В данной связи возникает объективный вопрос о том, как с одной стороны гарантировать ребенку государственную защиту и возможность воспитания в семье, а с другой стороны поддержать лиц, которые готовы обеспечить ребенку семейное воспитание, но без юридического признания себя родителями такого ребенка [16]?

Отличные от усыновления правовые последствия, согласно положениям российского гражданского и семейного законодательства, предусмотрены для опеки и попечительства (ст. 32, 33 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1] и ст. 145 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ) [2]). Критериями дифференциации вышеуказанных форм устройства детей является возраст.

Так, попечительство может быть установлено над детьми в возрасте от 14 до 18, опека может быть установлена только в отношении малолетних. Исходя из специфики возрастных ограничений детей отличаются и правовые последствия, связанные с исполнением обязанностей опекунов (попечителей). Так, попечители в силу норм законодательства не могут совершать в интересах детей юридически значимые действия, а могут только действовать детям в обеспечении их прав и обязанностей. Вышесказанное прямо вытекает из положений ст. 2 Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» [3] (далее – Закон об опеке и попечительстве) и соответствует общим правилам гражданского законодательства о дееспособности гражданина.

С точки зрения особенностей содержания категории «попечительство» и правовых последствий как для ребенка, так и для попечителя, анализируемую форму устройства можно назвать наиболее простой в исполнении. Тем не менее, в отечественной правовой науке возникает немало дискуссий относительно ее правовой природы.

Правовая природа попечительства одновременно исследуется и в науке гражданского, и в науке семейного права. При этом дискуссионным остается вопрос о том, имеет ли попечительство двойственную, семейно-правовую или гражданско-правовую природу. Так, Д.Б. Коротков и Т.В. Шершень [14] рассматривают попечительство с позиции его комплексной правовой природы ввиду отношения данного института одновременно и гражданскому, и к семейному праву. Аналогичного мнения придерживается и Л.Ю. Михеева [17], указывая на системность норм о попечительстве в положениях гражданского, семейного, а также административного законодательства. О двойственности правовой природы попечительства отмечено и в работе А.М. Рабец [20].

В работах П.В. Крашенинникова [16], Е.А. Останиной [19], напротив, делается акцент на гражданско-правовую природу попечительства ввиду того, что данный институт в первую очередь имеет целью защиту имущественных и личных неимущественных прав детей, оставшихся без попечения родителей. В свою очередь, правовая регламентация имущественных и личных неимущественных прав закрепляется именно положениями гражданского законодательства. Семейным правом же регулируется исключительно социальная составляющая опеки [17].

В работе Н.М. Ершовой [12] попечительство рассматривается как семейно-правовой институт. В обоснование своей позиции Н.М. Ершова приводит мнение о том, что именно положения семейного законодательства имеют больше императивных норм по вопросам попечительства, нежели положения иных законодательных актов.

С учетом того факта, что нормативные предписания целого перечня статей Закона об опеке и попечительстве отсылают к положениям ГК РФ, более обоснованной будет позиция о двойственной правовой природе рассматриваемого института. При этом нормами гражданского законодательства определяются общие положения о попечительстве, тогда как нормами семейного законодательства специальные положения. Что же касается диспозитивности и императивности правового регулирования, то оно присутствует и в нормах гражданского, и в нормах семейного законодательства.

Что касается непосредственно вопросов правовой регламентации попечительства как формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей, то здесь объектами научного исследования выступают вопросы правового положения попечителей и детей, над которыми установлено попечительство [11], обеспечение имущественных прав и интересов детей, над которыми установлено попечительство [18], особенности установления и прекращения попечительства [10].

Проблемы соблюдения прав детей, оставшихся без попечения родителей

Как уже было отмечено ранее, на практике существует достаточное количество проблем, связанных с особенностями реализации попечительства. Как показывает анализ правоприменительной практики, нарушение прав детей, находящихся под попечительством, является систематическим. Так, наиболее частыми нарушениями прав детей, находящихся под попечительством, со стороны различных органов являются отказ в выплатах на содержание детей и отказ таким детям в предоставлении права на получение жилого помещения по достижении 18-летнего возраста [9].

Так, в г. Москве Городская комиссия отказала в предоставлении жилья, руководствуясь тем, что ребенок продолжал проживать в жилом помещении бывших попечителей после 18 лет и имел там постоянную регистрацию. Суд, отменяя решение

Городской комиссии и удовлетворяя исковые требования о признании решения Городской комиссии незаконным указал на то, что для решения вопроса о предоставлении социальных гарантий, заключающихся в обеспечении жильем помещением детей, оставшихся без попечения родителей, не имеют правового значения обстоятельства, связанные с регистрацией гражданина по достижении им 18-летнего возраста [8].

В другом деле государственными органами было отказано в заключении договора о приемной семье. Отказ государственных органов в возможности оформления ребенка в приёмную семью не имел законных на то оснований, поскольку в их основу была заложена не обусловленная законодательно позиция государственного органа о недопустимости содержания в приемной семье ребенка, не имеющего место жительства в городе потенциальных опекунов. Иными словами, по мнению государственных органов попечительство возможно только в отношении детей, проживающих в одном городе с опекунами. Безусловно, данная позиция не имеет законодательного закрепления и, более того, противоречит конституционно декларируемым принципам, в том числе принципу свободы передвижения.

Суд, частично удовлетворяя требования, в своем решении акцентировал внимание на том, что социальные гарантии детей, оставшихся без попечения родителей, такие, как помещение их под опеку, являются гарантиями федерального уровня, а решение государственного органа прямо противоречит нормам федерального законодательства [6]. То есть, применительно к данному конкретному делу можно сделать вывод о том, что только лишь по решению конкретного учреждения ввиду неправильного понимания положений законодательства работниками такого учреждения, ребёнок может лишиться права на возможность жить и воспитываться в семье.

Еще одним примером нарушения прав детей, помещенных под опеку, является отказ в выплатах на подопечных. В таких случаях государственные органы, уполномоченные на назначение пособий, зачастую формально подходят к вопросу отказа в выплатах. Так, в одном из дел, где предметом спора выступал отказ в выплатах на детей, в отношении которых назначено попечительство, суд разъяснил, что с учетом статуса детей, оставшихся без попечения родителей, и нуждаемости в государственной защите, они имеют право на получение денежных средств на их содержание с даты передачи попечителю, поскольку попечительство назначается не по заявлению родителей, а ввиду того, что родители не занимаются воспитанием детей, вследствие чего такие дети лишаются родительской опеки [7].

Учитывая существующие тенденции, связанные с нарушением прав детей, в отношении которых назначено попечительство, единственным возможным вариантом восстановления нарушенных прав является обращение за судебной защитой. Одна-

ко это создаёт для лиц, желающих оформить попечительство или же реализующих такую форму устройства детей дополнительную нагрузку.

Кроме того, необходимость каждый раз обращаться за судебной защитой в случае нарушения прав детей, гарантированных государством, ввиду того, что принятие решений о назначении выплат или предоставления жилого помещения зависит не от нормативных предписаний законодательства, а от субъективного мнения должностных лиц государственных органов, что прямо противоречит целям государственной социальной политики.

Решением существующей проблемы может стать только ужесточение правил надзора за органами, выносящими соответствующие решения в отношении детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот, а также определение четких критериев и порядка принятия решения о назначении выплат и предоставления жилого помещения, исключающих возможность любого субъективного подхода к принятию соответствующих решений. При этом выработка соответствующих критериев и порядка требует самостоятельных дополнительных детальных исследований.

Заключение

Подводя итог, отметим, что в настоящий момент в России попечительство является той формой устройства детей, которая не только гарантирует ребенку возможность воспитываться в полноценной семье и получать заботу, но и имеет достаточно большой объем социальных гарантий.

Вместе с тем, анализ правоприменительной практики по проблемным вопросам, связанным с попечительством, показывает, что ключевые проблемы касаются как раз незаконного лишения прав на социальные гарантии государства по причине субъективного подхода различных государственных органов, уполномоченных на принятие соответствующих решений. Решением существующей проблемы может стать только ужесточение правил надзора за органами, выносящими соответствующие решения в отношении детей, оставшихся без попечения родителей и детей-сирот, а также определение четких критериев и порядка принятия решения о назначении выплат и предоставления жилого помещения, исключающих возможность любого субъективного подхода.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 02.02.2025).
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 02.02.2025).
3. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 № 48-ФЗ // «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 02.02.2025).
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (дата обращения: 02.02.2025).
5. Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 02.02.2025).
6. Определение суда апелляционной инстанции от 16.04.2019 по делу № 33–17118/2019 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOC-N&n=1191927#Hui36dU48uCCUkc> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Определение суда апелляционной инстанции от 28.03.2018 по делу № 33–9041/2018 // URL: <https://reputation.su/sudrf/170272513> (дата обращения: 15.02.2025).
8. Определение суда апелляционной инстанции от 24.04.2017 по делу № 33–15247/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MAR-V&n=1273539#zSj46dU2EyChjKGT> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / Под ред. А.Н. Левушкин, Э.Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. 464 с.
10. Беспалов Ю.Ф. Права ребенка в Российской Федерации и проблемы их осуществления: Монография / Под редакцией Ю.Ф. Беспалова. М.: Проспект, 2019. 288 с.
11. Гришин А.В. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности органов опеки и попечительства по защите наследственных прав несовершеннолетних // Наследственное право. 2019. № 3. С. 36–41.
12. Ершова Н.М. Опека, попечительство, усыновление. М.: Проспект, 1984. 109 с.
13. Кожемякина А.А. Понятие и правовая природа опеки и попечительства над несовершеннолетними // Молодой ученый. 2023. № 50 (497). С. 219–221.
14. Коротков Д.Б., Шершень Т.В. Материальное и процессуальное представительство: гражданско-правовой и семейно-правовой аспекты // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 738–761.
15. Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 19–24.

16. Крашенинников П.В. Нужен ли России новый Семейный кодекс? // Семейное и жилищное право. 2017. № 1. С. 3–7.
17. Михеева Л.Ю. Опекa и попечительство: правовое регулирование / Л.Ю. Михеева. М.: Проспект, 2004. 156 с.
18. Огурцова М.Л. Правовое регулирование вопросов социальной адаптации детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социальное и пенсионное право. 2022. № 2. С. 40–44.
19. Останина Е.А. Институт законного представительства с точки зрения защиты гражданского оборота // Закон. 2020. № 10. С. 77–94.
20. Рабец А.М. Реформа законодательства об опеке и попечительстве в современной России: достоинства, просчеты, проблемы. М.: Проспект, 2013. 156 с.

GUARDIANSHIP AS A FORM OF PLACEMENT OF CHILDREN LEFT WITHOUT PARENTAL CARE

Wang Lu

Peoples' Friendship University of Russia

The issues of raising children, regardless of their legal status in the family, are the most pressing issues of state social policy. And this is not only about the duty that the state has in terms of raising children, constitutionally declared principles, but also about the fact that the future development of the state depends on the quality of child rearing and the amount of state participation in this education. Currently, in the Russian Federation, guardianship is a form of childcare that not only guarantees a child the opportunity to be raised in a full-fledged family and receive care, but also to have a sufficiently large amount of social guarantees.

An analysis of law enforcement practice on problematic issues related to guardianship shows that the key problems are precisely related to the illegal deprivation of rights to social guarantees from the state due to the subjective approach of various state bodies authorized to make such decisions. The only solution to the existing problem can be stricter rules for the supervision of authorities that make appropriate decisions regarding children left without parental care and orphaned children, as well as the definition of clear criteria and procedures for deciding on the appointment of payments and the provision of housing, excluding the possibility of any subjective approach to making such decisions.

Keywords: guardianship, children's problems, children's rights, children left without parental care, parenting, family.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (CC RF) of November 30, 1994 No. 51-FZ // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date of access: 02.02.2025).
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995 No. 223-FZ (as amended on November 23, 2024) // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (date of access: 02.02.2025).
3. Federal Law "On Guardianship and Trusteeship" of 24.04.2008 No. 48-FZ // "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (date of access: 02.02.2025).
4. Federal Law of 24.07.1998 No. 124-FZ "On Basic Guarantees of the Rights of the Child in the Russian Federation" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/ (date of access: 02.02.2025).
5. Federal Law of 21.12.1996 No. 159-FZ "On Additional Guarantees for Social Support for Orphans and Children Left without Parental Care" // SPS "ConsultantPlus". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (date of access: 02.02.2025).
6. Determination of the court of appeal dated 16.04.2019 in case No. 33–17118/2019 // SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOC-N&n=1191927#Hui36dU48uCCUkcu> (date of access: 15.02.2025).
7. Ruling of the appellate court dated March 28, 2018 in case No. 33–9041/2018 // URL: <https://reputation.su/sudrf/170272513> (accessed on February 15, 2025).
8. Ruling of the appellate court dated April 24, 2017 in case No. 33–15247/2017 // SPS "ConsultantPlus". URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=MAR-B&n=1273539#zSj46dU2EyChjKGT> (accessed on February 15, 2025).
9. Actual problems of the effectiveness of private law: monograph / Ed. A.N. Levushkin, E. Kh. Moscow: Yustitsinform, 2022. 464 p.
10. Bepalov Yu.F. Children's rights in the Russian Federation and problems of their implementation: Monograph / Edited by Yu.F. Bepalov. M.: Prospect, 2019. 288 p.
11. Grishin A.V. Actual problems of legal regulation of the activities of guardianship and trusteeship authorities to protect the inheritance rights of minors // Inheritance law. 2019. No. 3. P. 36–41.
12. Ershova N.M. Guardianship, trusteeship, adoption. M.: Prospect, 1984. 109 p.
13. Kozhemyakina A.A. Concept and legal nature of guardianship and trusteeship over minors // Young scientist. 2023. No. 50 (497). P. 219–221.
14. Korotkov D.B., Shershen T.V. Substantive and procedural representation: civil and family law aspects // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2020. No. 4. Pp. 738–761.
15. Krashennikov P.V., Badulina E.V. Support for the institution of family: constitutional amendments // Family and housing law. 2020. No. 4. Pp. 19–24.
16. Krashennikov P.V. Does Russia need a new Family Code? // Family and housing law. 2017. No. 1. Pp. 3–7.
17. Mikheeva L. Yu. Guardianship and trusteeship: legal regulation / L. Yu. Mikheeva. Moscow: Prospect, 2004. 156 p.
18. Ogurtsova M.L. Legal regulation of issues of social adaptation of orphans and children left without parental care // Social and pension law. 2022. No. 2. P. 40–44.
19. Ostanina E.A. Institute of legal representation from the point of view of protecting civil circulation // Law. 2020. No. 10. P. 77–94.
20. Rabets A.M. Reform of the legislation on guardianship and trusteeship in modern Russia: advantages, shortcomings, problems. Moscow: Prospect, 2013. 156 p.

Соглашение об организации синдицированного кредитования по английскому праву и по российскому праву

Видющенко Артем Анатольевич,

аспирант, Институт государственной службы и управления
Российской академии народного хозяйства и государственной
службы

E-mail: artemmgimo@gmail.com

Статья посвящена анализу конструкции и структуры договора об организации синдицированного кредитования в международной практике по английскому праву и его квалификации по российскому праву. Рассматриваются как положения английского права, в том числе англо-правовая судебная практика и английская юридическая доктрина, так и положения российского права, включая российскую юридическую доктрину. Анализируется роль и обязательства, юридический статус и пределы ответственности организатора синдицированного кредитования, в частности ответственность организатора синдицированного кредитования перед синдицированными кредиторами, а также условия на которых может быть заключён такой договор. Также анализируется юридический статус информации (в том числе в контексте юридических значимых заверений) о заёмщике и его деятельности, распространяемой в информационном меморандуме, рассылаемом организатором. Сделан вывод, что договор об организации синдицированного кредитования, учитывая обновлённое российское законодательство о синдицированном кредитовании, по английскому и российскому праву имеют схожую юридическую природу, а организатор – играет схожую роль и имеет аналогичный круг юридических обязательств.

Ключевые слова: договор об организации синдицированного кредитования, организатор синдицированного кредитования, ответственность организатора перед синдицированными кредиторами, ограничения ответственности, информационный меморандум, разумные усилия, наилучшие усилия, букраннеры, гарантированное привлечение кредитования, управомочивающее письмо.

В международной англо-правовой практике практически всякое синдицированное кредитование начинается с найма будущим должником компании-организатора (arranger). Компания-организатор обычно является финансовой организацией, которая нередко впоследствии становится одним из синдицированных кредиторов.

Будущий заёмщик и организатор кредитования подписывают договор об организации синдицированного кредитования, состоящий из двух частей: (1) управомочивающее письмо (mandate letter); и (2) основные условия синдицированного кредитования (term sheet).

Управомочивающее письмо обычно содержит три группы обязанностей организатора:

- (1) помощь в составлении информационного меморандума, который будет рассылаться потенциальным участникам синдиката;
- (2) организация привлечения синдицированного кредита; и
- (3) согласование кредитного(–ых) договора(–ов) и иной кредитной документации¹.

Информационный меморандум содержит основную информацию о заёмщике, описание бизнеса заёмщика, включая описание основных заключённых им контрактов, информацию о секторе, в котором заёмщик осуществляет свою деятельность, о макроэкономических данных по данному сектору, о влиянии деятельности заёмщика на окружающую среду, о рисках заёмщика и сектора его деятельности в целом, описание акционеров заёмщика и их деятельности, данные об экономике финансируемого конкретного проекта (при проектном финансировании), описание деятельности и экономики приобретаемой компании (при финансировании приобретения иной компании), финансовую отчётность заёмщика за последние несколько лет, а также предлагаемые основные условия, зафиксированные в term sheet. В целом суть информационного меморандума в синдицированном кредитовании озвучил Кристофер Кларк², под которым понимается изложение основных условий кредитной сделки, с которых начинается процесс согласования кредитной документации, а также иной информации о заёмщике, которую заёмщик и организатор посчитают важным раскрыть.

Term Sheet в первую очередь содержит основные финансово-коммерческие условия привлечения синдицированного кредитования, а именно

¹ Philip R. Wood Law and Practice of International Finance // Sweet and Maxwell, London, 2008, P. 96.

² Raiffeisen Zentral Bank Osterreich AG v Royal Bank of Scotland plc [2010] EWHC 1392.

размер займа, процентную ставку, процентный период, неустойку за просрочку, комиссии банков (за привлечение займа, за участие в займе, за поддержание открытыми соответствующих кредитных линий, за выполнение агентских функций и т.д.), сведения о гарантах/поручителях заёмщика, спонсорах (при проектном финансировании), цель займа, периода доступности выборок, механизме и сроках возврата займа. В последнее время *term sheets* увеличились в объёме и могут содержать, помимо вышперечисленного, условия обязательного досрочного погашения займа, основных гарантий и заверений, ковенантов и событиях дефолта заёмщика по кредитной документации.

В качестве участников управомочивающего письма помимо организаторов могут выступать букраннеры (*bookrunners*) – лица, которые берут часть обязанностей организаторов и которые непосредственно общаются и обмениваются информацией с потенциальными кредиторами и ведущие реестр таких кредиторов.

В англо-правовой практике управомочивающее письмо заключается либо на основе разумных усилий (*reasonable endeavors*), либо на основе наилучших усилий (*best endeavors*), либо на основе гарантированного привлечения кредитования (*underwritten*).

Что же представляют собой наилучшие усилия и разумные усилия? В английском праве действует доктрина строгой ответственности за выполнение взятого на себя обязательства и минимальности обстоятельств, когда возможно освобождение от соответствующей ответственности. Вследствие этого в английском праве есть институты, которые ограничивают такой строгий принцип рядом обстоятельств, а именно институт разумных усилий и институт наилучших усилий. Институт наилучших усилий подразумевает, что соответствующий контрагент должен испробовать все способы исполнения своего обязательства, включая те, где он может понести какие-либо расходы¹. Институт разумных усилий также подразумевает выполнение определённых объективных критериев, когда соответствующий контрагент должен использовать все возможные пути исполнения своих обязательств, при этом не жертвуя своими коммерческими интересами².

Гарантированное привлечение финансирования в управомочивающем письме означает, что сам организатор, либо третьи лица выступают гарантами (*underwriters*) привлечения займа и обязываются предоставить полную недостающую сумму запрашиваемого займа (полное гарантирование) либо часть такой недостающей суммы (частичное гарантирование), в случае если организатор не сможет привлечь в синдикат кредиторов с достаточными суммами.

¹ *IBM United Kingdom Ltd v Rockware Glass Ltd* [1980] FSR 335; *Sheffield District Ry Cov Great Central Ry Co* (1911) 27 TLR 451.

² *Astor Management AG v Atalaya Mining plc* [2017] EWHC 425; *CPC Group Ltd v Qatari Diar real Estae Investment Company* [2010] EWHC 1535.

Как правило, однако, обязательства организатора/букраннера и гаранта имеют условный характер, то есть подлежат исполнению при выполнении ряда условий. Такими условиями могут быть (1) наступление существенного неблагоприятного события (*material adverse change*) на рынке синдицирования в целом или в финансовых условиях конкретно должника или его группы лиц; (2) верность заверений и гарантий, предоставленных должником; (3) окончание KYC (*know your customer*) процедур в отношении должника и его группы лиц, (4) получение финальных внутренних одобрений; (5) окончание процедуры надлежащей проверки (*due diligence*), (6) подготовка приемлемой для всех участвующих сторон кредитной документации. Иногда такие условия прописываются таким образом, что их исполнение оценивается по усмотрению организатора. Однако в данном случае такое усмотрение не может быть произвольным и организаторы должны действовать добросовестно³.

Также обычно управомочивающее письмо содержит так называемое *market flex provision*, которое предоставляет организатору определённые полномочия изменять коммерческую сторону кредитной документации, если на рынке происходят какие-либо неблагоприятные события и организатор полагает, что нужно в определённой степени изменить финансовые условия синдицированного займа, чтобы повысить его привлекательность среди потенциальных кредиторов. Такие условия всегда являются предметом торга между заёмщиком и организатором, и могут включать проценты, процентные периоды, срок кредитования, срок доступности займа и иные условия. Такие условия также могут включать размер займа, хотя стандарт управомочивающего письма, выпущенного LMA, содержит предложение в качестве стартовой позиции, что размер займа не может быть таким образом изменён. Обратной ситуацией является *reverse flex* – когда заёмщик требует понизить стоимость займа, если имеет место множество кредиторов, желающих участвовать в синдикации⁴.

Также обычно управомочивающее письмо регулирует, что заёмщик на время работы организатора не вправе привлекать синдицированное кредитование / подписывать документы на организацию такого привлечения в параллельном альтернативном порядке (условие *clear market*).

Помимо этого, если организаторов несколько, обычно они стремятся предусмотреть условие *front running*, согласно которому до момента формирования окончательного списка кредиторов, согласившихся участвовать в синдицированном кредитовании, организаторы не вправе взаимодействовать с потенциальными кредиторами в целях их участия в финансировании после осуществления первичной синдикации, то есть на вторичном рынке.

³ *Gan Insurance Co Ltd v Tai Ping Insurance Co Ltd* (no 2) [2001] All ER (comm) 299.

⁴ Mark Campbell, Christoph Weaver *Syndicated Lending, Practice and Documentation*, Seventh Edition, Harriman House, 2019, p. 239.

Во многих странах, включая Англию, есть законы, регулирующие порядок предоставления информации неограниченному кругу лиц (публичное распространение). Чтобы избежать применения такого законодательства, при рассылке соответствующих материалов потенциальным кредиторам подчёркивается, что такая рассылка является частным предложением (*private offering*), рассылка осуществляется с пониманием, что адресатами являются квалифицированные инвесторы, участие в синдицированном займе не является предложением купить ценные бумаги¹.

Интересным вопросом является ответственность организатора перед заёмщиком и потенциальными кредиторами.

Перед заёмщиком организатор отвечает за исполнение своих обязательств по контракту – уполномочивающему письму. Исполнение будет регулироваться в зависимости от принципов, на которых был заключён договор, например, на основе разумных или наилучших усилий. Организатор может столкнуться с иском о нарушении договора или иском о проявлении небрежности при исполнении своих обязательств.

Тем не менее в целом у организатора больше рисков столкнуться с ответственностью перед кредиторами, которых он завлёл в синдицированное кредитование при возникновении ситуации, когда заёмщик допустил дефолт по кредитной документации, в первую очередь связанной с недостатком средств по оплате займа. Учитывая, что в этом случае есть большая вероятность, что у заёмщика не хватит средств для полного исполнения обязательств, кредиторы могут обратить внимание на организатора и ту информацию о заёмщике, которую была в информационном меморандуме.

В этом случае анализируется (1) давал ли сам организатор какие-либо заверения в отношении информации о заёмщике; (2) мог ли он знать о каких-либо фактах о заёмщике, которые не соответствовали бы информации в информационном меморандуме, (3) могли ли кредиторы полагаться на информацию, которая была в информационном меморандуме, и заверения, которые его сопровождали, что будет зависеть в первую очередь от двух фактов (i) могли ли кредиторы считаться квалифицированными (*sophisticated*) инвесторами, а также (ii) насколько у них была возможность провести свою независимую *due diligence*, что в свою очередь зависело бы от того, какая информация и документы о заёмщике были раскрыты потенциальным кредиторам.

В связи с вышеизложенным организатор может столкнуться с иском (1) о проявлении небрежности, (2) об обмане, (3) в связи с Актом 1967 г о неверных заверениях², (4) о нарушении фидуциарного обязательства.

Возможность предъявления иска о проявлении небрежности при неправильной рекомендации или

¹ Philip R. Wood *International Loans, Bonds, Guarantees, Legal Opinions* // Sweet and Maxwell, London, 2007, P. 9.

² Misrepresentation Act 1967.

передачи неверной информации, в связи с чем соответствующий адресат претерпел убытки (не связанные с повреждением имущества) признаны английской судебной практикой³. Для удовлетворения иска нужно установить совокупность нескольких фактов: (1) у ответчика было обязательство проявлять должную заботливость (*duty of care*) применительно к правам истца; (2) должна быть определена степень такой должной заботливости; (3) ответчик нарушил своё обязательство действовать разумно при проявлении такой должной заботливости; (4) у истца были разумные основания полагать, что ответчик проявляет соответствующую должную заботливость; (5) наличие прямой связи между убытками истца и нарушением ответчика своего обязательства по проявлению такой должной заботливости. Естественно, все указанные факты должны оцениваться во взаимосвязи между собой.

Суть соблюдения должной заботливости по английской практике заключается в том, что лицо при осуществлении своих действий или бездействия должно избегать того, что может быть разумно предвидено, как имеющее возможность причинить ущерб другому лицу⁴. Также английская судебная система разработала три возможных теста на предмет наличия обязательства должной заботливости⁵:

(1) взятие на себя ответственности (*assumption of liability*), что должно быть сознательным, продуманным и преднамеренным решением, где существуют отношения подобно контрактным за исключением встречного предоставления;

(2) наличие следующих трёх элементов⁶: (i) причинение убытков было прогнозируемым последствием предпринимаемого действия или бездействия, (ii) достаточная близость отношений между истцом и ответчиком; и (iii) презумпция существования обязательства поддерживать должную заботливость являлось честным, справедливым и разумным;

(3) «добавочный» тест, который имеет несколько теоретический характер, основанный на том, что закон/право должны развивать категории небрежности на основе устоявшихся концепций, не множа лишней раз само количество концепций/принципов⁷.

При этом наличие обязательства проявлять должную заботу в любом случае не носит характер абсолютной защиты и должно основываться на принципе разумности⁸.

³ *Hedley Byrne Co Ltd v Heller Partners Ltd* [1964] AC 465; *Playboy Club London Ltd and others v Banca Nazionale del Lavoro SPA* [2018] UKSC 43; *Henderson v Merrett Syndicates Ltd* [1995] 2 AC 145, 180.

⁴ *Donoghue v Stevenson* [1932] AC 562, 580.

⁵ *HM Commissioners of Customs and Excise v Barclays Bank plc* [2006] UKHL 28; [2007] 1 AC 181.

⁶ *Caparo Industries plc v Dickman* [1990] 2 AC 605, 617–18; *His Royal Highness Okpabi v Royal Dutch Shell plc* [2018] EWCA 191.

⁷ *Sutherland Shire Council v Heiman* (1985) 157 CLR 424, 481.

⁸ *Edvard Wong Finance Co. Ltd v Johnson Stokes Master* [1984] AC 296 (PC).

Для удовлетворения иска об обмане согласно английской судебной практике нужны серьёзные основания. Так в одном деле¹ было зафиксировано три основания, по которым возможно определить умышленный обман: (1) ответчик сказал умышленную ложь, (2) заявитель ложного утверждения не верил в его правдивость; и (3) заявителю ложного утверждения было всё равно, являлось ли оно ложным или правдивым.

Пункты 2(1) и 2(2) Акта о ложных заверениях 1967 года предоставляют возможность (ранее недоступную по общему праву) вместо иска о расторжении договора подать иски о возмещении убытков, если имело место ложное заверение, на основании которого был заключён соответствующий контракт и в результате ложности такого заверения лицо, заключившее такой контракт потерпело убытки.

И, наконец, для иска о нарушении фидуциарного обязательства, нужно установить наличие такого фидуциарного обязательства, которое в синдицированном кредитовании встречается редко. Даже если можно предполагать, что организатор действует от чьего-либо имени, для установления фидуциарности необходимо доверие и уверенность (*trust and confidence*), которое должно явным образом явствовать в договорных отношениях или сопутствующей обстановке².

Чтобы защититься от вышеуказанных исков при рассылке информационного меморандума и иной информации о заёмщике в синдицированном кредитовании организатор обычно делает дисклеймеры, что не несёт ответственности за предоставляемую информацию, что предоставляемую информацию не проверял и не даёт заверений, что она отражает действительность, что не действует от имени кредиторов и не несёт какой-либо фидуциарное обязательство. Нередко сам организатор является участником кредитной документации в качестве организатора, где синдицированные кредиторы подтверждают вышеперечисленные положения.

В Англии существуют пределы ограничения ответственности (в случае мошенничества/умысла, а также согласно ст. 2 Акта о ложных заверениях 1967 года и Акте о нечестных контрактных условиях 1977 года³ (оба апеллируют к принципу разумности). Однако, если грамотно прописать вышеописанные дисклеймеры, они признаются судебной практикой⁴. Таким образом, в синдицированном кредитовании у организатора есть определённые риски столкнуться с рядом исков от кредиторов в случае дефолта заёмщика в связи с неверной предоставленной информацией. В связи с этим, как правило, организатор делает дисклеймеры, что он не проверял и не гарантирует правдивость и качество такой информации. В большинстве случаев в синдицированном кредитовании орга-

низатор имеет статус независимого контрагента, оказывающего услуги, и не является ни агентом, ни носителем фидуциарного обязательства ни перед заёмщиком, ни перед кредиторами⁵.

Принятием закона о синдицированном кредитовании⁶ (далее – Закон о синдицированном кредитовании) в российское законодательство было введено определение договора услуг об организации синдицированного кредита (займа). Согласно такому закону такой договор представляет собой соглашение, где организатор кредита обязуется, действуя по заданию должника-заказчика, оказать ему услуги по подготовке к заключению договора синдицированного кредита (займа). Отметим, что данное определение получилось довольно узким. На практике, как было описано выше, организатор также оказывает услуги по (1) подготовке информационного меморандума и (2) общению с потенциальными кредиторами с целью их привлечения в формирующийся синдикат. Обязанности организатора заканчиваются подписанием соответствующего кредитного договора. Также, как и в англо-правовых аналогах, закон предусматривает, что договор об организации займа может содержать (1) условие об исключительных полномочиях организатора (–ов), то есть заказчик не вправе организовывать параллельные организации займов на те же цели до момента заключения договора синдицированного кредита, и (2) аналог англо-правового запрета *front running* (в чуть расширенном виде), где при условии наличия нескольких организаторов, любому организатору запрещается организовывать параллельные синдикаты с тем же заказчиком, а также договариваться о синдикате, которая будет иметь место уже на вторичном рынке.

Сторонами такого договора в качестве организаторов вправе быть только лица, имеющие право выступать кредиторами по договору синдицируемого займа. Однако данный договор, если организатор не принял явно на себя соответствующие обязанности (то есть не стал аналогом английского *underwriter*), не содержит обязательства для организатора участвовать в синдицированном кредите в будущем.

Таким образом, в России был введён институт организации кредита (займа) в целом схожий со своим англо-правовым аналогом. Что он собой представляет с точки зрения российского права?

Является ли он организационным договором? Организационные отношения находятся в тесном взаимодействии с организуемыми имущественными отношениями⁷ и во многом являются для них основой. Как было сказано выше, договор об организации синдицированного кредита в целом имеет

⁵ Philip R. Wood *International Loans, Bonds, Guarantees, Legal Opinions* // Sweet and Maxwell, London, 2007, P. 7.

⁶ ФЗ О синдицированном кредите (займе) и внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ от 31 декабря 2017 года № 486-ФЗ // СПС Консультант Плюс.

⁷ Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. N 10. С. 56–57.

¹ *Derry v Peek* (1889) 14 App Cas 337.

² *R v Chester and North Wales Legal Aid Area Office* [1998] 1 WLR 1496.

³ *Unfair Contract Terms Act 1977*.

⁴ *IFE Fund SA v Goldman Sachs* (2006) EWHC 2887.

независимый характер от самого кредитного договора. Частично он направлен на формирование в будущем синдиката кредиторов, которые будут участвовать в соответствующем финансировании. Однако, как правильно замечает Л.А. Попкова¹, такой договор не является основанием для заключения договора синдицированного кредита и, как правило, содержит вполне самостоятельные обязательства. То есть договор об организации синдицированного кредитования имеет некоторые организационные моменты, однако не является полностью организационным договором² и имеет частично как организационный, так и имущественный характер.

Можно сравнить также договор об организации синдицированного займа с предварительным договором. У последнего есть следующие черты: (1) он закрепляет основные ключевые условия будущего договора; (2) стороны в предварительном и основном договоре совпадают; (3) основной договор обязателен к заключению и в данном случае возможно судебное побуждение. Договор об организации синдицированного кредита (1) не содержит ключевых условий будущего договора, прикладываемый к нему *term sheet* индикативен и является по сути стартовой площадкой для последующего заключения кредитного договора (2) количество сторон в кредитном договоре значительно расширяется, (3) не понуждает своих участников заключать в будущем какой-либо кредитный договор. Поэтому можно сделать вывод, что он не является предварительным договором.

Ранее некоторые исследователи рассматривали договор об организации синдицированного кредита как договор о намерениях³. Однако обычно такой договор не содержит юридических обязательств⁴ (хотя если рассматривать его в широком смысле, то формулировки и наличие основных условий могут сделать его юридически обязывающим, но по нашему мнению в этом случае правильнее уже говорить о предварительном договоре), в то время как рассматриваемый договор содержит ряд юридически-обязательных положений, имеющих независимый от договора синдицированного кредита характер (хотя ранее был ряд судебных решений, которые не признавали организацию кредита самостоятельной сделкой, а рассматривали (1) её как соответствующую часть операции по предоставлению кредита⁵, а (2) выплату соответствующей комиссии – как плату за предоставление кредита, а оплата именно организато-

¹ Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: монография // СПС Консультант Плюс.

² Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: Монография / Под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016 // СПС «Консультант Плюс».

³ Акимов Я.С. Правовые аспекты синдицированного кредитования // СПС Консультант Плюс.

⁴ Е. А. Суханов Российское гражданское право Том II, Отв. редактор Е.А. Суханов // М.: Статут, 2011 стр. 143.

⁵ Постановление ФАС Московского округа от 6 сентября 2013 г. по делу N А40-71030/12-108-57 // СПС консультант Плюс.

рам являлось договорным распределением доходов между сокредиторами⁶. Однако принятый Закон о синдицированном кредите выделяют организацию синдицированного кредита как полностью отдельный договор).

Договор об организации синдицированного займа, безусловно, является двусторонним и возмездным договором. Обязательством должника-заказчика является выплата соответствующей комиссии организатору.

Также можно отметить, что в ГК РФ была введена конструкция соглашения о порядке ведения переговоров (п. 5 ст. 434.1 ГК РФ)ФРФ, где стороны уточняют порядок ведения переговоров между собой. В отличие от предварительного договора, соглашение о порядке ведения переговоров не устанавливает обязанности заключить в будущем основной договор⁷. В этом отношении можно отметить, что соглашение об организации синдицированного кредита подразумевает переговоры между заёмщиком-заказчиком и организатором по поводу условий синдицированного кредита, базируясь на условиях *term sheet* и комментариев со стороны потенциальных кредиторов. Однако, как правило, регулирование в рассматриваемом договоре о таком согласовании весьма лаконично (ограничиваясь, например, тем, что заказчик должен действовать разумно и оказывать организатору разумную помощь), основная же его часть посвящена обязательствам организатора по формированию синдиката, составлению информационного меморандума и согласованию с потенциальными кредиторами кредитной документации в максимальной степени в соответствии с *term sheet*. Поэтому договор об организации синдицированного кредита нельзя назвать соглашением о порядке ведения переговоров.

Имеет ли соглашение об организации синдицированного кредитования представительский характер? Так, Л.Г. Ефимова⁸ считает, что рассматриваемый договор может иметь представительский характер и являться смешанным договором об оказании услуг и агентским договором по модели договора поручения (то есть с прямым представительством, где перед потенциальными кредиторами организатор осуществляет различные юридические и фактические действия от имени должника-заказчика). Л.А. Попкова также утверждает, что соглашение об организации синдицированного кредитования имеет представительский характер. Однако в то же время она отмечает, что во взаимоотношениях с потенциаль-

⁶ Постановление Девятого Арбитражного Апелляционного суда от 3 апреля 2013 г. N 09АП-2672/2013 по делу N А40-71030/12-108-57 // СПС консультант Плюс.

⁷ Карапетов А. Г. «Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации» (отв. ред. А.Г. Карапетов) // СПС Консультант Плюс; Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) // СПС Консультант Плюс.

⁸ Ефимова Л.Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита // СПС консультант Плюс.

ными кредиторами организатор действует от собственного имени, то есть такое представительство имеет косвенный характер. Таким образом, она (1) не соглашается, что соглашение об организации синдицированного кредита действует по модели поручения; и (2) отстаивает точку зрения, что такое соглашение представляет собой агентский договор по модели договора комиссии [6].

Как уже подчёркивалось ранее, договор об организации синдицированного кредита имеет довольно сложный предмет. Здесь есть и услуги по составлению информационного меморандума, и общение с кредиторами по поводу участия в синдикации, и обсуждение с ними *term sheet*, и согласование как с должником, так и с кредиторами окончательных условий кредитной документации. При этом при таком согласовании он учитывает замечания и пожелания кредиторов, то есть, можно сказать, что в определённой степени действует в интересах кредиторов. В силу вышеперечисленного сложно согласиться, что при выполнении своих функций организатор действует как агент заёмщика. Он действует и оказывает услуги заказчику, выполняя его задание как независимое лицо, и в то же время учитывает интересы кредиторов. Поэтому можно считать, что договор об организации синдицированного кредитования по российскому праву является договором возмездного оказания услуг (как и его англо-правовой аналог).

Таким образом, договор об организации синдицированного кредитования как в английском праве, так и в российском праве представляет собой договор возмездного оказания услуг, где организатор действует как независимое лицо, конечная цель которого – вовлечь в синдикат кредиторов и согласовать между кредиторами и заёмщиком соответствующую кредитную документацию.

Литература

1. Акимов Я.С. Правовые аспекты синдицированного кредитования // СПС Консультант Плюс.
2. Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития: Монография / Под общ. ред. Л.Ю. Василевской. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2016 // СПС «Консультант Плюс».
3. Ефимова Л.Г. Правовые особенности договора синдицированного кредита // СПС консультант Плюс.
4. Карапетов А. Г. «Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации» (отв. ред. А.Г. Карапетов) // СПС Консультант Плюс; Егорова М.А. Переговоры о заключении договора (комментарий к ст. 434.1 ГК РФ) // СПС Консультант Плюс.
5. Красавчиков О.А. Гражданские организационно-правовые отношения // Советское государство и право. 1966. N 10.
6. Попкова Л.А. Правовая конструкция синдицированного кредита: монография // СПС Консультант Плюс.
7. Суханов Е.А. Российское гражданское право Том II, Отв. редактор Е.А. Суханов // М.: Статут, 2011.
8. Mark Campbell, Christoph Weaver *Syndicated Lending, Practice and Documentation*, Seventh Edition, Harriman House, 2019, 672 p.
9. Philip R. Wood *Law and Practice of International Finance* // Sweet and Maxwell, London, 2008, 600 p.
10. Philip R. Wood *International Loans, Bonds, Guarantees, Legal Opinions* // Sweet and Maxwell, London, 2007, 487 p.

AGREEMENT ON ORGANIZATION OF SYNDICATED LENDING UNDER ENGLISH LAW AND UNDER RUSSIAN LAW

Vidiushchenko A.A.

Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article is devoted to analysis of the construction and structure of the agreement on the organization of syndicated lending under English law and its qualification under Russian law. It contains analysis of English law provisions including English law judicial practice and English law legal doctrine as well Russian law provisions including Russian law legal doctrine. The article analyzes the role, obligations, legal status and limits of responsibility to syndicated lenders of the syndicated lending arranger as well as conditions on which the agreement can be concluded. The article also analyzes the legal status of the information (including in the context of legal representations) about borrower and its business in the informational memorandum sent across by the arranger. It is concluded that syndicated lending organization agreement, taking into account Russian updated syndicated lending legislation, under Russian law and English law have a similar legal nature and arranger plays a similar role and has a similar scope of obligations.

Keywords: agreement on organization of the syndicated lending, syndicated lending arranger, arranger's responsibility to the syndicated lenders, responsibility limits, informational memorandum, reasonable efforts, best efforts, bookrunners, underwritten lending arrangement, mandate letter.

References

1. Akimov Ya.S. Legal aspects of syndicated lending // SPS Consultant Plus.
2. Contract law of Russia: reform, problems and development trends: Monograph / Under the general editorship of L. Yu. Vasilevskaya. Moscow: NORMA; INFRA-M, 2016 // SPS Consultant Plus.
3. Efimova L.G. Legal features of a syndicated loan agreement // SPS Consultant Plus.
4. Karapetyan A.G. "Contract and obligation law (general part): article-by-article commentary to articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation" (editor-in-chief A.G. Karapetyan) // SPS Consultant Plus; Egorova M.A. Negotiations on concluding an agreement (commentary to article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation) // SPS Consultant Plus.
5. Krasavchikov O.A. Civil organizational and legal relations // Soviet state and law. 1966. N 10.
6. Popkova L.A. Legal structure of a syndicated loan: monograph // SPS Consultant Plus.
7. Sukhanov E.A. Russian civil law Volume II, Responsible. editor E.A. Sukhanov // Moscow: Statut, 2011.
8. Mark Campbell, Christoph Weaver *Syndicated Lending, Practice and Documentation*, Seventh Edition, Harriman House, 2019, 672 p.
9. Philip R. Wood *Law and Practice of International Finance* // Sweet and Maxwell, London, 2008, 600 p.
10. Philip R. Wood *International Loans, Bonds, Guarantees, Legal Opinions* // Sweet and Maxwell, London, 2007, 487 p.

Особенности правового регулирования трудовых отношений в цифровой среде

Владими́рова Васи́лиса Дми́триевна,

кафедра трудового права и права социального обеспечения,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина
E-mail: Vladimirova.v.d@mail.ru

Современными технологические изменения, связанные с цифровизацией экономики, оказывают существенное влияние на сферу трудовых отношений. Развитие информационных технологий, автоматизация процессов и распространение платформенной занятости привели к появлению новых форм трудовой деятельности, таких как дистанционная работа, гибкие графики, работа через цифровые платформы и самозанятость в онлайн-среде. Перечисленные тенденции создают новые возможности для работников и работодателей, а также серьезные вызовы в сфере правового регулирования. Отсутствие единообразного подхода к правовому статусу работников цифровой среды акцентирует формирование научных исследований, направленных на проработку существующих недостатков нормативно-правового регулирования. В контексте выполнения дистанционной работы на платформах Uber, Яндекс.Такси, Delivery Club и др. нередко возникает вопрос о разграничении статуса наемного работника и самозанятого лица, что влечет за собой неопределенность в применении норм трудового права, социальной защиты и налогообложения. Необходимость комплексного правового регулирования трудовых отношений в цифровой среде обусловлена масштабированием новых форм занятости и необходимостью защиты прав работников, при которых будет обеспечиваться стабильность трудового рынка и адаптация законодательства к реалиям цифровой экономики.

Ключевые слова: трудовое право, цифровая среда, удаленная работа, платформенная занятость, гибкие формы занятости, цифровизация трудовых отношений, правовое регулирование, защита трудовых прав, дистанционная работа, цифровые трудовые договоры.

Введение

Цифровизация трудовых отношений создает новые правовые вызовы, связанные с защитой персональных данных, электронной идентификацией работников и контролем за их деятельностью в удаленном формате. Широкое распространение дистанционной занятости требует пересмотра норм о рабочем времени и отдыхе, поскольку современные технологии стирают границы между профессиональной и личной сферой. Возникают вопросы о правовом статусе работников цифровых платформ, использовании алгоритмического управления и необходимости регулирования автоматизированных решений в сфере найма и оплаты труда.

Во многих странах суды признают работников цифровых платформ наемными сотрудниками, что требует пересмотра традиционных подходов к нормативно-правовому регулированию трудовых отношений. Появление новой категории специалистов, цифровых кочевников, усложняет правовое регулирование, поскольку такие работники не привязаны к конкретной юрисдикции и выполняют профессиональные обязанности из разных точек мира. Помимо прочего, цифровые платформы уже играют роль не только инструментов взаимодействия, но и самостоятельных участников трудовых процессов, что требует их юридического признания.

Для обеспечения эффективного правового регулирования необходимо учитывать новые формы занятости и субъектов трудовых отношений, в том числе, их виртуальные личности и искусственный интеллект. Законодательные инициативы, направленные на адаптацию права к цифровым реалиям, свидетельствуют о необходимости создания прозрачных и справедливых механизмов защиты работников, а также о важности государственного контроля за алгоритмическим управлением трудом.

Обзор литературы

Исследование De Stefano V. et al. выявило тенденцию к переоценке принципов функционирования традиционного трудового регулирования в условиях разрастающихся объемов платформенной занятости. Эксперты заметили, что обычные параметры трудовых отношений не отражают сложные реалии работы на цифровых платформах. В совместном заявлении Совещания экспертов по работникам в ситуациях, требующих защиты, в 2000-х гг. подчеркивалось, что многие работники, которые

обычно имеют право на полную защиту труда, исключены из этих гарантий, поскольку их работа не вписывается в установленные правовые определения. Приведенная проблема актуализирована сегодня в большем объеме, согласно результатам Общего обзора Committee of Experts on the Application of Conventions and Recommendations (CEACR), в котором такие страны, как Камбоджа, Латвия, Германия и др. сообщили о трудностях в распространении адекватной защиты труда на работников платформы.

Необходимо отметить, что в некоторых регионах наблюдаются позитивные тенденции, например, в США штаты Айова и Юта приняли законы, классифицирующие работников платформы в качестве независимых подрядчиков. Подобные действия направлены на исключение возможности формирования договоров, несоответствующих трудовому законодательству, которые распространены при занятости на таких платформах, как Uber или Handy. Опыт Техасской комиссии по трудовым ресурсам демонстрирует иное направление, которое направлено на запрет работникам, выполняющим заказы в приложениях, претендовать на страхование по безработице, что еще раз подтверждает тенденцию к исключению работы на платформе из традиционного трудового права. Напротив, некоторые европейские подходы интегрируют работу на цифровой площадке в более широкую социальную структуру. Например, трудовое законодательство Бельгии в 2018 г. классифицировало доход, полученный от работы на платформе, как «вспомогательный», тем самым освободив его от стандартных налогов и взносов в систему социального обеспечения при условии, что он не превышает определенного порога. Критики утверждают, что такие меры фактически создают «зону, свободную от социального права», в которой работники получают минимальную защиту. Нововведение привело к юридическим проблемам со стороны профсоюзов и объединений работодателей, а конституционные суды заявили, что исключение нарушает основные права [5, стр. 18–19].

Европейские власти также предпринимают соответствующие шаги, например принятие Регламента ЕС 2019/1150, который направлен на обеспечение прозрачности и справедливости для бизнес-пользователей услуг онлайн-посредничества [2]. Несмотря на разработку нормативных положений, крупные акселераторы, по типу Uber, попадают под его регулирование, даже при условии, что Суд ЕС постановил, что площадка занимается не посредничеством, а предоставляет полноценные транспортные услуги. Следовательно, правовое регулирование нуждается в постоянной доработке и актуализации, базирующейся на позиции, выраженной в судебных решениях.

Компании цифровых платформ стали влиятельными экономическими субъектами в мире, кардинально изменившими структуру трудовых отношений в цифровую эпоху. Совокупная рыночная капитализация Alphabet, Amazon, Apple и Facebook,

превысила 5,7 трлн долл. к декабрю 2020 г., что превышает рыночную стоимость многих целых фондовых бирж. Беспрецедентная централизация Big Tech привела к весомым проблемам регулирования, особенно в сфере трудовых отношений, например, во время пандемии COVID-19 выявилась сильная зависимость от цифровых платформ для работы и услуг, что подчеркнуло уязвимость работников платформ. Такое положение было вызвано необходимостью быстрого перехода на дистанционный формат работы, в связи с чем компании покупали доступы к онлайн-площадкам, системам учета, приложениям для звонков и связи. В том числе, сложность положения цифровых работников актуализировалась в контексте покрытия основных видов социальной защиты, таких как оплата по болезни и пособия по безработице, что было доступно в период пандемии работникам традиционных форм занятости [6, стр.116–117]. Традиционные работники извлекли выгоду из расширенного отпуска по болезни, поддержки по безработице и различных схем краткосрочной работы во время кризиса.

Регуляторы по всему миру борются с этими проблемами, что приводит к изменению правового ландшафта. В отчете Европейской комиссии «Политика конкуренции в цифровую эпоху» подчеркивается, что платформы должны поддерживать равные условия на своих рынках, тем самым предотвращать злоупотребление рыночной властью. Аналогичным образом, Италия внесла поправки в свое трудовое законодательство, чтобы распространить защиту занятости на работников, чьи услуги предоставляются через цифровые платформы, так реализуется гарантия, что работники не будут исключены из преимуществ трудового права только из-за их договорной классификации.

Перечисленные разработки иллюстрируют двойную проблему регулирования цифрового труда, заключающуюся в необходимости адаптировать существующие правовые рамки к реалиям работы на платформе и сохранении фундаментальных мер защиты, лежащих в основе трудовых прав [6, стр.118]. Текущие усилия по нормативному регулированию направлены на то, чтобы примирить гибкость и инновации цифровых платформ со стабильностью и справедливостью, провозглашаемыми традиционным регулированием труда, что в конечном итоге формирует сбалансированный и инклюзивный цифровой рынок занятости.

Согласно исследованию Dabić M. et al., поэтапная разработка рассматриваемых законопроектов продвигается достаточно успешно во многих развитых странах. Европейский Союз внедрил Регламент Platform-to-Business (P2B), направленный на повышение прозрачности цифровых платформ и разработал Закон о цифровых рынках (DMA) и Закон о цифровых услугах (DSA) для регулирования технологических гигантов. В свою очередь, Соединенные Штаты предпринимают попытки пересмотреть классификацию цифровых работников, как это продемонстрировал Законопроект 5

(AB5) в Калифорнии, вызвавший неоднозначную реакцию и споры. Суды и законодательные органы Италии и Франции повсеместно предоставляют в своих решениях курьерам и фрилансерам больше социальных гарантий, в том числе, минимальную оплату труда и социальное страхование [4, стр. 2–6]. Проблемой цифровых трудовых отношений остается алгоритмическое управление, при котором искусственный интеллект и автоматизированные системы определяют задачи, контролируют эффективность и устанавливают заработную плату.

Недостаточная прозрачность таких решений создает риски одностороннего увольнения, усиленного контроля и утраты конфиденциальности работников. Законодательные органы стран обсуждают ответные меры на эти вызовы, среди которых внедрение механизмов прозрачности алгоритмов, права на оспаривание автоматизированных решений и усиление человеческого контроля. Будущее регулирования цифрового труда требует комплексного подхода, сочетающее в себе четкое определение статуса работников, адаптацию систем социальной защиты, обеспечение прозрачности алгоритмического управления и международное сотрудничество для предотвращения регулятивного арбитража. Без этих мер цифровая занятость останется сферой с высоким уровнем неопределенности и социальной незащищенности работников.

По мере расширения цифровых рынков труда растет обеспокоенность по поводу размывания традиционных трудовых прав и защиты. Исторически институциональные работодатели несли ответственность за предоставление работникам основных мер защиты, например, покрытия медицинской страховки, пенсии и обеспечение конкурентоспособной заработной платы. Актуальным недочетом платформенной экономики является переложение этих обязательств на отдельных работников, что оставляет их без социальной защиты. Этот сдвиг ответственности требует срочных юридических вмешательств. Политики, профсоюзные организации и исследователи должны действовать быстро, чтобы решать проблемы регулирования, возникающие в связи с работой на цифровых платформах. Эксперты утверждают, что для предотвращения эксплуатации цифровых работников и соблюдения основных трудовых прав необходимы более жесткие нормативные рамки. Одним из предлагаемых решений является налогообложение и регулирование цифровых трудовых платформ, чтобы гарантировать, что они вносят справедливый вклад в системы социального обеспечения и защиту работников [4, стр. 6–8]. Несмотря на некоторые усилия транснациональных корпораций по улучшению условий труда, работа на платформах остается в большей степени нерегулируемой и продолжает действовать за пределами сферы влияния национальной трудовой политики. С учетом глобализации и транснационального характера цифровой работы, трудовое законодательство должно гармонизироваться одновременно на ев-

ропейском и на глобальном уровнях, чтобы установить последовательную защиту труда во всех юрисдикциях.

Согласно мнению Т. Katsabian, G. Davidov цифровые платформы, такие как Uber, Lyft и Deliveroo, продвигают гибкость как основное преимущество платформенной занятости и позволяют работникам самостоятельно выбирать график. Однако анализ авторов показал, что гибкость ограничена алгоритмическим управлением, при котором платформа предоставляет приоритет в распределении заказов тем, кто работает чаще, и ограничивает доступ к заказам для тех, кто отказывается от менее прибыльных предложений. Встроенные системы рейтингов и оценки фактически заставляют работников следовать стандартам платформы, несмотря на отсутствие формальных трудовых договоров. Действия компаний привели к судебным решениям в ряде стран, признающим таких работников наемными сотрудниками, что ставит под сомнение их формальный статус независимых подрядчиков [8, стр. 353–357]. Учет рабочего времени служит важным условием регулирования цифровой занятости, так как традиционное трудовое право предполагает оплату не только фактически выполненной работы, но и времени ожидания.

Судебные разбирательства, в частности дело Uber v. Aslam в Великобритании [3], подтвердили, что работники цифровых платформ должны получать оплату за все время, проведенное в системе. Однако платформы сопротивляются подобным решениям, поскольку они угрожают экономической модели «работы по требованию», в таком случае, компании будут оплачивать каждый час нахождения работников в сети и им придется переходить к фиксированным сменам, что ограничит гибкость, являющуюся преимуществом цифровой занятости.

Для обеспечения баланса между гибкостью и социальной защитой возможны компромиссные правовые решения, например, частичная компенсация за время ожидания, предоставление платформенным работникам базовых социальных гарантий или внедрение гибридных моделей занятости с минимальными обязательными выплатами [8, стр. 358–360]. Предлагаемые меры сохранят элементы свободы выбора, но при этом предотвратят эксплуатацию работников. В долгосрочной перспективе правовое регулирование платформенной экономики потребует международного сотрудничества и согласования стандартов, иначе компании продолжат использование законодательных лазеек.

По мнению Т.А. Зыкиной, цифровые трудовые правоотношения выступают в качестве особой категории правоотношений, обусловленных уровнем интеграции цифровых технологий в процесс работы. В России их можно разделить на дистанционные, при которых работник выполняет обязанности удаленно на постоянной основе, и гибридные, предполагающие чередование работы в офисе и удаленного формата. Несмотря на удобство таких форм занятости, они сопровождаются пра-

вовыми вызовами, связанными с режимом работы, охраной труда, защитой персональных данных и механизмами контроля за выполнением обязанностей. Так, ст. 49.1 Трудового кодекса РФ регулирует дистанционную работу через электронный документооборот, но проблемы переработок, социальной изоляции и правовой защиты работников при взаимодействии с цифровыми платформами остаются нерешенными [1].

Правовое регулирование цифрового труда требует адаптации к новым реалиям, таким как алгоритмическое управление, вопросы кибербезопасности и возможное участие искусственного интеллекта в трудовых отношениях. В перспективе возникает необходимость введения единого статуса «цифрового работника», обеспечивающего баланс между гибкостью занятости и социальной защитой. Помимо прочего, регулирование должно учитывать риски размывания границ между работой и личной жизнью, переработок и трудовой эксплуатации. Создание современных правовых механизмов, соответствующих развитию технологий, позволит обеспечить справедливые условия труда в цифровой среде и сохранить возможности для инновационного роста экономики [10, стр. 160–162].

В своей работе А.Ю. Рожкова делает акцент на правовое регулирование сферы гибридного образования, где трудовые обязанности работников образовательных учреждений становятся более сложносоставными и труднодоступными для традиционного учета. В условиях распространения цифровых технологий возникает потребность пересмотра локальных норм для учета новых видов работы и обеспечения социальных гарантий. Авторами выявлена существующая проблема недостаточной правовой защиты работников, особенно самозанятых, что требует уточнения их статуса и правовых механизмов взаимодействия с платформами.

Платформенные экосистемы предоставляют новые возможности для организации труда, но правовой статус работников на таких платформах, в том числе, самозанятых, остается недостаточно четким [11, стр. 112–114]. Поэтому в ближайшие годы требуется пересмотр и дополнение нормативных положений трудового законодательства, с учетом правовой природы «сетевой занятости», которая комбинирует элементы дистанционного и традиционного труда, что требует четкого разграничения трудовых отношений и разработки новых подходов.

В судебной практике наблюдаются случаи нарушения трудового законодательства, связанные с фиктивными трудовыми отношениями и отсутствием основополагающих элементов трудового договора, таких как условия работы и должностные инструкции. Судебная практика, рассмотренная А.Ю. Рожковой, показывает, что суд зачастую встает на сторону работника, так как в трудовых спорах это уязвимая сторона. Однако, бывают случаи, когда суд принимает сторону работодателя, например, в спорах, связанных с отсутствием вы-

плат по беременности при работе на площадке, мошенничестве и злоупотреблении при получении пособий путем сокрытия дистанционной работы, обеспечивающей их выплату [11, стр. 117–118].

Нововведения в российском законодательстве и их фактическое применение углубляются в исследовании А.В. Буяновой и Е.А. Линьковой, по мнению которых ускорение цифровизации трудовых отношений произошло во время пандемии, позитивные механизмы и практики перешли остались и после нее. Несмотря на это, сфера трудовых отношений остается инертной, и многие работодатели и работники не готовы к полному переходу на современные форматы работы. Однако тенденции к изменениям уже очевидны, и они будут внедряться в будущем.

Переход к инновационной, социально ориентированной экономике невозможен без гибкого рынка труда и новых форм занятости, таких как удаленная работа. Примером адаптации системы выделяют электронные трудовые книжки, которые действуют в России с 2021 г., на основании и по условиям которых работодатели теперь обязаны передавать сведения о работнике в электронном формате. Также весомым изменением стало изменение процесса реализации проверок государственной инспекции труда (ГИТ), которые ранее носили традиционный характер с выездом инспектора в организацию для проверки документации и условий труда. Ввиду условий пандемийной инфекции формы изменились и распространились онлайн-проверки, которые остались в практике, так как показали себя удобными и производительными, а также требующими меньше затрат. Электронные отчеты активно передаются через портал СБИС для сдачи отчетности в государственные органы, причем система помогает организациям подготовить, отправить бухгалтерские и налоговые отчеты и обновляет формы в соответствии с актуальными требованиями. Портал также проверяет отчетность на ошибки и помогает в заполнении документов [9, стр. 33–34]. Так, формы и методы сотрудничества с государственными органами меняются, в некоторых областях быстрее, так как можно оцифровать информацию, в некоторых медленнее, где больше традиционного труда и документооборота, но процесс однозначно не стоит на месте. Цифровизация трудовых отношений сопряжена с рисками, так как не решены проблемы недостаточной безопасности цифровых данных, проблемы с организацией рабочего процесса с использованием цифровых средств и возможное дублирование данных в бумажной форме.

Рост государственного вмешательства в сферу трудовых правоотношений обусловлен не только пандемией, как считает Т.А. Зыкина, но и необходимостью защиты прав работников в условиях цифровой трансформации. Правоприменители в России и зарубежных странах при рассмотрении данной категории дел сталкиваются с трудностями, поскольку законодательство не успевает адаптироваться к стремительному развитию техно-

логий и цифровым правоотношениям. Важно контролировать рассмотренные процессы и создавать правовые механизмы для защиты цифровых прав участников трудовых отношений.

Важным этапом реформирования законодательства является учет появления новой категории правоотношений, так как образовался новый объект регулирования, включающий виртуальные произведения, цифровые сервисы, которые становятся предметом трудовых договоров, требующих нового подхода к правовой защите. А также новые субъекты трудовых отношений, например, виртуальные личности, информационные посредники и цифровые платформы, что требует их юридического признания и разработки соответствующих норм идентификации. В отечественной юриспруденции, перечисленные новшества в сфере трудового права стоит рассмотреть в рамках реализации национальных программ цифровизации, в том числе, «Цифровая экономика Российской Федерации», что ускорит процесс их внедрения [10, стр. 164–166].

В Великобритании уже предприняты шаги к адаптации трудового законодательства к новым реалиям. Теперь все сотрудники, вне зависимости от стажа, имеют законное право дважды в год запрашивать гибкий график работы. С сентября 2024 г. вступил в силу закон, позволяющий запрашивать предсказуемый график в случаях, когда текущий режим работы нестабилен. Однако, несмотря на эти изменения, британские законы остаются относительно либеральными по сравнению с нормами других европейских стран. В отличие от Франции, Германии и ряда других государств, в Великобритании нет жестких ограничений на ночную работу и работу в выходные дни [7]. Аналогичные инициативы можно наблюдать и в других юрисдикциях. В Колумбии принятый недавно законопроект предлагает промежуточную категорию для экономически зависимых работников платформы и предоставляет им переносимые рейтинги производительности, коллективные трудовые права и общие взносы в систему социального обеспечения между платформой и работником. Между тем, в Аргентине предлагаемые меры содержат максимальную 48-часовую рабочую неделю, обязательный 12-часовой ежедневный период отдыха и гарантированную минимальную заработную плату, а также механизмы компенсации в случаях необоснованного увольнения [5, стр. 21–22]. Быстрая цифровизация рынков труда требует срочных корректировок регулирования для защиты прав работников при сохранении экономической гибкости. Правительства, предприятия и международные организации должны сотрудничать для установления справедливых трудовых стандартов, соответствующих реалиям цифровой экономики.

Заключение

Правовое регулирование трудовых отношений в цифровой среде требует комплексного и гибкого подхода, учитывающего особенности платформенной занятости, удаленной работы и алгоритмическо-

го управления трудом. Цифровая трансформация рынка труда привела к появлению новых субъектов и объектов трудовых отношений, что создает вызовы для традиционного трудового законодательства. В условиях, когда цифровые платформы играют роль посредников между работниками и работодателями, необходимо разработать правовые механизмы, обеспечивающие баланс между гибкостью работы и социальной защитой.

Для эффективного регулирования цифрового труда необходимо международное сотрудничество и согласование стандартов, исключающих возможность обхода социальных обязательств. Введение гибридных моделей регулирования, создание особых правовых статусов для платформенных работников и разработка механизмов защиты цифровых прав позволит адаптировать трудовое законодательство к современным реалиям. Кроме того, важным направлением реформ должно стать регулирование алгоритмических методов управления, которые влияют на условия труда, оплату и занятость работников.

Полный отказ от модели «по требованию» кажется логичным решением для борьбы с эксплуатацией работников, однако он не учитывает предпочтения самих сотрудников платформ. Сотрудники ценят возможность самостоятельно определять график работы, а жесткое регулирование направлено на ограничение их гибкости. Следовательно, задача заключается не в ликвидации данной модели, а в поиске сбалансированного решения, которое обеспечит минимальную социальную защиту и не устранил при этом преимущества гибкого графика.

Трудовое право традиционно стремится находить баланс между защитой работников и предоставлением им свободы выбора. Полярные подходы, подразумевающие либо полное признание всех платформенных работников штатными сотрудниками, либо полное сохранение их статуса независимых подрядчиков, не учитывают различия в мотивации и потребностях различных групп. Так, для одних работников платформы являются основным источником дохода, и они нуждаются в стабильности и социальной защите, тогда как для других платформенная занятость служит лишь способом дополнительного заработка, и они предпочитают максимальную гибкость, даже если это означает меньшую правовую защиту.

В этом контексте возможны три компромиссных варианта регулирования. Первый – частичная оплата времени ожидания, обеспечивающая минимальную компенсацию за простой без разрушения гибкой модели работы. Второй – дифференцированный подход, при котором основные работники получают трудовые гарантии, а дополнительные сохраняют свободу выбора. Третий – активное участие профсоюзов и коллективных договоров, которые позволяют согласовывать условия труда в зависимости от интересов работников и работодателей. Перечисленные механизмы направлены на создание справедливой и устойчивой системы цифрового труда.

Следовательно, будущее трудового права в цифровую эпоху зависит от способности правовых систем своевременно адаптироваться к новым формам занятости и не потерять при этом базовые принципы социальной защиты и справедливости. В сочетании с развитием технологических инструментов регулирования цифровой занятости это позволит сформировать стабильную и прозрачную правовую среду, отвечающую вызовам цифровой экономики.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (часть I). ст. 3.
2. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online intermediation services (Text with EEA relevance) / Document 32019R1150 // PE/56/2019/REV/1. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1150/oj/eng> (дата обращения: 23.02.2025).
3. Uber BV v Aslam (2021) / Gig Economy Litigation Database. – URL: <https://www.biicl.org/gig-workers-litigation-database/uber-bv-v-aslam-2021?cookieset=1&ts=1740349231> (дата обращения: 23.02.2025).
4. Dabić M. et al. Future of digital work: Challenges for sustainable human resources management // Journal of Innovation & Knowledge. – 2023. – Т. 8. – № . 2. – P. 1–9.
5. De Stefano V., Durri, I., Stylogiannis, C., & Wouters, M. Platform work and the employment relationship. – ILO Working Paper, 2021. – № . 27. – P. 62.
6. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age //Innovation. – 2022. – Т. 24. – № . 1. – P. 110–124.
7. Is employment law keeping pace with technology? The rise of digital nomads and the challenges faced by tech disrupters / Lucy Gordon // International Bar Association the global voice of the legal profession. – URL: <https://www.ibanet.org/is-employment-law-keeping-pace-with-technology> (дата обращения: 23.02.2025).
8. Katsabian T., Davidov G. Flexibility, choice, and labour law: The challenge of on-demand platforms // University of Toronto Law Journal. – 2023. – 73:3. – P. 348–379.
9. Буянова А.В., Линькова Е.А. Новые вызовы цифровой среды в трудовых отношениях – практико-правовой анализ // Вестник экономической безопасности. – 2023. – № 1. – С. 30–35.
10. Зыкина Т.А. Влияние цифровой реальности на регулирование трудовых отношений // Вестн. Том. гос. ун-та. Право. – 2021. – № 41. – С. 159–170.
11. Рожкова А.Ю. Особенности дистанционного труда: сетевая и платформенная занятость //

Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – № 2. – С. 112–120.

FEATURES OF LEGAL REGULATION OF LABOR RELATIONS IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

Vladimirova V.D.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

Modern technological changes associated with the digitalization of the economy have a significant impact on labor relations. The development of information technology, automation of processes and the spread of platform employment have led to the emergence of new forms of labor activity, such as remote work, flexible schedules, work through digital platforms and self-employment in the online environment. These trends create new opportunities for employees and employers, as well as serious challenges in the field of legal regulation. The lack of a uniform approach to the legal status of workers in the digital environment emphasizes the formation of scientific research aimed at working out the existing shortcomings of legal regulation. In the context of remote work on the platforms of Uber, Yandex.Taxi, Delivery Club, etc., the question of distinguishing between the status of an employee and a self-employed person often arises, which entails uncertainty in the application of labor law, social protection and taxation. The need for comprehensive legal regulation of labor relations in the digital environment is due to the scaling of new forms of employment and the need to protect workers' rights, which will ensure the stability of the labor market and the adaptation of legislation to the realities of the digital economy.

Keywords: labor law, digital environment, remote work, platform employment, flexible forms of employment, digitalization of labor relations, legal regulation, protection of labor rights, remote work, digital employment contracts.

References

1. Labor Code of the Russian Federation No. 197-FZ dated 12/30/2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part I). art. 3.
2. Regulation (EU) 2019/1150 of the European Parliament and of the Council of 20 June 2019 on promoting fairness and transparency for business users of online mediation services (Text with EEA relevance) / Document 32019R1150 // PE/56/2019/REV/1. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/1150/oj/eng> (date of request: 23.02.2025).
3. Uber BV v Aslam (2021) / Gig Economy Litigation Database. – URL: <https://www.biicl.org/gig-workers-litigation-database/uber-bv-v-aslam-2021?cookieset=1&ts=1740349231> (date of request: 23.02.2025).
4. Dabić M. et al. The future of digital work: Challenges for sustainable human resources management //Journal of Innovation & Knowledge. – 2023. – Vol. 8. – No. 2. – pp. 1–9.
5. De Stefano V., Durri, I., Stylogiannis, C., & Wouters, M. Platform work and the employment relationship. – ILO Working Paper, 2021. – No. 27. – P. 62.
6. Gawer A. Digital platforms and ecosystems: remarks on the dominant organizational forms of the digital age //Innovation. – 2022. – Vol. 24. – No. 1. – pp. 110–124.
7. Is employment law keeping pace with technology? The rise of digital nomads and the challenges faced by tech disrupters / Lucy Gordon // International Bar Association the global voice of the legal profession. – URL: <https://www.ibanet.org/is-employment-law-keeping-pace-with-technology> (date of request: 23.02.2025).
8. Katsabian T., Davidov G. Flexibility, choice, and labour law: The challenge of on-demand platforms // University of Toronto Law Journal. – 2023. – 73:3. – pp. 348–379.
9. Buyanova A.V., Linkova E.A. New challenges of the digital environment in labor relations – a practical and legal analysis // Bulletin of Economic Security. – 2023. – No. 1. – pp. 30–35.
10. Zykina T.A. The influence of digital reality on the regulation of labor relations // Vestn. Volume of the State University. Pravo. – 2021. – No. 41. – pp. 159–170.
11. Rozhkova A.Y. Features of distance labor: network and platform employment // Law Bulletin of Dagestan State University. – 2022. – No. 2. – pp. 112–120.

Губанова Ольга Александровна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В публикации рассмотрена пенсия для членов семьи сотрудников федеральной противопожарной службы (ФПС), которые находились на их иждивении – пенсия по случаю потери кормильца (Закон Российской Федерации № 4468–1). [1]
Проанализированы все составляющие для ее оформления родственникам, находящимся на иждивении погибших или умерших сотрудников ФПС. Показано, каким образом начисляется данная пенсия, зависящая от обстоятельств смерти сотрудника и суммы денежного довольствия на день его смерти. В статье на примере продемонстрировано, как осуществляется данный расчет. Подробно рассмотрено, кто из членов семьи сотрудника имеет право на начисления данной пенсии. Разъяснено, на какие льготы и выплаты от государства имеют права члены семьи умершего сотрудника ФПС. Рассказано, о курсах повышения квалификации в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России для слушателей МЧС России, в должностные обязанности которых входят вопросы социального обеспечения сотрудников и членов их семей. Рассмотрены механизмы поддержки в системе МЧС России для членов семей сотрудника, в случае потери кормильца.

Ключевые слова: пенсия, потеря кормильца, члены семьи, нахождение на иждивении, повышение квалификации.

Введение

Для сотрудников ФПС и членов их семей законодательно установлены пенсии: за выслугу лет, по инвалидности, по случаю потери кормильца. [1,2,3,4,5,6,7,8,9]

В статье рассмотрен вопрос пенсии по случаю потери кормильца для членов семьи сотрудника ФПС, которые находились на его иждивении. Следует заметить, что размер данной пенсии зависит от различных факторов, которые включают стаж службы сотрудника, занимаемую должность, звание, а также индивидуальные особенности для каждого конкретного случая.

Для оформления пенсии по случаю потери кормильца и единовременного пособия необходимо обратиться в отдел кадров подразделения ФПС, по последнему месту службы сотрудника с комплектом необходимых документов. Среди основных документов, которые могут потребоваться, – свидетельства о смерти кормильца, о регистрации брака, о рождении детей, справка образовательного учреждения для детей, при наличии инвалидности документы об ее установлении и иные необходимые документы. Напомним, что процедура оформления пенсии может занять некоторое время, поэтому очень важно быстро собрать необходимые документы и своевременно подать заявление.

Основная часть

Пенсия по утрате кормильца – важная социально-экономическая гарантия со стороны государства, которая призвана смягчить тяжелые последствия утраты.

В ст. 28 Закона Российской Федерации № 4468–1 предусмотрены условия, определяющие право на пенсию в связи с потерей кормильца, на которую могут претендовать члены семьи умерших (погибших) лиц, указанные в ст. 1 данного закона, состоявшие на их иждивении, если кормилец умер (погиб) во время прохождения службы или не позднее трех месяцев со дня увольнения со службы либо позднее этого срока, но вследствие ранения, контузии, увечья или заболевания, полученных в период прохождения службы, а семьям пенсионеров из числа этих лиц – если кормилец умер в период получения пенсии или не позднее пяти лет после прекращения выплаты ему пенсии.

В ст. 29 данного закона определены члены семьи сотрудника, имеющие права на данную пенсию. Независимо от нахождения на иждивении кормильца пенсия назначается нетрудоспособным детям, нетрудоспособным родителям и супругу, ес-

ли после смерти кормильца они утратили источник средств к существованию, а также супругу и родителей или другому члену семьи лиц, погибших при исполнении служебных обязанностей.

В ч. 3 ст. 29 данного закона подробно рассмотрены лица, относящиеся к нетрудоспособным членам семьи.

В ст. 36 данного закона установлены размеры пенсии:

- семьям сотрудников, погибших вследствие военной травмы, – 50% соответствующих сумм денежного довольствия (ДД) кормильца на каждого нетрудоспособного члена семьи. По такой же норме устанавливается пенсия, независимо от причины смерти кормильца, семьям умерших пенсионеров, являвшихся на день смерти инвалидами вследствие военной травмы, на детей, потерявших обоих родителей, и на детей умершей одинокой матери.
- семьям, умерших вследствие причин, не связанных с исполнением служебных обязанностей, – 40% соответствующих сумм ДД кормильца на каждого нетрудоспособного члена семьи.

Законом предусмотрено, что пенсии по случаю потери кормильца не могут быть ниже установленных этими статьями минимальных размеров, рассчитываемые из расчетного размера пенсии. В расчете на каждого нетрудоспособного члена семьи пенсия не может быть ниже 200% (при военной травме) и 150% (при заболевании, полученном в период военной службы) расчетного размера пенсии. [1]

Надбавки к данной пенсии подробно прописаны в ст. 24 закона, данные надбавки начисляются членам семьи сотрудника, являющимися инвалидами либо достигшими определенного возраста.

Рассмотрим, расчет данной пенсии:

РАЗМЕР ПЕНСИИ = (ОД + ОЗ + ПНВЛ) × ПК × 50% (если сотрудник погиб вследствие исполнения служебных обязанностей);

РАЗМЕР ПЕНСИИ = (ОД + ОЗ + ПНВЛ) × ПК × 40% (если сотрудник умер вследствие причин, не связанных с исполнением служебных обязанностей);

Где: ОД – оклад по должности, ОЗ – оклад по званию, ПНВЛ – процентная надбавка за выслугу лет, ПК – понижающий коэффициент.

Напомним, что понижающий коэффициент был увеличен с 1 января 2025 и по настоящее время составляет 93,59%.

В 2025 году в Санкт-Петербургском университете ГПС МЧС России разработана программа повышения квалификации «Кадровое обеспечение МЧС России» для категории слушателей в сфере деятельности которых входят вопросы реализации социального обеспечения сотрудников МЧС России и их семей. [10,11,12,13,14]

Программа предусматривает заочную форму обучения с применением дистанционных образовательных технологий. В период обучения включены вебинары и практические занятия по темам

программы. В которых, в том числе рассматриваются вопросы: гарантии правовой и социальной защиты личного состава МЧС России и пенсионное обеспечение сотрудников ФПС, в которых подробно раскрыты теоретические и практические вопросы данного вида пенсии и связанные с этим социальные гарантии. В конце обучения учащиеся сдают зачет, который проходит в форме онлайн-тестирования по всем разделам программы, для которого используется критериальная система оценивания.

Таким образом, необходимо понимать, что формирование новейших компетенций у слушателей МЧС России можно достичь интеграцией дистанционного обучения с элементами практики. Это позволит не только систематизировать знания, но и поможет эффективно применять их в практической деятельности. [15,16,17,18,19]

Заключение

Следует подчеркнуть, что пенсия по случаю потери кормильца – это важная мера социальной поддержки, которая направлена на обеспечение достойного уровня жизни семьи ушедшего сотрудника. Правильное и своевременное оформление пенсии поможет семье преодолеть трудности и сохранить финансовую стабильность в сложный период. Напомним, что данная пенсия назначается независимо от продолжительности службы сотрудника.

Рассмотрим некоторые механизмы материальной поддержки в системе МЧС России, которые призваны обеспечить финансовую стабильность и достойные условия жизни для семей в случаях потери кормильца:

1. Единовременная выплата:

– 3000000 руб. (283-ФЗ от 30.12.2012), [20]

– 5000000 руб. (Указ Президента РФ от 24.05.2023 N 382). [21]

2. Пенсия по случаю потери кормильца.

3. Для родственников погибших сотрудников МЧС предусмотрена компенсация расходов на похороны, которая включает оплату за похороны и другие связанные с этим расходы. [22]

4. В соответствии со ст. 4 Федерального закона 283-ФЗ единовременная социальная выплата для приобретения или строительства жилого помещения может быть представлена членам семьи сотрудников, при наличии у погибшего (умершего) сотрудника условий, предусмотренных ч. 3 ст. 4 данного закона. [20]

5. В соответствии с п. 5 ст. 14 Федерального закона 283-ФЗ предоставление в первоочередном порядке места в общеобразовательных и дошкольных образовательных организациях и в летних оздоровительных лагерях детям погибшего (умершего) сотрудника.

6. В соответствии со ст. 11 Федерального закона 283-ФЗ предоставление компенсации расходов, связанных с оплатой проезда к месту лечения и к месту погребения погибшего (умершего)

сотрудника (один раз в год) и иные денежные компенсации.

Все эти выплаты и компенсации предоставляются с целью обеспечить финансовую и социальную поддержку родственникам погибших сотрудников МЧС, чтобы помочь им пережить потерю и улучшить условия жизни. Это важная составляющая системы социальной защиты и пенсионного обеспечения МЧС России, которая призвана поддерживать родственников в трудные периоды времени и помочь им восстановиться после утраты.

В связи с поручением президента России В.В. Путина – на 9,5% увеличить военные пенсии в 2025 году (в том числе, пенсии по инвалидности для сотрудников силовых ведомств и пенсии по случаю потери кормильца, для членов их семей), на уровень фактической инфляции за 2024 год, с учетом увеличения с 01.10.2024 на 5,1%, а с 01.01.2025 на 4,4% (за счет увеличения понижающего коэффициента).

Второе повышение данных пенсий в 2025 году мы ждем с 01.10.2025 года на 4,5%, за счет увеличения денежного довольствия.

Что особенно актуально в текущем году, который объявлен годом защитника Отечества, в преддверии празднования 80-летия победы в Великой Отечественной войне.

Литература

1. Закон РФ от 12.02.1993 N 4468–1 (ред. от 29.05.2023, с изм. от 27.11.2023) «О пенсионном обеспечении лиц, проходивших военную службу, службу в органах внутренних дел, Государственной противопожарной службе, органах по контролю за оборотом наркотических средств и психотропных веществ, учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, войсках национальной гвардии Российской Федерации, органах принудительного исполнения Российской Федерации, и их семей» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»
2. Воробейчикова О.П., Губанова О.А. Правовые аспекты социальных гарантий сотрудников Федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы МЧС России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013 № 2(19) С. 58–63
3. Губанова О.А. История и реформирование пенсионного обеспечения в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2018 № 2 (39). С. 79–82
4. Губанова О.А. Реформирование пенсионной системы в Российской Федерации // Тезисы междунар. конф. // СПбУГПС 2019. СПб., 2019. С. 212–215
5. Губанова О.А. Зарубежный опыт подготовки пожарных. Науч.-аналит. журн. «Вестник С.-Петерб. ун-та ГПС МЧС России». 2018 № 2. С. 169–174
6. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.
7. Губанова О.А., Зуев А.В., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Пенсия за выслугу лет // Юридическая наука, 2024, № 4. С. 37–40
8. Губанова О.А., Бруевич М.Ю., Игбаева Г.В., Зуев А.В., Проходимова Е.М. Пенсия по инвалидности // Юридическая наука, 2024, № 6. С. 105–107
9. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России: дис ... канд. пед. наук: 13.00.08 / О.А. Губанова. – СПб., 2008. – 154 с.
10. Губанова О.А., Бородин М.П., Алибеков А.А. Применение электронного учебно-методического комплекса при дистанционном освоении слушателями курса повышения квалификации // Педагогический журнал. 2021. № 5–1. С. 412–418.
11. Губанова О.А. Модульное обучение в образовательной деятельности вуза // Педагогический журнал. 2022. № 1–1. С. 313–318.
12. Лобжа М.Т., Романенко Н.В., Губанова О.А., Багреев С.Р. Модульный подход к формированию программ дополнительного профессионального образования // Актуальные проблемы физической и специальной подготовки силовых структур. 2022. № 4. С. 42–47.
13. Губанова О.А. Информационно-педагогические технологии в системе дополнительного профессионального образования слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2022. 176 с.
14. Губанова О.А., Зелинская И.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе дополнительного профессионального образования для слушателей МЧС России: монография. СПб.: Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2023. 248 с.
15. Губанова О.А., Степанов Р.А., Шелепенькин А.А. Электронная информационно-образовательная среда в системе повышения квалификации слушателей МЧС России // Педагогический журнал, 2023, № 6–1. С. 265–271
16. Лобжа М.Т., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Методологические аспекты проектирования технологии формирования психофизических качеств на основе адаптационного потенциала // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2015. № 4 (29). С. 26–30
17. Елфимов Н.В., Михайлов В.А., Михайлова В.В. Совершенствование методики профессиональной подготовки курсантов вузов МЧС России в соответствии с требованиями федерального государственного образовательного стандарта третьего поколения // Психолого-

педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2016. № 3 (32). С. 39–43

18. Михайлов В.А. Актуальные аспекты морально-психологической подготовки выпускников вузов ГПС МЧС России // В сборнике: Подготовка кадров в системе предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 164–167.
19. Федеральный закон от 30.12.2012 N 283-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 30.09.2024) «О социальных гарантиях сотрудникам некоторых федеральных органов исполнительной власти и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.01.2024) Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Указ Президента РФ от 24.05.2023 N 382 (ред. от 09.12.2024) «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим спасательных воинских формирований, сотрудникам федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы, работникам Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Приказ МЧС России от 31.10.2024 N 925 «Об определении Порядка погребения погибших (умерших) военнослужащих спасательных воинских формирований Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, граждан, призванных на военные сборы, сотрудников федеральной противопожарной службы Государственной противопожарной службы и лиц, уволенных с военной службы (службы), оплаты услуг по погребению, а также по изготовлению и установке им памятников (надгробных сооружений, надгробий)» Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

SURVIVOR'S PENSION FOR FAMILY MEMBERS OF FPS EMPLOYEES

Gubanova O.A.

Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The publication examines the pension for family members of employees of the Federal Fire Service (FPS) who were dependent on them – a survivor's pension (Law of the Russian Federation No. 4468–1). [1]

All components for its registration for relatives who are dependent on deceased or deceased FPS employees are analyzed. It is shown how this pension is calculated, depending on the circumstances of the employee's death and the amount of monetary allowance on the day of his death. The article demonstrates how this calculation is carried out using an example. It examines in detail which of the employee's family members has the right to accrue this pension. It explains what benefits and payments from the state the family members of a deceased FPS employee have the right to. It tells about advanced training courses at the St. Petersburg University of the State

Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia, whose job responsibilities include issues of social security for employees and their family members. It examines the support mechanisms in the EMERCOM system for family members of an employee in the event of the loss of a breadwinner.

Keywords: pension, loss of breadwinner, family members, being dependent, advanced training.

References

1. The Law of the Russian Federation of 12.02.1993 N 4468–1 (as amended on 29.05.2023, as amended. dated 11/27/2023) “On pension provision for persons who have completed military service, service in law enforcement agencies, the State Fire Service, bodies for the control of trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances, institutions and bodies of the penal enforcement system, troops of the National Guard of the Russian Federation, enforcement agencies of the Russian Federation, and their families” Access from help.-legal system “ConsultantPlus”
2. Vorobeichikova O.P., Gubanova O.A. Legal aspects of social guarantees of employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia // *Pravo. Safety. Emergency situations*. 2013. No. 2(19) pp.58–63
3. Gubanova O.A. The history and reform of pension provision in Russia // *Psychological and pedagogical problems of human and society security*. 2018. No. 2 (39). pp.79–82
4. Gubanova O.A. Reforming the pension system in the Russian Federation // *Abstracts of the International Conference// SPbUGPS 2019*. SPb., 2019. pp.212–215
5. Gubanova O.A. Foreign experience of firefighter training. Scientific analysis. journal. *Bulletin of the Saint Petersburg State University of the Ministry of Emergency Situations of Russia*. 2018, No. 2. pp.169–174
6. Gubanova O.A. Demography in Russia // *Psychological and pedagogical problems of human and society security*. 2020. No. 3 (48). pp. 53–56.
7. Gubanova O.A., Zuev A.V., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Long-service pension // *Yuridicheskaya nauka*, 2024, No. 4. pp. 37–40
8. Gubanova O.A., Bruevich M.Yu., Igbaeva G.V., Zuev A.V., Prokhodimova E.M. Disability pension // *Yuridicheskaya nauka*, 2024, No. 6. pp.105–107
9. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of professional training of university cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia: dis ... Candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08 / O.A. Gubanova. – St. Petersburg, 2008. – 154 p.
10. Gubanova O.A., Borodin M.P., Alibekov A.A. The use of an electronic educational and methodological complex for distance learning by advanced training students. // *Pedagogical journal*. 2021. No. 5–1. pp. 412–418. 12. Gubanova O.A. Modular training in university educational activities // *Pedagogical Journal*. 2022. № 1–1. pp. 313–318.
11. Gubanova O.A. Modular training in the educational activities of the university // *Pedagogical Journal*. 2022. No. 1–1. Pp. 313–318.
12. Lobzha M.T., Romanenko N.V., Gubanova O.A., Bagreev S.R. Modular approach to the formation of additional professional education programs // *Actual problems of physical and special training of law enforcement agencies*. 2022. № 4. pp.42–47.
13. Gubanova O.A. Information and pedagogical technologies in the system of additional professional education of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: St. Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2022. 176 p.
14. Gubanova O.A., Zelinskaya I.A. Electronic information and educational environment in the system of additional professional education for students of the Ministry of Emergency Situations of Russia: monograph. St. Petersburg: Saint Petersburg University of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 248 p.
15. Gubanova O.A., Stepanov R.A., Shelepenkin A.A. Electronic information and educational environment in the system of ad-

- vanced training of students of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Pedagogical Journal, 2023, No. 6–1. pp.265–271
16. Lobzha M.T., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Methodological aspects of designing technology for the formation of psychophysical qualities based on adaptive potential // Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2015. No. 4 (29). pp. 26–30
 17. Elfimov N.V., Mikhailov V.A., Mikhailova V.V. Improving the methods of professional training of university cadets of the Ministry of Emergency Situations of Russia in accordance with the requirements of the federal state educational standard of the third generation // Psychological and pedagogical problems of human and society safety. 2016. No. 3 (32). pp. 39–43
 18. Mikhailov V.A. Actual aspects of moral and psychological training of graduates of the Ministry of Emergency Situations of Russia // In the collection: Personnel training in the emergency prevention and response system. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. pp.164–167.
 19. Federal Law No. 283-FZ of 12/30/2012 (as amended on 12/25/2023, as amended dated 30.09.2024) “On Social guarantees for employees of certain Federal Executive Authorities and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (as amended and supplemented, intro. effective from 01/21/2024) Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”.
 20. Decree of the President of the Russian Federation No. 382 dated 05/24/2023 (as amended on 12/09/2024) “On additional social guarantees for servicemen of rescue military formations, employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service, employees of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters” Access from references.-the legal system “ConsultantPlus”.
 21. Order of the Ministry of Emergency Situations of Russia No. 925 dated 10/31/2024 “On Determining the Burial Procedure for Dead (Deceased) Servicemen of Rescue Military Formations of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, Citizens Called up for Military Training, Employees of the Federal Fire Service of the State Fire Service and Persons Discharged from Military Service (services), payment for burial services, as well as for the manufacture and installation of monuments (tombstones, tombstones)” Access from the help.-the legal system “ConsultantPlus”.

Повышение социальной и пенсионной обеспеченности платформенных занятых в России и за рубежом

Зуева Ксения Андреевна,

старший преподаватель кафедры «Таможенное право и служебная деятельность», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: kseniaandn@mail.ru

Платформенная занятость сегодня представляет собой оказание услуг и выполнение работ физическими лицами при помощи посредника – цифровой платформы. Количество платформ увеличивается, соответственно, растет и число лиц, обеспечивающих себя работой и доходами с их помощью. При этом остаются не урегулированными законодательством (урегулированными фрагментарно) вопросы правовой регламентации труда лиц посредством платформенной занятости, вопросы распределения ответственности между платформами и лицами, реализующими через них свою способность к труду, перед третьими лицами и другие вопросы. Поэтому при построении моделей соответствующих правовых механизмов очень важно выбрать наиболее эффективные правовые средства, способствующие как предоставлению определенных гарантий трудящимся в рамках платформенной занятости, так и закреплению возможностей развития данного сектора экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, платформенная занятость, цифровая платформа, самозанятость, гиг-работники, агрегаторы, трудовой договор.

Вопрос о наличии в работе лиц, занятых на цифровых платформах, признаков трудовых отношений имеет особую актуальность, поскольку предоставление основного комплекса мер правовой защиты связано именно со статусом наемного работника. Как отмечают эксперты МОТ, в различных странах используются разные подходы к классификации работников платформ, нередко вытекающие из судебных решений, в частности: классификация работников платформ как наемных работников часто в зависимости от степени контроля со стороны платформы; установление промежуточной категории работников с целью распространения на них мер охраны труда; установление де-факто промежуточной категории работников с целью предоставления им определенных пособий; отнесение работников платформ к категории независимых подрядчиков, часто исходя из степени их свободы определения графика работы и самостоятельности.

В связи с тем, что распространение платформенной занятости затрагивает достаточно большое количество трудоспособных граждан, многие страны начали принимать законодательные меры для регулирования вопросов труда лиц, занятых на цифровых платформах и их дальнейшего социального обеспечения.

В целом, несмотря на активный запрос общества в части регулирования новых нетипичных для российского законодательства форм общественных отношений в сфере занятости и трудоустройства, попытки государства пока остаются недостаточными. Имплементация некоторых мировых тенденций в части регулирования новых форм занятости должна осуществляться достаточно аккуратно, чтобы не потерять защитный потенциал трудового законодательства. С учетом того что для все более возрастающего числа работников в РФ единственной формой занятости становится нелегализованная платформенная занятость, возрастает актуальность вопроса о социальном обеспечении таких работников, который должен быть решен комплексно, с участием представителей государства, бизнеса и самих работников.

Ю.В. Жильцова и Ю.И. Клепалова полагают, что трудовым законодательством могут быть урегулированы отношения «платформы», которая будет выступать работодателем в отношении физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью, имеющих социальные гарантии, на которых, как и на других работников, должны распространяться минимальные трудовые гарантии [1]. Т.Ю. Коршунова также предлагает признать интернет-платформу и исполнителя работодателем и работником [2].

Как указывает Л.А. Чиканова, «расширение круга общественных отношений, регулируемых трудовым законодательством, не может быть произвольным. Оно должно осуществляться путем проведения (использования) аналогии, т.е. выявления общих черт между трудовыми отношениями или отношениями, непосредственно связанными с ними, и общественными отношениями, не урегулированными трудовым правом, но имеющими черты сходства с ними, что позволяло бы отграничивать их от предметов других отраслей права» [7].

В условиях стремительно меняющихся рыночных механизмов и обостряющейся конкуренции значительно усиливаются противоречия между экономическими интересами работодателя и потребностями в социальной защите работника. Данная ситуация побуждает работодателей осуществлять поиск новых рациональных форм оптимизации расходов на заработную плату, страховые взносы и иные социальные обязательства [6]. Необходимо отметить, что современного работодателя привлекает гибкие условия рынка труда, в рамках которых он может самостоятельно регулировать численность работников с учетом потребностей производства без обращения к затратным и длительным административным процедурам.

Предлагаемым вариантом решения ситуации должно быть такое правовое регулирование, которое, с одной стороны, включало бы работников, состоящих в нетипичных формах занятости, в отношения по обязательному социальному страхованию от несчастных случаев на производстве и в связи с профессиональными заболеваниями, с другой стороны, накладывало бы на субъекта, привлекающего физическое лицо по договору выполнения работ или оказания услуг, определенные обязательства в части возмещения вреда жизни и здоровью, если их повреждение произошло в результате исполнения договора.

Отметим, что в ряде государств уже принято и действует законодательство, которое включило платформенных занятых в систему социального и пенсионного обеспечения. Так, во Франции цифровые платформы обязаны покрывать расходы самозанятых сотрудников на страхование от несчастных случаев. В Индонезии и Малайзии законодательство распространяет нормы социального обеспечения на самозанятых работников, что требует от цифровых платформ выплачивать пособия в связи с производственными травмами и смертью работников. В Ирландии на фоне борьбы с пандемией COVID-19 платформенным занятым стали предоставлять пособия по болезни всем работникам, а в Финляндии и США – пособия по безработице незастрахованным самозанятым работникам [5]. В свою очередь, Директива ЕС 2019/1152 о прозрачных и предсказуемых условиях труда в Европейском союзе включила в сферу своего регулирования не только наемных работников, но и платформенных занятых.

В настоящее время система государственного страхового обеспечения работников цифровых

платформ в РФ, наряду с социальными гарантиями, предоставляемыми самими платформами, испытывает серьезные трудности: недостаточно внимания уделяется социальным и пенсионным льготам в отношении платформенных занятых. Среди наиболее востребованных, но не предлагаемых государством социальных гарантий можно выделить: право на ежегодный оплачиваемый отпуск, декретный отпуск, медицинскую страховку и выплаты в связи с травматизмом, которые доступны на данный момент лишь водителям и курьерам [5]. Также к менее актуальным, но отсутствующим предложениям со стороны государства можно отнести больничные листы и пенсионное обеспечение.

При создании нормативных правовых актов важным этапом является четкое определение структуры финансирования социальных и пенсионных гарантий. Необходимо определить, кто именно будет нести ответственность за обеспечение этих гарантий: государственные органы, местные власти или юридические лица. Прозрачность в финансировании позволит избежать неясностей и обеспечит стабильность предоставляемых услуг гражданам.

Следующий аспект – организация страхового обеспечения. Важно решить, будет ли оно осуществляться через государственные структуры, что обеспечит универсальность охвата, или через организации, что может способствовать большему выбору для граждан.

На уровне регулирования важно учитывать, что разные юрисдикции могут накладывать свои ограничения на схему софинансирования. В этом контексте необходимо проводить диалог между платформами и государственными органами для выработки единой стратегии, направленной на защиту работников и стимулирование инноваций в сфере цифровых услуг.

В России обязательное медицинское страхование является ключевым элементом государственного страхового обеспечения для работников платформ. Цифровые платформы могут предложить дополнительные гарантии, которые востребованы для их сотрудников, но к которым они пока не имеют доступа.

Вопрос о том, должно ли страхование платформенных занятых быть обязательным или добровольным, заслуживает особого внимания. С одной стороны, установление обязательных гарантий существенно повышает уровень защиты работников, однако данное решение сопряжено с рядом недостатков. Во-первых, оно, безусловно, увеличивает финансовую нагрузку как на самих занятых, так и на цифровые платформы. Во-вторых, стоит учесть, что почти половина платформенных работников в России имеет альтернативные источники дохода (совмещение работы на других платформах), где они могут получать определенные социальные гарантии. В-третьих, такое обязательное страхование игнорирует индивидуальные потребности, заставляя всех участников рынка соответствовать единому стандарту. С другой стороны, полностью добровольное страхование,

не подразумевающее нормативных обязательств, дает возможность провайдерам услуг получить минимальную защиту [5], освобождая обе стороны от дополнительных финансовых затрат. Однако добровольное страхование также имеет свои недостатки. В условиях рынка, где конкуренция за клиентов становится все более жесткой, многие платформенные работники могут вовсе отказаться от страхования, задаваясь вопросом, действительно ли им это необходимо. Это может привести к ситуации, когда работники окажутся незащищенными в случае возникновения несчастного случая или болезни, что повысит их финансовые риски. Более того, отсутствие обязательства со стороны платформ может снизить уровень доверия к услугам, предоставляемым на этих площадках. Вместе с тем, государства могут рассмотреть возможность создания гибкой системы, которая бы сочетала обязательные элементы с возможностью индивидуального выбора, учитывая разнообразие потребностей различных категорий работников. Такой подход позволит сбалансировать интересы сторон и создать более устойчивую защиту для всех участников рынка.

Как обязательный, так и полностью добровольный подход имеют значительные недостатки. В этой связи представляется целесообразным рассмотреть внедрение в России модели, при которой платформы несут следующие обязательства: предоставлять работникам платформы возможность самостоятельно и по своему желанию приобретать необходимые страховые продукты непосредственно через платформу; подробно информировать работников о всех доступных страховых продуктах, разъяснять их назначение, а также последствия, которые могут возникнуть в случае отсутствия страхового покрытия [5].

Предоставление платформам возможности для своих сотрудников самостоятельно выбирать и покупать страховые продукты подразумевает наличие инфраструктуры, позволяющей легко и быстро осуществлять этот процесс. Такой подход поможет работникам платформ принимать обоснованные решения в вопросах своей социальной и пенсионной безопасности, в то время как компании обязуются создать все необходимое для приобретения этих продуктов. В первую очередь, это касается тех, кто сотрудничает непосредственно с платформами.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время несколько ведущих российских платформ полностью обеспечивают такие социальные гарантии, как страхование от несчастных случаев и страхование ответственности за свой счет (ООО «Яндекс»). В то же время менее крупные платформы не так часто способны полностью покрывать эти социальные гарантии, что делает подход с добровольным софинансированием данных благ целесообразным [5]. Важным аспектом этого подхода является создание гибкой модели финансирования, которая позволит платформам адаптироваться к изменяющимся условиям рынка и законодательным требованиям. Например, внедрение дополни-

тельных программ добровольного софинансирования может повысить уровень доверия пользователей и привлечь новых участников. Платформы могут предложить различные варианты страхования, соответствующие потребностям их партнеров, что позволит создать более устойчивую экосистему.

Отметим, что такое распределение ответственности между платформами и их партнерами будет являться стимулом для повышения качества предоставляемых услуг. Малоизвестные платформы, имея возможность привлекать дополнительные средства, смогут улучшить условия работы для своих пользователей и повысить уровень их удовлетворенности. Это, в свою очередь, приведет к росту их конкурентоспособности на рынке. Такой подход открывает новые возможности для сотрудничества со страховыми организациями, что может привести к созданию и реализации более выгодных тарифов и программ. Установление партнерских отношений и совместное формирование страховых продуктов помогут платформам обеспечить должный уровень защиты для своих сотрудников, не теряя при этом гибкость в рамках построения новой платформенной бизнес-модели.

С учетом того, что предлагаемый пакет социальных и пенсионных гарантий для работников платформ является негосударственным и то, что приобретение страховых продуктов, накоплений на отпуск и участие в пенсионной программе осуществляется на добровольной основе, доступ к таким социальным и пенсионным льготам должен быть доступен как для граждан России, так и для иностранных граждан.

В странах ЕС отмечается тенденция по созданию более определенных рамок для регулирования деятельности работников, занятых на цифровых платформах. Такие государства, как Испания и Франция, уже начали разрабатывать на законодательном уровне правовые нормы в целях защиты прав сотрудников, работающих через цифровые платформы. Отметим, что в этих странах акцентируется внимание на предоставлении минимального набора социальных гарантий, таких как медицинское страхование, осуществление пенсионных отчислений, что в значительной степени позволяет улучшить условия труда и социальную защиту работников. Тем не менее данный аспект продолжает оставаться актуальным: многие платформы продолжают классифицировать своих работников в качестве независимых подрядчиков, избегая обязательств, распространяемых в отношении наемных работников. Это приводит к правовым пробелам и отсутствию социальной защиты для большинства лиц, которые полагаются на доходы, полученные в рамках платформенной экономики. Поэтому требуется принять более жесткие меры в данной сфере как на уровне отдельных государствах, так и на уровне международных организаций в целях гармонизации и унификации подходов к регулированию платформенной занятости.

В настоящее время в Индии вопрос обеспечения социальными гарантиями платформенных занятых остается актуальным. Несмотря на то, что

Кодекс социального обеспечения создает правовую основу, его практическая реализация требует дальнейших преобразований. Важным моментом, урегулированным данным Кодексом, является установление совместной ответственности различных участников – центрального правительства, правительств штатов и самих цифровых платформ. Несмотря на то, что четкие механизмы по распределению этих обязанностей не установлены, подразумевается, что все стороны отношений должны участвовать в социальном обеспечении. В целом, Кодекс социального обеспечения представляет собой попытку адаптировать законодательство Индии к современным реалиям, происходящим на рынке труда, способствуя формированию более высокого уровня защиты работников в условиях цифровой среды. Отметим, что в Индии создан Национальный совет по социальной защите неорганизованных рабочих. Это предполагает, что цифровые платформы, государственные органы и работники смогут сотрудничать по вопросам регулирования и защиты прав работников.

В США аналогичная ситуация: несмотря на наличие принятых законов, которые предназначены для защиты платформенных занятых (например, курьеров и водителей такси), правоприменение и судебная практика оказывают существенное влияние на разрешение споров и противоречий в сфере платформенной занятости. Поэтому требуется формировать сбалансированную политику, которая будет учитывать интересы государства, платформенных занятых и цифровых платформ в целях обеспечения справедливых условий труда и социальной защиты всех работников.

В Италии в настоящее время действует Хартия основных прав цифровых работников в городском пространстве, принятие которой стало важнейшим шагом в сфере обеспечения и защиты прав курьеров и иных работников, осуществляющих свою деятельность в рамках цифровых платформ. Такие работники, как правило, сталкиваются с нестабильностью и неопределенностью в рамках своей профессиональной деятельности, поэтому для таких категорий занятых необходимо было установить минимальную почасовую оплату труда, компенсации за сверхурочную работу, а также социальные гарантии. Данный акт не только зафиксировал основные права и гарантии платформенных занятых, но и предоставил им возможность создавать объединения (профсоюзы) с целью защиты своих прав в сфере труда.

В 2022 году были внесены изменения в законодательство Южной Кореи в сфере занятости. Согласно данным изменениям платформенные занятые и самозанятые совместно с цифровыми платформами производят совместные взносы в рамках страхования от несчастных случаев и в связи с безработицей. За цифровыми платформами была закреплена обязанность по удержанию и администрированию определенных сумм с доходов исполнителей (платформенных занятых). Данным категориям работников был предоставлен доступ

к основным страховым программам, направленным на их социальную защиту. Отметим, что цифровые платформы, рассматриваемые в качестве работодателей, обязаны информировать своих сотрудников о возникновении и прекращении их правового статуса на платформах и распространении на них социальных гарантий, что соответствует принципам прозрачности и установления ответственности в данной сфере отношений.

Таким образом, страхование от несчастных случаев и гражданская ответственность не только защищают работников, но и повышают доверие клиентов к платформам. Пользовательский опыт становится более положительным, когда клиенты знают, что курьеры и водители застрахованы и могут рассчитывать на поддержку в сложных ситуациях. Это формирует более здоровую экосистему как для работников, так и для потребителей услуг. Поэтому создание эффективных механизмов для интеграции платформенной занятости в систему социальной защиты и страхования становится все более актуальным. Платформы, стремясь сохранить свою гибкость, ищут подходы, которые позволили бы обеспечить базовые социальные гарантии без значительных затрат или административных барьеров. Для этого важно разработать специальные схемы, адаптированные к особенностям работы платформенных исполнителей. Отметим, что национальные власти и международные организации придают большое значение защите прав работников в условиях новых форм занятости. В этом контексте возникает необходимость в разработке совместных инициатив, которые бы сочетали интересы всех участников-исполнителей, платформ и государственных структур. Действительно, партнерские модели софинансирования могут стать эффективным инструментом для обеспечения социальных гарантий для платформенных работников (Германия, Дания, Япония). Это будет способствовать созданию сбалансированных решений, учитывающих интересы всех участников в рамках платформенной занятости [4]. Отметим, что создание корпоративных фондов для страхования различных рисков, включая временную нетрудоспособность и безработицу, может стать эффективным способом обеспечения социальными гарантиями платформенных работников. Такой подход позволит аккумулировать средства и предоставлять доступ к ним при наступлении страховых случаев. Регулярные взносы сотрудников могут стать значительным вкладом в такие фонды, а наличие минимального стажа работы с платформой обеспечит более долгосрочную ответственность как со стороны работодателя, так и со стороны работников. Что касается пенсионного страхования, то действительно, для его развития может потребоваться создание государственно-частных механизмов, что позволит не только обеспечить стабильность пенсионных выплат, но и увеличить уровень пенсионных накоплений работников платформ. Это может включать налоговые льготы для работников и работодателей, а также создание стимулов для до-

бровольного дополнительного пенсионного страхования. Важным аспектом таких инициатив будет необходимость четкого регулирования и прозрачности, чтобы защитить права работников и предотвратить возможные риски потери средств. Также стоит обратить внимание на необходимость обучающих программ для сотрудников, которые помогут им лучше понять механизмы работы фонда и важность накопления пенсионных средств.

Система государственного страхового обеспечения работников цифровых платформ в России действительно сталкивается с рядом вызовов. Основные проблемы включают:

1. Недостаток законодательства: в России до сих пор нет четкого законодательства, регулирующего права и обязанности работников цифровых платформ. Это приводит к правовому вакууму и неопределенности в отношении социального обеспечения.
2. Ограниченные социальные гарантии: многие платформы предлагают минимальные социальные гарантии, что не всегда покрывает базовые потребности работников, особенно в случаях болезни, потери трудоспособности или увольнения [3].
3. Проблемы с пенсионными выплатами: платформенные работники часто не могут рассчитывать на полноценные пенсионные накопления, т.к. многие из них работают как самозанятые или на условиях срочных контрактов, что усложняет начисление пенсионных взносов.
4. Отсутствие доступа к медицинскому страхованию: многие работники цифровых платформ не могут получить доступ к медицинскому страхованию, что создает риски в случае заболевания или несчастного случая.
5. Неравномерное распределение льгот: в зависимости от платформы и страны, условия социального обеспечения могут значительно различаться, что создает неравные условия для работников.

Для решения этих проблем необходимы комплексные изменения как на уровне законодательства, так и внутри самих цифровых платформ. Это включает в себя разработку определенных норм, устанавливающих права и обязанности платформенных занятых и цифровых работодателей, а также гарантии на социальное и пенсионное обеспечение, улучшение условий труда и доступа к медицинскому обслуживанию.

Литература

1. Жильцова, Ю.В., Клепалова, Ю.И. Трансформация трудового правоотношения в условиях развития цифровой экономики / Ю.В. Жильцова, Ю.И. Клепалова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 4. – С. 42–45.
2. Коршунова, Т.Ю. Проблемы достойного труда в условиях нетипичной занятости / Т.Ю. Коршунова // Журнал российского права. – 2020. – № 7. – С. 78–97.

3. Лютов, Н.Л., Черных, Н.В. Трудовое право в условиях больших вызовов: монография / Н.Л. Лютов, Н.В. Черных. – М.: Проспект, 2023. – 176 с.
4. Мирзабалаева, Ф.И., Забелина, О.В. Регулирование платформенного труда: гибкий баланс государственных гарантий и саморегулирования / Ф.И. Мирзабалаева Забелина О.В. // Экономика труда. – 2022. – 3. – С. 587–604.
5. Платформенная занятость: вызовы и возможные решения [Электронный ресурс] URL: <https://www.csr.ru>. – Дата обращения: 01.02.2025.
6. Черных, Н.В. Единство трудового права и развитие нетипичной занятости: проблемы взаимодействия / Н.В. Черных // Lex Russica. – 2020. – Т. 73. – № 9. – С. 21–29.
7. Чиканова, Л.А. Правовая природа запретов и ограничений, установленных Трудовым кодексом Российской Федерации для отдельных категорий работников / Л.А. Чиканова // Хозяйство и право. – 2016. – № 4. – С. 3–11.

INCREASING SOCIAL AND PENSION SECURITY FOR PLATFORM EMPLOYEES IN RUSSIA AND ABROAD

Zueva K.A.

Far Eastern State Transport University

The Platform employment today is the provision of services and performance of work by individuals with the help of an intermediary – a digital platform. The number of platforms is increasing, and accordingly, the number of people providing themselves with work and income with their help is also growing. At the same time, issues of legal regulation of the labor of individuals through platform employment, issues of distribution of responsibility between platforms and individuals realizing their ability to work through them, to third parties and other issues remain unregulated by legislation (regulated fragmentarily). Therefore, when constructing models of relevant legal mechanisms, it is very important to choose the most effective legal means that contribute to both the provision of certain guarantees to workers within the framework of platform employment and the consolidation of opportunities for the development of this sector of the economy.

Keywords: digital economy, platform employment, digital platform, self-employment, gig workers, aggregators, employment contract.

References

1. Zhiltsova, Yu.V., Klepalova, Yu.I. Transformation of labor relations in the context of the development of the digital economy / Yu.V. Zhiltsova, Yu.I. Klepalova // Labor law in Russia and abroad. – 2021. – No. 4. – P. 42–45.
2. Korshunova, T. Yu. Problems of decent work in conditions of atypical employment / T. Yu. Korshunova // Journal of Russian Law. – 2020. – No. 7. – P. 78–97.
3. Lyutov, N.L., Chernykh, N.V. Labor law in the context of major challenges: monograph / N.L. Lyutov, N.V. Chernykh. – M.: Prospect, 2023. – 176 p.
4. Mirzabalaeva, F.I., Zabelina, O.V. Regulation of platform labor: a flexible balance of state guarantees and self-regulation / F.I. Mirzabalaeva Zabelina O.V. // Labor Economics. – 2022. – 3. – P. 587–604.
5. Platform employment: challenges and possible solutions [Electronic resource] URL: <https://www.csr.ru>. – Date of access: 01.02.2025.
6. Chernykh, N.V. Unity of labor law and the development of atypical employment: problems of interaction / N.V. Chernykh // Lex Russica. – 2020. – Vol. 73. – No. 9. – P. 21–29.
7. Chikanova, L.A. Legal nature of prohibitions and restrictions established by the Labor Code of the Russian Federation for certain categories of workers / L.A. Chikanova // Business and Law. – 2016. – No. 4. – P. 3–11.

Об особенностях правового режима различных видов цифровых финансовых активов и гибридных цифровых прав

Ионцев Михаил Анатольевич,

доцент кафедры правового сопровождения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке (на правах Управления) Юридического департамента
E-mail: mikhail.iontsev@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с особенностями правового режим отдельных видов цифровых финансовых активов. Во-первых, автор уделяет внимание отсутствию специального регулирования цифровых прав, удостоверяющих денежные требования, ввиду чего этот вид цифровых прав позволяет строить как простые договорные отношения, опосредующие заемные отношения, так и сложно структурированные сделки, являющиеся производными финансовыми инструментами. Во-вторых, автор рассматривает возможность заключения договора займа эмиссионных ценных бумаг и сделки репо, посредством выпуска цифровых финансовых активов. В-третьих, в статье рассматривается особенность правового режима цифровых прав, удостоверяющих права из эмиссионных ценных бумаг и особенности субъектного состава, связанного с выпуском таких ЦФА. В-четвертых, в статье анализируются юридические риски создания цифровых компаний. В итоге статьи автор делает вывод о существенной неоднородности различных видов цифровых финансовых активов, что существенно влияет на регулирование их обращения.

Ключевые слова: цифровые права, цифровые финансовые активы, цифровые права, удостоверяющие денежные требования, цифровые права, удостоверяющие права из эмиссионных ценных бумаг, цифровые права, удостоверяющие акции непубличного акционерного общества, цифровые права, удостоверяющие требование передать эмиссионные ценные бумаги.

Цифровые финансовые активы являются новой формой существования имущественных требований. Праву хорошо известны документарная и бездокументарная предшественницы учета имущественных требований, но ввиду развития технологий, появилась новая – с использованием технологии распределённого реестра, так называемая цифровая. Очевидно, документарная и бездокументарная формы существенно отличаются друг от друга, ввиду наличия вещи в первом случае, как способа удостоверения требований. Так, и третья цифровая форма привносит свои особенности в правовой режим имущественных требований, которые удостоверены с применением технологии распределённого реестра, которая позволяет самостоятельно вносить записи об имущественных правах и совершать распорядительные сделки без посредника – депозитария или реестродержателя, который осуществляет централизованный учет имущественных требований.

О цифровых правах, удостоверяющих денежные требования

Цифровые права, удостоверяющие денежные требования, названы в Законе о ЦФА в части 2 статьи 1 в качестве цифровых финансовых активов. Понятие денежного требования заложено в частности в пункте 1 статьи 307 ГК РФ, из которой следует, что в силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, в частности, уплатить деньги, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

Из этого определения следует, что денежные требования, во-первых, возникают в силу обязательства, то есть обязательственного отношения [1], во-вторых, принадлежат кредитору и, в-третьих, обращены к должнику [2]. При этом основания возникновения денежных обязательств указаны в пункте 2 статьи 307 ГК РФ и статьи 3 ГК РФ, которые охватывают максимально широкий перечень обстоятельств, которые могут служить основанием возникновения обязательственных отношений: от договоров, деликтов, кондиции, решений органов власти до вообще любых действий лиц [3].

Рассмотрим сквозь призму Закона о ЦФА механизм возникновения денежных требований, удостоверенных ЦФА.

Решение о выпуске ЦФА является офертой обязательственной сделки, условия которой определяют содержание денежного требования, которое

удостоверяется ЦФА. Согласно части 2 статьи 2 Закона о ЦФА вид и объем прав, которые удостоверяют выпускаемые цифровые финансовые активы, предусматриваются решением о выпуске ЦФА в соответствии с требованиями статьи 3 указанного закона. При этом федеральное законодательство никак не ограничивает ни виды, ни объем денежных требований, которые указываются в решении о выпуске ЦФА [4].

Таким образом, в настоящее время, ЦФА могут удостоверить *de iure* денежные требования, которые возникают на основании практически любых видов договорных обязательственных отношений (самым простым видом договора, который может быть заключён посредством выпуска ЦФА и акцепта выпуска ЦФА является договор займа. При этом следует отметить, что возможен как беспроцентный займ, так и договор займа, заключенный посредством выпуска облигаций.), условия которого описаны в решении о выпуске таких ЦФА [5]. На данный аспект этого вида ЦФА обратил внимание Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства в Экспертном заключении по проекту федерального закона N 419059–7 «О цифровых финансовых активах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Так, в пункте 3 указанного заключения Совет высказывает опасения о том, что законодатель не определил виды денежных требований, которые могут быть удостоверены цифровыми правами, а также рекомендует конкретизировать их виды, особенно, если это касается только заемных или кредитных отношений. Однако данная рекомендация не была учтена в итоговой редакции Закона о ЦФА.

Отдельно Совет подчеркивает проблему видов денежных требований и в зависимости от оснований их возникновения, так как денежные требования возникают не только в силу договоров, но и по другим, самым различным основаниям, вплоть до деликтов. Однако она снимается положением части 1 статьи 2 Закона о ЦФА, устанавливающей момент возникновения денежного требования, а именно с момента внесения записи в информационную систему. Таким образом, Закон о ЦФА, хоть и неявно, но все же обозначает, что требования возникают только на основании договоров.

Рассмотрим порядок возникновения обязательственного правоотношения и денежных требований, удостоверенных ЦФА. Если в отношении оферты договора Закон о ЦФА прямо говорит, что решение о выпуске является офертой (часть 9 статьи 3 Закона о ЦФА), то в отношении акцепта данной оферты Закон о ЦФА не уточняет порядка, в котором он осуществляется. Ввиду чего необходимо руководствоваться общими положениями гражданского законодательства при определении видов и способов акцепта решения о выпуске ЦФА.

Вместе с тем необходимо отметить, что гражданское законодательство не устанавливает императивного закрытого перечня способов заключения договора, ввиду чего акцепт решения о выпуске ЦФА может быть совершен любым способом, который не противоречит требованиям и запретам, предусмотренным федеральным законодательством [6].

Кроме того, законодатель возлагает на оператора, информационной системе которого осуществляется выпуск ЦФА (далее – оператор), предусмотреть в своем договоре с пользователями (правилах информационной системы) порядок осуществления выпуска ЦФА, что вполне может включать особенности выражения акцепта и сообщения его эмитенту ЦФА.

Так, например, согласно пункту 10.22 оператор АО АКБ «ЕВРОФИНАНС МОСНАРБАНК» заявка на приобретение ЦФА является акцептом оферты эмитента ЦФА, а в соответствии с пунктом 10.23 указанных правил сделка размещения считается заключенной между эмитентом ЦФА и первым обладателем ЦФА с момента направления соответствующей заявки на приобретение.

Немного другой порядок указан в п. 2.7 правил оператор ООО «Лайтхаус», а именно: заявка на приобретение ЦФА при выпуске может быть подана в отношении всего объема выпуска либо его части. Приобретение ЦФА соответствующего выпуска осуществляется первым обладателем ЦФА, подписавшим своей УКЭП Заявку на приобретение ЦФА.

Таким образом, законодатель предоставляет широкую свободу по установлению механизма заключения обязательственной сделки по выпуску ЦФА операторы, которые детально указывают этот механизм в правилах, ввиду отсутствия специальных указаний на уровне федерального законодательства.

Перейдём теперь от порядка заключения основания возникновения ЦФА к моменту возникновения ЦФА, удостоверяющего денежное требование. Так, часть 1 статьи 2 Закона о ЦФА устанавливает момент возникновения денежных требований у кредитора (первого обладателя ЦФА), а именно с момента внесения записи о зачислении ЦФА такому обладателю.

Ввиду того, что согласно части 3 статьи 2 Закона о ЦФА записи о зачислении ЦФА первому обладателю ЦФА вносятся их эмитентом, разумно предположить, что указанная распорядительная сделка является односторонней и совершается эмитентом ЦФА [7].

Вместе с этим, допустимо «автоматическое» совершение распорядительной сделки, если это отдельно указано в решении о выпуске ЦФА (пункт 9 части 1 статьи 3 закона о ЦФА) и предусмотрено правилами оператора (часть 2 статьи 4 и пункт 3 и 6 части 3 статьи 5 Закона о ЦФА).

Такой способ совершения распорядительных сделок предусмотрен, например, в правилах оператора НКО АО «НРД» в пункте 14.7 своих пра-

вил, а именно зачисление ЦФА при выпуске осуществляется путем применения смарт-контракта, инициированного эмитентом и связанного с соответствующим решением о выпуске и не требует дополнительного волеизъявления со стороны эмитента и первого обладателя ЦФА.

Рассмотрим теперь потенциальную структуру ЦФА, удостоверяющих денежные требования. Так, Закон о ЦФА, в частности статья 2 и 3, посвященные выпуску ЦФА не устанавливают ограничений для того, чтобы одним решением о выпуске ЦФА предусмотреть, например, продажу как одного ЦФА, удостоверяющего право обладателя потребовать от эмитента ЦФА денежную сумму и проценты за пользование предоставленным деньгами, так и нескольких ЦФА, каждое из которых будет удостоверяет право обладателя ЦФА к эмитенту в предусмотренном в решении о выпуске ЦФА срок потребовать от эмитента ЦФА его номинальной стоимости или иного имущественного эквивалента, при этом такие ЦФА в рамках одного выпуска могут иметь равные объем и сроки осуществления прав [8].

Представляется, что деление денежных требований, удостоверенных ЦФА, допускается вплоть до 1 копейки, что является минимальной единицей измерения денежного долга. При этом возможность отчуждения части денежного требования, удостоверенного ЦФА, должна быть установлена в решении о выпуске ЦФА, так как по общему правилу считается, что цессия денежных требований, то есть распоряжение ЦФА, осуществляется в полном объеме согласно части 1 статьи 385 ГК РФ.

О цифровых правах, удостоверяющих требование передать эмиссионные ценные бумаги

Данный вид ЦФА требует отдельного подробного рассмотрения, так как вид обязательственных требований, содержанием которых является предоставление эмиссионных ценных бумаг (далее – ЭЦБ) включает в себя ряд разнородных отношений, некоторые из которых прямо предусмотрены федеральным законодательством.

Самым простым случаем является договор купли-продажи ЭЦБ, который заключен посредством выпуска таких ЦФА, то есть фактически это просто заключение договора присоединения купли-продажи ЭЦБ в цифровой форме. Данный договор является договором присоединения, так как все его условия содержатся в решении о выпуске ЦФА, которые акцептуются покупателем посредством направления заявки на покупку таких ЦФА [9].

При этом следует отметить, что исполнение данного договора будет происходить посредством распорядительной сделки, то есть передачи ЭЦБ покупателю (обладателю ЦФА), так как ЦФА удостоверяет лишь требование передать ЭЦБ, при этом часть 2 статьи 12 закона о ЦФА устанавливает требования к решению о выпуске ЦФА указать срок

или событие, до наступления которого обязанности по передаче ЭЦБ должна быть исполнена [10].

Другим случаем, который также лежит на поверхности является договор займа, выданный в ценных бумагах, который заключен посредством выпуска таких ЦФА, так как согласно пункта 1 статьи 807 ГК РФ предметом займа могут быть не только деньги, но и ценные бумаги.

При этом следует отметить, что займ ценных бумаг выданный в виде облигаций также допускается ГК РФ, и представляет из себя институт близкий по своей правовой природе к депозитарной расписке, что следует из подпункта 13 пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закона о РЦБ). Данная ситуация реализуется, если в решении о выпуске ЦФА, указано, во-первых, что выпускается несколько ЦФА, во-вторых, каждое ЦФА удостоверяет право требования передачи ЭЦБ [11].

Другим отдельным видом правовых отношений, которые напрашиваются, является выпуск депозитарных расписок, связанных с выпуском прав требовать передачи ЭЦБ, которые были выпущены в иностранной юрисдикции.

Также представляется допустимым заключение производных финансовых инструментов посредством выпуска ЦФА, удостоверяющих право требования передачи ЭЦБ, что следует из подпункта 23 пункта 1 статьи 2 Закона о РЦБ [12].

При этом законодатель возлагает на оператора выпуска ЦФА обязанность предоставить доступ приобретателям ЦФА, которые удостоверяют право требовать ЭЦБ, к решению о выпуске соответствующих ЭЦБ, а также к сведениям о наличии преимущественного права их приобретения и порядке осуществления такого права (часть 5 статьи 12 Закона о ЦФА).

В момент погашения ЦФА у владельца ЦФА появляется право требовать передачи ЭЦБ, при этом эмитент ЦФА может уклоняться от исполнения принятых на себя обязательств по передаче прав на ЭЦБ в добровольном порядке.

По общему правилу передача прав на бездокументарные ценные бумаги приобретателю осуществляется посредством списания бездокументарных ценных бумаг со счета лица, совершившего их отчуждение, и зачисления их на счет приобретателя на основании распоряжения лица, совершившего отчуждение (часть 1 статьи 149.2 ГК РФ).

В силу пункта 4 статьи 149.2 ГК РФ при уклонении лица, совершившего отчуждение, от предоставления лицу, осуществляющему учет прав на бездокументарные ценные бумаги (далее – «Держатель реестра»), распоряжения о проведении операции по счету приобретатель вправе требовать в судебном порядке внесения записей о переходе прав на ценные бумаги на условиях, предусмотренных договором с лицом, совершающим отчуждения.

Однако использование судебного порядка внесения записи существенно усложнит реализацию прав из ЦФА инвесторами, особенно в случае множественности владельцев ЦФА.

При этом согласно пункту 1 статьи 149.2 ГК РФ законом или договором правообладателя с Держателем реестра, могут быть предусмотрены иные основания и условия списания ценных бумаг и их зачисления, в том числе возможность списания ценных бумаг со счета лица, совершившего отчуждение, без представления его распоряжения.

Глава 3 Положения Банка России от 29.06.2022 № 799-П «Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевых счетов и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги» также не ограничивает регистрацию перехода только распоряжением правообладателя.

Таким образом, возможны иные основания для регистрации Держателем реестра перехода прав, установленные договором Держателя реестра и правообладателя ЭЦБ.

В этой связи необходимо установить, что в качестве такого иного основания по смыслу пункта 1 статьи 149.2 ГК РФ выступать формализованное уведомление, исходящее от оператора выпуска ЦФА, а порядок внесения по счетам депо и лицевым счетам записей о списании ЭЦБ предусмотрен нормативными актами Банка России, например, Положением Банка России от 13.11.2015 № 503-П «О порядке открытия и ведения депозитариями счетов депо и иных счетов» и Положение Банка России от 29.06.2022 № 799-П «Об открытии и ведении держателем реестра владельцев ценных бумаг лицевых счетов и счетов, не предназначенных для учета прав на ценные бумаги» соответственно.

Как представляется для реализации автоматического механизма исполнений обязательств по ЦФА достаточно закрепление такого иного основания в правилах ведения реестра владельцев ценных бумаг и договоре, заключенном между эмитентом ЦФА и Держателем реестра.

При этом следует обратить внимание, что дробление ЦФА, удостоверяющих требование передачи ЭЦБ, то есть разделение требования передачи ЭЦБ, допустимо вплоть до одной ЭЦБ, то есть одного требования, удостоверенного ЭЦБ [13].

О низковолатильных цифровых валютах и ЦФА, удостоверяющих денежные требования или требования передать ЭЦБ

В экономике и бытовом лексиконе, и, к сожалению, иногда, в юридической литературе, используется термин «стейблкоин» для обозначения имущества, выпуск, учёт и обращение которого осуществляется в информационной системе на основе распределённого реестра, рыночная котировка которых является «стабильной» и коррелирует с котировками драгоценных металлов или курсом фиатной валюты. Однако относительно постоянная стоимость конкретного имущественного требования, которые удостоверены с помощью токенов (цифровых прав), может быть реализовано посредством различных юридических конструкций.

Во-первых, самым простым случаем может являться предоставление обеспечения по денежным требованиям, удостоверенным токеном (цифровым правом), со стороны самого эмитента. Эмитент, может, например, обеспечить одни денежные требования за счет денежных требований к другому третьему лицу (например, разместив деньги в банке на залоговых счетах). Очевидны также случаи предоставления обеспечения эмитентов в виде залога части или всего его имущества.

Во-вторых, денежные требования, которые удостоверены токенами (цифровыми правами), могут быть обеспечены третьим лицом, которое готово предоставить обеспечение (например, залог третьего лица, гарантия, поручительство) [14].

Таким образом, можно сделать вывод, что токен удостоверяет не только денежное требование к эмитенту, но и обязательственное (гарантия, поручительство) или вещное (залог) имущественное право [15].

В-третьих, часто «стейблкоинами» называют вовсе не денежные требования, а абсолютные права (часто право собственности поклажедателя), на имущество, которое находится у хранителя. Близкая к указанной правовой модели является ситуация, в которой токены (цифровые права) удостоверяют обязательственные права требования передать вещь, находящуюся у хранителя [16].

Возможен ли выпуск таких «стейблкоинов» по российскому праву? В настоящее время препятствий на уровне федеральных законов не усматривается. Во-первых, из Закона о ЦФА не следует, что информационные системы, организованные по принципам распределённого реестра обязательно должны быть закрытыми, таким образом, гипотетически возможна ситуация, в которой оператор создаст открытый распределённый реестр, к которому будет присоединяться неограниченное количество узлов.

Во-вторых, Закон о ЦФА прямо указывает о том, что виды обеспечения и лица, предоставляющие его, должны быть указаны в решении о выпуске ЦФА. Одновременно с этим виды денежных требований, которые могут быть удостоверены посредством ЦФА не конкретизированы (о чем упоминалось выше) [17].

Отдельно следует упомянуть, что, так называемые «алгоритмические стейблкоины» по своей правовой природе близки к цифровым валютам, так как они удостоверяют некоторое абсолютное имущественное право, не привязанное к телесному объекту (вещи). К этому же классу объектов права автор относит и цифровые валюты, которые с помощью алгоритмов обеспечены другими цифровыми валютами.

Литература

1. Егоров А.В. Многозначность понятия обязательства: практический аспект // Вестник ВАС РФ. 2011. N 4. С. 23–42.

2. Добрачев Д.В. Влияние фигур кредитора и должника на формирование денежного обязательства // Юрист. 2013. N 6. С. 32.
3. Бондаренко Д.В. Денежное требование как предмет договора финансирования под уступку денежного требования: некоторые вопросы // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2016. N 1 (46). С. 158–165.
4. Захаркина А.В. Правовой режим цифровых финансовых активов // Право и экономика. 2022. N 11. С. 28.
5. Иншакова А.О. Коносамент в правовом обеспечении внешнеторговой деятельности: от личной выписки до электронного криптокода / А.О. Иншакова, А.И. Гончаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2019. Т. 23. N 3. С. 375–393.
6. Вакулина Г.А. К вопросу о цифровых финансовых активах // Хозяйство и право. 2024. N 1. С. 58–68.
7. Матыцин Д.Е. Цифровые финансовые активы в дистанционных инвестиционных сделках // Банковское право. 2022. N 1. С. 39–47.
8. Чурилов А.Ю. Критический анализ основных положений Федерального закона о цифровых финансовых активах // Хозяйство и право. 2021. N 1. С. 51.
9. В.Ф. Попондопуло, Предпринимательское право: учебник: в 2 т.(том 1), 6-е издание, «Прспект», 2023.
10. Павлова Д.А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. N 3. С. 12.
11. Лаптева А.М. Правовое регулирование выпуска цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2023. N 8. С. 95–108.
12. Морозова И.Г. К вопросу о классификации цифровых прав / И.Г. Морозова, С.И. Купрякова // Хозяйство и право. 2022. N 11. С. 18–28.
13. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики: Учеб. пособие для вузов / В.А. Белов [и др.]; Под ред. В.А. Белова. М.: Издательство «Юрайт», 2023. С. 324
14. Bénassy-Quéré, A., Marimon, R., Martin, P., Pisani-Ferry, J., Reichlin, L., & Wallace, H. (2018). Reconciling risk sharing with market discipline: A constructive approach to euro area reform. CEPR eBook. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht (BaFin).
15. Смирнова О.И. «Правовые аспекты использования стейблкоинов в сфере международных платежей» // Журнал «Международное право и бизнес», год 2021, том 5
16. Попов А.С. «Стейблкоины: определение, виды и правовое регулирование» // Журнал «Финансовые технологии и инновации», год 2022, выпуск 1.
17. Иванова Е.Д. «Экономический анализ использования стейблкоинов в финансовой системе России» // Сборник научных трудов «Инновации в финансах и банковском деле», год 2022.

ON THE FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF VARIOUS TYPES OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND HYBRID DIGITAL RIGHTS

Iontsev M.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Center for Legal Support for Digitalization in the Financial Market (as a Directorate) of the Legal Department

The article addresses topical issues related to the peculiarities of the legal regime of certain types of digital financial assets. First, the author pays attention to the absence of special regulation of tokens certifying monetary claims, due to which this type of tokens allows to build both simple contractual relations, mediating debt relations, and complex structured transactions, being derivative financial instruments. Secondly, the author considers the possibility of entering into a loan agreement for issuance securities and a repo transaction, through the issuance of digital financial assets. Thirdly, the article considers the peculiarities of the legal regime of tokens certifying the rights from issuance securities and the peculiarities of the subject composition related to the issuance of such digital financial assets. Fourth, the article analyzes the legal risks of creating digital companies. As a result of the article, the author concludes that various types of digital financial assets are significantly heterogeneous, which significantly affects the regulation of their circulation.

Keywords: tokens, digital financial assets, tokens certifying monetary claims, tokens certifying rights from issuance securities, tokens certifying shares of a non-public joint stock company, tokens certifying the requirement to transfer issuance securities.

References

1. Egorov A.V. Ambiguity of the concept of obligation: practical aspect//Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2011. N 4. S. 23–42.
2. Dobrachev D.V. Influence of creditor and debtor figures on monetary obligation formation//Lawyer. 2013. N 6. S. 32.
3. Bondarenko D.V. Monetary claim as the subject of a financing agreement for the assignment of a monetary claim: some questions//Bulletin of Omsk University. Series: Right. 2016. N 1 (46). S. 158–165.
4. A.V. Zakharkina Legal regime of digital financial assets//Law and economics. 2022. N 11. S. 28.
5. Inshakova A.O. Bill of lading in the legal support of foreign trade activities: from personal extract to electronic crypto code/A.O. Inshakova, A.I. Goncharov//Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Legal Sciences. 2019. T. 23. N 3. P. 375–393.
6. G.A. Vakulina To the issue of digital financial assets//Economy and law. 2024. N 1. P. 58–68.
7. Matytsin D.E. Digital financial assets in remote investment transactions//Banking law. 2022. N 1. P. 39–47.
8. Churilov A.Y. Critical analysis of the main provisions of the Federal Law on Digital Financial Assets//Economy and Law. 2021. N 1. P. 51.
9. V.F. Popondopulo, Entrepreneurial Law: textbook: in 2 volumes (volume 1), 6th edition, Prospect, 2023.
10. Pavlova D.A. Features of the exercise of digital rights//Lawyer. 2023. N 3. C. 12.
11. Lapteva A.M. Legal Regulation of the Issue of Digital Financial Assets//Journal of Russian Law. 2023. N 8. S. 95–108.
12. Morozova I.G. To the issue of classification of digital rights/I.G. Morozova, S.I. Kupryakova//Economy and law. 2022. N 11. S. 18–28.
13. Trade (commercial) law: actual problems of theory and practice: Textbook for universities/V.A. Belov [, etc.]; Under ed. V.A. Belova. M.: Yurite Publishing House, 2023. Page 324
14. Bénassy-Quéré, A., Marimon, R., Martin, P., Pisani-Ferry, J., Reichlin, L., & Wallace, H. (2018). Reconciling risk sharing with market discipline: A constructive approach to euro area reform. CEPR eBook. Bundesanstalt für Finanzdienstleistungsaufsicht (BaFin).
15. Smirnova O.I. "Legal aspects of the use of stablecoins in the field of international payments" //Journal International Law and Business, "year 2021, volume 5
16. Popov A.S. "Stablecoins: Definition, Types and Legal Regulation" //Journal Financial Technologies and Innovations, "year 2022, issue 1.
17. Ivanova E.D. "Economic analysis of the use of stablecoins in the financial system of Russia" //Collection of scientific papers" Innovations in finance and banking, "year 2022.

О правовом регулировании акций, выпущенных в виде цифровых финансовых активов, и перспективах их выпуска для достижения целей устойчивого развития

Ихаров Михаил Михайлович,

младший научный сотрудник, Центр исследований и экспертизы
Финансового университета при Правительстве Российской
Федерации
E-mail: maikl.ikh@mail.ru

Статья посвящена теме правового регулирования общественных отношений в сфере эмиссии и обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале акционерного общества, а также оценке их роли, в том числе в достижении целей устойчивого развития. Цель. Выявить ключевые недостатки и противоречия действующего нормативно-правового регулирования акций, выпущенных в виде цифровых финансовых активов, а также акционерных обществ, чей уставный капитал они составляют. Результаты. Проанализированы актуальные подходы к определению правовой природы акций, выпущенных в виде цифровых финансовых активов. Дана оценка особенностям их роли, правового регулирования и перспектив применения исследуемого правового механизма для достижения целей устойчивого развития. Выводы. С учетом выявленных в законодательстве Российской Федерации противоречий, не представляется возможным однозначно охарактеризовать акции, выпущенные в виде цифровых финансовых активов, ни как полноценный (*sui generis*) цифровой финансовый актив, ни как ценную бумагу. Между тем, предлагается расценивать такие акции в качестве новой формы акций, наравне с документарными и бездокументарными. Также особое внимание уделено отражению правовой природы таких акций на правовом положении акционерных обществ, чей уставный капитал они составляют – невозможности приобретения ими публичного статуса и осуществления выпуска эмиссионных ценных бумаг.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, акции, устойчивое развитие, финансовые инструменты, финансовые технологии, цифровые права, ценные бумаги.

На протяжении всего периода развития гражданского права, общество, начиная с древних времен, многократно выделяло новые объекты гражданских прав и пересматривало подходы к их удостоверению, а также регулированию их перехода. Ретроспективным примером, иллюстрирующим общую тенденцию вышеописанного процесса, может послужить период становления дифференциации права собственности в Римской империи на квинтское право собственности и преторское (бонитарное) право собственности, и дальнейшее угасание этой традиции. В то же время, как представляется, с ходом времени причины и основные принципы развития этого института, как и права в целом, оставались и остаются неизменными. Силы, побуждающие к прогрессу римскую правовую традицию не утратили своей актуальности и по сей день – «старый патриархальный строй рушится, примитивное натуральное хозяйство заменяется сложными экономическими отношениями, унаследованные от древности социальные перегородки стесняют» [1, с. 12] – так писал о предпосылках к становлению римского права А.И. Покровский, и в сущности совершенно аналогичный принцип лёг в основу генезиса сперва правового регулирования бездокументарных ценных бумаг, а позднее и регулирования цифровых прав (далее также ЦФА), как в Российской Федерации, так и за рубежом – «сложные экономические отношения» сменились ещё более сложными, стали обременены дополнительными целями и ролями [2, с. 7–15].

Тем не менее, в правовых порядках разных государств совершенно по-разному были отражены современные экономические тенденции в части возникновения и развития новых финансовых технологий, цифровых финансовых активов. Так, как отмечают отечественные исследователи, сложилось несколько подходов: «первый подход – это применение к регулированию токенов-ценных бумаг действующего законодательства о ценных бумагах. Например, такой подход реализован в США». [3, с. 177]. «Однако с 2019 г. в ряде стран, особенно европейских, стал зарождаться новый способ регулирования токенов-ценных бумаг / финансовых инструментов – создание специального порядка выпуска, хранения и передачи таких финансовых активов с применением DLT-технологий (второй подход)» [3, с. 178].

Приверженность российского законодателя второму подходу, ориентированному на формирование *sui generis* для цифровых финансовых ак-

тивов, оставалась в общем своем контуре неизменной и повлекла за собой сперва возникновение в 2018 году законопроекта № 419059–7 «О цифровых финансовых активах», а после и принятие Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 259-ФЗ).

Уже ко второму чтению, в текст Законопроекта № 419059–7 была включена статья 13, призванная регулировать особенности выпуска и обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале акционерного общества, которые по тексту вышеуказанной статьи также именуется как «акции публичного акционерного общества, выпущенные в виде цифровых финансовых активов» (в контексте установления запрета на их выпуск, пункт 1 статьи 13 Закона № 259-ФЗ) и «акции непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов» (пункт 2 статьи 13 Закона № 259-ФЗ).

Как представляется, уже само по себе подобное отождествление ЦФА с акциями является несколько «вольным» для правопорядка, недвусмысленно разграничивающего ЦФА с ценными бумагами, и, как следствие, порождает целую группу юридических, юридико-технических и методологических проблем, которые видится необходимым осветить в рамках настоящего исследования, как и перспективы развития изучаемого объекта гражданских прав. Истоки этой необходимости представляются истинно бездонными, так как аккумулируют в себе совокупность всех причин, по которым возникает тот или иной новый финансовый инструмент или финансовая технология, а именно – актуальные, либо же видимые в ближайшей перспективе, потребности участников рынка. В данном случае потребности, удовлетворяемые укреплением позиций рынка ЦФА, вполне могут быть раскрыты через явные преимущества таких активов. Например, С.В. Харинов и В.В. Иванов относят к таковым: «удобство эмиссии, обращения и расчетов, снижение издержек, увеличение доходности» [4, с. 10]. Помимо этого учеными также отмечается особая роль технологии распределенного реестра [5, с. 8], способной обеспечить столь необходимую финансовому рынку открытость, публичность.

Не следует игнорировать и ту особенность, что все вышеперечисленные преимущества обладают значительным потенциалом поспособствовать достижению ключевых целей устойчивого развития в целом, и Российской Федерации в частности. Так, ни для кого не секрет, что автоматизация большинства процедур и их перевод в цифровое пространство способны:

- существенно сократить долю бумажного документооборота;
- ускорить процедуры выпуска (эмиссии) новых видов активов, что выгодно выделяет их на фоне ценных бумаг (вплоть до возможной автоматизации процедуры);

- обеспечить условия быстрого и «открытого» обращения новых видов активов, сокращая сопутствующие издержки как для получателей инвестиций, так и для инвесторов;
- сохранить и расширить возможности формирования «гибких» условий их выпуска (включая, но не ограничиваясь: особые сроки погашения, обращения (в том числе Lock up), различные способы обеспечения исполнения обязательств, вариативные условия размещения (в том числе зависимость цены размещения от даты размещения, или даже перспектива установления преимущественного права приобретения выпусков (дополнительных выпусков) таких активов, удостоверяющих корпоративные права (или же конвертируемых в активы, которые удостоверяют корпоративные права) заинтересованными лицами, в том числе муниципальными и (или) государственными учреждениями, общественными организациями, фондами) и т.д.).

Притом тенденция к привлечению денежных средств на проекты устойчивого развития с использованием ЦФА в 2024 году уже начала прослеживаться, так 26 марта 2024 года в информационной системе ООО «Атомайз» состоялся выпуск ЦФА эмитента ООО «Сибирское стекло», и несмотря на то, что Решение об их выпуске от 18 марта 2024 года не содержало указаний на использование привлекаемых денежных средств на цели устойчивого развития, публично заявлялось, что денежные средства от их размещения были направлены на увеличение закупок стекольных отходов [6]. Позднее, с 16 по 19 июля того же года в России состоялось размещение ЦФА устойчивого развития, выпущенных компанией ООО «ЛЕГЕНДА» (Решение о выпуске цифровых финансовых активов устойчивого развития (право денежного требования) № LEG-1-DT-012026–00001, ООО «ЛЕГЕНДА»), в отношении которых агентством «Эксперт РА» было выражено независимое мнение о их соответствии принципам устойчивого развития [7]. В рамках этого выпуска привлеченные денежные средства должны быть направлены на частичное рефинансирование ранее понесенных затрат на строительство энергоэффективных жилых многоквартирных домов, общей площадью 302 657 м².

Вкупе же с известными паттернами корпоративного управления и наращивании их ESG-ориентированности, цифровые финансовые активы, удостоверяющие права участия в капитале акционерного общества, также могли бы принять на себя роль одного из ключевых инструментов, способных обеспечить достижение целей компонента G (Corporate Governance; перевод: корпоративное управление), особенно в пределах факторов: раскрытия информации, структуры управления, концентрации акционерной собственности и выявления независимости членов советов директоров (так как аффилированность в перспективе может выявляться в автоматическом режиме, бла-

годаря особенностям технологии распределенного реестра). В свою очередь упомянутые факторы зачастую выступают одними из основных оцениваемых показателей, отражающих состояние компонента G (например, по Методологии присвоения ESG-рейтингов и согласно Принципам присвоения ESG-рейтингов нефинансовым компаниям, утвержденных Методологическим комитетом АКРА (АО) 22 марта 2024 г.).

В то же время невозможно не отметить, что создание условий, в которых юридическая возможность выпуска (эмиссии) конкретного нового объекта гражданских прав установлена законом, однако фактическая возможность его выпуска (эмиссии) – отсутствует, видится иррациональным. Так, Банк России, отвечая на обращение автора, отмечал следующее: «В настоящее время отсутствуют операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, правила которых предусматривают возможность выпуска указанных в Обращении ЦФА (прим. автора: имеются в виду цифровые финансовые активы, удостоверяющие права участия в капитале акционерного общества). Таким образом, выпуск таких ЦФА в настоящее время не представляется возможным» [8]. Формирование такого рода правопорядка словно возвращает нас к давно утратившим свой пыл спорам о «неограниченной проницательности чистого мышления» [9, 250], вынуждая выстраивать предположения о том, как же именно должны на практике «работать» акции, выпущенные в виде цифровых финансовых активов – в итоге же любое практико-ориентированное исследование объекта такого рода неизбежно столкнется с недостатком эмпирической базы, однако, изучить его в ограниченных теоретических очертаниях всё же представляется возможным.

Так, первым, на что следует обратить внимание является само условие о том, что правила операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, обязательно должны предусматривать возможность выпуска отдельных видов ЦФА (в данном случае, акций в виде ЦФА), которое следует из системного толкования норм частей 3 и 4 статьи 5 и части 3 статьи 13 Закона № 259-ФЗ. С одной стороны, такой подход способствует усилению контроля за выпуском и обращением ЦФА, тем самым обеспечивая дополнительную защиту прав инвесторов и снижая риски финансовой стабильности, так как правила информационной системы должны быть согласованы с Банком России (часть 1 статьи 7 Закона № 259-ФЗ), с другой стороны этот же подход может порождать ситуации неопределенности в условиях, когда информационная система вносит изменения в правила информационной системы, прекращает свою деятельность и (или) исключается из реестра операторов информационных систем по иным основаниям.

В частности, согласно части 10 статьи 7 Закона № 259-ФЗ, оператор информационной системы, исключенный из реестра операторов инфор-

мационных систем, обязан обеспечить передачу хранящейся в информационной системе сводной информации о лицах, выпустивших цифровые финансовые активы, а также об обладателях цифровых финансовых активов, выпущенных в информационной системе, и принадлежащих им цифровых финансовых активах оператору иной информационной системы в порядке, установленном нормативным актом Банка России – однако как быть в ситуации, если другого оператора информационной системы, чьи правила допускают выпуск и обращение соответствующего вида ЦФА, выпущенного на прекращающей свою деятельность информационной системе, попросту нет? Такая ситуация фактически может заблокировать, например, возможность непубличного акционерного общества, чьи акции выпущены в виде ЦФА, осуществлять их дополнительную эмиссию и тем самым привлекать дополнительные инвестиции, может ограничить оборотоспособности таких акций и даже «запереть» участников в обществе по формально-юридическим основаниям: в связи с невозможностью произвести операции с такими ЦФА.

Ещё одной, куда более фундаментальной, теоретической проблемой видится идентификация правовой природы акций, выпущенных в виде цифровых финансовых активов. Как уже было отмечено ранее, в статье 13 Закона № 259-ФЗ под акциями, выпущенными в виде цифровых финансовых активов, понимаются цифровые финансовые активы, удостоверяющие права участия в капитале акционерного общества. То есть два вышеназванных понятия призваны обозначать один и тот же объект гражданских прав, что определенно требует как минимум дополнительных разъяснений со стороны законодателя и регулирующих органов в силу следующего противоречия.

Так, содержание понятия «акция» раскрывается в подпункте 10 пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон № 39-ФЗ) – ей является «эмиссионная ценная бумага, закрепляющая права ее владельца (акционера) на получение части прибыли акционерного общества в виде дивидендов, на участие в управлении акционерными обществами и на части имущества, оставшегося после его ликвидации». Эта же дефиниция соотносится с пунктом 2 статьи 142 ГК РФ: «ценными бумагами являются акция, вексель, закладная...».

Одновременно с этим абзацем вторым пункта 1 статьи 25 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон № 208-ФЗ) в редакции Закона № 259-ФЗ установлено следующее «Все акции общества являются бездокументарными. Акции непубличного общества могут быть выпущены в виде цифровых финансовых активов с учетом особенностей и условий, определенных Законом № 259-ФЗ». При ближайшем формально-юридическом рассмотрении содержания процитированной выше нормы на самом деле не столь однозначно – являются ли эти два правила взаимоисключающими? С одной

стороны совершенно очевидно, что характеристика «бездокументарные» в контексте данной нормы должна относиться исключительно к акциям, являющимся ценными бумагами, однако сохранение этой фразы – «Все акции общества являются бездокументарными» – в предшествующей редакции, без каких-либо изъятий или явных исключений, фактически породило последовательное противоречие внутри нормы права, так как из части 2 статьи 1 Закона № 259-ФЗ однозначно следует, что цифровыми финансовыми активами признаются исключительно цифровые права (статья 141.1 ГК РФ), представляющие собой, по смыслу статьи 128 ГК РФ, отдельный объект гражданских прав, удаленный по своей правовой природе как от документарных, так и от бездокументарных ценных бумаг.

Следующим проявлением обозначенного противоречия выступает процедура возникновения прав на акции в виде цифровых финансовых активов. Так, ранее по тексту настоящего исследования автором не единожды употреблялся термин «эмиссия» по отношению к акциям в виде цифровых финансовых активов, что на первый взгляд совершенно противоречит толкованию в системной взаимосвязи норм статьей 1 и 2 Закона № 259-ФЗ: из них однозначно следует, что цифровые финансовые активы исключительно **выпускаются**. Однако, как явно следует из части 3 статьи 13 Закона № 259-ФЗ, и у этого правила есть неожиданное исключение, согласно которому «**эмиссия** акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов осуществляется в соответствии с Законом № 39-ФЗ», с учетом некоторых особенностей. Таким образом, закон формально провозглашает очередной специфичный парадокс: цифровые финансовые активы – выпускаются, а в отношении акций в виде цифровых финансовых активов – осуществляется эмиссия.

Также следует обратить внимание на то, что пунктом 9 части 3 статьи 5 Закона № 259-ФЗ установлено, что правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов должны содержать «правила ведения **реестра владельцев ценных бумаг** в информационной системе, в том числе сроки осуществления операций в реестре владельцев ценных бумаг, в случае, если оператор информационной системы осуществляет учет прав на акции непубличного акционерного общества, осуществляющего выпуск цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале этого непубличного акционерного общества».

По вышеупомянутому мнению Банка России, изложенному в Письме от 27.12.2024 № 34–7–2/4699, цифровыми финансовыми активами признаются цифровые права, включающие в том числе права участия в капитале непубличного акционерного общества, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА в порядке, установленном Законом № 259-ФЗ...». Из этого следует явное и однозначное разграничение акций в виде цифровых финан-

совых активов и всех прочих акций, являющихся ценными бумагами. Принцип, заложенный в указанном подходе, видится вполне понятным – приоритет специальных норм над общими. Тем не менее, столь ли очевиден этот приоритет, с учетом всех вышеизложенных обстоятельств?

В итоге, ни Закон № 39-ФЗ, ни ГК РФ не предусматривают исключений для однозначно определенного понятия «акция», как и закон № 259-ФЗ не предлагает его альтернативной дефиниции, при этом обозначает так вид цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале акционерного общества и говорит о том, что вместо «выпуска» в их отношении осуществляется «эмиссия» в соответствии с Законом № 39-ФЗ, с учетом некоторых особенностей, что является скорее признаком эмиссионных ценных бумаг (Глава 5 Закона № 39-ФЗ). При внесении изменений в абзац второй пункта 1 статьи 25 Закона № 208-ФЗ, Закон № 259-ФЗ не изменяет того постулата, что «все акции общества являются бездокументарными». Более того, закон устанавливает требование о том, что правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск акций в виде ЦФА, должны содержать правила ведения реестра владельцев ценных бумаг в информационной системе.

В результате, с учетом всех вышеперечисленных особенностей исследуемого актива, видится затруднительным однозначно согласиться с утверждением, будто «акции, выпущенные в виде ЦФА, никакого отношения к ценным бумагам не имеют», так как проектируемый *sui generis* цифровых финансовых активов в случае с акциями в виде ЦФА, очевидно, менее всего удался отечественному правопорядку, вступив в тесную взаимосвязь с классическим правовым регулированием рынка ценных бумаг. Автор даже склонен позволить себе вольность охарактеризовать акции, выпускаемые в виде цифровых финансовых активов, в качестве новой формы акций, наравне с документарными и бездокументарными. В этом ключе формально-юридическая обособленность акций в виде ЦФА, как объекта гражданских прав, представляется слабым контраргументом озвученной позиции, так как документарные и бездокументарные ценные бумаги вообще относятся к разным категориям объектов – вещам и имущественным правам, при этом не переставая являть собой ценные бумаги.

Между тем, особая правовая природа акций в виде ЦФА отражается и на некоторых особенностях правового положения непубличного акционерного общества, уставный капитал которого составляют акции в виде ЦФА. Так, оно не может приобретать публичный статус (пункт 5 части 3 статьи 13 Закона № 259-ФЗ) и не вправе осуществлять выпуск эмиссионных ценных бумаг, за исключением акций, выпущенных в виде ЦФА (пункт 6 части 3 статьи 13 Закона № 259-ФЗ).

Дополнительно раскрывая эти особенности, следует отметить, что ограничения в части воз-

возможности обретения публичного статуса видятся обоснованными лишь технически, по той причине, что размещение акций, в виде ЦФА, и эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в них, на сегодняшний день в принципе не может осуществляться посредством открытой подписки (среди неограниченного круга потенциальных приобретателей), так как круг их потенциальных приобретателей априори ограничивается пользователями информационной системы, что квалифицируется как размещение по закрытой подписке. Вместе с тем, техническая обоснованность данного подхода не свидетельствует о его непорочности по той причине, что именно возможность обретения публичного статуса, и как следствие размещения акций и конвертируемых в них эмиссионных ценных бумаг по открытой подписке и их публичное обращение, возможность их листинга в котировальной части списка – придают смысла такой организационно-правовой форме юридического лица, как акционерное общество.

Подводя итог всему вышеизложенному, видится закономерным обратить внимание на следующее. В ситуации, когда непубличное акционерное общество, уставный капитал которого состоит из акций в виде ЦФА, лишается всех этих возможностей в силу условно технических причин, да ещё и в условиях недостаточно развитой инфраструктуры выпуска и обращения цифровых финансовых активов, а также (по куда менее очевидным причинам) в принципе лишается права осуществлять выпуск эмиссионных ценных бумаг – следует выразить обеспокоенность перспективой превращения акционерных обществ, чей уставный капитал составляют акции в виде ЦФА, в некий суррогат, являющийся «акционерным обществом» исключительно формально, но не по своей правовой природе.

Литература

1. Покровский, И.А. История римского права / И.А. Покровский. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 447 с. – (Антология мысли). – ISBN 978-5-534-17250-8. – Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/568607>.
2. Ручкина, Г.Ф. Регулирование оборота цифровых финансов как важной составляющей экономического и технологического суверенитета России / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2024. – № 3. – С. 7–15. – DOI 10.18572/1812-3945-2024-3-7-15. – EDN TTJVVV.
3. Гирич М.Г., Ермохин И.С., Левашенко А.Д. Сравнительный анализ правового регулирования цифровых финансовых активов в России и других странах // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17. № 4. С. 176–192 (на русском и английском языках). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-07.
4. Харинов, С.В. Цифровые финансовые активы на рынке международного движения капитала / С.В. Харинов, В.В. Иванов // Банковское дело. – 2023. – № 8. – С. 6–15. – EDN UCLPGW.
5. Кушниренко, М.П. Выпуск цифровых финансовых активов с использованием цифровых платформ: возможности и риски для участников финансовой операции / М.П. Кушниренко // Известия высших учебных заведений. Серия: Экономика, финансы и управление производством. – 2023. – № 2(56). – С. 6–16. – DOI 10.6060/ivecofin.2023562.638. – EDN BMUTXR.
6. Выпуск ЦФА на Атомайз помог целям устойчивого развития // <https://atomyze.ru/news/news-61> [режим доступа: открытый] (дата обращения: 08.02.2025).
7. «Эксперт РА» выразил независимое мнение о соответствии цифровых финансовых активов ООО «Легенда» принципам устойчивого развития // <https://raexpert.ru/releases/2024/jul16b> [режим доступа: открытый] (дата обращения: 08.02.2025).
8. Письмо Центрального Банка Российской Федерации (Банка России) от 27.12.2024 № 34–7–2/4699 в ответ на обращение от 09.12.2024 № ОЭ-266703.
9. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. IV. [Перевод] / Под ред. И.Е. Тамма [и др.] – Москва: «Наука», 1967.

ABOUT LEGAL REGULATION OF SHARES ISSUED AS DIGITAL FINANCIAL ASSETS AND THE PROSPECTS FOR THEIR ISSUANCE TO ACHIEVE SUSTAINABLE DEVELOPMENT GOALS

Ikharov M.M.

Center for Research and Expertise of the Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the topic of legal regulation of public relations in the field of issuance and circulation of digital financial assets certifying the rights to participate in the capital of a joint-stock company, as well as an assessment of their role, including in achieving the goals of sustainable development. **Purpose.** To identify the key shortcomings and contradictions of the current regulatory framework for shares issued as digital financial assets, as well as the joint-stock companies whose authorized capital they comprise. **Results.** The current approaches to determining the legal nature of shares issued as digital financial assets are analyzed. An assessment is given of the specifics of their role, legal regulation and prospects for the application of the legal mechanism under study to achieve the goals of sustainable development. **Conclusions.** Given the contradictions identified in the legislation of the Russian Federation, it is not possible to unambiguously characterize shares issued as digital financial assets either as a full-fledged (sui generis) digital financial asset or as a security. Meanwhile, it is proposed to consider such actions as a new form of shares, along with documentary and non-documentary ones. Special attention is also paid to reflecting the legal nature of such shares on the legal status of the joint-stock companies whose authorized capital they constitute – the impossibility of their acquiring public status and issuing equity securities.

Keywords: digital financial assets, stocks, sustainable development, financial instruments, financial technologies, digital rights, securities.

References

1. Pokrovskij, I.A. Istoriya rimskogo prava / I.A. Pokrovskij. – Moskva: Izdatel'stvo Yurajt, 2025. – 447 s. – (Antologiya my'sli). – ISBN 978-5-534-17250-8. – Tekst: e'lektronny'j // Obrazovatel'naya platforma Yurajt [sajt]. – URL: <https://urait.ru/bcode/568607>.

2. Ruchkina, G.F. Regulirovanie oborota cifrovyy`x finansov kak vazhnoj sostavlyayushhej e`konomicheskogo i texnologicheskogo suvereniteta Rossii / G.F. Ruchkina // Bankovskoe pravo. – 2024. – № 3. – S. 7–15. – DOI 10.18572/1812–3945–2024–3–7–15. – EDN TTJVVV.
3. Girich M.G., Ermoxin I.S., Levashenko A.D. Sravnitel`ny`j analiz pravovogo regulirovaniya cifrovyy`x finansovy`x aktivov v Rossii i drugix stranax // Vestnik mezhdunarodny`x organizacij. 2022. T. 17. № 4. S. 176–192 (na russkom i anglijskom yazy`kax). doi:10.17323/1996-7845-2022-04-07.
4. Xarinov, S.V. Cifrovyye finansovy`e aktivyy` na ry`nke mezhdunarodnogo dvizheniya kapitala / S.V. Xarinov, V.V. Ivanov // Bankovskoe delo. – 2023. – № 8. – S. 6–15. – EDN UCLPGW.
5. Kushnirenko, M.R. Vy`pusk cifrovyy`x finansovy`x aktivov s ispol`zovaniem cifrovyy`x platform: vozmozhnosti i riski dlya uchastnikov finansovoj operacii / M.R. Kushnirenko // Izvestiya vy`sshix uchebny`x zavedenij. Seriya: E`konomika, finansy` i upravlenie proizvodstvom. – 2023. – № 2(56). – S. 6–16. – DOI 10.6060/ivecofin.2023562.638. – EDN BMUTXR.
6. Vy`pusk CzFA na Atomajz pomog celyam ustojchivogo razvitiya // <https://atomyze.ru/news/news-61> [rezhim dostupa: otkry`ty`j] (data obrashheniya: 08.02.2025).
7. «E`kspert RA» vy`razil nezavisimoe mnenie o sootvetstvii cifrovyy`x finansovy`x aktivov OOO «Legenda» principam ustojchivogo razvitiya // <https://raexpert.ru/releases/2024/jul16b> [rezhim dostupa: otkry`ty`j] (data obrashheniya: 08.02.2025).
8. Pis`mo Central`nogo Banka Rossijskoj Federacii (Banka Rossii) ot 27.12.2024 № 34–7–2/4699 v otvet na obrashhenie ot 09.12.2024 № OE`-266703.
9. E`jnshtejn A. Sobranie nauchny`x trudov. T. IV. [Perevod] / Pod red. I.E. Tamma [i dr.] – Moskva: «Nauka», 1967.

Кукушкин Роман Константинович,

аспирант кафедры «Гражданское, предпринимательское и транспортное право», ассистент кафедры «Уголовно-правовые дисциплины», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: roma.kukushkin.1998@mail.ru

Статья посвящена персональному сроку на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, как в гражданском, так и в арбитражном процессе. Уделено внимание наличию или отсутствию непосредственно самого срока на стадии подготовки дела как в ГПК РФ, так и в АПК РФ. Исследуется позиция законодателя в вопросах необходимости наличия или отсутствия срока подготовки, а также различные точки зрения и позиции ученых-юристов и практикующих специалистов по процессуальному праву. Уделено внимание правовому положению суда, а также сторон в вопросах подготовки дела при наличии или отсутствия персонального срока при подготовке. Определения наличия пробелов в законодательстве, а также актуальных проблемы. Выдвинуты идеи и предложения о так можно это изменить или исправить.

Ключевые слова: Подготовка дела к судебному разбирательству, срок подготовки дела к судебному разбирательству, отдельный срок, гражданский процесс, арбитражный процесс, суд, председательствующий, стороны, законодатель, законодательство, судопроизводство, рассмотрение дела, разрешение дела.

В действующем законодательстве стадия подготовки дела к судебному разбирательству является одной из важнейших стадий процесса, в силу того, что носит обязательный характер и проводится по каждому делу, невзирая на его сложность. Исключительность стадия подготовки обусловлена и тем, что ее надлежащее проведение (в том числе, выполнения всех закрепленных задач) помогает достичь правильного и своевременного разрешения дела [9], путем: исключению ошибок и неточностей, определения подходящего закона, необходимых доказательств и состава лиц, а также возможностью урегулировать спор, и все это непосредственно до самого судебного разбирательства. Обязательный характер стадии подготовки закреплен в гражданском, а также в арбитражном процессе.

В силу вышеизложенного, кажется очевидным, что столь опорный институт гражданского и арбитражного процессов должен быть регламентирован определенным сроком, необходимым для надлежащего осуществления процедуры подготовки.

Действующая редакция Арбитражный процессуальный кодекс РФ (далее – АПК РФ) в ст. 134 регламентирует срок подготовки дела к судебному разбирательству. Особенность срока подготовки заключается в том, что сам судья определяет временной отрезок, беря во внимание все обстоятельства каждого дела, учитывая его особенности, сложность и т.д.

Помимо этого АПК РФ предписывает срок подготовки непосредственно в общий срок рассмотрения дела и принятия решения, как правило, он не должен превышать шести месяцев (ч. 1 ст. 152 АПК РФ) [1]. Таким образом, законодатель обязывает председательствующего в указанный срок помимо рассмотрения и принятия решения по делу, успешно осуществить и стадию подготовки.

Но так было не всегда. Ещё в первоначальной редакции ст. 134 АПК РФ подготовка дела должна быть завершена в срок, не превышающий двух месяцев со дня поступления заявления. Тогда как срок, отведенный на судебное разбирательство, не должен был превышать месяца со дня определения о назначении дела.

Отказ от срока подготовки дела произошел благодаря принятию и вступлению в законную силу ФЗ от 19.07.2009 N 205 [13]. Из пояснительной записки, тогда еще к законопроекту № 384664–4, становится очевидным тот факт, что изначально законодатель не предполагал и не ставил перед собой цели сокращения или упразднения срока подготовки дела к судебному разбирательству.

Измененный вариант ст. 134 АПК РФ, касающийся сроков подготовки, был согласован только во втором чтении обсуждаемого законопроекта в качестве рекомендательных поправок Комитета Государственной Думы по собственности. Автором поправки выступил Депутат Государственной Думы В.С. Плескачевский.

Однако, в ходе разработки и принятия закона, четких обоснований о необходимости отказа от отдельного срока на стадии подготовки так и не было предоставлено со стороны законодателя на суд общественности. Теперь подготовка стала завершаться предварительным судебным заседанием, которое, не считая исключений, проводится в обязательном порядке.

О проблематичности срока высказывались и ученые-правоведы. Впрочем, единой точки зрения о необходимости наличия или отсутствия фиксированного срока на стадии подготовки дела – нет.

Например, достаточно категорично к сроку подготовке дела относился ученый-юрист, кандидат юридических наук Д.Г. Фильченко. Он в большей степени склонялся к единому (общему) сроку и для подготовки и для судебного разбирательства [14].

Доводы Фильченко поддержал адвокат, кандидат юридических наук Я.Х. Беков. Исследуя преимущество общего срока над отдельным сроком для стадии подготовки дела, с опорой на практику судей, он излагал, что двухмесячный срок слишком длителен для подготовки дела [7]. Этот срок мог подталкивать судей к затягиванию дела и никак не влиял на его качество рассмотрения.

Обратная точка зрения у Д.А. Фурсова, который акцентирует внимание на том, что персональный срок подготовки решал следующие задачи: 1) «четко очерчивал временные пределы стадии подготовки, тем самым подчеркивая ее самостоятельность»; 2) «обеспечивал дисциплинирующее воздействие не только на судей, но и иных участников процесса, в том числе в отношении сторон, которые должны эффективно использовать фиксированный срок, как для примирения, так и для подготовки» [5].

Ярыми сторонниками двухмесячного срока подготовки на начальном этапе действия АПК РФ были В.Ф. Яковлев и М.К. Юков. Они обращали внимание, что этот отведенный срок только свидетельствует о значимости стадии подготовки, помимо этого самостоятельный срок способствует полной и всесторонней подготовке дела. Необходимость его введения, а также его продолжительность ученые обосновывали судебной практикой. Закрепленный, фиксированный срок, согласно комментариям, должен был использоваться продуктивно и точно по назначению, это же касалось месячного срока, отведенного на рассмотрение [6].

Можно констатировать тот факт, что судьи нередко нарушали фиксированный срок на стадии подготовки, это выявлялось в ходе апелляционных пересмотров дела. Среди причин авторы выделяли следующие упущения: 1) несвоевременное

привлечение всех необходимых для участия лиц; 2) отсутствие своевременной квалификации правоотношений, что увеличивает вероятность ненадлежащего установления юридически значимых обстоятельств; 3) несвоевременное истребование необходимых доказательств и прочие основания [2].

С нашей точки зрения, ключевым фактором решения отказа от определенного срока могло стать понимание законодателей о продолжительном двухмесячном сроке, который отводился на подготовку дела в противовес месячному сроку, отведенному на само рассмотрение дела. Такой затянутый временной промежуток не оправдал себя и мог стимулировать суд на непродуктивное, а также ненадлежащее исполнение своих обязанностей при подготовке арбитражного дела, в том числе: затягиванию, не привлечение лиц участвующих в деле, что могло повлечь их неявку в суд, несвоевременную квалификацию правоотношений, несвоевременное истребование доказательств и т.д. В свою очередь стороны могли затягивать или вообще откладывать процесс по сбору и предоставлению доказательств.

После отказа от персонального срока была высказана аргументация о том, что судья не может провести подготовку дела и судебное разбирательство дольше отведенного срока – три месяца. При том, что срок на подготовку теперь не установлен. Разумеется, законодателем предусмотрена дополнительная возможность отложения рассмотрения дела (при наличии обстоятельств). Но это срок не должен превышать одного месяца. Попытки авторов «трактовать тогдашние нормы ст. 152 АПК РФ более широко и демократично о возможности судьи неоднократно откладывать дело, но на срок не более чем в один месяц» – лишь произвольная. Только месячный срок отложения не будет считаться нарушением, все последующие отложения нарушения норм ст. 152 АПК РФ. Тем самым констатировалось жесткость отведенного срока на подготовку и рассмотрения дела в три-четыре месяца [3].

Отказ от отдельного срока подготовки дела к судебному разбирательству сблизил арбитражный процесс с гражданским процессом. Что касается срока подготовке дела в Гражданском процессуальном кодексе РФ 2002 (далее – ГПК РФ), то в главе 14 [4], регулиющую подготовку, отдельный срок не был предусмотрен изначально. В отличие от АПК РФ полностью отсутствует статья, которая регулировала временной отрезок для надлежащего осуществления подготовки.

Как и в нынешней редакции АПК РФ, ст. 154 ГПК РФ устанавливает общий срок рассмотрение и разрешение дела – до истечения двух месяцев (до одного для мировых судей) со дня принятия заявления судья должен помимо прочего осуществить надлежащую подготовку дела к судебному разбирательству.

Интересен и тот факт, что до изменения сроков в АПК РФ была высказана точка зрения о преимуществах в разделении срока на стадии подготовке судебного разбирательства в ГПК РФ. Разделение

способствовало бы председательствующему четче организовывать процессуальные действия, а также соблюдать сроки производства по делу [11]. Отсутствие персонального срока при подготовке в гражданском процессе объяснялась более сокращенными сроками производства, если сравнивать с арбитражным процессом.

Примечательно, что в гражданском процессуальном кодексе времен СССР персональный срок подготовке имел место быть. Более того, срок стадии подготовки начал закрепляться с 80-ых годов XX века, именно в процессе осознания и определение стадии подготовки в качестве необходимой составляющей гражданского процессуального законодательства.

Возвращаясь к арбитражному процессу, то в качестве окончательной точки в вопросах необходимости установления единого или отдельного срока на стадии подготовки со стороны законодателей, можно считать принятие ППВС РФ от 04.06.2024 N 12 [8]. Это постановление пленума, отменяя предыдущее, полностью посвящает себя регламентации подготовке делу в арбитражном процессе.

Необходимо акцентировать внимание на том, что ко времени принятия пленума в АПК РФ, который неоднократно изменялся, срок рассмотрение и разрешения дела заметно расширился. Теперь он не должен превышать шести месяцев со дня поступления заявления в суд. Шестимесячный срок включает в себя стадию подготовки дела. В пленуме дублируется то, что и было прописано в кодексе – судья сам определяет срок подготовки дела, беря во внимание обстоятельства дела с учетом совершения всех необходимых процессуальных действий.

Говоря о точках зрения практикующих специалистов в области арбитражного процесса, выделим пояснение изложенное руководителем арбитражной практики юридической компании «Эклекс» Анастасии Константиновны в анализе разъяснений Верховного суда в «Адвокатской газете» от 14 мая 2024 года. Эти разъяснения Верховного суда РФ главным образом относились к ППВС РФ от 04.06.2024 N 12, который на тот момент готовился к принятию. Что касается сроков подготовки, то исходя из своего анализа, специалист утверждает о двояком характере самостоятельного определения срока подготовки судьей. С одной стороны без точного срока председательствующий может более качественно провести подготовку дела, беря во внимания характер дела, все его обстоятельства и сложность, самостоятельно определяя его срок. Но с другой стороны неограниченность срока значительно увеличивает риск затягивания судом подготовки, более того, установленный судом срок нельзя обжаловать.

Таким образом, законодатель, отказавшись от отдельного и определенного срока подготовки в гражданском и арбитражном процессе, не увеличил эффективность рассмотрения и разрешения дел, а также не снизил вероятность возможности злоупотребления судом при подготовке дела

к судебному разбирательству. Оно может происходить по разным причинам: в качестве ненамеренного завышения председательствующем срока подготовки (в силу неопытности, его может мотивировать страх упустить существенную деталь или допустить ошибку в процессе подготовки), так и умышленное злоупотребления в установлении срока судом при подготовке. При таком раскладе на осуществлении правосудия и защиты прав и интересов граждан (или организаций) это может повлечь отрицательный результат.

Не улучшилась ситуация в отношении сторон. Так, например, от 24 января 2024 г. в Арбитражном суде Северо-Западного округа (г. Санкт-Петербурга) было вынесено постановление об оставлении кассационной жалобы без удовлетворения, а оспариваемые решение и постановление предыдущей инстанции – оставлены без изменения. Помимо прочего председательствующий руководствовался тем, что податель жалобы в суде первой инстанции на стадии подготовке не предоставил обоснованных доводов, которые бы подтверждали необходимость совершения определенных процессуальных действий (без которых нельзя завершить предварительное судебное заседание), а также не обосновал причину неявки своего представителя. Более того, предварительное судебное заседание уже было отложено, поэтому суд первой инстанции правомерно отказал в повторном отложении, дабы избежать затягивания процесса [10].

Заключение

Резюмируем, что полный отказ или не включения отдельного срока на стадии подготовке дела к судебному разбирательству, без прописанной законодателями аргументации такой необходимости, представляется малообоснованным, а также вызывает необходимость дополнительных дискуссий. Разумеется, в свободе председательствующего определять временные рамки самостоятельно, подстраиваясь под определенное дело, особенности этого дела, может поспособствовать надлежащей подготовке гражданского или арбитражного дела. Но риск того, что без четких временных рамок в сроке подготовке может привести к злоупотреблению правом – присутствует. Более того, этот риск достаточно велик, чтобы его игнорировать. В связи с чем, углубляется пробел в действующем процессуальном законодательстве, который нуждается в решении. Как уже отмечалось О.Г. Дьяконовой «отсутствие установленного процессуального срока повлечет несоразмерное увеличение продолжительности рассмотрения и разрешения гражданских дел, нарушая права и законные интересы граждан, а также несоблюдение процессуальной формы» [12]. Следует четко разграничить срок подготовки и срок рассмотрения и разрешения дела, это не только создаст необходимые ограничительные временные рамки, но и подчеркнет саму значимость стадии подготовки. Пристальное внимание следует уделить нынешнему гражданскому процессу, в котором этот

вопрос опускается. Так гражданские процессуальные кодексы стран СНГ – Казахстана и Узбекистана не отказались от срока подготовки. В частности ГПК Республики Казахстан отведен двадцатидневный срок на подготовку дела, притом, что общий срок, как и в российском гражданском процессе, в первой инстанции составляет два месяца. Временные рамки, определяющие сроки подготовки как в ГПК РФ, так и АПК РФ нуждаются в дополнительной дискуссии. Установленный срок должен быть настолько оптимален и удобен для суда, чтобы он смог осуществить надлежащую подготовку дела. В тоже время, нельзя допускать его чрезмерного затягивания, как это было с первоначальной редакцией АПК РФ, от которой и было решено отказаться. В АПК РФ этот срок не должен превышать время на рассмотрения и разрешения дела, тем более с установлением нынешнего общего срока в шесть месяцев. Должен ли он составлять один или два месяца? Оптимален ли этот срок для сегодняшнего процесса? Считаем, что это направление, как в гражданском, так и в арбитражном процессе нуждается в дополнительном исследовании.

Литература

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024).
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Разделы I–II: Постатейный научно-практический комментарий» (под общ. Ред. В.А. Гуреева) (науч. Ред. В.В. Гуцин) («Библиотечка «Российской газеты», 2013).
3. «Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (Добровольский В.И.) («Волтерс Клувер», 2010).
4. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 26.10.2024). Гл. 14.
5. «Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (отв. Ред. Д.А. Фурсов) («Перспектив», 2011).
6. «Комментарий к Арбитражному процессуальному кодексу Российской Федерации» (постатейный) (под ред. В.Ф. Яковлева, М.К. Юкова) («Горький», 2003).
7. «Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: Монография» (Беков Я.Х.) («Волтерс Клувер», 2010) Стр. 10–11.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.06.2024 N 12 «О подготовке дела к судебному разбирательству в арбитражном суде».
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 N 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».
10. Постановление от 24 января 2024 г. по делу № А56–130228/2022

11. Статья: Некоторые проблемы исчисления и применения процессуальных сроков в гражданском процессе (Козлова В.Н.) («Налоги» (газета), 2009, N 20) «Налоги» (газета), 2009, N 20.
12. Статья: Теоретические и практические особенности правовой регламентации стадии подготовки дела к судебному разбирательству в гражданском и арбитражном судопроизводстве (Дьяконова О.Г.) («Арбитражный и гражданский процесс», 2015, № 8).
13. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 19.07.2009 N 205-ФЗ (последняя редакция).
14. Фильченко Д.Г. Подготовка дела к судебному разбирательству: положение нового Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Трибуна молодых ученых: Сб. науч. трудов. Вып. 4. Новое процессуальное законодательство Российской Федерации: новеллы, достоинства и противоречия / Под ред. Ю.Н. Старилова. Воронеж, 2003. Ч. 2. С. 214–215; Еремина О. Начинать сначала // ЭЖ-Юрист. 2002. N 34. С. 5.

TERMS OF PREPARATION OF THE CASE IN CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

Kukushkin R.K.

Far Eastern State University of Railway Engineering

The article is devoted to the personal deadline at the stage of preparing a case for trial, both in civil and arbitration proceedings. Attention is paid to the presence or absence of the term itself at the stage of preparation of the case in both the CPC RF and the APC RF. The article examines the position of the legislator on the need for the availability or absence of a training period, as well as various points of view and positions of legal scholars and practitioners in procedural law. Attention is paid to the legal status of the court, as well as to the parties in matters of preparing the case in the presence or absence of a personal deadline for preparation. Identify gaps in legislation, as well as current issues. Ideas and suggestions have been put forward about how to change or fix this.

Keywords: Preparation of the case for trial, term of preparation of the case for trial, separate term, civil procedure, arbitration process, court, presiding judge, parties, legislator, legislation, judicial proceedings, consideration of the case, resolution of the case.

References

1. “The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation” dated 07/24/2002 N 95-FZ (as amended on 08/08/2024).
2. “The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation. Sections I–II: An Article-by-article scientific and practical commentary” (under the general Editorship of V.A. Gureev) (scientific editorship of V.V. Gushchin) (Biblioteka Rossiyskaya Gazeta, 2013).
3. “Topical issues of Arbitration legislation: what the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation is silent about” (Dobrovolsky V.I.) (“Walters Club”, 2010).
4. “The Civil Procedure Code of the Russian Federation” dated 11/14/2002 N 138-FZ (as amended on 10/26/2024). Chapter 14.
5. “Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” (article-by-article) (ed. by D.A. Fursov) (“Prospect”, 2011).
6. “Commentary to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation” (article-by-article) (edited by V.F. Yakovlev, M.K. Yukov) (Gorets, 2003).

7. "Preparing a case for trial in civil proceedings: A monograph" (Bekov Ya.K.) (Volters Kluwer, 2010) Pp. 10–11.
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/04/2024 No. 12 "On the preparation of a case for trial in an Arbitration court."
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/24/2008 No. 11 (as amended on 02/09/2012) "On the preparation of civil cases for trial".
10. Resolution of January 24, 2024 in case no. A56–130228/2022
11. Article: Some problems of calculating and applying procedural time limits in Civil proceedings (Kozlova V.N.) (Taxes (Gazeta), 2009, No. 20) Taxes (Gazeta), 2009, No. 20.
12. Article: Theoretical and practical features of the legal regulation of the stage of preparing a case for trial in civil and arbitration proceedings (O.G. Dyakonova) ("Arbitration and Civil Procedure", 2015, No. 8).
13. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/19/2009 No. 205-FZ (latest edition).
14. Filchenko D.G. Preparation of the case for trial: the provision of the new Arbitration Procedural Code of the Russian Federation // Tribune of Young scientists: Collection of scientific papers. Issue. 4. New procedural legislation of the Russian Federation: novelties, advantages and contradictions / Edited by Yu.N. Starilov. Voronezh, 2003. Part 2. pp. 214–215; Eremina O. Start over // EZH-Yurist. 2002. N 34. P. 5.

Матвеева Елена Юрьевна,

к.ю.н., доцент, доцент, Финансовый университет
при Правительстве РФ
E-mail: eyumatveeva@fa.ru

Статья посвящена договору в пользу третьего лица в оценке советской цивилистики. Показано, что в 20-х годах XX века к изучению феномена договора в пользу третьего лица обращались видные советские цивилисты. С конца 20-х годов, в условиях практического отсутствия частно-правового оборота в хозяйственной сфере, юридическая правовая наука практически не уделяла внимания изучению договора в пользу третьего лица. В статье показано, что как дореволюционная, так и советская цивилистика, дихотомически делила гражданско-правовые договоры на договоры в пользу участников и договоры в пользу третьих лиц.

Ключевые слова: договор в пользу третьего лица, специальная договорная конструкция, советская цивилистика, дихотомическое деление гражданско-правовых договоров.

В дореволюционном праве договор в пользу третьего лица нормативно не регулировался. Договор в пользу третьих лиц предусматривался в проекте Гражданского уложения (ст. 1589 – ст. 1592) [245, с. 491], но как известно, работа Высочайшей Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения так и не была завершена. В 1914 году, комментируя русское гражданское законодательство выдающийся цивилист-практик В.И. Исаченко отметил то, что в гражданском обороте договоры в пользу третьих лиц встречаются достаточно часто и охарактеризовал как пробел законодательства тот факт, что оно «не содержит правил, регулирующих взаимные отношения контрагентов, как между контрагентами, так и между ними и такими третьими лицами, в пользу коих эти договоры заключаются» [9, С.98].

Договор в пользу третьего лица был кодифицирован только в советский период. Нормы обоих советских гражданских кодексов (как 1922 года, так и 1964 года) уже содержали в общей части кодексов положения о договоре в пользу третьего лица, а также в специальной части положения о добровольном страховании в пользу третьих лиц. В отличие от ГК 1964 года, кодекс 1922 года также содержал и положение о том, что если предметом договора найма являлось государственное имущество, либо если сдаваемое в найм имущество принадлежало акционерному обществу без участия иностранного капитала или общественной организации (например, профессиональной или кооперативной), то наниматель обязывался к страхованию имущества в пользу наймодателя. Совершенно понятно, что в данном случае договор, который обязаны были заключить наниматель и страховщик, безусловно являлся договором в пользу третьего лица.

В первое десятилетие советского строя договор в пользу третьего лица был предметом внимания целого ряда известных представителей отечественной науки.

В 20-е годы наибольшее внимание договору в пользу третьих лиц уделил видный деятель советской науки, один из создателей и директор Института советского права Петр Иванович Стучка. Сформулированные П.И. Стучкой положения интересны следующим [18, С. 152–154].

Во-первых, договор в пользу третьих лиц рассмотрен не в традиционном контексте, а как способ разъединения субъекта права.

Во-вторых, хотя это название и не устоялось впоследствии в цивилистике, П.И. Стучка предложил называть договор в пользу третьих лиц «договором самостоятельного пользователя».

В-третьих, высказано суждение, что договор в пользу третьих лиц востребован сложностью современного гражданского оборота.

В-четвертых, договор в пользу третьих лиц рассмотрен как объединение двух самостоятельных сделок и сложное правопреемство.

В-пятых, дано определение, что третье лицо – это «лицо постороннее, не участвовавшее непосредственно в установлении данного юридического отношения между сторонами, но так или иначе заинтересованное в этом отношении».

В-шестых, затронут аспект, допускающий, что договор в пользу третьего лица может предполагать поступление третьему лицу не полного, а частичного эквивалента по договору.

В-седьмых, в качестве востребованности договора в пользу третьего лица как правового средства выдвинуто предположение, что данный договор может являться способом сокрытия кредитором своего имущества посредством введения третьего лица в договор.

Многие важные вопросы при анализе договоров в пользу третьих лиц были подняты в начале 20-х годов профессором С.В. Александровским, который на примере представительства обозначил необходимость отграничения от договоров в пользу третьих лиц договоров, в которых производится исполнение третьим лицам без перехода прав по договору. С.В. Александровский считал, что договор в пользу третьего лица имеет дарственный характер и в этом свете решал вопрос о том «возникает ли для третьего лица право в момент заключения договора между контрагентами или позднее, когда третье лицо выразит свое согласие на принятие этого права» [2, С. 40]? Логика С.В. Александровского строилась на том, что поскольку при договоре дарения одаряемый должен выразить согласие на принятие дара, то следовательно и право третьего лица возникает только с момента выражения согласия «на принятие того, что выговорено в договоре в его пользу» [2, С. 40]. С этого момента, как указывал Александровский, третье лицо «уже является участником в договоре и не может быть лишено своего права по желанию контрагентов» [2, С. 41]. Следует отметить: принцип того, что третье лицо должно выразить согласие на принятие выговоренного в его пользу договором, демонстрирует выработанное в XIX веке судебной практикой и европейским правом требование присоединения третьего лица к договору (теория акцептации; Akzeptations – Beitrittstheorie).

Гражданский кодекс РСФСР 1922 (ст. 140) сместил акцент получения согласия третьего лица в плоскость того, что следствием выражения намерения третьего лица воспользоваться выговоренным в его пользу является ограничение должника и кредитора в правах на изменение или отмены договора без согласия указанного третьего лица. Интересно отметить, что в период между первой и третьей кодификацией российского современного права, т.е. в период действия ГК РСФСР 1964 года, регламентация договора в пользу треть-

его лица (ст. 167) вообще не расценивала согласие третьего лица как правоустанавливающее обстоятельство для реализации указанного договора.

Практическому применению договора в пользу третьего лица в ряде статей уделит внимание известный советский правовед Б.Б. Черепахин. В статье «Дарение по гражданскому кодексу РСФСР» [19, С. 50–51], написанной в 1923 году исследован вопрос о том применяются ли к договорам в пользу третьих лиц (дестинотариив) нормы о дарении и кого в данном контексте следует считать дарителем – как промиссара (кредитора) так и промитента (должника) или только промиссара Б.Б. Черепахин приходит к следующим выводам:

- при отсутствии возмездности между дестинотариив и промиссаром имеет место договор дарения и дарителем является промиссар, но сам договор в пользу третьего лица не является безвозмездной сделкой – «на поверхности здесь всегда будет возмездный договор», заключенный между промиссаром и промитентом.
- для промитента сделка в подавляющем большинстве случаев носит возмездный характер, за исключением конструкции, когда сам договор между промиссаром и промитентом является изначально договором дарения, в котором промитент является дарителем, а промиссар одаряемым.

В статье «Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки» Б.Б. Черепахин анализирует модель договора, при которой «отправитель обозначает в накладной в качестве получателя не себя самого, а другое лицо или же предъявителя дубликата» и признает такую конструкцию договором в пользу третьего лица [20, С. 30]. Такая трактовка договора перевозки стала впоследствии предметом научной дискуссии, развернувшейся в 50-е и 60-е годы, в которой приняли участие видные представители советской юриспруденции – профессора Маргарита Генриховна Масевич [11], Ханан Исаакович Шварц [21], Михаил Константинович Александров-Дольник [3].

С конца 20-х годов, договор в пользу третьего лица перестает представлять для советской юридической науки ценность как объект цивилистического исследования. При изучении дисциплин гражданского и хозяйственного права предполагалось весьма поверхностное изучение данного договора в составе обязательственного права [13]. Так, в рекомендованном для преподавания на юридическом факультете МГУ учебнике И.Ф. Вольфсона 1927 г. мы находим в 13 строках описание договоров в пользу третьего лица не только крайне скудное, но и весьма спорное (поскольку договор в пользу третьего лица смешан с договором с исполнением лицу, назначенному кредитором) [5, С. 98].

Видится, что причиной этому являлась отмена НЭП и начало периода, который сопровождался вытеснением из общественного оборота

гражданско-правовых отношений, сопровождающих частно-предпринимательскую деятельность. Договор начинает рассматриваться прежде всего как «инструмент плановой организации социалистического хозяйства» и как «плановый организационный акт» [4, С. 46–47]. Во главе угла встали плано-хозяйственные отношения, «что послужило почвой для утверждения в науке концепции хозяйственного права» [7, С. 37]. В 30-х годах начинается утверждаться теория о вытеснении гражданского единой концепцией хозяйственного права и как пишет И.А. Исаев «гражданское право исключается из учебных программ и юридической терминологии» [8, С. 106].

В известных учебниках 30-х – 40х годов (Б.М. Рубинштейна 1936 г. [14], С.И. Вильнянского 1940 г. [17], М.М. Агаркова 1940 г. [1], О.С. Иоффе 1949 г. [6]) договор в пользу третьего лица не упоминается.

Однако, в 1950 году виднейшие представители отечественной юриспруденции, профессора Д.М. Генкин, С.Н. Братусь, Л.А. Лунц, И.Б. Новицкий выпускают учебник «Советское гражданское право», который в период подготовки второй кодификации гражданского законодательства становится «настойкой книгой» советских юристов. Договор в пользу третьего лица уделено большое внимание в главе XX «Обязательства, возникающие из договоров», автором которой являлся И.Б. Новицкий [15]. Профессор Новицкий дает договору в пользу третьего лица следующие характеристики:

- отмечено, что между сторонами, заключившими договор в пользу третьего лица и третьим лицом отсутствуют отношения представительства
- в соответствии с нормами ГК указано, что право требования имеет как кредитор, так и третье лицо
- обозначены сферы применения договора в пользу третьего лица, а именно: личное и имущественное страхование, сберегательные вклады с распоряжением на случай смерти вкладчика, договоры морской перевозки с предоставлением права требования грузополучателям, банковские операции по безналичным расчетам и др. Также отмечено, что законодательство не содержит ограничений по применению договора в пользу третьего лица в каких-либо сферах.
- договор в пользу третьего лица разграничен с договором об исполнении третьему лицу. В качестве примера договора с исполнением третьему лицу приведены сделки внешней торговли. Указано, что ключевым отличием договора в пользу третьего лица от договора с исполнением третьему лицу является то, что в последнем третье лицо не приобретает самостоятельного права требования, такой договор лишь дает основание «кредитору требовать, чтобы исполнение было произведено указанному третьему лицу».

– обозначено социально-экономическое значение договора в пользу третьего лица, которое авторы видели в следующем: 1) договор в пользу третьего лица расширяет пределы возможного для лица, желающего сделать распоряжение; 2) договор в пользу третьего лица (отличаясь по правовой природе от представительства) является правовым средством, в известной мере заменяющее представительство; 3) посредством договора в пользу третьего лица могут достигаться цели завещателя.

– отмечено, что у кредитора при заключении договора в пользу третьего лица должен быть интерес («без всякого основания и смысла никто в договоры не вступает»), но при этом «материальная заинтересованность кредитора не является необходимой».

– установлено, что поскольку закон не требует от третьего лица специального выражения воли о принятии выговоренного в его пользу, право требования исполнения возникает у третьего лица уже с момента заключения договора.

– третье лицо может отказаться от выговоренного в его пользу права и тогда «договор в отношении третьего лица силы не получает», а «право из договора может быть тогда осуществлено кредитором в свою пользу».

– обозначено, что до момента выражения третьим лицом согласия на выговоренное в его пользу права, кредитор имеет право «отменить договор или внести в него изменения, затрагивающие право третьего лица», но после выражения согласия третьего лица «это лицо окончательно приобретает самостоятельное право на предоставленную по договору выгоду, и против его воли отнять у него эту выгоду нельзя».

В книге «Общее учение об обязательстве», так же вышедшей в 1950 г. профессор И.Б. Новицкий дополнительно обращает внимание на то, что право третьего лица «имеет производный характер: оно приобретается третьим лицом в том виде, в каком это право возникло из договора» [12], а также анализирует соотношение императивных и диспозитивных норм ГК РФ, в части регулирования договора в пользу третьего лица. Как мы видим, в 1950 г. профессором Новицким дана весьма обширная характеристика договору в пользу третьего лица, выходящая за рамки положений как статьи 140 ГК РФ 1922 года, так и за рамки положений, которые в последствии были изложены в статье 167 ГК РФ 1964 г.

Поиск по каталогу российской государственной библиотеки показал, что к периоду между кодификациями 1964 и 1995 г. договору в пользу третьего лица было посвящено только одно диссертационное исследование Н.С. Ковалевской и объектом изучения данной диссертации являлся ограниченный спектр договоров в пользу третьих лиц, а именно в пользу граждан [10].

Следует так же отметить то, что советская юридическая наука рассматривала договор в пользу

третьего лица как основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров.

Специфика договорной конструкции договора в пользу третьего лица рассматривалась как основание для дихотомического деления гражданско-правовых договоров и в дореволюционной цивилистике. Основоположники отечественной юридической науки разрабатывали системы видовых дихотомических делений гражданско-правовых договоров уже во второй половине 19 века. В частности, в 1912 г. В.И. Синайский наряду с делением договоров на двусторонние и односторонние, договоры между присутствующими и отсутствующими, возмездные и безвозмездные, мнимые и притворные, абстрактные и обоснованные, главные и дополнительные выводит как основание деление договоров на договоры «в пользу самих сторон и в пользу третьих лиц». В 1914 г. В.Л. Исаченко также классифицируя договоры по ряду оснований, например на односторонние и двусторонние, законные и незаконные, главные и побочные, основные и производные, альтернативные и факультативные, выделил договоры в пользу третьего лица и договоры в пользу участников.

Данный подход получил развитие и в советской юридической науке.

Так, И.Б. Новицкий в 1950 г. рассмотрел договор в пользу третьего именно как носитель признака дихотомического деления гражданско-правовых договоров на договоры в пользу участников и договоры в пользу третьего лица [12]. Следует также отметить и классификацию договоров, которую дал З.И. Шкундин в учебнике Советское гражданское право под ред. С.Н. Братуся, так же вышедшем в 1950 г. З.И. Шкундин отмечал, что разделение договоров можно проводить по разным основаниям и выделял в качестве одно из таких оснований «круг лиц, приобретающих на основе договора право требования» [16, С. 289–294].

Проведенное исследование показывает, что договор в пользу третьего лица в советский период, несмотря на узость применения в гражданско-правовом обороте, не отвергался отечественной наукой. Это объясняется тем простым обстоятельством, что даже в условиях советского планового хозяйства этому институту всегда находилось место в гражданском обороте и он активно использовался в таких сферах как перевозка, страхование, хранение и др.

Литература

1. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 192 с. – (Ученые труды / Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР; выпуск III).
2. Александровский С.В. Гражданское право РСФСР (Пособие к изучению основных вопросов гражданского права и действующего гражданского права РСФСР) / С.В. Александровский. – Издание второе, переработанное. – Ново-Николаевск: Сибирское областное государственное издательство, 1923. – 156 с.
3. Александров-Дольник М.К. Содержание договора грузовой перевозки / М.К. Александров // Советское государство и право. – М., 1954. – № 4. – С. 102–107.
4. Братусь С.Н. О некоторых чертах развития советского гражданского права за 40 лет его существования / Доклад С.Н. Братуся // Труды научной сессии, посвященной сорокалетию Великой Октябрьской социалистической революции, 21–23 октября 1957 г.: [Выпуск I: Доклады на пленарных заседаниях] / Всесоюзный институт юридических наук. – М., 1958. – С. 30–61.
5. Вольфсон Ф.И. Учебник гражданского права: Государственным Ученым Советом допущен в качестве учебного пособия / Ф. Вольфсон; С предисловием Я.Н. Бранденбургского. – 3-е издание. – М.: Юридическое Издательство НКЮ РСФСР, 1927. – 248 с.
6. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Институт экономики, философии и права; О.С. Иоффе, кандидат юридических наук. – Л.: Издательство Ленинградского университета им. А.А. Жданова, 1949. – 144 с.
7. Иоффе О.С. Развитие цивилистической мысли в СССР (Часть I) / Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова; О.С. Иоффе. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. – 160 с.
8. Исаев И.А. Хозяйственное право в системе советской юридической науки 20-х годов / И.А. Исаев // Советское государство и право. – М., 1982. – № 2 (февраль). – С. 104–112
9. Исаченко В.Л. Обязательства по договорам: Опыт практического комментария русских гражданских законов: Комментарий на IV книгу 1 ч. X т. свода законов. Том I: Общая часть / Составили: В.Л. Исаченко, Сенатор, В.В. Исаченко, Присяжный Поверенный. – СПб.: Типография М. Меркушева, 1914. – [4], 728 с.
10. Ковалевская, Наталия Сергеевна. Договор в пользу третьих лиц-граждан: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Ленинград, 1988. – 175 с.
11. Масевич М.Г. Договор поставки и его роль в укреплении хозрасчета / Академия наук Казахской ССР. Институт философии и права; М.Г. Масевич. – Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1964. – 318 с.
12. Новицкий И.Б. Общее учение об обязательстве / Проф. И.Б. Новицкий, Проф. Л.А. Лунц. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 416 с. – (Курс советского гражданского права / Всесоюзный Институт Юридических Наук Министерства Юстиции СССР).
13. Обзорение преподавания на Факультете советского права 1-го М.Г. Ун-та на 1925–26 год / 1-й

- Московский Государственный Университет. – М.: Издательство Первого Московского Государственного Университета, 1926. – 126, [2] с.
14. Рубинштейн Б.М. Советское хозяйственное и гражданское право: Учебник для юридических школ и пособие для вузов / Проф. Б.М. Рубинштейн. – Издание второе переработанное и дополненное. – [М.]: Государственное издательство «Советское законодательство», 1936. – 302 с.
 15. Советское гражданское право. Том I: Допущено Министерством высшего образования СС-СР в качестве учебника для юридических высших учебных заведений / Проф. Д.М. Генкин, проф. С.Н. Братусь, проф. Л.А. Лунц, проф. И.Б. Новицкий; Под редакцией проф. Д.М. Генкина; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 496 с.
 16. Советское гражданское право: Допущено Управлением учебными заведениями Министерства юстиции СССР в качестве учебника для юридических школ / С.Н. Братусь, К.А. Граве, М.В. Зимелева, В.И. Серебровский, З.И. Шкундин; Под редакцией проф. С.Н. Братуся; Всесоюзный институт юридических наук Министерства юстиции СССР. – 4-е исправленное и дополненное издание. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1950. – 680 с.
 17. Советское гражданское право: Учебник для юридических школ: Допущен Управлением учебными заведениями НКЮ СССР в качестве учебника для стационарных и заочных юридических школ и курсовой сети НКЮ УС-СР / Украинский научно-исследовательский институт юридических наук; Под редакцией С.И. Вильнянского. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 264 с.
 18. Стучка П.И. Курс советского гражданского права. II: Общая часть гражданского права: Научно-политической секцией Государственного Ученого Совета допущено в качестве учебного пособия для вузов и комвузов / П.И. Стучка; Коммунистическая Академия. Секция права и государства. – М.: Издательство Коммунистической Академии, 1929. – 376 с.
 19. Б.Б. Черепяхин. Дарение по гражданскому кодексу Р.С.Ф.С.Р. // Право и жизнь. 1923. кн. 4.
 20. Б.Б. Черепяхин. Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки. Иркутск: Изд-е иркутского ун-та, 1927. С. 3–31.
 21. Шварц Х.И. Договор автомобильной перевозки / Х.И. Шварц. – М.: Госюриздат, 1955. – 200 с.

CONTRACT FOR THE BENEFIT OF A THIRD PARTY: ASSESSMENT BY SOVIET LEGAL SCIENCE

Matveyeva E.Yu.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the contract for the benefit of a third party in the assessment of Soviet civilistics. It is shown that in the 20s of the twentieth century, prominent Soviet civilists turned to the study of the phenomenon of the contract for the benefit of a third party. Since the end of the 20s, in the conditions of the practical absence of private law turnover in the economic sphere, legal science has paid practically no attention to the study of the contract for the benefit of a third party. The article shows that both pre-revolutionary and Soviet civilistics dichotomously divided civil contracts into contracts in favor of the parties and contracts in favor of third parties.

Keywords: contract in favor of a third party, special contractual structure, Soviet civilistics, dichotomous division of civil contracts.

References

1. Agarkov M.M. Obligation under Soviet civil law / M.M. Agarkov. – М.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. – 192 p. – (Scholarly works / All-Union Institute of Legal Sciences of the People's Commissariat of Justice of the USSR; issue III).
2. Aleksandrovsky S.V. Civil law of the RSFSR (A guide to studying the main issues of civil law and the current civil law of the RSFSR) / S.V. Aleksandrovsky. – Second edition, revised. – Novo-Nikolaevsk: Siberian Regional State Publishing House, 1923. – 156 p.
3. Aleksandrov-Dolnik M.K. Contents of the contract of carriage of goods / M.K. Aleksandrov // Soviet state and law. – М., 1954. – No. 4. – P. 102–107.
4. Bratus S.N. On Some Features of the Development of Soviet Civil Law over 40 Years of Its Existence / Report by S.N. Bratus // Proceedings of the Scientific Session Dedicated to the Fortieth Anniversary of the Great October Socialist Revolution, October 21–23, 1957: [Issue I: Reports at Plenary Sessions] / All-Union Institute of Legal Sciences. – М., 1958. – P. 30–61.
5. Wolfson F.I. Textbook of Civil Law: Approved as a Textbook by the State Academic Council / F. Wolfson; With a Preface by Ya.N. Brandenburgsky. – 3rd Edition. – М.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the RSFSR, 1927. – 248 p.
6. Ioffe O.S. Legal Relationships under Soviet Civil Law / Leningrad State University named after A.A. Zhdanov. Institute of Economics, Philosophy and Law; O.S. Ioffe, Candidate of Law. – L.: Publishing House of Leningrad University named after A.A. Zhdanov, 1949. – 144 p.
7. Ioffe O.S. Development of Civilistic Thought in the USSR (Part I) / Leningrad State University named after A.A. Zhdanov; O.S. Ioffe. – L.: Publishing House of Leningrad University, 1975. – 160 p.
8. Isaev I.A. Business Law in the System of Soviet Legal Science of the 1920s / I.A. Isaev // Soviet State and Law. – М., 1982. – No. 2 (February). – P. 104–112
9. Isachenko V.L. Obligations under contracts: Experience of practical commentary on Russian civil laws: Commentary on Book IV, Part 1, Volume X of the Code of Laws. Volume I: General Part / Compiled by: V.L. Isachenko, Senator, V.V. Isachenko, Attorney at Law. – St. Petersburg: M. Merkushev Printing House, 1914. – [4], 728 p.
10. Kovalevskaya, Natalia Sergeevna. Contract in favor of third parties-citizens: dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.03. – Leningrad, 1988. – 175 p.
11. Masevich M.G. Supply contract and its role in strengthening business accounting / Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Institute of Philosophy and Law; M.G. Masevich. – Alma-Ata: Publishing House of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1964. – 318 p.
12. Novitsky I.B. General Doctrine of Obligation / Prof. I.B. Novitsky, Prof. L.A. Lunts. – М.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. – 416 p. – (Course of Soviet Civil Law / All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR).
13. Review of Teaching at the Faculty of Soviet Law of the 1st Moscow State University for 1925–26 / 1st Moscow State University

- ty. – M.: Publishing House of the First Moscow State University, 1926. – 126, [2] p.
14. Rubinstein B.M. Soviet Economic and Civil Law: Textbook for Law Schools and Manual for Universities / Prof. B.M. Rubinstein. – Second edition, revised and supplemented. – [M.]: State Publishing House "Soviet Legislation", 1936. – 302 p.
 15. Soviet Civil Law. Volume I: Approved by the USSR Ministry of Higher Education as a textbook for higher legal educational institutions / Prof. D.M. Genkin, Prof. S.N. Bratus, Prof. L.A. Lunts, Prof. I.B. Novitsky; Edited by Prof. D.M. Genkin; All-Union Institute of Legal Sciences of the USSR Ministry of Justice. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. – 496 p.
 16. Soviet Civil Law: Approved by the Administration of Educational Institutions of the USSR Ministry of Justice as a textbook for law schools / S.N. Bratus, K.A. Grave, M.V. Zimeleva, V.I. Serobrovsky, Z.I. Shkundin; Edited by prof. S.N. Bratus; All-Union Institute of Legal Sciences of the Ministry of Justice of the USSR. – 4th corrected and supplemented edition. – M.: State Publishing House of Legal Literature, 1950. – 680 p.
 17. Soviet Civil Law: Textbook for Law Schools: Approved by the Department of Educational Institutions of the People's Commissariat of Justice of the USSR as a textbook for full-time and correspondence law schools and the course network of the People's Commissariat of Justice of the Ukrainian SSR / Ukrainian Research Institute of Legal Sciences; Edited by S.I. Vilnysky. – M.: Legal Publishing House of the People's Commissariat of Justice of the USSR, 1940. – 264 p.
 18. Stuchka P.I. Course of Soviet Civil Law. II: General Part of Civil Law: Approved by the Scientific and Political Section of the State Academic Council as a teaching aid for universities and communist universities / P.I. Stuchka; Communist Academy. Section of Law and State. – M.: Publishing House of the Communist Academy, 1929. – 376 p.
 19. B.B. Cherepakhin. Donation under the Civil Code of the RSFSR// Law and Life. 1923. book 4.
 20. B.B. Cherepakhin. Responsibility of the consignee's liability for claims under a railway transportation contract. Irkutsk: Irkutsk University Press, 1927. Pp. 3–31.
 21. Schwartz H.I. Automobile transportation contract / H.I. Schwartz. – M.: Gosyurizdat, 1955. – 200 p.

Проблемы исполнения договорного обязательства по технологическому присоединению к электрическим сетям

Мельников Олег Олегович,

руководитель проекта, ПАО «Россети Московский регион»

Автор рассматривает проблемы исполнения договора технологического присоединения к электрическим сетям (договор ТП). Им сделан акцент на неисполнении данного договора заявителем, то есть лицом, в интересах которого осуществляется технологическое присоединение (ТП). Исследованием установлено, что нарушение заявителем срока выполнения своих обязательств по договору ТП влечет возникновение издержек для сетевой организации, что отражается на росте ее тарифов и влечет негативные имущественные последствия для добросовестных заявителей и пользователей электроэнергии. В связи с этим автор предлагает наделить сетевую организацию правом взыскания полной платы за ТП после выполнения ею своей части мероприятий по ТП. Обязанность сетевой организации обеспечить доступ заявителя к электроэнергии и передаче ему максимальной мощности сохраняется. Во-вторых, предлагается ввести плату за резервирование максимальной мощности, которая взимается с заявителя за период с момента просрочки исполнения им своей части мероприятий по ТП до окончания технологического присоединения. В третьих, целесообразно наделение сетевой организации правом принудительного взыскания авансовых платежей.

Ключевые слова: договор технологического присоединения, исполнение договорных обязательств, оплата технологического присоединения, резервирование максимальной мощности, взыскание аванса.

Введение

Исполнение договора технологического присоединения к электрическим сетям (договор ТП) по существу представляет собой приобретение заявителем у сетевой организации за плату доступа к электроэнергии для дальнейшей эксплуатации своего оборудования. Доступ к электроэнергии оформляется путем передачи заявителю в установленные договором ТП сроки имущественного права – определенного объема максимальной мощности, наличие которой удостоверяет доступ к электроэнергии.

Инициатором заключения договора технологического присоединения неизменно выступает заявитель. Данное положение закреплено в нормативной базе, а именно в пунктах 9, 12, 13, 13(2), 13(3), 13(4), 13(5), 13(6) документа, регламентирующего процедуру подключения к электросетям. Речь идет о Правилах технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям[9] (Правила ТП). И, если так, заявитель должен быть заинтересован в надлежащем исполнении договора ТП, в том числе, осуществлении своевременного доступа к электроэнергии (приобретении максимальной мощности). Однако установленный законодательством порядок исполнения договора ТП зачастую ставит заявителя в такое положение, что он, не отказываясь от договора ТП, вынужден затягивать его исполнение.

В рамках данного исследования рассматриваются сложности, возникающие при нарушении заявителем сроков исполнения договора технологического присоединения, а также анализируются потенциальные механизмы урегулирования подобных ситуаций.

Оплата ТП

В процессе технологического присоединения (ТП) передача максимальной мощности становится возможной только после реализации комплекса мероприятий по подключению к электросети. Согласно пунктам 16–18 Правил ТП, ответственность за выполнение этих мероприятий распределяется между сетевой организацией и заявителем.

В деловой практике нередко возникают ситуации, когда сетевая организация добросовестно выполняет свои обязательства, включая реконструкцию сетей для будущего присоединения, в то вре-

мя как заявитель не справляется со своей частью обязательств. Задержки могут быть вызваны различными факторами: незавершенность строительства объекта ТП, земельные споры, проблемы с согласованием проектной документации и другие причины.

Независимо от природы этих задержек, сетевая организация неизменно оказывается в невыгодном положении. Она не может получить полную оплату за технологическое присоединение, при этом продолжает нести расходы на обслуживание подготовленного, но простаивающего оборудования. Примечательно, что эти неблагоприятные последствия возникают по вине заявителя – той стороны, которая изначально инициировала процесс технологического присоединения.

При поиске механизмов защиты прав сетевой организации возникает дилемма. С одной стороны, очевидно нарушение её имущественных интересов: организация выполнила реконструкцию сетей, но не может ни получить оплату, ни использовать модернизированное оборудование из-за бездействия заявителя. С другой стороны, невозможно ограничить процесс ТП исключительно мероприятиями сетевой организации, поскольку это противоречит самой сути технологического присоединения – обеспечению заявителя доступом к электроэнергии, что требует активных действий с обеих сторон.

Российское правительство предприняло шаги по урегулированию проблемы исполнения обязательств заявителем в рамках договора технологического присоединения. Через Постановление № 1178 от 30.06.2022[11] были внесены коррективы в Правила ТП, затрагивающие определенные категории заявителей (пункты 12(1), 13(2) – 13(5) и 14).

Согласно новому порядку, сетевая организация, завершив свою часть работ по ТП, формирует уведомление о готовности сетей к подключению по форме из приложения № 1(1) к Правилам ТП и публикует его на своем веб-сайте. Этот документ подтверждает полное выполнение сетевой организацией услуг по технологическому присоединению, причем её обязательства считаются исполненными независимо от действий заявителя (абзац второй п. 108 Правил ТП).

Однако данное решение имеет существенные ограничения. Во-первых, оно применимо лишь к отдельным категориям заявителей. Во-вторых, что более критично, такой подход не обеспечивает достижение главной цели ТП – предоставление заявителю доступа к электроэнергии, при этом сетевая организация не несет обязательств по обеспечению такого доступа.

Раздел X Правил ТП, регламентирующий особенности подключения определенных категорий заявителей, предусматривает обязанность сетевой организации разместить в личном кабинете заявителя инструкцию по безопасному осуществлению фактического присоединения (абзац пятый пункта 105). Однако эта обязанность не эквивалентна

обеспечению доступа к электроэнергии, что является основной целью ТП. Выполнение технических мероприятий без фактического подключения заявителя к электросети нельзя считать полноценным исполнением обязательств по технологическому присоединению.

Более эффективным решением проблемы оплаты технологического присоединения представляется наделение сетевой организации полномочиями уведомлять заявителя о готовности предоставления доступа к электроэнергии после надлежащего выполнения своей части работ по ТП. Уведомление сетевой организации влечет для сетевой организации возможность взыскания с заявителя полной платы по договору ТП, как если бы его сторонами был подписан акт о технологическом присоединении (акт ТП). При этом обязанность сетевой организации по осуществлению доступа заявителя к электроэнергии сохраняется, договор ТП продолжает действовать. Полное исполнение мероприятий по ТП, как и в случае технологического присоединения в общем порядке, удостоверяется актом ТП. Представляется, что предложенный способ структуризации обязательств сетевой организации с одной стороны сохраняет баланс интересов сторон договора ТП, так как не ограничивает мероприятия по ТП действиями только сетевой организации а, с другой стороны, стимулирует как сетевую организацию, так и заявителя к надлежащему, полному и своевременному исполнению своих обязательств по технологическому присоединению.

Резервирование максимальной мощности при ТП

Выше мы рассмотрели вопрос о том, как затягивание заявителем исполнения своей части мероприятий по ТП препятствует получению сетевой организацией полной платы за технологическое присоединение. Следует, однако, иметь в виду, что задержка оплаты ТП – не единственное негативное последствие для сетевой организации в рассматриваемом случае.

Если сетевая организация реконструировала собственные сети, а заявитель не выполнил свою часть мероприятий по ТП, сетевая организация вынуждена нести операционные расходы по содержанию оборудования, которое предназначено для технологического присоединения заявителя. Поскольку заявитель не присоединен, сетевая организация не может использовать данное оборудование и получать доходы от его эксплуатации. С другой стороны, использование данного оборудования для оказания услуг в отношении иных лиц затруднительно, поскольку оно предназначено для конкретного заявителя, «зарезервировано» за ним.

Вопрос эффективной эксплуатации электросетевого оборудования тесно связан с концепцией «резервируемой максимальной мощности». Согласно Правилам недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг[9], данный термин определяется как разница между заявленной максимальной

мощностью энергопринимающих устройств потребителя и фактически использованной мощностью в конкретном расчетном периоде, учитываемой при расчете платы за услуги по передаче электроэнергии.

Наблюдается устойчивая тенденция к увеличению разрыва между запрашиваемой при подключении и реально потребляемой мощностью. Это явление способствует усилению перекрестного субсидирования, создавая дополнительную финансовую нагрузку на потребителей, которые используют зарезервированную мощность в полном объеме. Именно эта категория потребителей вынуждена нести повышенные расходы на содержание сетевой инфраструктуры[6].

По оценке руководства Минэнерго России, наличие недозагруженных электросетевых объектов, затраты на содержание которых включаются в тарифную ставку, приводит к необоснованному увеличению расходов для всех категорий потребителей. При этом каждый новый объект сетевой инфраструктуры влечет за собой рост тарифа за счет включения амортизационных отчислений[13].

Как следует из вышеназванных норм Правил доступа, плата за резервирование максимальной мощности в настоящее время применяется в отношении потребителей, которые получили доступ к электроэнергии. Из этого, казалось бы, можно заключить, что резервирование максимальной мощности не может быть отнесено к отношениям по технологическому присоединению, так как действующее законодательство, говоря о резервировании максимальной мощности, имеет в виду потребителей. Однако экономическое основание для введения платы за резервирование при ТП идентичное – несение сетевой организацией операционных расходов по содержанию оборудования, созданного по инициативе заявителя и в его интересах, но которое не эксплуатируется из-за заявителя. Нарушение заявителем установленных сроков выполнения мероприятий по ТП возлагает на сетевую организацию бремя несения дополнительных операционных расходов по содержанию реконструированного для заявителя оборудования. Это означает, что данные расходы, через увеличение тарифа, перекладываются на иных лиц, которые своевременно исполнили свои обязательства по ТП. Однако такое имущественное последствие не имеет ничего общего ни с экономической целесообразностью, ни с надлежащей правовой защитой интересов участников отношений в сфере электроэнергетики. Если операционные расходы сетевой организации возникли в связи с несоблюдением заявителем сроков выполнения мероприятий по технологическому присоединению, именно он должен нести издержки, связанные с просрочкой исполнения, вне зависимости от причин такой просрочки. В связи с этим применение правового механизма резервирования максимальной мощности при ТП представляется не только возможным, но и целесообразным.

Порядок оплаты резервирования максимальной мощности можно определить следующим образом. Сетевая организация, исполнившая свою часть мероприятий по ТП, направляет заявителю уведомление об обеспечении возможности доступа к электроэнергии. С момента просрочки исполнения своей части мероприятий по ТП до момента технологического присоединения заявитель уплачивает сетевой организации денежные средства за резервирование максимальной мощности, подлежащей передаче в его адрес по договору ТП. Размер платы определяется объемом максимальной мощности подлежащей передаче заявителю по договору ТП и ставкой, установленной законодательством о тарифном регулировании.

Взыскание авансов по договору ТП

Существенными условиями договора технологического присоединения являются размер оплаты, а также порядок и сроки её внесения заявителем (пункты 16 д) и е) Правил ТП). Величина платежа рассчитывается на основе затрат сетевой организации на проведение мероприятий по ТП и утверждается уполномоченным органом субъекта РФ в сфере тарифного регулирования. Схема оплаты предполагает внесение авансовых платежей заявителем.

Сложность с исполнением платежных обязательств часто возникает из-за отсутствия у заявителя заинтересованности в соблюдении временных рамок ТП. Когда заявитель затягивает выполнение своей части работ, он одновременно теряет мотивацию к своевременному внесению авансовых платежей сетевой организации.

Законодательство предусматривает определенные механизмы защиты прав кредитора при задержке авансовых платежей. Согласно пункту 2 статьи 328 ГК[1], сторона, ожидающая встречного исполнения, может приостановить выполнение своих обязательств или отказаться от них с правом требования возмещения убытков. Пункт 3 той же статьи устанавливает, что ни одна сторона не может требовать через суд исполнения обязательств, не выполнив свою часть встречных обязательств. При этом действующее законодательство не предусматривает принудительного взыскания аванса как способа защиты права.

Данную позицию поддерживают многие правоведы. А.Г. Карапетов подчеркивает нежелательность принудительного взыскания предоплаты с точки зрения права[4]. В комментариях к статье 328 ГК указывается, что должник, обязанный исполнить обязательство вторым, не может через суд принудить к исполнению первого должника[8]. Аргументация против принудительного взыскания аванса включает риски взаимодействия с потенциально несостоятельным контрагентом[12], утрату должником интереса к встречному исполнению, а также нежелательность принуждения должника к исполнению договора против его воли[3].

Судебная практика демонстрирует последовательную позицию о невозможности принудитель-

ного взыскания аванса по договорам технологического присоединения. Согласно пункту 20 Обзора судебной практики Верховного суда РФ № 4(2021) [7], взыскание платы за услуги ТП возможно только после подтверждения выполнения сетевой организацией своих договорных обязательств. Суд особо подчеркивает, что отсутствие доказательств исполнения обязательств сетевой организацией является препятствием для взыскания платы за технологическое присоединение.

Учитывая встречный характер обязательств заявителя и положения, изложенные в пункте 57 постановления Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2016 г. № 54[10], суды отказывают во взыскании платежей до момента фактического оказания услуг.

Однако существует и альтернативная точка зрения. Сторонники принудительного взыскания авансовых платежей аргументируют свою позицию тем, что само наличие договоренности о последовательности исполнения обязательств должно предполагать возможность судебного взыскания аванса. Они полагают, что если стороны самостоятельно определили необходимость авансирования для исполнения договора, правовая система не должна корректировать это решение. Более того, они указывают на экономическую целесообразность требований о взыскании авансов в большинстве случаев[5].

Размер платы за технологическое присоединение формируется на основе затрат сетевой организации на проведение необходимых мероприятий. Установленные Правилами ТП сроки платежей обусловлены экономической необходимостью – сетевая организация несет существенные материальные расходы в процессе присоединения. Без предварительного выполнения этих мероприятий, требующих значительных инвестиций, подключение заявителя к сети невозможно.

При задержке финансирования сетевая организация оказывается перед сложным выбором: либо приостановить реконструкцию сетей (что часто технически неосуществимо и влечет дополнительные издержки), либо продолжать работы за счет привлечения кредитных ресурсов. В обоих случаях возникают незапланированные расходы, которые впоследствии отражаются на тарифах. Наиболее остро эти негативные последствия ощущают добросовестные участники отношений – заявители и потребители, своевременно оплачивающие услуги ТП и электроэнергию.

Важно отметить, что возможность правовой защиты является неотъемлемой частью субъективного материального требования. Без обеспечения необходимыми средствами защиты от нарушений субъективное право становится декларативным[2]. Положения Правил ТП о сроках внесения авансов, не подкрепленные механизмом принудительного взыскания, фактически являются декларативными нормами. Отсутствие у сетевой организации права на взыскание не только способствует неисполнению обязательств заявителем, но и препятствует

достижению основной цели договора – осуществлению технологического присоединения.

Статья 328 ГК допускает иное регулирование последствий неисполнения встречных обязательств законом или договором (пункт 4). В связи с этим целесообразно внести изменения в статью 26 Закона об электроэнергетике[14] и Правила ТП, дополнив их положениями о праве сетевой организации на принудительное взыскание просроченных авансовых платежей.

Выводы

Следует предусмотреть механизм, при котором сетевая организация, выполнившая свою часть мероприятий по технологическому присоединению, получает право требовать полную оплату за ТП. При этом за ней должна сохраняться обязанность обеспечить заявителю доступ к электроэнергии и передачу максимальной мощности после того, как он выполнит свою часть мероприятий по ТП.

Если в рамках исполнения договора ТП сетевая организация исполнила свою часть мероприятий по ТП (реконструировала собственные сети), а заявитель – не исполнил, сетевая организация вынуждена нести операционные расходы по содержанию оборудования, которое предназначено для технологического присоединения заявителя. Для исключения данных негативных последствий предлагается ввести плату за резервирование максимальной мощности, которая взимается сетевой организацией с заявителя за период с момента просрочки исполнения заявителем своей части мероприятий по ТП до момента его технологического присоединения. Размер платы определяется объемом максимальной мощности подлежащей передаче по договору ТП и ставкой, установленной законодательством о тарифном регулировании.

Перечисление заявителем платы в определенный срок обусловлено необходимостью совершения сетевой организацией мероприятий по ТП. В связи с этим целесообразно установить право сетевой организации на принудительное взыскание авансовых платежей по договору ТП.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ. СЗ РФ, 05.12.1994, N 32, ст. 3301. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ. СЗ РФ, 29.01.1996 N 5, ст. 410. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ. СЗ РФ, 03.12.2001, N 49, ст. 4552. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. от 30.01.2024). СЗ РФ, 25.12.2006, N 52 (1 ч.), ст. 5496.
2. Грибанов В.П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. М., 1992. С. 96.

3. Добрачев Д.В. Денежные обязательства: тенденции развития доктрины и судебной практики. М., 2015. Источник: СПС «Консультант плюс».
4. Карапетов А.Г. Иск о присуждении к исполнению обязательства в натуре. М., 2003. Источник: СПС «Консультант Плюс».
5. Косцов В.Н., Сирота А.Н. Запрет взыскания авансовых платежей: критический анализ складывающегося подхода // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2021. N 11. Источник: СПС «Консультант плюс».
6. Маневич Юрий: «Неиспользуемый резерв мощности приводит к росту перекрестного субсидирования». [Электронный ресурс]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/16336?ysclid=lqkt-je20bs959236978>.
7. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации N 4 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2022). Бюллетень Верховного Суда РФ, N 4, апрель, 2022 (начало), Бюллетень Верховного Суда РФ, N 5, май, 2022 (окончание).
8. Общая часть обязательственного права: статейный комментарий к разделу 3 / под ред. Л.В. Санниковой. М., 2016. Источник: СПС «Консультант плюс».
9. Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 № 861 «Об утверждении Правил недискриминационного доступа к услугам по передаче электрической энергии и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам по оперативному диспетчерскому управлению в электроэнергетике и оказания этих услуг, Правил недискриминационного доступа к услугам коммерческого оператора оптового рынка и оказания этих услуг и Правил технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии, объектов по производству электрической энергии, а также объектов электросетевого хозяйства, принадлежащих сетевым организациям и иным лицам, к электрическим сетям». СЗ РФ, 27.12.2004, № 52 (часть 2), ст. 5525.
10. Постановление Пленума Верховного Суда от 22 ноября 2016 г. N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении». Российская газета, N 275, 05.12.2016.
11. Постановление Правительства РФ от 30.06.2022 № 1178 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам технологического присоединения энергопринимающих устройств потребителей электрической энергии к электрическим сетям и признании утратившими силу отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации». СЗ РФ, 04.07.2022, № 27, ст. 4863.

12. Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М., 2005. Источник: СПС «Консультант плюс».
13. Сниккарс Павел: «Неэффективные потребители хотели бы законсервировать ситуацию с сетевыми резервами». [Электронный ресурс]. URL: <https://peretok.ru/opinion/20067/>.
14. Федеральный закон от 26.03.2003 N 35-ФЗ «Об электроэнергетике». СЗ РФ, 31.03.2003, N 13, ст. 1177.

PROBLEMS OF PERFORMANCE OF CONTRACTUAL OBLIGATIONS ON GRID CONNECTION

Melnikov O.O.

Rosseti Moscow Region

The author explores problematic issues related to the performance of the grid connection agreement (GC agreement). At the same time, they emphasized the non-performance of the agreement by the applicant, that is, the person in whose interests the grid connection (GC) is carried out. The study found that the applicant's violation of the deadline for performance his obligations under the GC agreement entails costs for the network organization, which affects the growth of its tariffs and, ultimately, entails negative property consequences for bona fide applicants and electricity users. To eliminate these consequences, the author suggests giving the grid organization the right to collect the full payment for TP after it completes its part of the TP measures. At the same time, the obligation of the grid organization to ensure the applicant's access to electricity and the transmission of maximum capacity to him remains. Secondly, it is proposed to introduce a fee for reserving the maximum capacity, which is charged by the grid organization from the applicant for the period from the moment the applicant delays the performance of his part of the GC measures until the moment of its grid connection. Thirdly, it is advisable to give the grid organization the right to enforce the collection of advance payments, since the implementation of grid connection measures is impossible without their timely financing.

Keywords: grid connection agreement, performance of obligation, payment for grid connection, payment for reservation of maximum capacity, recovery of advanced payments.

References

1. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 N 51-FZ. SZ RF, 05.12.1994, N 32, st. 3301. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 N 14-FZ. SZ RF, 29.01.1996 N 5, st. 410. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' tret'ya) ot 26.11.2001 N 146-FZ. SZ RF, 03.12.2001, N 49, st. 4552. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) ot 18.12.2006 N 230-FZ. SZ RF, 25.12.2006, N 52 (1 ch.), st. 5496.
2. Griбанov V.P. Predely osushchestvleniya i zashchity grazhdanskikh prav. М., 1992. S. 96.
3. Dobrachev D.V. Denezhnye obyazatel'stva: tendencii razvitiya doktriny i sudebnoj praktiki. М., 2015. Istochnik: SPS «Konsul'tant plyus».
4. Karapetov A.G. Isk o prisuzhdenii k ispolneniyu obyazatel'stva v nature. М., 2003. Istochnik: SPS «Konsul'tant Plyus».
5. Koscov V.N., Sirota A.N. Zapret vzyiskaniya avansovykh platezhej: kriticheskiy analiz skladyvayushchegosya podhoda // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii, 2021. N 11. Istochnik: SPS «Konsul'tant plyus».
6. Manevich Yuriy: «Neispol'zuemyj rezerv moshchnosti privodit k rostu perekrestnogo subsideirovaniya». [Elektronnyj resurs]. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/16336?ysclid=lqkt-je20bs959236978>.
7. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo suda Rossijskoj Federacii N 4 (2021) (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 16.02.2022). Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 4, april', 2022 (nachalo), Byulleten' Verhovnogo Suda RF, N 5, maj, 2022 (okonchanie).

8. Obshchaya chast' obyazatel'stvennogo prava: postatejnyj kommentarij k razdelu 3 / pod red. L.V. Sannikovoj. M., 2016. Istochnik: SPS «Konsul'tant plyus».
9. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 27.12.2004 № 861 (red. ot 27.12.2024) «Ob utverzhenii Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam po peredache elektricheskoj energii i okazaniya etih uslug, Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam po operativno-dispatcherskomu upravleniyu v elektroenergetike i okazaniya etih uslug, Pravil nediskriminacionnogo dostupa k uslugam kommercheskogo operatora optovogo rynka i okazaniya etih uslug i Pravil tekhnologicheskogo prisoedineniya energoprimayushchih ustrojstv potrebitel'ev elektricheskoj energii, ob»ektov po proizvodstvu elektricheskoj energii, a takzhe ob»ektov elektrosetevogo hozyajstva, prinallezhashchih setevym organizacijam i inym licam, k elektricheskim setyam». SZ RF, 27.12.2004, № 52 (chast' 2), st. 5525.
10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 22 noyabrya 2016 g. N 54 «O nekotoryh voprosah primeneniya obshchih polozhenij Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii ob obyazatel'stvah i ih ispolnenii». Rossijskaya gazeta, N 275, 05.12.2016.
11. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 30.06.2022 № 1178 «O vnesenii izmenenij v nekotorye akty Pravitel'stva Rossijskoj Federacii po voprosam tekhnologicheskogo prisoedineniya energoprimayushchih ustrojstv potrebitel'ev elektricheskoj energii k elektricheskim setyam i priznanii utrativshimi silu otdel'nyh polozhenij nekotoryh aktov Pravitel'stva Rossijskoj Federacii». SZ RF, 04.07.2022, № 27, st. 4863.
12. Sarbash S.V. Ispolnenie dogovornogo obyazatel'stva. M., 2005. Dostup iz SPS «Konsul'tant plyus».
13. Snikkars Pavel: «Neeffektivnye potrebiteli hoteli by zakonservirovat' situaciyu s setevymi rezervami». [Elektronnyj resurs]. URL: <https://peretok.ru/opinion/20067/>.
14. Federal'nyj zakon ot 26.03.2003 N 35-FZ «Ob elektroenergetike». SZ RF, 31.03.2003, N 13, st. 1177.

Понятие и признаки гражданско-правовой ответственности

Михеев Дмитрий Сергеевич,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: d.mikheev@g.nsu.ru

Институт гражданско-правовой ответственности является центральным для всей отрасли гражданского права. В связи с этим разрешение вопросов, связанных с определением её правовой природы, места в системе институтов гражданского права носит не только теоретическую, но и практическую необходимость. Гражданско-правовая ответственность являлась предметом исследования многих зарубежных и отечественных авторов, а сами эти исследования берут своё начало ещё со времён римского права. Тем не менее в цивилистической науке до сих пор нет единообразного подхода к пониманию соответствующего института, что и обуславливает нестихаемый интерес научного сообщества к изучению различного рода проблем, связанных с применением мер гражданско-правовой ответственности. Этим, в частности, и обуславливается актуальность данной работы.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, государственное принуждение, имущественный характер, негативная реакция государства, диспозитивность.

Юридическая ответственность – сложное и многоаспектное явление. Традиционно данный институт в теории права считается базовым, фундаментальным, поскольку обеспечивает действие иных институтов и в связи с этим выступает «ядром» любой отрасли права. Поэтому юридическую ответственность можно назвать «дополнительным признаком отрасли права, подчёркивающим её сформированность и самостоятельность» [9, с. 10].

Исходя из этого вывода нетрудно предположить, что юридическая ответственность не одинакова по своей природе, так как особенности отраслевого регулирования накладывают свои отпечатки и на юридическую ответственность (на её формы, виды, порядок привлечения и др.). И гражданско-правовой ответственности также присущи свои характерные черты.

Юридическая ответственность в целом отражает негативную реакцию государства на правонарушение и правонарушителя. Различные авторы при определении природы гражданско-правовой ответственности старались раскрыть её сущность через уже известные праву институты.

Например, О.Э. Лейст считал, что юридическая ответственность (вне зависимости от отраслевой принадлежности) всегда выступает в роли санкции. Так, автор указывает: «Ответственность – это применение и реализация санкции в случае правонарушения» [6, с. 85]. В то же время, О.Э. Лейст отвергал точку зрения, согласно которой гражданско-правовая ответственность всегда сводится к неблагоприятным имущественным последствиям. Исходя из воспитательной роли санкции, автор видел её основное назначение в выполнении юридической обязанности даже без применения соответствующей структурной части нормы. Поэтому любую гражданско-правовую санкцию О.Э. Лейст сводил к ответственности.

Такая позиция не лишена своих преимуществ: детерминируя ответственность через санкцию, мы подчёркиваем, что она выступает последствием правонарушения и выражается в определённых лишениях для правонарушителя. Между тем сводить сущность гражданско-правовой ответственности только лишь к санкции – не совсем корректно.

В качестве основного аргумента против данной позиции выступает, в частности, то, что санкция указывает лишь на объём последствий. В то же время, характер таких последствий может быть весьма различным. Например, для перехода права собственности на недвижимость необходима его государственная регистрация. «В случаях, когда одна из сторон сделки по отчуждению недвижимой вещи уклоняется от такой регистрации (то есть со-

вершает правонарушение), суд вправе по требованию другой стороны вынести решение о государственной регистрации» [1] – ст. 551 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ).

Вполне очевидно, что в данном случае речи об ответственности не идёт вообще, хотя мы, безусловно, говорим о санкции. Подобного рода последствие вообще никак не затрагивает правонарушителя, не стимулирует его к исполнению обязательства, кроме того, не реализуется и воспитательная роль санкции, которой автор придавал столь большое значение.

Ряд авторов видят в юридической ответственности одну из форм охранительных правоотношений. Рассматривая этот институт с такой позиции мы подчёркиваем, что в нём участвуют два субъекта: правонарушитель и потерпевший, которые являются носителями субъективных прав и обязанностей. У потерпевшего есть право на восстановление его прав, свобод и имущественных интересов, этому праву корреспондирует обязанность правонарушителя претерпевать меры принудительного воздействия, таким образом мы подчёркиваем связь потерпевшего и правонарушителя.

Не умаляя преимуществ такого подхода следует всё же отметить, что ответственность – лишь результат развития правоотношений, но не само правоотношение. По справедливому указанию С.С. Алексеева, «юридическая ответственность выражает содержание охранительного правоотношения, взятого в определённом аспекте на известном этапе его развития... В сущности, юридическая ответственность выражает реализующееся, осуществляемое охранительное правоотношение, т.е. правоотношение в таком его состоянии, когда в его рамках реально применяются санкции» [2, с. 286].

Развивая эту мысль, следует указать, что охранительные правоотношения не всегда заканчиваются применением мер ответственности. Охранительные правоотношения возникают в связи с применением охранительных норм и являются последствием нарушения регулятивных норм права. В то же время, применение таких охранительных норм, как уже было сказано выше, не всегда приводят к негативным имущественным последствиям. Например, не привлекается к ответственности лицо, причинившее вред в состоянии необходимой обороны (ст. 1064 ГК РФ). Или же сторона в рамках охранительных правоотношений не заявляла требований, которые возлагали бы на правонарушителя обязанность претерпевать безэквивалентные имущественные лишения (в частности, если сторона заявила требование о расторжении договора).

«Однако это не означает, что правоотношения не развивались и тем более не зарождались» [8, с. 44]. Кроме того, право, как известно, выступает регулятором общественных отношений, поэтому «правоотношение» является центральной его категорией. Для определения природы любого ин-

ститута, в том числе и гражданско-правовой ответственности, опять же, необходимо выделить иные его признаки, выделяющие из общей массы.

О том, что юридическая ответственность выступает в качестве обязанности правонарушителя писал С.Н. Братусь: «Юридическая ответственность – это исполнение обязанности на основе государственного или приравненного к нему общественного принуждения. Юридическая ответственность в позитивном правоотношении – это опосредствованное государственным принуждением исполнение обязанности» [3, с. 85].

В этом определении содержатся, в общем, те же недостатки, что и в предыдущих. Так, автором любое принудительное исполнение обязанности приравнивается к ответственности и не делается акцент на дополнительных обязанностях, в которых и раскрывается суть гражданско-правовой ответственности. Например, лицо получившее имущество за счёт другого лица без правовых оснований обязано вернуть последнему неосновательное обогащение (ст. 1102 ГК РФ). Опять же явственно следует, что никаких негативных имущественных последствий лицо не понесёт, следовательно, и негативной реакции ни государства, ни общества мы наблюдать не можем.

Между тем из этого определения можно выделить два существенных преимущества: связь ответственности с государственным принуждением (причём и позитивной ответственности, и негативной) и определение ответственности через обязанность.

Действительно, при совершении правонарушения у потерпевшего появляется право требовать возмещения убытков, компенсации (в том числе морального вреда), выплаты неустойки и др. А как известно, любому праву корреспондирует соответствующая обязанность, гарантом исполнения которой как раз и является государственное принуждение.

Характеризуя гражданско-правовую ответственность через категорию обязанности, мы подчёркиваем юридическую связь правонарушителя с потерпевшим и, соответственно, гарантированность защиты прав последнего (путём возможности обращения за помощью к государству).

В то же время, гражданскому праву присуща диспозитивность, которая «пронизывает» всю отрасль, охватывает все её институты. Именно поэтому для гражданско-правовой ответственности «не исключена возможность добровольного исполнения соответствующей обязанности (т.е. без обращения в соответствующие юрисдикционные органы)» [7]. В этом плане мы должны говорить о позитивной гражданско-правовой ответственности. Государственное принуждение находится здесь в «предварительном», «спящем» состоянии, в положении ожидания, и именно осознание будущности принудительного воздействия заставляет лицо добровольно исполнить все возникшие у него обязательства (в том числе по возмещению потерь, выплате неустойки и т.д.).

При этом, всё же представляется, что, детерминируя гражданско-правовую ответственность через обязанность мы опять же не затрагиваем главный её аспект, который и отражает то негативное отношение к противоправному деянию и лицу, её совершившему.

Вся суть гражданско-правовой ответственности выражается в том, что она всегда выражается неблагоприятных для лица лишениях имущественного характера. Как справедливо указывает В.П. Грибанов, «гражданско-правовая ответственность есть возложение невыгодных имущественных последствий на лицо, допустившее нарушение гражданских прав или обязанностей» [4, с. 189]. Схожей позиции придерживается и Д.Н. Кархалёв, отмечая, что «ответственность выражается в возложении определенных мер, которые носят неэквивалентный характер» [5, с. 35], дополнительно отмечая, что помимо лишения имущественного характера, эти меры могут выражаться и в лишении субъективного права (безусловно, права имущественного – например, запрет на занятие должностей в органах управления юридического лица в течение 3-х лет как одно из последствий банкротства физического лица).

Итак, гражданско-правовая ответственность – отражающая негативное отношение к правонарушению одна из форм государственного (правового) принуждения, выражающаяся в возложении на причинителя вреда и (или) лицо, не исполнившее или ненадлежаще исполнившее обязательство, неблагоприятных безэквивалентных дополнительных имущественных лишений или в лишении его принадлежащего ему субъективного права.

Резюмируя вышесказанное, выделим основные признаки гражданско-правовой ответственности:

1. Имущественный характер гражданско-правовой ответственности. В отличие от ответственности, присущей публичным отраслям права, гражданско-правовая ответственность не предусматривает лишения личного характера (не связана с личностью и умалению его личных неимущественных благ). То есть, воздействие оказывается только на имущественную сферу должника.

2. Носит безэквивалентный характер. Как уже было сказано выше, именно это отражает негативную реакцию на правонарушение. Лицо, допустившее нарушение, обязано не только исполнить обязательство в натуре (или выплатить соответствующую денежную компенсацию), но и дополнительно возместить потери, связанные с таким неисполнением, не получая ничего взамен.

3. Размер ответственности должен соответствовать размеру причинённых убытков. Исходя из баланса интересов сторон, потерпевшая сторона не может получить неосновательное обогащения в результате применения мер ответственности. Такой стороне лишь возмещаются возникшие потери.

4. Диспозитивный характер. Как уже отмечалось, лицо может добровольно покрыть потери потерпевшего до обращения в органы государственной власти.

5. Является одной из форм государственного принуждения.

Именно совокупность этих признаков выделяет гражданско-правовую ответственность в самостоятельный вид, что имеет не только теоретическое значение, но и практическое. В зависимости от того, как мы определим правовую природу ответственности, находится способ правового регулирования возникающих в связи с её возложением правоотношений и сам порядок её возложения. Только меры гражданско-правовой ответственности могут быть возложены на лицо не государством, а частным субъектом, и реализованы они могут быть в добровольном порядке только в гражданском праве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410
2. Алексеев С.С. Общая теория права. // М. – 1981. – 363 с.
3. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. // М. – 1976. – 215 с.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав // М.: Статут. – 2000. – 248 с.
5. Кархалёв Д.Н. Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: Учебное пособие. // Уфа: РИО БашГУ. – 2004. – 148 с.
6. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. // М. 1962. 236 с
7. Самоценко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству // М.: Юридическая литература. – 1971. 240 с.
8. Серков П.П. О понятии юридической ответственности // Журнал российского права. – 2010. – № 8 (164). – С. 42–49.
9. Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: учебное пособие // М.: ИНФРА-М. 2019. 545 с.

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF CIVIL LIABILITY

Mikheev D.S.

Novosibirsk National Research State University

The institute of civil liability is central to all branches of civil law. In this regard, the resolution of issues related to the definition of its legal nature, its place in the system of civil law institutions is not only theoretical, but also practical necessity. Civil liability has been the subject of research of many foreign and domestic authors, and these studies themselves originate from the times of Roman law. Nevertheless, in civilistic science there is still no uniform approach to the understanding of the relevant institution, which determines the undying interest of the scientific community to the study of various problems related to the application of civil liability measures. This, in particular, determines the relevance of this paper.

Keywords: civil liability, state compulsion, property nature, negative reaction of the state, dispositiveness.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) from 26.01.1996 № 14-FZ (ed. from 13.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 29.01.1996. – № 5. – Art. 410

2. Alekseev S.S. General theory of law. // M. – 1981. – 363 c.
3. Bratus S.N. Legal responsibility and legality. // M. – 1976. – 215 c.
4. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights // M.: Statut. – 2000. – 248 c.
5. Karkhalev D.N. Civil-law measures of protection and measures of responsibility: A textbook. // Ufa: RIO BashG U. – 2004. – 148 c.
6. Leist O.E. Sanctions in Soviet law. // M. 1962. 236 c
7. Samoshchenko I.S., Farukshin M.H. Responsibility under Soviet legislation // M.: Yuridicheskaya Literatura. – 1971. 240 c.
8. Serkov P.P. On the concept of legal responsibility // Journal of Russian law. – 2010. – № 8 (164). – С. 42–49.
9. Chernyavskiy A.G. Legal responsibility: textbook // M.: IN-FRA-M. 2019. 545 c.

Проблемы и риски, связанные с экспертизами в сфере закупок в железнодорожной отрасли

Молчанов Андрей Вячеславович,

аспирант, кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс», Российский университет транспорта (РУТ МИИТ)

E-mail: tonyhatespeople@yandex.ru

В статье исследуются проблемы и риски, связанные с проведением экспертиз в сфере закупок ОАО «РЖД». Предметом исследования выступает система экспертного сопровождения закупочной деятельности железнодорожной компании. Цель работы заключается в выявлении ключевых проблем и рисков при проведении экспертиз, а также разработке рекомендаций по их минимизации. Методология исследования базируется на системном анализе нормативно-правовой базы и практики проведения экспертиз в рамках Федерального закона № 223-ФЗ. В результате исследования выявлены основные проблемы, включая отсутствие единой методологической базы, недостаточную квалификацию экспертов и методологическую несогласованность при проведении экспертиз. Определены ключевые риски, связанные с конфликтом интересов и необъективностью экспертных заключений. Результаты исследования могут быть применены для совершенствования системы экспертного сопровождения закупок ОАО «РЖД». Научная новизна заключается в комплексном подходе к анализу проблематики экспертиз с учетом специфики железнодорожной отрасли. Сделан вывод о необходимости разработки единых стандартов проведения экспертиз и создания эффективной системы ответственности экспертов.

Ключевые слова: Экспертиза закупок, ОАО «РЖД», закупочная деятельность, методология экспертизы, конфликт интересов, контроль качества, железнодорожная отрасль, импортозамещение, экспертное сопровождение, эффективность закупок.

В современных условиях развития системы закупок особую актуальность приобретает вопрос экспертного сопровождения закупочной деятельности ОАО «РЖД». Текущее состояние общественных отношений в сфере закупок характеризуется постоянными изменениями законодательства и сохранением системных проблем, что создает определенные сложности при проведении экспертиз. Правовое регулирование экспертной деятельности в сфере закупок ОАО «РЖД» осуществляется на основании Федерального закона № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и «Положения о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД». При этом существующая система экспертиз не всегда способствует достижению целей эффективной закупочной деятельности [1,2].

Основными проблемами при проведении экспертиз являются отсутствие четкой регламентации требований к экспертам и экспертным организациям, методологическая несогласованность при проведении экспертиз в различных сферах закупочной деятельности, риски необъективности экспертных заключений и потенциальные конфликты интересов. Особую значимость приобретает вопрос ответственности экспертов за качество проводимых экспертиз, учитывая значительные финансовые объемы закупок ОАО «РЖД».

Специфика закупочной деятельности ОАО «РЖД» определяется особым статусом компании как субъекта естественной монополии. В условиях импортозамещения значительную сложность представляет процесс определения качества поставляемой продукции, особенно при оценке инновационной продукции и технологических решений. Данная проблематика требует детального рассмотрения с учетом специфики железнодорожной отрасли и поиска эффективных решений для совершенствования системы экспертиз в сфере закупок ОАО «РЖД». Как отмечает Боровик Е.В., современное состояние общественных отношений в сфере государственных закупок характеризуется «стабильной турбулентностью», что обусловлено постоянными изменениями законодательства и сохранением системных проблем в данной области [4].

Система закупок ОАО «РЖД», действующая в рамках Федерального закона от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», сталкивается с рядом специфических проблем в сфере экспертного сопровождения. По мнению Елина К.А. и Кашурниковой Т.И., ключевой задачей предпри-

ятий является организация эффективной закупочной деятельности, однако существующая система экспертиз не всегда способствует достижению этой цели. Основная проблема заключается в отсутствии четкой регламентации требований к экспертам и экспертным организациям в рамках 223-ФЗ. В отличие от Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ, где данные требования детально прописаны, закон 223-ФЗ предоставляет заказчикам значительную свободу в определении правил проведения экспертиз [1,6].

Существенной проблемой является методологическая несогласованность при проведении экспертиз в различных сферах закупочной деятельности ОАО «РЖД». Отсутствие единых подходов к оценкекупаемых товаров, работ и услуг создает риски необъективности экспертных заключений и затрудняет принятие управленческих решений. Особую озабоченность вызывает проблема потенциального конфликта интересов при проведении экспертиз. Несмотря на наличие внутренних регламентов ОАО «РЖД», существующие механизмы выявления и предотвращения конфликта интересов требуют существенной доработки.

Актуальным остается вопрос ответственности экспертов за качество проводимых экспертиз. В условиях значительных финансовых объемов закупок ОАО «РЖД» некачественная экспертиза может привести к существенным экономическим потерям и нарушению производственных процессов. Как отмечает Шипицина А.А., контроль за целевым использованием средств приобретает особое значение, учитывая значительные объемы финансирования закупочной деятельности [10].

Специфика закупочной деятельности ОАО «РЖД» определяется особым статусом компании как субъекта естественной монополии. По мнению Казанцева Д.А., существует принципиальное различие между закупками по 44-ФЗ и 223-ФЗ, которое заключается не только в процедурных аспектах, но и в самой экономической природе закупок. Основной проблемой является отсутствие единой методологии проведения экспертиз в различных сегментах закупочной деятельности ОАО «РЖД». Существенным риском является возможность возникновения конфликта интересов при проведении экспертиз. Действующие механизмы контроля не всегда позволяют эффективно выявлять и предотвращать такие ситуации, что может привести к необъективности экспертных заключений. Особую актуальность приобретает проблема качества экспертиз при закупке промышленной продукции и сырья. Качествокупаемых материалов напрямую влияет на конкурентоспособность конечной продукции, что особенно важно для стратегически значимой железнодорожной отрасли [8].

В современных условиях функционирования системы государственных закупок особую актуальность приобретают вопросы, связанные с проведением экспертиз в сфере закупочной деятельности ОАО «РЖД». Данная проблематика требует детального рассмотрения с учетом специфики же-

лезнодорожной отрасли и действующего законодательства. Существует ряд системных проблем при проведении экспертиз в закупочной деятельности ОАО «РЖД». Прежде всего, это касается отсутствия единой методологической базы проведения экспертиз специфического железнодорожного оборудования и комплектующих.

Значительную сложность представляет процесс определения качества поставляемой продукции в условиях импортозамещения. По мнению Гладиллиной И.П., существующие методики оценки не всегда учитывают особенности технологических процессов железнодорожной отрасли, что создает дополнительные риски при проведении экспертиз. В соответствии с Федеральным законом № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц», ОАО «РЖД» как заказчик обязано обеспечивать эффективность и прозрачность закупочных процедур. Однако специфика железнодорожной отрасли создает определенные сложности при проведении экспертиз, особенно в случаях, требующих специальных технических знаний [5].

Рудых С.Н. в своих исследованиях указывает на проблему недостаточной квалификации экспертов в области специализированного железнодорожного оборудования, что может привести к некорректным выводам при проведении экспертиз. Это особенно актуально при оценке инновационной продукции и технологических решений. Отдельного внимания заслуживает вопрос финансирования экспертиз. В соответствии с действующим законодательством и сложившейся практикой, расходы на проведение экспертиз должны быть заложены в бюджет закупок. Однако зачастую возникают споры относительно распределения затрат между заказчиком и поставщиком, особенно в случаях выявления несоответствий поставляемой продукции установленным требованиям [9].

В современных условиях функционирования системы закупок ОАО «РЖД» существует ряд специфических проблем и рисков, связанных с проведением экспертиз закупочной деятельности, которые требуют системного анализа и поиска эффективных решений. Особую озабоченность вызывает проблема контроля качества поставляемой продукции и услуг. Как отмечает Байкина Ю.Х., одной из ключевых проблем является неприменение мер ответственности в отношении поставщиков за ненадлежащее исполнение условий контрактов, что приводит к снижению эффективности закупочной деятельности [3].

Существенным риском, по мнению Яковлева А.А., является наличие неформальных связей между заказчиком и поставщиком, что может приводить к необъективности при проведении экспертиз. Данная проблема усугубляется отсутствием четких критериев оценки качества поставляемой продукции и услуг. Золотухина М.М. и Половникова Н.А. указывают на риск необоснованных требований к приобретаемым товарам или услугам, что может существенно затруднить процесс про-

ведения экспертизы и привести к некорректным результатам оценки. Особенно актуальной данная проблема становится при закупке специализированного железнодорожного оборудования [7,11].

В рамках действующего законодательства существует необходимость совершенствования механизмов проведения экспертиз в сфере закупок ОАО «РЖД». В частности, требуется разработка единых стандартов и методик проведения экспертиз с учетом специфики железнодорожной отрасли. Отдельного внимания заслуживает проблема затягивания сроков проведения экспертиз и закупочных процедур в целом. Данная ситуация создает дополнительные риски для бесперебойного функционирования железнодорожной инфраструктуры и требует оптимизации существующих процедур проведения экспертиз. Решение выявленных проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование нормативно-правовой базы, разработку отраслевых стандартов проведения экспертиз и повышение квалификации экспертов в сфере железнодорожного транспорта.

Основными проблемами, по результатам исследования, являются отсутствие единой методологической базы проведения экспертиз, недостаточная квалификация экспертов в области специализированного железнодорожного оборудования, а также методологическая несогласованность при проведении экспертиз в различных сферах закупочной деятельности. Существенное влияние оказывает отсутствие четкой регламентации требований к экспертам и экспертным организациям в рамках 223-ФЗ.

К ключевым рискам следует отнести возможность возникновения конфликта интересов при проведении экспертиз, наличие неформальных связей между заказчиком и поставщиком, риск необъективности экспертных заключений, а также риск некорректной оценки качества поставляемой продукции в условиях импортозамещения. Для минимизации выявленных рисков и решения существующих проблем необходимо осуществить комплекс мероприятий. Первостепенное значение имеет разработка единых стандартов и методик проведения экспертиз с учетом специфики железнодорожной отрасли. Важным аспектом является внедрение системы непрерывного повышения квалификации экспертов в сфере специализированного железнодорожного оборудования, что позволит обеспечить высокое качество проводимых экспертиз. Существенную роль играет совершенствование механизмов выявления и предотвращения конфликта интересов при проведении экспертиз. Особое внимание следует уделить созданию четкой системы ответственности экспертов за качество проводимых экспертиз, что будет способствовать повышению объективности экспертных заключений. Немаловажным фактором является оптимизация сроков проведения экспертиз посредством внедрения современных информационных технологий, что позволит повысить эффективность закупочной деятельности ОАО «РЖД» в целом.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность экспертного сопровождения закупочной деятельности ОАО «РЖД» и минимизировать существующие риски в данной сфере.

Литература

1. Федеральный закон № 223-ФЗ: Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 30 (ч. 1). – Ст. 4571.
2. Положение о закупке товаров, работ, услуг для нужд ОАО «РЖД»: утв. решением совета директоров ОАО «РЖД» от 28 июня 2018 г.
3. Байкина, Ю.Х. Госзакупки: анализ проблем реализации / Ю.Х. Байкина // Логистика – евразийский мост: Материалы XVII Международной научно-практической конференции. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2022. – С. 33–36.
4. Боровик, Е.В. Правовое положение субъектов системы государственных закупок: их права и обязанности / Е.В. Боровик // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2022. – № 4(67). – С. 102–108.
5. Гладилина, И.П. Современные подходы к совершенствованию управления экспертизой закупок для повышения качества закупаемых товаров, работ и услуг / И.П. Гладилина, М.Ю. Погудаева, С.А. Сергеева [и др.] // Экономист: вчера, сегодня, завтра. – 2022. – Т. 12, № 5–1. – С. 237–246.
6. Елин, К.А. Правовое регулирование закупочной деятельности предприятия / К.А. Елин, Т.И. Кашурникова // Актуальные проблемы экономики: Материалы V Всероссийской научно-практической конференции. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2022. – С. 48–52.
7. Золотухина, М.М. Риски в сфере закупок товаров, работ и услуг / М.М. Золотухина, Н.А. Половникова // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 103–3. – С. 130–136.
8. Казанцев, Д.А. Унификация закупок госкомпаний: риски и перспективы / Д.А. Казанцев // Журнал Бюджет. – 2020. – № 10(214). – С. 64–67.
9. Рудых, С.Н. Проблемные вопросы экспертизы товаров, работ, услуг в законодательстве о контрактной системе / С.Н. Рудых, О.А. Терская // Вестник Владимирского юридического института. – 2022. – № 3(64). – С. 90–95.
10. Шипицина, А.А. Контроль в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг / А.А. Шипицина // Аудиторские ведомости. – 2020. – № 2. – С. 40–42.
11. Яковлев, А.А. Проблемы и эффективность госзакупок глазами их участников / А.А. Яковлев, О.Н. Балаева, Ю.Д. Родионова, А.В. Ткаченко // ЭКО. – 2020. – № 11(557). – С. 83–103.

PROBLEMS AND RISKS ASSOCIATED WITH PROCUREMENT EXPERTISE IN THE RAILWAY INDUSTRY

Molchanov A.V.

Russian University of Transport

The article examines the problems and risks associated with conducting expert examinations in the field of procurement of JSC Russian Railways. The subject of the study is the system of expert support for the procurement activities of the railway company. The purpose of the work is to identify key problems and risks in the course of examinations, as well as to develop recommendations for their minimization. The research methodology is based on a system analysis of the regulatory framework and practice of conducting examinations within the framework of Federal Law No. 223-FZ. As a result of the study, the main problems were identified, including the lack of a unified methodological base, insufficient qualifications of experts and methodological inconsistency in conducting examinations. The key risks associated with a conflict of interest and biased expert opinions are identified. The results of the study can be used to improve the system of expert support for procurement of JSC Russian Railways. The scientific novelty lies in the integrated approach to the analysis of the problems of examinations, taking into account the specifics of the railway industry. A conclusion is made about the need to develop uniform standards for conducting examinations and create an effective system of expert responsibility.

Keywords: Procurement expertise, JSC Russian Railways, procurement activities, expertise methodology, conflict of interest, quality control, railway industry, import substitution, expert support, procurement efficiency.

References

1. Federal Law No. 223-FZ: Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – No. 30 (Part 1). – Art. 4571.
2. Regulation on the purchase of goods, works, services for the needs of JSC Russian Railways [approved by the decision of

the board of directors of JSC Russian Railways dated June 28, 2018].

3. Baikina, Yu.Kh. Public procurement: analysis of implementation problems / Yu.Kh. Baikina // Logistics – the Eurasian bridge: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2022. – P. 33–36.
4. Borovik, E.V. Legal status of subjects of the public procurement system: their rights and obligations / E.V. Borovik // Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notary. – 2022. – No. 4(67). – P. 102–108.
5. Gladilina, I.P. Modern approaches to improving the management of procurement expertise to improve the quality of purchased goods, works and services / I.P. Gladilina, M. Yu. Pogudaeva, S.A. Sergeeva [et al.] // Economy: yesterday, today, tomorrow. – 2022. – Vol. 12, No. 5–1. – P. 237–246.
6. Elin, K.A. Legal regulation of procurement activities of an enterprise / K.A. Elin, T.I. Kashurnikova // Actual problems of economics: Proceedings of the V All-Russian scientific and practical conference. – Chita: Transbaikal State University, 2022. – P. 48–52.
7. Zolotukhina, M.M. Risks in the field of procurement of goods, works and services / M.M. Zolotukhina, N.A. Polovnikova // Trends in the development of science and education. – 2023. – No. 103–3. – P. 130–136.
8. Kazantsev, D.A. Unification of procurement of state-owned companies: risks and prospects / D.A. Kazantsev // Budget Magazine. – 2020. – No. 10 (214). – P. 64–67.
9. Rudykh, S.N. Problematic issues of examination of goods, works, services in the legislation on the contract system / S.N. Rudykh, O.A. Teterskaya // Bulletin of the Vladimir Law Institute. – 2022. – No. 3 (64). – P. 90–95.
10. Shipitsina, A.A. Control in the field of public procurement of goods, works and services / A.A. Shipitsina // Audit statements. – 2020. – No. 2. – P. 40–42.
11. Yakovlev, A.A. Problems and efficiency of public procurement through the eyes of their participants / A.A. Yakovlev, O.N. Balaeva, Yu.D. Rodionova, A.V. Tkachenko // ECO. – 2020. – No. 11 (557). – P. 83–103.

Договор с самозанятыми как способ сокрытия трудовых правоотношений

Постная Ольга Викторовна,

студент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: postnayaolya@gmail.com

Исаев Георгий Олегович,

студент, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: goha1479@mail.ru

Статья посвящена проблеме сокрытия трудовых правоотношений посредством заключения гражданско-правового договора с самозанятыми гражданами. Проведен анализ научной литературы и законодательства по исследуемой проблематике. Выделены критерии подмены трудовых правоотношений, приведена неоднородная судебная практика по данной проблеме. Анализируется правовая составляющая налога на профессиональный доход, а также его положение на современном этапе. Рассмотрена неоднородная судебная практика по вопросам признания отношений между работодателем и самозанятыми, являющимися пользователями режима НПД, в качестве трудовых правоотношений. Определена проблема отсутствия легального закрепления института «самозанятого», а также предложены варианты ее разрешения. В то же время в работе приводится зарубежный опыт защиты прав «самозанятых» граждан посредством внедрения специальных платформ, который может быть взят за основу для создания похожих площадок и в Российской Федерации.

Ключевые слова: трудовой договор, скрытые трудовые правоотношения, работник, работодатель, самозанятый, налог на профессиональный доход.

Существуют такие ситуации, когда по всем признакам трудовое правоотношение уже возникло, но трудового договора нет. Одним из таких обстоятельств является заключение с физическим лицом гражданско-правового договора вместо трудового договора. Такого рода гражданский договор порождает возникновение гражданских правоотношений, но если будут установлены признаки трудовых – то их возникновение будет считаться с момента заключения именно договора гражданско-правового характера. Схожую позицию высказал Пленум Верховного Суда РФ в своем постановлении от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям», которая заключается в том, что «трудовые отношения между работником и работодателем считаются возникшими со дня фактического допущения физического лица к исполнению предусмотренных гражданско-правовым договором обязанностей» [1].

Верховный Суд в своем Постановлении от 17.03.2004 № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» закрепил следующее: «Если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу части четвертой статьи 11 ТК РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права» [2].

В современном мире подмена трудового договора гражданско-правовым является довольно распространенной проблемой. Этому способствует ряд причин, которые зачастую сводятся к стремлению работодателя получить экономическую выгоду.

Федеральная налоговая служба Российской Федерации в своем письме от 11.11.2024 года выделила несколько критериев, по которым можно определить факт сокрытия трудовых правоотношений: «график периодичности выплат, объем выплат в отношении налогоплательщиков Налога на профессиональный доход (далее НПД), постоянство взаимоотношений с организациями, предыдущие места работы самозанятых и др.» [3].

Нарушение работодателем трудового законодательства путем незаключения трудового договора приводит к возникновению скрытых трудовых правоотношений. В пункте 4 Рекомендации Меж-

дународной организации труда № 198 (далее МОТ № 198) установлено, что государства-члены должны предусмотреть меры, направление на ведение борьбы со скрытыми формами трудовых правоотношений [4]. Под скрытыми трудовыми правоотношениями понимается вид трудовых правоотношений, которому придана видимость, отличающаяся от объективной реальности, с целью ликвидации или ослабления правовой защиты.

Стоит учесть позицию профессора, доктора юридических наук Е.А. Ершовой, которая отмечала следующее: «При всем своем положительном значении Рекомендация МОТ № 198 также не разрешила многочисленные правотворческие и правоприменительные проблемы, связанные со скрытыми трудовыми правоотношениями» [5].

К признакам, которые характеризуют отношения, как трудовые законодатель относит следующие: достижение работником и работодателем соглашения о личном выполнении работником его трудовой функции за определенную плату, подчинение работника правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы, обеспечение работодателем условий труда для работника [6].

Одним из видов сокрытия трудовых правоотношений является заключение гражданско-правового договора с «самозанятыми». Так, в связи с принятием Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»» появились категории граждан, использующие свой личный труд, для которых установлен специальный налоговый режим, отличающийся более выгодными условиями – «самозанятые». В самом законодательстве отсутствует четкое определение данного термина.

Как верно отмечают кандидаты юридических наук Ю.Д. Жукова и А.С. Подмаркова: «НК РФ термина «самозанятый гражданин» также не содержит, что усиливает терминологическую неопределенность и удерживает данное понятие «вне закона» в буквальном смысле, делая его в большей степени обиходным, нежели легальным».

Согласно Распоряжению Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» самозанятые понимаются как граждане, осуществляющие приносящую доход деятельность и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей [7]. Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, наоборот, определяет, что понятия «предпринимательство» и «самозанятость», по сути, являются однокоренными понятиями, содержанием которых является деятельность, приносящая прибыль (доход), но различающимися по признаку формальной легализации. Индивидуальные предприниматели зарегистрированы официально в этом качестве, а самозанятые граждане – нет [8].

Правовая неопределенность термина «самозанятый» вызывает ряд теоретических и практи-

ческих проблем, в том числе связанных с разграничением гражданско-правовых правоотношений и трудовых. Наиболее верной выглядит позиция Ю.Д. Жуковой и А.С. Подмарковой, которая выражена в сближении «самозанятых» с трудовыми правоотношениями, нежели с гражданскими, поскольку сложно назвать их деятельность предпринимательской, но и официального трудоустройства с полагающимися гарантиями тоже нет [9]. Получается, что они занимают пограничное положение между данными правоотношениями: с одной стороны, они не могут полностью относиться к лицам, занимающимся предпринимательской деятельностью, поскольку они нацелены на получение собственнo личного дохода, а не прибыли, а с другой стороны – самостоятельно организуют себе рабочее место, выбирают методы, способы и орудия для получения результата, на который направлен их труд, а также берут все возможные риски на себя.

Как отмечал Заместитель Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам градостроительной политики и строительства В.В. Ефимов: «Количество плательщиков налога на профессиональный доход в столице за 10 месяцев 2022 года увеличилось более чем на 300 тысяч и к 1 ноября 2022 года достигло 1,17 миллиона человек. Это около 20 процентов от общего числа «самозанятых», зарегистрированных на территории России». Очевидно, что режим НПД набирает свою популярность и пользуется значительным спросом у населения».

НПД, был создан в своей основе для той категории работающих граждан, которая реализует продукцию собственного производства, а также самостоятельно выполняет работы или оказывает услуги. Примером такой работы или услуги могут служить: пассажирские перевозки, доставка, сдача квартир в аренду, реклама и маркетинг, перевод текстов с одного языка на другой, создание сайтов в сети Интернет, осуществление ремонта квартир и иных помещений, парикмахерские и косметологические услуги и др.

В пункте 4 части 2 статьи 4 Федерального закона № 422-ФЗ установлено, что те лица, которые находятся с работодателем в трудовых отношениях, не могут применять специальный налоговый режим. Данное положение исключает возможность организации-работодателя заключить с «самозанятыми» трудовой договор.

Но это вовсе не означает, что самозанятые, имея такой статус, не могут являться стороной трудового договора, поскольку могут выполнять работу для работодателей – физических лиц (помощь по домашнему хозяйству, репетиторство, услуги няни и др.).

В статье 6 Закона № 422-ФЗ не признается объектом налогообложения доход, который был получен от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками услуг (работ) выступают работодатели указанных фи-

зических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад [10], что существенно сокращает количество случаев, когда работодатель принуждает своих действующих работников оформлять статус «самозанятого» или прекращает с ними трудовой договор, а затем заключает гражданско-правовой. Но в связи с этим некоторые работодатели все чаще стараются изначально привлечь на работу «самозанятых» или выдвигают при трудоустройстве данное требование, что, по сути, также является сокрытием трудовых правоотношений. Это позволяет работодателю существенно сократить расходы и повысить фактическую прибыль. Работодатель, таким образом, освобождает себя от обязанности перечисления налогов и взносов за работника, что влияет на снижение его оплаты труда.

В большинстве случаев, заключая гражданско-правовой договор с «самозанятыми», организация-работодатель стремится минимизировать собственную налоговую базу, нанося тем самым значительный ущерб не только бюджетной системе страны, но и своим сотрудникам. Организация-работодатель в таком случае исключает возможность работников воспользоваться своим правом на социальные гарантии, так как он, заключая гражданско-правовой договор, прекращает выплачивать им страховые взносы на обязательное пенсионное страхование, на обязательное социальное страхование на случай временной нетрудоспособности и на обязательное медицинское страхование. Все это ведет к тому, что сотрудники такой организации не имеют социальных гарантий в качестве, например, медицинской страховки, больничного листа, пенсионного стажа.

Проблема отсутствия легального закрепления института «самозанятого» гражданина в нормах ТК РФ является более чем насущной. В особенности это касается интересов работников, осуществляющих деятельность в рамках договора самозанятого. Исследуя опыт зарубежных стран, например, Дании [11] и Нидерландов, представляется возможным до внесения соответствующего законодательного регулирования рассматриваемого института создание платформ для «самозанятых».

Данная платформа не только позволит отслеживать реальный уровень количества самозанятых на рынке, но и позволит в случае оказания ими деятельности в качестве лиц, пользующихся режимом НПД, приобрести статус работника, и тем самым получить гарантии, которых их лишил работодатель, заключая с ними договор ГПХ. Так в случае выполнения работ для одного заказчика в количестве более 150 часов в месяц, лицо которое было нанято для работ по гражданско-правовому договору, а не по трудовому, автоматически приобретает статус лица, находящегося в трудовых правоотношениях с заказчиком его услуг. Работодатель будет обязан составить все надлежащие документы по оформлению данного «самозанятого» как работника, а также произвести все надлежащие отчисления социального характера за оказанные

услуги как за работника, оформленного по трудовому договору.

В сложившейся ситуации суды все равно встают на защиту таких работников и устанавливают факт возникновения трудовых правоотношений вне зависимости от того, что изначально возникли гражданско-правовые правоотношения и работник зарегистрирован как «самозанятый». Так, например, Черногорским городским судом (Республика Хакасия) в своем решении от 16 июля 2020 г. по делу № 2–1067/2020 [12] было установлено, что гражданин был зарегистрирован как «самозанятый» в качестве индивидуального предпринимателя, при этом он осуществлял перевозки грузов для одного и того же юридического лица. В связи с этим с ним был заключен договор аренды транспортного средства. Но суд, с учетом других признаков, установил факт возникновения между «самозанятым» и юридическим лицом трудовых правоотношений. В приведенном примере четко прослеживается нарушение норм трудового законодательства, приводящее к увеличению случаев сокрытия трудовых правоотношений.

К сожалению, судебная практика неоднородна, и бывают случаи, когда отношения между работодателем и самозанятыми, пользующимися режимом НПД, не признавались трудовыми.

Так в деле между гражданином Щ. и ООО «Яндекс Такси» Московского городского суда № 33–53437/2019 [13] от 22.11.2019 года не было установлено фактического характера возникших между сторонами правоотношений. Истец указал, что, хотя он и ответчик формально связаны договором гражданско-правового характера, фактически их отношения носят характер трудовых, о чем свидетельствуют положения оферты/договора и фактические обстоятельства. Договор на доступ к Сервису не содержит положений, согласно которым истец обязуется выполнить работы или оказать услуги для Яндекса. Наоборот, в нем указана обязанность Яндекса предоставить доступ к Сервису и обязанность истца (Службы Такси) оплатить такие услуги. Истец самостоятельно отвечает за обеспечение своих условий труда и обеспечивает себя инструментами, материалами и оборудованием, необходимыми для ведения предпринимательской деятельности. Денежные средства, перечисленные Яндексом в пользу истца по договору на доступ к Сервису, не принадлежат Яндексом. Такие денежные средства принимаются Яндексом от Пользователей в качестве оплаты услуг самозанятого на основании поручения истца на прием и передачу денежных средств на условиях договора на доступ к Сервису. В приведенном примере четко видно, что не во всех случаях, отражающая на первый взгляд трудовые правоотношения деятельность является таковой. Именно осуществление истцом деятельности в качестве самозанятого и особенности оферты/договора Яндекса не позволяют причислять возникающие отношения к трудовым, хотя и обладающими на первый взгляд всеми признаками таковых.

В заключение исследования проблемы сокрытия трудовых правоотношений посредством заключения гражданско-правового договора с «самозанятыми» можно отметить, что в Российской Федерации имеет место практическая проблема подмены трудового договора иными гражданско-правовыми договорами (например, договор возмездного оказания услуг), что приводит к нарушению работодателем норм трудового законодательства и, как следствие, к возникновению скрытых трудовых правоотношений.

В подобных ситуациях судам надлежит исследовать фактические обстоятельства, а уже затем применять к ним принципы и нормы права, применяя последствия признания сделки притворной по нормам Гражданского кодекса Российской Федерации. Представляется возможным закрепление на законодательном уровне признаков, позволяющих ограничивать трудовые правоотношения, закрепленные в ТК РФ, от признаков характеризующих отношения «самозанятых» граждан. Также представляется возможным создание специальных платформ для самозанятых.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям». // Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 6 июня 2018 г. № 121.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации». // Текст постановления опубликован в «Российской газете» от 8 апреля 2004 г. № 72.
3. Письмо ФНС России от 11.11.2024 № АБ-4-20/12835@ «О взаимодействии с налогоплательщиками налога на профессиональный доход в рамках осуществления предпринимательской деятельности». // Справочно-правовая система «Консультант плюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=QUEST&n=227062&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 19.11.2024).
4. Рекомендация № 198 Международной организации труда «О трудовом правоотношении» [рус., англ.] (Принята в г. Женеве 15.06.2006 на 95-ой сессии Генеральной конференции МОТ). С. 3. // Справочно-правовая система «Консультант плюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=INT&n=41127&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 22.11.2024).
5. Ершова Е.А. Е 80 Трудовое право в России // Рос. акад. правосудия. – М.: Статут, 2007. – 620 с.
6. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 22.11.2024). // Текст Кодекса опубликован в «Российской газете» от 31 декабря 2001 г. № 256.
7. Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года») // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=294696&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 27.11.2024).
8. Письмо Минтруда России от 03.03.2020 № 16-1/В-87. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=QUEST&n=194923&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 01.12.2023).
9. Жукова Ю.Д., Подмаркова А.С. Самозанятые граждане: правовая квалификация деятельности и перспективы формирования специального режима // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 4. С. 49–79.
10. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 28.12.2022) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2023). // Текст Федерального закона опубликован в «Российской газете» от 30 ноября 2018 г. № 270.
11. Чесалина О.В. К вопросу о незыблительности правового статуса работника и правового статуса самозанятого лица // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 1 С. 24–27.
12. Решение Черногорского городского суда (Республика Хакасия) от 16 июля 2020 г. по делу № 2–1067/2020 // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSB&n=7218049&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 02.12.2024).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 22 ноября 2019 по делу N 33–53437/2019. // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOСN&n=10123700&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (дата обращения 02.12.2024).

CONTRACT WITH THE SELF-EMPLOYED AS A WAY TO CONCEAL LABOUR RELATIONS

Postnaya O.V., Isaev G.O.

University of Justice named after V.M. Lebedev

The article is devoted to the problem of concealment of labor relations through the conclusion of a civil contract with self-employed citizens. The analysis of scientific literature and legislation on the studied issues is carried out. The criteria for the substitution of labor relations are highlighted, and the heterogeneous judicial practice on this issue is presented. The legal component of the professional income tax is analyzed, as well as its current status. The heterogeneous judicial practice on the recognition of the relationship between the employer and the self-employed, who are users of the NAP regime, as an employment relationship is considered. The problem of the lack of legal consolidation of the institution of the "self-employed" has been identified, and options for its resolution have been proposed. At the same time, the paper provides foreign experience in protecting the rights of "self-employed" citizens through the introduction of special platforms, which can be used as a basis for creating similar platforms in the Russian Federation.

Keywords: employment contract, hidden labour relations, employee, employer, self-employed, tax on professional income.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29.05.2018 № 15 «On the application by the courts of the legislation regulating the labour of employees working for employers – individuals and employers – small businesses, which are classified as microenterprises» // The text of the ruling was published in the Rossiyskaya Gazeta of 6 June 2018. № 121.
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.03.2004 № 2 (ed. 24.11.2015) «On the Application of the Labour Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation». // The text of the Resolution was published in the 'Rossiyskaya Gazeta' of 8 April 2004 № 72.
3. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 11.11.2024 No. AB-4-20/12835@ «On co-operation with taxpayers of tax on professional income within the framework of entrepreneurial activities». // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=QUEST&n=227062&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 19.11.2024).
4. International Labour Organization Recommendation № 198 «On the Labour Legal Relationship» [Russian, English] (Adopted in Geneva 15.06.2006 at the 95th session of the ILO General Conference). C. 3. // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=INT&n=41127&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 22.11.2024).
5. Ershova E.A. E 80 Labour law in Russia // Rus. akad. justice. – M.: Statut, 2007. – 620 p.
6. «Labour Code of the Russian Federation» of 30.12.2001 № 197-FZ (ed. of 08.08.2024, amended on 22.11.2024). // The text of the Code is published in «Rossiyskaya Gazeta» of 31 December 2001 № 256.
7. Order of the Government of the Russian Federation of 02.06.2016 № 1083-r (ed. from 30.03.2018) «On approval of the Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation for the period up to 2030» (together with the «Action Plan («road map») for the implementation of the Strategy for the development of small and medium-sized businesses in the Russian Federation for the period up to 2030») // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=294696&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 27.11.2024).
8. Letter of the Ministry of Labour of Russia from 03.03.2020 № 16-1/V-87. // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=QUEST&n=194923&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 01.12.2023).
9. Zhukova Y.D., Podmarkova A.S. Self-employed citizens: legal qualification of activity and prospects for the formation of a special regime // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 4. P. 49–79.
10. Federal Law of 27.11.2018 No. 422-FZ (ed. 28.12.2022) «On conducting an experiment to establish a special tax regime «Tax on professional income» (as amended and supplemented, in force from 01.07.2023). // The text of the Federal Law published in the «Rossiyskaya Gazeta» of 30 November 2018, № 270.
11. Chesalina O.V. To the question of the inviolability of the legal status of the employee and the legal status of the self-employed person // Labour Law in Russia and abroad. 2020. № 1 P. 24–27.
12. The decision of the Chernogorsk city court (Republic of Khakassia) from 16 July 2020 on the case № 2–1067/2020 // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOSB&n=7218049&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 02.12.2024).
13. Appellate definition of the Moscow City Court from 22 November 2019 on the case N 33–53437/2019. // Reference legal system «ConsultantPlus» – URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=AOCN&n=10123700&dst=100001%2C-1&date=05.02.2025> (date of circulation 02.12.2024).

О возможности рассмотрения финансовым уполномоченным обращений розничных инвесторов

Рябков Александр Александрович,

аспирант кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления; ведущий юрисконсульт Центрального банка России
E-mail: alexandrriyabkov@mail.ru

В исследовании рассматривается вопрос о возможности предоставления розничным инвесторам права обращения к Уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг для разрешения имущественных споров с профессиональными участниками рынка ценных бумаг и эмитентами. Это обусловлено тем, что большинство розничных инвесторов обладают «несущественными» инвестиционными портфелями и не обладают профессиональными знаниями по сравнению с квалифицированными инвесторами, а также профессиональными участниками рынка ценных бумаг. Эти обстоятельства, включая необходимость развития фондового рынка, означают необходимость обеспечения защиты прав розничных инвесторов на уровне, близком к потребительскому. Автором предлагается предоставить определенным категориям розничных инвесторов право обращения к Уполномоченному по правам потребителей финансовых услуг.

Ключевые слова: инвестиции, брокер, розничные инвесторы, финансовый уполномоченный, финансовые услуги, фондовый рынок, защита прав потребителей финансовых услуг, квалифицированные инвесторы, эмитенты.

В целях защиты прав потребителей финансовых услуг в России действует институт Уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг (далее – финансовый уполномоченный), который был введён Федеральным законом от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» [19] (далее – Закон «О финансовом уполномоченном»). Данный институт впервые появился в Германии в 1992 году, а уже затем широко распространился по разным правовым порядкам, включая страны СНГ [8].

В отличие от других уполномоченных по правам, финансовый уполномоченный имеет «квазисудебную природу», он непосредственно разрешает имущественные споры между потребителями финансовых услуг и финансовыми организациями. Ключевыми отличиями рассмотрения спора финансовым уполномоченным от судебного разбирательства являются простота, скорость, отсутствие существенных процессуальных издержек [13]. Так, по общему правилу финансовый уполномоченный рассматривает обращение в течение 15 рабочих дней против одного месяца рассмотрения мировым судьёй или двумя месяцами рассмотрения дела в ином суде общей юрисдикции [4]. Обращение потребителя финансовых услуг к финансовому уполномоченному является бесплатным, само рассмотрение обращения по общему правилу является заочным.

Такая система обусловлена тем, что как правило требования потребителей финансовых услуг являются относительно «дешевыми» относительно вероятных судебных издержек, что вкупе с долгим и формальным судебным разбирательством, делает неэффективным обращение в суд. Нельзя не привести доводы Б. Брэдфорда и Н. Крейтцфельдта о том, что формальные юридические процессы длительны, дорогостоящи и часто недоступны для многих обычных граждан в отличие от разрешения споров финансовым уполномоченным [1]. В то же время при наличии института финансового уполномоченного, потребители получают возможность просто, быстро и дешево разрешить свой.

Возникают предложения о предоставлении розничным инвесторам права обращения к финансовому уполномоченному. Центральный банк Российской Федерации отмечал необходимость «формирования правовых основ для рассмотрения финансовым уполномоченным споров брокеров с розничными инвесторами» [12]. А.Г. Гузнов высказывал позицию о том, что права розничных инвесторов в будущем могут быть защищены путем разрешения их споров с брокерами финансовым уполно-

моченным [15]. Некоторые исследователи, как например А.С. Селивановский считали «странным» отсутствие розничных инвесторов в перечне лиц, обладающих правом на обращение к финансовому уполномоченному [17].

Полагаем, отсутствие в Законе «О финансовом уполномоченном» у розничных инвесторов прав на обращение к финансовому уполномоченному было обусловлено сложностью с соотношением понятий «потребитель финансовой услуги» и «розничный инвестор», и отсутствием легального понятия «розничный инвестор».

Инвестирование предполагает размещение капитала для извлечения прибыли, что препятствует отождествлению розничного инвестора с потребителем как по смыслу преамбулы Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» [6], так и по смыслу части 2 статьи 2 Закона «О финансовом уполномоченном». Кроме того, Верховный Суд Российской Федерации поддержал вывод о том, что на договоры на брокерское обслуживание нормы законодательства о защите прав потребителей не распространяются [11]. Против одинакового регулирования инвестиций и потребления выступают К.Ю. Молодыко и Г.Д. Травин, говоря о том, что потребление является безрисковым, что противоречит природе инвестирования [10].

Несмотря на то, что розничные инвесторы не являются потребителями финансовых услуг, следует обеспечить повышенную защиту их прав. Развитие финансовых технологий привело к тому, что произошли существенные изменения в среде розничных инвесторов. Благодаря появлению мобильных приложений профессиональных участников рынка ценных бумаг, миллионы граждан России получили возможность, установив на свой смартфон такое мобильное приложение, сразу же приступить к инвестированию. Это привело к тому, что по данным Центрального банка Российской Федерации число клиентов только брокеров выросло почти в 10 раз с 31.12.2019 по 30.06.2024 с 4234 тыс. до 42 776 тыс.[5]. При этом рост объема активов за аналогичный период был лишь двукратным: с 10 525 млрд рублей до 22 046 млрд рублей[5]. Иначе говоря, рост числа инвесторов произошел за счет обычных граждан, не являющимися профессиональными инвесторами и не обладающими существенными ресурсами для инвестирования. Неслучайно, понятие «квалифицированный инвестор» было разработано и введено Центральным банком Российской Федерации для предоставления защиты прав розничным инвесторам, начавшим массово выходить на фондовый рынок, чтобы отграничить их от профессиональных инвесторов[9].

Необходимо отметить, что для России характерны высокие показатели инфляции, так в 2022 году общая годовая инфляция составила 11,92%, а в 2023 году 7,42% [7]. В таких условиях инвестирование для розничных инвесторов является не столько способом извлечения прибыли, сколько

возможностью сбережения накоплений. Учитывая постоянные экономические изменения, санкционное давление, перед гражданами встает вопрос о сохранении накоплений и увеличения доходов, и многие для разрешения этой задачи обращаются к розничному инвестированию. Рассматривая политический аспект, важно обратить внимание на опыт Ирана, который в 2012 году был отключен от системы SWIFT и подвергся санкциям против своего Центрального банка. Это вызвало высокую инфляцию и значительный рост иранского фондового рынка, так как многие жители страны начали покупать ценные бумаги, чтобы сохранить свои накопления от обесценивания. Следует отметить, что розничный инвестор в отношениях с профессиональными участниками рынка ценных бумаг является слабой стороной: у него отсутствуют специальные знания, сильные переговорные позиции. Кроме того, взаимодействие с теми же брокерами осуществляется на основании договоров присоединения, указанные договоры как правило очень объёмны, также они имеют ссылки на многочисленные многостраничные регламенты, все существенно затрудняет ознакомление с ними для лиц, не обладающих профессиональными познаниями в области рынка ценных бумаг. Нельзя не отметить, что согласно результатам исследования, проведенного в 2021 году группой исследователей НИУ ВШЭ под руководством профессора А.С. Селивановского, почти все крупные брокеры осуществляли манипуляции с комиссиями [17].

Говоря о взаимоотношениях эмитентов и миноритарных акционерах, следует необходимо обратиться к ситуациям, когда розничному инвестору, являющемуся миноритарным акционером и владеющим акциями на сумму несколько тысяч рублей, будет дорого и непрактично обращаться с исковыми требованиями в арбитражный суд к эмитенту за защитой своих прав, поскольку судебные, а также временные издержки, обусловленные процессуальным законом, нивелируют экономическую целесообразность такого обращения. Например, в рамках дела № А07–18416/2023 миноритарный акционер, владеющий 239 акциями номинальной стоимостью 1 рубль обратился в арбитражный суд с требованием к эмитенту о взыскании дивидендов[16], в рамках дела № А79–11330/2012 два миноритарных акционера, получившие свои акции в наследство, подали иск к эмитенту в арбитражный суд о взыскании дивидендов в размере 2765 рублей каждому[14]. В таких случаях, защита прав миноритарных акционеров, учитывая «несущественное» количество и стоимость их акций, куда эффективнее происходила при наличии возможности обращения к финансовому уполномоченному. В противном случае, миноритарный акционер будет обречен для взыскания невыплаченных дивидендов в размере нескольких тысяч рублей обращаться в арбитражный суд: платить государственную пошлину, оплачивать услуги представителя, участвовать в судебных заседаниях. Поскольку миноритарный акционер является владельцем

акций, он тоже может быть признан розничным акционером.

В совершенствовании функционирования рынка ценных бумаг заинтересовано и государство, что подтверждается посвященными развитию фондового рынка нормативными актами [18], развитый рынок ценных бумаг, где обеспечена защита имущественных прав и законных интересов инвесторов способствует росту ВВП, привлечению инвестиций в экономику и экономическому суверенитету России [3]. Таким образом несмотря на то, что розничные инвесторы не являются потребителями финансовых услуг, следует обеспечить высокий уровень защиты их прав, поскольку это будет способствовать увеличению их благосостояния, пресечению недобросовестных практик при осуществлении профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг. В условиях гарантированной возможности оперативной и бесплатной защиты прав путем обращения в досудебном порядке к финансовому уполномоченному, розничные инвесторы будут с доверием относиться к российским ценным бумагам и активнее инвестировать в российские компании.

Все это свидетельствует о необходимости определения того, какие инвесторы относятся к розничным. Розничный инвестор не может быть квалифицированным инвестором, его годовой доход от инвестирования не может превышать сумму в 2,4 миллиона рублей. Это обусловлено тем, что при превышении доходов, учитываемых для определения налоговой базы, за текущий год суммы в 2,4 миллиона рублей, лицо, зарегистрированное в качестве самозанятого, обязано будет регистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя [20]. Таким образом, розничным инвестором (включая миноритарных акционеров), будет считаться физическое лицо, у которого доходы от инвестиционной деятельности не превысили лимит в размере 2,4 миллиона, и которое не имеет статуса квалифицированного инвестора. Кроме того, «отсеивать» розничных инвесторов от профессиональных инвесторов позволит установленное ограничение, касающееся размера суммы спора, рассматриваемого финансовым уполномоченным (500 000 рублей). Учитывая, что розничный инвестор не является потребителем финансовых услуг, полагаем, что досудебное обращение розничного инвестора к финансовому уполномоченному не должно быть обязательным.

Вышеуказанные законодательные изменения могут быть внесены в Федеральный закон от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (далее – Закон «О рынке ценных бумаг»)[21] поскольку вводится легальное понятие «розничный инвестор», содержащее количественные показатели в части дохода за текущий год. В случае предоставления права розничным инвесторам обращаться с заявлениями к финансовому уполномоченному, необходимо будет расширить список организаций, взаимодействующих с финансо-

вым уполномоченным за счет профессиональных участников рынка ценных бумаг и эмитентов.

Сейчас финансовый уполномоченный рассматривает споры клиентов негосударственных пенсионных фондов несмотря на то, что вкладчики негосударственного пенсионного фонда также являются инвесторами. Это говорит о том, что предоставление розничным инвесторам права на обращение к финансовому уполномоченному не противоречит концепции финансового уполномоченного. К слову, в Великобритании финансовый омбудсмен вправе рассматривать обращения розничных инвесторов [2].

В совершенствовании защиты прав розничных инвесторов, улучшении благосостояния широких слоев населения, обогащении и расширении российского фондового рынка, заинтересованы как сами розничные инвесторы, так и государство. Одним из способов повышения защиты прав розничных инвесторов является предоставление розничным инвесторам права обращаться к финансовому уполномоченному при наличии споров с эмитентами и профессиональными участниками рынка ценных бумаг на сумму. Для этого законодательно следует установить критерии отнесения к розничным инвесторам: отсутствие статуса квалифицированного инвестора, годовой доход от инвестирования не превышает 2,4 миллиона рублей.

Литература

1. Creutzfeldt, N., & Bradford, B. (2018). Procedural justice in cross-cultural context: Fairness judgements among users of Financial Ombuds services in Germany and the United Kingdom. *Journal of European Consumer and Market Law*, 7(5), 188–200. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3125003> (дата обращения: 13.12.2024);
2. Financial Services and Markets Act 2000 // legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/part/XIII/enacted> (дата обращения: 17.11.2024);
3. Бостанова П. И., Таршхоева М.М. Роль фондового рынка в системе экономической безопасности России // *Вестник Академии знаний*. 2021. № 6 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fondovogo-rynka-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (дата обращения: 09.02.2025);
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // *Собрание законодательства Российской Федерации*. – 2002. – № 46. – Ст. 4532. 2024. – № 24, ст. 3390;
5. Динамические ряды основных показателей деятельности брокеров // *Сайт Банка России* URL: https://cbr.ru/statistics/rcb/broker_stat/ (дата обращения: 16.11.2024);
6. Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // *Ведомости Съезда народных депутатов Рос-*

- сийской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 15. – Ст. 766;
7. Инфляция по годам в России // ПРОДеньги Навигатор в мире финансов проект Российской Газеты URL: <https://rg.ru/2024/12/28/infliaa-po-godam-v-rossii.html> (дата обращения: 12.12.2024);
 8. Климов В.В. Правовая природа института финансового уполномоченного в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4 Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=148293&cacheid=E00FD22912416A8D1EA25242D943437C&mode=splus&rnd=1k8LJA#PI02G1UDDRy2Wnf2> (дата обращения: 10.12.2024);
 9. Молодыко К.Ю., Галиахметова Л.И. Некоторые направления развития законодательства о фондовом рынке // Закон. 2022. N 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=142976#Apm4JcU84N1fU6xk> (дата обращения: 12.12.2024);
 10. Молодыко К.Ю., Травин Г.Д. Рубежи признания розничного инвестора потребителем // Закон. 2022. N 12. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=147814#nE-25JcUQlfgsq4zD1> (дата обращения: 13.12.2024);
 11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20 декабря 2016 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 1;
 12. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов // Сайт Банка России. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/156048/onfr_2024–2026.pdf (дата обращения: 02.01.2025);
 13. Петрухин М.В., Петрухина А.Н. Институт финансового омбудсмена в России и странах Евросоюза: доводы за и против // «Вестник гражданского процесса». 2021. № 1 Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=135874&cacheid=D1A657F6A22B7249D-46B5A54628DB10B&mode=splus&rnd=u4h-Frw#LzbBz1Ugelry1Jzs> (дата обращения: 10.12.2024);
 14. Постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 24.06.2012 по делу № А79–11330/2012 // Электронная система «Мой Арбитр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/696115c6-dca7-41c2-b657-736fe289f7e0/499613ba-a97c-4451-9823-39aa-79143ca4> (дата обращения: 24.12.2024);
 15. Пресс-конференция Службы финансового уполномоченного по актуальным вопросам защиты прав потребителей финансовых услуг // Россия Сегодня Международный мультимедийный Пресс-центр URL: https://vk.com/video-211698990_456240550 (дата обращения: 08.12.2024).
 16. Решение Арбитражного суда Республики Башкортостан от 06.10.2023 по делу № А07–18416/23 // Электронная система «Мой Арбитр» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/547af134-0ebd-4cef-a92c-578d209b00c5/c2fa2065-9bc7-4a2d-b56d-537251760467> (дата обращения: 24.12.2024);
 17. Селивановский А.С. Розничный инвестор на рынке ценных бумаг: договор с брокером // Закон. 2021. N 9. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJl&n=140519#3Cv1JcUYTqNxUczs1> (дата обращения: 16.12.2024);
 18. Указ Президента РФ от 01.07.1996 № 1008 (ред. от 16.10.2000) «Об утверждении Концепции развития рынка ценных бумаг в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 28. – Ст. 3356, аспоряжение Правительства РФ от 29.12.2022 N 4355-р (ред. от 21.12.2023) «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2023. – № 2 (часть III). – Ст. 365\$
 19. Федеральный закон «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» от 04.06.2018 № 123-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018 г. – № 24. – Ст. 3390 с изм. и допол. в ред. от 10.07.2023;
 20. Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7494;
 21. Федеральный закон от 22.04.1996 N 39-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О рынке ценных бумаг» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

ON THE POSSIBILITY OF CONSIDERATION BY THE FINANCIAL COMMISSIONER OF APPEALS FROM RETAIL INVESTORS

Ryabkov A.A.

Central Bank of Russia, Novosibirsk State University of Economics and Management

The study examines the possibility of granting retail investors the right to apply to the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services to resolve property disputes with professional participants in the securities market and issuers. This is due to the fact that most retail investors have “insignificant” investment portfolios and lack professional knowledge compared to qualified investors and professional participants in the securities market. These circumstances,

including the need to develop the stock market, mean that the rights of retail investors must be protected at a level close to that of consumers. The author proposes to grant certain categories of retail investors the right to apply to the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services.

Keywords: Investments, broker, retail investors, financial commissioner, financial services, stock market, consumer protection of financial services, qualified investors, issuers.

References

1. Creutzfeldt, N., & Bradford, B. (2018). Procedural justice in cross-cultural context: Fairness judgements among users of Financial Ombuds services in Germany and the United Kingdom. *Journal of European Consumer and Market Law*, 7(5), 188–200. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3125003> (date of request: 12/13/2024);
2. Financial Services and Markets Act 2000 // [legislation.gov.uk](https://www.legislation.gov.uk) URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2000/8/part/XIII/enacted> (date of request: 17.11.2024);
3. Bostanova P. I., Tarshkheeva M.M. The role of the stock market in the economic security system of Russia // *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2021. No. 6 (47). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-fondovogo-rynka-v-sisteme-ekonomicheskoy-bezopasnosti-rossii> (date of request: 02/09/2025);
4. The Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 28, 2024, as amended. dated 16.01.2025) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2002. – No. 46. – Art. 4532. 2024. – No. 24, art. 3390;
5. Dynamic series of the main indicators of brokers' activity // *Website of the Bank of Russia* URL: https://cbr.ru/statistics/rcb/broker_stat/ (date of access: 11/16/2024);
6. The Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300–1 “On Consumer Rights Protection” // *Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the Russian Federation and the Supreme Council of the Russian Federation*. – 1992. – No. 15. – Art. 766;
7. Inflation by year in Russia // *Pro Money Navigator in the world of finance Rossiyskaya Gazeta* project URL: <https://rg.ru/2024/12/28/inflaciia-po-godam-v-rossii.html> (date of request: 12.12.2024);
8. Klimov V.V. The legal nature of the Institute of the financial commissioner in the Russian Federation // *Actual problems of Russian law*. 2023. No. 4 Access from the SPS “ConsultantPlus” URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=148293&cacheid=E00FD22912416A8D1EA25242D943437C&mode=splus&rnd=1k8LJA#PI02G1UDDRy2Wnf2> (date of request: 10.12.2024);
9. Molodyko K.Yu., Galiakhmetova L.I. Some areas of development of legislation on the stock market // *Law*. 2022. N 2. Access from the SPS “ConsultantPlus” URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=142976#Ap-m4JcU84N1fU6xk> (date of request: 12.12.2024);
10. Molodyko K.Yu., Travin G.D. Frontiers of recognition of a retail investor as a consumer // *Law*. 2022. N 12. Access from the SPS “ConsultantPlus” URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=147814#nE25JcUQlfgsq4zD1> (date of request: 12/13/2024);
11. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2016), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2016 // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. – 2017. – № 1;
12. Main directions of development of the financial market of the Russian Federation for 2024 and the period 2025 and 2026 // *Website of the Bank of Russia*. – URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/156048/onfr_2024–2026.pdf (date of request: 02.01.2025);
13. Petrukhin M.V., Petrukhina A.N. The Institute of the Financial Ombudsman in Russia and the EU countries: arguments for and against // *Bulletin of Civil Procedure*. 2021. No. 1 Access from the SPS “ConsultantPlus” URL: <https://online11.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=135874&cacheid=D1A657F6A22B7249D46B5A54628DB10B&mode=splus&rnd=u4hFrw#LzbBz1Ugely1Jzs> (date of request: 10.12.2024);
14. Resolution of the Federal Arbitration Court of the Volga-Vyatka District dated 06/24/2012 in case no. A79–11330/2012 // *Electronic system “My Arbitrator”* [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/696115c6-dca7–41c2-b657–736fe289f7e0/499613ba-a97c-4451–9823–39aa79143ca4> (date of request: 12/24/2024);
15. Press Conference of the Financial Commissioner's Service on topical issues of Consumer Protection of financial services // *Russia Today International Multimedia Press Center* URL: https://vk.com/video-211698990_456240550 (date of request: 08.12.2024).
16. The decision of the Arbitration Court of the Republic of Bashkortostan dated 06.10.2023 in case no. A07–18416/23 // *Electronic system “My Arbitrator”* [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://ras.arbitr.ru/Document/Pdf/547af134–0ebd-4cef-a92c-578d209b00c5/c2fa2065–9bc7–4a2d-b56d-537251760467> (date of request: 12/24/2024);
17. Selivanovskiy A.S. Retail investor in the securities market: an agreement with a broker // *Law*. 2021. N 9. Access from the SPS “ConsultantPlus” URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=140519#3Cv1JcUYTqNxUczs1> (date of request: 12/16/2024);
18. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/01/1996 No. 1008 (as amended on 10/16/2000) “On approval of the Concept of development of the Securities market in the Russian Federation” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996, No. 28, Article 3356, Decree of the Government of the Russian Federation dated 12/29/2022 No. 4355-r (as amended on 12/21/2023) “On Approval of the Strategy for the Development of the Financial Market of the Russian Federation until 2030” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2023. – No. 2 (Part III). – Article 365\$
19. Federal Law “On the Commissioner for Consumer Rights of Financial Services” dated 06/04/2018 No. 123-FZ // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2018 – No. 24. – Art. 3390 with amendments and additions. ed. from 07/10/2023;
20. Federal Law No. 422-FZ of 11.27.2018 “On conducting an experiment to establish a special tax regime “Tax on professional income” // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2018. – No. 49 (part I). – Art. 7494;
21. Federal Law No. 39-FZ of 04/22/1996 (as amended on 12/28/2024) “On the Securities Market” (as amended and supplemented, intro. effective from 01.01.2025) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 1996. – No. 17. – Art. 1918.

Михеев Дмитрий Сергеевич,

студент магистратуры, кафедра гражданского права,
Новосибирский национальный исследовательский
государственный университет
E-mail: d.mikheev@g.nsu.ru

Исследование элементов состава гражданского правонарушения имеет важное практическое значение. Каждый элемент состава (противоправность, наличие вреда, причинно-следственная связь между противоправным деянием и наступившими последствиями и вина) играет ключевую роль в квалификации действия или бездействия как правонарушения. Кроме того, анализ этих элементов помогает в разработке эффективных правовых механизмов защиты интересов потерпевших и предотвращения правонарушений в будущем. Субъективная же сторона является самым трудным с точки зрения выяснения и доказывания элементом состава, поскольку не имеет внешнего выражения (как, например, причиненный вред), а является одним из процессов психики человека. Поэтому глубокое понимание этого условия привлечения к ответственности способствует более справедливому применению санкций, учитывая все обстоятельства.

Ключевые слова: возмещение вреда, вина, риск, ответственность, правонарушение.

Гражданско-правовая ответственность наступает только при наличии определенных условий, которыми являются элементы состава гражданского правонарушения. В доктрине нет единой точки зрения относительно того, какие элементы состава стоит выделять, а какие нет. Ряд авторов выделяют «объект, субъект, объективную и субъективную стороны» [7], другие, справедливо указывая на несопоставимость института уголовного и гражданской ответственности, выделяют «противоправность поведения, наличие вреда, причинную связь между ними и наличие вины» [6, с. 400]. Преобладающим является второй подход, причём он закрепился не только среди учёных-цивилистов, но и в правоприменительной практике [5].

И одним из условий ответственности согласно этому подходу выступает вина. Как гласит п. 1 ст. 404 ГК РФ, «лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности» [1]. В силу п. 2 ст. 1064 ГК РФ «лицо, причинившее вред, освобождается от возмещения вреда, если докажет, что вред причинен не по его вине. Законом может быть предусмотрено возмещение вреда и при отсутствии вины причинителя вреда».

Из представленных выше законодательных положений со всей очевидностью вытекает, что вина – обязательный элемент состава гражданского правонарушения, иное может быть установлено только законом или договором.

Гражданское законодательство не содержит понятия вины, но в науке особых расхождений в этом вопросе в целом-то не содержится. Под виной так или иначе понимают психологическое отношение лица к совершаемому им деянию, а также к наступившим последствиям. Формами вины в гражданском праве выступает умысел и неосторожность, последняя в свою очередь делится на простую и грубую. При этом форма вины не влияет на тяжесть (размер) ответственности (в отличие, например, от уголовного права).

Лишь в крайне редких случаях форма вины выступает условием ответственности. Так, лишь при наличии умысла или грубой неосторожности отвечает нашедший вещь (ст. 227 ГК РФ), ссудодатель (ст. 693 ГК РФ), хранитель (ст. 901 ГК РФ), приобретатель неосновательного обогащения (ст. 1104 ГК РФ) и некоторые другие примеры.

В тоже время законодательство содержит ряд исключений из общего правила. К примеру, в «отсутствие» вины вред обязаны возместить субъекты, осуществляющие предпринимательскую дея-

тельность (п. 3 ст. 401 ГК РФ), профессиональные хранители (п. 2 ст. 901 ГК РФ), владельцы источников повышенной опасности (ст. 1079 ГК РФ) и в некоторых других случаях.

Единого мнения в отношении природы такой обязанности нет. О.А. Красавчиков считает, что ответственность может наступить только при наличии вины. Обязанность по возмещению вреда же имеет совершенно иную правовую природу. Предпринимательская деятельность всегда основана на риске, и риск этот выражается в виде потенциальной возможности нести убытки и не получить прибыль. По мнению автора, «несение риска – это несение предусмотренной законом обязанности «принять на себя» убытки, могущие наступить в силу случайных обстоятельств» [7]. Можно сказать, что в основе возникновения такого рода обязанности лежат другие, специально предусмотренные законом юридические факты

Данная концепция действительно отражает природу ряда отношений по возмещению вреда. В частности, к таковым можно отнести отношения по возмещению вреда, причинённого незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры (ст. 1070 ГК РФ). К таким действиям закон относит незаконное осуждение, привлечение к административной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде. В подобного рода ситуациях было бы неправильно вообще устанавливать состав гражданского правонарушения. Даже при идеальной работе органов предварительного расследования и суда, возможность следственной и судебной ошибки не исключается. Здесь отсутствует главный объективный признак состава – противоправность поведения. Незаконным здесь является не конкретные действия таких субъектов, а сам факт наложения на лицо личных и (или) имущественных лишений без фактических и юридических оснований. Такое возмещение вреда является особой правовой формой восстановления правового положения лица.

Между тем иные отношения в эту категорию не подпадают. При неисполнении лицом, занимающимся предпринимательством, своего договорного обязательства, необходимо будет установить все три элемента состава: противоправность, наличие вреда и причинно-следственную связь между ними.

Несколько по иному пути пошёл В.А. Ойгензихт. Автором вполне справедливо указывается, что понятием «вины» охватываются далеко не все стороны психических процессов, происходящих у субъектов правоотношений, ведь психика – целый комплекс, система, состоящая из различных явлений, охватывающая целый спектр свойств нашего сознания (воля, память, эмоции...)

Одной из таких категорий выступает риск. Вина, как правило, характеризуется несомненным предвидением или возможностью предвидения, в то время как риск – «допущением». Субъект в таких случаях не действует просто полагаясь на слу-

чай, более того, его действия чаще всего направлены на благополучный результат, но возникновение отрицательного результата им предполагается. Риск в то же время не противопоставляется вине, вполне возможно их соединение, что видно при анализе той или иной формы вины. Например, неосторожность исключает знание конкретного результата вообще, а косвенный умысел (который, безусловно, существует и выступает формой вины, но не выделяется в гражданском праве из-за ненадобности) предполагает знание отрицательности результата, но не исключает допущения и положительного исхода (поскольку в принципе характеризуется безразличием к результату). Можно такое психическое отношение весьма условно назвать виновным риском. Риск, тем не менее, охватывает несколько иные случаи, находится где-то на грани с виной, выражая всё же иные процессы нашей психики.

«Риск – субъективная категория, которая существует параллельно с виной, но может существовать и совместно с ней, как психическое отношение субъектов к результату собственных действий или действий других лиц, а также к результату объективно-случайных либо случайно-невозможных действий (событий), выражающееся в осознанном допущении отрицательных, в том числе невозместимых имущественных последствий» [8, с. 77].

Риск является основанием ответственности при случайных, но противоправных обстоятельствах, связанных с действиями причинителя вреда, в отношении которого презюмируется допущение им возможности таких последствий. Но в то же время риск является и основанием возложения (принятия, распределения) убытков, в том случае, когда нет противоправности при объективно случайных или объективно невозможных обстоятельствах или когда убыток допущен правомерными действиями субъекта».

Это крайне важное замечание В.А. Ойгензихта гармонично «закрывает» пробелы, которые присутствовали в теории предыдущего учёного О.А. Красавчикова В случаях, когда субъект предпринимательской деятельности действует неправомерно, для него ответственность наступает не на основе вины, но на основе иного субъективного начала – риска. В тех же ситуациях, когда противоправность отсутствует, но вред подлежит возмещению, обязательство по такому возмещению имеет совершенно иную форму – восстановления правового положения потерпевшего.

Крайне немногочисленное количество авторов затрагивают в своих работах категорию риска. Как правило, большинство из них приверженцы теории так называемой «безвиновной ответственности». И хотя такого рода ответственность они называют «исключительной», ими вообще не оцениваются иные субъективные начала, и вся теория «безвиновной ответственности» сводится у них в отсутствие субъективного начала как условия наступления ответственности. Между тем это в корне не верно.

Как уже отмечалось выше, риск и вина отражают психическое отношение лица деянию и его последствиям. Более того, при их определении мы оперируем сходными характеристиками «предвидения» и «допущения», различий между которыми порой и нет вовсе. При установлении размера ответственности, даже в случае так называемой авторами «безвиновной ответственности» суд обязан оценить эти свойства, на что указывают высшие суды.

Например, Верховным судом в 2015 году рассматривалось дело, суть которого состоит в следующем:

Общество обратилось в суд с иском к «Управлению капитальным строительством» о взыскании убытков. «Управление» нарушило сроки оплаты по контракту, в связи с чем Общество также не смогло выполнить свои обязательства перед контрагентами и вынуждено было уплатить неустойку. Судами нижестоящих инстанций иски были удовлетворены полностью. Верховный суд указал, что ответчик, не являясь стороной договоров поставки, не имел возможности повлиять на размер неустоек, предусмотренных иском и его контрагентами, ставки которых существенны и носили необычный характер [2]

Тем самым суд подтвердил, что ответчик не мог предвидеть убытки в том размере, в каком они возникли у истца, следовательно их размер подлежит снижению. Аналогичный подход содержится и в некоторых иных решениях [3, 4]. Всё это подтверждает, что ответственность субъектов предпринимательской деятельности осуществляется не исходя из их вины, но на иных субъективных началах, на началах риска.

Таким образом, гражданско-правовая ответственность не может наступить без наличия субъективной стороны. Уяснение и утверждение данного принципа позволит не только правильно разрешать конкретные гражданско-правовые споры (как это было показано на примере выше), но и поможет разграничить ответственность от иных форм возмещения вреда и, соответственно, упростит бремя доказывания, поскольку для случаев иных форм возмещения вреда необходимо устанавливать иной, «упрощённый» юридический состав.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // Собрание законодательства РФ. – 29.01.1996. – № 5. – ст. 410
2. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС15–10298 от 15.12.2015 по делу № А50–17401/2014 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a70ada72-c5e7-4b9f-968f-554449f7018b/32521423-5d12-4f7e-827d-ee207a8f0674/A50-17401-2014_20151217_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.01.2025)
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 301-ЭС17–19815 от 18.12.2017 по делу № А79–9323/2016 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/40daeb5f-c336-477a-bc28-20e783fd3dab/a5e2981b-e6f6-4f0c-ba21-efb2457fe587/A79-9323-2016_20171218_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 23.01.2025)
4. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 01.08.2018 по делу № А40–166935/2017 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e7736d7e-586d-4aa4-93eb-0fecb7a95d4d/341c99e5-b32e-4238-b789-b2c03e31ad17/A40-166935-2017_20180801_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 24.01.2025)
5. Решение Арбитражного суда Свердловской области от 13 января 2023 г. по делу № А60–3496/2020 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EqMJaRr5vgt/> (дата обращения: 25.01.2025)
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Общие положения: книга первая. // М.: Статут. – 2001. – 476 с.
7. Кархалев Д.Н. Гражданско-правовые меры защиты и меры ответственности: Учебное пособие. // Уфа: РИО БашГУ. – 2004. – 148 с.
8. Ойгензихт В.А. Проблемы риска в гражданском праве (Часть общая) // Душанбе: Издательство «ИРФОН». – 1972. – 225 с.

SUBJECTIVE SIDE OF A CIVIL OFFENCE

Mikheev D.S.

Novosibirsk National Research State University

The study of the elements of a civil offence is of great practical importance. Each element (wrongfulness, the existence of harm, the causal link between the wrongful act and the consequences and guilt) plays a key role in qualifying an act or omission as an offence. In addition, the analysis of these elements helps in the development of effective legal mechanisms to protect the interests of victims and prevent future offences. The subjective side is the most difficult from the point of view of clarification and proving the element of the composition, because it does not have an external expression (as, for example, the harm caused), but is one of the processes of the human psyche. Therefore, a deep understanding of this condition of bringing to responsibility contributes to a fairer application of sanctions, taking into account all the circumstances.

Keywords: compensation for damages, fault, risk, liability, offence.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of 26.01.1996 № 14-FZ (ed. of 13.12.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 29.01.1996. – № 5. – art. 410
2. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation № 309-ES15–10298 of 15.12.2015 in case № А50–17401/2014 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/a70ada72-c5e7-4b9f-968f-554449f7018b/32521423-5d12-4f7e-827d-ee207a8f0674/A50-17401-2014_20151217_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of address: 23.01.2025)
3. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation № 301-ES17–19815 of 18.12.2017 in case № А79–9323/2016 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/40daeb5f-c336-477a-bc28-20e783fd3dab/a5e2981b-e6f6-4f0c-ba21-efb2457fe587/A79-9323-2016_20171218_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (date of address: 23.01.2025)
4. Ruling of the Moscow District Arbitration Court of 01.08.2018 in case № А40–166935/2017 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>

Document/Pdf/e7736d7e-586d-4aa4-93eb-0fecb7a95d-4d/341c99e5-b32e-4238-b789-b2c03e31ad17/A40-166935-2017_20180801_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (access date: 24.01.2025)

5. Decision of the Arbitration Court of the Sverdlovsk Region dated 13 January 2023 in case № A60-3496/2020 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/EqMiJaRr5vgt/> (access date: 25.01.2025)
6. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. General provisions: book one. // M.: Statute. – 2001. – 476 c.
7. Karkhalev D.N. Civil-law measures of defence and measures of responsibility: Textbook. // Ufa: RIO BashG U. – 2004. – 148 c.
8. Oygenzich V.A. Problems of risk in civil law (Part general) // Dushanbe: Publishing House 'IRFON'. – 1972. – 225 c.

Проблемы реализации правового регулирования отношений в сфере оборота жилых помещений

Урникис Татьяна Николаевна,

студент магистратуры, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: hita@inbox.ru

Реализация правового регулирования отношений в сфере оборота жилых помещений в России многогранна и касается различных аспектов, от нормативного обеспечения до практического применения законов. Одной из наиболее актуальных проблем является недостаточная правовая определенность, которая создает трудности как для граждан, так и для юридических лиц. Сложные и запутанные нормы законодательства приводят к разным интерпретациям, что в свою очередь вызывает споры и конфликты между сторонами.

Ключевые слова: аренда, купля-продажа, недвижимость, жилое помещение, наем помещения.

На сегодняшний день оборот жилых помещений в России сталкивается с рядом существенных проблем, которые требуют внимания на уровне законодательства и практики. Одной из главных проблем является высокая юридическая сложность сделок с недвижимостью, что часто приводит к ошибкам и спорам между сторонами. Необходимость подтверждения прав на собственность, проведение оценок, а также проверка состояния объектов могут создать непреодолимые трудности для обычных граждан, особенно для тех, кто впервые сталкивается с рынком недвижимости.

На практике часто наблюдается несоответствие между правовыми нормами и реальными условиями рынка. Это выражается в недостаточном учете специфики сделок, связанных с жилыми помещениями, таких как ипотечное кредитование, аренда и купля-продажа.

Нормативные акты не всегда учитывают новые реалии, такие как появление электронных сделок и платформ для оборота недвижимости, что делает их устаревшими и непригодными для использования в современных условиях.

Так, на рынке жилья также существует проблема честности и прозрачности сделок. Сложные схемы мошенничества, такие как сделки с заложенной недвижимостью или продажа объектов без надлежащих прав, подрывают доверие граждан и создают риски для законопослушных участников рынка. Часто недостаток информации о правовом статусе жилья становится источником конфликтов, которые затем требуют длительных разбирательств в судебном порядке.

Также существует и другая проблема, которая заключается в недостатке доступного жилья, что заставляет граждан обращаться к ипотечным кредитам на условиях, которые могут оказаться непосильными.

При этом система ипотечного кредитования часто сталкивается с проблемами жесткости условий и высокой процентной ставки, что ограничивает возможности для меньшинств, таких как молодежь или многодетные семьи.

Стоит отметить проблему регулирования аренды жилых помещений. Законодательство в этой сфере зачастую не успевает за изменениями на рынке, создавая правовые неопределенности как для арендаторов, так и для арендодателей. Часто возникают споры по поводу условий аренды, прав и обязанностей сторон, что требует более четкого и современного подхода к регулированию. Создаются условия для улучшения жилищных условий через строительство экономически

доступных квартир и разработку программ, которые облегчают приобретение жилья на вторичном рынке или через ипотечные кредиты.

Особое внимание уделяется совершенствованию законодательства, направленного на защиту прав владельцев жилья и улучшение жилищных условий для всех категорий населения.

Это включает в себя разработку норм и стандартов, которые регулируют размеры и качество жилья, доступного для социально уязвимых групп, и предусматривают меры поддержки для семей с детьми, пожилых людей и инвалидов. [1]

В Жилищном кодексе Российской Федерации закреплено право граждан на частную собственность на жилые помещения, а также предусмотрены меры социальной поддержки для малоимущих слоев населения. Так, в кодексе фиксируются гарантии обеспечения жильем тех, кто не может позволить себе улучшение жилищных условий на собственные средства.

Для этого, например, предусмотрен институт социального найма, позволяющий малоимущим получать жилье по льготной ставке. Кроме того, в целях временного обеспечения граждан жильем в экстренных ситуациях создается маневренный фонд, который служит для временного размещения граждан, оказавшихся без жилья из-за аварийного состояния их домов или других непредвиденных ситуаций.

Кодекс также формулирует ключевые понятия и принципы государственной жилищной политики, направленной на регулирование вопросов владения, использования и распоряжения жилыми помещениями. В документе закреплены полномочия государственных и муниципальных органов по управлению жилищной сферой и созданию условий для обеспечения граждан жильем, что включает как регулирование строительной деятельности, так и контроль за эксплуатацией жилищного фонда.

Современное состояние ветхого и аварийного жилищного фонда представляет собой серьезную проблему для городов России. Наличие устаревших и небезопасных для проживания зданий не только ухудшает облик городов и сдерживает развитие инфраструктуры, но и снижает инвестиционную привлекательность территорий, что негативно отражается на экономическом развитии.

Этот фонд выступает не только как техническая, но и как социальная проблема, создавая источник социальной напряженности. Граждане, вынужденные проживать в аварийном жилье, часто испытывают разочарование и недовольство, поскольку не имеют возможности улучшить свои жилищные условия за счет собственных средств, что вызывает чувство несправедливости и усиливает социальное неравенство.

Решение данной проблемы требует не только увеличения объемов строительства нового жилья, но и разработки механизмов государственной поддержки, направленных на переселение людей из аварийных домов в новые комфортные жилые помещения.

Дополнительно, правительство разрабатывает меры по модернизации действующего жилищного фонда, чтобы снизить количество аварийных строений и улучшить общий уровень жизни населения.

В этом контексте внедряются программы по капитальному ремонту многоквартирных домов, реконструкции старого жилья и созданию новых социальных объектов, таких как школы, детские сады и медицинские учреждения, что способствует улучшению условий для жизни и развитию инфраструктуры районов. [2]

На основании Решения Арбитражного суда Красноярского края по делу № А32–14996/2021 от 05.2022 г. [3] судом был признан незаконным отказ Администрации МО город-курорт Анапа в переводе жилого помещения в нежилое. Суд обязал заинтересованное лицо повторно рассмотреть в установленном порядке заявления о переводе жилого дома в нежилое. Согласно обстоятельствам дела установлено:

Индивидуальный предприниматель (Заявитель) является собственником жилого помещения – жилого дома площадью 583, 7 кв.м. Право собственности зарегистрировано в установленном законом порядке. Жилой дом расположен на земельном участке, который также находится в собственности ИП – Заявителя.

Судом установлено, что разрешенный вид использования земли – для размещения ИЖС, магазинов, общественного питания и т.д.. Категория земли – земли населенных пунктов.

Согласно указанных характеристик земельного участка на земельном участке допускается возможность под эксплуатацию нежилого здания в соответствии с разрешенным видом использования. Заявитель ранее обратился в установленном порядке к Заинтересованному лицу с заявлением о предоставлении услуги о переводе указанного объекта в нежилое помещение. Заинтересованным лицом было направлено в адрес Заявителя уведомление об отказе в предоставлении услуги, на основании следующего:

1. Отсутствует подтверждение соблюдения заявителем правил пожарной безопасности;
2. Отсутствие подтверждения соблюдения норм санитарно-эпидемиологических регламентов;
3. Отсутствие подтверждения соблюдения градостроительных и строительных норм;
4. Отсутствие данных, подтверждающих наличие машиномест;
5. Отсутствие сведений о зарегистрированных в жилом доме лицах; \
6. Отсутствие проектной документации;
7. Невозможность применения ст. 23 ЖК РФ к переводу жилого помещения в нежилое.

С указанным отказом Заявитель не согласился, указал, что все основания для отказа были применены неправомерно.

Судом установлено, что к спорному вопросу подлежат применению положения ст. 23 ЖК РФ. Следовательно, ответчик при вынесении отказа неправомерно использовал положения жилищно-

го законодательства, сославшись на невозможность применения ст. 23 ЖК РФ. Заинтересованное лицо не оспаривало, что согласно ст. 23 ЖК РФ истцом первоначально был предоставлен полный комплект документов. При этом ни в уведомлении об отказе, ни в рамках рассмотрения дела Заинтересованное лицо не указал, какой правовой нормой необходимо регулировать оказание услуги по переводу помещения из жилого в нежилое.

Судом при рассмотрении дела была назначена судебная экспертиза. Перед экспертом были поставлены вопросы:

1. Соответствует ли спорный объект положениям действующего законодательства, предъявляемым к нежилым помещениям?

2. Возможно ли использовать указанный объект в качестве гостиницы со столовой? Создает ли при указанном использовании угроза жизни и здоровью граждан, проживающих на смежных объектах. Эксперт пришел к выводу, что имеются незначительные отхождения от норм закона, не влияющие на возможность использования объекта как гостиницы со столовой, угрозы жизни и здоровью граждан отсутствуют. Заинтересованное лицо также ссылалось, что гостиница построена без разрешения на возведение именно гостиницы. Судом данный довод отвергнут, т.к. было выдано разрешение на строительство жилого дома, и был первоначально построен именно жилой дом.

Предположительно, заинтересованное лицо пыталось применить правила строительства нежилого здания, перечень запрашиваемых документов схож с документами, предоставляемыми при введении в эксплуатацию нежилого построенного объекта недвижимости.

На основании изложенного судом сделаны выводы:

1. Отказ заинтересованного лица неправомерен. Запрашиваемые, согласно уведомлению об отказе, документы, не предусмотрены действующим ЖК РФ.

2. Спорный объект недвижимости соответствует требованиям, предъявляемым к нежилому помещению.

3. Препятствия для перевода спорного жилого объекта в статус нежилого отсутствуют. В связи с чем судом было вынесено решение об удовлетворении заявленным требований в полном объеме. С учетом того, что суд не признает жилое помещение нежилым указанная обязанность возложена на Администрацию МО город-курорт Анапа. Из рассмотренного судебного акта можно сделать некоторые выводы.

Граждане используют законодательство в своих интересах и пытаются обойти закон в той мере, к которой это допускается.

Строительство нежилого здания в курортном городе сопряжено с определенными трудностями как в бюрократической сфере, так и в финансовом плане. Перевод жилого помещения в нежилое с юридической точки зрения не составляет особого труда, но позволяет избежать многих проблем,

вызванным строительством изначально нежилого помещения. Граждане используют данную правовую возможность.

Государственные органы, органы местного самоуправления понимая, что граждане действуют в обход закона – не получают разрешение на строительство именно нежилого здания, возводя первоначально жилое помещение – пытаются исключить возможность обхода соблюдения всех требований закона, предъявляемых к нежилым помещениям. Так, в судебном решении указано, согласно заключению эксперта, что жилой дом частично не соответствует нормам, предъявляемым к нежилым помещениям. Однако, указанные несоответствия являются незначительными и не влияют на возможность эксплуатации объекта как нежилого.

При этом, если бы указанные несоответствия были выявлены на этапе строительства именно нежилого здания, а не жилого, то Администрация правомерно отказала бы в выдаче разрешения на строительство и в последующем вводе объекта в эксплуатацию. Получается, что путем строительства изначально жилого здания, с последующим переводом его в нежилое собственник упростил свою задачу по получению в собственность нежилого объекта недвижимости, т.к. суд не принял во внимание небольшие несоответствия требованиям.

Отдельно отметим небольшие несоответствия, выявленные экспертом: нарушены требования в части минимальных отступов и в части процента застройки территории. Размер отклонения от нормы – 9%.

Можно отметить, что указанное несоответствие допускается только на основании решения суда. В административном порядке указанное отклонение от нормы не допускается.

Актуальным и важнейшим вопросом жилищной сферы является признание жилого помещения непригодным для проживания. В СМИ очень часто поднимаются вопросы признания жилой недвижимости непригодной для проживания, существует, в связи с этим, немало проблем и проволочек. Поэтому так важно изучить правовое регулирование признания жилого помещения непригодным для проживания и разобраться с существующими проблемами в данной области.

Современное жилье должно отвечать высоким стандартам и требованиям. Но на практике не всегда даже ветхое и аварийное жилье признают непригодным для проживания.

Жилищный вопрос остаётся в числе первоочередных задач, стоящих перед Российской Федерацией, поскольку он напрямую затрагивает базовые условия жизни граждан.

Литература

1. Конституция Российской Федерации принята 12.12.1993 г., (в ред. от 14.03.2020 г.) // Рос. газ. 1993. 25 дек.

2. «Жилищный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 188-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС Консультант плюс.

3. Ковалевская, О.Ю. Актуальные проблемы обеспечения прав граждан в сфере «ветхого» жилищного фонда // Современные проблемы экономики, управления и права: сб. ст. Пенза, 2019. С. 89.

4. Решение Арбитражного суда Красноярского края по делу № А32–14996/2021 от 05.2022 г. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YfLsxr72JrUn/> (Дата обращения: 25.10.2024).

PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF LEGAL REGULATION OF RELATIONS IN THE SPHERE OF RESIDENTIAL PREMISES TURNOVER

Urnikis T.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The implementation of legal regulation of relations in the sphere of residential premises turnover in Russia is multifaceted and concerns various aspects, from regulatory support to the practical application of laws. One of the most pressing problems is the lack of legal certainty, which creates difficulties for both individuals and legal entities. Complex and confusing legal norms lead to different interpretations, which in turn causes disputes and conflicts between the parties.

Keywords: lease, purchase and sale, real estate, residential premises, rental of premises.

References

1. The Constitution of the Russian Federation was adopted on 12.12.1993 (as amended on 14.03.2020) // Ros. gas. 1993. December 25.
2. "Housing Code of the Russian Federation" dated 29.12.2004 N 188-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // SPS Consultant plus.
3. Kovalevskaya, O. Yu. Actual problems of ensuring the rights of citizens in the sphere of "dilapidated" housing stock // Modern problems of economics, management and law: collection of articles. Penza, 2019. P. 89.
4. Decision of the Arbitration Court of Krasnoyarsk Krai in case No. A32–14996/2021 dated 05.2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/YfLsxr72JrUn/> (Accessed: 10.25.2024).

Чернякова Светлана Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юридических дисциплин, Московский университет имени С.Ю. Витте
E-mail: chernaykovas@mail.ru

В статье рассмотрены дефиниции рамочного договора, его правовая природа и основные проблемы, возникающие при его заключении в российском гражданском обороте. Анализируется нормативное регулирование данного института, включая введение в законодательство посредством Федерального закона от 08.03.2015 № 42-ФЗ. Особое внимание уделяется вопросам наличия существенных условий, обязательности заключения последующих сделок, установления цены и срока действия договора. Рассматриваются сложности разграничения рамочного договора со схожими правовыми конструкциями. Анализируется возможность заключения рамочных договоров в сфере государственных закупок. Выявленные проблемные аспекты указывают на необходимость совершенствования законодательного регулирования рамочных договоров.

Ключевые слова: рамочный договор, предварительный договор, существенные условия договора, правоприменение, специальная договорная конструкция.

В сфере правоприменения конструкция рамочного договора является довольно распространённой и актуальной. Рамочный договор выступает эффективным инструментом коммерческой практики, позволяющим сторонам регулировать долгосрочные отношения. Тем не менее, нечеткость законодательных формулировок и противоречивая судебная практика, сформированная в данном сегменте правоотношений, создают ряд проблем при использовании рамочного договора. Недостаточная проработанность теоретических положений осложняет изучение данной конструкции как в теории, так и на практике. В новейшей научной литературе и правоприменительной практике до сих пор не наблюдается единства мнений по вопросам правовой квалификации рамочного договора, его существенных условий, порядка исполнения обязательств и расторжения. В данной связи правовая конструкция рамочного договора нуждается в дополнительном теоретическом анализе [1, с. 65]. Урегулирование отдельных моментов рамочного договора является необходимостью для обеспечения стабильности правоприменения.

Рамочный договор, наряду с публичным договором, договором присоединения, предварительным договором, договором в пользу третьего лица и проч., выступает одной из разновидностей специальных договорных конструкций. Специальная договорная конструкция, согласно И.А. Тюменцеву, представляет собой гражданско-правовую форму выражения нормативной схемы регулирования, созданной «в результате мысленного абстрактного обобщения однородных признаков, находящихся с нею в отношении соответствия конкретных договоров, и содержащая универсальное определение законодательной модели таких договоров» [10, с. 149].

Р.А. Абрамова определяет рамочный договор как механизм фиксации многократных и однородных правоотношений сторон, предполагающий, с одной стороны, гибкость в договорных отношениях, а с другой – предусматривающий некоторые двусторонние обязательства [1, с. 67]. По мнению А.А. Хребтова, ключевой особенностью рамочного договора выступает его ориентированность на многократное выполнение однотипных обязательств на протяжении длительного времени с возможностью изменения и уточнения условий исполнения обязательств сторон. Подобные изменения вносятся посредством заключения отдельных договоров или в форме периодических заявок на выполнение определённых обязательств [11, с. 180].

Рамочный договор, согласно дефиниции А.Н. Левушкина и И.К. Кузьминой, представля-

ет собой «соглашение, в котором описаны лишь общие, основные условия будущего или будущих договоров». Рамочный договор заключается с целью очертить спектр предварительных условий сотрудничества, но с возможностью конкретизировать предмет и точные условия договора позднее [6, с. 114]. А.С. Райников предлагает определять рамочный договор следующим образом: договор, который определяет общие условия взаимоотношений, которые могут быть конкретизированы и уточнены сторонами путем заключения отдельных договоров, подачи заявок или иным образом [9, с. 40].

Т.С. Гудовских представляет следующие параметры рамочного договора: (1) особая цель заключения: создание системы устойчивых правовых связей, взаимоотношений сторон; (2) особые основания возникновения рамочных договоров: в отличие от других договоров, рамочный договор не заключается для совершения одной сделки и предполагает многократное сотрудничество; (3) особая структура договорных связей: центральная часть системы подобных связей формируется посредством рамочного договора; периферия – последующие договоры по конкретным сделкам [3, с. 98].

В отечественный законодательный массив институт рамочных договоров был введен Федеральным законом от 08.03.2015 № 42-ФЗ, посредством которого гражданское законодательство (Гражданский Кодекс) было дополнено ст. 429.1 [1, с. 64]. В рамках данной статьи российский законодатель определил: рамочным признается договор, определяющий для сторон общие условия договорных обязательств, которые могут в дальнейшем конкретизироваться сторонами. При этом, перечень способов конкретизации данных отношений является открытым (заключение отдельных договоров, оформление заявок и т.п.). В ситуации, когда стороны на заключили прочих договоров, их отношения регулируются положениями рамочного договора [7, с. 57].

Л.А. Евченко и Е.В. Ахтямова говорят о том, что рамочный договор как правовая конструкция имеет достаточно нечеткую правовую регламентацию, и положения о рамочном договоре в Гражданском Кодексе сформулированы недостаточно подробно [4, с. 200]. По мнению многих российских исследователей-правоведов, основная особенность рамочного договора является одновременно с этим его главным недостатком. Речь идет об отсутствии четкого перечня условий сотрудничества. Российское законодательство требует, чтобы договор считался заключенным, он должен содержать существенные условия. Подобное противоречие вызывает множество дискуссий как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Отсутствие в тексте договора существенных условий делает договор де юре незаключенным – тогда как большинство рамочных договоров не содержат всех существенных условий и детерминируют лишь общие намерения и принципы взаимодействия сторон. А.А. Хребтов в данной связи

указывает: при возникновении спора суд может признать рамочный договор не имеющим юридической силы. Несмотря на это, даже если суд признает рамочный договор действительным, он может не содержать описание четких обязательств сторон [11, с. 178]. Как показывает реальная практика, это обстоятельство порождает споры по вопросам расторжения рамочного договора: так, одна сторона может настаивать на том, что рамочный договор не является достаточным основанием для возникновения обязательств, в то время как другая будет настаивать на обратном и, к примеру, требовать возмещения убытков. В пользу недействительности рамочного договора, не содержащего всех существенных условий, неоднократно высказывался Верховный суд в своих решениях. Только последующие сделки, основанные на рамочном соглашении и содержащие недостающие условия, делают рамочный договор действительным. Тем не менее, российские суды достаточно часто идут по пути рамочного договора признания заключенным без определения существенных условий, хотя при этом существенные условия должны содержаться в дополнительных соглашениях.

Все вышесказанное приводит к выводу о том, что **рамочный договор должен содержать определенные существенные условия** – это позволит существенно сократить число спорных ситуаций в правоприменительной практике. М.М. Попович и Ю.А. Смирнов выделяют следующие группы существенных условий рамочного договора: (1) предмет договора (сотрудничество сторон в определенной области с последующим заключением основного договора); (2) общие условия основных договоров; (3) условия, определяющие организацию договорных отношений между сторонами; (4) срок действия рамочного договора [8, с. 30].

Указание на **срок действия договора** необходимо в той связи, что рамочное соглашение предусматривает не проведение единократной сделки, а повторяемое взаимодействие сторон в течение продолжительного времени. Следовательно, текст рамочного соглашения должен указывать, в течение какого срока будут продолжаться отношения между сторонами. При этом фиксация конкретного срока не всегда возможна в каждом из случаев; к примеру, можно указать в качестве срока действия рамочного договора период, в течение которого должен быть заключен основной договор.

Еще одним проблемным аспектом в функционировании института рамочных соглашений выступает **установление цены**. Рамочное соглашение не может содержать указания на фиксированную цену поставки, так как подобную функцию выполняет договор поставки или купли-продажи. С другой стороны, рамочный договор должен определять, на каких финансовых условиях будет базироваться взаимодействие сторон. Следует согласиться с тезисом, который высказывает А.Н. Левушкин с соавт.: если речь идет о поставке сырья или продукции, в рамочном договоре должен быть указан механизм формирования конечной цены [6, с. 118].

Речь идет о том, что рамочное соглашение должно содержать в себе описание того алгоритма и тех компонентов, которые формируют цены на тот или иной продукт/услугу. В таком случае ни одна из сторон не сможет злоупотребить условиями рамочного соглашения и устанавливать в произвольном порядке выгодную ей цену.

Помимо прочего, следует рассмотреть вопрос о том, **должен ли рамочный договор возлагать на стороны обязательство по заключению отдельных договоров**, направленных на реализацию сотрудничества. С одной стороны, если опираться на законодательные положения, можно сказать, что в законодательстве нет прямых директивных положений, обязывающих стороны заключать отдельные договоры. С другой стороны, гражданское законодательство в отдельных случаях предписывает развивать рамочное соглашение конкретными договорными конструкциями. Речь идет о следующих договорах:

(1) договоры об организации перевозок грузов. В частности, согласно п. 2 ст. 68 Кодекса Внутреннего водного транспорта Российской Федерации перевозка груза в определенном рейсе осуществляется не в соответствии с договором об организации перевозки грузов, а на основе отдельного договора перевозки груза. Схожий подход можно встретить в области организации железнодорожного транспорта;

(2) договоры об открытии безотзывной кредитной линии (Приложение 1 к приказу Банка России «О предоставлении кредитов Банка России в рамках договоров об открытии безотзывной кредитной линии» от 30 ноября 2015 г. № ОД-3381);

(3) договоры об открытии кредитной линии между банком и заемщиком.

Можно предположить, что по мере эволюции правоотношений, в условиях цифровизации и нарастания доли трансграничных правоотношений данный перечень будет существенно расширен.

Таким образом, российское законодательство не обязывает стороны заключать договоры во исполнение рамочного соглашения. Несмотря на вышесказанное, существует и иная точка зрения: так как рамочный договор не всегда устанавливает конкретные обязательства сторон, возникает вопрос о его принудительном исполнении. Судебная практика неоднозначна в вопросе квалификации таких договоров: если он содержит элементы предварительного договора, суд может признать обязанность заключения основного договора обязательной. М.М. Попович говорит о том, что каждый раз суду приходится принимать решение о сущности рамочного соглашения: «возможно ли его исполнение без уточнений оставленных открытыми вопросов (имущественный характер) или же договор не предполагает установление исполнения обязательства до момента заключения отдельных соглашений (организационный характер)» [8, с. 29].

Среди иных дискуссионных аспектов рассматриваемого нами сегмента правоотношений можно

выделить **схожесть рамочного договора с иными правовыми конструкциями**. Тае, рамочный договор часто сравнивается с предварительным договором (ст. 429 ГК РФ) и соглашением о намерениях (ст. 434.1 ГК РФ). Тем не менее, рамочный договор не накладывает на стороны обязательств по заключению последующих сделок, а лишь определяет их возможные условия, что делает взаимоотношения, возникающие в связи с ними, менее регламентируемыми.

В.Е. Калашникова пишет о том, что важным фактором, отличающим предварительный договор от рамочного, выступают интересы сторон, которые отражаются в договоре. В рамках рамочного договора условия и интересы сторон обозначены более четко, тогда как при заключении предварительного договора согласие об условиях сотрудничества еще не достигнуто в полной мере [5, с. 389]. Кроме того, предварительный договор является видом гражданско-правового договора, которому присущи все признаки договоров, а рамочный договор – особая конструкция, появление которой обусловлено практикой заключения договоров с открытыми условиями [5, с. 389].

В реальной практике страны **могут оформить рамочный договор – договор, формально именуемый рамочным, но по своей правовой природе он фактически будет являться предварительным**. Это может привести к правовой неопределенности и потенциальным рискам для обеих сторон. Если рамочный договор по факту содержит все существенные условия основного договора и фиксирует обязательство заключить его в будущем, суд может переqualифицировать его в предварительный. Кроме того, судебная практика показывает, что если в документе прямо закреплено обязательство заключить конкретные сделки в будущем, он может быть переqualифицирован.

Отметим также проблему терминологического характера: нечеткость формулировок ст. 429.1 ГК РФ приводит в ряде случаев к смешению понятий «рамочный договор» и «договор с открытыми условиями». Возможно, для устранения этого противоречия следует уточнить понятия и содержание данных договоров посредством введения двух самостоятельных статей.

Наконец, следует рассмотреть проблемы заключения рамочных соглашений в определенных контекстах. В современной юридической периодике часто обсуждается вопрос о **заключении рамочного договора в области государственных закупок**. Как отмечено выше, рамочный договор может не содержать условия о предмете договора с указанием количества поставляемого товара, объема выполняемых работ, оказываемых услуг, о месте поставки товара, выполнения работ, оказания услуг, о цене. Следовательно, рамочный договор не содержит обязательных условий, требование о наличии которых установлено Законом о закупках. Таким образом, изначально считалось, что заключение рамочных договоров в области заку-

пок не представляется возможным. Позднее стали высказываться мнения о том, что заказчик, являющийся субъектом регулирования Закона № 223-ФЗ о закупках, вправе заключить рамочный договор, поскольку данное право зафиксировано за ним в положениях Гражданского кодекса РФ, Гражданское законодательство является базисом для реализации положений законодательства о закупках [2, с. 45]. С этой точки зрения заключение рамочного договора возможно и в области госзакупок.

Таким образом, проведенное исследование позволяет заключить:

1. Рамочный договор – это специальная договорная конструкция, введенная для фиксации многократных и однородных правоотношений сторон на протяжении длительного времени с возможностью изменения и уточнения условий путем заключения отдельных договоров, подачи заявок или иным образом.
2. В теории и практике применения рамочных договоров существует ряд проблемных аспектов и противоречий, среди которых можно выделить следующие:
 - Отсутствие в тексте рамочного договора существенных условий позволяет считать его незаключенным, но, при этом, законодатель не обязывает указывать в нем все существенные условия;
 - Нечеткость формулировок о том, должен ли рамочный договор возлагать на стороны обязательство по заключению отдельных договоров, направленных на реализацию сотрудничества.
 - Схожесть и смешение рамочного договора с иными правовыми конструкциями.
 - Вопросы заключения рамочного договора в области государственных закупок.

Литература

1. Абрамова, Р.А. Рамочный договор: правовая природа, механизм правоприменения / Р.А. Абрамова // Символ науки. – 2023. – № 6–2. – С. 64–68.
2. Абрамова, Р.А. Рамочный договор в рамках 223-ФЗ: можно или нельзя / Р.А. Абрамова // Символ науки. – 2022. – № 12–1. – С. 43–46.
3. Гудовских, Т.С. Правовая природа рамочного договора / Т.С. Гудовских // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 8 (93). – С. 94–99.
4. Евченко, Л.А. Проблемные аспекты некоторых специальных договорных конструкций / Л.А. Евченко, Е.В. Ахтямова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2021. – № 4–3. – С. 198–201.
5. Калашникова, В.Е. Соотношение рамочного договора и предварительного договора / В.Е. Калашникова // Бюллетень науки и практики. – 2018. – № 11. – С. 387–391.
6. Левушкин, А.Н. Рамочный договор: правовая природа и проблемы правоприменения в пред-

принимательской деятельности / А.Н. Левушкин, И.К. Кузьмина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. – 2020. – № 3. – С. 112–122.

7. Матвеева, Е.Ю. Рамочный договор как специальная договорная конструкция / Е.Ю. Матвеева // Юридическая наука. – 2022. – № 7. – С. 57–62.
8. Попович, М.М. Проблемы применения рамочных договоров / М.М. Попович, Ю.А. Смирнов // *Ius Publicum et Privatum*. – 2020. – № 3(8). – С. 27–31.
9. Райников, А.С. Проблемы применения рамочных договоров (договоров с открытыми условиями) / А.С. Райников // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3. – С. 37–46.
10. Тюменцев, И.А. Правовая природа опциона на заключение договора: аспекты нормативного определения / И.А. Тюменцев // Юридическая наука. – 2023. – № 12. – С. 146–151.
11. Хребтов, А.А. Рамочный договор: правовые проблемы / А.А. Хребтов // Молодой ученый. – 2024. – № 38 (537). – С. 177–181.

PROBLEM ASPECTS IN THE FUNCTIONING OF FRAMEWORK AGREEMENTS

Chernyakova S.A.

Moscow University named after S. Yu. Witte

The article presents the definitions of a framework agreement, its legal nature and the main problems arising in connection with it in Russian civil circulation. The regulatory framework of this institution is analyzed, including its introduction into legislation by Federal Law No. 42-FZ of 08.03.2015. Particular attention is paid to the issues of the presence of essential conditions, the mandatory nature of subsequent transactions, setting the price and term of the agreement. The difficulties of distinguishing a framework agreement from similar legal structures are considered. The possibility of concluding framework agreements in the field of public procurement is analyzed. The identified issues indicate the need to improve the legislative regulation of framework agreements.

Keywords: framework agreement, preliminary agreement, essential terms of the agreement, law enforcement, special contractual structure.

References

1. Abramova, R.A. Framework agreement: legal nature, law enforcement mechanism / R.A. Abramova // *Symbol of science*. – 2023. – No. 6–2. – P. 64–68.
2. Abramova, R.A. Framework agreement within the framework of 223-FZ: possible or not / R.A. Abramova // *Symbol of science*. – 2022. – No. 12–1. – P. 43–46.
3. Gudovskikh, T.S. Legal nature of the framework agreement / T.S. Gudovskikh // *Actual problems of Russian law*. – 2018. – No. 8 (93). – P. 94–99.
4. Evchenko, L.A. Problematic aspects of some special contractual structures / L.A. Evchenko, E.V. Akhtyamova // *International journal of humanitarian and natural sciences*. – 2021. – No. 4–3. – P. 198–201.
5. Kalashnikova, V.E. The relationship between a framework agreement and a preliminary agreement / V.E. Kalashnikova // *Bulletin of Science and Practice*. – 2018. – No. 11. – P. 387–391.
6. Levushkin, A.N. Framework agreement: legal nature and problems of law enforcement in entrepreneurial activity / A.N. Levushkin, I.K. Kuzmina // *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Jurisprudence*. – 2020. – No. 3. – P. 112–122.

7. Matveeva, E. Yu. Framework agreement as a special contractual structure / E. Yu. Matveeva // Legal science. – 2022. – № 7. – P. 57–62.
8. Popovich, M.M. Problems of application of framework agreements / M.M. Popovich, Yu.A. Smirnov // Ius Publicum et Privatum. – 2020. – No. 3 (8). – P. 27–31.
9. Raynikov, A.S. Problems of application of framework agreements (agreements with open terms) / A.S. Raynikov // Siberian Legal Bulletin. – 2018. – No. 3. – P. 37–46.
10. Tyumentsev, I.A. Legal nature of the option to conclude an agreement: aspects of the normative definition / I.A. Tyumentsev // Legal Science. – 2023. – No. 12. – P. 146–151.
11. Khrebtov, A.A. Framework agreement: legal problems / A.A. Khrebtov // Young scientist. – 2024. – No. 38 (537). – P. 177–181.

Чулакова Ольга Юрьевна,

заместитель директора Правового департамента
Министерства здравоохранения Российской Федерации,
соискатель ученой степени кандидата юридических
наук кафедры гражданского права Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: olyapik@mail.ru

В статье рассмотрено понятие технологии в праве России. Технологический трансфер как процесс, не имеющий на текущий момент в Российской Федерации специального регулирования, регламентирован разрозненными нормами отдельных законов, относящимися к различным отраслям права. Частноправовое регулирование технологии сегодня ограничено и осуществляется лишь через установление взаимосвязи между процессом передачи технологии и интеллектуальной собственностью, а также через возможность применения к отношениям, складывающимся между участниками трансфера технологий, существующих договорных конструкций. При этом актуальность вопроса обусловлена уже самим тем обстоятельством, что развитие и постоянное внедрение технологий неизбежно влияет на жизнь как граждан России, так и других государств. Поскольку все больше и больше технологий влияют на нашу жизнь, расширяется и количество аспектов нашей жизни, которые следует учитывать в процессах технологического развития. Отмечаются разрозненность норм, которыми в настоящее время в Российской Федерации осуществляется правовое регулирование базовых, фундаментальных понятий, необходимых для функционирования трансфера технологий, отсутствие должного развития понятийного аппарата. Важность выработки единого подхода к пониманию обусловлена также и практической составляющей вопроса, поскольку от этого зависит то, посредством совершения каких сделок может осуществляться реализация субъектами технологического трансфера их прав и обязанностей.

Ключевые слова: технология, исключительные права, интеллектуальная собственность, результаты интеллектуальной деятельности, технологическая политика, передача технологии.

В литературе неоднократно отмечалось отставание правового регулирования от изменений, происходящих в социально-экономической среде, связанных в том числе с очень быстрым развитием и внедрением технологий [2], при этом такая проблема возникает во всех без исключения странах, поскольку право предполагает стабильность, предсказуемость, четкость и определенность, а развитие (как в целом, так и развитие технологий в частности) предполагает постоянное изменение.

Отдельные зарубежные исследователи указывают на то, что отчетливое разграничение между правом и технологией в настоящее время не существует, поскольку научные концепции проникли в правовые категории, чем вызвали необходимость изменения понимания даже классических юридических терминов, таких как автономия и неприкосновенность частной жизни [9]. Изучение многочисленных аспектов взаимодействия между правом и технологиями, все большее влияние технологий на формирование правовых норм и концепций вызывает множество вопросов, например: способно ли законодательство определить столь необходимый баланс между технологиями как объектом регулирования и технологиями как движущей силой регулирования? Может ли право наряду с технологиями быть предметом содержательных дискуссий, выходящих за рамки либо доктринальных, либо технологических категорий? Должен ли быть разработан единый правовой акт, своего рода технологический кодекс, с учетом того, что вопрос правового регулирования технологии не может рассматриваться лишь через призму инженерии?

Технологический трансфер как процесс, не имеющий на текущий момент в Российской Федерации специального правового регулирования, регламентирован законодателем посредством разрозненных норм отдельных законов. Несмотря на то, что представляется затруднительным утверждать, что правовое регулирование трансфера технологий относится исключительно к сфере действия частного права, необходимо признать, что оно должно играть едва ли не главную роль. В то же время необходимо отметить, что рассматриваемый вопрос наглядным образом демонстрирует внешний аспект цивилистической системности, когда речь идет о межотраслевых связях гражданского права [7, с. 438].

Тем не менее, частноправовое регулирование технологии сегодня ограничено и осуществляется через два основных направления: через взаимосвязь между технологиями (передачей технологий) и интеллектуальной собственностью и через воз-

возможность применения к отношениям, складывающимся между участниками процесса передачи технологий, существующих договорных конструкций.

Применительно к взаимосвязи технологии (передачи технологии) и интеллектуальной собственности необходимо отметить, что эта связь отмечается во многих зарубежных исследованиях, поскольку с точки зрения частного права наиболее значительные изменения в структуре управления научными исследованиями были связаны с передачей технологий на основе патентов и лицензирования, что к концу 1990-х годов во всех европейских странах и США стало третьей основной задачей университетов, наряду с исследовательской и преподавательской деятельностью¹.

В Российской Федерации с учетом исключения из части четвертой Гражданского кодекса положений о единой технологии (подробнее будет рассмотрено ниже) и отсутствия единого понимания технологии как предмета для частноправового регулирования одной из задач видится выработка такого понимания. Вопрос представляет особую актуальность, однако является недостаточно исследованным [3], [8].

Само понятие «технология» сегодня понимается по-разному. Так, с 2014 года в России действует Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации»², в котором впервые законодательно было определено понятие «технология». Согласно этому определению указанный термин означает комплекс результатов интеллектуальной деятельности, представленный в объективной форме. Такой комплекс РИД понимается законодателем как возможная технологическая основа для создания определенных видов промышленной продукции и должен включать в себя различные результаты интеллектуальной деятельно-

сти, предусмотренные гражданским законодательством³.

При этом указанное понятие не фигурирует в Гражданском кодексе Российской Федерации, в пункте 1 статьи 769 которого законодатель лишь устанавливает, что новая технология может быть создана на основании договора на выполнение опытно-конструкторских и технологических работ.

Как было отмечено выше, гражданское законодательство претерпело в указанной части определенные изменения, связанные с признанием утратившими силу норм, которые ранее регулировали понятие единой технологии⁴. Исключение из части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации упомянутой выше главы 77 было обосновано при внесении изменений в гражданское законодательство тем, что единая технология, по мнению авторов законопроекта, всегда рассматривалась не как самостоятельный объект интеллектуальных прав, а лишь как сложный научно-технический результат, состоящий из других объектов исключительных прав, в связи с чем было

³ Согласно пункту 20 статьи 1 Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О промышленной политике в Российской Федерации» технология – совокупность выраженных в объективной форме результатов интеллектуальной деятельности, которая может служить технологической основой для производства промышленной продукции определенного вида и включает в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для электронных вычислительных машин либо другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране в соответствии с разделом VII Гражданского кодекса Российской Федерации, и результаты интеллектуальной деятельности, не подлежащие правовой охране в соответствии с разделом VII Гражданского кодекса Российской Федерации, в том числе технические данные и другую информацию.

⁴ До 01.01.2022 в Гражданском кодексе Российской Федерации существовала глава 77, положениями которой было урегулировано право использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии, под которой в соответствии с пунктом 1 статьи 1542 понимался выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, который включает в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ или другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране в соответствии с правилами настоящего раздела, и может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере. В развитие указанных положений части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации был также издан Федеральный закон от 25.12.2008 № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии», которым регулировались отношения по распоряжению правами на единые технологии гражданского, военного, специального или двойного назначения, которые принадлежат Российской Федерации или субъекту Российской Федерации либо совместно Российской Федерации или субъекту Российской Федерации и иным лицам, путем их передачи на основе проведения конкурсов или аукционов, а также порядок передачи прав на единые технологии без проведения конкурсов или аукционов. Глава 77 признана утратившей силу с 01.01.2022 Федеральным законом от 22.12.2020 № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 22.12.2020. Федеральный закон от 25.12.2008 № 284-ФЗ «О передаче прав на единые технологии» также утратил силу с 01.01.2022 // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008, № 52 (ч. 1), ст. 6239.

¹ Например, в США технологический брокеридж получил развитие в 80-е годы XX века, когда необходимо было активизировать технологические разработки и выстроить так называемый трансферный мост, в связи с чем были произведены определенные изменения в системе управления трансфером инноваций, в том числе в его правовом регулировании (была принята целая серия законов). Наибольшее значение в ходе решения этой задачи по выстраиванию устойчивых взаимоотношений между высшими научными заведениями и научными организациями США и предприятиями различных отраслей промышленности имело принятие в 1980 году так называемого Закона о внесении поправок в законодательство о патентах и товарных знаках, более известного как Закон Бэй-Доула (BDA-1980). До принятия этого нормативного акта федеральное правительство владело правами на любое научное открытие, в отношении которого мог быть зарегистрирован патент, если таковое было сделано в результате исследований, проведенных на федеральные деньги. Как указывается в литературе, к 1980 году оно накопило 28 000 патентов, менее 5% из которых были коммерчески лицензированы. Закон Бэй-Доула передал федеральные права на патенты и открытия университетам, что позволило последним самостоятельно определять их правовую судьбу, в том числе возможность сохранить права только у себя, либо передать третьим лицам, либо разделить права с другими участниками технологического трансфера. Аналогичная ситуация имела место и в европейских странах.

² Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «О промышленной политике в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 31.12.2014.

указано, что целесообразно поместить нормы, посвященные регулированию отношений в сфере их создания, среди близких к ним положений главы 38 «Выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ» Гражданского кодекса Российской Федерации, что и предлагалось сделать при внесении на рассмотрение Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации законопроекта № 47538–6¹.

Однако фактически положения главы 38 Гражданского кодекса Российской Федерации были уточнены лишь путем изложения в новой редакции части первой статьи 778, согласно которой к договорам на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ применяются положения параграфа 1 главы 37 Гражданского кодекса Российской Федерации, если это не противоречит правилам главы 38, а также особенностям предмета договоров на выполнение научно-исследовательских, опытно-конструкторских и технологических работ. К последствиям неявки заказчика за получением результатов таких работ применяются правила статьи 738 Гражданского кодекса Российской Федерации. Все остальные положения, ранее существовавшие в главе 77 Гражданского кодекса Российской Федерации, сохранены не были.

Таким образом, определение понятия «единая технология» было исключено из законодательства, а термин, альтернативный по широте возможного применения (принимая во внимание то, что указанное понятие охватывало даже те результаты интеллектуальной деятельности, которым государство не предоставляет правовую охрану, но которые позволяют говорить о наличии единства взаимосвязанных элементов), взамен введен не был. Как справедливо отмечается в литературе, возможность создания какого-либо товара находится во все уменьшающейся зависимости от наличия у лица соответствующего оборудования и, напротив, все больше связывается с наличием у производителя необходимой технологии. С учетом этого будущее связывается именно с передачей технологий как готовых к использованию, или пакетных, предложений [5, с. 117].

Между тем иной подход, самый актуальный в настоящее время изложен в определении, которое дано в пункте 15 статьи 3 Федерального закона от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»², согласно которому тех-

нология представляется собой совокупность научно и практически обоснованных методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации в целях производства одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг. Примечательно, что указанным Федеральным законом не предполагается внесение изменений в Федеральный закон «О промышленной политике в Российской Федерации».

Анализ приведенного определения позволяет указать на использование в нем таких общенаучных терминов, как метод, средство и процесс. Метод (от греч. *methodos* – путь исследования или познания, теория, учение) с точки зрения философии предполагает не само знание, а способ его получения, определенный план действий, необходимый для получения результата в виде знания. В толковом словаре Ожегова С.И. слово «метод» определено как способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь, а также как способ действовать, поступать каким-нибудь образом, прием. Термин «средство» также определяется в словаре как прием, способ действия для достижения чего-нибудь, а также как орудие (предмет, совокупность приспособлений) для осуществления какой-нибудь деятельности. Термины «операции» и «процессы» также предполагают наличие определенных приемов, действий, работ для достижения определенного результата³.

Использование приведенных понятий при определении термина «технология» связано с тем, что законодатель отошел от принятого ранее представления о нем и представил на правовом уровне иное толкование сущности и отличительных признаков технологии: взаимосвязь с назначением – преобразование энергии, вещества, информации и цель – производство одного или нескольких видов продукции, выполнения работ, оказания услуг.

Прототипом рассматриваемого определения можно считать предусмотренное разделом 3 Стандарта Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0–2014⁴ определение технологии как совокупности взаимосвязанных методов, способов, приемов предметной деятельности.

Таким образом, в настоящее время существует два законодательно закрепленных разных по смысловому наполнению определения рассма-

¹ См. Проект Федерального закона № 47538–6/13 «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество» (СОЗД ГАС «Законотворчество»). <https://sozd.duma.gov.ru/bill/47538-6>

² Федеральный закон от 28.12.2024 № 523-ФЗ «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации

<http://pravo.gov.ru>, 28.12.2024. В соответствии со статьей 30 указанного закона он вступает в силу по истечении ста восьмидесяти дней после дня его официального опубликования.

³ Согласно толковому словарю Ожегова С.И. операция – это отдельное действие в ряду других подобных; процесс – ход, развитие какого-нибудь явления, последовательная смена состояний в развитии чего-нибудь.

⁴ Стандарт Банка России «Обеспечение информационной безопасности организаций банковской системы Российской Федерации. Общие положения» СТО БР ИББС-1.0–2014 (принят и введен в действие Распоряжением Банка России от 17.05.2014 № Р-399) // Вестник Банка России, № 48–49, 30.05.2014.

триваемого термина, однако гораздо больше подходов можно найти в иных правовых актах.

Так, термин «технология» определяется в национальном стандарте ГОСТ Р 57194.1–2016¹. Анализ определения, приведенного в национальном стандарте, позволяет сделать вывод, что понятие «технология» определено в нем идентично тому, как ранее определялось в главе 77 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации понятие «единая технология», под которым, как было указано выше, в обязательном порядке понимался комплекс разных результатов интеллектуальной деятельности, при этом представляется, что, несмотря на обоснование, содержащееся в пояснительной записке к проекту Федерального закона, которым в часть четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации были внесены изменения, единство технологии как признак предполагало, что комплексный объект, сочетающий в себе несколько других, становится новым единым объектом исключительных прав.

В приведенном в национальном стандарте определении используется сразу несколько понятий, являющихся неконкретными, в том числе в силу того, что они не определены законодательством. Так, понятие технологической основы хотя и используется в разных нормативных правовых актах, в том числе применительно к достижению технологического суверенитета страны, однако не определено законом. В литературе отмечается, что технологическая основа может пониматься как комплекс способов, приемов той технологии, результаты от использования которой должны обладать теоретической базой, пригодной к использованию на практике [6, с. 48–52]. Еще одно понятие – объективная форма, в которой должен быть выражен результат интеллектуальной деятельности, при этом формы объективации законодательством прямо не определены. По мнению ряда авторов, вне зависимости от того, что законодательство не устанавливает таких норм, объективация означает, что в состав технологии в качестве отдельных элементов включаются различные результаты интеллектуальной деятельности, каждый из которых имеет свои формы выражения. Например, результаты интеллектуальной деятельности, относящиеся к объектам авторских прав, мо-

гут быть выражены в письменной форме, в форме изображения, в форме звуко- или видеозаписи, в объемно-пространственной форме (п. 3 ст. 1259 ГК РФ). Результаты интеллектуальной деятельности, относящиеся к объектам патентно-правовой охраны, помимо их описаний, могут быть выражены в формах устройств (конструкций, изделий), веществ, штаммов микроорганизмов, культур клеток растений или животных, процессов осуществления действий над материальными объектами с помощью материальных средств. Секреты производства могут предусматриваться в документах, содержащих сведения, которые являются коммерческой тайной [1].

Определение технологии в поименованном выше ГОСТ предлагает нам использовать также смежное с понятием «технология» понятие научно-технической деятельности, под которой в соответствии с абзацем пятым статьи 2 Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» понимается деятельность, направленная на получение, применение новых знаний для решения технологических, инженерных, экономических, социальных, гуманитарных и иных проблем, обеспечения функционирования науки, техники и производства как единой системы.

Комплексный анализ приведенных терминов свидетельствует о том, что ГОСТ фактически определяет технологию как новое знание, выраженное в объективной форме. При этом достаточно прочной является связь понятия «технология» и понятия «объект исключительных прав».

В примечании 6 к списку микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 16.07.2022 № 1287, технология определяется как специальная информация, необходимая для разработки, производства или использования контролируемой продукции. Передача специальной информации может производиться в форме передачи технических данных или оказания технической помощи². Это еще одно понимание рассматриваемого термина, отличающееся от поименованных выше. Информация в понимании законодателя представляет собой сведения, выраженные в любой форме. Иными словами, технология в том понимании, которое содержится в указанном постановлении, представляет собой определенного рода сведения.

В ранее действовавших правовых актах технология также определялась как определенное знание, информация, сведения. Так, в соответствии с разделом 5 Списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю, утвержденному Указом Президента

¹ Согласно пункту 3.9 ГОСТ Р 57194.1–2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Трансфер технологий. Общие положения» технология представляет собой выраженный в объективной форме результат научно-технической деятельности, который включает в себя в том или ином сочетании изобретения, полезные модели, промышленные образцы, программы для ЭВМ или другие результаты интеллектуальной деятельности, подлежащие правовой охране в соответствии с действующим законодательством, и может служить технологической основой определенной практической деятельности в гражданской или военной сфере (включает в себя методы и технику производства товаров и услуг, а также их практическую реализацию в виде технологических процессов, организационных и технических систем). ГОСТ Р 57194.1–2016 «Национальный стандарт Российской Федерации. Трансфер технологий. Общие положения» (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 31.10.2016 № 1542-ст) // М.: Стандартиформ, 2016.

² Постановление Правительства РФ от 16.07.2022 № 1287 (ред. от 13.12.2023) «Об утверждении списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 19.07.2022.

Российской Федерации от 20.08.2007 № 1083¹, технология – специальная информация, необходимая для разработки, производства или использования контролируемой продукции.

Согласно разделу 1 федеральной целевой программы «Национальная технологическая база», которая была принята на период с 2007 по 2011 годы², технология представляет собой совокупность научно-технических знаний, процессов, материалов и оборудования, которые могут быть использованы при разработке, производстве или эксплуатации продукции. Определение является очень общим, указание на наличие в составе технологии результатов интеллектуальной деятельности не содержит. Однако ценным представляется использование в указанном определении термина «знание», означающего результаты познания, научные сведения либо совокупность сведений в какой-нибудь области.

Следует отметить, что в законодательстве есть еще одно понятие, которое по смысловому наполнению близко к понятию «технология» – это понятие «научный и (или) научно-технический результат», под которым согласно абзацу восьмому статьи 2 Федерального закона от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике»³ понимается продукт научной и (или) научно-технической деятельности, содержащий новые знания или решения и зафиксированный на любом информационном носителе. Указанным федеральным законом введено также понятие «научная и (или) научно-техническая продукция», определяемое как научный и (или) научно-технический результат, в том числе результат интеллектуальной деятельности, предназначенный для реализации. Все приведенные выше понятия, непосредственно связанные с понятием технологии, требуют отдельного исследования применительно к анализу правовых форм реализации трансфера технологий.

Для расширения представления о различном понимании термина «технология» необходимо отметить, что, например, в Рекомендации ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников», принятой в г. Париже 20.11.1974 на 18-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО, слово «технология» понимается как знания, которые относятся непосредственно к производству или улуч-

шению качества товаров и услуг⁴. В соответствии со статьей 2 Модельного закона об инновационной деятельности, принятого в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27–16 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, технология понимается как способ производства⁵. В соответствии с пунктом 8 статьи 5 приложения III «Основные условия поиска, разведки и разработки» к Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву технология означает специализированное оборудование и техническое «ноу-хау», в том числе справочники, чертежи, инструкции по эксплуатации, подготовку кадров и технические консультации и помощь, необходимые для монтажа, обслуживания и эксплуатации жизнеспособной системы, и юридическое право на использование этого в таких целях на неисключительной основе⁶.

Стоит внимательно отнестись к мнению тех авторов, которые считают приведенные выше определения несовершенными как не содержащие четкого указания на результаты интеллектуальной деятельности. Как справедливо указывает А.В. Латынцев, при отсутствии этой составляющей невозможно говорить о правовых последствиях для сторон возникающих при трансфере технологий правоотношений [4, с. 62–69].

Таким образом, подтверждается довод о разрозненности норм, которыми в настоящее время в Российской Федерации осуществляется правовое регулирование базовых, фундаментальных понятий, необходимых для функционирования трансфера технологий. При этом совершенно точно можно констатировать отсутствие должного развития понятийного аппарата. Понимание технологии одновременно как методов, средств, операций и (или) процессов, необходимых для преобразования энергии, вещества, информации, как объекта исключительных прав, как информации, как совокупности научно-технических знаний, процессов, материалов и оборудования, как результата научно-технической деятельности говорит о существовании правовой неоднозначности действующих определений, а также о наличии несогласованности правовых норм.

⁴ Рекомендация ЮНЕСКО «О статусе научно-исследовательских работников» (Вместе с «Международными актами и другими документами, касающимися трудящихся в целом или научно-исследовательских работников в частности») (Принята в г. Париже 20.11.1974 на 18-ой сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО) // Международные нормативные акты ЮНЕСКО. М.: Логос, 1993. С. 199–213.

⁵ Модельный закон об инновационной деятельности (Принят в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006 Постановлением 27–16 на 27-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. 2007. № 39 (часть 2). С. 371–427.

⁶ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву (UNCLOS) (заключена в г. Монтего-Бее 10.12.1982) (с изм. от 23.07.1994) Документ ратифицирован Федеральным законом от 26.02.1997 № 30-ФЗ с заявлением и вступил в силу для России 11.04.1997 // Собрание законодательства РФ, 01.12.1997, № 48, ст. 5493.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 20.08.2007 № 1083 «Об утверждении Списка микроорганизмов, токсинов, оборудования и технологий, подлежащих экспортному контролю» // Собрание законодательства Российской Федерации, 27.08.2007, № 35, ст. 4288. Документ утратил силу в связи с изданием Постановления Правительства РФ от 16.07.2022 № 1287, вступившего в силу со дня официального опубликования (опубликовано на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> – 19.07.2022).

² Постановление Правительства РФ от 29.01.2007 № 54 «О федеральной целевой программе «Национальная технологическая база» на 2007–2011 годы» // Собрание законодательства Российской Федерации, 12.02.2007, № 7, ст. 883.

³ Федеральный закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» (ред. от 24.07.2023) // Собрание законодательства РФ, 26.08.1996, № 35, ст. 4137.

Важность выработки единого подхода к пониманию обусловлена также и практической составляющей вопроса, поскольку от этого зависит то, посредством совершения каких сделок может осуществляться реализация субъектами технологического трансфера их прав и обязанностей.

Литература

1. Городов О.А. Правовая охрана и использование единых технологий, созданных за счет или с привлечением бюджетных средств: Монография. М., 2010.
2. Зеновина В. Право в эпоху высоких технологий – поддержка или препятствие? // Право в эпоху высоких технологий – поддержка или препятствие? Аналитические статьи: ГАРАНТ. РУ. [https://www.garant.ru/article/1150009/?ysclid=m4mp20_bo8d806161830] (Проверено 13.12.2024).
3. Козлова Е.Б. Дефекты правового регулирования договорных отношений в сфере трансфера технологий // Цивилист. 2024. № 4. С. 44–53.
4. Латынцев А.В. Предложения по определению термина «трансфер технологии» // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 62–69.
5. Лисаченко А.В. Право на единую технологию как интеллектуальное право будущего // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 117.
6. Мазур Е.А. Понятие единой технологии // Юридический мир. 2011. № 2. С. 48–52.
7. Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М.Ю. Чельшева). Отв. ред. Д.Х. Валеев. М.: Статут, 2021.
8. Родионова О.М. Правовое определение и регулирование технологического посредничества в России и за рубежом // Хозяйство и право. 2024. № 6. С. 42–53.
9. What if technologies shaped the law? [<https://epthinktank.eu/2018/06/08/what-if-technologies-shaped-the-law-science-and-technology-podcast/>] (Проверено 23.12.2024).

THE CONCEPT OF TECHNOLOGY IN RUSSIAN LAW

Chulakova O.Yu.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the concept of technology in Russian law. Technological transfer as a process that currently has no special regulation in the Russian Federation is regulated by disparate norms of individual laws related to various branches of law. Private law regulation of technology is limited today and is carried out only through the establishment of a relationship between the process of technology transfer and intellectual property, as well as through the possibility of applying existing contractual structures to the relations between technology transfer participants. At the same time, the urgency of the issue is due to the very fact that the development and constant introduction of technology inevitably affects the lives of both citizens of Russia and other countries. As more and more technologies affect our lives, the number of aspects of our lives that should be taken into account in the processes of technological development is expanding. The authors note the disparity of the norms that currently govern the legal regulation of basic, fundamental concepts necessary for the functioning of technology transfer in the Russian Federation, and the lack of proper development of the conceptual framework. The importance of developing a unified approach to understanding is also due to the practical component of the issue, since it depends on which transactions the subjects of technological transfer can implement their rights and obligations.

Keywords: technology, exclusive rights, intellectual property, results of intellectual activity, technological policy, technology transfer.

References

1. Gorodov O.A. Legal protection and use of unified technologies created at the expense or with the involvement of budgetary funds: Monograph. Moscow, 2010.
2. Zenovina V. Law in the era of high technologies – support or obstacle? // Law in the age of high technology – support or obstacle? Analytical articles: <url> [https://www.garant.ru/article/1150009/?ysclid=m4mp20_bo8d806161830] (Verified on 12/13/2024).
3. Kozlova E.B. Defects in the legal regulation of contractual relations in the field of technology transfer // Civilist. 2024. № 4. pp. 44–53.
4. Latyntsev A.V. Proposals on the definition of the term “technology transfer” // Journal of Russian Law. 2017. No. 4. pp. 62–69.
5. Lisachenko A.V. The right to unified technology as the intellectual right of the future // Russian Law Journal. 2021. No. 4. P. 117.
6. Mazur E.A. The concept of unified technology // The Legal world. 2011. No. 2. pp. 48–52.
7. Intersectoral relations of civil law (on the 50th anniversary of the birth of Doctor of Law, Professor M.Y. Chelyshev). Ed. by D.H. Valeev, Moscow: Statute, 2021.
8. Rodionova O.M. Legal definition and regulation of technological intermediation in Russia and abroad // Economy and law. 2024. No. 6. pp. 42–53.
9. What if technologies shaped the law? [<https://epthinktank.eu/2018/06/08/what-if-technologies-shaped-the-law-science-and-technology-podcast/>] (Проверено 23.12.2024).

Этические и правовые аспекты использования синтетических данных в обучении искусственного интеллекта

Чумаченко Василий Андреевич,

аспирант Санкт-Петербургского государственного университета
E-mail: chumach1999@mail.ru

В статье рассматриваются особенности регулирования искусственного интеллекта (ИИ) и его обучения на синтетических данных. Анализируются существующие правовые акты, в том числе российские и европейские нормы, и выявляется недостаточность правового регулирования в области синтетических данных. Особое внимание уделяется рискам, связанным с дискриминацией и предвзятостью алгоритмов ИИ, возникающим в процессе автоматизированного принятия решений. Рассматриваются примеры некорректного использования ИИ, включая дискриминационные практики в сфере трудоустройства. Авторы подчеркивают необходимость создания комплексной нормативно-правовой базы, включающей четкое определение синтетических данных, требования к прозрачности алгоритмов, меры по предотвращению дискриминации и механизмы ответственности разработчиков. Предлагаемые меры направлены на достижение баланса между развитием технологий и защитой прав человека.

Ключевые слова: искусственный интеллект, синтетические данные, машинное обучение, правовое регулирование, дискриминация.

Зарубежные законодатели определяют искусственный интеллект в первую очередь через методы машинного и глубокого обучения. Эти подходы рассматриваются как ключевые для разработки программного обеспечения, способного генерировать контент, прогнозы, рекомендации или решения, адаптированные к поставленным целям и влияющие на окружающую среду [3]. В настоящее время регулирование технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) является одной из самых острых тем.

Это обусловлено тем, что за последние годы во всем мире внедрено множество инициатив в этой области, и Россия активно участвует в этом процессе. В стране действует Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой ИИ определен как одна из ключевых «сквозных цифровых технологий», а также принята Национальная стратегия развития искусственного интеллекта до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». В настоящее время реализуются новые инициативы и обновляется законодательная база, однако вне зависимости от этого государство не успевает участвовать в регулировании всех сфер. Не исключением является и регулирование обучения ИИ, в процессе которого используются различные набор данных, как специально собранных, так и сгенерированных искусственно.

Синтетические данные представляют собой искусственные данные, имитирующие наблюдения реального мира и используемые для подготовки моделей машинного обучения, в том числе обучения искусственного интеллекта [2]. Создаются такие данные при помощи алгоритмов вычислений и моделирования, основанных на технологиях генеративного искусственного интеллекта.

При этом, несмотря на то, что такие данные уже активно используются в научно-техническом развитии, их нормативно-правовое регулирование является поверхностным, в частности, базовый закон, регламентирующий создание и использование информации (Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2]) не выделяет какой-либо специфики синтетических данных и не устанавливает в отношении них особый правовой режим. Также в законе отсутствует понятие «синтетическая информация», либо любые другие понятия, из которых можно вывести понятие синтетических данных. Исходя из текущего регулиро-

вания, оборот таких данных подпадает под общие правила создания и использования информационных продуктов. Стоит отметить, что также и в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) нет разделения на синтетические и иные базы данных. В соответствии со статьей 1260 ГК РФ базой данных является представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ), и никакого дополнительного упоминания синтетических данных в законе не приводится [1].

Таким образом, вне специального правового регулирования остаются важнейшие особенности использования синтетической информации, в том числе те, которые являются основными для синтетических данных, а именно вопросы обучения искусственного интеллекта, который приобретает все большее значение в социально-экономических процессах.

Например, Э.В. Талапина отмечает, что «с распространением автоматизированной обработки данных, в особенности на базе технологий больших данных, возникла проблема дискриминации людей со стороны искусственного интеллекта. Вторгаясь в существующее правовое поле, искусственный интеллект затрагивает целый спектр имеющихся норм (защита данных, транспарентность, информационное самоопределение), а также создает новые риски принятия ошибочных решений в отношении конкретных лиц, в основе которых часто лежит дискриминация» [5]. Это также подтверждает Э. Фаллетти своими доводами по части существующих предубеждений и дискриминации в алгоритмах систем автоматизированного принятия решений [6].

Одним из примеров дискриминации приводят Ю.С. Харитонов и В.С. Савина: «в 2018 году нашумевшим делом в отношении нарушения трудовых прав и дискриминации женщин стала история с Amazon. Специалисты по машинному обучению компании Amazon.com Inc обнаружили серьезную проблему: их новый механизм рекрутинга «не любил» женщин. Самообучаемая система Amazon проанализировала введенные данные о принятых ранее на различные позиции кандидатах и «научилась» тому, что кандидаты-мужчины предпочтительнее. Amazon была вынуждена отменить применение алгоритмов искусственного интеллекта для подбора персонала, который продемонстрировал предвзятое отношение к женщинам. В то же время этот критерий отбора не был намеренно встроен в систему; он стал результатом машинного обучения. Такое видение программы возникло именно в результате статистики по найму мужчин и женщин, которой компания располагала на момент обучения» [7].

Иными словами, получается следующая модель: в компании изначально количество работ-

ников мужского пола превышало количество работников женского пола, что было обусловлено не тем, что работники-мужчины «лучше», а тем, что функции большинства работников более присущи именно работникам-мужчинам. Можно усилить данный пример и представить в качестве организации-объекта промышленное производственное предприятие, где в основном необходим тяжелый физический труд. Однако, в отношении определенной части рабочих мест пол кандидата не имеет значения. Вместе с тем, из анализа кадровой структуры искусственный интеллект делает ошибочный, дискриминационный вывод о том, что работники-мужчины априори предпочтительнее женщин. При этом содержание синтетических данных, которые использовались при изучении искусственного интеллекта, непрозрачны, иные лица, кроме субъекта, который осуществлял обучение, не осведомлены о том, какие именно синтетические данные были использованы, «знал» ли искусственный интеллект, что критерии, которые применяются при выборе кандидата на тяжелую физическую работу, не совпадают с критериями отбора «белых воротничков».

Следовательно, не только алгоритмы принятия решений, но и алгоритмы обучения искусственного интеллекта неочевидны, и во многом зависят от того, кто именно осуществляет его обучение, зачастую искусственный интеллект использует в качестве своего рода «эталона» изначально ошибочные или неверно воспринятые сведения. На текущий момент, этот «эталон» может полностью зависеть от создателей определенного искусственного интеллекта, соответственно и синтетические данные будут сгенерированы по изначально предвзятому образцу, что лишь усугубляет и без того острую проблему дискриминации данных при обучении искусственного интеллекта.

Аналогичные проблемы могут возникнуть и при внедрении искусственного интеллекта в различных сферах жизни, в том числе и в правоприменительной деятельности, например, для оценки достоверности показаний участников судопроизводства. На сегодняшний день не существует гарантии, что у искусственного интеллекта на основании математического анализа (например, основываясь на данных, что большинство подсудимых, отрицающих свою вину, говорит «неправду») не выработается пресловутый «обвинительный уклон» при вынесении решений.

Стоит отметить, что в 2021 представителями бизнеса в рамках Альянса в сфере искусственного интеллекта в РФ был разработан и принят «Кодекс этики в сфере общественного интеллекта» (далее – Кодекс), однако участие является добровольным, хоть и на текущий момент у Кодекса более 800 подписантов, а также есть специальная Комиссия и наблюдатели [8]. В Кодексе отражены основные принципы, которые стоило бы учитывать при разработке нормативного регулирования ИИ в РФ, в том числе принципы, которые были бы актуальными и для синтетических данных, а именно

соответствия закону, недискриминации, а также основные принципы ответственности при создании и использовании ИИ.

По пути частичного законодательного урегулирования пошел Европейский союз. В апреле 2021 года Европейская комиссия, обладая исключительным правом на законодательные инициативы в Европейском Союзе, предложила новый проект регламента ЕС, цель которого – установление общих норм для сферы искусственного интеллекта [9]. Данный регламент (также известен как Закон об искусственном интеллекте или Закон об ИИ) является законодательным актом Европейского союза, регулирующим использование искусственного интеллекта. Европейским парламентом он был утвержден 13 марта 2024 года, а Советом ЕС – 21 мая этого же года. В соответствии с текстом данного Закона об ИИ, поставщики моделей ИИ общего назначения должны предоставлять техническую документацию, инструкции по использованию, соблюдать Директиву об авторских правах и публиковать резюме о содержании данных, которые использовались для обучения. При этом, в тексте Закона об ИИ также довольно мало внимания уделяется вопросам регулирования процессов обучения и сбора данных.

Подводя итог, стоит отметить, проблема регулирования синтетических данных приобретает стратегическое значение в условиях развития технологий искусственного интеллекта. Недостаток специальных правовых норм создает риски, связанные как с дискриминацией и предвзятостью в алгоритмах, так и с непрозрачностью использования данных для обучения искусственного интеллекта.

В целях минимизации подобных рисков необходимо разработать комплексное правовое регулирование, которое учитывало бы следующие аспекты:

- Четкое определение синтетических данных и установление их правового статуса;
- Требования к прозрачности алгоритмов и данных, используемых для обучения искусственного интеллекта;
- Меры по недопущению дискриминационных практик, включая аудит синтетических данных и алгоритмов;
- Введение механизма ответственности разработчиков и операторов за последствия использования синтетических данных в процессе обучения.

Разработка такой нормативно-правовой базы позволит обеспечить баланс между инновационным развитием и защитой прав и свобод человека, создавая условия для более справедливого и безопасного применения технологий искусственного интеллекта.

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая)» от 18.12.2006 N 230-

ФЗ (ред. от 22.07.2024) // СПС «Консультант Плюс».

2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 08.08.2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Архипов В.В., Грачёва А.В., Наумов В.Б., Полякова Т.А., Минбалаев А.В. Определение искусственного интеллекта в контексте российской правовой системы: критический подход // Государство и Право. – 2022. – № 1. – С. 168–178. 1
4. Пчелинцев С.В. Метод создания синтетических наборов данных для обучения нейросетевых моделей распознаванию объектов // Информационно-управляющие системы. – 2022. – № 4. – С. 144–148.
5. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 6. – С. 229.
6. Фаллети Э. Алгоритмическая дискриминация и защита неприкосновенности частной жизни // Journal of digital technologies and law. 2023. № 2. С. 387–420.
7. Харитоновна Ю.С., Савина В.С. Предвзятость алгоритмов искусственного интеллекта: вопросы этики и права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 5. – С. 38–44.
8. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // СПС «Консультант Плюс».
9. EU Artificial Intelligence Act URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (дата обращения: 11.11.2024).

ETHICAL AND LEGAL ASPECTS OF USING SYNTHETIC DATA IN ARTIFICIAL INTELLIGENCE TRAINING

Chumachenko V.A.
St. Petersburg State University

The article examines the specifics of regulating artificial intelligence (AI) and its training on synthetic data. The existing legal acts, including Russian and European standards, are analyzed, and the inadequacy of legal regulation in the field of synthetic data is revealed. Particular attention is paid to the risks associated with discrimination and bias in AI algorithms that arise in the process of automated decision-making. Examples of incorrect use of AI are considered, including discriminatory practices in the field of employment. The authors emphasize the need to create a comprehensive regulatory framework that includes a clear definition of synthetic data, requirements for the transparency of algorithms, measures to prevent discrimination, and mechanisms for the responsibility of developers. The proposed measures are aimed at achieving a balance between the development of technology and the protection of human rights.

Keywords: artificial intelligence, synthetic data, machine learning, legal regulation, discrimination.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (Part Four)” dated 18.12.2006 N 230-FZ (as amended on 22.07.2024) // SPS “Consultant Plus”.
2. Federal Law dated 27.07.2006 N 149-FZ “On Information, Information Technologies and Information Protection” (as amended on 08.08.2024) // SPS “Consultant Plus”.
3. Arkhipov V.V., Gracheva A.V., Naumov V.B., Polyakova T.A., Minbalaev A.V. Definition of artificial intelligence in the context

- of the Russian legal system: a critical approach // State and Law. – 2022. – No. 1. – P. 168–178. 1
4. Pchelintsev S.V. Method for creating synthetic datasets for training neural network models to recognize objects // Information control systems. – 2022. – No. 4. – P. 144–148.
 5. Talapina E.V. Data processing using artificial intelligence and the risks of discrimination // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2022. – No. 6. – P. 229.
 6. Falletti E. Algorithmic discrimination and protection of privacy // Journal of digital technologies and law. 2023. No. 2. P. 387–420.
 7. Kharitonova Yu.S., Savina V.S. Bias in artificial intelligence algorithms: issues of ethics and law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. – 2021. – No. 5. – P. 38–44.
 8. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence // SPS “Consultant Plus”.
 9. EU Artificial Intelligence Act URL: <https://artificialintelligenceact.eu/> (date of access: 11.11.2024).

Публичная демонстрация как признак преступления

Антипов Андрей Игоревич,

к.ю.н., старший преподаватель, кафедра уголовного права,
Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: Antipov.spbu@yandex.ru

Представленная статья посвящена признаку преступления «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)». В августе 2024 года текст уголовного закона был изменён путём расширения числа статей, в которых публичная демонстрация совершаемого деяния, стала криминообразующим или же квалифицирующим признаком преступления. В статье отдельно разбирается, что публичная демонстрация может осуществляться не только непосредственно исполнителем преступления, но и иными лицами. Проанализирована ответственность лица, которое осуществляет публичную демонстрацию, а также сделан вывод о том, в каких ситуациях следует вменять данный признак виновному, при условии, что публичную демонстрацию осуществляет другое лицо, признано, что решающее значение для указания данного признака при квалификации будет иметь умысел виновного совершить деяние именно таким способом.

Ключевые слова: треш-стримы, публичная демонстрация, сеть «Интернет», средства массовой информации, признак преступления.

Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» значительно увеличил число статей УК РФ, в которых использование СМИ и (или) информационно-телекоммуникационных сетей является криминообразующим или квалифицирующим признаком преступления. Законопроект разработан в реализацию указания Президента Российской Федерации № Пр-1306 от 29 июня 2023 года и направлен на противодействие распространению в информационном пространстве деструктивного контента.

При изменении текста уголовного закона указанным федеральным законом в 10 статьях раздела VII УК РФ о преступлениях против личности была использована единая формулировка признака преступления – совершение деяния «с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)»¹. Одновременно в ст. 63 УК РФ введено новое обстоятельство, отягчающее наказание – «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)» (далее – признак «с публичной демонстрацией»). Согласно исследованию Григорьева В.Н. и Терехова А.Ю. «в условиях треш-стрима таким действиям свойственна повышенная общественная опасность: преступное событие демонстрируется на неопределенный круг зрителей в режиме реального времени, сопровождается возбуждением низменных мотивов и – вследствие технической возможности обратной связи – интеллектуальным пособничеством» [1, с. 35–36].

Как отмечают авторы законопроекта «совершение указанных преступлений с публичной демонстрацией ... значительно повышает общественную опасность этих деяний, поскольку посягает не только на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинства конкретных лиц, но также на общественную безопасность и общественный порядок, вводя данное преступное поведение в ранг допустимого и возможного для неограниченного круга лиц» [2].

Рассмотрим изменения внесённые в УК РФ более подробно, они затронули такие деяния как убийство, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязание, угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью,

¹ Следует отметить, что данный признак уже встречается в п. «б» ч. 2 ст. 245, п. «б» ч. 2 ст. 2581 и в п. «б» ч. 3 ст. 2601 УК РФ, поэтому совсем «новым» для уголовного законодательства нашей страны его назвать нельзя.

похищение человека и незаконное лишение свободы, использование рабского труда. Кроме того, указанный выше признак включён в качестве универсального обстоятельства, отягчающего наказание в статью 63 УК РФ.

Как отмечает Стяжкина С.А. «Информация выступает средством манипулирования людьми и обладает мощным агитационным эффектом» [3, с. 149]. Повышенная общественная опасность совершения указанных выше деяний с публичной демонстрацией состоит в том, что лица, с несформировавшейся психикой и ценностями, могут воспринять данные действия как допустимые, а лиц, их совершающих, из-за необычности и нестандартности такого демонстрируемого поведения, выбрать как образец для подражания. Характеризует деяние как совершенное с особым цинизмом, причём таковой характеризует не только деяние, но и самого субъекта и его отношение к содеянному. Таким образом в данных деяниях, помимо основного объекта преступления общественных отношений в сфере прав и свобод личности, появляется дополнительный непосредственный объект – общественные отношения в сфере общественной нравственности.

Общественной нравственности наносится вред так как публичная демонстрация таких деяний приводит к деформациям в нравственных представлениях людей о допустимом поведении в межличностных взаимоотношениях, кроме того, подобного рода деятельность способствует росту совершения преступлений против личности.

Одновременно в такой ситуации потерпевший, помимо непосредственно вреда от действий виновного, испытывает дополнительные страдания от публичной демонстрации происходящего, ведь факт того, как нарушаются его права и свободы становится известным и наглядным в результате демонстрации происходящего деяния субъектом преступления. В некоторых случаях такой моральный вред для потерпевшего будет намного более значительнее, чем полученный им вред физический.

Следует отметить конструкцию норм – публичная демонстрация деяния является вторичной по отношению к самому деянию, которое является противоправным, поэтому если происходит публичная демонстрация искусственной (театральной) постановки преступления, то такие действия в настоящий момент не подлежат ответственности.

Вместе с тем, в определённом смысле публичную демонстрацию указанных преступлений против личности можно рассматривать как публичные призывы к совершению насильственных преступлений. Лицо своими действиями распространяет материалы, направленные на формирование образа жизни с применением насилия к другим, и формирует привлекательность такого поведения, либо формирует представления о допустимости осуществления такой преступной деятельности.

На наш взгляд, сама по себе незаконная публичная демонстрация применения насилия явля-

ется деянием, наносящим вред общественным отношениям, и требует правового запрета, подобно тому, как это применено, например, в ст. 6.21. КоАП РФ «Пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола, отказа от деторождения» или в ст. 6.26. КоАП РФ «Организация публичного исполнения произведения литературы, искусства или народного творчества, содержащего нецензурную брань, посредством проведения театрально-зрелищного, культурно-просветительного или зрелищно-развлекательного мероприятия», в которых наказание следует именно за сам факт публичности определённых действий.

Вызывает вопросы подход законодателя, который включил признак деяния «с публичной демонстрацией» лишь в некоторые из статей, предусматривающих уголовную ответственность за преступления против личности. На наш взгляд, является упущением невнесение данного квалифицирующего признака как в преступления против половой свободы и половой неприкосновенности, так и в некоторые преступления против конституционных прав и свобод. Мы считаем, что только наличие обстоятельства отягчающего деяния в ст. 63 УК РФ не в полной мере может учесть увеличение общественной опасности при публичной демонстрации, например, изнасилования (ст. 131 УК РФ) или же нарушения тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ст. 138 УК РФ). Поэтому признак «с публичной демонстрацией» необходимо закрепить и в иных статьях УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления против личности.

Обратим внимание ещё на один момент, связанный с публичной демонстрацией – её может осуществлять, во-первых, само лицо, совершающее преступление, посягающее на жизнь и здоровье, свободу, честь и достоинства; а во-вторых, другое лицо.

В случае, когда появляется второе лицо речь может идти, во-первых, о соучастии; во-вторых, о «добропорядочном» поведении.

В первом случае сложных вопросов правоприменения не возникает – два и более лица заранее договорились о совместном совершении умышленного преступления, эта договорённость проявилась в распределении ролей – кто-то из них совершает насильственные действия, в то время как другой осуществляет публичную демонстрацию подобных действий. Действия всех соучастников будут рассматриваться по одной и той же статье УК РФ с квалифицированным признаком «с публичной демонстрацией», разниться будет только наказание, назначенное судом каждому из соучастников.

Во втором случае речь, например, может идти о ситуации, когда законопослушный человек ведёт онлайн трансляцию в сети «Интернет», в ходе которой он становится очевидцем насильственного преступления. Можно предположить, что он продолжит снимать происходящее для его фиксации

и в дальнейшем передаст такую запись в правоохранительные органы.

В такой ситуации возникает несколько вопросов уголовно правового характера.

Первый из них, и, на наш взгляд, самый простой – следует ли привлекать лицо, осуществляющее публичную демонстрацию, к уголовной ответственности? И ответом на него в большинстве случаев будет – «нет». Уголовная ответственность установлена за совершение преступления с публичной демонстрацией, а не за публичную демонстрацию преступления. Поэтому в данном случае лицо, осуществляющее публичную демонстрацию деяния, преступления не совершает. К уголовной ответственности его возможно привлечь только в случае, если в его действиях имеется состав преступления, предусмотренного ст. 316 УК РФ «Укрывательство преступлений».

Более сложным в данной ситуации является вопрос об оценке действий лица, совершающего насильственное преступление.

В ситуации, когда такое лицо, совершающее преступление, не знает о том, что его действия публично транслируются – можно ли ему вменить признак «с публичной демонстрацией»? На наш взгляд – нет. В соответствии с принципом вины, установленным в ст. 5 УК РФ, «лицо подлежит уголовной ответственности только за те общественно опасные действия (бездействие) и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина». В нашей ситуации лицо не знает о ведении публичной демонстрации, его умыслом такие действия не охватываются, поэтому рассматривать его действия как деяние с «публичной демонстрацией» будет ошибкой.

В том случае, если лицо, совершающее преступление, получило информацию о том, что его действия публично демонстрируются, например, действия, по совершению насильственного преступления, увидел блогер, ведущий он-лайн трансляцию в сети «Интернет», после чего блогер потребовал у лица прекратить противоправное общественно опасное деяние, оповещая, что ведётся трансляция его действий, а запись происходящего будет предоставлена в правоохранительные органы, то виновный может на данную информацию отреагировать одним из следующих вариантов поведения.

Во-первых, он может прекратить совершать преступление. Тогда, с нашей точки зрения, вменить ему признак «с публичной демонстрацией» нельзя – своими действиями виновное лицо продемонстрировало, что не желает «публичной демонстрации» происходящего и поэтому прекратило их.

Во-вторых, он может продолжить совершать преступление. Нам здесь видится три возможные ситуации:

а) субъект высказывает своё несогласие с публичной демонстрацией своих действий, обращаясь к ведущему трансляцию, чтобы тот прекратил;

б) субъект игнорирует информацию о том, что его действия стали публично демонстрироваться, иначе говоря, ему этот факт безразличен;

в) субъект высказывает одобрение тому факту, что ведётся публичная демонстрация совершаемого им преступления.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечается, что характер общественной опасности преступления зависит от признаков состава преступления (установленных уголовным законом) и в первую очередь от направленности деяния на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред [4].

Представляется, что решение вопроса о необходимости вменения признака «с публичной демонстрацией» необходимо увязать с умыслом виновного на совершение преступления именно таким способом. Как указывают в своём исследовании Т.А. Огарь и М.В. Шкеле «в уголовном праве были сформулированы выводы о том, что общественная опасность не может быть связана только с признаками объективной стороны, она проявляется и в субъективных признаках» [5, с. 447]. Поэтому мы считаем, что без наличия умысла на совершение преступления именно таким способом, вменить признак «с публичной демонстрацией» нельзя.

В ситуации «а» при несогласии субъекта с публичной демонстрацией его действий, признак «с публичной демонстрацией» вменить ему нельзя – у него отсутствует умысел на совершение деяния именно таким способом.

В ситуации «б», когда субъекту безразличен факт публичной демонстрации его действий, мы считаем, что имеет место косвенный умысел. Именно такая трактовка косвенного умысла дана в ч. 3 ст. 25 УК РФ «лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность наступления общественно опасных последствий, не желало, но сознательно допускало эти последствия либо относилось к ним безразлично». Таким образом, виновному, осознающему общественную опасность своих действий и проявляющему безразличие к факту их публичной демонстрации, признак «с публичной демонстрацией» следует указывать при квалификации.

В ситуации «в», когда факт публичной демонстрации действий вызывает у субъекта одобрение и согласие, считаем, вменение признака «с публичной демонстрацией» является обязательным – лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления (прямой умысел согласно ч. 2 ст. 25 УК РФ).

В юридической литературе встречаются мнения [6, с. 265], о том, что публичная демонстрация может осуществляться как непосредственно во время совершения преступления, так и в более позднее время, например, путём размещения видеозаписи совершения преступления в сети «Интернет». Мы считаем такой подход спорным и требующим дополнительного рассмотрения.

В ситуации, когда осуществляется видеозапись преступления без трансляции происходящего в режиме «онлайн», а сама публичная демонстрация этого материала происходит спустя определённое время, необходимо говорить о пост преступном поведении лица. В рассматриваемой ситуации преступление будет окончено до того момента как начнётся публичная демонстрация записи произошедшего. А как мы знаем, каким-либо образом влиять на совершение преступления после его совершения невозможно.

Отдельно следует рассмотреть вариант, когда виновный специально, умышленно осуществляет запись для последующей публичной демонстрации совершённого общественно опасного деяния. Лицо уже на стадиях приготовления и покушения на преступление осознаёт, что его действия будут публичны. Для верной оценки содеянного при таком варианте произошедшего необходимо понимать, что публичная демонстрация преступления представляет собой один из возможных вариантов общественно-опасного последствия. Для правильной квалификации такого преступления необходимо руководствоваться нормой, указанной в ч. 2 ст. 9 УК РФ, а именно «временем совершения преступления признается время совершения общественно опасного действия (бездействия) независимо от времени наступления последствий». К числу действий в разбираемой ситуации, будет относиться и запись преступления для последующей публичной демонстрации, что влечёт за собой вменение соответствующего признака.

Если же запись совершения преступления ведётся, но в иных, кроме публичной демонстрации, целях, то, даже в случае попадания такого материала в дальнейшем в сеть «Интернет», с последующей публичной демонстрацией, относить такой результат именно к уголовно-правовым последствиям преступления нельзя. Соответственно, и вменять признак «с публичной демонстрацией» в таком случае будет ошибкой.

Таким образом, совершение преступлений с публичной демонстрацией, значительно повышает общественную опасность деяний. Тем не менее, не во всех случаях, когда виновный знает о том, что его действия публично демонстрируются следует указывать признак «с публичной демонстрацией», в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)). Наличие данного признака при квалификации необходимо увязать с субъективным восприятием (умыслом) лица на совершение преступления именно способом, предусматривающем публичную демонстрацию.

Литература

1. Григорьев В.Н., Терехов А.Ю. Об усилении уголовной ответственности создателей треш-стримов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 2(57). С. 36–40.

2. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // [Электронный ресурс] Система обеспечения законодательной деятельности URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (Дата обращения 09.01.2025).
3. Стяжкина С.А. Информационная безопасность: уголовно-правовой аспект // Уголовная политика в условиях цифровой трансформации: сборник статей материалов II Всероссийской научно-практической конференции, Казань, 27 апреля 2023 года. Казань: Издательство «Отечество», 2023. С. 146–151.
4. п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 2, февраль, 2016.
5. Шкеле М.В., Огарь Т.А. Содержание умысла в составах преступлений с административной преюдицией // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права: Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 27 марта 2020 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 445–449.
6. Левандовская М.Г. Условия применения единого подхода к конструированию квалифицирующего признака публичной демонстрации совершения преступлений против личности / М.Г. Левандовская // Юридическая наука. 2024. № 10. С. 263–267.

PUBLIC DEMONSTRATION AS A SIGN OF A CRIME

Antipov A.I.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The presented article is devoted to the crime of “public demonstration, including in the media or information and telecommunication networks (including the Internet).” In August 2024, the text of the criminal law was changed by expanding the number of articles in which public demonstration of an act became a criminalizing or qualifying sign of a crime. The article separately explains that a public demonstration can be carried out not only directly by the perpetrator of the crime, but also by other persons. The responsibility of the person who carries out the public demonstration is analyzed, and it is also concluded in which situations this attribute should be attributed to the perpetrator, provided that another person carries out the public demonstration. It is recognized that the intention of the perpetrator to commit the act in this way will be crucial for specifying this feature in the qualification.

Keywords: trash streams, public demonstration, the Internet, mass media, a sign of a crime.

References

1. Grigoriev V.N., Terekhov A. Yu. On strengthening criminal liability of the creators of trash streams // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 2(57). pp. 36–40.
2. Explanatory Note to the draft Federal Law “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” // [Electronic re-

source] Legislative support system URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (Accessed 09.01.2025).

3. Styazhkina S.A. Information security: a criminal and legal aspect // Criminal policy in the context of digital transformation: a collection of articles from the II All-Russian Scientific and Practical Conference, Kazan, April 27, 2023. Kazan: Publishing House "Fatherland", 2023. pp. 146–151.
4. p. 1 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 No. 58 "On the practice of assigning criminal punishment by the courts of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 2, February, 2016.
5. Shkele M.V., Ogar T.A. The content of intent in crimes with administrative prejudice // Actual problems of administrative and administrative procedural law: A collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference, St. Petersburg, March 27, 2020. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. pp. 445–449.
6. Levandovskaya M.G. Conditions for the application of a uniform approach to the construction of a qualifying feature of a public demonstration of crimes against a person / M.G. Levandovskaya // Legal science. 2024. No. 10. pp. 263–267.

Юридическое значение участия специалиста в уголовно-процессуальном доказывании

Ватутина Оксана Юрьевна,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: avalkg3@gmail.com

В настоящей статье исследованию подвергается деятельность специалиста по формированию доказательств, в том числе, специалиста, привлеченного стороной защиты и выявляются результаты такой деятельности для доказывания по уголовным делам. Автор обобщает научные позиции о трактовке и соотношении понятий «специальные знания» и «специальные познания» в контексте их применения лицами, такими знаниями обладающими, в том числе, специалистом. В статье выявляются особенности и специфика получения таких доказательств, как заключение и показания специалиста. Определяется, что доказательства, формируемые специалистом, являются по своей природе, научными. Автор формулирует вывод о том, что деятельность специалиста не имеет обвинительной или оправдательной направленности, отвечает интересам науки, а деятельность специалиста по доказыванию, который не имеет собственного личного интереса в исходе дела, вне зависимости от привлекающей стороны, направлена на получение достоверного и обоснованного знания, обеспечивающего выводы лиц, осуществляющих доказывание по уголовному делу и суда научным знанием.

Ключевые слова: специальные знания, доказательство, специалист, доказывание, доказательственная деятельность.

Под специальными знаниями в правовой доктрине традиционно понимают систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки либо техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем специальной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в процессе судопроизводства[8, с. 10].

Вышеприведенное определение «заимствовано из дореволюционного русского уголовного процесса, поскольку, понятие специальных знаний, как таковое, в законе не приводится[5, с. 208]», закон не дает определения понятия «специальные знания». И, например, Е.Р. Россинская, называя специальными знаниями «современные достижения естественных, технических, экономических и других наук, выводит сущность этого понятия из традиционных представлений о таких знаниях, бытующих в юридической науке, дополнительно отмечая, что в каждом конкретном случае необходимо проанализировать характер требуемых знаний и решить вопрос, являются ли они специальными. А в случаях отнесения определенных знаний к категории специальных, лучше не опираться только на житейский опыт и здравый смысл, ибо то, что кажется простым и обыденным, на самом деле является сложным и требует внимания специалиста[9, с. 10]».

При отсутствии конкретизированного определения, в статье 9 Федерального закона от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (далее ФЗ ГСЭД) имеется указание на то, что экспертиза проводится по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла. Однако, «подобная формулировка существенно сужает сферу специальных знаний, исключая, например, из их числа специальные знания в области спорта, коллекционирования, обычаев[4, с. 280]» и иных специфических, но, безусловно, специальных знаний.

Дискуссионность данного вопроса привела к тому, что в отечественной уголовно-процессуальной науке встречаются различные подходы к его определению.

В соответствии с так называемым, «аналитическим» подходом, понятие «специальных знаний» формулируется исходя из сопоставления понятий «специальные знания» и «специальные познания», поскольку, сегодня, как в научной литературе, так и в нормативных актах применяются оба эти термина. Вопрос единообразия этих терминов является в настоящее время, дискуссионным, поскольку

ку, в одних случаях их понимают как синонимы, в других же, напротив, вкладывают в их содержание различный смысл.

Более верной, представляется точка зрения, в соответствии с которой, философский и лингвистический смысл понятий «знание» и «познание» – различен. Знание – это продукт общественной и духовной деятельности людей, в то время как познание – это процесс получения человеком нового знания, то есть процесс творческой деятельности людей, формирующий их знания. Термин «специальные знания» предполагает теоретическую направленность, поскольку является системой сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях (медицина, бухгалтерия, автотехника и т.п.) и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т.п.[1, с. 4].

Соответственно, обоснованным представляется употребление в юридической науке обоих терминов, но в различном смысловом значении, присущим каждому из понятий и максимально полно отражающем их смысловое, лингвистическое, философское и правовое значение. При этом, путем четкого терминологического формулирования, необходимо исключить, существующую, в настоящее время, двойственность понимания терминов «специальные знания» и «специальные познания», сформировать четкий понятийный аппарат и исключить дискуссионность в данном вопросе.

Также в науке понятие «специальные знания» раскрывается через такие признаки, как, количественный и качественный, которые предполагают ограниченность круга распространения специальных знаний, отсутствие массовости их распространения[11, с. 19] или «особая подготовка и профессиональный опыт их носителя»[10, с. 46].

Вышеприведенное обобщение позволяет сделать вывод о том, что специальные знания – это не общедоступные, не общеизвестные знания в области науки, техники, искусства и ремесла, за исключением области связанной с уголовно-правовой оценкой обстоятельств уголовного дела и с принятием решений процессуального характера по уголовному делу, обеспеченные целенаправленным обучением и профессиональной подготовкой их носителя (научные знания), направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Специалист, как лицо, обладающее специальными знаниями, привлекается участниками уголовного процесса, имеющими публично-правовую заинтересованность в исходе дела, и участниками, имеющими признаваемую законом личную заинтересованность в исходе дела, или их представителями. Привлеченный специалист самостоятельно производит доказательственную информацию, облекая ее в форму заключения и/или показаний (доказательства, предусмотренные уголовно-процессуальным законом), не имея собственного интереса в результатах доказывания по уголовному делу.

Отдельные авторы[2, с. 179–181] по-прежнему отрицают доказательственную значимость заключения и показаний специалиста, вопреки их нормативному закреплению, со ссылкой на отсутствие законодательных положений, предусматривающих требования к содержанию и процессуальному оформлению таких доказательств, отсутствие нормативно закреплённого механизма их получения и установления ответственности за фальсификацию данных доказательств, полагая в них «оправдательный» уклон.

Вместе с тем, закон, предоставляя специалисту право формировать доказательства, прямо не указывает на то, что «заказчиком» данного доказательства должна являться именно (и исключительно) сторона защиты. Сложившееся в научной литературе и устоявшееся на практике мнение о том, что заключение и показания специалиста является доказательством стороны защиты, направленным на оправдание подозреваемого, обвиняемого не имеет под собой правового основания [3, с. 21–24] и противоречит закону.

Безусловно, привлекающая сторона устанавливает рамки для доказательственной деятельности специалиста (о чем уже упоминали ранее), но специалист, при формировании доказательств, не находится ни на чьей стороне, вне зависимости от того, кем вовлекается в процесс доказывания. Привлекающая сторона определяет предмет исследования, предоставляет (при наличии возможности) объекты для исследования, обязывает специалиста сформировать доказательства реализовав публично-правовой интерес, однако, сам специалист, как лицо, служащее интересам науки, не имеет собственного интереса в деле и, потому действуя в заданных рамках, решает научные, а не правовые задачи и, соответственно является объективным.

Научная деятельность специалиста не имеет обвинительной или оправдательной направленности и не имеет в качестве задачи убедить других участников доказывания и суд в виновности или невиновности обвиняемого, вопреки интересам науки. Деятельность специалиста по доказыванию направлена на получение научного истинного, достоверного, обоснованного и мотивированного [1, с. 41] результата, на получение научного доказательства, в тех случаях, когда оно необходимо.

Потребность в научном доказательстве может возникнуть когда оно в деле отсутствует, как таковое, когда имеющееся в деле научное доказательство вызывает сомнение или когда у участников процесса возникают затруднения с оценкой специфических сведений. В подобных случаях лишь научное доказательство позволит разрешить сомнения и устранить возникшие противоречия, поскольку, специалист, в своих суждениях, не только делится своим знанием и опытом, сообщает известные ему научные и справочные данные, но и способен выявить недостатки иных научных доказательств, имеющихся в материалах дела.

Таким образом, юридическое значение участия специалиста [6, с. 506] в доказывании по уголовным делам заключается в личном формировании научных доказательств, оформляемых в виде заключения и/или показаний, а также в даче специалистом суждения по поводу или в отношении экспертного заключения или заключения иного специалиста, имеющих в материалах дела.

Литература

1. Арсеньев В. Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – С. 4, 41.
2. Бочарова И.А. Заключение и показания специалиста как источник доказательств в российском уголовном судопроизводстве // Молодой ученый. – 2021. – № 27 (369). – С. 179–181.
3. Быков В.М. Заключение специалиста // Законность. – 2004. – № 9. – С. 21–24.
4. Гарашко А.Ю. Некоторые аспекты отнесения знаний к специальным в уголовном процессе // Мировой судья. – 2011. – № 4. – С. 280.
5. Захохов З.Ю. Понятие и сущность специальных знаний в уголовном судопроизводстве // Пробелы в российском законодательстве. – 2011. – № 2. – С. 208.
6. Курс уголовного процесса / Под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки. 2-е изд., испр. – М.: Статут, 2017. – С. 506.
7. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2000. – С. 46.
8. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М. – 2016. – С. 10.
9. Россинская Е. Р. К вопросу об отнесении знаний, используемых в судопроизводстве, к специальным / Воронежские криминалистические чтения. – Воронеж. 2005. – Вып. 6. – С. 199.
10. Трапезникова И.И. Специальные знания в уголовном процессе России (понятие, признаки, структура): дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск. 2004. – С. 7.
11. Эйсман А.А. Заключение эксперта (структура и научное обоснование). – М. 1995. – С. 19.

THE LEGAL SIGNIFICANCE OF A SPECIALIST'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEDURAL EVIDENCE

Vatutina O.Yu.

Saint Petersburg state University

This article examines the activities of a specialist in the formation of evidence, including a specialist engaged by the defense, and identifies the results of such activities for proving criminal cases. The author summarizes scientific positions on the interpretation and correlation of the concepts of "special knowledge" and "special knowledge" in the context of their application by persons with such knowledge, including a specialist. The article identifies the features and specifics of obtaining evidence such as the conclusion and testimony of a specialist. It is determined that the evidence generated by a specialist is scientific in nature. The author formulates the conclusion that the activity of a specialist has no accusatory or acquittal orientation, meets the interests of science, and the activity of an evidentiary specialist who does not have his own personal interest in the outcome of the case, regardless of the party involved, is aimed at obtaining reliable and substantiated knowledge that ensures the conclusions of persons carrying out evidence in a criminal case and courts of scientific knowledge.

Keywords: special knowledge, proof, specialist, proof, evidentiary activity.

References

1. Arsenyev V. D., Zablotsky V.G. The use of special knowledge in establishing the factual circumstances of a criminal case. – Krasnoyarsk: Publishing house of Krasnoyars. University, 1986. – S. 4, 41.
2. Bocharova I.A. Conclusion and testimony of a specialist as a source of evidence in Russian criminal proceedings // Young Scientist. – 2021. – № 27 (369). – Pp. 179–181.
3. Bykov V.M. Specialist's conclusion // Legality. – 2004. – No. 9. – pp. 21–24.
4. Garashko A.Y. Some aspects of classifying knowledge as special in the criminal process // Justice of the Peace. – 2011. – No. 4. – P. 280.
5. Zakhokhov Z.Y. The concept and essence of special knowledge in criminal proceedings // Gaps in Russian legislation. – 2011. – No. 2. – p. 208.
6. The course of criminal procedure / Edited by Doctor of Law, Professor L.V. Golovko. 2nd ed., ispr. – M.: Statute, 2017. – p. 506.
7. Makhov V.N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crimes: A monograph. – M.: RUDN Publishing House, 2000. – p. 46.
8. Rossinskaya E.R. Theory of forensic examination (Forensic expertise): textbook. 2nd ed., revised and add. – M.: Norm: INFRA-M. – 2016. – p.
9. Rossinskaya E.R. On the issue of attributing knowledge used in legal proceedings to special / Voronezh criminalistic readings. – Voronezh. 2005. Issue 6. p. 199.
10. Trapeznikova I.I. Special knowledge in the criminal process of Russia (concept, signs, structure): diss. ... kand. jurid. sciences. – Chelyabinsk. 2004. – p. 7.
11. Eisman A.A. Expert opinion (structure and scientific justification). – M. 1995. – p. 19.

Меры предотвращения вооруженных нападений в образовательных учреждениях

Вторушина Вероника Витальевна,

аспирант, Санкт-Петербургский юридический институт
(филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
E-mail: vv.vtorushina@yandex.ru

В статье рассматривается актуальная проблема вооружённых нападений на образовательные учреждения. Автор анализирует резонансные случаи нападений и выделяет признаки, которые могут указывать на вероятность их совершения.

Одним из основных выводов статьи является необходимость изучения причин и условий, способствующих совершению вооружённых нападений на образовательные учреждения. Автор предлагает классификацию таких актов, что позволяет лучше понять разнообразие мотивов и целей нападающих. Подчеркивается отличие вооруженных нападений на образовательные учреждения от террористических актов.

В статье также рассматриваются меры, предпринимаемые для предотвращения вооружённых нападений на образовательные учреждения.

Автор приходит к выводу о необходимости комплексного подхода к принятию мер по предотвращению вооруженных нападений на образовательные учреждения, представляет меры предупреждения совершения вооруженных нападений.

Ключевые слова: вооруженные нападения на образовательные учреждения, «скулшутинг», безопасность, несовершеннолетние, профилактика.

В мире периодически происходят вооруженные нападения на образовательные учреждения, что приводит к многочисленным жертвам и травмам среди учащихся и преподавателей. Эти трагические события вызывают широкий общественный резонанс и требуют от властей и образовательных учреждений принятия срочных мер для обеспечения безопасности.

Вооруженные нападения на образовательные учреждения получили название «скулшутинг» (от англ. school shooting – «школьная стрельба»). Это криминологическое явление вызывает серьёзную обеспокоенность в обществе, так как оно приводит к человеческим жертвам, травмам и психологическим последствиям для всех участников событий, и требуют немедленных и эффективных мер для предотвращения подобных инцидентов в будущем.

В Бразилии 25 ноября 2022 года в двух школах г. Аракрус, 16-летний ученик одной из школ, открыл стрельбу. В результате происшествия погибли 4 человека, ещё 12 пострадали.

3 мая 2023 года в г. Белград в Сербии 9 человек погибли, ещё 7 получили ранения в результате стрельбы, которую открыл 13-летний ученик.

1 декабря 2023 года в г. Прага в Чехии в результате стрельбы в философском факультете Карлова университета погибли 15 человек. Стрельбу устроил 24-летний студент, который затем совершил самоубийство.

7 декабря 2023 года в г. Брянске в России, в гимназии № 5 произошла стрельба. 14-летняя девочка принесла с собой помповое ружье, из которого стреляла в одноклассников, после чего покончила с собой. В результате 2 человека погибли, 5 с ранениями были доставлены в больницу.

Вооруженные нападения на образовательные учреждения в России стали активно обсуждаться в последние годы, и количество таких инцидентов, к сожалению, растёт.

Массовые нападения в образовательных учреждениях стали фиксироваться в России с 2010-х годов. Одним из первых резонансных случаев стало нападение в московской школе № 263 в 2014 году.

С 2017 года количество случаев скулшутинга стало увеличиваться. По данным средств массовой информации с 2017 год по 2023 год произошло более 30 инцидентов, связанных с нападениями в учебных заведениях. Особенно заметный рост числа вооруженных нападений на образовательные учреждения наблюдался в период с 2021 год по 2023 год. Например, в 2021 году произошло несколько резонансных случаев, включая нападение

в г. Казани (гимназия № 175), где погибли 9 человек, более 20 пострадали, и в г. Перми (школа № 127), где погибли 6 человек, более 40 пострадали.

С 2014 года в результате вооруженных нападений на образовательные учреждения в России погибло более 50 человек, включая учеников и учителей, десятки людей получили ранения.

Нападения происходили в разных регионах России, включая Москву, Санкт-Петербург, Казань, Пермь, Улан-Удэ, Керчь и другие города.

Помимо реализованных нападений, фиксируются и случаи предотвращенных инцидентов. Например, в 2022–2023 годах правоохранительные органы сообщали о десятках предотвращенных попыток скулшутинга благодаря мониторингу соцсетей и сообщениям от граждан.

В ответ на эти трагические события мировое сообщество призывает к усилению мер безопасности в школах и других учебных заведениях. Разрабатываются новые стандарты и требования к безопасности, проводятся обучающие программы для педагогов и администрации школ.

Однако некоторые эксперты считают, что вооруженные нападения на образовательные учреждения – это следствие более глубоких социальных и психологических проблем, которые не решаются только усилением безопасности. Они предлагают сосредоточиться на профилактике таких инцидентов, работе с психологическим состоянием учащихся и педагогов.

Чаще всего вооруженные нападения на образовательные учреждения совершаются лицами мужского пола, в возрасте от 13 до 19 лет. При этом, приходится констатировать, что при возрастающей тенденции к увеличению числа вооруженных нападений на образовательные учреждения, акту скулшутинга совершаются и девушками, а возрастную границу «школьных стрелков» можно расширить до 35 лет.

Скулшутинг – это сложное и многогранное явление, и, хотя не существует однозначных признаков, которые гарантированно указывают на то, что человек планирует совершить нападение, есть ряд тревожных сигналов, которые могут свидетельствовать о потенциальной угрозе. Эти признаки важно замечать и вовремя реагировать на них, чтобы предотвратить трагедию.

Так, к основным признакам, которые могут указывать на риск совершения вооруженного нападения на образовательное учреждение могут указывать:

- изменения в поведении, а именно: резкие перепады настроения, агрессия, раздражительность или замкнутость, потеря интереса к учёбе, хобби или общению с друзьями, уход от социальных контактов, изоляция;
- высказывания и угрозы. Например, прямые или косвенные угрозы в адрес одноклассников, учителей или школы, разговоры о насилии, оружии или мести, упоминание о планах совершить что-то «грандиозное» или «шокирующее»;

- интерес к оружию и насилию: чрезмерное увлечение оружием, взрывчатыми веществами или темами, связанными с насилием, просмотр или распространение материалов, связанных с массовыми убийствами или скулшутингом, попытки получить доступ к оружию или изготовить его самостоятельно;

- травля (буллинг) или конфликты: регулярные конфликты с одноклассниками или учителями, жалобы на травлю, унижения или издевательства со стороны других, чувство несправедливости или обиды на школу или конкретных людей;

- психические и эмоциональные проблемы: признаки депрессии, тревожности или других психических расстройств, высказывания о безысходности, суицидальных мыслях или желании «покончить с этим», резкое ухудшение успеваемости или поведения.

- подозрительная активность: наличие планов, схем школы или списков потенциальных жертв, попытки пронести в школу оружие или другие опасные предметы, необычное поведение, например, странные вопросы о безопасности школы или расписании, участие в группах или сообществах, пропагандирующих насилие или оружие, посты, комментарии или сообщения, содержащие угрозы или восхваление насилия, публикация фотографий или видео с оружием или угрожающего характера.

Отличительными особенностями вооруженных нападений на образовательные учреждения являются:

- место совершения преступления – это территория образовательного учреждения;

- личность нападавшего – обучающийся, или лицо ранее обучающееся в данном образовательном учреждении;

- тщательное планирование и подготовка к совершению вооруженного нападения на образовательное учреждение;

- демонстрация своего девиантного поведения, незадолго до совершения нападения;

- использование огнестрельного, холодного или иного оружия, взрывных устройств, взрывчатых веществ;

- нападение не несет в себе политических, религиозных мотивов, не имеет корыстных целей.

Исследователи выделяют конкретно-персонализированные и хаотичные виды скулшутинга [1].

Для конкретно-персонализированного акта скулшутинга характерен прямой умысел на лишение жизни определённых людей, которые связаны со скулшутером, например, одноклассников или учителей. Однако это не исключает возможности причинения вреда другим людям, которые не были целью нападения.

Такое вооруженное нападение может быть связано с травлей, оскорблениями или издевательствами, что создало у человека чувство неспра-

ведливости и обиды, которое переросло в желание отомстить.

Кроме того, так может выражаться протест против систематического насилия. Если человек долгое время подвергался издевательствам, он может решиться на радикальные действия, чтобы выразить своё недовольство и привлечь внимание к проблеме.

Хаотичный скулшутинг обычно связан с психическими расстройствами и низким уровнем социализации у нападающих. Такие люди могут стремиться верифицировать деструктивные теории, «очистить мир» или «заявить о своих убеждениях».

Преступный умысел при хаотичном скулшутинге прямой, но не конкретизированный. Это означает, что нападающие могут не иметь конкретной цели или мотива для нападения, а просто хотят нанести как можно больше вреда.

При этом, возможно, что при одном нападении цель может быть различна в отношении разных лиц. Например, нападение может быть направлено на причинение смерти одним людям и вреда здоровью другим, а также может сопровождаться стремлением нанести значительный имущественный ущерб и (или) совершить самоубийство.

Важно отметить, что мотивы и цели преступников могут быть очень разнообразными и зависеть от множества факторов, включая психологические, социальные и ситуационные.

Мотивом таких посягательств чаще всего выступает месть, зародившаяся на фоне полученной обиды, оскорбления, унижения, предательства определенного лица (лиц), а затем переродившаяся в месть всему коллективу (обществу).

Также можно выделить несколько видов скулшутинга в зависимости от мотивов, способов осуществления и характеристик нападавших.

Например, исходя из мотива, можно отметить нападения из мести (из-за чувства обиды, унижения или травли со стороны сверстников или учителей), желания славы (стремления к известности, привлечение внимания средств массовой информации, общества), психических расстройств (в некоторых случаях нападения совершают люди с недиагностированными или невылеченными психическими заболеваниями).

Так, 18 апреля 2018 года 17-летний ученик коррекционного класса в школе № 1 в г. Стерлитамак (Республика Башкортостан) ударил ножом двух учениц, учительницу, разлили бензин и поджег его. Был направлен на лечение в психиатрическую больницу. Известно, что из-за проблем со слухом над мальчиком издевались сверстники.

По количеству участников можно выделить одиночные и групповые вооруженные нападения на образовательные учреждения.

Например, 15 января 2018 года в школе № 127 г. Пермь 16-летние бывший ученик школы и ученик 10 класса, вооруженные ножами, стали наносить ножевые ранения детям и учительнице.

По используемому оружию вооруженные нападения можно разделить на совершаемые с исполь-

зованием огнестрельного или холодного оружия, взрывных устройств.

К примеру: 14 ноября 2019 года в Амурском колледже строительства и ЖКХ в г. Благовещенске (Амурская область) 19-летний студент открыл стрельбу из ружья ИЖ-81. В результате стрельбы пострадали 3 человека, погибли 2 человека, включая нападавшего.

Исходя из категории образовательного учреждения вооруженные нападения можно разделить на нападения, совершенные в школах, колледжах, университетах.

Например, 10 мая 2018 года в филиале Новосибирского колледжа транспортных технологий им. Н.А. Лунина в г. Барабинск (Новосибирская область) 16-летний учащийся открыл стрельбу по одноклассникам из двуствольного охотничьего ружья. Преступник ранил в плечо одного из них, затем вышел в коридор и покончил с собой. Ещё двое учащихся, спасаясь от стрелявшего, выпрыгнули из окна и получили травмы.

По возрасту нападавших вооруженные нападения можно разделить на совершенные лицами в возрасте от 13 до 18 лет (школьники), от 18 до 23 (студенты), от 23 до 35 лет (ранее обучающиеся лица).

Так, 26 сентября 2022 года в школе № 88 г. Ижевска (Республика Удмуртия) её бывший 34-летний ученик, открыл стрельбу и убил 18 человек (из них 11 детей), ранил 23 человека и покончил с собой.

Исходя из масштаба последствий, можно выделить вооруженные нападения на образовательные учреждения с большим количеством жертв и нападения с ограниченными последствиями, когда число жертв минимально или нападение пресекается на ранней стадии.

Так, 17 октября 2018 года в Керченском политехническом колледже 18-летний студент, с использованием взрывного устройства и помпового ружья совершил вооруженное нападение, в результате которого 21 человек погиб, пострадали 67 человек.

Исследователи отмечают сходство между вооруженными нападениями на образовательные учреждения и террористическими актами [2]. Однако они отличаются целями и мотивами. В террористических актах причинение вреда здоровью и имущественного ущерба является средством достижения более широкой цели, такой как дестабилизация общества или привлечение внимания к политическим или религиозным вопросам. В вооруженных корыстно-насильственных нападениях цель обычно заключается в получении материальной выгоды или мести.

В отличие от этих видов преступлений, в нападениях в учебных заведениях причинение вреда не является самоцелью. Целью таких нападений часто является нанесение максимального ущерба, запугивание и создание атмосферы страха и хаоса. Это может быть связано с психологическими проблемами нападающего, его желанием прославиться или привлечь внимание к своим идеям.

Таким образом, хотя последствия нападений в учебных заведениях и террористических актов могут быть схожими, их мотивы и цели существенно различаются.

Скулшутинг, или нападения на учебные заведения, является сложным и многогранным явлением, и его нельзя объяснить одной причиной, так как оно часто является результатом взаимодействия множества факторов. Основные причины вооруженных нападений на образовательные учреждения могут включать:

- психологические проблемы: многие нападающие страдают от психических расстройств, таких как депрессия, тревожность или другие эмоциональные проблемы. Отсутствие своевременной психологической помощи может усугубить ситуацию;
- травля и издевательства: жертвы школьной травли могут испытывать сильный стресс, чувство изоляции и безысходности, что в некоторых случаях приводит к агрессивным действиям;
- влияние интернета и социальных сетей: доступ к информации о предыдущих нападениях, а также участие в онлайн-сообществах, где поощряется насилие, может повлиять на поведение уязвимых подростков, кроме того, подростки могут копировать действия других известных нападавших;
- проблемы в семье: конфликты, насилие или отсутствие поддержки в семье могут способствовать развитию агрессивного поведения у подростков;
- отсутствие эффективной профилактики: недостаточная работа по выявлению и поддержке учащихся с проблемами, а также слабая система безопасности в школах могут способствовать таким инцидентам.

Эти обстоятельства могут переплетаться и усиливать друг друга, создавая сложную и непредсказуемую ситуацию. Важно понимать, что причины таких действий не обусловлены одной сферой жизнедеятельности общества, а скорее являются взаимодействием множества факторов.

Как отмечает Маллекер Д.И. причинами скулшутинга служат нарушения психического равновесия личности ввиду вторжения в ее зону комфорта и ее дискриминации. Условно исследователь разделяет скулшутеров на три категории: психопаты, психотики и травматики. Психопаты не испытывают чувства вины, они безразличны к своим поступкам и совершают их для получения наслаждения. Психотики не имеют связи с реальностью, они считают себя отличными от других, ощущают себя не принятыми общественностью. Травматики мстят за причиненное им насилие [3].

Эльчепаров Р.А. и Исакова Т.С. основными причинами скулшутинга называют: недостаточные меры безопасности образовательных учреждений, недостаток внимания к психическому состоянию учеников, что может привести к тому, что они окажутся уязвимы для радикальных идей или психо-

логического давления, способного подтолкнуть их к насилию, а также недостаток взаимодействия между правоохранительными органами и администрациями школ [4].

Проказова В.К. полагает, что для определения причин такого преступного поведения необходимо рассматривать в совокупности сразу несколько внешних и внутренних факторов [5].

Среди них называются депрессивность, ведомость и внушаемость. Депрессивность может привести к тому, что человек теряет интерес к жизни, чувствует себя одиноким и ненужным. В таком состоянии он может быть более склонен к совершению противоправных действий. Ведомость означает, что человек легко поддается влиянию других людей. Он может совершать преступления, следуя указаниям манипуляторов, не осознавая в полной мере последствий своих действий. Внушаемость также может способствовать тому, что человек станет жертвой манипуляторов. Он может поверить в ложные идеи и совершить противоправные действия, следуя этим идеям.

Однако стоит отметить, что эти факторы не являются единственными причинами преступного поведения.

Внешние факторы, влияющие на преступное поведение, можно разделить на две основные группы: внутрисемейные отношения (недостаток внимания и заботы, авторитарное воспитание, вседозволенность, конфликты и насилие, отсутствие эмоциональной поддержки) и отношения внутри учебных коллективов (отсутствие поддержки, буллинг и травля, проблемы с общением, отсутствие защиты со стороны взрослых).

Буллинг и постоянные издевательства со стороны сверстников могут оказывать разрушительное воздействие на психику ребенка. Долгосрочное воздействие таких травмирующих событий может привести к накоплению агрессии, чувству беспомощности и изоляции. В результате, некоторые дети могут воспринимать насилие как способ восстановить утраченный контроль и продемонстрировать свою силу.

Ключевую роль в формировании личности и психического здоровья ребенка играет семья. Именно в семье закладываются основы эмоционального интеллекта, социальных навыков и способности справляться с трудностями. Безграмотность родителей в воспитании может привести к различным проблемам. Таким образом, работа с семьями и повышение родительской грамотности в вопросах воспитания и психического здоровья могут стать важными шагами в профилактике насилия, включая скулшутинг. Создание поддерживающей и открытой атмосферы в семье, где дети могут делиться своими переживаниями и проблемами, может значительно снизить риск возникновения подобных трагедий.

Мотивы, по которым люди совершают вооруженные нападения на образовательные учреждения крайне сложны и многогранны. Важно отметить, что они не могут быть сведены к одной кон-

кретной причине. Скулшутинг может быть результатом сочетания различных факторов, таких как психические расстройства, социальные проблемы, давление со стороны сверстников, а также семейные и личные трудности.

Кроме того, скулшутеры часто являются жертвами буллинга и домашнего насилия, что может значительно повлиять на их психическое состояние и поведение. Эти факторы могут создавать уязвимость и чувство безысходности, что в конечном итоге может привести к агрессивным действиям.

Поведение жертвы часто складывается по следующим моделям, которые оказывают значительное влияние на психическое состояние и поведение человека: 1) Люди, которые накапливают обиду, могут пытаться справиться с ней различными способами, включая употребление наркотиков или алкоголя, что может привести к зависимости и ухудшению здоровья. Походы к психологу могут быть полезными, но, если человек не готов открыться или не находит подходящего специалиста, это может не привести к желаемым результатам. Сублимация злости на близких может разрушать отношения и усугублять чувство вины и стыда; 2) Когда жертва начинает воспринимать унижения как норму, это может привести к глубокому чувству безнадежности и низкой самооценке. В таких случаях человек может начать винить себя за то, что не соответствует ожиданиям окружающих. Это может привести к депрессии и, в крайних случаях, к суицидальным мыслям или попыткам. Важно, чтобы такие люди получали поддержку и понимание, чтобы избежать трагических исходов; 3) Некоторые жертвы могут пытаться игнорировать словесные оскорбления, полагая, что это не имеет значения. Однако, когда оскорбления переходят в физическое насилие, это может вызвать сильный эмоциональный всплеск. В такие моменты жертва может почувствовать, что у нее больше нет выхода, и это может привести к агрессивным действиям, включая скулшутинг.

Эти модели поведения подчеркивают необходимость комплексного подхода к проблемам буллинга и насилия. Образование, поддержка со стороны взрослых, доступ к психологической помощи и создание безопасной среды в учебных заведениях могут помочь предотвратить развитие таких деструктивных моделей поведения и снизить риск насилия.

Абрамов А.Э. отмечает, что одним из факторов, способствующих развитию интереса к незаконным действиям у молодёжи, является вступление в деструктивные сообщества в социальных сетях. Изначально подросток сталкивается с деструктивным контентом, который распространяют деструктивные сообщества в соцсетях. Со временем он начинает искать «точки соприкосновения» с участниками прошлых нападений и целенаправленно просматривать такой контент. Он устанавливает контакты с подростками, проживающими в других городах и подвергающимися буллингу. Это усили-

вает его мотивацию и формирует идентичность, соответствующую феномену скулшутинга [6].

Вооруженные нападения на образовательные учреждения – это не просто акт насилия, а крик о помощи, который общество часто не замечает вовремя. Предотвращение таких трагедий требует комплексного подхода, включающего как индивидуальную работу с подростками, так и системные изменения на уровне общества.

В России в последние годы стали уделять больше внимания проблеме совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения, и для профилактики таких инцидентов принимаются различные меры на государственном и региональном уровнях.

В первую очередь это установка систем видеонаблюдения и систем экстренного вызова полиции, введение охраны и контроля доступа, проведение тренировок по эвакуации и действиям в чрезвычайных ситуациях.

Также важно осуществление психологической поддержки в образовательных учреждениях. В образовательных учреждениях необходимо работать психологам, которые помогали бы учащимся справляться с эмоциональными трудностями. Необходимо также проведение мероприятий по выявлению детей, которые могут быть склонны к агрессивному поведению или подвержены издевательствам.

В некоторых школах в настоящее время внедряются программы, направленные на снижение уровня травли и создание благоприятной атмосферы.

Большое внимание следует уделить образовательным и профилактическим программам, а именно: проведению занятий, на которых учеников обучают правилам поведения в чрезвычайных ситуациях, а также проведение родительских собраний и семинаров, где обсуждаются вопросы профилактики насилия и травли.

В целях предотвращения совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения требуется и принятия некоторых законодательных мер. Например, ужесточение правил оборота оружия, включая проверки владельцев и ограничения права на приобретение оружия, установление взаимодействия органов профилактики и безнадзорности несовершеннолетних, ведение индивидуальной работы с несовершеннолетними, относящимися к неформальным объединениям, определение четкого перечня неформальных молодежных движений и субкультур.

Во избежание совершения вооруженных нападений на образовательные учреждения важно отслеживание правоохранительными органами подозрительной активности в интернете, особенно в группах, где могут обсуждаться планы нападений, блокирование сайтов, пропагандирующих насилие, проведение кампании, рассказывающие об уголовной ответственности за скулшутинг и его пропаганду.

Также необходимо вовлекать молодежь в социально полезную деятельность, предлагать участие

в волонтерских проектах, спортивных и творческих мероприятиях, проводить программы по развитию эмоционального интеллекта, где дети учат управлять эмоциями, разрешать конфликты и строить здоровые отношения.

Несмотря на принимаемые меры, проблема вооруженных нападений на образовательные учреждения остается актуальной, и для ее решения требуется комплексный подход, включающий не только усиление безопасности, но и работу с психологическим климатом в школах и обществе в целом, а также повышение осведомленности о признаках радикализации и способах противодействия ей.

По мнению Борисовой Н.Ф. в настоящее время работа по профилактике вооруженных нападений на образовательные учреждения сводится к оснащению образовательных учреждений техническими средствами и системами безопасности, к ужесточению контрольно-пропускного режима в образовательных организациях, постоянному социально-психологическому мониторингу состояния обучающихся, для выявления девиантного поведения. Однако остаются нерешенными вопросы раннего выявления несовершеннолетних, замысливающих совершение массовых нападений на образовательные учреждения и проведения с ними индивидуальной профилактической работы [7].

Для предотвращения скулшутинга важно работать над улучшением психологической поддержки учащихся, усилением безопасности в учебных заведениях и ограничением доступа к оружию. Также важно обращать внимание на ранние признаки агрессии или депрессии у подростков, чтобы вовремя оказать помощь.

Литература

1. Волчецкая Т.С., Авакян М.В., Осипова Е.В. «Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах» // Всероссийский криминологический журнал. 2021. № 5. С. 578–591.
2. Артамонова Е.А., Третьяк М.И. «Массовое вооруженное убийство в учебных организациях: возможности противодействия уголовно-правовыми средствами» // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. № 2. С. 229–239.
3. Маллекер Д.И. «Психология скулшутинга: массовые казни в образовательных учреждениях как способ протеста общественности» // Проблемы совершенствования российского законодательства. Сборник тезисов Всероссийской (с международным участием) научной конференции курсантов, слушателей и студентов.г. Барнаул, 2021 С. 386–387.
4. Эльчепаров Р.А., Исакова Т.С. «Скулшутинг как массовое явление современной преступности. Понятие, Признаки, причины» // Трибуна ученого. 2021. № 06. С. 285–289.
5. Проказова В.К. «Скулшутинг: криминологическая характеристика и предупреждение». Сборник тезисов выступлений участников международной научно-теоретической конференции «Безопасность личности, общества и государства: теоретико-правовые аспекты». 2019. С. 564–568.
6. Абрамов А.Э. «Скулшутинг в образовательных организациях как особо опасный феномен современности профилактика и противодействие безмотивным террористическим акциям» // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 3. С. 39–45.
7. Борисова Н.Ф. «Скулшутинг – новая криминальная угроза обществу» // Российский правовой журнал. 2021. № 1 (6). С. 125–129.

MEASURES TO PREVENT ARMED ATTACKS IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Vtorushina V.V.

St. Petersburg Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article discusses the current problem of armed attacks on educational institutions. The author analyzes high-profile cases of attacks and identifies signs that may indicate the likelihood of their commission. One of the main conclusions of the article is the need to study the causes and conditions contributing to the commission of armed attacks on educational institutions. The author suggests a classification of such acts, which makes it possible to better understand the variety of motives and goals of the attackers. The difference between armed attacks on educational institutions and terrorist acts is emphasized. The article also discusses measures taken to prevent armed attacks on educational institutions. The author concludes that there is a need for an integrated approach to taking measures to prevent armed attacks on educational institutions, and presents measures to prevent armed attacks.

Keywords: armed attacks on educational institutions, «school-shooting», security, minors, prevention.

References

1. Volchetskaya T.S., Avakian M.V., Osipova E.V. "Criminological characteristics and prevention of schoolshooting and cyberbullying in Russia and foreign countries" // All-Russian Journal of Criminology. 2021. No. 5. pp. 578–591.
2. Artamonova E.A., Tretyak M.I. "Mass armed murder in educational organizations: possibilities of countering with criminal legal means" // All-Russian Journal of Criminology. 2022. Vol. 16. No. 2. pp. 229–239.
3. Malleker D.I. "The psychology of schoolshooting: mass executions in educational institutions as a way of public protest" // Problems of improving Russian legislation. Collection of abstracts of the All-Russian (with international participation) scientific conference of cadets, trainees and students. Barnaul, 2021, pp. 386–387.
4. Elcheparov R.A., Isakova T.S. "Schoolshooting as a mass phenomenon of modern crime. The concept, Signs, and causes" // Tribune of the Scientist. 2021. No. 06. pp. 285–289.
5. Prokazova V.K. "Schoolshooting: criminological characteristics and prevention". Collection of abstracts of speeches by participants of the international scientific and theoretical conference "Security of the individual, society and the state: theoretical and legal aspects". 2019. pp. 564–568.
6. Abramov A.E. "Schoolshooting in educational organizations as a particularly dangerous phenomenon of our time, prevention and counteraction to unmotivated terrorist acts" // Society: politics, economics, law. 2023. No. 3. pp. 39–45.
7. Borisova N.F. "Schoolshooting is a new criminal threat to society" // Russian Law Journal. 2021. No. 1 (6). pp. 125–129.

Разграничение незаконного предпринимательства и отдельных составов экологических преступлений

Жукова Анастасия Алексеевна,

аспирант кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета (МГЮА) им. О.Е. Кутафина
E-mail: a.zhukowa@yandex.ru

Актуальным и не до конца разрешенным остается вопрос о разграничении незаконной предпринимательской деятельности и отдельных составов экологических преступлений. В частности, законодательство в настоящее время не содержит четких указаний относительно квалификации незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых, таких как песок (песчано-гравийная смесь). Действующее законодательство не содержит однозначных указаний относительно квалификации подобных деяний, что связано с отсутствием специализированной статьи в Уголовном кодексе РФ. Как следствие, незаконная добыча ПГС нередко квалифицируется альтернативно – либо как незаконное предпринимательство, либо как хищение природных ресурсов. Обзор судебных решений демонстрирует отсутствие единого подхода к квалификации подобных деяний, что выражается в применении широкого спектра статей УК РФ, включая 158, 171, 246, 255 и 262. В рамках данного исследования мы сосредоточились на изучении соотношения незаконной добычи полезных ископаемых с незаконным предпринимательством.

Ключевые слова: конкуренция уголовно-правовых норм, незаконное предпринимательство, незаконная добыча природных ресурсов, отношения природопользования, экологические преступления.

Природные объекты (ресурсы), выступая предметом преступлений, обладают двойственной природой: с одной стороны, они представляют экологическую ценность, с другой – являются товаром, вовлеченным в гражданский оборот. Когда природные объекты находятся в различных формах собственности и используются в коммерческой деятельности, неизбежно возникает конкуренция между составами экологических преступлений и преступлений в сфере экономики, в частности, статьей 171 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [1]. Для более четкого проведения границ между этими видами преступлений необходимо установить ясные разграничительные критерии.

Прежде всего, ключевое различие между экологическими преступлениями и незаконным предпринимательством лежит в объекте преступления. Размещение этих категорий в различных разделах УК РФ – IX и VIII соответственно – указывает на различие в их родовых объектах. В первом случае это общественная безопасность, во втором – экономические отношения. Видовые объекты также различны. Для экологических преступлений это обеспечение благоприятной окружающей среды, поддержание экологического равновесия, сохранение биоразнообразия и обеспечение рационального использования природных ресурсов, а также обеспечение экологической безопасности. Для незаконного предпринимательства приоритетным является обеспечение нормального функционирования экономической деятельности. В контексте исследуемой проблемы важно выделить групповой объект экологических преступлений природоресурсного характера – охрана и обеспечение устойчивого использования природных ресурсов. Иными словами, экологические преступления защищают в первую очередь экологические интересы, тогда как незаконное предпринимательство посягает на экономические.

Кроме того, следует учитывать и непосредственный объект преступления. В случае незаконного предпринимательства это общественные отношения, обеспечивающие законное функционирование предпринимательской деятельности, а в случае экологических преступлений природоресурсного характера – конкретные отношения в сфере природопользования, включая добычу водных биоресурсов, объектов животного мира, недропользование и другие виды деятельности.

Проблема в разграничении этих преступлений часто возникает из-за предмета преступления. Природные объекты (ресурсы) могут быть предме-

том как экологических, так и экономических преступлений, но в разных контекстах. Как отмечалось ранее, их ценность может быть как экологической, так и экономической.

Объективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется материальностью. В соответствии со статьей 2 Гражданского кодекса Российской Федерации, предпринимательская деятельность – это самостоятельная деятельность, осуществляемая на свой риск и направленная на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг [2]. Уголовная ответственность наступает в случаях осуществления этой деятельности без необходимой государственной регистрации, специального разрешения (лицензии) или аккредитации, предусмотренных законодательством. Общественно опасные последствия выражаются в причинении крупного ущерба интересам граждан, общества или государства.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» [3], отсутствие регистрации означает отсутствие соответствующей записи в ЕГРЮЛ (для юридических лиц) или ЕГРИП (для индивидуальных предпринимателей), либо осуществление деятельности в период ликвидации юридического лица или прекращения статуса индивидуального предпринимателя. Деятельность без лицензии относится к видам деятельности, исчерпывающий перечень которых содержится в статье 12 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» [4]. Аккредитация, в свою очередь, необходима для осуществления деятельности в области технического осмотра транспортных средств в соответствии со статьей 11 Федерального закона от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [5].

Субъективная сторона незаконного предпринимательства характеризуется умышленной формой вины, что тождественно признакам субъективной стороны экологических преступлений природо-ресурсного характера.

Субъектом рассматриваемых преступлений может являться вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъект незаконного предпринимательства также может иметь статус индивидуального предпринимателя или фактически осуществлять функции управления в организации.

Одной из сложных задач является разграничение незаконного предпринимательства и отдельных видов экологических преступлений. На сегодняшний день не существует однозначного решения вопроса о квалификации незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых, например, добычи песка из карьера, в связи с от-

сутствием прямого указания на этот счет в уголовном законе. Отсутствие соответствующей нормы приводит к тому, что на практике подобные действия часто квалифицируются либо как незаконное предпринимательство, либо как хищение природных ресурсов. В судебной практике встречаются различные подходы к квалификации подобных деяний, что выражается в применении широкого спектра статей УК РФ, включая 158, 171, 246, 255 и 262. Вопрос о четком проведении границы между незаконной предпринимательской деятельностью и незаконной добычей ОПИ остается дискуссионным и не нашедшим окончательного разрешения в правоприменительной практике.

К числу экологических преступлений законодатель относит нарушение правил охраны недр (статья 255 УК РФ). Предметом по части 1 статьи 255 УК РФ являются недра, а по частям 2 и 3 – янтарь, нефрит или другие полудрагоценные камни. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395–1 «О недрах» [6] под недрами понимает часть земной коры, расположенная ниже почвенного слоя, а при его отсутствии – ниже земной поверхности и дна водоемов, простирающаяся до глубин, доступных для геологического изучения и освоения. Недра находятся в государственной собственности и не могут быть предметом гражданско-правовых сделок. В отношении добытых полезных ископаемых допускается установление различных форм собственности, в том числе частной. Для недропользования необходимо получение лицензии. Объективная сторона рассматриваемого деяния состоит в нарушении правил охраны, не связанных с добычей полезных ископаемых. Как отмечает Жевлаков Э.Н., нарушение правил охраны преимущественно совершается в форме действия, но не исключается и бездействие [7]. Состав является материальным, требующим причинения значительного ущерба недрам как компоненту природной среды.

Следует подчеркнуть, что статья 255 УК РФ не предусматривает уголовную ответственность за незаконную добычу общераспространенных полезных ископаемых (щебня, гравия, песка, известняка, торфа и прочих), что говорит о пробеле в уголовно-правовом регулировании и необходимости дополнения уголовного закона соответствующей нормой.

Другой важный вопрос – возможность квалификации добычи полезных ископаемых как предпринимательской деятельности. Статья 171 УК РФ предусматривает ответственность за ведение предпринимательской деятельности без регистрации, лицензии или аккредитации. Н.В. Данилова и В.В. Петров подчеркивают, что лицензия на предпринимательскую деятельность и лицензия на недропользование – это разные виды разрешений, и следовательно, квалификация по статье 171 УК РФ в данном случае недопустима. Кроме того, квалификация по статье 255 УК РФ не в полной мере охватывает мотив и цель совершения деяния [8]. Вопрос о различных видах лицензий является

спорным. Руководствуясь частью 3 статьи 1 Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности», можно сделать вывод о том, что не все сферы деятельности, подлежащие лицензированию, урегулированы настоящим федеральным законом. В частности, лицензия на пользование недрами является специальным государственным разрешением с указанием участка недр в определенных границах, предоставление которой урегулировано специальным Законом «О недрах».

В литературе встречается предложение о перемещении составов преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 255 УК РФ из главы 26 УК РФ в главу 22 УК РФ в целях более точного отражения объекта преступного посягательства [9]. Однако такой подход вызывает сомнения в связи с тем, что преступления, входящие в главы 22 и 26 УК РФ, обладают разными видовыми объектами.

В целях решения проблемы квалификации незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых, предлагается дополнить УК РФ соответствующей нормой (ст. 2551 УК РФ). При этом для квалификации деяния как незаконной добычи природных ресурсов необходимо определить, на какие отношения посягает данное деяние: имущественные или экологические, а также установить, было ли произведено обособление участка для добычи природных ресурсов.

Ю.А. Тимошенко считает, что добыча полезных ископаемых может рассматриваться как предпринимательская деятельность при условии систематической добычи с целью последующего сбыта [10]. Данная точка зрения не подвергается сомнению. Однако, по причине различия видового объекта посягательства, квалификация по статье 171 УК РФ представляется некорректной. И.А. Клепицкий также указывает на недопустимость такой квалификации [11]. При этом, в случае если незаконная добыча полезных ископаемых осуществляется с нарушением порядка регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, или в отсутствие лицензии, незаконная добыча полезных ископаемых может образовать идеальную совокупность с преступлением, предусмотренным статьей 171 УК РФ по причине одновременного посягательства на отношения в сфере природопользования и отношения экономического характера.

Таким образом, различия между незаконным предпринимательством и экологическими преступлениями проявляются, прежде всего, в родовом, видовом и непосредственном объектах, в признаках объективной стороны, в частности, в наступивших последствиях, а также отдельных характеристиках субъекта преступления. В целях решения проблемы квалификации незаконной добычи общераспространенных полезных ископаемых, предлагается дополнить УК РФ соответствующей нормой (например, статьей 2551 УК РФ). При определенных обстоятельствах данный состав может образовывать идеальную совокупность с незаконным предпринимательством.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г., № 25, ст. 2954.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г., № 32, ст. 3301.
3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» // СПС «Консультант-Плюс» (Дата обращения: 16 февраля 2025 г.).
4. Федеральный закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 мая 2011 г., № 19, ст. 2716.
5. Федеральный закон от 1 июля 2011 г. № 170-ФЗ «О техническом осмотре транспортных средств и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г., № 27, ст. 3881.
6. Закон Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395–1 «О недрах» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 марта 1995 г., № 10, ст. 823.
7. Жевлаков Э.Н. Уголовное природоохранительное право России: монография. М.: Проспект, 2023. С. 220.
8. Данилова Н. В., Петров В.В. Уголовно-правовая квалификация самовольной добычи полезных ископаемых: проблемы теории и практики // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2018. № 4 (46). С. 47, 50.
9. Котова А.А. Дифференциация уголовной ответственности за незаконный оборот в Российской Федерации драгоценных и полудрагоценных камней, драгоценных металлов либо жемчуга: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. С. 11.
10. Тимошенко Ю.А. Проблемы уголовно-правовой оценки незаконной добычи полезных ископаемых // Криминалистика, 2022. № 2. С. 89.
11. Клепицкий И.А. Начало бизнеса: риск наказания // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2020. № 2. С. 137.

DISTINCTION BETWEEN ILLEGAL BUSINESS AND CERTAIN TYPES OF ENVIRONMENTAL CRIMES

Zhukova A.A.

State Law University (MSAL) named after O.E. Kutafin

The issue of distinguishing between illegal entrepreneurial activity and certain types of environmental crimes remains relevant and not fully resolved. In particular, the legislation currently does not contain clear instructions on the classification of illegal extraction of common minerals, such as sand (sand and gravel mixture). The current legislation does not contain any clear instructions regarding the classification of such acts, which is due to the absence of a spe-

cialized article in the Criminal Code of the Russian Federation. As a result, illegal extraction of sand and gravel is often classified alternatively – either as illegal entrepreneurship or as theft of natural resources. A review of court decisions demonstrates the lack of a unified approach to the classification of such acts, which is expressed in the application of a wide range of articles of the Criminal Code of the Russian Federation, including 158, 171, 246, 255 and 262. In this study, we focused on studying the relationship between illegal extraction of minerals and illegal entrepreneurship.

Keywords: competition of criminal law norms, illegal entrepreneurship, illegal extraction of natural resources, relations of nature management, environmental crimes.

References

1. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of June 17, 1996, No. 25, Article 2954.
2. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation of December 5, 1994, No. 32, Article 3301.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 18, 2004 No. 23 “On judicial practice in cases of illegal entrepreneurship” // SPS “ConsultantPlus” (Accessed: February 16, 2025).
4. Federal Law of May 4, 2011 No. 99-FZ “On Licensing of Certain Types of Activities” // Collection of Legislation of the Russian Federation of May 9, 2011, No. 19, Article 2716.
5. Federal Law of July 1, 2011 No. 170-FZ “On Technical Inspection of Vehicles and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Collection of Legislation of the Russian Federation of July 4, 2011, No. 27, Article 3881.
6. Timoshenko Yu.A. Problems of criminal-legal assessment of illegal mining // *Criminalist*, 2022. No. 2. P. 89.
7. Law of the Russian Federation of February 21, 1992 No. 2395–1 “On Subsoil” // Collected Legislation of the Russian Federation of March 6, 1995, No. 10, Art. 823.
8. Zhevlakov E.N. Criminal environmental law of Russia: monograph. Moscow: Prospect, 2023. P. 220.
9. Danilova N. V., Petrov V.V. Criminal-legal qualification of unauthorized mining: problems of theory and practice // *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2018. No. 4 (46). P. 47, 50.
10. Kotova A.A. Differentiation of criminal liability for illegal circulation of precious and semi-precious stones, precious metals or pearls in the Russian Federation: author’s abstract. dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2023. P. 11.
11. Klepitsky I.A. Starting a business: risk of punishment // *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2020. No. 2. P. 137.

Снеткова Елизавета Алексеевна,

студент Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: elizaveta.snetok@mail.ru

Зашляпин Леонид Александрович,

кандидат юридических наук, преподаватель Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: simple.teacher@outlook.com

Сравнение правил, присутствующих в решении по делу Э. Миранды, с нормами российского закона позволяет полагать, что право на молчание в форме, существующей в США, не присутствует в российской правовой системе. Конституционное право гражданина России не свидетельствовать против себя самого реализовано в отраслевом законе, но оно не идентично праву на молчание. Право на молчание в североамериканской правовой системе, основываясь на пятой поправке Конституции США, является естественным расширением в прецеденте нормы о праве не свидетельствовать против себя самого. Право не свидетельствовать против себя самого является активной формой защиты, образует процессуальную форму разъяснения субъективных прав задержанному (подозреваемому) лицу, подразумевающую коммуникацию преследуемого лица с преследующими его субъектами. Право на молчание есть пассивная форма защиты, содержанием которой является отказ от вербальной коммуникации, требующая именно этой процессуальной формы разъяснения субъективного права. Возможность использования права на молчание связано с правоидеологическими установками, доминирующими в правовой системе. Реализация этого права возможна в системах, ядро которых образуют индивидуальные права человека. Доминирование публичного интереса в регулировании уголовно-процессуальных отношений (нацеленность на установление истины) не позволяет в полном объеме реализовать в национальной правовой системе право на молчание как элемент правил Миранды.

Ключевые слова: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, доказывание, доказательства, подозреваемый, задержанный, задержание, допрос, опрос, объяснение, заявление, правила Миранды, право молчать.

Негативные суждения о заимствовании в российский закон чуждых ему нормативных идей – явление достаточно распространенное. Это проявляется в критике законодателя, упрекаемого в допущении в конце XX и начале XXI вв. американизации нашего уголовно-процессуального права. Надо признать, что решение Верховного Суда США 1966 года по делу Эрнесто Миранды оказалось привлекательным для мировой юриспруденции. Российские ученые так же оказались под действием этой тенденции еще в период действия Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УПК РСФСР), что проявлялось и позднее.

Примером работ, раскрывающих данную проблематику, являются статьи Е. Мишиной, М.А. Пешкова, В.Н. Махова, вышедшие в свет до вступления в силу действующего уголовно-процессуального кодекса России [1, с. 50–53; 2, с. 36–39; 3, с. 43–53]. Эти публикации фактически отырыли тематику о правилах Миранды для отечественной науки уголовного процесса. В них указанному решению придавался революционный смысл для права и правоприменительной практики США. Из такой характеристики могла возникать мысль о новизне нормативных идей, представленных в указанном судебном прецеденте. В российской науке в то время существовал и иной тренд. Так, Н.В. Рачева, исследуя производство по близкой к делу Э. Миранды категории уголовных дел, вышедшей в свет вскоре после вступления в силу Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации 2001 г. (далее – УПК РФ), не рассматривала процессуального порядка разъяснение права подозреваемого (задержанного) на молчание и оказания ему помощи защитника, а ориентировалась на получение признательных показаний подозреваемого [4, с. 393–396].

Последнее позволяет сформулировать цель настоящей статьи, состоящей в проверке гипотезы о том, что явление мирандизации национально-го права (прямого заимствования в него правил Миранды) нужно связывать с правовой идеологией. Принятие или отторжение этих правил зависит от приверженности субъектов, генерирующих нормы, определенным правовым идеям, господствующим в социуме в тот или иной период его развития. Обзор библиографических источников настоящей статьи указывает на то, что всплеск исследований правил Миранды в российской юриспруденции приходится на конец 90-х гг. прошлого века, когда в России доминировала либерально-правовая идеология, а в ее центре стояли права человека. Лишь в последние годы развития теории уголовного процесса в нашей юриспруденции поя-

вились работы, в которых рационально исследуется проблематика, основанная на правилах Миранды. К их числу относится, например, статья авторитетного российского ученого И.В. Смольковой, опубликованная в издании «Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения» [5, с. 57–69]. Другие работы по этой теме, приводимые нами далее, также появились в последние годы, что может связываться с правоидеологической эволюцией отечественной науки.

Объектная область нашего исследования, представленная в настоящей статье, ограничивается правом подозреваемого (задержанного) на молчание и возможностью использования любых заявлений, объяснений и показаний данного субъекта в качестве доказательств лишь в том случае, если он отказался от своего права на молчание. Исследуемыми элементами этой объектной области является решение Верховного Суда США в деле *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 (1966) [6], близкие по содержанию положения российского уголовно-процессуального законодательства, и касающиеся данных норм доктринальные позиции. Объектная область субъективно локализована, не включает исследование права задержанного (преследуемого лица) на помощь защитника (адвоката), концентрируется на одном из элементов правил Миранды – праве на молчание. Методами исследования, примененными в настоящей статье, являются сравнение, лингвистический анализ и формально-юридический подход.

Сравнение решения по делу Э. Миранды и нормативных правил российского уголовно-процессуального закона осложнено различием их форм. Правила Миранды в североамериканском уголовно-процессуальном законодательстве представляют из себя судебный прецедент, традиционно имеющий достаточно большой объем, существенно превосходящий допустимый объем научной статьи. Извлечение из данного судебного решения важных элементов, создающих возможность сравнения прецедента и положений российского уголовно-процессуального права, сводится к следующему:

- задержанному лицу (ответчику по уголовному иску) должно быть безусловно разъяснено право на молчание (пп. d п. 1, Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436);
- в случае отказа задержанного лица от права на молчание, любые его заявления и показания могут быть использованы против него в ходе судебного разбирательства (пп. d п. 1, Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436);
- если в ходе дачи объяснений (заявлений, показаний) задержанное лицо заявит о своем желании не отвечать на вопросы (молчать), то процедура получения объяснений, заявлений, дачи показаний должна быть прекращена (пп. e п. 1, Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436);
- если лицо начало отвечать на вопросы представителя органов уголовного преследования, то это не означает отказа от права на молчание

(пп. g п. 1, Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436);

- разъяснение права на молчание является условием допустимости делаемых заявлений, дачи объяснений и показаний (пп. h п. 1, Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436).

Всякий судебный прецедент, включая и рассматриваемый, содержит его обоснование. Этот раздел в прецедентном праве включает связь принятого решения с предыдущими, в которых были рассмотрены схожие правовые отношения, формируя возможность аналогии и телеологического толкования фактических отношений. В силу этого правила Миранды не являются чем-то новым, а всегда есть экстракт из нормативных идей, уже существующих в правовом континууме.

В нашем случае в решении по делу Э. Миранды было указано на то, что оно является следствием реализации конструкции *nemo tenetur se ipsum accusare* [Миранда против Аризоны, 384 U.S. 436]. По мнению суда, цель реализации этой конструкции в судебном решении состоит в том, чтобы впредь исключить воздействие на преследуемое лицо, состоящее в психическом и физическом насилии, запугивании, обмане, осуществляемых в условиях изоляции этого лица от внешнего мира, могущее приводить к самообвинению. Обвинительная деятельность в этом случае должна ориентироваться на поиск иных источников доказательств (помимо самого преследуемого лица), допуская в качестве доказательств и вербальную информацию, получаемую от преследуемого лица, но при условии соблюдения гарантий, фиксирующих реальную добровольность самообвинительной деятельности.

Все указанное в рассматриваемом судебном решении увязано с пятой поправкой Конституции США, то есть основано на уже имеющихся нормативных положениях. Их содержание (нормы ст. 5 Билля о правах) сводится к тому, что «никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя в уголовном деле (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Е. С., Л. З.)» [7, с. 20]. В этом случае местоимение «никто» указывает на то, что конституционное право, зафиксированное в пятой поправке, придается любому человеку, как преследуемому в уголовном порядке, так и формально не преследуемому. Отрицательная частица «не» в сочетании с прилагательным «должен» указывает на качество любого человека, определяющее то, что этот любой человек не обязан собирать личные вербальные доказательства. Такое действие переносится в содержание обязанности иного лица. Активное действие, заложенное в пятую поправку, предполагает, что указанное качество исключает вербальную коммуникацию человека в процессуальных или в действиях, не имеющих формальной характеристики процессуальности, содержанием которых является передача информации под каким-либо насильственным воздействием (принуждением). Очевиден и юридический аспект: в рассматриваемом судебном решении конституцион-

ное право не свидетельствовать против себя самого интерпретировано как право на молчание, что является по мнению судей и правом на защиту от самообвинения.

В первоначальной редакции УПК РСФСР правила, аналогичные правилам Миранды, явно не закреплялись. Согласно нормативным положениям ст. 19 УПК РСФСР, обвиняемый (подозреваемый в этой норме не упоминался) имел право на защиту, но это право предусматривалось только в формах, установленных законом, при этом молчание как способ защиты прямо не указывалось. Часть 3 ст. 46 УПК РСФСР (в первоначальной редакции) предоставляла обвиняемому право давать объяснения. Аналогичное право предусматривалось для подозреваемого в ч. 2 ст. 52 УПК РСФСР. По воле советского законодателя именно эти права подлежали разъяснению (ст. 58 УПК РСФСР), а право на молчание в этот перечень не включалось.

В протоколе задержания лицу, подозреваемому в совершении преступления, предоставлялась возможность дать объяснения (ч. 3 ст. 122 УПК РСФСР в первоначальной редакции). Это сочеталось с предустановленностью преступного деяния и отсутствием в данном законе презумпции невиновности. В соответствии с широким пониманием доказательств как любых фактических данных (ч. 1 ст. 69 УПК РСФСР в первоначальной редакции), характерным для доктрины того времени, такие объяснения нередко использовались прокурором как обвинительные доказательства. Разъяснение права на молчание (право не свидетельствовать против себя) не предусматривалось ни в процессуальном порядке получения объяснений задержанного, ни в порядке допроса подозреваемого (ст. 123 УПК РСФСР в первоначальной редакции), ни в правилах допроса обвиняемого (ст. 150 УПК РСФСР в первоначальной редакции).

Теоретическое толкование, конечно, допускало понимание того, что подозреваемый (обвиняемый) не обязан давать показания или объяснения, то есть может их не предоставлять. Однако в практике такое поведение преследуемого лица нередко вызывало конфликт. Это объяснялось правосознанием практиков, сформированным нормами ст. 20 УПК РСФСР, которая возлагала на субъектов уголовного преследования обязанность принимать все необходимые меры для объективного исследования обстоятельств дела. Молчание подозреваемого (обвиняемого) или отказ от дачи показаний могли восприниматься как противодействие предварительному расследованию, целью которого было установление истины.

Из-за консервативности правосознания юристов переход от концепции УПК РСФСР к концепции УПК РФ не изменил подход законодателя к регулированию этих правоотношений. В первоначальной редакции ст. 46 УПК РФ, подобно прежнему закону, закреплялось лишь право подозреваемого давать объяснения и показания, без указания на соответствующую обязанность. Позднее это было дополнено положением о том, что пока-

зания подозреваемого могут использоваться как доказательства, если он дал их добровольно после предупреждения об этом (п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). Эти изменения, внесенные Федеральным законом от 4 июля 2003 г. № 92-ФЗ, свидетельствуют о некоторой схожести российского уголовно-процессуального законодательства с правилами Миранды. Однако в российской модели, в отличие от них, право подозреваемого на молчание прямо не закреплено.

Естественно, закон не предусматривает обязанности разъяснять именно это право (ч. 4 ст. 92 УПК РФ). Можно предположить, что отраслевой законодатель и сегодня допускает самообвинение подозреваемого (обвиняемого) в его заявлениях, объяснениях или показаниях. Следовательно, протокол задержания подозреваемого и его объяснения по поводу задержания могут использоваться государственным обвинителем как обвинительные (самообвинительные) доказательства без предварительного разъяснения права на молчание. Это обусловлено тем, что российский закон имеет четко определенную форму, в соответствии с которой разъясняется конкретное содержание субъективных прав задержанного или подозреваемого.

Конституция РСФСР 1978 г. не предусматривала привилегии против самообвинения в какой-либо форме, что отражало ее правовую и идеологическую установку. Более того, положения ст. 55, согласно которым осуществление прав и свобод (в данном случае задержанного или подозреваемого) не должно нарушать права и свободы других лиц, допускали интерпретацию права на молчание как ограничивающего права потерпевшего или гражданского истца на установление истины в уголовном судопроизводстве. Конституция Российской Федерации 1993 г. закрепила принцип, включающий обязанность человека свидетельствовать против себя, что, хотя и не является прямым закреплением права на молчание, создает основу для теоретических исследований.

Таким образом, правила Миранды, предусматривающие право на молчание и действующие в США, в определенный период совершенно не соответствовали синхронным нормативным положениям российского законодательства. Причина этого заключалась в различии правовых идеологий. В последние годы произошло некоторое сближение подходов, что открыло возможности для сравнения американских и российских норм, допускающих право на молчание.

Мы полагаем, что право давать объяснения, показания или делать заявления, закрепленное в российском уголовно-процессуальном праве, не тождественно праву на молчание. Первое представляет собой форму активного поведения подозреваемого (обвиняемого), метод правового регулирования в этом случае предполагает предоставление возможности для активной вербальной коммуникации с субъектами уголовного преследования. Второе же является формой пассивного процессуального поведения. Право подозреваемо-

го на молчание в отечественном законодательстве прямо не предусмотрено.

Как мы отметили во введении, интерес российских ученых-юристов к правилам Миранды возник еще в период действия УПК РСФСР. Так, Е.А. Мишина в 1997 году, возможно впервые в отечественной юриспруденции, описала этот казус, выявив его связь с предыдущими и последующими судебными решениями. При этом она использовала метафору «революция суда Уоррена» и ввела термин «мирандизация» [1, с. 50–53]. Стоит признать, что конец 90-х годов прошлого века был временем правового романтизма в российском праве, когда либерально-правовой подход занимал доминирующее положение. Правовая идеология способствовала изменениям в законодательстве, направленным на повышение статуса человека в правовой системе России.

В то же время в юриспруденции сформировался круг оппонентов этого подхода. Его представителей можно увидеть в работах Д.Е. Дягилева и Е.А. Васкиной [8, с. 70–74], а также Е.В. Баклановой [9, с. 146–152]. Некоторые авторы, например А.А. Григорьева и В.В. Немашкалова, применяя описательный метод, подчеркивали, что данная нормативная конструкция впервые появилась в США в 1966 году [10, с. 1191], что, вероятно, ошибочно. Заслуга этих авторов заключается в том, что они заложили основу для круга исследователей, интересующихся правилами Миранды, и указали на возможность их применения в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. Эта тема, как мы полагаем, сохраняет свою актуальность *de lege ferenda*.

Серьезное исследование правил Миранды в контексте уголовно-процессуального законодательства России провела профессор И.В. Смолькова [5, с. 57–69]. Прежде всего, она связала сущность этих правил с юридической конструкцией *nemo tenetur se ipsum accusare* (никто не обязан обвинять самого себя). Именно эта конструкция упоминалась судьей Э. Уорреном в обосновании решения по делу Э. Миранды. В данном прецеденте отмечалось, что эта нормативная идея уходит корнями в глубины мировой юриспруденции, что подтверждается использованием в обосновании решения 1867 года по делу Джона Лилберна (*The Trial of John Lilburn and John Wharton, 3 How.St.Tr. 1315*). Это подчеркивает логику развития прецедентного права, где каждое последующее решение опирается на предыдущее. Таким образом, правила Миранды представляют собой развитие уже существовавших в праве США идей, а позиция А.А. Григорьевой и В.В. Немашкаловой, о которой говорилось ранее, не может быть поддержана.

Отсутствие обязанности давать показания, которые могут быть использованы против лица, их предоставившего, – одна из общепризнанных правовых догм. Нет оснований связывать ее исключительно с 60-ми годами XX века и практикой уголовного судопроизводства в США. Утверждение, что это заслуга американских юристов XX века, так-

же представляется недостаточно обоснованным. Подтверждение этому мы находим в европейской теории уголовного процесса. Так, профессор Бременского университета И. Цербес называет максимум *nemo tenetur se ipsum accusare* старой нормативной идеей, которая применяется законодателями и сегодня под влиянием социальных факторов, чаще всего либерально-правового характера [11, с. 1035]. Эта догма является элементом правовой культуры, и ее использование в законодательстве связано с доминирующей правовой идеологией. Примечательно, что И.В. Смолькова также рассматривает правила Миранды как гармоничный элемент американской правовой культуры [5, с. 64]. Если правокультурные традиции не совпадают, перенос института из одной правовой системы в другую, особенно в полном объеме, представляется невозможным.

Нам представляется очевидным, что правила Миранды содержат правокультурный концепт наднационального значения. Авторитетный русский ученый Л.Е. Владимиров утверждал, что уголовное судопроизводство, основанное на принципе, согласно которому никто не обязан свидетельствовать против себя, является правильным [12, с. 324]. С одной стороны, это подчеркивает имманентность данного элемента российской правовой науке и системе законодательства, а с другой – автор подтверждает его значимость для правоприменительной практики США конца XIX – начала XX веков, когда создавалась его работа «Учение об уголовных доказательствах», то есть задолго до решения Верховного суда США по делу Э. Миранды. При этом Л.Е. Владимиров в затекстовой сноске, комментируя правило об отсутствии обязанности свидетельствовать против себя, отмечал: «Жизнерадостность, пронизывающая всю американскую жизнь, кажется, проникает и в судебный зал, и в тюрьму» [12, с. 461]. Таким образом, по оптимистичному мнению автора, США были более других стран готовы к выделению принципа *nemo tenetur se ipsum accusare*. Не исключено, что сам Л.Е. Владимиров разделял праворомантические взгляды. Однако правоприменительная практика США первой половины XX века, описанная Э. Уорреном в решении по делу Э. Миранды, включала случаи насилия, обмана и манипуляций со стороны полиции в отношении задержанных или арестованных. Это было реальностью деятельности американской полиции до принятия указанного судебного решения.

Возвращаясь к статье профессора И.В. Смольковой, считаем необходимым выделить в ней положения, важные для понимания правил Миранды и оценки возможности их заимствования в российскую правовую практику. Так, автор обоснованно акцентирует внимание на части судебного прецедента, где условием применения правил Миранды названо заключение под стражу или иное ограничение свободы [5, с. 61]. Разъяснение прав задержанному или арестованному проводится именно в этих случаях, что позволяет рассматривать это

как первую часть гипотезы регулятивной нормы российского уголовного процесса. Вторая часть гипотезы, которую можно вывести из текста Смольковой, заключается в том, что применение правил Миранды связано с предполагаемым допросом (опросом), проводимым субъектами уголовного преследования. Содержание гипотезы российской нормы в этом случае *de lege ferenda* могло бы быть следующим: «Если человек ограничен в свободе любым образом и от него предполагается получить вербальную информацию, то...».

И.В. Смолькова, анализируя мировую юриспруденцию, считает, что сущность привилегии против самообвинения может (и должна) соотноситься с правом не отвечать на вопросы [5, с. 58]. Это возможно только в форме молчания. В такой интерпретации право не свидетельствовать против себя трактуется как право на молчание и представляется допустимым. Уголовно-процессуальная активность при задержании и аресте исходит от властного субъекта правоотношений. На нем лежит обязанность выяснять интересующие его обстоятельства; для этого на первоначальном этапе проверки сообщения о противоправном деянии или проведения первых процессуальных действий он использует, прежде всего, вербальную коммуникацию, которая в уголовном судопроизводстве сводится к постановке вопросов и получению ответов. Предоставление ложных сведений в ответах в любом случае является активным действием, а не молчанием. Это можно рассматривать как диспозицию регулятивной нормы. Законной реакцией (после разъяснения права на молчание, но до постановки вопросов или иных форм инициирования вербальной коммуникации) в данном случае будет прямой отказ отвечать на вопросы или молчание.

При этом И.В. Смолькова, хотя и не обозначает это явно, упоминает санкцию за нарушение правила, установленного в диспозиции. Вербальная информация, полученная от преследуемого лица, может быть использована как доказательство только при условии, что сторона обвинения докажет: преследуемому разъяснили его право на молчание, и он добровольно выбрал иной вариант, осознавая, что его ответы, объяснения или показания могут стать доказательствами против него [5, с. 61]. Если же ответы, показания или объяснения получены без предварительного разъяснения права на молчание (или это не доказано), такая информация не обладает качеством допустимого доказательства. Таким образом, ключевым элементом правил Миранды следует считать процедуру разъяснения процессуального права. Однако дефекты в разъяснении права на молчание в российской практике вряд ли приведут к системному признанию вербальной информации недопустимым доказательством.

В заключение своей статьи И.В. Смолькова предположила, что заимствование нормативных идей правил Миранды и их внедрение в российский уголовный процесс могли бы способствовать качественному развитию нашего законодатель-

ства, усиливая «гарантии защиты прав задержанных и арестованных лиц» [5, с. 66]. Если исходить из того, что таких гарантий в настоящее время либо нет, либо они недостаточны, с этой аргументацией можно согласиться.

При этом разъяснение права не свидетельствовать против себя является обычной практикой на стадии предварительного расследования в России. Однако проблемным остается реальное обеспечение этого права при проведении проверочных действий органами дознания или документирования оперативно-розыскных мероприятий, предшествующих следственным действиям. Эти действия носят характер уголовного преследования, но осуществляются вне рамок уголовно-процессуального производства и, по идее, должны подкрепляться общеправовыми гарантиями, включая те, что установлены в других отраслях права. Это возможно, однако цельность уголовно-процессуальной формы в таком случае оказывается под вопросом.

В североамериканском праве молчание задержанного или арестованного лица рассматривается как часть надлежащей правовой процедуры, охватывающей все действия до начала судебного разбирательства и в ходе него [13, с. 136]. Это формирует режим надлежащего процессуального порядка в праве США. В российском же праве законность уголовного судопроизводства ограничена рамками уголовного дела, то есть связана с началом формальных процессуальных действий и принятием соответствующих решений. Деятельность представителей государства по фактическому задержанию и доставлению в отдел полиции (или следственный отдел) остается вне сферы регулирования УПК РФ. В связи с этими различиями полное заимствование правил Миранды представляется маловероятным.

По мнению Е.А. Макаровой, правила Миранды позволяют исключить «принудительность со стороны полиции» [14, с. 328], в том числе в отношении вопросов, задаваемых преследуемому лицу в различных формах [14, с. 329]. Под таким принудительным воздействием могут подразумеваться разные способы получения вербальной информации от задержанного или арестованного. Калькирование правил Миранды в российское регулирование предполагает их внедрение в деятельность лиц, осуществляющих дознание и оперативно-розыскные мероприятия.

Следует признать, что основные идеи правил Миранды повлияли на российскую теорию уголовного судопроизводства. Так, Ю.Г. Овчинников допускает заимствование разъяснения права на молчание в российское уголовно-процессуальное регулирование. Он отмечает, что каждый сотрудник, уполномоченный на задержание, обязан после фактического захвата человека «разъяснить в устной форме, ясно и понятно, право хранить молчание» [15, с. 183]. В таком случае возможен эффект мирандизации российского законодательства, однако в действительности подобное регулирование в нем отсутствует.

Более того, в науке уголовного процесса существуют позиции, ограничивающие применение правил Миранды (или схожих российских норм) в практике расследования уголовных дел. Так, К.А. Костенко считает, что право на молчание подозреваемого (обвиняемого) не распространяется на вопросы, не связанные с сутью подозрения или обвинения. К таким он относит вопросы «о биографических данных лица, месте работы, прошлой трудовой деятельности, состоянии здоровья и т.д.» [16, с. 122, 124–125]. Ответы на них, по его мнению, относятся к предмету доказывания, бремени стороны обвинения и необходимости подтверждения доказательствами, включая такие элементы состава преступления, как субъект и субъективная сторона.

Примечательно, что схожая тенденция наблюдалась и в праве США. В деле *Pennsylvania v. Muniz* (1990) суд постановил, что некоторые ответы задержанного, полученные при его полицейской регистрации (учете), могут использоваться как доказательства, даже если право на молчание ему не разъяснили [17].

Для нашего правового понимания этот прецедент малоприменим. Информация, получаемая при задержании (объяснения в протоколе задержания, устные объяснения, явка с повинной, письменное чистосердечное признание и другие виды самообвинения, встречающиеся в практике, а также показания и объяснения подозреваемого), не относятся к регистрационным действиям, а, как правило, служат основой для формирования обвинительных доказательств.

Применение аналогов правил Миранды или отказ от них в национальном праве, на наш взгляд, связаны с правокультурным аспектом. Если законодательство ориентировано на защиту индивидуальных прав человека, право на молчание может стать реальной частью его регулятивного содержания. Если же законодатель отдает приоритет публичному интересу (например, достижению истины по уголовному делу), его правовая идеология, скорее всего, не позволит полностью закрепить право на молчание в законе.

В российской науке уголовного процесса право на молчание воспринимается противоречиво, что, вероятно, обусловлено отсутствием соответствующего нормативного регулирования.

В качестве вывода укажем следующее. Правила Миранды могут использоваться в различных национально-правовых системах. Связано это с тем, что в их основе лежит классическая юридическая конструкция *nemo tenetur se ipsum accusare*. В североамериканском праве она представлена в пятой поправке Конституции США и сводится к норме «никто не должен принуждаться свидетельствовать против самого себя», но в правилах Миранды судебным толкованием им придан смысл «каждый имеет право на молчание, которое должно быть разъяснено перед допросом». Такое в прецедентном праве возможно, поскольку оно всегда имеет свойство расширения нормы.

В российском уголовно-процессуальном праве существует схожее конституционное положение о том, что никто не обязан свидетельствовать против себя самого. Однако в отраслевом законе это представляется иначе, а именно нормой о том, что подозреваемый (обвиняемый) имеет право давать объяснения и показания. Субъективное право задержанного (подозреваемого, обвиняемого) на молчание в законе прямо не упоминается. В этом случае процессуальный порядок (содержание разъясняемых прав) соответствует закону, форма информирования о правах не делает в своем содержании акцента на праве на молчание.

В доктрине российского уголовного процесса право на молчание обосновывается лишь отдельными авторами, но его принятие как законодательской идеи, по нашему мнению, должно коррелироваться с правоидеологическими установками. Право на молчание очевидно образует область субъективного интереса задержанного (подозреваемого, обвиняемого). Соответственно оно может стать нормативным правилом тогда, когда личный процессуальный интерес образует правовую ценность. Сегодня же эволюционирование российского уголовно-процессуального права имеет более публичный вектор, исключая полное заимствование всех правил Миранды, в том числе права на молчание, в отечественный уголовно-процессуальный закон.

Литература

1. Мишина, Е. Миранда против штата Аризона / Е. Мишина // Российская юстиция. – 1997. № 2. – С. 50–53.
2. Пешков, М.А. Правила Миранды – революция в уголовном процессе США / М.А. Пешков // Юрист. 1998. – № 2. – С. 36–39.
3. Махов В.Н. Судьба правил Миранды в уголовном процессе США / В.Н. Махов, М.А. Пешков // Адвокатская практика. – 1999. – № 4. – С. 43–53.
4. Рачева, Н.В. Особенности допроса подозреваемых при расследовании уличных грабежей и разбоев / Н.В. Рачева // Проблемы раскрытия преступлений в свете современного уголовного процессуального законодательства. – Екатеринбург, 2003. – С. 393–396.
5. Смолькова, И. В. «Правила Миранды»: история возникновения и реализации в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации / И.В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 1(39). – С. 57–69. – DOI 10.17150/2411–6122.2023.1.57–69. – EDN JYGIAY.
6. [Электронный ресурс]. *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 (1966). URL <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/#F66> (обращение 30 января 2025 г.)
7. Конституция Соединенных Штатов Америки. – М., 1999. – 24 с.

8. Дягилев, Д.Е. История возникновения «правила Миранды» в правоприменении США / Д.Е. Дягилев, Е.А. Васкина // Культура народов в социальном пространстве и времени. – Иркутск, 2022. – С. 70–74. – EDN SFAXXK.
9. Бакланова, Е. В. «Право на молчание» и «правило Миранды» при производстве по уголовным делам в условиях современного развития России: международный опыт правового регулирования / Е.В. Бакланова // Инновации в науке и практике. – Уфа, 2021. – С. 146–152. – EDN OSENYK.
10. Григорьева, А.А. Правило Миранды при производстве в уголовном процессе в условиях современного развития России / А.А. Григорьева, В.В. Немашкалова // Право и правосудие в современном мире (к 100-летию Верховного Суда Российской Федерации). – Санкт-Петербург, 2022. – С. 1190–1194. – EDN HXUUWZ.
11. Zerbes, I. „Nemo tenetur se ipsum accusare“: Moderne Ansprüche an alte Ideen am Beispiel des Verbandsstrafrechts / I. Zerbes // Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft. – 2018. – Т. 129. – № 4. – С. 1035–1052.
12. Владимиров, Л.Е. Учение об уголовных доказательствах / Л.Е. Владимиров. – Тула, 2000. – 464 с.
13. Геевский, И. А. США. Конституция и права граждан / И.А. Геевский, А.А. Мишин, В.М. Николайчик и др.; редкол.: И.А. Геевский (отв. ред.) и др.] АН СССР, Ин-т США и Канады. – Москва: Мысль, 1987. – 315 с.
14. Макарова, Е.А. Правило Миранды: опыт законодательного закрепления в европейских странах / Е.А. Макарова // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (навстречу 300-летию российской полиции). – Санкт-Петербург, 2017. Т. 2. – С. 328–331. – EDN ZTFJLZ.
15. Овчинников, Ю.Г. Необходимо ли внедрить «правило Миранды» в российский уголовный процесс? / Ю.Г. Овчинников // Современное состояние и перспективы развития уголовно-процессуального законодательства: теоретические и практические аспекты. – Воронеж, 2012. – С. 176–183. – EDN XILMTB.
16. Костенко, К. А. «Правило Миранды» в российском уголовном процессе: проблемы теории и практики правоприменения / К.А. Костенко // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 4(10). – С. 120–126. – EDN VJCPNW.
17. [Электронный ресурс]. *Pennsylvania v. Muniz*, 496 U.S. 582 (1990). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/496/582/>

A comparison of the norms present in the decision on the case of *E. Miranda* with the norms of Russian law allows us to assume that the right to silence in the form in which it exists in the United States is not inherent in the Russian legal system. The constitutional right of a Russian citizen not to testify against himself is realized in industry law, but it is not identical to the right to silence. The right to silence in the North American legal system, based on the Fifth Amendment to the US Constitution, is a natural continuation of the in precedent norm on the right not to testify against oneself.

The right not to testify against oneself is an active form of protection, it forms a procedural form of explanation of subjective rights to a detained (suspected) person, implying communication of the persecuted person with the subjects persecuting him. The right to silence is a passive form of protection, the content of which is the refusal of verbal communication, requiring precisely this procedural form of explanation of subjective rights.

The possibility of using the right to silence is connected with the legal ideological principles that dominate the legal system. The implementation of this right is possible in systems whose core is formed by individual human rights. The dominance of public interest in the regulation of criminal procedural relations (focus on establishing the truth) does not allow the right to silence to be fully implemented in the national legal system as an element of the *Miranda* rules.

Keywords: criminal process, criminal proceedings, proof, evidence, suspect, detainee, detention, interrogation, questioning, explanation, statement, *Miranda* rules, *Miranda* rights, *Miranda* warning, right to remain silent.

References

1. Mishina, E. *Miranda v. Arizona* / E. Mishina // Russian Justice. – 1997. No. 2. – P. 50–53.
2. Peshkov, M.A. *Miranda Rules – a Revolution in US Criminal Procedure* / M.A. Peshkov // Jurist. 1998. – No. 2. – P. 36–39.
3. Makhov V.N. *The Fate of the Miranda Rules in US Criminal Procedure* / V.N. Makhov, M.A. Peshkov // Advocate Practice. – 1999. – No. 4. – P. 43–53.
4. Racheva, N.V. *Features of interrogation of suspects during investigation of street robberies and assaults* / N.V. Racheva // Problems of solving crimes in light of modern criminal procedural legislation. – Ekaterinburg, 2003. – P. 393–396.
5. Smolkova, I. V. “*Miranda Rules*”: history of origin and implementation in criminal proceedings in the USA and the Russian Federation / I.V. Smolkova // Siberian criminal procedural and forensic readings. – 2023. – No. 1 (39). – P. 57–69. – DOI 10.17150/2411–6122.2023.1.57–69. – EDN JYGIAY
6. [Electronic resource]. *Miranda v. Arizona*, 384 U.S. 436 (1966). URL <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/384/436/#F66> (accessed January 30, 2025)
7. *The Constitution of the United States of America*. – М., 1999. – 24 p.
8. Dyagilev, D.E. *History of the emergence of the “Miranda rule” in US law enforcement* / D.E. Dyagilev, E.A. Vaskina // Culture of peoples in social space and time. – Irkutsk, 2022. – P. 70–74. – EDN SFAXXK.
9. Baklanova, E. V. “The right to silence” and the “*Miranda* rule” in criminal proceedings in the context of Russia’s modern development: international experience of legal regulation / E.V. Baklanova // Innovations in science and practice. – Ufa, 2021. – P. 146–152. – EDN OSENYK.
10. Grigorieva, A.A. *The Miranda Rule in Criminal Procedure in the Context of Russia’s Modern Development* / A.A. Grigorieva, V.V. Nemashkalova // Law and Justice in the Modern World (on the 100th Anniversary of the Supreme Court of the Russian Federation). – St. Petersburg, 2022. – P. 1190–1194. – EDN HXUUWZ.
11. Zerbes, I. “It Doesn’t Matter to Be True”: Modern Analysis of Old Ideas in the Concept of Legal Structures / I. Zerbes // Journal for the Modern Swiss Civil Society. – 2018. – Vol. 129. – No. 4. – P. 1035–1052.
12. Vladimirov, L.E. *The Doctrine of Criminal Evidence* / L.E. Vladimirov. – Tula, 2000. – 464 p.
13. Geevsky, I. A. USA. Constitution and Rights of Citizens / I.A. Geevsky, A.A. Mishin, V.M. Nikolaychik, et al.; editorial board: I.A. [Geyevsky (ed.), etc.] USSR Academy of Sciences, Institute of the USA and Canada. – Moscow: Mysl, 1987. – 315 p.

RECEPTION OF THE IDEAS OF THE “RULES OF MIRANDA”

Snetkova E.A., Zashlyapin L.A.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

14. Makarova, E.A. The Miranda Rule: Experience of Legislative Enshrinement in European Countries / E.A. Makarova // State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (Towards the 300th Anniversary of the Russian Police). Vol. 2. – St. Petersburg, 2017. – P. 328–331. – EDN ZTFJLZ.
15. Ovchinnikov, Yu.G. Is It Necessary to Introduce the “Miranda Rule” into Russian Criminal Procedure? / Yu.G. Ovchinnikov // Current state and prospects for the development of criminal procedure legislation: theoretical and practical aspects. – Voronezh, 2012. – P. 176–183. – EDN XILMTB.
16. Kostenko, K. A. “Miranda Rule” in Russian Criminal Procedure: Problems of Theory and Practice of Law Enforcement / K.A. Kostenko // Investigation of Crimes: Problems and Ways to Solve Them. – 2015. – № . 4 (10). – P. 120–126. – EDN VJCPNW.
17. [Electronic resource]. Pennsylvania v. Muniz, 496 U.S. 582 (1990). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/496/582/>

Особенности доказывания и квалификации деяний, связанных с оскорблением представителя власти

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России, судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы доказывания и квалификации деяний, предусмотренных ст. 319 УК РФ – «Оскорбление представителя власти». По мнению автора, помимо личных чести и достоинства сотрудника, оскорбление, совершенное публично, в присутствии посторонних лиц, существенно умаляет авторитет исполнительной власти и подрывает основы государственного управления, в связи с чем совершенное оскорбление требует обязательных ответных действий. Автор рассматривает некоторые вопросы доказывания данного преступления, при этом, по мнению автора, одной лишь аудио– или видеозаписи совершенного преступления недостаточно, так как обязательным признаком такого преступления является публичность оскорбления. Поэтому для признания лица виновным необходимы показания незаинтересованных лиц, то есть лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов и никак не участвовавших в конфликте. Кроме того, в статье автор приводит ряд спорных ситуаций, возможных при квалификации деяния по указанной статье УК РФ, таких как совершение оскорбления в присутствии гражданского персонала полиции, случаи, когда оскорбление адресовано не конкретному лицу, а всему правоохранительному органу в целом или же когда представителем власти принято неверное решение по делу. Кроме того, в статье приводится ряд мнений ученых – юристов.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, оскорбление представителя власти, публичность совершения, посторонние лица, авторитет властных органов.

В практической деятельности сотрудники правоохранительных органов очень часто сталкиваются с преступлением, предусмотренным ст. 319 УК РФ – «Оскорбление представителя власти». Оно входит в триаду основных статей, защищающих жизнь, здоровье, а также честь и достоинство работников различных правоохранительных структур – статей 317, 318 и 319 УК РФ.

Специфика деятельности представителей власти изначально предполагает постоянную возможность причинения им оскорбления со стороны самых различных лиц – совершивших административные правонарушения, задержанных, подозреваемых, обвиняемых или просто случайных лиц, находящихся в состоянии опьянения.

А.Ю. Кизиллов указывает, что «унижение чести и достоинства – это отрицательная оценка личности, унижение ее в глазах общественности либо подрыв собственного морального престижа потерпевшего». [1]

Помимо личных чести и достоинства сотрудника, оскорбление, совершенное публично, в присутствии посторонних лиц, существенно умаляет авторитет исполнительной власти и подрывает основы государственного управления. Поэтому оставление подобного оскорбления без внимания является неверным, напротив, публичное унижение чести и достоинства представителя власти требует обязательных ответных действий.

Так, приговором Красноглинского районного суда [2] К. признан виновным в совершении публичного оскорбления представителей власти при исполнении ими своих должностных обязанностей. Суд установил, что К., будучи в состоянии опьянения, в общественном месте, в присутствии посторонних граждан оскорбил грубой нецензурной бранью сотрудников ДПС ГИБДД, находившихся при исполнении своих обязанностей, в служебной форме и со знаками различия. Оскорбление представителя власти было совершено К. в ответ на справедливое замечание сотрудников полиции по поводу его поведения.

Поскольку объективная сторона данного преступления сводится фактически к одним лишь словам, то вопросы квалификации и доказывания подобного деяния представляют особую сложность.

В настоящее время, в связи с повсеместным развитием различных средств аудио– и видеозаписи, вопросы фиксации соответствующих деяний значительно упростились. Например, сотрудники МВД при несении службы обязаны пользоваться системой натальной видеофиксации «Дозор», запись с которой является допустимым доказательством виновности лица.

В то же время, безусловно, одной лишь записи совершенного оскорбления для доказывания вины недостаточно, поскольку обязательным признаком такого преступления является публичность оскорбления. Поэтому для признания лица виновным необходимы показания незаинтересованных лиц, то есть лиц, не являющихся сотрудниками правоохранительных органов и никак не участвовавших в конфликте. При этом данные показания должны соответствовать показаниям потерпевшего и свидетелей – сотрудников правоохранительных органов, что, в связи со скоротечностью и стрессовостью ситуации, имеет место отнюдь не всегда.

Обоснованность квалификации деяния именно по ст. 319 УК РФ практически всегда вызывает споры. Прежде всего, состав данного преступления предполагает нецензурность оскорбления. Грань между цензурностью и нецензурностью часто очень тонка, более того, одни и те же слова в различных сочетаниях могут быть расценены и как цензурные и как нецензурные.

Например, А.В. Шрамченко указывает, что «само по себе унижение чести и достоинства личности, как бы глубоко оно не затрагивало самолюбия потерпевшего, при отсутствии неприличной формы не влечет ответственности по ст. 319 УК РФ». [3]

По мнению А.Г. Брагиной, четких и определенных границ понятия неприличной форме нет и быть не может. [4]

Поэтому для доказательства виновности в подобных случаях может возникнуть необходимость в проведении судебно – лингвистической экспертизы. Полагаем, что в ряде сложных случаев возможно проведение подобной экспертизы в составе комиссии из нескольких экспертов – лингвистов и филологов, способных дать заключение о нецензурности соответствующих высказываний.

Среди ученых – юристов бытует теория, согласно которой для признания лица виновным недостаточно одних лишь публичности и нецензурности оскорбления. По мнению ученых, состав этого преступления предполагает также обязательность негативной реакции потерпевшего на оскорбление. [5]

В подобных случаях наличие либо отсутствие негативной реакции потерпевшего устанавливается путем его подробного допроса, При этом отсутствие каких – либо внешних признаков полученного эмоционального раздражения либо даже отсутствие личной обиды на оскорбление не свидетельствуют об отсутствии подобной реакции.

Представляет интерес само понятие публичности высказанного оскорбления. Выше указывалось, что публичным является оскорбление, совершенное в присутствии посторонних лиц либо ставшее известным посторонним лицам. Однако понятие «постороннее лицо» законом не сформулировано. Например, является ли публичным оскорбление, совершенное в присутствии гражданского персонала органа полиции – сотрудников канцелярии, уборщиц, завхоза? Или же совер-

шенное в присутствии задержанных лиц, которые так или иначе являются заинтересованными и зависимыми?

Полагаем, что в подобных случаях признак публичности присутствует. Гражданский персонал правоохранительных органов, равно как и задержанные, не являются представителями власти и, соответственно, не подпадают под диспозицию статьи 319 УК РФ, предусматривающую совершение преступления именно в отношении представителя власти. Поэтому все лица, не являющиеся таковыми, могут быть признаны посторонними и, следовательно, определенные действия в их присутствии обладают признаком публичности.

Следующим неоднозначным моментом трактовки оскорбления является его адресность. Нецензурная брань в отношении определенного представителя власти в связи с исполнением им служебных обязанностей, безусловно, содержит признаки ст. 319 УК РФ. А имеется ли состав преступления в случае, если брань адресована не конкретному лицу, а всем сотрудникам правоохранительного органа в целом?

По нашему мнению, в подобных случаях состав преступления отсутствует. Здесь имеет место оскорбление не представителя власти, а всего органа или всего подразделения соответствующего органа, то есть такие действия не соответствуют диспозиции ст. 319 УК РФ, а расширительная трактовка закона, естественно, недопустима.

И, помимо уже указанного, интерес представляет наличие состава преступления в случаях, когда оскорбления сотрудника не беспочвенны. Конечно, в случаях, когда действия сотрудника грубо нарушают закон, то о его оскорблении при этом речи быть не может. Невозможно обвинять в оскорблении лицо, подвергнутое незаконному избиению или пытке. Однако будет ли иметь место состав данного преступления, если сотрудником, например, вынесено постановление, впоследствии отмененное вышестоящей инстанцией? Или же при неверной квалификации действий задержанного? Или при незначительном нарушении срока задержания?

Указанные действия не имеют признаков грубого нарушения закона, состав уголовного преступления здесь может присутствовать только в случаях существенного нарушения охраняемых законом прав и свобод гражданина, совершенного умышленно. При отсутствии же подобного умысла сотрудник в описанных ситуациях исполняет свои должностные обязанности, действуя в рамках его полномочий. Соответственно, оскорбление лица, исполняющего свои служебные обязанности, содержит признаки преступления, предусмотренного ст. 319 УК РФ даже в случаях, если принятое таким лицом решение будет впоследствии признано незаконным.

Статья УК РФ об оскорблении представителя власти имеет огромное значение для утверждения статуса и авторитета властных органов, которое сложно переоценить. Полноценная охрана любых предусмотренных законом прав человека

и гражданина, при отсутствии должного уважения к властным органам, невозможна, достигается же подобное уважение, в том числе, соблюдением запретов, установленных этой статьей уголовного закона. Поэтому применение ее с соблюдением всех необходимых норм и правил в значительной степени способствует соблюдению правопорядка в обществе в целом.

Литература

1. Кизилев А.Ю. Уголовно – правовое обеспечение управленческой деятельности представителей власти. Дисс.. канд. юрид наук. –Ульяновск. 2002. – С. 133.
2. Приговор Красноглинского районного суда URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-319-uk-rf-oskorblenie-predstavitelja-vlasti/prigovor-suda-po-st.-319-uk-rf-1-1002017-oskorblenie-predstavitelja-vlasti.html> (дата обращения 10.02.2025 г.)
3. Шрамченко А.В. Уголовно – правовая защита сотрудников милиции при исполнении ими служебных обязанностей: учебное пособие. – Ставрополь, 2007. – С. 126.
4. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: Дисс... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – С. 91.
5. Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: Дисс... канд. юрид. наук. – Красноярск, 2006. – С. 104–105.

THE SPECIFICS OF PROVING AND QUALIFYING ACTS RELATED TO INSULTING A GOVERNMENT OFFICIAL

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of proving and qualifying acts provided for in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Insulting a representative of authority.” According to the author, in addition to the personal honor and dignity of an employee, an insult committed in public, in the presence of strangers, significantly detracts from the authority of the executive branch and undermines the foundations of public administration, and therefore the insult requires mandatory retaliatory actions. The author considers some issues of proving this crime, while, in the author’s opinion, audio or video recordings of the committed crime alone are not enough, since publicity of the insult is an obligatory sign of such a crime. The article discusses the issues of proving and qualifying acts provided for in Article 319 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Insulting a representative of authority.” According to the author, in addition to the personal honor and dignity of an employee, an insult committed in public, in the presence of strangers, significantly detracts from the authority of the executive branch and undermines the foundations of public administration, and therefore the insult requires mandatory retaliatory actions. The author considers some issues of proving this crime, while, in the author’s opinion, audio or video recordings of the committed crime alone are not enough, since publicity of the insult is an obligatory sign of such a crime.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, insulting a representative of authority, publicity of commission, unauthorized persons, authority of authorities.

References

1. Kizilov A.Y. Criminal and legal support of managerial activities of government representatives. Diss.. Candidate of Sciences. Jurid of Sciences. – Ulyanovsk. 2002. – p. 133.
2. The verdict of the Krasnoglinsky district Court URL: <https://advocate-service.ru/sud-praktika/ugolovnye-dela/prigovory-sudov-po-st.-319-uk-rf-oskorblenie-predstavitelja-vlasti/prigovor-suda-po-st.-319-uk-rf-1-1002017-oskorblenie-predstavitelja-vlasti.html> (date of application 02/10/2025)
3. Shramchenko A.V. Criminal law protection of police officers in the performance of their official duties: a textbook. Stavropol, 2007, p. 126.
4. Bragina A.G. Criminal liability for insulting a government official: Diss...kand. jurid. sciences’. Krasnoyarsk, 2006, p. 91.
5. Bragina A.G. Criminal liability for insulting a government official: Diss...kand. jurid. sciences’. Krasnoyarsk, 2006. pp. 104–105.

Конвергенция субъектов, осуществляющих финансовый мониторинг в сфере ПОД/ФТ/ФРОМУ в современных условиях

Кузнецов Никита Владимирович,

аспирант кафедры финансового права Российского государственного университета правосудия
E-mail: nkuznetsov2401@gmail.com

Статья посвящена изучению круга субъектов, которые являются участниками деятельности по противодействию отмыванию денежных средств и финансированию терроризма. Анализируется международное и национальное правовое регулирование, и его перспективы развития в условиях приостановки членства Российской Федерации в FATF. В статье дается классификация субъектов, которые занимаются финансовым мониторингом, и раскрывается порядок их взаимодействия. По результатам исследования, было сформулировано определение агентов финансового мониторинга в области ПОД/ФТ и ФРОМУ. Отдельно также отмечается перспективы увеличения роли и развития влияния Евразийского экономического союза в области борьбы с финансированием преступной деятельности такой как террористическая деятельность, а также с отмыванием денежных средств в условиях санкционного давления.

Ключевые слова: финансовый мониторинг, FATF, кредитные организации, ЕАЭС, агенты финансового мониторинга.

С момента вступления России в FATF с 2003 года, страна в значительной степени усилила свою позицию в рамках противодействия финансированию терроризма, а также легализации доходов, полученных преступным путем.

Однако, каждый день, в мире происходят операции, которые ранее не были знакомы ни государствам участниками FATF, ни другим государствам и методологиям борьбы с ними, что создает угрозу атаке на независимость, прозрачность и целостность экономики и безопасности человечества, в связи с чем, государства как на уровне международном, так и на уровне национальном должны все время совершенствовать систему предотвращения таких операций.

К сожалению, 24 февраля 2023 года FATF приостановила членство России в организации, что создает риски внесения России в серый и черный списки данной группы, что в свою очередь, создает угрозы для системы расчетов в рамках международных транзакциях с участием российский контрагентов.

Российская Федерация обладает рядом государственных органов, выполняющих публично правовые функции в области предотвращения отмывания денег, финансирования терроризма и распространения оружия массового уничтожения. Однако, эта система не ограничивается исключительно органами государственной власти. Она распространяется далеко за пределы государственных органов власти и используется в том числе для осуществления контроля над финансами с помощью агентов финансового мониторинга.

Стоит подчеркнуть, что финансовый контроль является составной частью финансового мониторинга. В своей работе М.М. Сперанский говорил о необходимости создания глобального финансового контроля за расходованием государственных средств, который будет гарантировать прозрачность и предотвратит возможность злоупотребления государственными финансами¹.

Следом предпринимались попытки дать определение финансового контроля со стороны С.Н. Братуся, Н. Д Казанцева, С.Ф. Кечежьяна, А. Сухарева. Они исходили из предположения, что государственная функция финансового контроля, осуществляется специальными уполномоченными государственными органами, муниципальными образованияами и иными субъектами по борьбе с легализацией доходов, полученных преступным путем и оказанием финансовой поддержки терро-

¹ Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. – М.:, 1905 – С. 102.

ризму, в число которых входят юридические лица, которые в силу своих полномочий контроль расходов и поступления бюджетного финансирования, что естественно дало существенный толчок в развитии системы субъектов, которые осуществляют финансовый контроль, однако, не дало никакого понятия о правовом статусе таких организаций¹.

Для определения статуса таких субъектов и их иерархического расположения в системе, стоит отметить обратить внимание на роль каждого из субъектов ПОД/ФТ/ФРОМУ и как менялся их процесс взаимодействия, начиная с роли международных организаций и заканчивая введением так называемого банковского светофора.

Одними из первых научных деятелей, кто предпринимал попытки систематизации субъектов финансового мониторинга, являются Ю.А. Чиханчин, А.Г. Братко².

Они выделяют, в том числе как один из принципов науки ПОД/ФТ/ФРОМУ, двухуровневый характер реализации финансового мониторинга.

Верхний уровень – это прежде всего специально созданный Росфинмониторинг, Центральный банк Российской Федерации и другие надзорные органы, осуществляющие свою функцию исключительно через призму публично правовой функции.

В нижний уровень входят банки и другие лица, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом.

При этом данные ученые говорят о том, что нижний уровень опирается в своей деятельности исключительно на те предписания, которые содержатся в федеральном законе, действуют в пределах гражданских правоотношений между организацией и клиентом.

М.М. Прошунин выделяет три уровня системы субъектов ПОД/ФТ. На первом и втором уровне выступают органы финансового мониторинга³.

На первом уровне традиционно располагается Росфинмониторинг, в том числе в лице своих подразделений, описание которых подробно изложено в трудах М.М. Прошунина.

Второй уровень – государственные органы, осуществляющие надзорные функции непосредственно за субъектами финансового мониторинга, тот же Центральный банк Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, Российская государственная пробирная палата при Министерстве финансов Российской Федерации.

И наконец-то, третий уровень, это все субъекты, кто непосредственно являются агентами финансо-

вого мониторинга и перечислены в ст. 5 Федерального закона № 115-ФЗ.

При этом, Ю.А. Чиханчин, А.Г. Братко, полагают, что введение М.М. Прошуниним понятия финансовых агентов является излишним. Данная позиция обосновывается прежде всего тем, что данное понятие отсутствует в доктрине и нормативных правовых актах Российской Федерации.

Помимо этого, данные ученые, полагают, что само понятие финансового агента делает их частью системы государственных системы финансового мониторинга, подчеркивая, что тогда ответственность за действия финансовых агентов берут на себя органы, осуществляющие надзор за самими агентами.

Здесь стоит не согласиться с выводами Ю.А. Чиханчин, А.Г. Братко в связи со следующим. Во-первых, стоит отметить то, что противодействие отмыванию денежных средств и противодействие терроризму является публичной функцией. Данная функция, при этом имеет достаточно интересную правовую природу с точки зрения того, что финансовый мониторинг невозможно выполнить без взаимодействия как государственных органов, так и частноправовых образований (организаций).

Согласно самой первой статье Закона о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, главной задачей принятия такого закона и создания системы контроля по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем является создания правового механизма противодействия для обеспечения достойного уровня защиты прав и интересов государства и общества.

Данная норма позволяет сделать вывод о том, что реализация функции противодействия отмыванию денежных средств различными субъектами этих правоотношений является охранительной, защищающей конституционные основы, преследующей, прежде всего публичный интерес, иначе если их выделять как субъектов гражданских правоотношений, в чем для них заключается экономическая целесообразность в реализации мер ПОД/ФТ⁴.

При этом, стоит отметить, что круг субъектов, осуществляющих функцию, направленную на противодействию легализации и финансированию терроризма гораздо больше, чем изложено в ранних исследованиях. Это исходит прежде всего из того, что механизм защиты экономики страны является фундаментальным, он защищает конституционные права и свободы всех его участников. Именно поэтому, учитывая социальную роль данного явления необходимо рассматривать в качестве субъектов финансового мониторинга и тех субъекты права, которые ежедневно участвуют в совершении гражданско-правовых сделок и которые в си-

¹ Братко С.Н., Казанцев Н.Д., Качекаян С.Ф. Советский юридический словарь, 1953 г. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 82

² Чиханчин Ю.А., Братко А.Г. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата // – М.: Юстицинформ, 2018. Т. – С. 128

³ Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: 2010. – С. 45

⁴ Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

лу определенных полномочий осуществляют контроль над такими сделками.

Здесь целесообразно констатировать тот факт, что финансовый мониторинг пришел в Российскую Федерацию извне, следовательно, стоит выделить группу международных организаций, став участником которых, Российская Федерация начала реализовать финансовый мониторинг.

На данном уровне Организация Объединенных Наций играет ключевую роль. Россия начиная с момента вступления в ООН, вместе с остальным миром проделала огромный путь для создания международных механизмов по борьбе с отмыванием денежных средств и борьбой с организованной преступностью в том числе и с терроризмом. Не для кого не секрет, что огромную роль в развитии этого направления сыграл период конца прошлого века после распада Советского союза, когда молодая демократическая Россия укрепила свои международные позиции, а дипломатические отношения вышли на новый уровень. Например, была принята Конвенция против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года, которая остается инструментом борьбы с терроризмом и по сей день, а также Конвенция о борьбе с финансированием терроризма от 9 декабря 1999 года, которая является фундаментально с точки зрения противодействия террористической деятельности так как ратифицирована в 193 странах.

Следующим по значимости международным субъектом финансового мониторинга является Совет Европы.

Хотя на сегодняшний день членство России в Совете Европы приостановлено, а сама страна вышла в том числе и из ряда важных конвенций, которые существовали до этого, на протяжении многих лет ориентиром для системы финансового мониторинга остается Конвенция об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г., которые в значительной степени усилили позиции европейского континента в рамках борьбы с преступностью и терроризмом в начале двадцать первого века.

В заключении в рамках этой группы важным субъектом международного права является организация ФАТФ (FATF). Россия стала участником ФАТФ в июне 2003 года. Именно рекомендации ФАТФ были взяты за основу для формирования Закона о противодействии отмыванию денежных средств в российской Федерации, помимо этого на региональном уровне действует также Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию, которая является ассоциативным участником ФАТФ и имеет более 23 наблюдателей.

Эти организации являются первым уровнем в сфере финансового мониторинга и их деятельность является ведущей. Именно они определяют фундаментальные принципы, которые направлены на борьбу с отмыванием денег и финансирова-

нием терроризма и помогают совершенствовать правовой механизм через призму международного опыта. В свою очередь, ч. 4 ст. 15 Конституция Российской Федерации гарантирует соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Следующий уровень субъектов финансового мониторинга национальный. Как и в любом направлении деятельности государства, первостепенную роль играет законодательное собрание Российской Федерации. Данный субъект формирует нормативную правовую основу, закрепляя полномочия последующих субъектов реализации финансового мониторинга, в том числе и Росфинмониторинга, в чем в том числе и реализуется важная функция государства в виде так называемой системы «Check and balances».

Следующий субъект, это сам Росфинмониторинг и Российская государственная пробирная палата при Министерстве финансов Российской Федерации, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и Банк России.

Данным органам государственной власти делегированы основные публичные правовые функции в сфере финансового мониторинга. Именно от их деятельности и контроля зависит безопасность государства и граждан Российской Федерации.

К следующей группе можно отнести субъекты, которые прямо упомянуты в основном законе. При построении модели системы по борьбе с отмыванием денежных средств необходимо учитывать, что именно они являются первой линией борьбы, контролируя операции и различные сделки, которые могут быть направлены на легализацию денежных средств. Исходя из положения законодательства у них есть полномочий контроля ряда операций, но они не являются специально созданными субъектами для осуществления противодействия отмыванию денежных средств. Они лишь выполняют свою работу в рамках осуществления основной функции.

Однако, здесь важно отметить тот факт, что помимо выполнения своей функции прежде всего, как субъектов гражданского права, а их правоотношения с подконтрольными субъектами права возникают на основе гражданско-правовых договоров, они выполняют и квази-публичную функцию, которая в том числе существует и за счет создания внутренних правил регулирования мероприятий внутри организации направленных на борьбу с терроризмом и борьбой с отмыванием денежных средств.

И так суммируя вышесказанное предлагается своя институциональная система финансового мониторинга в системе ПОД/ФТ/ФРОМУ, которая является двухуровневой (международный и национальный):

Международный уровень включает международные организации, формирующие базис финан-

сового мониторинга, такие как ООН, FATF, Совет Европы, и ЕАГ.

Национальный уровень, в свою очередь, включает в себя две группы субъектов. Первой являются публично правовые образования, которые изначально создавались для борьбы с терроризмом и отмыванием денежных средств. Вторая группа включает иные субъекты, которые участвуют в борьбе с терроризмом и отмыванием денежных средств через реализацию квазигосударственных полномочий, которые являются агентами финансового мониторинга.

В свою очередь, для понимая роли и значимости таких субъектов, предлагает понятие агента финансового мониторинга, под которыми понимаются хозяйствующие субъекты в виде индивидуальных предпринимателей, юридических лиц, а также адвокатов, нотариусов и иных специальных субъектов, упомянутых прямо в законе, осуществляющих в своей деятельности квазипублично-правовую функцию в форме мониторинга операций и сделок с целью выявления подозрительных сделок, а также принятия превентивных мер с целью противодействия отмыванию денежных средств и финансированию терроризма.

Отдельно также стоит отметить перспективы развития ЕАГ, которое присоединилось к FATF в 2010 году. ЕАГ является ключевым посредником между FATF и Российской Федерацией так как она продолжает действовать и участвовать в деятельности FATF. Хотя до сегодняшнего момента, роль данной комиссии достаточно номинальная, она приняла ограниченное количество рекомендательных документов, сегодня она может стать ключевой площадкой взаимодействия и внедрения инновационных подходов во всех странах участницах, где будет происходить конвергенция субъектов, осуществляющих ПОД/ФТ/ФРОМУ.

Литература

1. Братусь С.Н., Казанцев Н.Д., Качекьян С.Ф. Советский юридический словарь, 1953 г. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 82
2. Прошунин М.М. Финансовый мониторинг в системе противодействия легализации преступ-

ных доходов и финансированию терроризма: российский и зарубежный опыт: Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М.: 2010. – С. 45

3. Сперанский М.М. План государственного преобразования графа М.М. Сперанского. – М., 1905. – С. 102.
4. Чиханчин Ю.А., Братко А.Г. Финансовый мониторинг: учебное пособие для бакалавриата // – М.: Юстицинформ, 2018. Т. 1
5. Федеральный закон от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

CONVERGENCE OF ENTITIES CARRYING OUT FINANCIAL MONITORING IN THE FIELD OF AML / CFT / PF IN MODERN CONDITIONS

Kuznetsov N.V.

Russian State University of Justice

The article is devoted to the study of the circle of entities that are participants in activities to combat money laundering and terrorist financing. It analyzes international and national legal regulation and its development prospects in the context of the suspension of the Russian Federation's membership in the FATF. The article provides a classification of entities that are engaged in financial monitoring and reveals the procedure for their interaction. Based on the results of the study, a definition of financial monitoring agents in the field of AML/CFT and CFMD was formulated. Separately, it is also noted the prospects for increasing the role and development of the influence of the Eurasian Economic Union in the field of combating the financing of criminal activities such as terrorist activities, as well as money laundering in the context of sanctions pressure.

Keywords: financial monitoring, FATF, credit institutions, EAEU, financial monitoring agents.

References

1. Bratus S.N., Kazantsev N.D., Kachekyan S.F. Soviet Law Dictionary, 1953. – Moscow: Gosyurizdat, 1953. – P. 82
2. Proshunin M.M. Financial Monitoring in the System of Combating Money Laundering and Terrorism Financing: Russian and Foreign Experience: Abstract of a Doctor of Law Dissertation. Moscow.: 2010. – P. 45
3. Speransky M.M. State Transformation Plan of Count M.M. Speransky. – M., 1905. – P. 102.
4. Chikhanchin Yu.A., Bratko A.G. Financial monitoring: a tutorial for the bachelor's degree // – M.: Yustitsinform, 2018. Т. 1
5. Federal Law of August 7, 2001 No. 115-FZ "On Combating the Legalization (Laundering) of Criminally Obtained Incomes and the Financing of Terrorism" // SZ RF. 2001. No. 33 (Part I). Art. 3418.

Мельчаков Кирилл Михайлович,

студент, кафедра гражданского права, Институт философии и права Новосибирского государственного университета
E-mail: Kmelchakov04@mail.ru

Автор ставит перед собой задачу изучить предпосылки и механизм применения смертной казни как одной из карательных мер в национальной правовой системе. В качестве методологической базы используются формально-юридический и системный подходы. В исследовании рассматриваются юридические аспекты реализации данной санкции, а также возможные тенденции развития этого правового механизма в системе уголовного права.

Отношение к высшей мере наказания в социуме остаётся темой оживлённых споров. Одни полагают её излишне суровой и бесчеловечной, тогда как другие ратуют за снятие временно-моратория и возвращение к её применению.

Автор приходит к выводу, что современная отечественная юридическая наука не уделяет этой теме того внимания, которого она заслуживает. Среди ученых, в последнее время, исследовавших правовую основу смертной казни в России, можно выделить таких авторов научных публикаций за последние годы, как Зорькин В.Д., Жильцов С.В., Иногамова-Хегай Л.В., Бавсун М.В., Малышева О.А., Виноградова Е.В., Голик Ю.В., Осташев О.А., Камзенов Е.Б., Кравцов Д.А., Побегайло Э.Ф., Подройкина И.А., Шестакова А.С. и других.

Ключевые слова: смертная казнь в России, смертная казнь как вид уголовного наказания в РФ, высшая мера наказания, исключительная мера наказания, мораторий на смертную казнь.

Правовые основы назначения высшей меры наказания

В современных реалиях, особую значимость приобретает вопрос правового регулирования смертной казни как меры уголовного наказания. Актуальность этой темы объясняется возобновлением общественных и политических дискуссий о возможности и допустимости применения данной санкции в России [1].

Так, в апреле 2023 года лидер партии «Справедливая Россия – За Правду» Сергей Миронов направил обращение председателю Конституционного суда РФ Валерию Зорькину с инициативой пересмотреть вопрос об отмене моратория на смертную казнь в России, обосновывая это значительными изменениями в геополитической обстановке [2].

В 2023 году Конституционный Суд РФ, рассмотрев обращение политика Сергея Миронова, подтвердил сохранение моратория на применение смертной казни. Основанием для отказа стало нарушение процедуры подачи запроса, предусмотренной федеральным законодательством. Это решение подчеркивает приверженность России международным обязательствам, включая неофициальный мораторий, действующий с 1996 года.

Точка зрения Конституционного Суда РФ по этому аспекту основана на том, что инициатива внесения законодательного проекта в парламент вряд ли обеспечит желаемый эффект, так как высшая мера наказания и порядок её реализации уже давно зафиксированы в законодательстве. При этом юридической основой для ограничения выступает не сам нормативный акт, а решение суда. Данное ограничение было установлено Постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П и впоследствии продлено на неопределённый срок Определением КС РФ от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р. Как уже отмечалось ранее, использование иных правовых норм для оценки правомерности данного аспекта невозможно.

Для того чтобы как можно полнее разобраться в этом вопросе, были найдены и проанализированы судебные прецеденты, касающиеся смертной казни. В РСФСР. 1 февраля 1990 года Верховный суд Бурятской АССР рассмотрел дело Коршунова Василия Николаевича (1964 г.р.), обвиняемого по ст. 177 ч. 4, ст. 102 п. «е» УК РСФСР.

Суд установил, что Коршунов, проживая в пос. Усть-Баргузин, совершил изнасилование и умышленное убийство несовершеннолетней Меньшиковой Евгении Владимировны (1980 г.р.), сопряжённое с изнасилованием.

Согласно амбулаторной и стационарной судебно-психиатрической экспертизе, он признан вменяемым. Установлен хронический алкоголизм, в связи с чем, на основании ст. 62 УК РСФСР, рекомендовано принудительное лечение.

При назначении наказания суд учёл, что Коршунов систематически злоупотреблял алкоголем, нарушал трудовую дисциплину, имел отрицательную характеристику, неоднократно привлекался к ответственности за нарушение общественного порядка. Отягчающими обстоятельствами признаны состояние опьянения и убийство малолетней.

Судебная инстанция, рассмотрев представленные обстоятельства, постановила: признать виновным Коршунова В.Н. на основании статей 117 часть 4 и 102 пункт «е» уголовного законодательства РСФСР. В соответствии с нормами статьи 117 часть 4 УК РСФСР определить вид наказания в виде 15 лет тюремного заключения без ссылки, а по статье 102 пункт «е» предусмотреть наивысшую санкцию.

Согласно положениям статьи 40 УК РСФСР совершённые преступления были рассмотрены совместно, при этом менее суровая мера заменена на наиболее жёсткую. В результате в отношении Коршунова была вынесена высшая мера наказания [4].

Как мы можем увидеть, при определении меры наказания Коршунову суд принимает во внимание, что тот систематически злоупотреблял спиртными напитками длительное время, нарушал трудовую дисциплину, на меры воздействия не реагировал, доставлялся за нарушение общественного порядка в отдел милиции, на производстве характеризовался отрицательно, отсюда он пришел к выводу, что подсудимый представляет для общества исключительно опасность. Поэтому суд считает необходимым назначить наказание Коршунову виде смертной казни.

Так, Пленум Верховного Суда СССР в 1975 году постановил: «Обратить внимание судов на необходимость строгого соблюдения принципа индивидуализации при назначении наказания лицам, виновным в умышленном убийстве. Судам необходимо при этом иметь в виду, что смертная казнь является исключительной мерой наказания и за совершение умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах закон допускает, но не требует ее обязательного применения.

Вопрос о назначении смертной казни должен в каждом конкретном случае решаться с учетом обстоятельств, указанных в ст. 32 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. Во всех случаях применения смертной казни в приговоре должны быть указаны мотивы назначения этого наказания» [5].

12 декабря 1993 г. новая Конституция РФ закрепила что «смертная казнь впредь до её отмены может устанавливаться федеральным законом в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни при

предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей» [7].

В 1997 году Россия подписала Протокол № 6, предусматривающий отмену высшей меры наказания в мирное время. Однако на сегодняшний день этот документ так и не был одобрен парламентом. Тем не менее, статья 59 Уголовного кодекса РФ продолжает рассматривать высшую меру пресечения как допустимый вариант уголовной ответственности [6], а согласно статье 186 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, её применение осуществляется в закрытом режиме посредством приведения приговора в исполнение с применением огнестрельного оружия [7].

Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, сформированной в 1999 году, использование смертной казни было временно остановлено до момента создания сети судов присяжных в каждом субъекте страны, что должно гарантировать соблюдение прав обвиняемых в рамках уголовного процесса [8].

Предполагалось, что этот этап завершится к 1 января 2010 года, когда в Чеченской Республике начнет функционировать суд присяжных. В связи с этим Верховный Суд направил запрос в Конституционный Суд с целью уточнения: возможно ли назначение смертного приговора в данном регионе после появления института присяжных заседателей. В вынесенном решении Конституционный Суд сослался на Протокол № 6 и отметил, что с 16 апреля 1997 года в России применение высшей меры наказания исключено: «она не подлежит ни назначению, ни исполнению» [9].

После того как во всех регионах Российской Федерации были созданы суды присяжных, Конституционный Суд в своем постановлении выразил свою позицию, опираясь на ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969, где сказано, что «Государство обязано воздерживаться от действий, которые лишали бы договор его объекта и цели, если:

а) оно подписало договор или обменялось документами, образующими договор, под условием ратификации, принятия или утверждения до тех пор, пока оно не выразит ясно своего намерения не стать участником этого договора;

б) оно выразило согласие на обязательность для него договора, – до вступления договора в силу и при условии, что такое вступление в силу не будет чрезмерно задерживаться» [10].

Конституционный суд отстаивал свою точку зрения следующим образом, «в Российской Федерации в результате длительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни, носящий временный характер и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода,

т.е. на реализацию цели, закрепленной в части 2 статьи 20 Конституции Российской Федерации; в связи с этим исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории Российской Федерации, не открывает возможность применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей».

В ч. 1 ст. 59 УК РФ сказано, что смертная казнь – это «исключительная мера наказания, которая может быть установлена только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь». Ее исключительность заключается в том, что она «устанавливается только за особо тяжкие преступления, посягающие на жизнь, и не может назначаться женщинам, несовершеннолетним лицам и мужчинам, достигшим к моменту вынесения приговора шестидесятипятилетнего возраста. Однако, данные признаки не отражают ее исключительности, так как они также присущи такому виду наказания, как пожизненное лишение свободы» [11].

В Особенной части Кодекса существует несколько преступлений, за совершение которых предусмотрена высшая мера наказания:

- 1) квалифицированное убийство (ч. 2 ст. 105 УК РФ);
- 2) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ);
- 3) посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ);
- 4) посягательство на жизнь сотрудника (ст. 317 УК РФ);
- 5) геноцид (ст. 357 УК РФ).

На наш взгляд, отмена существующей системы смертной казни приведет к активизации незаконных форм внесудебных казней, таких как кровная месть, линчевание и наемные убийцы. Недавний страшный случай в одном из небольших районов Башкирии наглядно подтверждает это. «Молодой учитель, навестивший семью одного из своих учеников, был жестоко наказан. Отец ученика, судимый хулиган, и его брат безжалостно убили его, причем все было записано на камеру. Даже патологоанатомы и следователи были шокированы этим преступлением. Учителю отрезали пальцы и приковали их к радиатору, а затем ржавой пилой отрезали голову. Его тело было найдено в барсучьей яме. Общество потребовало смертной казни, и люди собрались перед зданием суда. Возмущение дошло до СИЗО, где преступники не дождались приговора. Их похоронили на городском кладбище без крестов и имен. Через несколько дней их могилы были разрыты, головы отрублены, а тела пронзены» [12].

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к выводу, что уголовное законодательство Российской Федерации продолжает курс на либерализацию норм, касающихся применения исключительной меры наказания. В первую очередь это выражается в сокращении списка преступлений, за ко-

торые возможно назначение высшей санкции. Постепенно этот вид наказания исключается из правовых положений, регулирующих ответственность за крупномасштабные хищения, несоблюдение норм валютного регулирования и незаконное получение материальных благ [13].

Во-вторых, сузили круг лиц, к которым возможно применение высшей меры. Согласно пункту 2 статьи 59 УК РФ, смертная казнь не применяется к женщинам, несовершеннолетним и мужчинам старше 65 лет на момент суда.

До 1993 года нормы права не позволяли применять смертную казнь к женщинам, если на момент совершения ими преступного деяния им не исполнилось 18 лет, либо если они находились в состоянии беременности в период вынесения судебного решения или исполнения наказания.

Запрет на назначение данной санкции отдельным категориям осужденных обусловлен принципами гуманности и связан с определенными социальными и психологическими аспектами. В частности, в молодом возрасте психическое развитие человека еще не завершено, что затрудняет адекватную оценку своих поступков и делает индивидов более восприимчивыми к влиянию внешней среды. Что касается женщин, то они значительно реже совершают преступления, за которые закон предусматривает крайнюю меру ответственности. Помимо этого, учитываются их эмоциональная восприимчивость и повышенная чувствительность. Законодатель исходит из того, что женщины представляют меньшую угрозу общественной безопасности, вследствие чего суды крайне редко назначают им столь суровую санкцию [14].

В ч. 2.1 ст. 58 УК РФ сказано, что: «Смертная казнь не назначается лицу, выданному Российской Федерации иностранным государством для уголовного преследования в соответствии с международным договором Российской Федерации или на основе принципа взаимности, если в соответствии с законодательством иностранного государства, выдавшего лицо, смертная казнь за совершенное этим лицом преступление не предусмотрена или неприменение смертной казни является условием выдачи либо смертная казнь не может быть ему назначена по иным основаниям» [18]

Смертный приговор не может быть вынесен, если коллегия присяжных сочла возможным проявить милосердие, а также в случаях, связанных с подготовительными действиями или неудавшейся попыткой совершения преступления.

Запрет на применение данного наказания к правонарушениям, не представляющим крайней степени общественной угрозы, основывается на принципах справедливости и гуманного отношения. Законодательство устанавливает, что казнь допускается исключительно при умышленном лишении жизни другого лица.

Кроме того, существуют ситуации, когда вынесение столь строгого приговора представляется явно несправедливым, принимая во внимание специфику содеянного. В этом аспекте вердикт

присяжных, отражающий гуманное отношение к подсудимому, также может стать существенным аргументом в пользу отказа от применения высшей меры.

Согласно ч. 4 ст. 78 УК РФ это относится к исключительной компетенции суда. Из этого следует, что лицо, совершившее преступление, за которое предусмотрены смертная казнь или пожизненное лишение свободы, привлекается к уголовной ответственности независимо от времени, прошедшего после совершения преступления. При этом в течение 15 лет, которые установлены законом для этой категории преступления, уголовная ответственность является обязательной, а по истечении данного срока вопрос о прекращении уголовного преследования отнесен к компетенции суда. В случае если суд не сочтет возможным освободить такое лицо от уголовной ответственности в связи с истечением срока давности, то смертная казнь и пожизненное лишение свободы к нему не применяются, а наказание назначается в соответствии с положениями ст. 43, 60 УК РФ.

Правовые основы исполнения смертной казни и помилование осужденных к смертной казни

Осужденные к смертной казни являются наиболее опасной категорией осужденных, в виду того, что они совершили наиболее тяжкие преступления. Поэтому, для повышения безопасности в пенитенциарных учреждениях установлен порядок исполнения смертной казни, которые характеризуется усиленной охраной и изоляцией осужденных друг от друга, что закреплено в ч. 1 ст. 184 УИК РФ. Этот вид содержания призван для того, чтобы максимально предотвратить причинение заключенными вреда окружающим или самим себе. Заключенные размещаются в одноместных или двухместных камерах. Также соблюдаются правила, разделяющие категории заключенных. Например, заключенные, приговоренные к смертной казни, не должны размещаться вместе с заключенными, отбывающими другие виды наказания [15].

Камеры спроектированы так, чтобы исключить возможность повреждения стен, подкопов и разрушения решёток. Внутри предусмотрены умывальники и системы слива.

После вступления приговора в законную силу смертная казнь не исполняется сразу, поскольку осуждённый может подать прошение о помиловании Президенту РФ. В таком случае наказание откладывается до окончательного решения. При удовлетворении ходатайства казнь заменяется пожизненным лишением свободы или сроком до 25 лет (ч. 3 ст. 184 УИК РФ).

Законность высшей меры наказания подтверждается Верховным судом и Генеральной прокуратурой, даже если осуждённый отказался от прошения. Согласно ч. 4 ст. 184 УИК РФ, исполнение приговора возможно после вступления в силу, заключений высших судебных органов и отказа в помиловании.

Процедура смягчения наказания не регламентирована уголовным законодательством, а осуществляется вне судебного процесса. По разъяснению Верховного суда, назначенное в порядке помилования наказание носит более мягкий характер и является актом гуманности [16].

Осуждённые, приговорённые к высшей мере наказания, наряду с правом на прошение о помиловании, обладают и другими законными возможностями, касающимися гражданских и семейных аспектов их жизни. К ним относятся составление завещания, передача собственности, заключение брака, а также официальное признание родительских прав.

Лица, ожидающие исполнения вынесенного решения, вправе рассчитывать на квалифицированную юридическую поддержку, включая беспрепятственный доступ к защитникам и иным специалистам, оказывающим юридические услуги. Кроме того, они не могут быть лишены права на связь с внешним миром.

Согласно части 1 статьи 186 Уголовного кодекса, смертный приговор приводится в исполнение исключительно путём расстрела, который считается наименее болезненным способом. Исторически высшая мера наказания включала в себя различные жестокие методы умерщвления, в том числе повешение, обезглавливание, погружение в кипящую жидкость, распятие, расчленение, четвертование и сожжение на костре. Помимо этого, для приведения приговора в исполнение использовались побои, газовые камеры и электрические стулья.

Российские правовые нормы, регулирующие исполнение уголовных наказаний, строго определяют перечень лиц, которые обязаны присутствовать при приведении в исполнение смертного приговора. В этот список входят прокурор, сотрудники пенитенциарной системы, а также врач, удостоверяющий факт смерти. Присутствие других категорий лиц, включая представителей СМИ, родственников осуждённого и потерпевших, исключается.

Процедура фиксируется в официальном документе, который подписывается всеми участниками процесса. По завершении исполнения наказания руководство исправительного учреждения информирует об этом суд, вынесший приговор, а также уведомляет ближайшего родственника осуждённого. По запросу родственников выдаётся свидетельство о смерти.

Согласно части 4 статьи 186 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, тело казнённого не передаётся семье для захоронения, а передается земле силами ведомства, отвечающего за исполнение наказаний. При этом точное место захоронения остаётся конфиденциальной информацией.

Практическое прекращение применения смертной казни в России произошло в середине 1990-х годов. Последние официально зафиксированные случаи датируются 1996 годом. Среди них был 36-летний маньяк и педофил Сергей Головкин, со-

вершивший не менее одиннадцати убийств подростков в период с 1986 по 1992 год. Он был казнён в сентябре 1996 года. Однако есть основания полагать, что последним смертным приговором, приведённым в исполнение, мог стать приговор другому человеку, поскольку имя казнённого остаётся неизвестным.

Головкин совершал преступления в специально оборудованном подвальном помещении своего гаража в Одинцовском районе. Его методы были особенно жестокими: он не только насиловал и убивал жертв, но и расчленил тела, сдирал кожу и даже пытался заниматься каннибализмом. Впервые он попытался изнасиловать и убить ребёнка летом 1984 года, но жертва выжила и впоследствии опознала преступника.

Как и многие другие серийные убийцы, в том числе Чикатило, Головкин обладал высоким уровнем интеллекта. В 1982 году он окончил сельскохозяйственный институт имени Тимирязева, имел отличные характеристики по учёбе и работе, считался перспективным специалистом. Несмотря на явные симптомы психического расстройства, медицинская экспертиза признала его вменяемым. Однако, подобно ситуации с Чикатило, сторона обвинения добивалась высшей меры, опасаясь, что нахождение преступника в психиатрическом учреждении позволит ему уклониться от ответственности [17].

Таким образом, на лиц, приговорённых к смертной казни, в полной мере распространяются предписания Уголовного кодекса Российской Федерации, обеспечивающие их личную неприкосновенность (ст. 13), свободу мировоззрения и религиозных убеждений (ст. 14), а также возможность направлять обращения, претензии и ходатайства по вопросам, связанным с ущемлением их законных интересов (ст. 15). В этом контексте такие заключённые обладают общим юридическим статусом, установленным для всех лиц, отбывающих наказание в уголовном порядке [18].

Дискуссия о допустимости лишения человека жизни остаётся актуальной в правовой науке. Право на жизнь является базовым, неотъемлемым правом каждого человека, закреплённым в Конституции Российской Федерации. Государство не имеет возможности ни юридически, ни фактически аннулировать это право или передать его в чьё-либо распоряжение.

По мнению известного специалиста по истории русского права Н.Д. Сергиевского: «Если законодатель, не справляясь с состоянием народной этики, ее (смертную казнь) отменит, то она возродится в форме самосуда, суда Линча и т.п. или отмена ее принята будет за признак слабости государственной власти, что будет еще хуже» [19].

Чем сильнее общество воспринимает высшую меру наказания как особый уголовно-правовой механизм восстановления справедливости, тем значительнее её влияние и тем строже санкция. Именно поэтому большинство граждан России считают, что данный вид уголовного

Как подчёркивает Побегайло Э.Ф.: «Полемика, связанная с институтом смертной казни, отражает не столько уровень цивилизационного развития, сколько особенности правовых традиций конкретного общества» [11]. Вопрос её обоснованности, особенно применительно к России, не ограничивается только экономическими аспектами. Смысл подобного наказания глубоко укоренён в человеческом сознании, не поддаётся формальному юридическому выражению и не определяется исключительно внешними правовыми нормами.

Отмена смертной казни носит символический характер, напоминая о незыблемости прав человека. Эта мера не является эффективным инструментом борьбы с преступностью. Лишение жизни в результате её применения необратимо, и ни одна судебная практика не способна полностью исключить возможность судебных ошибок.

Литература

1. Асланян С.Г. Вопросы соблюдения гендерного равенства в правовой регламентации высших мер уголовного наказания // Вестник КРУ МВД России, 2018. – № 2.
2. Васильев А.М. – Смертная казнь в России: высшая, исключительная мера наказания, устрашение или политика? // Юридические исследования, 2013. – № 4.
3. Венская Конвенция о праве международных договоров (Заключена в Вене 23.05.1969). «Ведомости ВС СССР», 10.09.1986, – N 37, ст. 772.
4. Камзенов Е.Б. Смертная казнь как исключительная мера наказания // Правовая политика и правовая жизнь, 2009. – № 1.
5. Кизиллов А.Ю. Смертная казнь как разновидность монополии на насилие. (Русский закон), 2016. – № 12.
6. Коновалова С.А., Лазарев А.Е. К вопросу о конституционно-правовом регулировании применения смертной казни в российской федерации // Уральский журнал правовых исследований. – 2020. – № 2.
7. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.02.2025).
8. Конституционный суд вынес решение по просьбе Миронова вернуть смертную казнь // Интернет-портал «Лента».
9. О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении измене-

Melchakov K.M.

Institute of Philosophy and Law

The author sets himself the task of studying the prerequisites and mechanism of the death penalty as one of the punitive measures in the national legal system. Formal legal and systematic approaches are used as a methodological basis. The study examines the legal aspects of the implementation of this sanction, as well as possible trends in the development of this legal mechanism in the criminal law system.

The perception of the death penalty in society remains the subject of active debate. Some consider it an excessively harsh and inhumane measure, while others advocate lifting the temporary ban and resuming its use.

The author comes to the conclusion that modern Russian legal science does not pay the attention it deserves to this topic. Among the scientists who have recently studied the legal basis of the death penalty in Russia, we can single out such authors of scientific publications in recent years as Zorkin V.D., Zhiltsov S.V., Inogamova-Hegai L.V., Bavsun M.V.

Keywords: death penalty as a type of criminal punishment in the Russian Federation, capital punishment, exceptional measure of punishment, death penalty in Russia, moratorium on the death penalty.

References

1. Побегайло Э.Ф. О преступности в России и проблеме смертной казни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2010. – № 3.
2. Подруга с битой наперевес: убийство матери-одиночки в Подмоскowie // Криминал № 9. – 2020. – № 9. – С. 6–9.
3. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 27.06.1975 N 4 «О судебной практике по делам об умышленном убийстве». «Сборник Постановлений Пленума Верховного Суда СССР, 1924–1977», часть 2, 1978. (утратил силу).
4. Приговор Верховного Суда Бурятской АССР от 01.02.1990 года по делу Коршунова В.Н.
5. Решение Верховного Суда РФ от 19.10.2017 № АКПИ17–743 URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19102017-n-akpi17-743/> (дата обращения: 02.02.2025).
6. Сергей Миронов предложил главе Конституционного суда отменить мораторий на смертную казнь // Интернет-портал «Коммерсант». – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915129> (дата обращения: 02.02.2025).
7. Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право. Санкт-Петербург, 1913. – С. 115.
8. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. 29.12.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
9. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. 15.03.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 295.
10. Фишер», «Удав», «Ученик Чикатило»: кто был последним казненным в России преступником. // Интернет-портал «Газета.ru». – URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/08/02_a_13823648.shtml (Дата обращения 02.02.2025).
1. Aslanyan S.G. Issues of compliance with gender equality in the legal regulation of capital criminal punishment // Bulletin of the Criminal Procedure Code of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – No. 2.
2. Vasiliev A.M. – The death penalty in Russia: the highest, exceptional measure of punishment, intimidation or policy? // Legal studies, 2013. – No. 4.
3. Vienna Convention on the Law of Treaties (Concluded in Vienna on 23.05.1969). “Vedomosti of the Supreme Council of the USSR”, 10.09.1986, – N 37, art. 772.
4. Kamzenov E.B. The death penalty as an exceptional measure of punishment // Legal policy and legal life, 2009. – No. 1.
5. Kizilov A. Yu. The death penalty as a type of monopoly on violence. (Russian law), 2016. – No. 12.
6. Konovalova S.A., Lazarev A.E. On the issue of constitutional and legal regulation of the use of the death penalty in the Russian Federation // Ural Journal of Legal Research. – 2020. – No. 2.
7. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020 // Official Internet portal of legal information <http://pravo.gov.ru> (date of access: 02.02.2025).
8. The Constitutional Court issued a decision on Mironov’s request to return the death penalty // Internet portal “Lenta”.
9. On the clarification of paragraph 5 of the operative part of the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 2, 1999 No. 3-P on the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 41 and part three of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of July 16, 1993 “On the procedure for putting into effect the Law of the Russian Federation “On Amendments and Supplements to the Law of the RSFSR “On the Judicial System of the RSFSR”, the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses”: Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 19, 2009 No. 1344-OR // Rossiyskaya Gazeta. November 27, 2009.
10. In the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 41 and Part 3 of Article 42 of the Criminal Procedure Code of the RSFSR, paragraphs 1 and 2 of the Resolution of the Supreme Council of the Russian Federation of July 16, 1993 “On the procedure for putting into effect the Law of the Russian Federation “On Amendments and Additions to the Law of the RSFSR “On the Judicial System of the RSFSR”, the Criminal Procedure Code of the RSFSR, the Criminal Code of the RSFSR and the Code of the RSFSR on Administrative Offenses” in

- connection with the request of the Moscow City Court and the complaints of a number of citizens: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.02.1999 No. 3-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 6. – Art. 867.
11. Pobegaylo E.F. On Crime in Russia and the Problem of the Death Penalty // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and political science, 2010. – No. 3.
 12. A girlfriend with a bat at the ready: the murder of a single mother in the Moscow region // Crime No. 9. – 2020. – No. 9. – P. 6–9.
 13. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the USSR of 06/27/1975 N 4 “On judicial practice in cases of intentional murder”. “Collection of Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the USSR, 1924–1977”, part 2, 1978. (no longer in force).
 14. Verdict of the Supreme Court of the Buryat ASSR of 02/01/1990 in the case of V.N. Korshunov.
 15. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.10.2017 No. AKPI17–743 URL: <https://legalacts.ru/sud/reshenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-19102017-n-akpi17-743/> (date of access: 02.02.2025).
 16. Sergei Mironov proposed to the head of the Constitutional Court to lift the moratorium on the death penalty // Internet portal “Kommersant”. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5915129> (date of access: 02.02.2025).
 17. Sergievsky N.D. Russian criminal law. Saint Petersburg, 1913. – P. 115.
 18. Criminal Executive Code of the Russian Federation of 08.01.1997 No. 1-FZ (as amended on 29.12.2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2. – Art. 198.
 19. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 15.03.2023) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25. – Art. 295.
 20. Fisher, Boa Constrictor, Chikatilo’s Disciple: who was the last criminal executed in Russia? // Internet portal Gazeta.ru. – URL: https://www.gazeta.ru/science/2021/08/02_a_13823648.shtml (Accessed 02.02.2025).

Примечание к ст. 210 УК РФ как гарантия от необоснованного привлечения к ответственности

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, Санкт-Петербургский университет МВД России; судья в отставке
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы толкования Примечания к ст. 210 УК РФ – «Организация преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем (ней)». С точки зрения автора статьи, данное примечание является обоснованным, поскольку исключает «коллективную» уголовную ответственность для сотрудников организации, некоторые члены которой осуществляли занятия преступной деятельностью. В то же время обоснованным является привлечение к уголовной ответственности всех сотрудников организации, созданной заведомо для занятий исключительно преступной деятельностью, например только для перекачивания туда денежных средств, и никакой фактической деятельностью не занимающихся. В то же время автор указывает, что не вполне удачная формулировка закона в данном Примечании допускает, например, привлечение к уголовной ответственности лица, которое являлось сотрудником организации, заведомо созданной для совершения одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений, но само в их совершении не участвовало и не знало об их совершении, либо же знало, но не участвовало. В статье автором анализируется соответствующее решение Конституционного Суда Российской Федерации и приводится мнение ученого – юриста.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, примечание к статье, гарантия соблюдения прав, преступное сообщество (преступная организация), создание организации, заведомо преступная деятельность.

Редакция Примечаний к ст. 210 УК РФ от 01.04.2020 № 73-ФЗ, пункт 1, устанавливает, что привлечение учредителей и лиц, работающих в организации – юридическом лице к ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) или участие в нем только потому, что ими при работе в данной организации совершено какое – либо преступление, незаконно. Исключение здесь составляют только случаи, когда организация создавалась исключительно для преступной деятельности.

Правила этого Примечания, с нашей точки зрения, обусловлены необходимостью ограничения применения соответствующей статьи УК РФ. В частности, незаконно привлечение сотрудника полиции по ст. 210 УК РФ только на том основании, что он совершил злоупотребление должностными полномочиями по предварительному сговору с другими сотрудниками подразделения полиции; незаконно привлечение работника коммерческого юридического лица за мошенничество в составе группы иных работников этого же лица или же за хищение имущества по сговору с ними.

Однако вполне законно предъявление обвинения по ст. 210 УК РФ сотрудникам номинально создаваемых «шелл – компании» или «боковички» – юридических лиц, которые создаются только для перемещения денежных средств с преступными целями.

Следует отметить, что исследуемое Примечание достаточно сложно для понимания, вследствие чего возможны различные его трактовки.

В частности, Конституционный суд РФ Определением № 1366-О от 08.07.2021 г., [1] отказал в принятии к рассмотрению жалобы на ст. 210 УК РФ как не соответствующую Конституции РФ.

Как следует из этого Определения, Московский горсуд в апреле 2017 г. осудил бывшего сотрудника полиции Е. Ш. по ч. 3 ст. 210 и п. «в» ч. 3 ст. 286 УК РФ, то есть за участие с использованием служебного положения, в преступном сообществе, действовавшем в составе Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России.

После этого Верховный Суд отклонил жалобу осужденного, обоснованную тем, что, по его мнению, Федеральный закон от 1 апреля 2020 года № 73-ФЗ в части примечаний к статье 210 УК РФ исключает совершение им участия в преступном сообществе.

Отказ в удовлетворении жалобы Верховный Суд мотивировал тем, что Е.Ш. осужден не вследствие осуществления им управления соответствующим

ющей организацией, штатным сотрудником которой он являлся.

Апелляционный же суд мотивировал свое решение, в том числе, тем, что Е.Ш. признан виновным в фальсификации результатов ОРД, имевшей целью определенный результат деятельности преступной группы.

Е.Ш. пояснял в своей жалобе в Конституционный Суд, что первый пункт указанных Примечаний не соответствует Конституции РФ, является неопределенным и допускает различные толкования своих правил. Так, данный пункт, по мнению Е.Ш., исключает применение правила об освобождении от уголовной ответственности также и в отношении должностных лиц федеральных органов исполнительной власти, нарушая тем самым права этих лиц сравнительно с лицами, работающими в коммерческих организациях.

По мнению Конституционного Суда, ч. 1 ст. 210 УК не предусматривает ответственность в тех случаях, когда преступная структура создавалась не для совершения тяжких или особо тяжких преступлений. Указанная статья УК РФ предполагает ответственность только в случае наличия признаков преступной группы, указанных в ч. 4 ст. 35 УК РФ.

Е. Авдеева считает, что пункт 1 данных Примечаний был введен для того, чтобы исключить возможность квалификации деятельности всей коммерческой организации, сотрудник которой привлечен за хищение, как преступного сообщества. [2]

В действительности совершение преступления при исполнении служебных обязанностей в правоохранительных органах не предполагает автоматически обвинения по ст. 210 УК РФ. То есть сам факт осуществления руководства или работы в организации, действующей как преступное сообщество, при недоказанности участия в нем, еще не является преступлением.

По соответствующему уголовному делу совокупностью доказательств вина по предъявленному обвинению установлена, конституционные права не нарушены, в связи с чем Конституционным Судом в принятии к производству жалобы было отказано. [3]

Следовательно, осуждение лица – руководителя организации, чьи сотрудники, как организованная группа, осуществляли преступную деятельность, будет обоснованным только если руководитель организации одновременно осуществлял также и руководство преступной деятельностью, используя при этом свои полномочия. В этом случае назначаемое ему наказание должно быть наиболее строгим в связи с его повышенной общественной опасностью. Напротив, если сотрудники юридического лица занимались преступной деятельностью втайне от руководителя организации, то, безусловно, последний не может быть привлечен к ответственности.

По мнению Капинус О.С., значение Примечания в том, что если соответствующие лица совершают

преступление в ходе их экономической деятельности, то одно лишь это не свидетельствует о виновности по ст. 210 УК РФ. [4]

Можно сделать вывод о том, что указанный пункт Примечаний гарантирует соблюдение прав граждан в ситуациях, когда иные сотрудники их организации совершают преступления при осуществлении служебных обязанностей.

При этом, однако, допускается привлечение к ответственности и таких граждан, если организация изначально была создана только для преступной деятельности и ни для чего иного.

В то же время, исходя из Примечания, недопустимо привлечение сотрудника подобной созданной для совершения преступлений организации, который сам в их совершении не участвовал и не знал об их совершении, либо же знал, но не участвовал. На это обстоятельство также указывает О.С. Капинус в своей статье. [4]

Поэтому целесообразно трактовать Примечания в соответствующей части только как ситуацию, при которой соответствующее лицо умышленно и по предварительному сговору принимало участие в совершении указанных преступлений.

В заключение необходимо указать на значимость для соблюдения конституционных прав граждан данной нормы уголовного закона, необходимость введения которой была обусловлена рядом случаев необоснованного «массового» привлечения к уголовной ответственности всех подряд сотрудников тех или иных юридических лиц.

Литература

1. Определение Конституционного суда РФ № 1366-О от 08.07.2021 г. „Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ш. Е. В. на нарушение его конституционных прав положениями статьи 210 Уголовного кодекса Российской Федерации” URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08072021-n-1366-o/> (дата обращения 05.11.2022 г.)
2. Авдеева Е. Чтобы юрицо не стало прикрытием преступного сообщества. Адвокатская газета (Орган Федеральной палаты адвокатов РФ). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/chtoby-yurlitso-ne-stalo-prikytiem-prestupnogo-soobshchestva/> (дата обращения 08.12.2023 г.)
3. Адвокатская газета (Орган Федеральной палаты адвокатов РФ). URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-poryadok-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-organizatsiyu-prestupnogo-soobshchestva/> (дата обращения 21.09.2021 г.)
4. Капинус О.С. Признаки преступного сообщества (преступной организации) в контексте нового примечания к ст. 210 УК РФ. Журнал российского права. 2020. № 9. С. 80–89.

NOTE TO ARTICLE 210 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A GUARANTEE AGAINST UNJUSTIFIED PROSECUTION

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the issues of interpretation of the Note to Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation – “Organization of a criminal community (criminal organization) or participation therein”. From the point of view of the author of the article, this note is justified, since it excludes “collective” criminal liability for employees of an organization, some members of which were engaged in criminal activity. At the same time, it is justified to bring to criminal liability all employees of an organization created knowingly for the purpose of exclusively engaging in criminal activity, for example, only for the purpose of transferring funds there, and not actually engaged in any activity. At the same time, the author points out that the not entirely successful wording of the law in this Note allows, for example, bringing to criminal liability a person who was an employee of an organization knowingly created for the purpose of committing one or more serious or especially serious crimes, but did not participate in their commission and did not know about their commission, or knew, but did not participate. In the article, the author analyzes the relevant decision of the Constitutional Court of the Russian Federation and provides the opinion of a legal scholar.

Keywords: Qualification of crimes, criminal liability, note to the article, guarantee of observance of rights, criminal community (criminal organization), creation of an organization, knowingly criminal activity.

References

1. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1366-O dated 07/08/2021 „On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sh. E. V. for violation of his constitutional rights by the provisions of Article 210 of the Criminal Code of the Russian Federation“URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-08072021-n-1366-o/> (accessed 05.11.2022)
2. Avdeeva E. So that the legal entity does not become a cover for a criminal community. Advocate Newspaper (Organ of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation). URL: [https://www.advgazeta.ru/mneniya/chtoby-yurlitso-ne-stalo-prikrytiem-prestupnogo-soobshchestva/\(date of issue 08.12.2023\)](https://www.advgazeta.ru/mneniya/chtoby-yurlitso-ne-stalo-prikrytiem-prestupnogo-soobshchestva/(date%20of%20issue%2008.12.2023))
3. Advocate newspaper (Organ of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation). URL: [https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-poryadok-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-organizatsiyu-prestupnogo-soobshchestva/\(date of appeal 09/21/2021\)](https://www.advgazeta.ru/novosti/ks-otklonil-zhalobu-na-poryadok-privlecheniya-k-otvetstvennosti-za-organizatsiyu-prestupnogo-soobshchestva/(date%20of%20appeal%2009/21/2021))
4. Kapinus O.S. Signs of a criminal community (criminal organization) in the context of a new note to art. 210 of the Criminal Code of the Russian Federation. Journal of Russian Law. 2020. No. 9. pp. 80–89.

Криминалистические аспекты формирования события состояния необходимой обороны (комментарии к Определению Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 года № 67-УД22-6-К8)

Прошин Владимир Михайлович,

д-р юр. наук, адвокат, Московская коллегия адвокатов
«Защита»

E-mail: advokat.proshin.v.m@gmail.com

Правоприменительная практика квалификации пределов необходимой обороны довольно часто позволяла лиц, причинивших вред посягающему лицу в состоянии обороны, привлекать к уголовной ответственности, игнорируя при этом то обстоятельство, что вследствие неожиданности посягательства времени у обороняющегося для оценки степени и характера опасности нападения были считанные секунды. Как правило, суд, обвиняя лицо в превышении пределов необходимой обороны, ставит в вину игнорирование характера нападения, сопряжённого с отсутствием насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, либо непосредственной угрозы применения такого насилия, которое (нападение), по мнению стороны обвинения, обороняющийся имел возможность оценить. При этом игнорируются условия неожиданности и скоротечности протекания нападения, в которых обороняющийся должен придти к выводу относительно степени и характера посягательства. Правовой подход к правильной оценке характера восприятия обороняющимся обстоятельств события необходимой обороны с необходимостью должен учитывать личную самооценку и обычное человеческое достоинство обороняющегося. В силу этого существуют категории обстоятельств необходимой обороны, которые являются стимулом включения механизма выживания нервной системы обороняющегося, работа которого сознательно не контролируется мозгом. В атмосфере развивающегося механизма посягательства на личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, у обороняющегося включается непроизвольная автоматическая реакция на нападающего в виде импульсивных команд подсознания по использованию в качестве единственно допустимого условия выживания любых средств и возможностей для эффективной обороны.

Ключевые слова: необходимая оборона, пределы необходимой обороны, превышение пределов необходимой обороны, событие преступления, уголовное судопроизводство, судебное разбирательство, общественно опасное посягательство, потерпевший, уголовное дело, умышленные действия, насилие, угроза применения насилия, юридически значимые обстоятельства, доказательства, предмет доказывания.

Результаты правоприменительной практики на протяжении многих десятилетий не дают ослабнуть научно-исследовательскому интересу к вопросам превышения пределов необходимой обороны. [1, 2, 3, 4]

За многие годы адвокатской практики неоднократно приходилось участвовать как в качестве защитника, так и в качестве представителя потерпевшего, в уголовных делах, связанных с обвинением лица в превышении пределов необходимой обороны (ст. ст. 108 и 114 УК РФ). Характерной особенностью результатов окончания уголовного судопроизводства по такого рода делам являлась социальная оценка действий подсудимого со стороны лиц, выступающих в роли свидетелей в уголовном деле либо просто следивших за ходом судебного рассмотрения, а также журналистов, освещавших итоги судебного разбирательства, диаметрально расходящаяся с правовой квалификацией действий последнего как совершённых при превышении пределов необходимой обороны. Следует отметить, что данная оценка основана на количественном мнении более 50% вышеуказанных лиц, внимание которых в силу социальных, правовых и профессиональных связей приковано к уголовному делу. В силу этого встаёт вопрос о соответствии сложившейся судебной практики применения норм, регулирующих пределы осуществления действий в состоянии необходимой обороны, заложенному в них правовому смыслу и интересам и ожиданиям участников общественных отношений. [5]

Статья 37 УК РФ устанавливает правовые условия признания состояния необходимой обороны в действиях лица, вынужденного причинить вред посягающему лицу в целях защиты личности и прав самого обороняющегося и других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. При этом законодатель признание состояния необходимой обороны в действиях лица обуславливает обязательной оценкой посягательства как сопряжённого с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. Согласно положению ч. 2 ст. 37 УК РФ, противодействие посягательству, не сопряжённым с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия, влечёт необходимость оценки дей-

ствий обороняющегося на предмет их правомерности и степени допустимой опасности таких действий в отношении нападающего лица, что формирует правовое понимание пределов необходимой обороны, превышение которых, в соответствии с вытекающим правовым смыслом, автоматически будет квалифицироваться как умышленные действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства.

Данное правовое регулирование необходимой обороны довольно часто позволяло лиц, причинивших вред посягающему лицу в состоянии обороны, привлекать к уголовной ответственности, игнорируя при этом то обстоятельство, что вследствие неожиданности посягательства времени у обороняющегося для оценки степени и характера опасности нападения были считанные секунды, а квалификация характера произошедшего события со стороны правоприменителя основана на многодневном процессе сбора, проверки и оценки обстоятельств посягательства. Субъект уголовного преследования, а затем и суд, обвиняя лицо в превышении пределов необходимой обороны, ставят в вину игнорирование характера нападения, сопряжённого с отсутствием насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, либо непосредственной угрозы применения такого насилия, которое (нападение), по мнению стороны обвинения, обороняющийся имел возможность оценить. При этом субъектом уголовного преследования игнорируются условия неожиданности и скоротечности протекания нападения, в которых обороняющийся должен придти к выводу относительно степени и характера посягательства, к которому сторона обвинения пришла в результате многодневной работы по сбору, проверки и оценки доказательств.

Разрешить данный дисбаланс публичных и частных интересов, вытекающий из правового смысла, заложенного в выше указанную норму, было призвано дополнение, внесённое в статью 37 УК РФ в 2003 (ФЗ от 08.12.2003 № 162-ФЗ) в виде части 2.1 и в 2006 (ФЗ от 27.07.2006 № 153-ФЗ) в виде новой редакции части 3 ст. 37 УК РФ. Данные дополнения устанавливают возможность не считать превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица:

- если в силу установленного факта неожиданности посягательства лицо не могло объективно оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2.1 ст. 37 УК РФ);
- независимо от возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти поведение обороняющегося может быть признано действиями в состоянии необходимой обороны (ч. 3 ст. 37 УК РФ).

Тем не менее даже после упомянутых дополнений правоприменительная практика шла по пути привлечения к ответственности обороняющихся лиц от незаконного посягательства, игнорируя обстоятельства события нападения, свидетельствующие об отсутствии возможности объективно

оценить степень и характер опасности нападения в условиях неожиданности посягательства либо в атмосфере эмоционального состояния, исключающего объективную оценку наличия возможности избежать общественно опасного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или органам власти.

Попыткой пресечь продолжающуюся порочность судебной практики в рассматриваемом вопросе можно назвать Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 года № 67-УД22–6-К8. По приговору Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 10.09.2019 г. К. В., ранее не судимый, осужден по ч. 1 ст. 108 УК РФ за убийство Д., совершенное при превышении пределов необходимой обороны. Судебной коллегией по уголовным делам Новосибирского областного суда 10 июня 2021 г. приговор отменен, вынесен новый приговор, согласно которому К. В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Определением судебной коллегии по уголовным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 1 декабря 2021 г. апелляционный приговор в отношении К. В. оставлен без изменения. Как следует из материалов уголовного дела причинение смерти Д. (в крови трупа обнаружен этиловый спирт в количестве 2,71 промилле, что применительно к живым лицам соответствует сильной степени алкогольного опьянения) произошло на придомовой территории, принадлежащего К. В. домовладения, в ходе конфликта, кульминацией которого было проникновение на территорию данного домовладения агрессивных настроенных лиц, имевших численное и физическое превосходство, преследовавших К. В. и его брата и угрожающих физической расправой, как это вытекает из показаний обвиняемого и свидетелей. Апелляционный суд, игнорируя установленные ст. 87 УПК РФ требования о необходимости проверки доказательств путём сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, отвергая показания К. В. и свидетелей, состоявших в близких отношениях и родстве с осуждённым, как продиктованных желанием помочь близкому человеку избежать ответственности, пришёл к выводу о том, что у К. В. на почве внезапно возникшей личной неприязни к Д. сформировался умысел, направленный на умышленное причинение смерти Д., реализуя который, предвидя неизбежность наступления общественно опасных последствий в виде смерти Д. и желая её наступления, К. В. приискал на придомовой территории жилого дома топор и, применяя его как предмет, используемый в качестве оружия, с целью убийства с силой нанёс им Д. не менее одного удара в голову. При этом выводы суда апелляционной инстанции основаны на показаниях друзей погибшего Д., участвовавших в конфликте на стороне последнего и находящихся в состоянии алкогольного опьянения. Односторонний немотивированный подход к оценке доказательств, нарушая требования ст. ст. 307,

389–31 УПК РФ к описательно-мотивировочной части обвинительного приговора, свидетельствует о наличии в позиции суда презумпции вины подсудимого, что привело к неправильному распределению бремени доказывания обвинения, возложив на подсудимого необходимость доказывания своей невиновности. [6, 7, 8]

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя состоявшиеся судебные решения и прекращая уголовное дело в отношении К.В., в своём определении указала, что оценивая в деле необходимой обороны собранные доказательства как достаточные для постановки обоснованных выводов, в совокупность доказательств необходимо включать и учитывать время, место, обстановку и способ посягательства, предшествующие посягательству события, а также эмоциональное состояние обороняющегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.). Верховный Суд РФ, обозначая детали события необходимой обороны, которые, по его мнению, следует учитывать при оценки и квалификации действий обороняющегося, сформировал тем самым обязательный предмет доказывания по данным уголовным делам. Обстоятельства, подлежащие согласно указанию Верховного Суда РФ установлению по делам необходимой обороны, с необходимостью включают в себя сведения об обстоятельствах, предшествующих событию необходимой обороны, и детали обстоятельств, лежащие в основе причинно-следственного формирования и протекания исследуемого события. С точки зрения криминалистического подхода данный процесс доказывания является восстановлением криминалистической модели исследуемого события на основе сбора, проверки и оценки доказательств, содержащих сведения, как о деталях отдельно каждого юридически значимого обстоятельства в ходе его пространственно-временного формирования и протекания, так и сведения о причинно-следственном взаимодействии всей совокупности этих обстоятельств, формирующих юридическую основу для правильной квалификации события необходимой обороны.

Фокусирование Верховного Суда РФ на вышеуказанных обстоятельствах, как юридически значимых, оценка которых в совокупности с другими собранными доказательствами определяет законность и объективность оценки события необходимой обороны, ставит в повестку доказательного процесса необходимость установления характера деталей сознательно-чувственного и эмоционально-нравственного восприятия обороняющимся обстоятельств конфликта в динамике его протекания. С нашей точки зрения, правовой подход к правильной оценке характера восприятия обороняющимся обстоятельств события необходимой обороны с необходимостью должен учитывать личную самооценку и обычное человеческое достоинство обороняющегося, основанные в большей степени на культурно-исторических традициях нежели на законе. Именно понимание

этих традиций, уходящих корнями в прошлую вековую историю нашего общества и государства, и трансформировавшихся в подсознании лица в программу реагирования на стереотипы опасности, при нарастании конфликтной ситуации не предлагает, а обязывает руководствоваться чувством справедливости, нетерпимости к хамству и корыстной (либо из хулиганских соображений) агрессии, чувством долга и ответственности за близких людей. При динамично-быстром развитии конфликтной ситуации с позиции адекватности психо-физиологического реагирования на неё обороняющегося приоритетными источниками управления поведением являются мотивы его духовно-нравственного позиционирования как в ближней (родственники и близкие люди), так и в широкой социальной среде (основанной на культурно-исторической самоидентификации и вере). Поэтому в минуту посягательства, даже при осознании и в той или иной правовой форме понимании обороняющимся конституционного положения о том, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (ст. 2 Конституции РФ), его действиями по обороне от посягательства руководит культурно-историческая модель традиционного поведения в стереотипных условиях опасности. Как правило эмоциональная возбуждённость, часто соседствующая в точке кульминации конфликта с частичной растерянностью, ограничивает диапазон концентрации внимания обороняющегося двумя факторами: жизни обороняющегося или другого лица создана угроза и какая в данные секунды есть в его распоряжении возможность данную угрозу предотвратить. При этом даже в состоянии растерянности есть понимание того, что в данную минуту государство в лице его правоохранительных органов помочь ему не в состоянии. В таких условиях у обороняющегося два выбора: либо любым возможным способом предотвратить угрозу причинения вреда законным правам и интересам его самого или его близких людей, либо, учитывать в данный момент вероятность превышения пределов необходимой обороны и при отсутствии возможности призвать кого-либо на помощь, предпринимать пассивные действия по обороне, неэффективность которых в силу правовой осторожности значительно увеличивает вероятность причинения вреда выше указанным правам и интересам, в большинстве случаев без возможности их полного восстановления в будущем. В силу этого существуют категории обстоятельств необходимой обороны, которые являются стимулом включения механизма выживания нервной системы обороняющегося, работа которого сознательно не контролируется мозгом.

В атмосфере развивающегося механизма посягательства на личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, у обороняющегося включается произвольная автоматическая реакция на нападающего в виде импульсивных команд подсознания по использованию в качестве единствен-

но допустимого условия выживания любых средств и возможностей для эффективной обороны. Механизм выживания обороняющегося, дающий старт поведению, которое опосредуется спинным мозгом и периферическими нервами, включает исключительно при неожиданных очевидно агрессивных действиях посягающего, исключая возможность для обороняющегося объективно оценить степень и характер опасности нападения, тем более если обстоятельства нападения развиваются в следующей обстановке:

- нападающий осуществляет посягательство в результате незаконного проникновения на территорию, право владения и пользования которой принадлежит обороняющемуся либо его родным людям, и степень угрозы личности и правам обороняющегося или других лиц воспринимается обороняющимся как опасная;
- непринятие эффективных мер противодействия посягательству с очевидностью приведёт к невозможности последующего восстановления нарушенных прав и интересов обороняющегося или других лиц и, как следствие, к потере обороняющимся чести и достоинства в среде его социального окружения либо к признанию профессиональной непригодности и невыполнению служебного долга.

Ещё до начала посягательства в сознании потенциального обороняющегося сформировано понимание ожидаемых пределов допустимости пользования правами и выполнения обязанностей со стороны участников различных отношений, в которые потенциально обороняющемуся приходится вступать. При столкновении с обстоятельствами превышения пределов допустимости пользования правами и выполнения обязанностей со стороны иных участников (потенциальных нападающих), посягающих либо иницилирующих формирование обстоятельств угрозы посягательства на личность и права обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства, воспринимаются данные обстоятельства на основе сформированного в подсознании оценочного стандарта, как программа реагирования на стереотип опасности и неприятия. Именно данная программа реагирования рождает импульс автоматической, спонтанной, защитной, быстрой реакции. Эту реакцию есть все основания отнести к рефлекторным действиям.

То есть по вопросу оценки события необходимой обороны в коллективном сознании гражданского общества укоренился стандарт оценки реагирования обороняющегося на вышеназванные обстоятельства посягательства, следствием чего явилось формирование в подсознании отдельно взятого лица программы механизма выживания в условиях признаваемого стандарта степени угрозы личности и правам обороняющегося или других лиц. Таким образом, коллективное сознание гражданского общества выработало понимание правильности поведенческих действий своих членов в условиях обстоятельств повышенной

степени общественной опасности, исключая возможность в текущем моменте опереться на помощь со стороны третьих лиц либо государства. В основе сложившегося стереотипа реагирования на такого рода обстоятельства нападения лежат следующие факторы:

- сложившееся понимание гражданами (физическими лицами) пределов осуществления своих прав и обязанностей своей волей и в своём интересе (ч. 1, 2 ст. 1 ГК РФ);
- сложившееся понимание гражданами (физическими лицами) добросовестности осуществления прав и обязанностей и злоупотребления правом в ходе данного осуществления (ч. 4 ст. 1; ч. 1 ст. 10 ГК РФ); [9]
- сложившееся понимание отдельно взятым гражданином (физическим лицом) оценочного общественного мнения об ожидаемом характере его ответных действий по противодействию незаконному посягательству в условиях отсутствия мгновенной возможности прибегнуть к помощи третьих лиц либо государства.

Таким образом, при агрессивно неожиданных действиях посягающего, не оставляющих время для объективной оценки степени и характера опасности нападения, данные факторы лежат в основе формирования в подсознании потенциального обороняющегося программы реагирования на обстоятельства посягательства в соответствии с морально-нравственными пределами допустимости пользования своими правами своей волей и в своём интересе и стандартами ожидания социальной среды ответных действий обороняющегося в условиях воспринимаемой как опасной угрозы личности и правам обороняющегося или другого лица, охраняемым законом интересам общества или государства.

С точки зрения полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств события необходимой обороны есть все основания полагать, что данный оценочный подход лежит в основе определения предмета доказывания по данным уголовным дела, восстановления криминалистической модели исследуемого события и правильной квалификации действий обороняющегося. По нашему мнению, именно в таком ключе следует воспринимать правовой смысл, вытекающий из положения Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.06.2022 г. № 67-УД22–6-К8 о том, что «при решении вопроса, являлись ли для обороняющегося лица неожиданными действия посягающего, вследствие чего обороняющийся не мог объективно оценить степень и характер опасности нападения (ч. 2–1 ст. 37 УК РФ), суду следует принимать во внимание время, место, обстановку и способ посягательства, предшествовавшие посягательству события, а также эмоциональное состояние обороняющегося лица (состояние страха, испуга, замешательства в момент нападения и т.п.)».

Следовательно, сложившееся на данный момент толкование судами в ходе правопримени-

тельной практики законодательно установленно-го правового понимание превышения пределов необходимой обороны (ст. ст. 108 и 114 УК РФ) при квалификации действий обороняющегося в условиях складывающихся вышеуказанных обстоятельств противоречит рождённому общественным сознанием стандарту поведения обороняющегося в данных обстоятельствах, оцениваемого общественным мнением как законное и обоснованное.

Полнота и всесторонность установления обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию по делу, в контексте криминалистического моделирования события преступления, связанного с превышением пределов необходимой обороны, и криминологического понимания психофизических причин, толкнувших обороняющегося к действиям по превышению этих пределов, требуют установления источников криминальных закономерностей, мотивировавших лицо на совершение данных уголовно наказуемых действий. С нашей точки зрения, в действиях по превышению пределов необходимой обороны обороняющийся руководствуется не хладнокровной работой сознания, а импульсами подсознания, иницирующими сформировавшийся стандарт реагирования на волевые действия по предотвращению нарастающей угрозы. Следовательно, правовой водораздел между действиями в пределах необходимой обороны и за их рамками в сознании обороняющегося стирается в динамики протекания исследуемого посягательства в момент включения работы подсознательной программы механизма выживания. Приведённое выше положение Определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 02.06.2022 г. № 67-УД22–6-К8 и ориентирует суды на правильное понимание полноты, достоверности и достаточности доказательств для постановки выводов о наличии либо отсутствии в поведении обороняющегося действий по превышению пределов необходимой обороны в предложенном нами ключе понимания этих пределов.

Литература

1. Уголовное право России. Практический курс / Под общ. ред. А.И. Бастрыкина; под науч. ред. А.В. Наумова. М., 2007. С. 162–163.
2. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 465.
3. Слуцкий И.И. Необходимая оборона и крайняя необходимость в советском уголовном праве. Л., 1962. С. 66.
4. Наумов А.В. Российское уголовное право. Курс лекций. В двух томах. Т. 1. Общая часть. М., 2004. С. 316.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024).
6. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июня 2022 года № 67-УД22–6-К8.

7. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – май 2024 г. – № 5. – С. 20–23.
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.11.2024).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ.

FORENSIC ASPECTS OF THE FORMATION OF AN EVENT OF A STATE OF NECESSARY DEFENSE (COMMENTS ON THE DEFINITION OF THE JUDICIAL COLLEGIUM FOR CRIMINAL CASES OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION DATED JUNE 2, 2022 NO. 67-UD22–6-K8)

Proshin V.M.
Moscow Bar Association "Protection"

Law enforcement practice of qualifying the limits of necessary defense has quite often allowed bringing persons who have caused harm to an attacker in a state of defense to criminal liability, ignoring the fact that, due to the unexpectedness of the attack, the defender had only a few seconds to assess the degree and nature of the danger of the attack. As a rule, the court, accusing a person of exceeding the limits of necessary defense, blames the ignoring of the nature of the attack, associated with the absence of violence dangerous to the life of the defender or another person, or an immediate threat of using such violence, which (the attack), in the opinion of the prosecution, the defender had the opportunity to assess. In this case, the conditions of surprise and the rapidity of the attack are ignored, in which the defender must come to a conclusion regarding the degree and nature of the attack. The legal approach to the correct assessment of the nature of the defender's perception of the circumstances of the event of necessary defense must necessarily take into account the personal self-esteem and ordinary human dignity of the defender. Due to this, there are categories of circumstances of necessary defense, which are a stimulus for the activation of the survival mechanism of the nervous system of the defender, the work of which is not consciously controlled by the brain. In the atmosphere of a developing mechanism of encroachment on the personality and rights of the defender or other persons, the interests of society or the state protected by law, the defender activates an involuntary automatic reaction to the attacker in the form of impulsive subconscious commands to use any means and opportunities for effective defense as the only acceptable condition for survival.

Keywords: necessary defense, limits of necessary defense, exceeding the limits of necessary defense, criminal event, criminal proceedings, trial, socially dangerous encroachment, victim, criminal case, intentional actions, violence, threat of violence, legally significant circumstances, evidence, subject of proof.

References

1. Criminal Law of Russia. Practical Course / General editor A.I. Bastrykin; scientific editor A.V. Naumov. Moscow, 2007. Pp. 162–163.
2. Criminal Law Course. General Part. Volume 1: Theory of Crime / Edited by N.F. Kuznetsova, I.M. Tyazhkova. Moscow, 2002. Pp. 465.
3. Slutsky I.I. Necessary Defense and Extreme Necessity in Soviet Criminal Law. Leningrad, 1962. Pp. 66.
4. Naumov A.V. Russian Criminal Law. Lecture Course. In two volumes. Vol. 1. General Part. M., 2004. P. 316.
5. Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 09.11.2024).
6. Definition of the Judicial Collegium for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of June 2, 2022 No. 67-UD22–6-K8.
7. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – May 2024. – No. 5. – P. 20–23.
8. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 09.11.2024).
9. Civil Code of the Russian Federation of 30.11.1994 No. 51-FZ.

Правовое регулирование политической коррупции в России: современное состояние и меры противодействия

Разумовский Александр Иванович,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Терешина Арина Николаевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Файзулина Адель Андреевна,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Литвиненко Даниил Валерьевич,

студент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Дубков Никита Сергеевич,

научный руководитель, преподаватель кафедры политологии Дальневосточного федерального университета

Работа посвящена правовому регулированию политической коррупции в России, с акцентом на современные механизмы борьбы с этим явлением и эффективность существующего законодательства. В исследовании рассматриваются основные формы и проявления политической коррупции, её влияние на систему власти и общество в целом. Особое внимание уделяется законодательным актам, направленным на противодействие коррупции в политической сфере, а также роли антикоррупционных органов, таких как прокуратура, МВД и ФСБ.

Ключевые слова: Политическая коррупция, правовое регулирование, антикоррупционные меры, законодательство, политическая сфера, прокуратура, МВД, ФСБ, борьба с коррупцией, антикоррупционные институты, система власти, коррупционные практики.

Введение

Политическая коррупция является одним из наиболее острых вызовов для современной российской политической системы. Она затрудняет функционирование демократических институтов, ослабляет доверие граждан к государственным органам и подрывает основы правового государства. Коррупция, проникающая в политическую сферу, препятствует честной конкуренции, нарушает принципы верховенства закона и существенно снижает эффективность государственного управления. В условиях, когда политические институты становятся всё более зависимыми от личных интересов и коррупционных схем, борьба с коррупцией становится важнейшей задачей для России, как с точки зрения внутренней политики, так и в контексте международных отношений. Актуальность исследования заключается в том, что, несмотря на принятие множества антикоррупционных мер и усиление законодательных инициатив, политическая коррупция в России остаётся серьёзной проблемой. Вопросы эффективности правового регулирования, а также реальной работы антикоррупционных органов в сфере политической власти, остаются актуальными для научного и практического осмысления. Важно понимать, как именно государственные и правовые механизмы могут способствовать предотвращению и ликвидации коррупционных практик в политической системе, а также какие новые меры необходимо принять для дальнейшего укрепления антикоррупционного законодательства. Целью данной работы является исследование правовых основ борьбы с политической коррупцией в России, а также анализ существующих правовых норм и механизмов, направленных на её предотвращение. Задачами исследования являются: анализ законодательства, регулирующего борьбу с политической коррупцией, оценка деятельности антикоррупционных органов и институтов, а также выявление существующих проблем и предложений по улучшению правового регулирования в этой области. Работа предполагает использование комплексного подхода, включающего правовой и политический анализ, а также анализ конкретных случаев политической коррупции для оценки эффективности существующих мер и предложений по их совершенствованию.

Понятие политической коррупции

Политическая коррупция – это процесс использования публичной власти и политических полномочий для достижения личных, групповых или корпоративных интересов, что происходит за пределами

легитимных норм и законов. В отличие от экономической коррупции, которая в первую очередь ориентирована на финансовую выгоду, политическая коррупция затрагивает вопросы принятия решений, распределения государственных ресурсов, манипулирования политическими институтами и создания условий для устойчивости власти. В теоретическом контексте политическая коррупция может быть рассмотрена как нарушение принципов демократии, прозрачности и подотчетности власти. На практике политическая коррупция часто проявляется в виде лоббирования интересов определённых групп в ущерб общественным интересам, использования административных ресурсов для влияния на выборы или принятия решений, а также в виде взяточничества и других форм неправомерного вмешательства в политические процессы. Понятие политической коррупции также включает использование власти для удержания контроля за политическими процессами с целью укрепления личной или партийной власти.

Формы и проявления политической коррупции

Политическая коррупция проявляется в различных противоправных формах, каждая из которых имеет свою специфику и способы воздействия на общественные процессы. Основными такими формами являются:

1. Взяточничество – одна из наиболее распространённых форм, когда чиновники или политические лидеры получают личную выгоду за решение государственных или политических вопросов в пользу определённых частных интересов.
2. Клиентелизм – это форма зависимости политических партий или кандидатов от определённых групп населения или бизнеса, с обещанием предоставления выгод в обмен на поддержку. Как правило, это включает в себя: предоставление государственных заказов в обмен на электоральную поддержку во время выборов
3. Протекционизм и фаворитизм – поддержка определённых групп или лиц, вне зависимости от их квалификаций или заслуг, для получения личной выгоды. Это также может касаться назначения на ключевые государственные должности людей, не соответствующих критериям компетентности.
4. Неправомерное использование административного ресурса – когда политические фигуры или государственные служащие используют государственные средства, ресурсы и полномочия для получения политической выгоды, в том числе для манипуляции выборами или угнетения конкурентов.
5. Покупка голосов и манипулирование **выборами** – различные способы влияния на выборы, такие как покупка голосов, манипуляции с избирательными списками и другие формы манипулирования результатами выборов.

Влияние политической коррупции на систему власти и общество

Политическая коррупция оказывает разрушительное влияние как на политическую систему, так и на общество в целом. Влияние коррупции на систему власти можно рассматривать через несколько ключевых аспектов:

1. Ослабление демократических институтов – когда политическая коррупция проникает в процессы принятия решений, это приводит к искажению политического процесса, снижению качества принятия решений и ограничению реальной политической конкуренции. Властные структуры, поглощённые коррупционными практиками, утрачивают способность служить интересам населения.
2. Нарушение прав и свобод граждан – политическая коррупция приводит к неэффективному использованию государственных ресурсов, что снижает качество социальных услуг, образования, здравоохранения и других общественных благ. Это ведёт к ущемлению прав граждан и увеличивает социальное неравенство.
3. Снижение доверия к власти – коррупция подрывает доверие граждан к политической системе и государственным институтам. Когда люди видят, что решения принимаются не на основе законности и справедливости, а на основе личных интересов и коррупционных схем, возникает недовольство и апатия. Это снижает политическую активность и участие в демократических процессах.
4. Экономические последствия – политическая коррупция напрямую влияет на экономическое развитие страны. Когда ресурсы используются для личных целей, а не для общественного блага, это снижает эффективность экономики, уменьшает возможности для инвестиционной привлекательности и сдерживает развитие.

Заключение

Политическая коррупция является одной из самых серьёзных проблем, с которыми сталкивается российская система власти. Для её борьбы и предотвращения разработаны различные правовые акты и механизмы, направленные на снижение уровня коррупции в политической сфере. В России действует множество антикоррупционных законов, включая Федеральный закон о борьбе с коррупцией, который регулирует вопросы, касающиеся поведения государственных служащих и должностных лиц. Важнейшую роль в борьбе с политической коррупцией играют антикоррупционные органы, такие как прокуратура, МВД, ФСБ, а также специализированные службы, например, Федеральная служба безопасности. Эти институты ответственны за выявление, расследование и пресечение коррупционных практик в политической сфере. Однако, несмотря на наличие законодательных мер и действующих институтов, проблемы правового регулирования и реализации антикоррупционных мер остаются

актуальными. Одной из главных проблем является несовершенство правовой базы, а также недостаточная координация между различными антикоррупционными органами. Отсутствие прозрачности в политических процессах, а также невысокий уровень ответственности и независимости ряда институтов также значительно сдерживает эффективность борьбы с коррупцией. В этом контексте необходимо отметить, что борьба с политической коррупцией требует не только усиления законодательной базы, но и практических изменений в работе политических и правовых институтов. Усиление контроля за финансированием политических кампаний, обязательное декларирование доходов и расходов должностных лиц, создание независимых механизмов контроля и повышенная ответственность чиновников – вот лишь некоторые из мер, которые могут значительно улучшить антикоррупционное законодательство и механизмы его реализации в России. Важнейшей задачей является совершенствование правового регулирования, которое должно включать более чёткие и прозрачные механизмы контроля, а также повышение ответственности политических и государственных институтов. Необходимость внедрения дополнительных мер, таких как прозрачность в принятии решений, улучшение взаимодействия между антикоррупционными органами и законодательными структурами, а также обеспечение реальной независимости контролирующих институтов, остаётся актуальной. Также важно отметить, что для борьбы с политической коррупцией недостаточно только изменения законодательства. Важно также наладить эффективное взаимодействие всех элементов системы – государства, общества и бизнеса – для создания целостной антикоррупционной стратегии. Формирование культуры честности и ответственности среди политиков и госслужащих, а также воспитание у граждан правовой культуры и активной гражданской позиции также играют ключевую роль в минимизации политической коррупции.

Литература

1. Алексеев, С. С. (2005). Коррупция в России: политический и правовой аспекты. Москва: Издательство «Норма».
2. Гусева, В. Ю. (2017). Политическая коррупция и антикоррупционные меры в России. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
3. Левин, С. М. (2014). Противодействие политической коррупции в России: проблемы и пути решения. Москва: Издательство «Юридическая литература».
4. Бенеш, В. (2012). Коррупция и правовая культура: международный опыт и российская реальность. Москва: Научная книга.
5. Грант, С. (2016). Политическая коррупция в развивающихся странах: теория и практика. Лондон: Издательство Routledge.
6. Российская Федерация. (2008). Федеральный закон «О борьбе с коррупцией». Москва: Гарант.
7. Иванов, А. И. (2015). Роль прокуратуры в борьбе с политической коррупцией в России. Журнал «Государство и право», 7(68), 45–56.
8. Ефимов, А. Г. (2013). Коррупция в политической сфере и её влияние на демократические процессы в России. Журнал «Политика и право», 4, 23–36.
9. Мишин, И. П. (2018). Этика и правовые механизмы борьбы с коррупцией в политике. Москва: Издательство «Юридический мир».
10. Федеральная служба безопасности Российской Федерации. (2020). О деятельности по борьбе с коррупцией в государственной и политической сферах. Москва: ФСБ России.

LEGAL REGULATION OF POLITICAL CORRUPTION IN RUSSIA: CURRENT STATUS AND COUNTERMEASURES

Razumovsky A.I., Tereshina A.N., Faizulina A.A., Litvinenko D.V., Dubkov N.S.
Far Eastern Federal University

This work is devoted to the legal regulation of political corruption in Russia, with an emphasis on modern mechanisms for combating this phenomenon and the effectiveness of existing legislation. The study examines the main forms and manifestations of political corruption, its impact on the system of power and society as a whole. Particular attention is paid to legislative acts aimed at combating corruption in the political sphere, as well as the role of anti-corruption bodies such as the prosecutor's office, the Ministry of Internal Affairs and the FSB.

Keywords: Political corruption, legal regulation, anti-corruption measures, legislation, political sphere, prosecutor's office, the Ministry of Internal Affairs, the FSB, the fight against corruption, anti-corruption institutions, the system of power, corruption practices.

References

1. Alekseev, S. S. (2005). Corruption in Russia: Political and Legal Aspects. Moscow: Norma Publishing House.
2. Guseva, V. Yu. (2017). Political Corruption and Anti-Corruption Measures in Russia. St. Petersburg: Legal Center Press Publishing House.
3. Levin, S. M. (2014). Combating Political Corruption in Russia: Problems and Solutions. Moscow: Legal Literature Publishing House.
4. Benesh, V. (2012). Corruption and Legal Culture: International Experience and Russian Reality. Moscow: Nauchnaya Kniga.
5. Grant, S. (2016). Political Corruption in Developing Countries: Theory and Practice. London: Routledge Publishing House.
6. Russian Federation. (2008). Federal Law "On the Fight against Corruption". Moscow: Garant.
7. Ivanov, A. I. (2015). The Role of the Prosecutor's Office in the Fight against Political Corruption in Russia. Journal "State and Law", 7 (68), 45–56.
8. Efimov, A. G. (2013). Corruption in the Political Sphere and Its Impact on Democratic Processes in Russia. Journal "Politics and Law", 4, 23–36.
9. Mishin, I. P. (2018). Ethics and Legal Mechanisms for Combating Corruption in Politics. Moscow: Publishing House "Legal World".
10. Federal Security Service of the Russian Federation. (2020). On Activities to Combat Corruption in the State and Political Spheres. Moscow: FSB of Russia.

Роль и место судебных экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных сетей

Саркисян Карина Тархановна,

аспирант кафедры судебных экспертиз, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: karina8888883@gmail.com

Использование информационно-телекоммуникационных сетей для незаконного оборота наркотических средств качественным образом поменяло информационную модель данной категории преступлений, так как изменились способы преступления. Вместе с тем расширились и ресурсы для расследования и раскрытия данной категории дел. Не последнюю роль при формировании доказательственной базы играют судебные экспертизы, которые также претерпели значительную трансформацию за последнее время. Прежде всего это связано с появлением цифровых следов и становлением их объектами экспертного исследования уже не только в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы. В связи с этим в работе сделан акцент на том, какую криминалистически значимую информацию следователь может получить, назначив судебную экспертизу, при расследовании незаконного оборота наркотических средств. По итогам анализа судебной и следственной практики выделены те роды судебных экспертиз, которые являются наиболее актуальными для рассматриваемых преступлений. На их примере проанализированы аспекты судебно-экспертных технологий, требующих совершенствования и изменений. Внедрение таких изменений в практическую деятельность позволит экспертам решать те задачи, которые сейчас перед ними не стоят. Однако для этого компетенции судебного эксперта должны быть расширены, а подходы к обучению судебных экспертов в той или иной части должны быть пересмотрены с учетом требований современных реалий. По итогам такого анализа автор приходит к выводу, что обеспечение эффективного использования результатов судебных экспертиз зависит не только от качества экспертного исследования, но и от уровня подготовки самого правоприменителя в вопросах назначения судебных экспертиз и оценки заключения эксперта.

Ключевые слова: судебная экспертиза, заключение эксперта, цифровые следы, наркотические средства, наркопреступность, компетенция судебного эксперта, компьютерные сети, Даркнет, судебная компьютерно-техническая экспертиза, специальные знания.

Расследование незаконного оборота наркотических средств представляет собой сложный и многогранный процесс, требующий комплексного подхода и применения различных мер для формирования надлежащей доказательственной базы. Это обусловлено тем, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, часто имеют скрытый характер, а их организаторы используют разнообразные способы для совершения и сокрытия своей деятельности.

Большую часть криминалистически значимой информации можно получить в результате производства судебных экспертиз. Но как показывает анализ судебной и следственной практики, правоприменитель нередко отказывается от назначения судебной экспертизы, аргументируя это затягиванием процесса. Однако такой подход приводит к весомым пробелам в системе доказательств конкретного уголовного дела.

Роль судебных экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств, совершенного с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, возрастает ввиду появления цифровых следов. В рамках проведенного исследования был проведен опрос сотрудников правоохранительных органов. На вопрос «Назначали ли Вы судебные экспертизы по делам, связанным с незаконным оборотом наркотических средств в компьютерных сетях, где объектом выступали цифровые следы» больше 79% опрошенных респондентов ответили положительно. Из них 92% опрошенных назначали компьютерно-техническую экспертизу.

Цифровые следы стали важными объектами судебных экспертиз, что привело к определенным трансформациям в судебной экспертологии. Прежде всего стоит сказать о том, что цифровые следы являются объектами исследования уже не только для судебной компьютерно-технической экспертизы, но и для других родов судебной экспертизы. Это также подчеркивает А.И. Семикаленова, говоря, что «цифровые следы являются объектами судебной компьютерно-технической экспертизы. Однако мы полагаем, что понятие цифровых следов невозможно замыкать только на данном виде экспертизы» [1, с. 118].

Е.Р. Россинская также высказывается об этом следующим образом: «Вызванный цифровизацией процесс замены традиционных аналоговых способов отображения объектов судебных экспертиз

(следов, фотоснимков, звукозаписей и пр.), представленными в цифровом виде – цифровыми следами, привел к тому, что цифровые следы стали в последние годы объектами исследования во многих родах (видах) судебных экспертиз, например: в фonoскопической, автороведческой, лингвистической, почерковедческой, фототехнической, видеотехнической, портретной, судебно-бухгалтерской, финансово-экономической, судебно-технической экспертизе документов и других» [2, с. 57].

Справедливо отмечает Н.С. Неретина: «Подобные новые объекты со временем также могут попасть в область интереса правоприменителя, потребовав в интересах осуществления правосудия для разрешения вопросов, с ними связанных, специальных знаний. Появление новых объектов будет способствовать появлению новых родов и видов судебных экспертиз, поскольку подобные процессы могут нести с собой не только возможности улучшения и развития качества жизни, но и связанные с ними сложности, в том числе обеспечения прав человека и гражданина в цифровой среде, архивного хранения цифровых данных пользователей, защиты передачи данных, юридической значимости электронных документов, а также угрозы личности, обществу и государству в связи с ростом компьютерной преступности, в том числе на международном уровне» [3].

Последствием таких изменений в свою очередь стало расширение компетенций самого судебного эксперта, поскольку для проведения исследований с объектами такого рода нужны несколько отличные навыки от уже сформированных. Представляется, что, помимо изучения общей теории цифровизации судебно-экспертной деятельности, эксперт должен:

- владеть знаниями о характере и специфике тех цифровых следов, с которыми он взаимодействует в процессе производства определенного рода/вида экспертизы – это включает знание о том, в каком виде эти объекты должны быть ему представлены на исследование, какие методы допустимо применять при исследовании данных объектов;
- владеть навыками применения современных компьютерных программ для проведения исследования;
- владеть навыками использования современных баз данных.

В этой связи изменение рабочих программ обучения судебных экспертов с целью формирования новых компетенций является важным шагом в адаптации судебной экспертологии к современным вызовам. В частности, видится необходимость внедрение разделов, посвященных изучению, помимо общей теории цифровизации судебно-экспертной деятельности, цифровых следов как объектов конкретного рода или вида экспертизы.

В настоящий момент практически во всех родах/видах судебных экспертиз цифровые следы являются объектами исследования. Однако анализ судебной, следственной и экспертной практи-

ки позволяет выделить отдельные судебные экспертизы, которые наиболее часто назначают при расследовании незаконного оборота наркотических средств.

Так, например, можно проследить тенденцию повышения значимости лингвистической, автороведческой экспертиз. Судебная лингвистическая и судебная автороведческая экспертизы относятся к классу речеведческих экспертиз, которые, как утверждает Е.И. Галяшина объединены рядом критериев: «общностью исследуемых объектов – продуктом речевой деятельности человека, сходным комплексом специальных речеведческих знаний, необходимых для производства экспертизы, единством методологии в решении идентификационных и диагностических задач» [4, 5]. При этом лингвистическая и автороведческая экспертизы представляют собой два абсолютно самостоятельных по всем параметрам рода экспертизы.

Появление цифровых следов несколько иначе повлияло на рассматриваемые роды судебных экспертиз: несмотря на всю цифровую трансформацию, все еще необходимо, чтобы в качестве объекта выступал четко зафиксированный речевой продукт. Эксперты лингвисты и автороведы исследуют речевой след, а не цифровой след.

Что же тогда изменилось? Для судебной лингвистической экспертизы, как и для судебной автороведческой экспертизы, важно учитывать то, где и в каком контексте создавался речевой продукт. Речевые продукты, а также способы их исследования будут отличаться в зависимости от того, где он располагается: социальная сеть, мессенджер, сайт Интернета, форумы Даркнета и т.д.

Более того, это привело к расширению возможностей экспертиз и появлению новых вызовов перед экспертами, требующих разрешения и регламентации.

В совокупности задачи, решаемые лингвистической и автороведческой экспертизами, позволяют выяснить интенцию авторов, тему речи, наличие в разговоре наркотического дискурса, а также позволяют определить принадлежность участникам определенной роли и внутреннюю иерархию.

В рамках производства судебной лингвистической экспертизы можно получить следующую криминалистически значимую информацию:

- наличие/отсутствие высказываний наркотического дискурса;
- наличие/отсутствие информации о предложении приобретения наркотических средств;
- наличие/отсутствие информации о приобретении, хранении, перевозке и сбыте наркотических средств;
- наличие/отсутствие информации о коммуникативной роли каждого из участников переписки;
- наличие/отсутствие информации об факте осуществления участниками переписки совместной преступной деятельности.

А.В. Коряковцев и П.А. Манянин в работе приводят пример конкретной судебной лингвистической экспертизы, результаты которой позволили опре-

делить факт совместной преступной деятельности, а также роли и степень вовлеченности в совершение преступления каждого из участников беседы [6].

Несколько сложнее дела обстоят с назначением судебной автороведческой экспертизы. На основании анализа материалов уголовных дел и опроса сотрудников правоохранительных органов можно сделать вывод о том, что следователи не назначают судебную автороведческую экспертизу, так как не знают о ее возможностях.

При этом своевременное назначение судебной автороведческой экспертизы могло бы частично упростить процесс доказывания. Так, в ходе следственных действий зачастую обнаруживаются переписки с обсуждением наркотических средств, фиксируются данные с сайтов, Даркнета, посвященные также наркотическим средствам. При предъявлении данной информации подозреваемому, тот полностью отрицает свою причастность, говоря, что не вел представленные веб-сайты, а переписка от его имени осуществлялась абсолютно другим человеком.

Соответственно, назначение и производство судебной автороведческой экспертизы в отдельных случаях может стать эффективным способом получения доказательств, но для этого также нужно обеспечить экспертов современными экспертными методиками. Экспертные методики автороведческой экспертизы не направлены в общем-то на исследование текстов Интернет-коммуникации. Такая проблема отмечается, например Т.П. Соколовой [7].

Определенно, наиболее востребованной при расследовании незаконного оборота наркотических средств в компьютерных сетях является судебная компьютерно-техническая экспертиза. Чаще всего перед экспертами ставятся вопросы, относящиеся к информационно-компьютерной и компьютерно-сетевой экспертизам. Это обосновывается высокой ролью в преступлениях сети Интернет, исследование которого требует «специальных знаний в области информационно-вычислительных технологий и информационно-вычислительной техники» [8, с. 191].

В результате производства судебной компьютерно-технической экспертизы следователи могут получить ответы на вопросы, с какого устройства были осуществлены те или иные действия, кому принадлежит IP-адрес и т.д.

И все же ввиду того, что экспертные методики на данный момент не полностью отражают современные реалии, не учитывают все современные возможности технологий и не содержат положений, направленных на исследование цифровых следов, исследования такого рода могут быть затруднены.

В делах незаконного оборота наркотических средств в нынешнее время особую роль играет теневой сегмент Даркнет. И основные сложности при расследовании данной категории дел связаны с невозможностью преодоления высокого уровня конфиденциальности пользователей Даркнета. Те-

оретики и практики нередко высказываются об отсутствии возможности деанонимизации [9].

Однако, как демонстрируют результаты отдельных авторов, все же существуют способы деанонимизации пользователей TOR. В этой связи большой интерес представляют работы Ю.А. Бондаренко и Г.М. Кизилова [10], С.М. Авдошина [11], А.В. Лазаренко.

А.В. Лазаренко в своей работе проанализировал все существующие методы деанонимизации пользователей Tor и выделил те, которые, на его взгляд, являются наиболее успешно применимыми в практической деятельности [12, с. 259–261]:

- Website fingerprint атака – «частный случай атак анализа траффика, во время которых локальный наблюдатель пытается выяснить информацию о контенте (посещенный веб-сайт), обозревая потоки траффика внутри анонимного соединения. Атакующий собирает метаинформацию: размер пакета, направление траффика. Сбор происходит без нарушения шифрования».
- Атаки уровня автономной системы – «под автономной системой понимается система IP-сетей и маршрутизаторов, управляемых одним или несколькими операторами, имеющими одинаковую политику маршрутизации с интернетом».
- Модификация ПО Tor – во-первых, можно создать собственную версию браузера, что в итоге приведет к доступу к IP адресу клиента и к конечному ресурсу, во-вторых, «свою версию ПО можно установить на коррумпированные узлы», что позволит получить исходный код Tor.

Соответственно, имеет место быть рассмотрение применения таких технологий в рамках судебной компьютерно-технической экспертизы. Определенно, их нужно не просто заимствовать, а все-таки адаптировать именно под принципы, цели и задачи экспертного исследования. Для практики расследования преступлений, совершаемых с использованием Даркнета, в частности незаконного оборота наркотических средств, такое расширение возможностей судебной компьютерно-технической экспертизы положительно бы отразилось на качестве формируемой доказательственной базы.

Очевидно, что заключение эксперта зачастую при расследовании данной категории дел является важной частью всей доказательственной базы. В отдельных уголовных делах именно на основании результатов заключения эксперта по судебной компьютерно-технической экспертизе удастся доказать прямую причастность лица к совершению преступления.

Зачастую несвоевременное назначение судебной экспертизы приводит к спорам, жалобам и в целом затягиванию процесса. Так, в 2023 году гражданин П.А.В. был признан Ленинским районным судом г. Екатеринбурга виновным в покушении на незаконный сбыт аналога наркотического средства в крупном размере, совершенном с использованием информационно-телекоммуникационных

сетей (включая сеть «Интернет»), группой лиц по предварительному сговору.

Однако после вынесения приговора адвокатом осужденного была подана апелляционная жалоба, а затем уже кассационная жалоба. Наряду со всеми доводами, защитник указал, что суд первой инстанции вынес приговор, основываясь на предположениях домыслах, так как ввиду неназначения лингвистической экспертизы не были установлены сведения, действительно ли в смс-сообщениях есть информация о том, как добывались наркотические средства и какова была их масса, о сбыте наркотических средств.

Помимо этого, не было доказано посредством получения результатов судебной компьютерно-технической экспертизы, действительно ли интернет-магазин, через который осуществлялся незаконный оборот наркотиков, был создан и использовался П.А.В., а также не установлены лица, которые передавали друг другу смс-сообщения (Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 11.04.2024 N 77-1014/2024 (УИД 66RS0004-01-2021-014213-07) // СПС «Консультант Плюс».).

Данный кейс демонстрирует значение назначения и производства судебных экспертиз при расследовании незаконного оборота наркотических средств в компьютерных сетях.

Однако при всем этом некорректно было бы выделять заключение эксперта относительно других доказательств, перечисленных в ст. 74 УПК РФ. В одних уголовных делах заключение эксперта, действительно, может играть решающую роль на этапе доказывания, в других делах место такого доказательства может занять любое иное. Каждое доказательство обладает особенностями, не характерными для других. Это и определяет разнообразие доказательств, используемых при расследовании и рассмотрении уголовного дела.

Результаты судебных экспертиз наряду с другими доказательствами способствуют установлению истины по каждому уголовному делу. Начиная со стадии назначения экспертизы и заканчивая оценкой заключения эксперта, следователю (суду) приходится сталкиваться с целым комплексом вопросов, требующих понимания особенностей судебных экспертиз, объектов исследования, задач, решаемых экспертом и т.д. В связи с данным обстоятельством сам правоприменитель должен повышать свою квалификацию и расширять компетенции, в частности, в области цифровых следов.

Литература

1. Семикаленова А.И. Цифровые следы: назначение и производство экспертиз // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 115–120.
2. Судебная экспертиза: типичные ошибки: монография / Е.Р. Россинская, Н.Ф. Бодров, Е.И. Галяшина и др.; под ред. Е.Р. Россинской. – 2-е

изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2024. 736 с.

3. Неретина Н.С. Генезис новых родов и видов судебных экспертиз в эпоху цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). с. 88–94.
4. Галяшина Е.И. Речеведческие экспертизы в судопроизводстве // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 12. С. 12–29.
5. Галяшина Е.И. Судебное речеведение: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Е.И. Галяшина; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. 319 с.
6. Манянин П.А. О возможностях судебной лингвистической экспертизы при установлении ролей и функций наркопреступников / П.А. Манянин, А.В. Коряковцев // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: Материалы XXIII международной научно-практической конференции: В 2 частях, Красноярск, 02–03 апреля 2020 года. Том 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. С. 202–204.
7. Соколова Т.П. Проблемы экспертной идентификации в судебном автороведении // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 2 (90). С. 67–76.
8. Муравьев К.В., Ермаков М.Г. Современные возможности судебно-компьютерной экспертизы и меры по совершенствованию практики ее назначения при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств «Дистанционным» способом // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 182–192.
9. Смушкин А.Б. Криминалистические аспекты исследования Даркнета в целях расследования преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 3 С. 102–111.
10. Бондаренко Ю.А., Кизилев Г.М. Проблемы выявления и использования следов преступлений, оставляемых в сети Darknet//Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 5. С. 97–101.
11. Авдошин С.М. Методы деанонимизации пользователей Tor / С.М. Авдошин, А.В. Лазаренко // Информационные технологии. 2016. Т. 22, № 5. С. 362–372.
12. Лазаренко А.В. Технологии деанонимизации пользователей Tor //Новые информационные технологии в автоматизированных системах. 2016. № 19. С. 257–262.

THE ROLE AND PLACE OF FORENSIC EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL DRUG TRAFFICKING USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION NETWORKS

Sarkisyan K.T.
Kutafin Moscow State Law University

The use of information and telecommunication networks for the illicit trafficking of narcotic drugs has qualitatively changed the information model of this category of crimes, as the methods of crime have changed. At the same time, resources for the investigation and disclosure of this category of cases have expanded. An important role in the formation of the evidence base is played by forensic examinations, which have also undergone a significant transformation in recent years. First of all, this is due to the emergence of digital footprints and their becoming objects of expert research, not only in the framework of forensic computer-technical expertise. In this regard, the work focuses on what criminalistically significant information an investigator can obtain by appointing a forensic examination when investigating drug trafficking. Based on the results of the analysis of judicial and investigative practice, those types of forensic examinations that are most relevant for the crimes under consideration were identified. Using their example, the aspects of forensic technologies that require improvement and changes are analyzed. The implementation of such changes in practical activities will allow experts to solve those tasks that they are not currently facing. However, for this purpose, the competence of a judicial expert should be expanded, and approaches to training judicial experts in one part or another should be reviewed taking into account the requirements of modern realities. Based on the results of such an analysis, the author comes to the conclusion that ensuring the effective use of the results of forensic examinations depends not only on the quality of expert research, but also on the level of qualifications and training of the law enforcement officer himself in the appointment of forensic examinations and the evaluation of the expert opinion.

Keywords: forensic examination, expert opinion, digital footprints, narcotic drugs, drug crime, competence of a judicial expert, computer networks, The Darknet, forensic computer and technical expertise, special knowledge.

References

1. Semikalenova A.I. (2019). Digital footprints: appointment and production of examinations. *Bulletin of O.E. Kutafin University*, 5, 115–120.

2. E. R. Rossinskaya, N.F. Bodrov, E.I. Galyashina and others (2024). *Forensic examination: typical mistakes* (2nd ed.). Moscow: Prospekt.
3. Neretina N.S. (2019). The genesis of new types and types of forensic examinations in the era of digitalization. *Bulletin of O.E. Kutafin University*, 5, 88–94.
4. Galyashina E.I. (2011). Speech expertise in legal proceedings. *The laws of Russia: experience, analysis, practice*, 12, 12–29.
5. Galyashina E. I. (2020). *Judicial speech education: a textbook for students of law schools and faculties*. Moscow: Norma: IN-FRA-M.
6. Manyanin P.A. (2020). On the possibilities of forensic linguistic expertise in establishing the roles and functions of drug criminals / P.A. Manyanin, A.V. Koryakovtsev // *Actual problems of combating crime: issues of theory and practice: Proceedings of the XXIII International Scientific and practical conference* (Vol. 1, pp 202–204).
7. Sokolova T. P. (2022). Problems of expert identification in judicial authorship // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*, 2, 67–76.
8. Murav'ev K.V., Ermakov M.G. (2019). Modern possibilities of forensic computer examination and measures to improve the practice of its appointment in the investigation of crimes related to drug trafficking in a "Remote" way. *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 3, 182–192.
9. Smushkin A.B. (2022.) Criminalistic aspects of Darknet research in order to investigate crimes. *Actual problems of Russian law*, 3, 102–111.
10. Bondarenko Yu.A., Kizilov G.M. (2019) Problems of detecting and using traces of crimes left on the Darknet network. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 5, 97–101.
11. Avdoshin S. M. (2016). Methods of deanonymization of Tor users. *Information technologies*, 5, 362–372.
12. Lazarenko A.V. (2016). Technologies for deanonymizing Tor users. *New information technologies in automated systems*, 19, 257–262.

Уголовно-правовой аспект умышленного причинения тяжкого вреда здоровью

Сейцева Елена Владимировна,

студент образовательного учреждения высшего образования Ленинградской области «Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В системе основополагающих ценностей, закрепленных в Конституции РФ, приоритетное место занимают здоровье и жизнь граждан, защита которых является первостепенной задачей государства. Для обеспечения правовой охраны этих фундаментальных благ существует ряд юридических механизмов, среди которых особое значение имеет система уголовно-правовой ответственности. В рамках Уголовного Кодекса РФ (далее – УК РФ) предусмотрены конкретные санкции за деяния насильственного характера, направленные против жизни и здоровья личности, включая причинение тяжких телесных повреждений. Проблематика уголовного преследования за преднамеренное нанесение серьезного ущерба здоровью стала предметом обстоятельного научного анализа в исследованиях целой плеяды выдающихся правоведов ([Г.М. Борзенков, А.А. Жижиленко, В.В. Комиссаров, Н.С. Кузнецова, А.Ф. Кони, С.В. Познышев, Н.Д. Сергиевский, Н.С. Таганцев, И.П. Тяжкова, И.Л. Фойницкий, П.С. Яни и др.]). Тем не менее, практика показывает, что при рассмотрении данной категории уголовных дел суды продолжают допускать ошибки в правоприменении. Этот факт обусловил необходимость проведения настоящего исследования, направленного на всестороннее изучение уголовно-правовых аспектов деяния, квалифицируемого по ст. 111 УК РФ. Для достижения поставленной цели предполагается детально рассмотреть элементы состава данного преступления и проанализировать существующую судебную практику. Результаты проведенного исследования могут послужить основой для совершенствования российского законодательства в части регламентации ответственности за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: уголовная ответственность, тяжкий вред здоровью, объективные признаки преступления, субъективные признаки преступления, убийство по неосторожности.

Актуальность

Насильственные преступные деяния, посягающие на жизнь и здоровье человека, занимают особую нишу в иерархии уголовных правонарушений. Максимальной степенью общественной угрозы среди них отличаются два состава: лишение жизни (закрепленное в статьях 105–108 УК РФ) и преднамеренное причинение серьезных повреждений здоровью (регламентируемое статьей 111 УК РФ). Как показывают количественные исследования (Таблица 1), даже внедрение комплексных профилактических мероприятий, нацеленных на минимизацию таких преступлений, не привело к существенному снижению их численности, которая продолжает оставаться значительной.

Таблица 1. Количество преступлений, совершенных по ст. 111 УК РФ за 2019–2023 годы [6]

Кол-во преступлений, ед.	2019	2020	2021	2022	2023
ст. 111 УК РФ	18775	16263	16382	15619	15844

Таким образом значительное количество совершаемых преступлений по обозначенной статье обуславливает актуальность детального анализа уголовно-правового аспекта его совершения с целью выработки предложений по совершенствованию действующего уголовного законодательства в этой части.

Цель и задачи исследования

Целью данной статьи является анализ уголовно-правовых аспектов привлечения лица к ответственности по ст. 111 УК РФ. В качестве задач настоящего исследования следует определить осуществление анализа признаков объективной и субъективной сторон преступления, предусмотренного ст. 111 УК РФ.

Методология

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы – исторический, логический, метод дедукции и другие, а также методы частно-научные, такие как метод толкования, формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический и т.д.

Результаты исследования их теоретическая и практическая значимость

Полученные в результате настоящего исследования выводы могут быть использованы в подготовке

комплексных предложений как в законодательство, так и в правоприменительную практику.

Обсуждение

В теории уголовного права любой состав преступления включает четыре неотъемлемых элемента: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону.

Понятие «объект» (восходящее к латинскому *objectus* – предмет) охватывает те ценности, блага или общественные отношения, против которых направлено преступное посягательство. В уголовно-правовой доктрине объект трактуется как охраняемая законом сфера, которая претерпевает негативное воздействие от преступного деяния и которой причиняется или может быть причинен вред. Значимость объекта в уголовном законодательстве трудно переоценить: он не только определяет уровень общественной опасности противоправного действия, но и служит фундаментом для формирования системы уголовно-правовой охраны, а также помогает установить объективные и субъективные признаки преступления [9, с. 67].

В рассматриваемой статье УК РФ непосредственным объектом выступает соматическое и психическое здоровье личности.

Что касается объективной стороны, она является одним из четырех ключевых компонентов состава преступления и отражает его внешнее проявление в реальной действительности. К основным признакам объективной стороны относятся само противоправное действие или бездействие, наступившие последствия, причинная связь между ними, а также способ, орудия, обстановка, место и временной период совершения преступления [1, с. 90].

Переходя к анализу самого деяния необходимо отметить, что в качестве преступления в сфере социального обеспечения можно рассматривать деяния двух видов:

- действие – предусматривает активную деятельность виновного лица по совершению преступления;
- бездействие – предусматривает пассивную деятельность виновного лица по совершению преступления, а именно – виновное лицо воздерживается от совершения как-либо активных действий, которые оно должно и обязано было совершить согласно установленным законодательным нормам в определенной ситуации [5, с. 12].

Важно подчеркнуть, что уголовная ответственность наступает исключительно за деяния, совершенные лицом по собственной воле, без какого-либо принуждения извне. Действия или бездействие, осуществленные под воздействием угроз или иного давления, не влекут уголовного преследования. Законодатель предусмотрел это обстоятельство, включив в УК РФ ряд положений, которые исключают привлечение к уголовной ответственности даже в случаях, когда формально деяние содержит

признаки преступления, описанного в Особенной части УК РФ [10, с. 10]. Для квалификации деяния как преступного необходимо наличие четырех обязательных характеристик: оно должно быть общественно опасным, виновным, противоправным и наказуемым.

Анализируемое в данном исследовании преступное деяние может быть совершено путем действия или бездействия лица. При анализе судебной практики можно отметить, что большинство деяний, квалифицируемых по рассматриваемой статье, совершаются путем физического воздействия с использованием различных предметов в качестве орудия преступления на жизненно важные органы потерпевшего лица. Обозначенное воздействие чаще всего осуществляется в форме нанесения ударов [3, с. 78].

Диспозицией рассматриваемой статьи УК РФ четко определены последствия преступного деяния, квалифицируемого по данной статье (Рисунки 1).

Рис. 1. Последствия совершения преступного деяния

В целях правильной квалификации преступного деяния по рассматриваемой статье, как правило, осуществляется судебная экспертиза тяжести утраты здоровья, которая основывается на законодательных критериях определения тяжести вреда здоровью [11].

В любом преступном деянии ключевое значение имеет каузальная связь между совершенным действием (или бездействием) и возникшими последствиями. Анализируемый состав относится к категории материальных преступлений, что означает обязательное наличие результата в виде причинения тяжкого вреда здоровью, прямо вытекающего из противоправного поведения. Специфика п. «в» ч. 2 проявляется в его двойственной природе: помимо фактического причинения тяжких телесных повреждений, требуется наличие опасности для других охраняемых законом благ (жизни и здоровья третьих лиц).

Говоря о субъекте данного преступления, важно отметить, что им признается исключительно физическое лицо. Принципиальное значение приобретает возрастной аспект уголовной ответственности. Учитывая чрезвычайную общественную опасность деяния, законодатель определил минимальный возраст привлечения к ответственности в четырнадцать лет (ст. 20 УК РФ) [4, с. 20].

Заключительным компонентом состава является субъективная сторона, охватывающая вину, мотивацию и целевую направленность преступления. Вина как внутреннее психическое отношение преступника к совершаемому действию и его результатам представляет собой сложное явление, включающее три взаимосвязанных элемента: интеллектуальный (познавательный), волевой и эмоциональный аспекты [7, с. 82].

Интеллектуальный момент психической деятельности является субъективным представлением об объективной реальности, то есть сознанием. Человеческое сознание является формой идеаль-

ных мыслительных образов, опосредованных языком, являющимся регулятором целенаправленного поведения личности. В законе «осознание», «предвидение» лицом общественно опасного характера своего деяния в равной степени характеризуют интеллектуальную сторону психического отношения субъекта преступления к совершенному умышленному деянию.

«Практическое сознание», выраженное в сознательной регуляции собственного поведения, составляет волевой аспект вины и проявляется через такие категории как «желание», «допущение» и «расчет на предотвращение последствий». Примечательно, что даже в ситуациях, когда волевой компонент отсутствует (например, при упущении, забывчивости или неучете определенных факторов), субъект несет ответственность не только за целенаправленные преступные действия, но и за неприменение имеющихся у него возможностей предотвратить вредные последствия. Фундаментальным принципом уголовного права является положение о том, что отсутствие вины исключает как наличие состава преступления, так и уголовную ответственность [2, с. 23].

Центральное место в структуре субъективной стороны преступного деяния занимает категория вины. Законодатель в уголовно-правовых нормах трактует ее как внутреннее психологическое отношение индивида к осуществляемому им противоправному действию, закрепленному в УК, а также к результатам такого действия. Как известно УК РФ устанавливает две формы вины – умысел и неосторожность. Следует отметить, что анализируемый нами состав преступления совершается с умышленной формой вины, при этом при квалификации преступного деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ могут наблюдаться последствия в виде смерти потерпевшего лица, причиненной по неосторожности.

Следует отметить наличие разъяснения высшей судебной инстанции в отношении определения направленности умысла лица при решении вопроса относительно квалификации его деяния по ч. 4 ст. 111 УК РФ или ст. 105 УК РФ. Так, ВС РФ рекомендовал разрешение данного вопроса исходя из анализа совокупности характеризующих объективную сторону преступного деяния признаков, а также из предшествующее преступлению и последующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения [12].

Что касается мотива, то под ученые определяют мотив как внутреннее побуждение, основанное на конкретной потребности или интересе, вызывающее у лица желание или решимость совершить противоправное деяние. Юридическое значение мотива заключается в том, что он играет ведущую роль среди всех других субъективных проявлений умышленной формы правонарушения, поскольку формирует, определяет и направляет содержание преступного поведения лица. Под мотивом понимается внутреннее побуждение лица, обусловленное его потребностями и интересами, вызывающее

решение лица совершить противоправное деяние и побуждающее его к его совершению. Следует отметить, что мотив преступления по рассматриваемой статье в большинстве случаев корыстный, однако в данном преступлении он может быть ограничен и личной неприязнью, негативным отношением и т.п. [8, с. 11].

Рассматриваемый состав преступления имеет ряд квалификационных признаков. Наибольшие затруднения для судебной практики имеет вопрос разграничения квалифицированного состава рассматриваемого преступления по ч. 4 и состава преступления, предусмотренного ст. 105 УК РФ. Исходя из анализа судебной практики можно отметить, что многие лица, чьи деяния квалифицируются по обозначенной статье утверждают об отсутствии желания причинить смерть потерпевшему в связи с чем их деяния квалифицируются судами как квалифицированный состав умышленного нанесения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть. В таком случае можно отметить наличие судебной ошибки и смещения преступного косвенного умысла виновного лица в сторону неосторожной формы вины [13].

Заключение

По итогам проведенного анализа становится очевидной насущная необходимость в формировании четких разграничительных признаков между составами преступлений, регламентированными ч. 4 ст. 111 УК РФ и ст. 105 УК РФ. Эффективным инструментом для устранения данного пробела могло бы послужить создание и внедрение нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ, посвященного судебной практике по делам о посягательствах на здоровье человека. Подобный нормативный акт способствовал бы существенному сокращению количества квалификационных ошибок, допускаемых сотрудниками правоохранительных органов при юридической оценке указанных противоправных деяний.

Литература

1. Зотов А.Ю. Проблемы квалификации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, возникающие в современной следственной и судебной практике // Право и практика. 2022. № 2. С. 89–97.
2. Мершенина К.М. Проблемы отграничения причинения тяжкого вреда здоровью со смежными составами преступления // Вестник науки. 2022. № 4 (49). С. 25–32.
3. Нечаев А.Д. Концептуальные основы и теоретическое моделирование криминализации и декриминализации: автореф... дис. кан. юр. наук. Саратов: 2017. – 127 с.
4. Першуткина Т.С., Титаренко А.П. Объективная сторона умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторож-

ности смерть потерпевшего // Вестник науки. 2024. № 1 (70). С15–21.

5. Полубинская С.В., Галюкова М.И. Уголовно наказуемый вред психическому здоровью: содержание и признаки // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 3 (148). С. 10–14.
6. Сайт судебной статистики РФ [Электронный ресурс] // URL – <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn – p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения 08.12.2024).
7. Ткачева Ю.С. К вопросу о взаимосвязи насильственных действий и причинения вреда здоровью потерпевшего // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 1. С. 78–89.
8. Тулиглович М.А. Судебное толкование составов преступлений, в которых причинение тяжкого вреда здоровью человека не конкретизировано // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 4 (66). С9–15.
9. Уханова Н.В. Некоторые проблемы расследования преступлений // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2019. № 2. С. 66–70.
10. Шеин В.В. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью: проблема квалификации // Вестник науки. 2022. № 12 (57). С. 9–15.
11. Правила определения степени тяжести вреда, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 17.08.2007 № 522 (ред. от 17.11.2011) «Об утверждении Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека», Приказом Минздрава РФ от 24.04.2008 № 194н (ред. от 18.01.2012) «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека».
12. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст 105 УК Российской Федерации)» (с изменениями и дополнениями) // СПС Консультант-Плюс.
13. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2014), утвержденной Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24 декабря 2014 г.

CRIMINAL LAW ASPECT OF INTENTIONAL INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM

Seitseva E.V.

A.S. Pushkin Leningrad State University

The Russian Federation's Constitution establishes human life and health as core values deserving paramount state protection. Criminal liability serves as one of the principal legal frameworks ensuring the safeguarding of these fundamental rights. The Criminal Code

of the Russian Federation prescribes penalties for violent acts that infringe upon an individual's life and health, including the infliction of grievous bodily harm. Although the institution of criminal liability for this offense has undergone substantial development and has been extensively analyzed by prominent legal scholars (including G.M. Borzenkov, A.A. Zhizhilenko, V.V. Komissarov, N.S. Kuznetsova, A.F. Koni, S.V. Poznyshchev, N.D. Sergievsky, N.S. Tagantsev, I.P. Tyazhkova, I.L. Foyunitsky, P.S. Yani, among others), judicial authorities continue to encounter challenges in adjudicating such criminal cases. Consequently, this article aims to examine the criminal law aspects of intentional infliction of grievous bodily harm. This objective is pursued through specific tasks: analyzing the constituent elements of the crime as defined in Article 111 of the Criminal Code and examining relevant judicial practice. The findings derived from this research may contribute to the further enhancement of Russian Federation legislation regarding criminal liability for offenses under Article 111 of the Criminal Code.

Keywords: criminal liability, grave harm to health, objective signs of crime, subjective signs of crime, negligent homicide.

References

1. Zotov A. Yu. Problems of qualification of threat of murder or causing grievous bodily harm arising in modern investigative and judicial practice // Law and Practice. 2022. No. 2. P. 89–97.
2. Mershenina K.M. Problems of delimitation of causing grievous bodily harm from related crimes // Science Bulletin. 2022. No. 4 (49). P. 25–32.
3. Nechaev A.D. Conceptual foundations and theoretical modeling of criminalization and decriminalization: author's abstract... diss. can. jur. sciences. Saratov: 2017. – 127 p.
4. Pershutkina T.S., Titarenko A.P. Objective side of intentional causing grievous bodily harm resulting in the death of the victim through negligence // Science Bulletin. 2024. No. 1 (70). P15–21.
5. Polubinskaya S.V., Galyukova M.I. Criminally punishable harm to mental health: content and features // Actual problems of Russian law. 2023. No. 3 (148). P. 10–14.
6. Website of judicial statistics of the Russian Federation [Electronic resource] // URL – <https://stat.xn——7sbqk8achja.xn – p1ai/stats/ug/t/14/s/17> (date of access 08.12.2024).
7. Tkacheva Yu.S. On the issue of the relationship between violent actions and harm to the health of the victim // Humanitarian, socio-economic and social sciences. 2024. No. 1. P. 78–89.
8. Tuliglovich M.A. Judicial interpretation of the elements of crimes in which causing grievous bodily harm to a person is not specified // Legal science and law enforcement practice. 2023. No. 4 (66). P. 9–15.
9. Ukhanova N.V. Some problems of crime investigation // Current issues of combating crime. 2019. No. 2. P. 66–70.
10. Shein V.V. Intentional causing of grievous bodily harm: the problem of qualification // Bulletin of science. 2022. No. 12 (57). P. 9–15.
11. The rules for determining the severity of harm, approved by the RF Government Resolution of 17.08.2007 No. 522 (as amended on 17.11.2011) “On approval of the rules for determining the severity of harm caused to human health”, by the Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation of 24.04.2008 No. 194n (as amended on 18.01.2012) “On approval of the medical criteria for determining the severity of harm caused to human health”.
12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27 January 1999 No. 1 “On judicial practice in cases of murder (Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)” (with amendments and additions) // SPS ConsultantPlus.
13. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 1 (2014), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 24, 2014.

Особенности назначения и производства экономических судебных экспертиз с точки зрения соблюдения требований ст. 6.1 УПК РФ

Сироткин Артем Германович,

аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА
Минюста России)
E-mail: art-sirotkin@yandex.ru

В статье анализируются особенности назначения экономических судебных экспертиз в контексте обеспечения разумных сроков уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6.1 УПК РФ. На основе изучения научной литературы, статистических данных и материалов правоприменительной практики выявляются основные факторы, влияющие на сроки назначения и производства экономических экспертиз. Предлагаются меры по оптимизации взаимодействия следователей и экспертов, направленные на сокращение сроков без ущерба для качества исследований. Обосновывается необходимость дифференцированного подхода к установлению предельных сроков производства отдельных видов экономических экспертиз.

Ключевые слова: экономические экспертизы, разумные сроки, взаимодействие следователя и эксперта, предельные сроки экспертиз.

Соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства является одним из ключевых условий реализации назначения уголовного процесса, предусмотренного ст. 6 УПК РФ. Как указано в ч. 1 ст. 6.1 УПК РФ, уголовное судопроизводство должно осуществляться в разумный срок, включающий период с момента начала осуществления уголовного преследования до момента прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

При этом критерии разумности срока законодательно не определены и оцениваются в каждом конкретном случае с учетом правовой и фактической сложности дела, поведения участников, достаточности и эффективности действий должностных лиц (ч. 3 ст. 6.1 УПК РФ).

Необходимость соблюдения разумных сроков в полной мере распространяется и на процессуальные действия, связанные с назначением и производством судебных экспертиз. Особую актуальность данная проблема приобретает применительно к экономическим экспертизам, которые относятся к числу наиболее сложных и трудоемких. Как отмечают А.Н. Кизилов, О.В. Овчаренко, производство многих видов экономических экспертиз (бухгалтерских, финансово-аналитических, финансово-кредитных и др.) предполагает исследование значительных объемов документации, проведение сложных расчетных операций, что объективно требует существенных временных затрат [1].

Целью производства финансово-экономической экспертизы является получение достаточно полной и объективной информации о финансово-хозяйственной деятельности должника в периоды неуплаты задолженности для установления злостности уклонения: установление наличия достаточных средств для погашения задолженности в периоды неуплаты, выявление фактов сокрытия и отчуждения имущества, уменьшения его балансовой стоимости, занижения суммы полученной прибыли, незаконного перевода денежных средств со счета должника [2].

В таких условиях обеспечение разумных сроков назначения и производства экспертиз становится непростой задачей, требующей выверенных организационных и процессуальных решений.

Анализ следственной и экспертной практики показывает, что средние сроки производства экономических экспертиз существенно превышают нормативно установленный 30-дневный срок [3]. Так, по данным исследования В.А. Тимченко в 2019 году средний срок производства бухгалтер-

ских экспертиз составил 1,5–2 месяца, финансово-аналитических – 2–3 месяца [4]. При этом примерно в 30% случаев имело место превышение даже этих показателей. Схожая ситуация наблюдается и в системе экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Проведенный нами анализ практики свидетельствует о том, что сроки производства судебно-бухгалтерских и финансово-экономических экспертиз в 2021–2022 гг. составили около 2 месяцев, при этом в ряде случаев они достигали 4–6 месяцев. Аналогичные данные содержатся в научных публикациях и других авторов [5]. При этом тенденция увеличения сроков производства экспертиз, в связи с возросшей необходимостью, в настоящее время не утешительная, поскольку только лишь на территории города Москвы за 2024 год выявлено 510 преступлений, предусмотренных ст. 199 УК РФ, что на 13 больше, чем за 2023 год.

Причины сложившегося положения кроются в целом комплексе объективных и субъективных факторов. Прежде всего, необходимо выделить проблему дефицита квалифицированных экспертных кадров, особенно остро стоящую перед государственными судебно-экспертными учреждениями. Подготовка высококвалифицированного эксперта-экономиста в нынешних реалиях деления уровней высшего образования на программы бакалавриата, специалитета и магистратуры занимает длительное время. В результате кадровые возможности экспертных учреждений не отвечают потребностям правоохранительных органов, на что также обращает внимание Е.Р. Россинская [6].

Это приводит к чрезмерной нагрузке на действующих экспертов, вынужденных одновременно вести несколько сложных исследований, что неизбежно сказывается на сроках. Серьезное влияние на сроки назначения и производства экономических экспертиз оказывает также проблема качества и полноты материалов, направляемых на экспертизу. Проведенный нами анализ следственной и судебной практики показывает, что зачастую эксперты вынуждены запрашивать у следователя дополнительные документы, поскольку представленных материалов оказывается недостаточно для дачи заключения. Так, например, при расследовании преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ, совершенного гражданином А., экспертом заявлено ходатайство о представлении книги покупок и продаж налогоплательщика [7].

Это влечет увеличение срока производства экспертиз, поскольку эксперт не может завершить исследование до получения необходимой документации. При этом в ряде случаев объем дополнительно истребуемых документов сопоставим или даже превышает первоначально представленные материалы. Очевидно, что тщательная подготовка материалов для экспертизы на этапе ее назначения, обеспечение их полноты и достаточности являются важнейшими условиями соблюдения разумных сроков.

Привлечение специалистов к формулированию вопросов, их предварительное обсуждение с экспертом позволит избежать постановки невыполнимых или некорректных задач, оптимизировать сроки производства экспертизы.

При осуществлении надзорной деятельности приходится сталкиваться с большим количеством примеров, когда следователи ставят перед экспертами вопросы, ответы на которые требуют правовой оценки действий лиц или разрешения вопросов права, что не входит в компетенцию эксперта. На данное обстоятельство обращается внимание и в научной литературе [8].

Это вынуждает эксперта давать мотивированные сообщения о невозможности дачи заключения, что приводит к нарушению принципа разумности срока и необходимости повторного назначения экспертизы. В других случаях вопросы ставятся без учета методических возможностей судебно-экономической экспертизы, объема и содержания представленных материалов. В результате эксперт вынужден ходатайствовать об уточнении формулировки вопросов, о представлении дополнительных документов, что также влечет за собой увеличение срока производства экспертизы.

Представляется, что ключевым направлением оптимизации сроков назначения и производства экономических экспертиз должно стать совершенствование взаимодействия следователей и экспертов как на организационном, так и на процессуальном уровнях. Прежде всего, необходима активизация консультационной работы специалистов экспертных учреждений, их привлечение к подготовке материалов для экспертизы. Это позволит уже на первоначальном этапе обеспечить полноту необходимых документов, направляемых на исследование, конкретизировать формулировку ставящихся перед экспертом вопросов, минимизировать количество ходатайств о предоставлении дополнительных материалов.

Важно наладить и текущее взаимодействие следователя и эксперта в ходе производства экспертизы для оперативного решения возникающих вопросов. Наиболее эффективной формой такого взаимодействия представляется участие следователя в экспертном исследовании, дача им пояснений по представленным материалам непосредственно в ходе экспертизы. Закрепленное в ст. 197 УПК РФ право следователя присутствовать при производстве экспертизы для своевременного получения разъяснений по поводу проводимых действий предлагается дополнить правом «в обратную сторону», когда и эксперт будет наделен правом по получению от следователя необходимой информации в режиме реального времени, не прибегая к процедуре официального запроса, что также должно найти свое отражение в ч. 3 ст. 57 УПК РФ. Тем самым будут минимизированы временные потери, связанные с истребованием дополнительных материалов и сведений.

Кроме того, серьезным потенциалом обладает ведомственный контроль за соблюдением сро-

ков производства экспертиз. В системе экспертно-криминалистических подразделений МВД России он осуществляется на уровне руководителей экспертно-криминалистического центра [9], в органах Следственного комитета Российской Федерации – руководителями следственных органов и подразделений процессуального контроля [10].

Однако на практике данный механизм не всегда используется эффективно. Необходимо наладить системный мониторинг соблюдения сроков экспертиз, своевременно выявлять причины их нарушения и принимать корректирующие меры. Это предполагает оптимизацию ведомственного статистического учета, контроль загруженности экспертов, анализ причин увеличения сроков по конкретным делам.

Другим перспективным направлением оптимизации сроков является внедрение электронного документооборота между органами расследования и экспертными учреждениями. Передача материалов в электронной форме существенно сократит время на их пересылку, позволит эксперту незамедлительно приступить к исследованию. Кроме того, работа с машиночитаемыми копиями документов открывает возможности для автоматизации отдельных исследовательских операций, использования современных программных комплексов анализа данных. Это также будет способствовать сокращению временных затрат эксперта без потери качества исследования.

Наконец, важнейшей задачей является нормативное закрепление дифференцированных сроков производства различных видов экономических экспертиз с учетом степени их сложности. В настоящее время приказом МВД России от 29.06.2005 № 511 предусмотрен единый 30-дневный срок производства судебной экспертизы. При этом Регламентом федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» от 30.06.2022 № 33-сэц данный срок и вовсе не установлен. Очевидно, что 30 суток является явно недостаточным для проведения полноценного исследования по сложным, многообъектным экономическим экспертизам (финансово-аналитическим, стоимостным, оценочным и др.). Представляется целесообразным ввести градацию предельных сроков производства экспертиз в зависимости от категории их сложности (простая, средней сложности, сложная, особо сложная). Данное предложение обеспечит баланс между разумностью сроков и объективными потребностями экспертного исследования.

Это позволит следователю оперативно получать значимую информацию, использовать ее для выдвижения версий, планирования расследования, не дожидаясь итогового заключения, от чего напрямую зависит соблюдение разумного срока уголовного судопроизводства.

Наконец, нельзя обойти вниманием процессуальные последствия нарушения разумных сроков производства экспертиз. Представляется, что сам

факт такого нарушения должен расцениваться как основание для принятия мер реагирования. Это могут быть действия следователя по ускорению экспертизы (напоминание, обращение к руководителю экспертного учреждения), мотивированное постановление о продлении срока предварительного следствия.

При этом важно учитывать конкретные причины увеличения сроков и не допускать неоправданного давления на эксперта. Если задержки вызваны объективными факторами (сложность исследования, недостаточность материалов и т.п.), действия следователя должны быть направлены на создание условий для эффективной работы эксперта, а не на искусственное ускорение экспертизы в ущерб ее качеству.

Особого внимания требует вопрос оценки разумности сроков экспертиз на различных стадиях уголовного процесса. Очевидно, что подходы к такой оценке не могут быть одинаковыми на стадии предварительного расследования и в судебном производстве. Если в досудебном производстве увеличение сроков экспертизы в большинстве случаев влечет продление срока предварительного следствия, то в судебном производстве это может приводить к неоднократному отложению разбирательства, нарушению права подсудимого на рассмотрение дела в разумный срок (ст. 6.1 УПК РФ). В связи с этим требуется выработка дифференцированных критериев оценки соблюдения сроков экспертиз на различных стадиях процесса с учетом специфики задач каждой стадии и процессуального статуса участников.

Кроме того, важно учитывать особенности проверки соблюдения разумных сроков экспертиз при обжаловании приговора в апелляционном и кассационном порядке. Представляется, что сам факт превышения установленных сроков производства экспертизы не должен автоматически расцениваться как безусловное основание для отмены приговора. Необходимо оценивать, насколько данное нарушение повлияло на полноту и объективность исследования доказательств, обеспечение прав участников процесса, законность и обоснованность итогового решения по делу. Если увеличение сроков было обусловлено объективными причинами и не привело к нарушению фундаментальных принципов уголовного судопроизводства, оснований для отмены судебного решения не имеется.

Таким образом, оптимизация сроков назначения и производства экономических экспертиз требует реализации комплекса мер правового и организационного характера. Ключевыми направлениями работы должны стать: налаживание тесного взаимодействия следователей и экспертов на этапах назначения судебных экономических экспертиз и непосредственно их производства; обеспечение качества и полноты собираемых материалов, направляемых на исследование; минимизация бумажного документооборота за счет передачи данных в электронном виде; нормативная дифферен-

циация предельных сроков производства экспертиз.

Только системный подход, основанный на совершенствовании процессуальной регламентации и правоприменительной практики, позволит обеспечить соблюдение требований ст. 6.1 УПК РФ о разумном сроке уголовного судопроизводства при назначении производства экспертиз применительно к сфере экономических преступлений.

Литература

1. Кизилов А.Н., Овчаренко О.В. Особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз // Учет. Анализ. Аудит. 2018. Т. 5. № 5. С. 54–63.
2. Письмо ФССП России от 18.09.2014 № 00043/14/56151-BB «О Методических рекомендациях» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148806.
3. Приказ Минюста России от 28.12.2023 № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // Консультант плюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466457.
4. Тимченко В.А. Объекты судебно-экономической экспертизы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 200–206.
5. Брежнева О.В., Сергеева Д.А. Роль судебно-экономической экспертизы в РФ // Мир науки и мысли. 2023. № 1. С. 112–116.
6. Россинская Е.Р. Система теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Теория и практика судебной экспертизы. 2024. Т. 19. № 3. С. 20–32.
7. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 10.10.2024 по делу № 1–800/2024 // <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/79540b50-4b2c-11ef-a82f-3df51ee6d462>.
8. Смирнова С.А. Наличие специального образования – необходимое, но не достаточное условие компетентности // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 137–139.
9. Приказ МВД России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // Консультант плюс: сайт. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315.
10. Регламент федерального государственного казенного учреждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации», утвержденный приказом федерального государственного казенного уч-

реждения «Судебно-экспертный центр Следственного комитета Российской Федерации» от 30.06.2022 № 33-сэц // URL: <https://sec.sledcom.ru/DOC.pdf>.

FEATURES OF THE APPOINTMENT AND PRODUCTION OF ECONOMIC FORENSIC EXPERTISE FROM THE POINT OF VIEW OF COMPLIANCE WITH THE REQUIREMENTS OF ARTICLE 6.1 OF THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sirotkin A.G.

All-Russian State University of Justice

The article analyzes the features of appointing economic forensic examinations in the context of ensuring reasonable timeframes for criminal proceedings, as provided for in Article 6.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Based on the study of scientific literature, statistical data, and materials of law enforcement practice, the main factors influencing the timing of the appointment and production of economic examinations are identified. Measures are proposed to optimize the interaction between investigators and experts, aimed at reducing timeframes without compromising the quality of research. The necessity of a differentiated approach to establishing the maximum timeframes for the production of certain types of economic examinations is substantiated.

Keywords: economic examinations, reasonable timeframes, interaction between the investigator and the expert, maximum timeframes for examinations.

References

1. Kizilov A.N., Ovcharenko O.V. Features of the appointment and production of forensic economic examinations // Accounting. Analysis. Audit. 2018. Vol. 5. No. 5. P. 54–63.
2. Letter of the FSSP of Russia dated September 18, 2014 No. 00043/14/56151-BB “On Methodological Recommendations” // Consultant plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148806.
3. Order of the Ministry of Justice of Russia dated December 28, 2023 No. 404 “On approval of the Instructions for organizing the production of forensic examinations in federal budgetary forensic institutions of the Ministry of Justice of the Russian Federation” // Consultant plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466457.
4. Timchenko V.A. Objects of forensic economic examination // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2020. No. 2. P. 200–206.
5. Brezhneva O.V., Sergeeva D.A. The role of forensic economic examination in the Russian Federation // The World of Science and Thought. 2023. No. 1. P. 112–116.
6. Rossinskaya E.R. The system of the theory of digitalization of forensic activity // Theory and practice of forensic examination. 2024. Vol. 19. No. 3. P. 20–32.
7. Sentence of the Tushinsky District Court of Moscow dated 10.10.2024 in case No. 1–800/2024 // <https://mos-gorsud.ru/rs/tushinskij/services/cases/criminal/details/79540b50-4b2c-11ef-a82f-3df51ee6d462>.
8. Smirnova S.A. The presence of special education is a necessary, but not sufficient condition for competence // Criminological Journal. 2024. No. 1. P. 137–139.
9. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated 29.06.2005 No. 511 “Issues of organizing the production of forensic examinations in the forensic units of the internal affairs bodies of the Russian Federation” // Consultant plus: website. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_55315.
10. Regulations of the Federal State Budgetary Institution “Forensic Expertise Center of the Investigative Committee of the Russian Federation”, approved by order of the Federal State Budgetary Institution “Forensic Expertise Center of the Investigative Committee of the Russian Federation” dated 30.06.2022 No. 33-sets // URL: <https://sec.sledcom.ru/DOC.pdf>.

Проблемы установления причинно-следственных связей при реализации уголовной ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения с учетом технологических инноваций в сфере современного автопрома

Сусалёва Ольга Васильевна,

аспирант, кафедра уголовно-правовых дисциплин, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: susaleva222@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы установления каузальной связи при реализации уголовной ответственности за деяния в сфере безопасности дорожного движения. Проблематика причинно-следственной связи рассмотрена с учетом технологических инноваций в автомобильной промышленности. Появление автономных систем управления и системы помощи водителю становится фактором пересмотра традиционных подходов к определению вины за преступления в сфере безопасности дорожного движения. В статье поднимаются вопросы распределения ответственности между водителем, производителем и разработчиками программного обеспечения. На основании проведенного исследования автором предлагаются изменения в уголовном законе, которые призваны обеспечить учет фактора современных технологий при квалификации вины преступника, посягающего на интересы безопасности дорожного движения. Также обсуждается роль технической экспертизы в установлении причинно-следственных связей и необходимость разработки стандартов для регулирования вопросов ответственности в области эксплуатации высокотехнологичных транспортных средств.

Ключевые слова: уголовная ответственность, дорожное движение, технологические инновации, автономные системы, каузальность.

Современный этап развития автомобильной промышленности характеризуется стремительным внедрением технологических инноваций, которые кардинально меняют всю экосистему дорожного движения. Автономные системы, интеллектуальные помощники и передовые телематические решения формируют условия для повышения безопасности на дорогах. Однако вместе с этим они генерируют новые риски для правоотношений в сфере привлечения к ответственности нарушителей правил дорожного движения.

Меняющийся облик функционирования автотранспортных средств все больше трансформируется в сторону распределения ответственности за управление автомобилем между водителем и новыми системами его технологического оснащения. Это порождает сложные правовые вопросы, связанные с квалификацией преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта. В данной статье предлагаются к рассмотрению ключевые проблемы установления причинно-следственных связей при реализации уголовной ответственности за преступления в сфере безопасности дорожного движения.

Технологические инновации в автомобильной промышленности оказывают значительное влияние на характер дорожных преступлений. Внедрение автономных систем управления и интеллектуальных помощников снижает влияние человеческого фактора на процесс дорожного движения. Однако цифровизация процесса управления автотранспортным средством вызывает сложности в квалификации противоправных посягательств, когда водитель и автоматизированные системы взаимодействуют в процессе управления. Это может привести к неопределенности в установлении вины за дорожные происшествия. В результате технологические изменения требуют пересмотра подходов к установлению вины в дорожных преступлениях, поскольку, как указывает Г.Г. Камалова, при внедрении «высокоавтоматизированных транспортных средств не следует исключать также возможность дистанционного перехвата управления и иного злонамеренного вмешательства в их управление» [1, с. 383].

Установление вины необходимым образом связано с правильной реконструкцией причинно-следственной связи между действиями (бездействиями) лица и событием преступления. Причинность (каузальность) является одной из ведущих

категорий философии и права. Она описывает связь между двумя фактами объективной действительности, в рамках которой одно событие (причина) приводит к возникновению другого события (следствие).

В философии предлагаются разные интерпретации этого понятия. Детерминизм постулирует, что каждое событие имеет причину и что будущее полностью определяется прошлым. В каждый момент настоящего существует лишь один вариант будущего. Индетерминизм допускает существование случайных событий, которые не обусловлены каузальным образом.

Для права та или иная интерпретация причинности обычно позволяет доказать, что действие или бездействие изобличаемого лица непосредственно привело к наступлению криминального события. Здесь философские трактовки причинности начинают оказывать непосредственное влияние на процесс квалификации преступления.

Роль причинно-следственных связей в уголовном праве является фундаментальной, поскольку они служат основой для установления вины и ответственности. В уголовном праве установление причинно-следственной связи позволяет определить, насколько действия обвиняемого были решающими в наступлении преступного результата, и исключить случайные или не связанные с ними факторы. По мнению В.Е. Суденко, особенность уголовно-правовой интерпретации причинности является то, что «вопросы причинной связи между деянием и последствиями должны рассматриваться не только с точки зрения внешнего сцепления событий, но прежде всего с точки зрения основной связи в составе преступления, заключающейся в определяющей роли субъективной стороны преступления» [6, с. 33].

З.Б. Соктоев подчеркивает, что для признания лица виновным в совершении преступления необходимо доказать, что его действия (или бездействие) непосредственно привели к криминальному событию. Сложность определения причинно-следственных связей определяется каузальным воздействием множественных факторов, среди которых лишь виновное деяние субъекта уголовной ответственности позволяет квалифицировать факт совершения преступления, поскольку лишь «причинность характеризует связь, основой которой является непосредственное материальное взаимодействие вещей, процессов, явлений, отражающее становление разных состояний в структуре мира» [5, с. 171].

Под водителем понимается лицо, управляющее транспортным средством (в том числе обучающееся управлению транспортным средством). Законодательство о дорожном движении не различает между собой осуществление управления автотранспортом как способ удовлетворения личных нужд и как способ исполнения должностной функции работника (индивидуального предпринимателя). Под управлением транспортным средством следует понимать осуществление непосредственного контро-

ля и распорядительных действий в отношении механизма управления транспортного средства.

Функциональная роль водителя как участника дорожного движения определяется его способностью осуществлять управление транспортным средством, что, в свою очередь, является производным следствием от такого качества данного транспортного средства как управляемость. Данное качество является важнейшим условием каузальной связи между состоянием транспортного средства и действиями водителя, оказывающего воздействие на данное состояние. Управляемость в определенных вариантах прочтения смысла данного качества означает также удобство управления транспортным средством, что недостаточно верно для контекста настоящего исследования. Управляемость представляет собой общую категорию в рамках теории систем, которая используется для обозначения такого качества системы как контролируемость со стороны оператора. В отношении автотранспортного средства данное качество становится базовым параметром обеспечения безопасности дорожного движения, так как транспортное средство, представляющее собой объект повышенной опасности, безусловно, должно быть подконтрольно водителю.

Водитель, осуществляя контролируемое управление автотранспортным средством, сокращает пространство вероятностных состояний системы до состояния полной подчиненности автомобиля своей воле при условии технической исправности. Процесс управления автотранспортным средством неизбежным образом сопрягается с субъективными качествами личности самого водителя. Первостепенное место среди данных качеств составляет профессиональная компетенция водителя как лица, способного осуществлять техническое управление средством транспорта. Данное качество является предметом сертификации в рамках регистрационно-экзаменационного административного производства. Иные качества личности носят более субъективный характер и отражают способность водителя осуществлять предвидение (прогнозирование) событий, разворачивающихся в пространстве действий участников дорожного движения.

Техническое состояние автотранспортного средства выступает значимым условием его управляемости. Надлежащее функционирование всех подсистем автотранспортного средства выступает условием для его полного подчинения воле водителя, при этом конструкция автотранспортного средства может быть дополнена (усовершенствована) с учетом индивидуальных особенностей водителя (например, для случаев инвалидности водителя, не препятствующей управлению автотранспортным средством).

Рассмотрим основные технологические инновации, меняющие облик причинно-следственной связи в преступлениях против безопасности дорожного движения. Современный автомобильный рынок переживает революцию благодаря внедрению

передовых технологий. Речь идет об автономных системах управления, системах помощи водителю (англ. advanced driver-assistance systems, ADAS) и телематике.

Автономные системы управления (технологии самоуправляемых автомобилей) направлены на минимизацию участия человека в процессе вождения, используя сложные алгоритмы для навигации на дороге. Системы ADAS включают в себя несколько технологических решений. Это, прежде всего, адаптивный круиз-контроль, автоматическое экстренное торможение и удержание в полосе (Lane Keeping Assist System, LKAS). Эти технологии призваны повысить безопасность, помогая водителям избегать аварийных ситуаций.

Синтезом телекоммуникации и информатики в автомобилестроении является телематика. Она позволяет осуществлять удаленный мониторинг транспортными средствами, поддерживая связь между автомобилем и внешними устройствами.

Внедрение новых технологий в автомобильной промышленности привело к значительным изменениям в характере дорожных преступлений. Автоматизация значительно снижает количество аварий, вызванных человеческим фактором. Например, системы автоматического экстренного торможения и удержания в полосе помогают предотвращать столкновения, что подтверждается статистикой снижения числа ДТП в странах с высоким уровнем внедрения этих технологий.

Для уголовного права внедрение таких технологий, прежде всего, ставит вопрос о том, в какой степени водитель ответственен за принимаемые им решения, если они в той или иной степени ограничены автоматизированными системами.

Причем в судебной практике уже появились прецеденты, иллюстрирующие такие проблемы. Так, Павловский районный суд Краснодарского края рассмотрел дело о нарушении правил дорожного движения, повлекшем по неосторожности смерть человека. Судом было установлено, что водитель двигался со скоростью около 80–90 км/ч, что значительно превышало установленное ограничение скорости в 30 км/ч на данном участке дороги. В момент происшествия он использовал функции адаптивного круиз-контроля, который поддерживает заданную скорость и дистанцию до впереди идущего автомобиля. Водитель отвлекся от дорожной обстановки и не предпринял необходимых мер для предотвращения столкновения с другим автомобилем. Подсудимый мог полагаться на эту систему для помощи в управлении автомобилем. Однако, как отмечается в решении суда, круиз-контроль не освобождает водителя от обязанности соблюдать правила дорожного движения и контролировать ситуацию на дороге. Суд пришел к выводу, что действия подсудимого находятся в прямой причинно-следственной связи с наступившими последствиями [3].

Установление причинно-следственных связей в условиях быстрого развития технологий в автомобильной промышленности становится все более

сложной задачей, особенно когда речь идет о квалификации ответственности за дорожные преступления. Возникают сложности в определении вины, когда действия водителя и автоматизированных систем рассинхронизованы.

Например, если система помощи водителю не сработала должным образом, но водитель также не предпринял необходимых мер для предотвращения аварии. Такая ситуация требует проведения технических экспертиз для оценки эффективности автоматизированных систем.

Анализ правоприменительных проблем, возникающих при квалификации дорожных преступлений, выявляет ряд вопросов. Во-первых, существует неопределенность в отношении того, как следует оценивать роль автономных систем и систем помощи водителю, когда их неправильное функционирование приводит к авариям.

Во-вторых, возникают вопросы о том, как интерпретировать доказательства в случаях, когда технологии играют почти равнозначную с водителем роль в управлении транспортным средством. От решения этого вопроса «будет зависеть и остальная расшифровка криминалистической характеристики совершаемого преступления (вытекающая из особенностей автомобиля, в том числе направленных на выполнение предписанной ему «команды» интеллектуального программирования)» [2, с. 157].

Здесь ключевую роль будет играть результат технической экспертизы, которая позволяет установить причинно-следственную связь при расследовании дорожных происшествий. Экспертиза позволяет оценить исправность работы всех систем автомобиля, выявить возможные сбои или неисправности, которые могли привести к аварии. Дефекты системы управления позволяют определить степень влияния технологий на принятие решений водителем.

Сегодня в Уголовном кодексе Российской Федерации [7] (далее – УК РФ) существует несколько составов преступлений, которые обеспечивают результативное уголовно-правовое воздействие на криминальное нарушение правил дорожного движения. Одним из наиболее распространенных преступлений против безопасности дорожного движения остается нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ст. 264 УК РФ).

Следует признать, что появление автономных систем управления и систем помощи водителю обуславливают сложности в квалификации дорожно-транспортных преступлений. Основная проблема заключается в том, что действующая редакция статьи не учитывает случаи, когда авария происходит в результате сбоя в работе автоматизированных систем или в ситуации, когда водитель и система каузально взаимодействуют на траекторию движения автомобиля.

А.Л. Савенок рассматривает крайний случай движения автомобиля по дороге, когда управле-

ние им полностью передано автономной системе. Сегодня такая форма движения автомобиля еще не достаточно распространена, чтобы можно было констатировать большое количество случаев ДТП, произошедших при работе беспилотного режима. Однако, лишь вопросом времени является тот момент, когда на дорогах России появиться значительное количество беспилотной техники. Автор верно отмечает, что чем выше «уровень автономности того или иного устройства, тем сложнее установить лиц, прямо причастных к определенному событию, повлекшему причинение вреда общественным отношениям» [4, с. 77].

При этом опережающая оценка должна также учитывать актуальность принимаемого решения для будущего таким образом, чтобы актуальная на сегодня новация не утратила своего значения уже на следующий день после внедрения.

Для решения этой проблемы предлагается внести изменения в статью 264 УК РФ, которые бы учитывали современные технологические реалии и устанавливали критерии ответственности в случае использования автономных систем и систем помощи водителю.

На основании изложенного, автором предлагается в части 1 статьи 264 УК РФ после слов «эксплуатации транспортных средств» дополнить словами «или автоматизированных систем управления транспортными средствами».

Также предлагается дополнить статью 264 УК РФ частью 7 следующего содержания:

«Часть 7. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств или автоматизированных систем управления транспортными средствами, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека, если водитель или лицо, ответственное за функционирование автоматизированной системы, не приняли всех необходимых мер для предотвращения происшествия, – наказывается...»

Эти изменения обеспечат правоприменителя инструментами правильной квалификации преступлений против безопасности дорожного движения в условиях использования современных технологий. Они также позволяют установить меру ответственности водителя, использующего автоматизированные системы управления.

Подводя итоги, следует признать, что современные технологические инновации в автомобильной промышленности значительно трансформируют отношения в сфере дорожной безопасности, предоставляя участникам дорожного движения новые возможности для снижения аварийности. Основной проблемой становится установление причинно-следственных связей, особенно когда в процесс управления вовлечены автоматизированные системы. Это требует пересмотра норм уголовного закона в целях разработки новых инструментов уголовно-правового воздействия для точной квалификации преступлений. Решение вопросов квалификации причинно-следственной связи в преступлениях против без-

опасности дорожного движения выступает залогом для дальнейшего развития автомобильной отрасли.

Литература

1. Камалова Г.Г. Некоторые вопросы уголовно-правовой ответственности в сфере применения систем искусственного интеллекта и робототехники // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2020. Т. 30. № 3. С. 382–388.
2. Наумова Ю.Н. Особенности квалификации и предмета доказывания при нарушении правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств с использованием систем искусственного интеллекта // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 151–159.
3. Приговор Павловский районный суд Краснодарского края № 1–191/2023 от 20 октября 2023 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xO1sf-bZXfyo/> (дата обращения: 10.02.2025).
4. Савенок А.Л. Уголовно-правовые проблемы использования беспилотной техники // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. 2018. Т. 8. № 5. С. 76–82.
5. Соктоев З.Б. О детерминирующих связях при установлении причинности в уголовном праве // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. С. 170–173.
6. Суденко В.Е. Теория причинности в уголовном праве // Сервис plus. 2010. № 4. С. 27–36.
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.

PROBLEMS OF ESTABLISHING CAUSAL RELATIONSHIPS IN THE IMPLEMENTATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR CRIMES IN THE FIELD OF ROAD SAFETY, TAKING INTO ACCOUNT TECHNOLOGICAL INNOVATIONS IN THE FIELD OF MODERN AUTOMOTIVE INDUSTRY

Susaleva O.V.

Ryazan State University S.A. Esenin

The article discusses topical issues of establishing a causal relationship in the implementation of criminal liability for acts in the field of road safety. The problem of causality is considered taking into account technological innovations in the automotive industry. The emergence of autonomous control systems and driver assistance systems is becoming a factor in the revision of traditional approaches to determining guilt for crimes in the field of road safety. The article raises the issues of the distribution of responsibility between the driver, the manufacturer and the software developers. Based on the conducted research, the author proposes amendments to the criminal law, which are designed to ensure that the factor of modern technology is taken into account when qualifying the guilt of a criminal who encroaches on the interests of road safety. The role of technical expertise in establishing cause-and-effect relationships and the need to develop standards to regulate liability issues in the field of operation of high-tech vehicles are also discussed.

Keywords: criminal liability, traffic, technological innovations, autonomous systems, causality.

Reference

1. Kamalova G.G. Some issues of criminal liability in the field of application of artificial intelligence and robotics systems // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law series. 2020. Vol. 30. No. 3. pp. 382–388.
2. Naumova Yu.N. Features of qualification and subject of proof in violation of traffic rules and operation of vehicles using artificial intelligence systems // The rule of law: theory and practice. 2021. No. 1 (63). pp. 151–159.
3. Verdict of the Pavlovsky District Court of the Krasnodar Territory No. 1–191/2023 dated October 20, 2023. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/xO1sfbZXfyoi/> (date of reference: 02/10/2025).
4. Savenok A.L. Criminal and legal problems of the use of unmanned vehicles // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State University. Series 4. Jurisprudence. 2018. Vol. 8. No. 5. pp. 76–82.
5. Soktoev Z.B. On deterministic relationships in establishing causality in criminal law // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 7. pp. 170–173.
6. Sudento V.E. Theory of causality in criminal law // Service plus. 2010. № 4. pp. 27–36.
7. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 28.12.2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. 06/17/1996. No. 25. St. 2954.

Актуальные проблемы назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов

Тарасова Анна Владимировна,

аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин, ГКОУ ВО
«Российская таможенная академия»
E-mail: tarasova_a.v@mail.ru

На сегодняшний день вопросы назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов являются актуальным, так как проблемы в этих процессах замедляют процесс производства экспертиз, снижают их качество, что существенно влияет на объективность расследования. Цель исследования: Определить актуальные проблемы назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании таможенных преступлений и дать рекомендации по их устранению. Методы: Для достижения цели были использованы общепринятые теоретические методы. Результаты: Автором были выявлены проблемы в области назначения, производства и использования результатов экспертиз по таможенным преступлениям. К таковым относятся проблемы, связанные с принятием решения о назначении и производстве судебной экспертизы, с формулированием вопросов эксперту, с выбором эксперта и экспертного учреждения, с отбором и подготовкой проб и сравнительных образцов для направления в экспертное учреждение, с составлением постановления о назначении судебной экспертизы и ознакомлением с заключением эксперта, правовые проблемы в организации назначения и производства экспертиз по преступлениям, отнесенных к компетенции таможенных органов и другие. Автором даны рекомендации для устранения проблемных вопросов. Выводы: Выявление и решение актуальных проблем позволит установить высокое качество и эффективность проводимых исследований, влияющих на полноту предварительного расследования и дальнейшего судебного разбирательства по уголовным делам, отнесенных к компетенции таможенных органов.

Ключевые слова: экспертиза, таможенные органы, таможенные преступления, таможенная экспертиза, экспертные исследования, эксперт, преступления в области таможенного дела.

Введение

Условно разделим процесс назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов на несколько этапов: 1. Подготовительный, в рамках которого происходит выявление и изъятие исследуемого объекта, определяется экспертное учреждение или эксперт. 2. Рабочий, в рамках которого выносятся постановление о назначении экспертизы, формулируются вопросы эксперту, происходит передача материалов дела и исследуемых объектов в распоряжение эксперта. 3. Заключительный, характеризующийся получением экспертного заключения и столкновением уполномоченным лицом результатов проведенного исследования. От профессионализма дознавателя таможенных органов и грамотной реализации всего процесса зависит качество производства судебной экспертизы и скорость расследования преступлений, однако существует ряд трудностей, которые требуют внимания и решения. Актуальность выбранной темы обуславливается наличием различных упущений и проблем на каждом этапе при назначении, производстве и использовании результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов. Целью исследования является решение научной задачи по выявлению проблем, связанных с назначением, производством и использованием результатов судебных экспертиз в таможенном деле.

Материалы и методы

Для достижения цели исследования были изучены ряд нормативно-правовых источников, включающие в себя «О государственной судебно-экспертной деятельности»: Федеральный закон № 73-ФЗ, «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: Федеральный закон № 289-ФЗ, Уголовно-процессуальный кодекс, Таможенный Кодекс ЕАЭС, Приказ Министерства Финансов. Кроме этого, в работе проанализированы труды различных ученых и судебная практика. В исследовании применялись такие методы, как контент-анализ, системно-структурный, формально-логический, анализ и индукция.

Результаты и обсуждения

Для каждого этапа процесса назначения, производства и использования результатов экспертиз при расследовании преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов характерны свои элементы, предлагаем рассмотреть их в отдельности с определением проблем для каждого из них.

Проблемы, связанные с принятием решения о назначении и производстве судебной экспертизы, определением вида экспертизы, спектра задач и формулированием вопросов

Проведение таможенных экспертиз назначают должностные лица таможенных органов при осуществлении таможенного контроля, а также при производстве по делам об административных правонарушениях и дознании по уголовным делам, отнесенных к компетенции таможенных органов. Решение о назначении судебной экспертизы является важным процессуальным этапом, требующего строгого соблюдения процессуальных норм от всех участников процесса, четкого определения целей экспертизы с учетом специфики таможенного дела. Процедура назначения таможенной экспертизы носит комплексный характер и должна учитывать тактико-организационные, процессуальные и психологические аспекты.

Нередки случаи, когда на практике при принятии решения возникает ряд различных организационных, методических и правовых проблем. К таковым относятся размытые критерии выбора эксперта и экспертного учреждения: отсутствие квалифицированных сотрудников экспертного учреждения, нехватка узкопрофильных специалистов, конфликт интересов; ошибки в определении необходимости назначения экспертизы и в формулировании вопросов эксперту: когда должностное лицо таможенных органов затрудняется с точным определением нужно ли в конкретном случае назначать производство судебной экспертизы или когда назначают экспертизы по несущественным или «лишним» вопросам, не влияющим на решение поставленных задач [1, С. 21]; несвоевременность в назначении экспертизы: длительное ожидание проб и образцов, эталонных экземпляров и т.д. Несмотря на индивидуальный подход в выборе конкретного вида экспертизы и формулирования вопросов для эксперта, уполномоченные должностные лица (следователи, дознаватели) используют шаблонные перечни вопросов по схожим уголовным делам и типовые вопросы из методических рекомендаций, не принимая во внимания особенности каждого дела.

На этапе подготовки к исследованию существует проблема выбора вида и наименования судебной экспертизы. Важность в корректном выборе вида судебной экспертизы отражает всю дальнейшую деятельность процесса, являясь одним из приоритетных доказательств по делу. Несоответствие в выборе вида судебной экспертизы целям и задачам, стоящим перед следователем, дознавателем, судом, а также несоответствие вопросов, постав-

ленных на разрешение эксперта, наименованию судебной экспертизы, указанной в постановлении, является критичным для последующего рассмотрения дела. В случае неправильного установления вида, наименования или объекта экспертизы, экспертное заключение не может быть использовано как доказательство [2].

Проблемы выбора экспертного учреждения и эксперта

В соответствии с ТК ЕАЭС таможенная экспертиза проводится в таможенном экспертном учреждении (на сегодняшний день это ЦЭКТУ ФТС России или ЭКС ЦЭКТУ ФТС России), в ином государственном судебно-экспертном учреждении, в экспертных организациях на договорной основе или может быть направлена самостоятельному эксперту.

Поскольку от выбора экспертного учреждения зависит достоверное и своевременное получение экспертного заключения, задача по выбору возлагается на следователя, дознавателя или суд, которые в теории не ограничены в выборе экспертного учреждения, но на практике судом часто отклоняются экспертные заключения из негосударственных экспертных учреждений, так как деятельность негосударственного экспертного учреждения ничем не ограничивается, то есть нет возможности проследить за отсутствием нарушений при производстве экспертиз. Кроме этого, в некоторых негосударственных экспертных учреждениях используются новые методики исследования, которые еще недостаточно апробированы. [3, С. 205].

К типичным проблемам и нарушениям касаются экспертного заключения являются подмена вопросов факта вопросами права, т.е. эксперт, выходя за рамки своих служебных полномочий отвечает на вопросы права, а не на вопросы установления фактов по исследуемому объекту.

При возникновении сомнений в обоснованности заключения эксперта или наличия противоречий в выводах эксперта или экспертов по тем же вопросам может быть назначена повторная экспертиза, производство которой поручается другому эксперту [4, ч. 2 ст. 207].

К редко встречающимся, но имеющим место быть проблемам относится задержка сроков производства экспертизы по вине эксперта. Приказом Минфина [5] определены конкретные причины (временная нетрудоспособность таможенного эксперта (эксперта) и служебная командировка), по которым срок производства таможенной экспертизы может быть приостановлен (однократно и не более чем на 10 календарных дней). Законом [6, п. 10 ст. 335] установлен максимальный срок приостановления экспертной деятельности (не более чем на 10 рабочих дней) в случае наличия ходатайства таможенного эксперта (эксперта) о предоставлении дополнительных материалов для исследования, уточнения вопросов или в иных случаях, определенных федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке государственной политики

и нормативно-правовому регулированию в области таможенного дела.

При выборе экспертного учреждения необходимо учитывать материально-техническую оснащенность лабораторий. Ввиду того, что с каждым годом нарастает товароборот и разрабатываются новые виды товаров необходимо адаптировать лаборатории под современные реалии, а также модернизировать их под новые типы исследуемых объектов.

Проблемы, связанные с отбором и подготовкой проб и сравнительных образцов для направления в экспертное учреждение

Для проведения таможенной экспертизы пробы и (или) образцы товаров отбираются должностными лицами таможенных органов. При необходимости использования специальных знаний и применения технических средств отбор проб и (или) образцов товаров может проводиться с участием таможенного эксперта [7, ст. 393].

В результате недобросовестного хранения или несвоевременной передачи объектов исследования в экспертные учреждения, следы, пробы и сравнительные образцы признаются не пригодными для проведения исследования.

Сложность заключается в неисполнении сотрудниками таможенных органов отдельных положений Приказа ФТС № 384 от 07.05.2021 «Об утверждении Порядка отбора проб и (или) образцов товаров для проведения таможенной экспертизы» при взаимодействии с сотрудниками ЦЭКТУ [8, С. 22]. Отсюда вытекает проблема несоблюдения сроков передачи в ЦЭКТУ материалов дела и исследуемых объектов и наличие нарушений при сборе исследуемого материала для передачи в ЦЭКТУ по решению о назначении экспертизы [8, С. 22]. На это влияет удаленность таможен и таможенных постов от ЦЭКТУ или иного экспертного учреждения, (значительные сроки транспортировки материалов исследования, а в некоторых случаях перегруженность экспертного учреждения), внедрение новых передовых технологий или требующее обновления уже имеющегося лицензионное программное обеспечение, несвоевременное обновление методик исследования, адаптированных к новым объектам, неготовность должностных лиц таможенных органов к переквалификации или отсутствие мотивации работать с передовыми технологиями.

Проблемы, связанные с составлением постановления о назначении судебной экспертизы и ознакомление с экспертным заключением

Ознакомление всех участников процесса с постановлением и разъяснение им прав в соответствии с УПК РФ в соответствии с ч. 3. ст. 195 УПК РФ. По окончании экспертного исследования участники процесса вправе ознакомиться с экспертным заключением и протоколом допроса эксперта в соответствии со ст. 198 УПК РФ.

Согласно позиции Конституционного суда РФ, ознакомление с постановлением о назначении су-

дебной экспертизы должно быть осуществлено до начала производства экспертизы, однако, согласно разъяснению Постановления Пленума ВС РФ «О судебной экспертизе по уголовным делам» от 21.12.2010 г. № 28: «В том случае, если лицо признано подозреваемым, обвиняемым или потерпевшим после назначения судебной экспертизы, оно должно быть ознакомлено с постановлением о назначении судебной экспертизы одновременно с признанием его таковым, о чем составляется соответствующий протокол».

Однако возникают сложности в процессе ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого и его защитника. Это связано с тем, что следователь или дознаватель составляют протокол ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы задним числом, а затем предъявляют его уже вместе с полученным заключением эксперта, что может повлечь признание экспертного заключения недопустимым доказательством [3, С. 204]. Соответственно, участники процесса лишаются возможности заявить отвод эксперту или ходатайствовать о производстве судебной экспертизы в другом экспертном учреждении [4, ч. 2. ст. 198]; ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении [4, ч. 3. ст. 198]; ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту [4, ч. 4. ст. 198].

Дознаватель, следователь или суд в некоторых случаях могут столкнуться с трудностями при ознакомлении с экспертным заключением, которые возникают в случаях, если есть сложности в понимании заключения эксперта (использование профессионального сленга, обилие терминологии без дополнительных разъяснений); если отсутствует ясность заключения, ответы на вопросы неполные, выводы изложены в общей форме, отслеживается предвзятость или личная заинтересованность эксперта; если экспертиза проведена некорректно.

Проблемы, связанные с квалификацией сотрудников экспертного учреждения

Существует риск отмены судебного постановления, в случае если устанавливается некорректность проведения исследования, в результате выхода эксперта за рамки полномочий, что противоречит положениям уголовно-процессуального законодательства.

На наш взгляд можно предположить основные проблемы квалификации сотрудников экспертного учреждения таможенных органов: низкая профессиональная подготовка, которая определяется недостаточностью общих знаний в смежных отраслях и глубоких знаний по новым видам экспертиз, по «новым» объектам исследований; перегруженность экспертов, что влияет на качество проводимых исследований, особенно исследований сложных случаев; отсутствием возможностей повысить квалификацию, переквалифицироваться на новые

виды экспертиз; отсутствием актуальных методик и обновлением профессиональных знаний; нехваткой профессиональных обязательных стажировок в ведущих научных центрах в России или за рубежом; недостаточной технической оснащенностью лабораторий, которая ограничивает возможности эксперта или наоборот наличие в лаборатории новейших технических средств ограничивают проведения исследований в связи с отсутствием практического опыта и знаний у эксперта. На квалификацию эксперта также влияет личная мотивация сотрудника, инициативность и уровень заработной платы. Следует обратить внимание, что при формировании результатов исследования эксперт опирается на внутренние убеждения, сформированные в процессе исследования. Ни один эксперт не застрахован от добросовестного заблуждения или личной заинтересованности в исходе дела.

В рамках решения проблемы с квалификацией персонала нужно не только следить за аккредитацией экспертов, но и двигаться в направлении созданий благоприятных условий труда как материальных, так и технических. Аккредитацию лабораторий необходимо проводить не только в отношении государственных учреждений, но и в отношении негосударственных, так как заключения вторых наиболее часто подвергаются сомнениям [9, С. 461]. Аккредитация подтверждает уровень квалификации экспертов с целью минимизации экспертных ошибок, позволяет контролировать техническую оснащенность лабораторий, соответствие помещений, оборудования, документации стандартам и нормам.

Говоря об экспертах таможенных органов, предлагаем проводить аккредитацию штатного состава каждые два-три года (максимум пять лет), что позволит идти в ногу с передовыми технологиями и позволит обновить теоретическую базу при использовании новых методик, апробированных странами таможенного союза.

Правовые проблемы в организации назначения и производства экспертиз по таможенным преступлениям

На сегодняшний день судебно-экспертная деятельность регламентируется законом № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности». В рамках данного закона представляется, что судебная экспертиза – это предусмотренное законодательством Российской Федерации о судопроизводстве процессуальное действие, включающее в себя проведение исследований и дачу заключения экспертом по вопросам, требующим специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла [10, ст. 9]. В то же время УПК РФ регламентирует, что процессуальное действие – следственное, судебное или иное действие, предусмотренное настоящим Кодексом [4, п. 32 ст. 5], а судебная экспертиза – экспертиза, производимая в порядке, установленном настоящим Кодексом [4, п. 49 ст. 5]. Исходя из этого, логика законодателя в этом случае выглядит так: поскольку «действие, предусмотренное настоящим Кодексом», под названием

экспертиза в УПК РФ отсутствует, то этот вид деятельности процессуальным не является, а только используется «в порядке, реализуемом настоящим Кодексом», который детально прописан в главе 27 УПК РФ» [11, С. 329].

Очередная не стыковка в правовых нормах заключается в правах и обязанностях руководителя государственного судебно-экспертного учреждения. Так, в соответствии с ч. 2. ст. 199 УПК РФ «...руководитель экспертного учреждения, за исключением руководителя государственного судебно-экспертного учреждения, разъясняет эксперту его права и ответственность, предусмотренные статьей 57 настоящего Кодекса», однако в соответствии с Законом [10, ст. 14] руководитель государственного судебно-экспертного учреждения обязан «разъяснить эксперту или комиссии экспертов их обязанности и права», данные несоответствия ставят правоприменителя в затруднительное положение.

Следующей проблемой является отсутствие унифицированного нормативно-правового документа, регулирующего назначение и производство экспертизы по преступлениям, отнесенным к компетенции таможенных органов. Согласно ТК ЕАЭС при назначении таможенной экспертизы выносится решение [7, п. 5. ст. 389], согласно УПК РФ выносится постановление [4, п. 1 ст. 195]. Видим необходимость в разработке единого документа, регламентирующего производство экспертизы в ходе таможенного контроля или в любом виде судопроизводства.

Кроме этого, на практике встречаются инциденты, когда экспертиза назначена необоснованно, а именно передана в компетенцию узкопрофильного специалиста [12]. В УПК существует четкое разграничение ролей эксперта и специалиста, где второму запрещено проводить любого рода экспертизы, а возможно только оказание помощи с формулированием списка вопросов эксперту [4, ст. 58].

В правовых актах отсутствует четкая регламентация критериев, по которым назначение судебной экспертизы должно быть обязательно или же достаточно проведения других исследований и обращению к специалистам.

Проблемы использования результатов экспертиз

В соответствии с Законом [6, ст. 223] результаты проведения таможенного контроля, в том числе результаты таможенной экспертизы, могут быть признаны в качестве доказательств по уголовным, гражданским делам и делам об административных правонарушениях и подлежат оценке судом, арбитражным судом или должностным лицом при рассмотрении указанных дел, жалоб на решение, действия (бездействие) таможенных органов и их должностных лиц либо дел по экономическим спорам, разрешаемых арбитражным судом, наряду с другими доказательствами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, гражданским процессуальным, арбитражным процессуальным законодательством Рос-

сийской Федерации, законодательством об административном судопроизводстве или законодательством Российской Федерации об административных правонарушениях.

При использовании результатов экспертиз могут возникнуть проблемы в части их правильной интерпретации [13, С. 83], когда сотрудники таможенных органов обращают внимание только на выводы, не беря во внимания исследовательскую часть. Для устранения проблемы необходимо провести курс обучения или добавить в подготовку блок оценки заключения эксперта должностными лицами таможенных органов [13, С. 83].

Затрудняет использование результатов экспертиз размытые или неточные формулировки в выводах, которые препятствуют принятию решения, отсутствие ссылок на стандарты исследования, проведение исследований по неактуальным методикам или методам, которые не апробированы научным сообществом, ошибки в расчетах, трудности с восприятием сложной профессиональной терминологии, отсутствие взаимодействия с иными ведомствами.

Важно соблюдать процессуальный порядок привлечения эксперта к исследованию и использованию его экспертного заключения в суде при рассмотрении уголовного дела. В случае нарушения процессуального порядка, суд может признать экспертное заключение как недопустимое доказательство в рассматриваемом уголовном деле. К примеру, «приобщённое к материалам уголовного дела по ходатайству стороны защиты заключение эксперта № 031–01–00033 от 13 декабря 2021 г., – не может быть принято судом во внимание, так как указанные сведения противоречат совокупности исследованных судом достоверных и допустимых доказательств. Кроме того, представленный документ с процессуальной точки зрения заключением, по смыслу ст. 80 УПК РФ, признан быть не может, поскольку получен вне процедур, установленных уголовно-процессуальным законом, его автор не был привлечён к участию в данном деле в порядке, предусмотренном УПК РФ, а именно ст. 57, 28, 168, 270. Кроме того, исходя из требований ст. 57 УПК РФ, эксперт N, давшая своё заключение, об уголовной ответственности не предупреждалась, её компетенция не удостоверена, не выяснено её отношение к подсудимому; в ходе производства дознания и рассмотрения дела судом не привлекалась к участию в деле в качестве эксперта или специалиста в порядке, установленном УПК РФ, источник и критерии формулировок поставленных эксперту вопросов не определен, а потому письменное мнение указанного эксперта не может расцениваться как доказательство по настоящему уголовному делу» [14].

Особое значение следует уделить толкованию экспертного заключения. В случаях проведения исследования одного и того же образца для исключения получения противоречивых сведений в ТК ЕАЭС не должны использоваться отсылки к национальному законодательству государств-членов ЕА-

ЭС, в силу того, что иное государство-член ЕАЭС может иначе регулировать правовые отношения в соответствии со своим национальным законодательством и ссылаться на иные юридические нормы в рамках проведения экспертизы по таможенным преступлениям.

Заключение

Как итог, результатами решения научной задачи являются установление круга проблемных вопросов, связанных с назначением, производством и использованием результатов судебных экспертиз в таможенном деле и предложение вариантов их разрешения. Кратко резюмируем проблемы и пути их решения: при наличии правовых проблем видим необходимость в создании унифицированного документа, регулирующего назначение и производство экспертизы по преступлениям, отнесенным к компетенции таможенных органов, в формировании четкой правовой регламентации, когда назначение и производство экспертиз обязательно, а когда достаточно знаний специалиста; при кадровых проблемах следует сократить срок обязательной аттестации до двух-трех лет, обеспечить достойный уровень условий труда, внедрить процесс непрерывного обучения новым объектам экспертиз, актуализировать работу по современным методикам и обеспечить лаборатории современным техническим оборудованием; при трудностях с использованием результатов экспертиз дополнить курс подготовки блоком оценки экспертного заключения должностными лицами таможенных органов; проблемы получения и передачи проб и сравнительных образцов решить за счет упрощения передачи данных в ЭКС посредством ЭДО без заверения в нотариате; обеспечить надлежащий уровень ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы для всех участников процесса; обеспечить контроль за корректным назначением судебной экспертизы и грамотным формулированием вопросов эксперту. Отметим, что необходимость в совершенствовании экспертного механизма в рамках таможенного дела позволит сократить допущение участниками процесса персональных ошибок, уменьшить уровень бюрократических издержек, сократить сроки назначения и проведения экспертных исследований, а также ускорить процесс расследования преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов.

Литература

1. Воробьев И.И. Экспертное обеспечение таможенных органов: состояние и проблемы // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2019. № 3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnoe-obespechenie-tamozhennyh-organov-sostoyanie-i-problemy> (дата обращения: 20.05.2024).
2. Решение № 2–1051/2023 2–1051/2023–М-681/2023 М-681/2023 от 12 июля 2023 г.

по делу № 2–1051/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/gAepdTnJcdu/> (Дата обращения 20.05.2024)

3. Зими́на, И.И. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы / И.И. Зими́на. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 43 (333). – С. 204–205. – URL: <https://moluch.ru/archive/333/74343/> (дата обращения: 23.05.2024).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с изменениями на 29 мая 2024 года) (редакция, действующая с 1 июля 2024 года): № 174-ФЗ // СЗ РФ № 52 (I часть), 24.12.2001, ст. 4921.
5. Об установлении случаев приостановления срока проведения таможенной экспертизы: Приказ Министерства финансов Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 68н // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 05.06.2019, N 0001201906050017
6. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 289-ФЗ от 03.08.2018 // СЗ РФ. 2018 г., № 32, ст. 5082 (Часть I).
7. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (с изменениями на 29 апреля 2020 года) (редакция, действующая с 23 марта 2021 года): Кодекс международный // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 09.01.2018, № 0001201801090004
8. Иванова В.В., Мирзоев А.Х. Таможенная экспертиза как элемент взаимной экспертной деятельности // БИТ. 2022. № 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennaya-ekspertiza-kak-element-vzaimnoy-ekspertnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 07.07.2024).
9. Чеджемова, Л.Г. Актуальные проблемы таможенной экспертизы / Л.Г. Чеджемова // Наука XXI века: актуальные направления развития. – 2021. – № 1–2. – С. 460–463. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2021.02–1.2-pp.460. – EDN BSRADH.
10. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (с изменениями на 1 июля 2021 года): № 73-ФЗ // № 23, 04.06.2001, ст. 2291
11. Спектор, Л.А. Актуальные проблемы судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации / Л.А. Спектор, А.Д. Малютин // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2022. – № 8–2. – С. 327–331. – DOI 10.17513/vaael.2384. – EDN AEKTTL.
12. Апелляционное постановление № 22–600/2018 от 22 мая 2018 г. по делу № 22–600/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/hAv4343XNhUC/> (Дата обращения 10.07.2024)
13. Берлова Н.В., Яковлева С.В. Взаимодействие таможенных органов с Центральным

экспертно-криминалистическим таможенным управлением // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2017. № 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-tamozhennyh-organov-s-tsentralnym-ekspertno-kriminalisticheskim-tamozhennym-upravleniem>

14. Приговор № 1–48/2023 1–695/2022 от 7 ноября 2023 г. по делу № 1–48/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/n1TYLtuEHAYz/> (Дата обращения 20.07.2024 г.).

ACTUAL PROBLEMS OF APPOINTMENT, PRODUCTION AND USE OF THE RESULTS OF EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ATTRIBUTED TO THE COMPETENCE OF CUSTOMS AUTHORITIES

Tarasova A.V.
Russian Customs Academy

Today, the issues of appointment, production and use of examination results in the investigation of crimes within the competence of customs authorities are relevant, since problems in these processes slow down the process of production of examinations, reduce their quality, which significantly affects the objectivity of the investigation. Objective of the study: To determine the current problems of appointment, production and use of examination results in the investigation of customs crimes and to provide recommendations for their elimination. Methods: To achieve the goal, generally accepted theoretical methods were used. Findings: The author identified problems in the field of appointment, production and use of examination results on customs crimes. These include problems associated with making a decision on the appointment and conduct of a forensic examination, with formulating questions to the expert, with choosing an expert and an expert institution, with the selection and preparation of samples and comparative specimens for sending to an expert institution, with drawing up a resolution on the appointment of a forensic examination and familiarization with the expert's report, legal problems in organizing the appointment and conduct of examinations on crimes within the competence of customs authorities, and others. The author provides recommendations for eliminating problematic issues. Conclusions: Identification and solution of urgent problems will allow to establish high quality and efficiency of the conducted research affecting the completeness of the preliminary investigation and further trial of criminal cases within the competence of customs authorities.

Keywords: examination, customs authorities, customs crimes, customs examination, expert research, expert, crimes in the field of customs.

References

1. Vorobyov I.I. Expert support for customs authorities: status and problems // Customs policy of Russia in the Far East. 2019. No. 3 (88). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekspertnoe-obespechenie-tamozhennyh-organov-sostoyanie-i-problemy> (date of access: 20.05.2024).
2. Decision No. 2–1051/2023 2–1051/2023-M-681/2023 M-681/2023 dated July 12, 2023 in case No. 2–1051/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/gAepdTnJcdu/> (Accessed on May 20, 2024)
3. Zimina, I.I. Actual problems of appointment and production of forensic examination / I.I. Zimina. – Text: direct // Young scientist. – 2020. – No. 43 (333). – P. 204–205. – URL: <https://moluch.ru/archive/333/74343/> (Accessed on May 23, 2024).
4. Criminal Procedure Code of the Russian Federation (as amended on May 29, 2024) (version effective July 1, 2024): No. 174-FZ // SZ RF No. 52 (Part I), December 24, 2001, Art. 4921.
5. On establishing cases of suspension of the term of customs examination: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated May 13, 2019 No. 68н // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, June 5, 2019, N 0001201906050017

6. On customs regulation in the Russian Federation and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law No. 289-FZ dated August 3, 2018 // SZ RF. 2018, No. 32, Art. 5082 (Part I).
7. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on April 29, 2020) (version effective from March 23, 2021): International Code // Official Internet Portal of Legal Information www.pravo.gov.ru, 01/09/2018, No. 0001201801090004
8. Ivanova V.V., Mirzoev A. Kh. Customs examination as an element of mutual expert activity // BIT. 2022. No. 2 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tamozhennaya-ekspertiza-kak-element-vzaimnoy-ekspertnoy-deyatelnosti> (date of access: 07.07.2024).
9. Chedzhemova, L.G. Actual problems of customs examination / L.G. Chedzhemova // Science of the XXI century: actual directions of development. – 2021. – No. 1–2. – P. 460–463. – DOI 10.46554/ScienceXXI-2021.02–1.2-pp.460. – EDN BSRADH.
10. On state forensic activity in the Russian Federation (as amended on July 1, 2021): No. 73-FZ // No. 23, 04.06.2001, Art. 2291
11. Spektor, L.A. Actual problems of forensic activity in the Russian Federation / L.A. Spektor, A.D. Malyutin // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2022. – No. 8–2. – P. 327–331. – DOI 10.17513/vaael.2384. – EDN AEKTTL.
12. Appeal ruling No. 22–600/2018 of May 22, 2018 in case No. 22–600/2018 // <https://sudact.ru/regular/doc/hAv4343XHhUC/> (Accessed on July 10, 2024)
13. Berlova N.V., Yakovleva S.V. Interaction of customs authorities with the Central Forensic Customs Administration // Customs policy of Russia in the Far East. 2017. No. 2 (79). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-tamozhennyh-organov-s-tsentralnym-ekspertno-kriminalisticheskim-tamozhennym-upravleniem>
14. Sentence No. 1–48/2023 1–695/2022 of November 7, 2023 in case No. 1–48/2023 // <https://sudact.ru/regular/doc/n1TYLtuEHAYz/> (Accessed on July 20, 2024).

Разработка эффективных методов аутентификации пользователей в социальных сетях в Российской Федерации как инструмент международного правового сотрудничества в противодействии кибербуллингу

Горбачева Александра Григорьевна,

магистрант Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Иванов Александр Михайлович,

к.и.н., доцент кафедры математики, информатики и общегуманитарные науки Смоленского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; доцент кафедры юриспруденции Смоленского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: smolensk@fa.ru

Родионов Алексей Евгеньевич,

аспирант, кафедра «Международное право», Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; юрист, адвокатское бюро Дубровская; Кузнецова и партнеры
E-mail: office@izak.ru

В условиях стремительного развития цифровых технологий социальные сети стали не только платформами для интерактивного взаимодействия, но и инструментом распространения кибербуллинга, что требует разработки эффективных правовых и технических мер защиты пользователей. Вопрос идентификации пользователей в цифровой среде приобретает особую значимость, поскольку отсутствие надёжных механизмов аутентификации создаёт условия для безнаказанных правонарушений. В исследовании анализируется возможность использования СНИЛС в качестве меры аутентификации пользователей социальных сетей в Российской Федерации, рассматривается юридическая природа СНИЛС как уникального идентификатора, анализируются его потенциальные преимущества и риски при внедрении в цифровую среду. Использование СНИЛС значительно позволит сократить анонимность и уменьшить уровень кибербуллинга. Представленный механизм не только усиливает защиту пользователей, но и открывает новые возможности для создания единой системы верификации, согласующейся с международными инициативами по противодействию правонарушениям в киберпространстве.

Ключевые слова: анонимность, аутентификация пользователей, защита данных, кибербуллинг, международное право, международные инициативы, международное сотрудничество, противодействие киберпреступности, СНИЛС, социальные сети.

Рассматривая основные угрозы в сторону несовершеннолетних детей, изначально требуется обращения к исследованиям современных авторов в области психологии, которые с момента появления социальных многопользовательских сетей писали о необходимости проработки специальных мер для предотвращения «виртуального» [7, с. 16] буллинга на подобных платформах. Уже на ранних этапах развития онлайн-коммуникаций, исследователи указывали на потенциальное усиление агрессивного поведения в виртуальной среде, поскольку оно обусловлено анонимностью и доступностью многопользовательских платформ. [7, с. 17]

Отечественные авторы такие как Беспалов Е.И., Бочавер А.А., Хломов К.Д., Кондрашкин А.В., Парфентьев У., Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю., и многие другие предсказывали рост случаев кибербуллинга и иных форм психологического насилия ввиду снижения социальных ограничений, характерных для оффлайн-взаимодействия, поскольку анонимность пользователя позволяла ему в действительности, неограниченные возможности действия в онлайн среде, а следовательно, и для причинения вреда индивиду.

Анонимность, которую предоставляют пользователям современные цифровые платформы, значительно расширяет возможности для агрессивного поведения. Авторы прогнозировали рост цифрового насилия, связывая это с увеличением популярности онлайн-коммуникаций и отсутствием механизмов правового регулирования в первые годы существования социальных сетей.

Безусловно, указанные угрозы были релевантны за 20 лет до появления современных коммуникационных платформ, на что указывали различные зарубежные авторы, [1] однако с учётом стремительного развития программных систем, функционирующих в качестве многоуровневых платформ для взаимодействия в таких сферах, как музыка, культура, изобразительное искусство, игровые процессы, двусторонняя и групповая коммуникация, а также в иных формах взаимодействия, современная онлайн-среда существенно расширила свои возможности, что, в свою очередь, увеличило риски причинения вреда личности индивида.

В частности, правоведа предупреджали о повышенной вероятности цифрового насилия, особенно в федеративных государствах, в которых многообразие этнических, культурных и социальных групп создаёт дополнительную почву для конфликтов

и в связи с этим, специалисты в области международного и национального права обращали внимание на необходимость разработки универсальных стандартов регулирования поведения пользователей в цифровой среде, а также создания транснациональных механизмов для борьбы с кибербуллингом.

Примечательно, что дискуссии о «киберэтике» на Западе начались ещё в 2010-х годах. Так, исследователи, обсуждали этические принципы поведения в Интернете и необходимость формирования нового морального кодекса для пользователей социальных сетей. [9, с. 333]

Например, Войкунский указывал на важность институционального подхода к защите уязвимых групп населения, включая детей, в условиях цифровой трансформации общества. [9, с. 325] В тоже время, западные учёные подчёркивали, что отсутствие нормативного регулирования и правового контроля за действиями пользователей создаёт риски для индивидуальной и коллективной безопасности. По их мнению, Интернет – это «Дикий Запад XXI в.», в котором постоянно встречаются волнующие приключения, опасности и бандиты: хотя пули, летающие в Интернете, ненастоящие, они все равно могут сильно ранить.» [3] Особенность информационных процессов в Интернете состоит в том, что оттуда ничего никуда не исчезает. И потому даже непроверенная стигматизирующая (от греч. – «ярлык, клеймо») информация остается там навсегда, а значит, чем дольше будет его диалог с кем-то «невидимым», но, возможно, находящимся рядом, тем будет выше угроза психологической безопасности жертвы клеветы. [19]

Обычный буллинг в некотором смысле честнее и безопаснее, потому что в нем нет неопределенности, присутствующей в виртуальном пространстве. «Российской особенностью является тот факт, что кибертравля нередко осуществляется по социальным или национальным мотивам, фактически представляя собой разновидность экстремистских действий». [7, с. 179]

При этом утверждение о том, что «обычный буллинг в некотором смысле «честнее и безопаснее», требует критического анализа с правовой точки зрения.

С одной стороны, традиционные формы буллинга действительно поддаются более непосредственному контролю со стороны образовательных учреждений, педагогов и родителей, а также правоохранительных органов. Такие действия легче зафиксировать, а их исполнителей – идентифицировать и привлечь к ответственности в рамках существующего любого законодательства. Однако, как справедливо отмечается, специфика именно кибербуллинга заключается в анонимности и разнообразии методов нападения. Именно это делает цифровую травлю значительно более сложной для пресечения и регулирования. Анонимность позволяет злоумышленникам избегать ответственности, а широкий доступ к временным аккаунтам создаёт практически неограниченные возможности для

продолжения преследования жертвы даже после блокировки первоначального профиля.

Кроме того, кибербуллинг зачастую сопровождается воздействием на жертву в масштабах, значительно превышающих возможности традиционного буллинга. Если обычные случаи травли ограничиваются определённым социальным кругом (например, классом или группой в школе), то кибербуллинг может быть публичным и охватывать тысячи или даже миллионы пользователей, что усиливает психологическое давление на жертву. В этой связи важно подчеркнуть, что отсутствие чётких нормативных механизмов, позволяющих оперативно идентифицировать и привлечь к ответственности виновных, создаёт существенный пробел в защите прав несовершеннолетних.

Рассматривая основные угрозы от кибербуллинга в сторону несовершеннолетних детей в первую очередь, отметим:

1. Психологический ущерб, наносимый несовершеннолетним в результате кибербуллинга, представляет собой одну из наиболее серьёзных и долгосрочных угроз, обусловленных спецификой виртуального взаимодействия. Дети и подростки, находящиеся в процессе формирования своей личности, особенно восприимчивы к негативным воздействиям, характерным для этой формы насилия. [5, с. 201] Кибербуллинг, в отличие от традиционного офлайн-буллинга, характеризуется высокой степенью интенсивности и постоянным воздействием, поскольку жертва подвергается агрессии в любое время суток через цифровые устройства, которые интегрированы в повседневную жизнь. Травля в сети становится особенно разрушительной из-за её публичного характера, что усиливает переживание жертвы. [24, с. 95] Публичное унижение в онлайн-пространстве имеет не только психологический, но и социальный эффект, так как формирует вокруг жертвы образ «слабого звена» в глазах её окружения. Основным механизмом психологического воздействия является навязывание ребёнку негативного восприятия себя через постоянные оскорбления, угрозы и унижения. Подобные действия нарушают базовые потребности в безопасности и принятии, что, в свою очередь, способствует формированию стойкой тревожности, развитию депрессивных состояний и социальной изоляции. Подобные переживания могут закрепляться на уровне нейропсихологического восприятия, что делает последствия кибербуллинга долгосрочными и трудноискоренимыми. [10, с. 73]

Кроме того, психологический ущерб, вызванный кибербуллингом, часто сопровождается ощущением безысходности у жертвы, особенно если агрессия носит систематический характер. Феномен так называемой «виртуальной ловушки» заключается в том, что ребёнок лишён возможности отгородиться от нападков, поскольку они происходят в пространстве, которое одновременно является частью его социальной жизни. [14, с. 57] Постоянные оскорбления, угрозы и унижения в онлайн-среде могут привести к снижению самооценки,

развитию тревожности, депрессии и другим психическим расстройствам. У детей и подростков, находящихся в уязвимом возрасте, такие переживания могут иметь долгосрочные последствия и приводить к угрозе физическому здоровью.

2. Угроза физическому здоровью. Постоянный стресс и психологическое давление, вызванные кибербуллингом, могут провоцировать психосоматические расстройства, такие как бессонница, головные боли и нарушения в работе сердечно-сосудистой системы. Эти последствия свидетельствуют о том, что кибербуллинг перестаёт быть исключительно социально-психологической проблемой и становится угрозой физическому здоровью. [15, с. 134]

Современные медицинские исследования подтверждают, что длительное пребывание в состоянии стресса, вызванного психологическим воздействием, приводит к развитию хронических заболеваний. Например, постоянная тревожность и эмоциональное выгорание на фоне кибербуллинга могут повышать уровень кортизола в организме, что напрямую связано с риском гипертонии, инсультов и сердечных приступов. Более того, нарушения сна, часто наблюдаемые у жертв кибербуллинга, существенно ухудшают когнитивные функции и общее состояние здоровья, повышая вероятность возникновения депрессий и тревожных расстройств. [8, с. 38] С юридической точки зрения это обстоятельство открывает перспективу более глубокого осмысления кибербуллинга как формы насилия, наносящей вред не только психическому, но и физическому благополучию человека. В отличие от традиционного насилия, которое чаще всего имеет видимые физические последствия, вред от кибербуллинга часто скрыт и проявляется в долгосрочной перспективе. Однако это не умаляет серьёзности его последствий, поскольку они могут быть столь же разрушительными, как и телесные повреждения, нанесённые прямым насилием. Среди несовершеннолетних кибербуллинг часто приводит к таким нарушениям здоровья, как расстройства пищевого поведения, ослабление иммунитета в принципе, [4] склонность к физической деградации, что в свою очередь приводит к социальной изоляции.

3. Социальная изоляция. Жертвы кибербуллинга часто чувствуют себя отвергнутыми не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни. Это может привести к потере доверия к друзьям, одноклассникам и даже членам семьи. Социальная изоляция, вызванная кибербуллингом, становится серьёзной проблемой, угрожающей не только психическому и эмоциональному состоянию жертвы, но и её способности к нормальной социальной адаптации. [20, с. 187] Кибербуллинг разрушает основные социальные связи жертвы двумя способами. Во-первых, он вызывает чувство стыда, унижения и страха, которые подталкивают человека к самоизоляции. Жертва может избегать общения с окружающими, опасаясь осуждения, насмешек или недоверия, особенно если кибербул-

линг происходит в кругу знакомых лиц. Во-вторых, кибербуллинг усиливает социальное отторжение, когда аудитория группового буллинга (например, зрители в социальных сетях) либо поддерживает агрессора, либо остаётся безучастной, создавая у жертвы ощущение отсутствия поддержки и солидарности. [6, с. 66]

Последствия такой изоляции крайне негативны. Во-первых, она снижает уровень социальной интеграции, препятствуя участию жертвы в учебной или профессиональной деятельности. Во-вторых, изоляция может стать фактором, способствующим развитию серьёзных психических расстройств, таких как депрессия, хроническая тревожность, а самое опасное непосредственно суицидальные мысли. Последствия особенно ярко проявляются у подростков, для которых принятие в социальную группу играет ключевую роль в формировании личности и в случае даже не критических проблем для сформировавшегося индивида, [21, с. 118] они несут именно критическую проблему на ребенка, который убежден, что настоящее состояние продлится всю жизнь, а значит он может быть опозорен на всю жизнь, и не видит смысла к дальнейшему продолжению жизни.

4. Риск суицида. Усиление риска суицида является одной из наиболее трагичных и опасных форм последствий кибербуллинга. Это явление усугубляется чувством безысходности у жертвы, особенно в тех случаях, когда агрессоры используют общедоступные платформы, превращая травлю в массовое явление. Постоянное публичное унижение, давление и отсутствие возможности защититься создают у жертвы ощущение полной изоляции и беспомощности, что существенно повышает вероятность возникновения суицидальных мыслей или попыток самоубийства на почве физического деградирования. [17, с. 51] Дети и подростки, подвергшиеся кибербуллингу, начинают терять доверие не только к окружающим, но и к самим себе. В их восприятии мир превращается в место, где им нет места, а их личная ценность полностью зависит от одобрения окружающих, чего невозможно достичь в условиях постоянной травли. Отчаяние, вызванное этим ощущением потери социального признания, становится основным фактором, способствующим развитию суицидальных мыслей.

Дополнительным фактором риска является то, что кибербуллинг часто протекает в скрытой форме, что затрудняет раннее вмешательство. В отличие от физических или явных психологических травм, следы кибербуллинга по большей части незаметны для окружающих. Жертва может не демонстрировать явных признаков страха или стыда, скрывая свою боль от семьи и друзей, что делает её уязвимой и подверженной ухудшению состояния. Постоянный стресс, вызванный травлей, как упоминалось уже ранее ухудшают общее состояние здоровья, создавая порочный круг, в котором депрессия и физическое недомогание только усугубляют друг друга. [2] Как следствие, жертвы кибербуллинга часто приходят к мысли, что их жизнь

не имеет смысла, что они не могут справиться с переживаниями и что единственный выход – это самоубийство. [18, с. 127] Самоубийство как последняя стадия безысходности становится реакцией на эмоциональное и психическое истощение, вызванное травлей, которое сопровождается разрушением самооценки и веры в собственную ценность. Суицидальные мысли могут усиливаться и стать реальной угрозой, когда жертва чувствует, что её страдания и унижения не прекратятся, а со временем только усилятся.

Выявление четырёх основных угроз, исходящих от кибербуллинга в отношении несовершеннолетних, представляется ключевым для градационного подхода к анализу этого явления, [11, с. 197] поскольку, именно в таком порядке происходит нарастание разрушительного воздействия агрессора на жертву.

Безусловно, цель агрессора может меняться, что обуславливает вариативность методов воздействия. В некоторых случаях агрессор может использовать менее разрушительные способы (разновидности) кибербуллинга, стремясь не довести жертву до полного психологического уничтожения, но при этом достичь желаемого результата. Это, в свою очередь, может привести к изменениям или расширению классификации угроз, что следует учитывать при правовом анализе. Однако следует отметить, что указанный подход является субъективным и может варьироваться в зависимости от научной дисциплины, особенно в контексте психологии и психических воздействий. [11, с. 128]

С правовой точки зрения неиспользование такого градационного подхода создаёт определённые сложности, поскольку отсутствие чёткой классификации кибербуллинга затрудняет определение того, какую правовую норму применять в каждом конкретном случае. В связи с этим, создание единого подхода к классификации кибербуллинга, который будет учитывать его многогранность, позволит существенно облегчить правовое регулирование данного явления. Точное понимание кибербуллинга как комплексного явления, а не набора отдельных категорий, возможно, приведёт к выработке более эффективных и последовательных норм в соответствующем законодательстве. Соглашаясь с многочисленными исследованиями в области психологии и права, авторы настоящей работы выделяют анонимность как первостепенный фактор, определяющий масштаб и тяжесть последствий кибербуллинга. [23, с. 278]

Анонимность создает благоприятную среду для совершения преступлений в онлайн-пространстве, сводя к минимуму риск привлечения к ответственности и обеспечивая безнаказанность преступников. Она не только затрудняет идентификацию и привлечение к ответственности конкретных лиц, но и усиливает чувство безнаказанности у агрессоров, провоцируя эскалацию насилия. Отсутствие возможности идентифицировать и наказать вино-

вных снижает эффективность мер профилактики и правовой защиты жертв. [16, с. 77]

Кроме того, анонимность способствует распространению дезинформации и ложных обвинений, что ещё больше усугубляет психологическое воздействие на жертву. Поэтому, борьба с анонимностью в сети «Интернет», в контексте противодействия кибербуллингу, должна стать приоритетным направлением правоохранительной деятельности. [13, с. 122] Указанное требует не только совершенствования законодательства и правоприменительной практики, но и разработки и внедрения новых технологических решений, способных эффективно идентифицировать и отслеживать вредоносную онлайн-активность. [22, с. 121] Разработка и внедрение эффективных методов аутентификации пользователей, а также международное сотрудничество в сфере борьбы с киберпреступностью представляют собой ключевые аспекты в преодолении проблемы анонимности и обеспечении безопасности несовершеннолетних в цифровом пространстве. Только комплексный подход, включающий в себя законодательные, технологические и просветительские меры, позволит существенно снизить масштабы кибербуллинга и минимизировать его пагубные последствия.

Следовательно, кибербуллинг представляет собой не только форму психологического насилия, но и серьёзную угрозу для физического и психического здоровья несовершеннолетних, что делает эту проблему острой и многогранной. Постоянное психологическое давление, публичное унижение и эмоциональное истощение, вызванные травлей в цифровом пространстве, могут привести к психосоматическим расстройствам, социальной изоляции и, в самых тяжёлых случаях, к суицидальным мыслям и попыткам самоубийства. Угроза выходит за рамки традиционных форм насилия, поскольку кибербуллинг влияет на жертву круглосуточно, не давая ей возможности укрыться от нападок, что значительно усиливает его разрушительные последствия. Следовательно, признание кибербуллинга многозначительной угрозой здоровью несовершеннолетних требует усиленной правовой реакции, направленной на защиту жертв и предотвращение этого явления в цифровой среде усиливая меры по разработке анти-анонимности в борьбе с кибербуллингом.

Исходя из вышеизложенного, разрушительные последствия кибербуллинга обусловлены его круглосуточным воздействием, невозможностью жертвы укрыться от нападок и анонимностью агрессора, что усиливает социальные риски и усложняет правоприменительную практику. Признание кибербуллинга серьёзной угрозой физическому и психическому здоровью несовершеннолетних требует усиленной правовой реакции, для защиты национального интереса России в условиях глобализации и многополярного мироустройства. Комплексное решение проблемы кибербуллинга требует совершенствования законодательства, направленного на чёткое определение понятия «кибербуллинг», усиление ответственности за его

совершение, а также разработку процедур взаимодействия интернет-платформ с правоохранительными органами. Кроме того, необходимо повышать уровень правовой грамотности населения, развивать технологии искусственного интеллекта для автоматического выявления и предотвращения случаев кибербуллинга, а также активно сотрудничать с международными организациями в сфере борьбы с киберпреступностью. Защита несовершеннолетних от кибербуллинга является стратегической задачей, направленной на обеспечение их физической и психологической безопасности, стабильное развитие общества и сохранение здоровья будущих поколений.

Литература

1. Craig W., & Pepler D.J. (1997). Observations of bullying and victimization in the schoolyard. *Canadian Journal of School Psychology*, 13, 41–60; Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know what we can do*. New York: Blackwell. Smith; P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russell, S., & Tippett, N. (2008). Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child and Psychiatry*, 49, 376–385.
2. Escortell R., Delgado B., Martínez-Monteaquedo María C. (2020) Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 7000; doi:10.3390/ijerph17197000.
3. Kowalski R.M., Limber S.P., & Agatston P.W. *Cyberbullying: Bullying in the digital age* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell. 2011. P 296.
4. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying. *Cyberbullying and suicide*. *Archives of Suicide Research* 14(3): 2010. 206–221.
5. Арсентьева В.В., Филиппова И.А., Степанов В.В. Влияние кибербуллинга на психическое состояние детей // Дни студенческой науки: Материалы XIV Всероссийского форума молодых ученых и студентов. Москва-Берлин: ООО «Директ-Медиа», 2022. С. 195–201.
6. Березина О.С. Социальная профилактика кибербуллинга среди подростков // Информационная безопасность и вопросы профилактики киберэкстремизма среди молодежи: Материалы внутривузовской конференции, Магнитогорск, 09–12 октября 2015 года / Под редакцией Г.Н. Чусавитиной, Е.В. Черновой, О.Л. Колобовой. – Магнитогорск: Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова, 2015. – С. 63–72.
7. Бочавер А.А. Хломов К.Д. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 3. С. 177–191.
8. Вахнина А.В., Зяблицева А.С., Попова А.Д. Стресс как причина патологии // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–2(80). С. 36–45.
9. Войскунский А.Е. Психология и Интернет. М.: Акрополь, 2010. 439 с.
10. Воробьева К.А. Социально-психологические проблемы подростков «группы риска» и пути их разрешения в реальном и виртуальном пространстве // Актуальные проблемы психологического знания. 2021. № 3 (56). С. 69–78.
11. Воробьева К.А. Личностные особенности подростков, занимающих различные позиции в структуре кибербуллинга // Актуальные проблемы психологического знания. 2022. № 3(60). С. 126–134.
12. Дорофеева Е.С. Кибербуллинг и его воздействие на психологическое благополучие школьников // Естественные, математические и технические науки. Образование. Технологии. Инновации: Материалы Всероссийской научно-практической студенческой конференции, Липецк, 08–12 апреля 2024 года. – Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2024. С. 195–199.
13. Зинцова А.С. Социальная профилактика кибербуллинга // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Социальные науки. 2014. № 3 (35). С. 122–124.
14. Лесконок И.В. Жилавской Е.В. Риски интернет-коммуникации детей и молодежи: учебное пособие / под общ. ред. Н.Ю. Бродовской / М.: МПГУ, 2019. 80 с.
15. Кобец П.Н. Противодействие киберсталкингу – преследованию или запугиванию жертв с использованием кибер или информационно – коммуникационных технологий // Синтез науки и общества в решении глобальных проблем современности: сборник статей Международной научно-практической конференции, Волгоград, 07 марта 2018 года. Волгоград: Общество с ограниченной ответственностью «ОМЕГА САЙНС», 2018. С. 133–135.
16. Краснова К.А. Противодействие кибербуллингу как средство предупреждения суицидов несовершеннолетних // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 3. С. 75–88.
17. Макарова Е.А. Самоповреждающее поведение детей и подростков в сети Интернет // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2023. № 1(37). С. 49–55.
18. Макарова Е.А. Кибер-виктимизация и демографические характеристики подростков, вовлеченных в кибербуллинг // Национальное здоровье. 2019. № 1. С. 125–136.
19. Родионов А.Е. Современное международно-правовое регулирование кибербуллинга в отношении защиты прав детей // Международное право. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.72807 EDN: XDBUQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72807.
20. Селивенок Д.С. Организация деятельности социального педагога по профилактике кибербуллинга в подростковой среде // Социальная работа в современном мире: теория и практи-

ка: сборник научных статей II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Майкоп, 11–12 апреля 2024 года. – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2024. С. 185–188.

21. Ушакова Е.Л. Роль коллектива в социализации личности подростка // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: Collection of scientific articles LXVII International correspondence scientific and practical conference, Boston, USA, 18–19 февраля 2020 года. – Boston, USA: Problems and science, 2020. С. 116–119.
22. Фидарова М.Г. Кибербуллинг среди подростков как социальная проблема // Лучшая студенческая статья 2022: сборник статей XLIV Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 25 июня 2022 года. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. С. 119–123.
23. Хломов К.Д., Давыдов Д.Г., Бочавер А.А. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 276–295.
24. Яковлева А.В. Психологические маркеры кибербуллинга в образовательной среде школы // Психологически безопасная образовательная среда: проблемы проектирования и перспективы развития (к 85-летию ТГПУ им. Л.Н. Толстого): Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Тула, 18–19 октября 2023 года. Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2023. С. 94–96.

DEVELOPMENT OF EFFECTIVE METHODS FOR USER AUTHENTICATION IN SOCIAL NETWORKS IN THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INSTRUMENT FOR INTERNATIONAL LEGAL COOPERATION IN COUNTERING CYBERBULLYING

Gorbacheva A.G., Ivanov A.M., Rodionov A.E.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Smolensk Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Smolensk Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation”, Dubrovskaya Law Office; Kuznetsova&Partners

In the context of the rapid development of digital technologies, social networks have become not only platforms for interactive interaction, but also a tool for the spread of cyberbullying, which requires the development of effective legal and technical measures to protect users. The issue of user identification in the digital environment is of particular importance, since the lack of reliable authentication mechanisms creates conditions for unpunished offenses. The study analyzes the possibility of using SNILS as a measure of authentication of social network users in the Russian Federation, considers the legal nature of SNILS as a unique identifier, analyzes its potential advantages and risks when implemented in the digital environment. The use of SNILS will significantly reduce anonymity and reduce the level of cyberbullying. The presented mechanism not only enhances user protection, but also opens up new opportunities for creating a unified verification system consistent with international initiatives to combat offenses in cyberspace.

Keywords: anonymity, user authentication, data protection, cyberbullying, international law, international initiatives, international cooperation, countering cybercrime, SNILS, social networks.

References

1. Craig W., & Pepler D.J. (1997). Observations of bullying and victimization in the schoolyard. *Canadian Journal of School Psychology*, 13, 41–60; Olweus, D. (1993). *Bullying at school: What we know what we can do*. New York: Blackwell. Smith; P. K., Mahdavi, J., Carvalho, M., Fisher, S., Russel, S., & Tippett, N. (2008). Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils. *Journal of Child and Psychiatry*, 49, 376–385.
2. Escortell R., Delgado B., Martínez-Monteagudo María C. (2020) Cybervictimization, Self-Concept, Aggressiveness, and School Anxiety in School Children: A Structural Equations Analysis. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 7000; doi:10.3390/ijerph17197000.
3. Kowalski R.M., Limber S.P., & Agatston P.W. *Cyberbullying: Bullying in the digital age* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell. 2011. P 296.
4. Hinduja S., Patchin J.W. Bullying. Cyberbullying and suicide. *Archives of Suicide Research* 14(3): 2010. 206–221.
5. Arsentieva V.V., Filippova I.A., Stepanov V.V. The influence of cyberbullying on the mental state of children // *Days of Student Science: Proceedings of the XIV All-Russian Forum of Young Scientists and Students*. Moscow-Berlin: Direct-Media LLC, 2022. pp. 195–201.
6. Berezina O.S. Social prevention of cyberbullying among adolescents // *Information security and issues of prevention of cyberextremism among youth: Materials of the intra-university conference, Magnitogorsk, 09–12 October 2015* / Edited by G.N. Chusavitina, E.V. Chernova, O.L. Kolobova. – Magnitogorsk: Nosov Magnitogorsk State Technical University, 2015. – P. 63–72.
7. Bochaver A.A., Khlomov K.D. Cyberbullying: harassment in the space of modern technologies. *Journal of the Higher School of Economics*. 2014. Т. 11, No 3. Pp. 177–191.
8. Vakhnina A.V., Zyablitsva A.S., Popova A.D. Stress as a cause of pathology // *International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2023. № 5–2(80). pp. 36–45.
9. Voiskunsky A.E. *Psychology and the Internet*. Moscow: Akropolis, 2010. 439 p.
10. Vorobyeva K.A. Socio-psychological problems of adolescents of the “risk group” and ways to solve them in real and virtual space // *Actual problems of psychological knowledge*. 2021. No. 3 (56). pp. 69–78.
11. Vorobyeva K.A. Personality traits of adolescents occupying various positions in the structure of cyberbullying // *Actual problems of psychological knowledge*. 2022. No. 3(60). pp. 126–134.
12. Zintsova A.S. Social prevention of cyberbullying // *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Social Sciences*. 2014. № 3 (35). Pp. 122–124.
13. Ishalina A.R. Cyberbullying in Modern Society: Causes and Solutions // *Anthropocentric Sciences in Education: Challenges, Transformations, Resources: Collection of Scientific Articles of the International Forum of Professional Education, Voronezh, April 09–10, 2024*. – Voronezh: Publishing and Printing Center “Scientific Book”, 2024. Pp. 237–239.
14. Kobets P.N. Counteraction to cyberstalking – persecution or intimidation of victims using cyber or information and communication technologies // *Synthesis of science and society in solving global problems of modernity: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Volgograd, 07 March 2018*. – Volgograd: Limited Liability Company “OMEGA SCIENCE”, 2018. Pp. 133–135.
15. Krasnova K.A. Counteraction to cyberbullicide as a means of preventing suicides of minors. 2017. № 3. Pp. 75–88.
16. Kopylova O.P., Medvedeva S.V., Kalashnikova Y.V. Cyberbullying in Modern Conditions: Possibilities of Legal Regulation. 2021. № 1(14). Pp. 97–103.
17. Makarova E.A. Self-harming behavior of children and adolescents on the Internet // *Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics*. 2023. No. 1(37). pp. 49–55.
18. Makarova E.A. Cyber-victimization and demographic characteristics of adolescents involved in cyberbullying // *National Health*. 2019. No. 1. pp. 125–136.
19. Rodionov A.E. Modern international legal regulation of cyberbullying in relation to the protection of children’s rights // *International law*. 2025. № 1. DOI: 10.25136/2644-5514.2025.1.7280 7 EDN: XDBUQD. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72807.

20. Selivenok D.S. Organization of the activities of a social educator for the prevention of cyberbullying in the adolescent environment // Social work in the modern world: theory and practice: collection of scientific articles of the II All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation, Maykop, April 11–12, 2024. – Maikop: Adygea State University, 2024. pp. 185–188.
21. Ushakova E.L. The role of the collective in the socialization of a teenager's personality // International scientific review of the problems and prospects of modern science and education: Collection of scientific articles LXVII International correspondence scientific and practical conference, Boston, USA, 18–19 февраля 2020 года. – Boston, USA: Problems and science, 2020. С. 116–119.
22. Fidarova M.G. Cyberbullying among adolescents as a social problem // The best student article 2022: collection of articles of the XLIV International Research Competition, Penza, June 25, 2022. Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. Pp. 119–123.
23. Khlomov K.D., Davydov D.G., Bochaver A.A. Cyberbullying in the experience of Russian adolescents. 2019. Volume 9. № 2. Pp. 276–295.
24. Yakovleva A.V. Psychological markers of cyberbullying in the educational environment of school // Psychologically safe educational environment: design problems and development prospects (to the 85th anniversary of TSPU named after L.N. Tolstoy): Collection of materials of the V International Scientific and Practical Conference, Tula, October 18–19, 2023. Cheboksary: LLC «Publishing House «Sreda», 2023. Pp. 94–96.

Ионцев Михаил Анатольевич,

доцент кафедры правового сопровождения рыночной экономики РАНХиГС; руководитель направления Центра правового сопровождения цифровизации на финансовом рынке (на правах Управления) Юридического департамента Банка России
E-mail: Mikhail.iontsev@gmail.com

«Знание может быть только у тех, у кого есть вопросы» – фраза, принадлежащая Генри Форду, которая изменила мою жизнь и подход к очевидному. Порой ровная чистая белая канва доктрины, сплетенная из убедительных и нерушимых ответов, повергает в трепет и заставляет долго собой любоваться, убеждая все больше и больше в своей совершенности; однако та невероятная скука и тоска, которую навеивает этот белоснежный пейзаж, часто не может покорить сердца «новичков», которых пугает завершенность. Чистый лист манит их, но не своей белизной, а возможностью нанести рисунок и цвет. Так и во Франции в тридцатые годы прошлого века белоснежное поле совершенной юридической доктрины юридических фактов почетно стало холстом в руках юных талантливых цивилистов. В этой статье автор совершает не более, чем скромную попытку описания процесса создания новой классификации оснований возникновения субъективных прав и обязанностей. Автор будет пользоваться терминологией, предложенной структурной лингвистикой, французскими правовой и философской доктринами, в целях недопущения нарушения формального логического закона тождества¹.

Ключевые слова: права, обязанности, сделки, классификация, философская доктрина, французское право.

В данной статье автор сосредоточит своё внимание на теории сделок во французской доктрине права и приведет примеры из актуального законодательства Франции.

История речевых актов во французской правовой доктрине

Начиная освещение проблемы, следует упомянуть о том, что Французский Гражданский Кодекс в редакции 1804 года (далее ФГК) не давал определения сделки вплоть до последних поправок, которые были осуществлены законом №2016–131. Данный факт не должен быть удивительным, так как в Мемуарах к ФГК находятся многочисленные свидетельства того, что это понятие крайне сложно определить². Задача оказалась доктринально столь сложной, что дефиницию было решено опустить и при обсуждении ФГК в Национальном Конвенте.

Причины отсутствия понятия сделки в ФГК в редакции 1804 года

Определение является категорией формальной логики, представляя собой атрибутивно-экзистенциальное суждение. Определения служат для описания явлений и концепций объективной действительности, исходя из данной посылки, они не могут служить средствами достижения целей, поставленных существом права, даже когда оно выражено законом. Нормативный правовой акт не является учебником, суть которого есть разрешение доктринальных споров (именно поэтому автор статьи придерживается концепции открытого законодательства, например, Гражданский Кодекс Швейцарии), которое позволяет трактовать закон согласно той или иной правовой позиции, а не воспринимать его как истину в последней инстанции, таким образом нормативный правовой акт становится *ratio scripta* и теряет распространенную сегодня функцию аргумента в научных спорах. Так, например, в Германском Гражданском Уложении (далее – ГГУ) определение сделки не содержится, однако подходы к составлению данного понятия есть в Мемуарах к ГГУ. Логическим определением невозможно обозначить структурно сложный институт сделок, данной позиции придерживался и историк права Зигмунд Шлоссман, суть которой сводится к тому, что общим для всего понятия сделки является лишь то, что они все есть речевое изъяснение воли. Данное историческое явление не должно смущать современного юриста, так как в начале 19 века наиболее широко распространённые односторонние сделки

¹ Yves Gaudemet, *Traité de Droit administratif* Tome 1 16e édition, 2001.

² Jean-Louis Halpérin, *L'histoire de la fabrication du code*, Paris, Dalloz, 1992, p. 84

(доверенность, завещание, зачет, отказ от договора, учреждение юридического лица) практически не были известны, либо ставились под сомнение¹. Так, например, теория представительства, а вместе с ней и концепция доверенности, существенным образом отличались от современной теории (тогда разница между нунцием и представителем только начинала рассматриваться в работах ведущих французских цивилистов²), поэтому в доверенности нельзя было увидеть акт по наделению распорядительной силой или расширению дееспособности. Представительство развивалось только в рамках договора поручения.

Про акт учреждения юридического достаточно упомянуть лишь то, что он был сугубо публичным и не рассматривался цивилистами как изъявление воли субъектов частного права³.

Завещание же многими учеными после длительной Великой Французской Революции и её последствий рассматривалось крайне осторожно и зачастую в угоду политическим взглядам, поэтому во время принятия ФГК ученые приняли позицию, основанную Жаном-Мари Рикаром (1622–1678) – ученым, который активно «вплел» обычное французское право в римское, его теория в дальнейшем была развита и доработана Робером-Жозефом Потье. Завещание воспринималось как особый институт, требовавший ряда специальных правил⁴.

Оставшиеся же односторонние сделки (зачет, последующее и предварительное одобрения и отказ от договора) получили свою реализацию в рамках обобщающего их обязательственного права⁵. Принимая во внимание тот факт, что для осуществления систематизации явления необходимо их непосредственное наличие, можно сделать вывод о том, что к моменту принятия ФГК ни французская доктрина, ни тем более законодатель не были готовы к явлению односторонней сделки⁶. В итоге следует отметить, что односторонние сделки существенным образом отличаются от многосторонних: их обобщение и классификацию проводить крайне непросто в силу специфического характера каждой из них, на что (как видно) указывает и история их развития. Но подобная позиция в отношении односторонних сделок была представлена и в дальнейшем выражена и Зигмундом Шлосманом в постоянно противопоставляемой немецкой доктрине.

¹ Martin de la Moutte, L'acte juridique unilatéral, thèse Toulouse, 1951.

² N. Dissaux, « La représentation: notion », Blog Réforme du droit des obligations, dir. G. Chantepie et M. Latina, billet du 29 avr. 2015

³ Carbonnier (J.), Droit civil.t. 1, – Les personnes: personnalité, incapacités, personnes morales, 21e éd. refondue pour “Les personnes”, 17e éd. refondue pour “Les incapacités”, Paris, PUF, 2000.

⁴ Mazeaud (H.), Leçons de droit civil. Tome IV, deuxième volume, Successions, 5ème éd., Paris, Montchrestien, 1999

⁵ Encinas de Munagorri (R.), L'acte unilatéral entre les parties au contrat, thèse Paris X, 1994.

⁶ Martin de la Moutte (J-J.), L'acte juridique unilatéral, Thèse Toulouse, LGDJ 1951.

Однако в ФГК 1804 года уже был упомянут односторонний класс речевых волеизъявлений – контрактов (которые сегодня именуются многосторонними сделками). Это и не удивительно, так как их достаточно легко классифицировать, да и практика к тому времени насчитала десятки таковых, в основном классифицируя их по виду встречного представления или его отсутствию – каузе⁷. В связи с чем следует упомянуть о том, что кауза в современной французской доктрине – это понятие сугубо обязательственного права, развивавшегося в том числе на базе теории контрактов⁸.

Появление концепции сделки

Однако юридическая мысль не стояла на месте, а потребности оборота требовали все более и более сложных институтов, увеличивая их разнообразие, которое с неизбежностью требовало изысканной логической процедуры – классификации. Эти факторы спровоцировали появление новой классификации юридических оснований возникновения субъективных прав и обязанностей, описанных в начале статьи. С введением понятия односторонней сделки в доктрине разнородные некогда явления были объединены в один род. Каким же образом произошло рождение данного института, если в ФГК не было даже малейшего намека на понятие сделки, и тем более – односторонней? Естественно, что право – это не столько позитивное законодательство, а сколько его правоприменение и несоизмеримо большей степени – доктрина.

Ученые – создатели новой концепции

Пионером данной теории был Рене Демог (1872–1938), который в одном из своих последних трудов отстаивал именно данную классификацию, включая односторонние сделки, указывая на то, что она является более конкретной с точки зрения формальной логики, позволяет разграничить все основания и четко определить природу возникающих прав и обязанностей⁹. В дальнейшем теория критиковалась Жулианом Бонкассом (1878–1950), отметившим сложность теории, которая требовала введение понятия речи¹⁰. В поддержку высказывался ведущий цивилист Бодан Леребур-Пижоньер¹¹. Однако Жан Озе указывает, что полемика начала двадцатых годов XX века завершилась в итоге признанием нового подхода, который обсуждался ранее также и в германской доктрине¹². В дальнейшем теория укоренялась все глубже и глубже, становясь ведущей. Работы Жерара Марти и Пьера

⁷ Robert-Joseph Pothier, Traité des obligations, Cosse et Marchal, Paris, 1861, p. – 87

⁸ Fabre-Magnan (M.), Droit des obligations, Contrat et engagement unilatéral, 3e édition – Tome 1, Presses Universitaires de France – PUF., Collection: Thémis-Droit, 07/2012.

⁹ R. Demogue, Traité des obligations en général, t. I, Paris, 1923, n° 11.

¹⁰ J. Bonnacasse, Supplement to the treaties Baudry Lacantinerie, 1925, t. 2, n° 311

¹¹ Cours de droit civil français, 2nd ed., Paris, 1936, t. 8, n° 14

¹² J. Hauser, Objectivisme and following objectivisme dans l'acte juridique, LGDJ 1971, p. 29, n° 23.

Рэйнода¹, Эрика Саво, Жуля Флура и Жана-Люка Обера² являются неоспоримым тому доказательством.

Причины появления новой концепции

Новая классификация начала развиваться во Франции на рубеже XIX и XX веков, была вызвана объективными потребностями оборота, формировавшимися в течение Эпохи урбанизации и индустриализации. Так, отчасти благодаря появлению института страхования ответственности развивалась концепция возмещения вреда³. Распространение же лотерей (квази-контрактов) в послевоенный период оказало влияние посредством того, что вызвало массу споров, которые можно было разрешить только при наличии четкой классификации оснований возникновения прав и обязанностей. Судебная практика восприняла торю только в 60-ых годах и начала рассматривалась квази-контраты в качестве реальных актов, эта традиция сохранялась вплоть до 2002 года⁴ и подвергалась существенной критике в доктрине. Совместная палата Кассационного Суда Французской Республики (далее – КС ФР) 6 сентября 2002 года изменила подход на современный, что поддерживался доктриной⁵. Однако более существенными факторами, повлиявшими на признание концепции сделок и сделкоподобных действий, было развитие финансового сектора во второй половине прошлого века, что повлекло рождение такого института, как банковская гарантия – «*garantie à première demande*». Многочисленные злоупотребления банками в данной сфере не заставили себя долго ждать и коммерческие суды начали применять доктринальные наработки⁶.

Роль Кассационного Суда в признании концепции сделок

Судебная практика весьма красиво трактовала статью 1101 ФГК, дающую определение контракта, то есть договора, Кассационный Суд в целях применения к оферте правил о недействительности положил, что *совпадение двух и более волеизъявлений имеющих взаимную направленность – это лишь общий принцип, из которого все же есть ряд важных системообразующих исключений, требующих своего признания, ведь свобода неизбежно требует активности индивида, а значит и признания большего значения за его односторонним речевым волеизъявлением, способным создать правовые*

*последствия и для третьих лиц*⁷. Тут же следует отметить, что КС ФР квалифицировал обещание премии в рамках обязательства, возникающего из трудового договора, в качестве односторонней сделки⁸.

Развитие концепции в позитивном праве

Следует все же исполнять свои обещания, почему автор и приводит далее ряд упоминаний результатов столь долгой и плодотворной работы ученых-юристов в позитивном праве Французской Республики. Статья 1100–1 ФГК, введенная знаменитым реформаторским законом n°2016–131, in fine дает определение сделки. Так упоминается, что *сделка – это юридический акт, являющийся волеизъявлением (то есть это речевой акт), направленный на достижение правового эффекта, которая может быть, как односторонней, так и многосторонней. К сделкам применяются правила о контрактах, если это не противоречит их сущности*.

Основным плодом введения новой классификации оснований возникновения субъективных прав и обязанностей можно считать расцвет теории односторонних сделок. Так, например, статью 895 ФГК, посвященную завещанию, в доктрине

трактовали как положения об односторонней сделке⁹, что в дальнейшем было воспринято высшей судебной инстанцией при разрешении спора¹⁰.

Благодаря развитию доктрины корпоративного права были воплощены прогрессивные идеи в позитивном праве. Так, абзац второй статьи 1832 ФГК, посвященный учреждению юридического лица, также был подвержен аналогичной интерпретации, а закон n°85–697 от 11 июля 1985 года внес позитивную формулировку, следующего вида *Оно (общество) может быть учреждено как законом, так и волеизъявлением одного субъекта*. Закон о фондах от 23 июля 1987 года, также гласит в статье 18, что *учреждение фонда является односторонней сделкой*.

Доверенность (ratification) и её отзыв (révocation) получили своё признание в качестве односторонних сделки в судебной практике¹¹ и доктрине¹², анализируя статью 2006 ФГК. Зачет (compensation, ст. 1347 ФГК, до реформы – ст. 1289 ФГК) начал рассматриваться Коммерческой палатой Кассационного суда в качестве односторонней сделки, так как новое понимание его природы уменьшило количество споров, возникающих в процедуре бан-

¹ Marty, P. Raynaud Traité de droit civil, t. 2 "les obligations", vol. 1. 1962 and vol. 2 1965

² Droit civil, Les obligations, T.1., L'acte juridique, 11e édition, Armand Colin 2004; T.2., Le fait juridique, 11e édition, Armand Colin, 2005; T.3.

³ France. Assemblée nationale (1871–1942). Sénat, Annales du Sénat: Documents parlementaires. (Nouv. sér.), V. 63, Imprimerie du Journal officiel, 1918, p. – 314

⁴ Cass. civ. 1ère, 3 March 1988, D. 1988, Somm.p. 405, obs. J.-L. Aubert; JCP G 1989, II. 21313, obs. G. Virassamy; Cass. Civ. 2ème, 28 June 1995, D. 1996, Jur.p. 180, note J.-L. Mouralis; RTD civ. 1995. 397; Cass. Civ. 2ème, 26 October 2001, Defrénois 2001. 693, obs. E. SAVAUX.

⁵ Bull. Civ., Ch. Mixte, n° 4, p. 9.

⁶ Zavaro (M.), L'Assurance et les garanties financières de la construction, Paris, Litec, 1997. p.p. – 76–83

⁷ 1re Civ., 10 juin 1986, Bull., I, n° 159. Cf. également, note grands arrêts, 11ème édition, tome 1, p. 63, point 5, in limine, et le commentaire cité.

⁸ Cour De Cassation, Chambre sociale, du 9 mai 1962, Publié au bulletin

⁹ Beignier (B.), Nullité du testament authentique si le testateur ne l'a pas dicté au notaire en présence de témoins, Revue Droit de la famille n°9, septembre 2011, Commentaire n°132, p. 31.

¹⁰ Cass. 13.11.69, RCJB

¹¹ C.A. Versailles (6eCh.), 31 mai 2005, BICC n°645 du 1eraoût 2006

¹² Remery (J.-P.), Délégation de pouvoir et mandat, JCP 1999, éd. G, I, 113.

кротства¹, данная проблема также активно освещалась и в доктрине².

Отказ от договора (*renonciation contractuelle*, ст. 1358 ФГК), прощение долга (*renonciation generale et au déguerpissement*)³, а также реализация преобразовательных прав (*confirmation d'un acte atteint de nullité, congé pour un bail* ст. 1736 ФГК) были признаны односторонними сделками⁴. Признание же долга (*reconnaissance de dettes*) было признано сделкоподобным действием, так как оно не имеет самостоятельного содержания в силу того, что подтверждает однажды состоявшийся факт идеальной реальности⁵.

Спецификой развития односторонней сделки во французской доктрине частного права было то, что она выросла из весьма развитой доктрины обязательственного права, однако этот институт распространился и на другие отрасли права, в том числе на право движимых и недвижимых вещей, так, создание ограниченных вещных прав (*constitution*) как и отказ от ограниченного вещного права (*abandon d'usufruit et servitude*), отказ от права собственности речевым актом, в том числе в форме конклюдентных действий, также классифицируются как односторонние сделки⁶.

Глобальным же эффектом от введения понятия сделки на уровне кодифицированного акта, посвященного частным отношениям, а также детальной его проработки в доктрине, наводят на мысль о том, что французская система утрачивает признаки институциональности, становясь более близкой к пандектным⁷.

Современная классификация сделок

Реквизиты заключенности

Ввиду того, что судебная практика восприняла понятие сделки раньше позитивного законодательства, возникла необходимость разработки реквизитов заключенности сделки, и условий действительности. Так, воля должна быть значимой – «*sérieuse*» (то есть сделкой не будет считаться шутка, часть реплики актеров в театре, случайный взмах затекшей руки на торгах и т.д.), точной – «*certaine*» (т.е. лицо должно точно желать результата речевого акта, понимая к каким правовым последствиям он приведет) и неколебимой «*ferme*» (т.е. лицо должно осуществить акт самостоятельно, без порока и желать придерживаться его). Волеизъявление должно

¹ Chambre commerciale 3 mai 2011 pourvoi n°10–16758, BICC n°748 du 1er octobre 2011, Com. – 20 février 2007, BICC

² Lienhard (A.), Pas de compensation pour connexité sans déclaration de créance, Recueil Dalloz, n°18 du 12 mai 2011, Actualité/droit des affaires, p. 1215. A propos de Com. 3 mai 2011.

³ Jean-Charles Depaule, Les mots de la stigmatisation urbaine, UNESCO, 2006, p. 142

⁴ Mazaud (H.), Essai de classification des obligations, RTC., 1936, 1.

⁵ Cass. 1ère Civ. 15.01.1991 – n°88–15.2860

⁶ Anne-Marie Leroyer, Droit des successions – 3e éd. Broché – 5 février 2014

⁷ Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition Harold J. Berman, Harvard, 1983 – p. 26

быть ясно выраженным – «*clairement extériorisé*», то есть тезаурусы контрагентов должны совпадать.

Эксплицитные и имплицитные сделки

Новая классификация позволяет разграничивать конклюдентные действия (*voire tacit, représentation implicite*) и реальные акты. Первые представляют собой обычные сделки и сделкоподобные действия, осуществляемые без привлечения письма или артикуляционного аппарата, тогда как вторые, если и совершаются человеком, являются обычным поведением пусть даже и волевым, и целеполагаемым. Если же речевой акт совершается не конклюдентными действиями, то форма его совершения обозначается во французском языке как «*représentation explicite*».

Индивидуальные и коллективные сделки

Следует отметить, что сделки могут быть как индивидуальными, так и коллективными (*acte juridique collectif*), которые в свою очередь могут быть актами консенсуса (например, сделки с множественностью лиц на стороне – «*contract collectif*», утверждение плана реструктуризации в банкротстве – «*concordat*») и большинства (например, решения собраний акционеров и дольщиков – «*décision majoritaire*»), в последнем случае волеизъявление, направленное на достижение правового эффекта, не требует абсолютного консенсуса волевых субъектов⁸. В российском правопорядке полным аналогом коллективной сделки, не требующей консенсуса, является решение собрания. И французский, и российский правопорядки указывают на то, что такие акты могут быть заключены только гражданско-правовым сообществом (*un ensemble de personne unis par une communauté d'intérêt ou impliquées par une action commune*)⁹. В пояснительной записке к реформе ФГК¹⁰ и законопроекте, разработанном Министерством Юстиции, была норма 1101–1¹¹, отдельно посвященная коллективным актам, однако законодатель отказался от позитивного закрепления, сочтя его излишним.

Требующие и не требующие восприятия сделки

Помимо деления сделок на односторонние и многосторонние, индивидуальные и коллективные (а внутри и на требующие и не требующие консенсуса), существует и другие. Так разделяют сделки, требующие восприятия (*acte receptice*) и не требующие такового. Как правило, если первые являются односторонними, то они характеризуются своей высокоперсонифицированностью, в силу чего они не могут быть заключены через представителя.

⁸ G. Roujou de Boubée, Essai sur l'acte juridique collectif Revue internationale de droit comparé Année 1963 Volume 15 Numéro 1 pp. 234–239

⁹ Rapp. supra, n°250

¹⁰ Rapport à Monsieur Pascal Clément Gardedes Sceaux, Ministère de la Justice 22 Septembre 2005, p.

–11

¹¹ Bénédicte Fauvarque-Cosson, Denis Mazeaud, European Contract Law Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules, Fondation, 2016, p. – 73

Также сделки, требующие восприятия, обладают тем свойством, что не могут быть проигнорированы третьими лицами (помимо выдачи доверенности и завещания).

Сделки, требующие дополнительных волеизъявлений

Сделки, требующие одобрения, – это такие речевые акты, которые совершаются только с учетом интересов каких-либо участников гражданского и торгового оборота или представителя власти (*acte qui s'oppose*). Эти сделки могут быть заключены лицами самостоятельно, однако совершаются только после восприятия и наличия согласия в форме либо разрешения (предварительного), либо одобрения (последующего).

Распорядительные сделки

Классификация по эффекту сделки, связанной с имущественной массой лица – «*patrimoine*», является весьма актуальной для права несостоятельности и урегулирования задолженности, согласно ей, выделяют:

- сохраняющие состав массы (*acte conservatoire*), то есть такие, которые создают обеспечение или направлены на обеспечение её и ценность массы, например, установление кредитором ипотеки (*hypothèque*) в свою пользу;
- уменьшающие состав массы (*acte de disposition*), направленные на уменьшение активов, то есть это сделка, по которой лицо является должником-распорядителем (например, перевод права собственности или принятие риска утраты вещи
- «*transfération*» и акт приема-передачи индивидуально определённой вещи – «*protocole de transfert*»).
- поддерживающие состав массы (*acte d'administration*), направленные на поддержание имущества в определённом состоянии, например, договор подряда для проведения косметического ремонта. Эти сделки не направлены на создание нового абсолютного права или перенос собственности, однако французский законодатель вслед за доктриной полагает, что передача владения должна происходить волевым образом, в связи с чем, следует защищать лицо, которое, например, в рамках договора страхования, поклажи или аренды, заблуждалось или было вынуждено обманом или силой передать вещь.

Вышеописанная классификация строится следующим образом: состав имущественной массы может либо меняться, либо оставаться постоянной. Если же он изменяется, то можно совершать действия, направленные либо на увеличение, либо на сохранение, либо на уменьшение. Разница между «*acte conservatoire*» и «*acte d'administration*» заключается в том, что первый гарантирует (в широком смысле слова) то, что масса будет постоянной.

Иные виды многосторонних сделок

Договоры же делятся на возмездные (*acte à titre onéreux*) и безвозмездные (*acte à titre gratuit*),

по смыслу эта классификация близка той, что воспринята в актуальной российской доктрине. Новая классификация содержит в себе и элементы преемственности с предыдущей, что проявляется в том, что доктрина разделяет сделки на те, что совершаются между существующими субъектами – «*acte entre vifs*» и совершающимися только при наступлении гражданской смерти физического лица или ликвидации некоторых юридических лиц – «*acte à cause de mort*», например, завещание, план распределения имущества, оставшегося после ликвидации фонда, (подобие завещания для юридического лица). Также выделяются алеаторные (*contract aléatoire*) и обычные договоры (*contrat commutatif*). Разница заключается в том, что из алеаторных сделок возникают такие обязательственные отношения, в рамках которых требование предоставления у одной сторон является не абсолютно вероятным, а возможным.

Значимой является также и дихотомия, основанная на таком критерии как возможность постановки сделки под условие (*condition*). В рамках теории обязательств изучаются сделки, которые находятся в разных зависимости от вида условия. Эта тема настолько обширна, что качественное её рассмотрение возможно только в работе монографического характера¹.

Выводы

В рамках компаративного анализа следует указать на то, что Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума № 25 от 23.05.2015 в пункте 50 уточняет, что сделкой является волеизъявление, а не действие, как это указано в ст. 153 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В этой интерпретации можно видеть желание судебной системы сузить понятие и уточнить классификацию оснований возникновения субъективных прав и обязанностей. Автор видит в этом также стремление к сближению с родственными европейскими правовыми порядками, которые уже достаточно давно оперируют более или менее общей новой терминологией. Так, например, итальянский правовой порядок и доктрина оперируют понятием «*negozio giuridico*» или «*l'atto giuridico*», которое также является волеизъявлением, направленным на достижение правового эффекта по возникновению, изменению или прекращению прав и обязанностей². Для обозначения же неречевого, то есть реального акта, используется термин «*fatto giuridico*». Аналогичная классификация была воспринята в бельгийском, австрийском, швейцарском, польском и многих других европейских правовых порядках.

¹ O. Remien, « Le nouveau régime des obligations conditionnelles (Commentaire allemand) », La réforme du droit des obligations en France, 5e journées franco-allemandes, dir. R. Schulze et alii, Société de législation comparée, 2015, p. 223.

² A. Torrente, P. Schlesinger, Manuale di diritto privato, Milano 2004, p.139.

Littérature

1. Yves Gaudemet, *Traité de Droit administratif* Tome 1 16e édition, 2001.
2. Pollard, C. and I. Sag 1994. *Head-driven phrase structure grammar*. Chicago: University of Chicago Press.
3. Arthur Schopenhauer: *Die Welt als Wille und Vorstellung*. Köln 1997, Erster Band, § 45.
4. Holenstein, E., *Roman Jakobson's Approach to Language: Phenomenological Structuralism*, Bloomington and London: Indiana University Press, 1975
5. Alston, William P.. *Illocutionary Acts and Sentence Meaning*. Ithaca: Cornell University Press. 2000, p.-104
6. J. L. Aubert, J. Flour, E. Savaux, *Droit civil: les obligations. L'acte juridique. Tome 1*, Sirey – Sirey université, 16e edition, parution: 10/2014
7. *The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size*. Tor Norretranders (1998).
8. Greco, G.M., Paronitti G., Turilli M., and Floridi L., 2005. *How to Do Philosophy Informationally. Lecture Notes on Artificial Intelligence 3782*, pp. 623–634.
9. *Philosophy of Language: The Central Topics* by Susana Nuccetelli, Gary Seay, J.L. Austin and Anthony Brueckner
10. Guy Héraud, *Pour un droit linguistique compare*, *Revue internationale de droit comparé* Année 1971 Volume 23 Numéro 2 pp. 309–330
11. Najjar (I.), *Le droit d'option, contribution à l'étude du droit potestatif et de l'acte unilatéral*, Paris, LGDJ, 1967.
12. S. Théron, *L'effet « déclaratif » d'un acte ou d'un jugement*, *AJDA* 2011, p. 45
13. Alba Negri, *Déclaration de volonté et acte d'exécution dans la théorie de l'acte juridique (Droits français et italien)*, *Revue internationale de droit comparé* Année 1983 Volume 35 Numéro 2 pp. 353–382
14. Mireille Bacache, *Traité de droit civil, Les obligations, la responsabilité civile extracontractuelle*, Tome 5, *Economica*, 2016
15. Jean-Louis Halpérin, *L'histoire de la fabrication du code*, Paris, Dalloz, 1992, p. 84
16. Martin de la Moutte, *L'acte juridique unilatéral*, thèse Toulouse, 1951.
17. N. Dissaux, « La représentation: notion », *Blog Réforme du droit des obligations*, dir. G. Chantepie et M. Latina, billet du 29 avr. 2015
18. Carbonnier (J.), *Droit civil.t. 1, – Les personnes: personnalité, incapacités, personnes morales*, 21e éd. refondue pour “Les personnes”; 17e éd. refondue pour “Les incapacités”, Paris, PUF, 2000.
19. Mazeaud (H.), *Leçons de droit civil. Tome IV, deuxième volume, Successions*, 5ème éd., Paris, Montchrestien, 1999
20. Encinas de Munagorri (R.), *L'acte unilatéral entre les parties au contrat*, thèse Paris X, 1994.
21. Martin de la Moutte (J.-J.), *L'acte juridique unilatéral*, Thèse Toulouse, LGDJ 1951.
22. Robert-Joseph Pothier, *Traité des obligations*, Cosse et Marchal, Paris, 1861, p. – 87
23. Fabre-Magnan (M.), *Droit des obligations, Contrat et engagement unilatéral*, 3e édition – Tome 1, Presses Universitaires de France – PUF., Collection: *Thémis-Droit*, 07/2012.
24. R. Demogue, *Traité des obligations en général*, t. I, Paris, 1923, n° 11.
25. J. Bonnacasse, *Supplement to the treaties Baudry Lacantinerie*, 1925, t. 2, n° 311
26. *Cours de droit civil français*, 2nd ed., Paris, 1936, t. 8, n° 14
27. J. Hauser, *Objectivisme and following objectivisme dans l'acte juridique*, *LGDJ* 1971, p. 29, n° 23.
28. Marty, P. Raynaud *Traité de droit civil*, t. 2 “les obligations”, vol. 1. 1962 and vol. 2 1965
29. *Droit civil, Les obligations*, T.1., *L'acte juridique*, 11e édition, Armand Colin 2004; T.2., *Le fait juridique*, 11e édition, Armand Colin, 2005; T.3.
30. France. *Assemblée nationale (1871–1942). Sénat, Annales du Sénat: Documents parlementaires. (Nouv. sér.)*, V. 63, Imprimerie du Journal officiel, 1918, p. – 314
31. Cass. civ. 1ère, 3 March 1988, D. 1988, Somm.p. 405, obs. J.-L. Aubert; *JCP G* 1989, II. 21313, obs. G. Virassamy; Cass. Civ. 2ème, 28 June 1995, D. 1996, Jur.p. 180, note J.-L. Mouralis; *RTD civ.* 1995. 397; Cass. Civ. 2ème, 26 October 2001,
32. Defrénois 2001. 693, obs. E. SAVAUX.
33. *Bull. Civ.*, Ch. Mixte, n° 4, p. 9.
34. Zavarro (M.), *L'Assurance et les garanties financières de la construction*, Paris, Litec, 1997. p.p. – 76–83
35. 1re Civ., 10 juin 1986, *Bull.*, I, n° 159. Cf. également, note grands arrêts, 11ème édition, tome 1, p. 63, point 5, in limine, et le commentaire cité.
36. Cour De Cassation, Chambre sociale, du 9 mai 1962, Publié au bulletin
37. Beignier (B.), *Nullité du testament authentique si le testateur ne l'a pas dicté au notaire en présence de témoins*, *Revue Droit de la famille* n°9, septembre 2011, *Commentaire* n°132, p. 31.
38. Cass. 13.11.69, RCJB
39. C. A. Versailles (6e Ch.), 31 mai 2005, *BICC* n°645 du 1er août 2006
40. Remery (J.-P.), *Délégation de pouvoirs et mandat*, *JCP* 1999, éd. G, I, 113.
41. Chambre commerciale 3 mai 2011 pourvoi n°10–16758, *BICC* n°748 du 1er octobre 2011, *Com.* – 20 février 2007, *BICC*
42. Lienhard (A.), *Pas de compensation pour connexité sans déclaration de créance*, *Recueil Dalloz*, n°18 du 12 mai 2011, *Actualité/droit des affaires*, p. 1215. A propos de *Com.* 3 mai 2011.
43. Jean-Charles Depaule, *Les mots de la stigmatisation urbaine*, UNESCO, 2006, p. 142
44. Mazeaud (H.), *Essai de classification des obligations*, *RTC.*, 1936, 1.
45. Cass. 1ère Civ. 15.01.1991 – n°88–15.2860
46. Anne-Marie Leroyer, *Droit des successions – 3e éd. Broché* – 5 février 2014

47. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition Harold J. Berman, Harvard, 1983 – p. 26
48. G. Roujou de Boubée, Essai sur l'acte juridique collectif Revue internationale de droit comparé Année 1963 Volume 15 Numéro 1 pp. 234–239
49. Rappr. supra, n°250
50. Rapport à Monsieur Pascal Clément Garde des Sceaux, Ministre de la Justice 22 Septembre 2005, p.-11
51. Bénédicte Fauvarque-Cosson, Denis Mazeaud, European Contract Law Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules, Fondation, 2016, p. – 73
52. O. Remien, « Le nouveau régime des obligations conditionnelles (Commentaire allemand) », La réforme du droit des obligations en France, 5e journées franco-allemandes, dir. R. Schulze et alii, Société de législation comparée, 2015, p. 223.
53. A. Torrente, P. Schlesinger, Manuale di diritto privato, Milano 2004, p.139.

THE DEVELOPMENT OF THE THEORY OF TRANSACTIONS IN FRENCH LAW

Iontsev M.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Legal Support Center for Digitalization in the Financial Market (as a Department) of the Legal Department of Bank of Russia

“Only those who have questions can have knowledge” is a phrase belonging to Henry Ford that changed my life and approach to the visible. Sometimes the smooth, clean white canvas of the doctrine, woven from convincing and indestructible answers, thrills and makes you admire yourself for a long time, convincing you more and more of your perfection; however, the incredible beauty and longing that this snow-white landscape evokes often cannot conquer the hearts of “beginners” who are afraid of completeness. A blank sheet attracts them, but not by its whiteness, but by the ability to apply a pattern and color. Similarly, in France in the thirties of the last century, the snow-white field of perfect legal doctrine of legal facts honorably became a canvas in the hands of young talented civilists. In this article, the author makes no more than a modest attempt to describe the process of creating a new classification of the grounds for the emergence of subjective rights and obligations. The author will use the terminology proposed by structural linguistics, French legal and philosophical doctrines, in order to avoid violating the formal logical law of identity.

Keywords: rights, duties, transactions, classification, philosophical doctrine, French law.

References

1. Yves Gaudemet, Traité de Droit administratif Tome 1 16e édition, 2001.
2. Pollard, C. and I. Sag 1994. Head-driven phrase structure grammar. Chicago: University of Chicago Press.
3. Arthur Schopenhauer: Die Welt als Wille und Vorstellung. Köln 1997, Erster Band, § 45.
4. Holenstein, E., Roman Jakobson's Approach to Language: Phenomenological Structuralism, Bloomington and London: Indiana University Press, 1975
5. Alston, William P.. Illocutionary Acts and Sentence Meaning. Ithaca: Cornell University Press. 2000, p.-104
6. J. L. Aubert, J. Flour, E. Savaux, Droit civil: les obligations. L'acte juridique. Tome 1, Sirey – Sirey université, 16e édition, parution: 10/2014
7. The User Illusion: Cutting Consciousness Down to Size. Tor Norretranders (1998).
8. Greco, G.M., Paronitti G., Turilli M., and Floridi L., 2005. How to Do Philosophy Informationally. Lecture Notes on Artificial Intelligence 3782, pp. 623–634.
9. Philosophy of Language: The Central Topics by Susana Nuccetelli, Gary Seay, J.L. Austin and Anthony Brueckner
10. Guy Héraud, Pour un droit linguistique compare, Revue internationale de droit comparé Année 1971 Volume 23 Numéro 2 pp. 309–330
11. Najjar (I.), Le droit d'option, contribution à l'étude du droit potestatif et de l'acte unilatéral, Paris, LGDJ, 1967.
12. S. Théron, L'effet « déclaratif » d'un acte ou d'un jugement, AJ-DA 2011, p. 45
13. Alba Negri, Déclaration de volonté et acte d'exécution dans la théorie de l'acte juridique (Droits français et italien), Revue internationale de droit comparé Année 1983 Volume 35 Numéro 2 pp. 353–382
14. Mireille Bacache, Traité de droit civil, Les obligations, la responsabilité civile extracontractuelle, Tome 5, Economica, 2016
15. Jean-Louis Halpérin, L'histoire de la fabrication du code, Paris, Dalloz, 1992, p. 84
16. Martin de la Moutte, L'acte juridique unilatéral, thèse Toulouse, 1951.
17. N. Dissaux, « La représentation: notion », Blog Réforme du droit des obligations, dir. G. Chantepie et M. Latina, billet du 29 avr. 2015
18. Carbonnier (J.), Droit civil.t. 1, – Les personnes: personnalité, incapacités, personnes morales, 21e éd. refondue pour “Les personnes”; 17e éd. refondue pour “Les incapacités”, Paris, PUF, 2000.
19. Mazeaud (H.), Leçons de droit civil. Tome IV, deuxième volume, Successions, 5ème éd., Paris, Montchrestien, 1999
20. Encinas de Munagorri (R.), L'acte unilatéral entre les parties au contrat, thèse Paris X, 1994.
21. Martin de la Moutte (J.-J.), L'acte juridique unilatéral, Thèse Toulouse, LGDJ 1951.
22. Robert-Joseph Pothier, Traité des obligations, Cosse et Marchal, Paris, 1861, p. – 87
23. Fabre-Magnan (M.), Droit des obligations, Contrat et engagement unilatéral, 3e édition – Tome 1, Presses Universitaires de France – PUF., Collection: Thémis-Droit, 07/2012.
24. R. Demogue, Traité des obligations en général, t. I, Paris, 1923, n° 11.
25. J. Bonnecasse, Supplement to the treaties Baudry Lacantinerie, 1925, t. 2, n° 311
26. Cours de droit civil français, 2nd ed., Paris, 1936, t. 8, n° 14
27. J. Hauser, Objectivisme and following objectivisme dans l'acte juridique, LGDJ 1971, p. 29, n° 23.
28. Marty, P. Raynaud Traité de droit civil, t. 2 “les obligations”, vol. 1. 1962 and vol. 2 1965
29. Droit civil, Les obligations, T.1., L'acte juridique, 11e édition, Armand Colin 2004; T.2., Le fait juridique, 11e édition, Armand Colin, 2005; T.3.
30. France. Assemblée nationale (1871–1942). Sénat, Annales du Sénat: Documents parlementaires. (Nouv. sér.), V. 63, Imprimerie du Journal officiel, 1918, p. – 314
31. Cass. civ. 1ère, 3 March 1988, D. 1988, Somm.p. 405, obs. J.-L. Aubert; JCP G 1989, II. 21313, obs. G. Virassamy; Cass. Civ. 2ème, 28 June 1995, D. 1996, Jur.p. 180, note J.-L. Mouralis; RTD civ. 1995. 397; Cass. Civ. 2ème, 26 October 2001,
32. Defrénois 2001. 693, obs. E. SAVAUX.
33. Bull. Civ., Ch. Mixte, n° 4, p. 9.
34. Zavarro (M.), L'Assurance et les garanties financières de la construction, Paris, Litec, 1997. p.p. – 76–83
35. 1re Civ., 10 juin 1986, Bull., I, n° 159. Cf. également, note grands arrêts, 11ème édition, tome 1, p. 63, point 5, in limine, et le commentaire cité.
36. Cour De Cassation, Chambre sociale, du 9 mai 1962, Publié au bulletin
37. Beignier (B.), Nullité du testament authentique si le testateur ne l'a pas dicté au notaire en présence de témoins, Revue Droit de la famille n°9, septembre 2011, Commentaire n°132, p. 31.
38. Cass. 13.11.69, RCJB
39. C. A. Versailles (6e Ch.), 31 mai 2005, BICC n°645 du 1er août 2006
40. Remery (J.-P.), Délégation de pouvoirs et mandat, JCP 1999, éd. G, I, 113.

41. Chambre commerciale 3 mai 2011 pourvoi n°10-16758, BICC n°748 du 1er octobre 2011, Com. – 20 février 2007, BICC
42. Lienhard (A.), Pas de compensation pour connexité sans déclaration de créance, Recueil Dalloz, n°18 du 12 mai 2011, Actualité/droit des affaires, p. 1215. A propos de Com. 3 mai 2011.
43. Jean-Charles Depaule, Les mots de la stigmatisation urbaine, UNESCO, 2006, p. 142
44. Mazeaud (H.), Essai de classification des obligations, RTC., 1936, 1.
45. Cass. 1ère Civ. 15.01.1991 – n°88-15.2860
46. Anne-Marie Leroyer, Droit des successions – 3e éd. Broché – 5 février 2014
47. Law and Revolution: The Formation of the Western Legal Tradition Harold J. Berman, Harvard, 1983 – p. 26
48. G. Roujou de Boubée, Essai sur l'acte juridique collectif Revue internationale de droit comparé Année 1963 Volume 15 Numéro 1 pp. 234-239
49. Rappr. supra, n°250
50. Rapport à Monsieur Pascal Clément Garde des Sceaux, Ministre de la Justice 22 Septembre 2005, p.-11
51. Bénédicte Fauvarque-Cosson, Denis Mazeaud, European Contract Law Materials for a Common Frame of Reference: Terminology, Guiding Principles, Model Rules, Fondation, 2016, p. – 73
52. O. Remien, « Le nouveau régime des obligations conditionnelles (Commentaire allemand) », La réforme du droit des obligations en France, 5e journées franco-allemandes, dir. R. Schulze et alii, Société de législation comparée, 2015, p. 223.
53. A. Torrente, P. Schlesinger, Manuale di diritto privato, Milano 2004, p.139.

Роль наднациональных органов ЕАЭС в создании и функционировании общего финансового рынка

Меджитов Тамерлан Ваитович,

аспирант кафедры административного и финансового права
юридического института РУДН
E-mail: tamerlan.medzhitov@gmail.com

Процессы формирования общего финансового рынка в рамках интеграционных объединений требуют не только создания надлежущей нормативно-правовой базы международного или наднационального характера, но и формирования эффективной системы управления таким рынком, где важная роль отводится не только национальным регуляторам, но и специализированным наднациональным институтам. В условиях углубления евразийской интеграции в финансово-экономической сфере актуализируется вопрос учреждения в ближайшей перспективе наднационального органа, в чьи функции будет входить регулирование общего финансового рынка. В настоящей статье оцениваются возможные модели организации такого органа (в том числе, с учетом опыта Европейского союза), рассматриваются перспективы его функций, полномочий, рамок взаимодействия с другими органами ЕАЭС и национальными регуляторами государств – членов ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, евразийская интеграция, общий финансовый рынок, рынок ценных бумаг, страховой рынок, рынок банковских услуг, наднациональность, финансовое регулирование, финансовые услуги.

Активно идущие в настоящее время процессы формирования общего финансового рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) сегодня осуществляются на основе двух ключевых актов: это Договор о ЕАЭС [1] в части, регулирующей создание общего финансового рынка (Раздел XVI «Регулирование финансовых рынков» Договора о ЕАЭС; ст. 103 Договора о ЕАЭС; Протокол по финансовым услугам, оформленный в виде Приложения № 17 к Договору о ЕАЭС), а также Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС, утвержденная 1 октября 2019 г. (далее – Концепция) [2], которая была разработана во исполнение обязательств государств-членов, взятых в рамках Договора о ЕАЭС. Помимо непосредственно сближения национального законодательства о финансовых рынках, в рамках евразийской интеграции уже на уровне первичного права предусматривается более отдаленная перспектива – создание наднационального органа, который будет осуществлять управление на общем финансовом рынке (далее – ОФР).

Так, в ст. 103 Договора о ЕАЭС говорится, что для целей «согласованного регулирования финансовых рынков» государства-члены Союза сначала осуществят гармонизацию своего финансового законодательства (прямо указывается срок – 2025 г.), после чего «примут решение о полномочиях и функциях наднационального органа», и создадут его для регулирования общего финансового рынка ЕАЭС в г. Алматы.

В.М. Шумилов справедливо указывает, что в региональных объединениях экономической интеграции наиболее оптимально применять модель субординации, предполагающую наличие единого (а потому – наднационального) органа и единых (или максимально сближенных, гармонизированных) стандартов и условий, по которым будут функционировать слагаемые ОФР – национальные финансовые рынки государств-членов ЕАЭС [3, с. 35]. Разумеется, это невозможно без создания единого правового пространства, и единый управленческий центр в виде наднационального органа является необходимым звеном в данном процессе.

Именно данная Концепция сегодня служит стратегической основой для создания нормативной базы, регулирующей банковский, страховой сектора и рынок ценных бумаг в рамках Союза (в совокупности образующих финансовый рынок). В рамках данной Концепции выделяется сразу несколько важных направлений, которые требуют наличия полноценной системы наднационального управления (регулирование общего финансового рын-

ка, формирование общего платежного и биржевого пространства, гармонизация законодательства государств-членов ЕАЭС о финансовых рынках, надзор за деятельностью участников общего финансового рынка и т.п.). Здесь же предусматривается и создание интересующего нас в рамках настоящей статьи наднационального органа.

Тем не менее, как подчеркивается в литературе, из-за трудностей в согласовании национальных интересов государств-членов ЕАЭС в финансовой сфере, Концепция закрепляет лишь самые общие направления построения общего финансового рынка и пока содержит «очень мало чётких, конкретных правил и ориентиров» [4, с. 127]. Эти же соображения применимы и к тому, каким образом авторы Концепции описывают состав и полномочия наднационального органа.

Во-первых, Концепция ориентирует государства-члены на заключение отдельного международного договора, в котором будут четко определены функции и полномочия наднационального органа. Тем не менее, заранее оговаривается, что с целью сохранения государственного суверенитета наднациональному органу не будут передаваться традиционные для национальных регуляторов функции – регистрация финансовых организаций, их лицензирование, регулирование их операционной деятельности, надзор. Уже здесь заметно, что возможности наднационального органа будут серьезно ограничены по сравнению с аналогичными структурами, которые действуют сегодня в рамках Евросоюза с надзорными целями и целями единого макро– и микропруденциального регулирования (ESRB, EBA, EIOPA, ESMA) [5, с. 17].

Именно поэтому в Концепции дополнительно оговаривается, что учреждение наднационального органа никоим образом не умаляет роли национальных регуляторов и их центральных банков. Учитывая, что в контексте евразийской интеграции проблема создания валютного и банковского союза всегда была чувствительной темой для ряда ее участников, думается, что подобные оговорки здесь неслучайны: именно государства сохраняют контроль над проведением самостоятельной денежно-кредитной политики; они свободны в выборе мер по обеспечению финансовой стабильности, созданию условий для допуска хозяйствующих субъектов к финансовому рынку, организации системы надзора в различных секторах финансового рынка [6, с. 64].

Во-вторых, в Концепции прямо оговорена независимость, организационная, функциональная и ресурсная автономия наднационального органа как от национальных регуляторов государств-членов, так и от любых других их органов, а также органов самого ЕАЭС (подотчетен данный орган лишь ВЕЭС). Указывается, что такая независимость применима к реализации полномочий наднационального органа, которые закреплены за ним в тексте международного договора. Впрочем, на наш взгляд, полная автономия фактически вряд ли будет осуществима: как показывает опыт

Евросоюза, наднациональные органы в сфере финансовых рынков реализуют значительную часть своих полномочий в тесном сотрудничестве с государственными и общесоюзными органами.

В-третьих, в Концепции очерчивается круг вопросов, касающихся непосредственной организации наднационального органа: установлено, что международный договор должен определить его структуру, зафиксировать требования к его должностным лицам, отразить процедуры принятия решений, предусмотреть механизмы финансирования деятельности и т.п. Примечательно, что и по вопросу функций и полномочий наднационального органа Концепция, с одной стороны, отсылает к тексту будущего международного договора, но с другой стороны, прямо и четко перечисляет шесть его полномочий:

- анализ законодательства государств-членов в сфере финансового сектора на предмет соответствия международным стандартам;
- разработка рекомендаций по внедрению международных стандартов и принципов в сфере финансового рынка, в том числе в целях гармонизации законодательства государств-членов в финансовой сфере, и мониторинг их имплементации;
- сотрудничество с международными организациями и регуляторами финансового рынка;
- представление интересов государств-членов на международных площадках в сфере финансового рынка с сохранением у регуляторов финансового рынка государств-членов полномочий для осуществления сотрудничества с международными организациями и другими регуляторами финансового рынка;
- анализ текущего состояния финансовых рынков государств-членов;
- ведение единого информационного реестра субъектов общего финансового рынка на основании сведений, полученных от регуляторов финансового рынка государств-членов.

Как указывается в литературе, эти полномочия пока сформулированы в Концепции недостаточно конкретно, поскольку четыре из них относятся к сфере международного сотрудничества: здесь можно увидеть стремление разработчиков данного акта следовать передовым стандартам в области регулирования различных секторов финансового рынка, которые сегодня принимаются международными организациями [7, с. 100]. Восприятие этих стандартов в государствах-членах ЕАЭС на сегодняшний день серьезно различается, однако в идеале наднациональный орган должен способствовать тому, чтобы финансовый рынок Союза функционировал по правилам, принятым в глобализирующемся мире. Возможно, как предлагают А.В. Табах и А.В. Подругина, скорейшая гармонизация законодательства в сфере финансового рынка на основе международных стандартов должна выступать в качестве обязательного условия при присоединении новых государств-членов ЕАЭС [4, с. 129].

Принципиально важно, что уже в тексте Концепции прямо указывается: «по мере углубления финансовой интеграции и перехода к более продвинутой стадиям формирования ОФР государствами-членами будет рассмотрен вопрос о расширении полномочий наднационального органа». Здесь не раскрывается, какой конкретно уровень финансовой интеграции должен быть достигнут для этого, однако можно предположить, что с неизбежностью расширение компетенции наднационального органа произойдет в случае образования валютного союза в рамках ЕАЭС.

Из анализа текста указанных выше нормативно-правовых актов вытекает, что к 2025 г. будет сформулирована комплексная система управления общим финансовым рынком ЕАЭС, которая включает в себя на нижнем уровне национальных регуляторов государств-членов, а также все ключевые наднациональные органы ЕАЭС (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Структура управления общим финансовым рынком ЕАЭС¹

ВЕЭС	<ul style="list-style-type: none"> • стратегия, направления, перспективы формирования и развития интеграции финансовых рынков • утверждение бюджета ЕАЭС • определение порядка осуществления международного сотрудничества в сфере ОФР • принятие решений о переговорах с третьей стороной от имени ЕАЭС в сфере ОФР
Межправсовет	<ul style="list-style-type: none"> • реализация и контроль за исполнением актов права ЕАЭС в сфере ОФР
ЕЭК	<ul style="list-style-type: none"> • обеспечение условий функционирования и развития ЕАЭС; • выработка предложений в сфере финансовой интеграции
Суд ЕАЭС	<ul style="list-style-type: none"> • единообразное применение международных договоров в рамках ЕАЭС и решений органов ЕАЭС; • рассмотрение споров, вытекающих из отношений на ОФР
Наднациональный орган по регулированию финансового рынка	<ul style="list-style-type: none"> • анализ законодательства государств-членов в сфере ОФР • выработка рекомендаций по согласованной политике в области финансового регулирования • сотрудничество с государственными органами стран-членов ЕАЭС и международными структурами • представление интересов ЕАЭС в отношениях с третьими сторонами • ведение единого информационного реестра субъектов ОФР
Регуляторы финансового рынка государств-членов	<ul style="list-style-type: none"> • денежно-кредитная политика • обеспечение финансовой стабильности • допуск участников на финансовые рынки • надзор в различных секторах финансового рынка

Несмотря на важность системного взаимодействия между всеми звеньями указанного механизма, ключевую роль в наднациональном управлении

играет именно специализированный орган, который, исходя из логики и смысла Договора о ЕАЭС и Концепции, должен быть наделен наиболее значимыми нормотворческими и исполнительными полномочиями в сфере регулирования ОФР.

Несмотря на то, что на сегодняшний день в открытом доступе отсутствуют конкретные наработки по проекту международного соглашения ЕАЭС о наднациональном органе, можно предположить, что с содержательной точки зрения в данном соглашении будут отражены следующие блоки норм:

- статус, цели, задачи и полномочия наднационального органа;
- порядок формирования органов управления и финансирования наднационального органа (включая правила о квотировании);
- обязанности национальных регуляторов по предоставлению информации и содействию наднациональному органу;
- механизмы разрешения споров и координации действий с другими органами ЕАЭС, а также государственными органами стран-членов ЕАЭС в кризисных ситуациях;
- положения о создании единой информационной платформы, которая позволит обеспечить прозрачность и доступность информации, что будет способствовать более эффективному надзору и регулированию общего финансового рынка ЕАЭС;
- ответственность за нарушение единых стандартов и правил регулирования.

Также в международном договоре может быть указано, какие изменения должны будут внести государства-члены в свое национальное законодательство для обеспечения обязательств по этому договору.

Р.А. Касьянов, анализируя опыт ЕС по созданию наднациональной системы управления финансовыми рынками, указывает, что на ранних стадиях финансовой интеграции в ЕАЭС может существовать один наднациональный орган, внутри которого по секторальному принципу будут выделены специализированные комитеты или рабочих групп, которые будут заниматься конкретными аспектами регулирования банковского, страхового сектора, а также рынка ценных бумаг [8, с. 96]. Такой подход позволит обеспечить более глубокую экспертизу и лучшее понимание специфики каждого сектора, что в свою очередь повысит качество принимаемых решений в сфере ОФР. Впрочем, на первых этапах функционирования наднационального органа более вероятной видится работа лишь одного комитета, наделенного преимущественно консультативными функциями, включая функцию макроэкономического мониторинга [8, с. 97].

Тем не менее, на более поздних этапах интеграции, когда наднациональному органу будут предоставлены нормотворческие полномочия (поскольку принятие собственных актов финансового права ЕАЭС будет объективно необходимо в условиях динамичного развития ОФР) и начнется полноценное управление отношениями на данном

¹ Составлено автором по материалам сайта ЕЭК

рынке, будет полезна организация трех отдельных комитетов, каждый из которых будет компетентен в определенном секторе ОФР. Для организации их деятельности может быть полезен опыт европейских надзорных агентств (ESAs) в части сближения практики финансового надзора и контроля в государствах-членах ЕАЭС, что можно осуществлять посредством разработки руководящих принципов, адресованных национальным регуляторам, финансовым учреждениям или другим участникам финансового рынка, а также посредством координации регулярно проводимых обзоров практики осуществления надзора.

В дальнейшем к компетенции таких комитетов внутри наднационального органа должны быть отнесены надзорные функции, связанные с возможностью принимать обязательные решения в отношении конкретных субъектов финансовых правоотношений. Такие обязательные решения могут быть приняты в случае чрезвычайных ситуаций, связанных с серьезной дестабилизацией финансовых рынков.

Важно, что данные комитеты должны состоять из представителей национальных регуляторов: лишь в этом случае снизятся риски, связанные с суверенными правами государств-членов в сфере их финансовой политики. Разумеется, при осуществлении надзорных функций, комитеты наднационального органа не должны выходить за рамки того, что необходимо для достижения целей, определенных в Договоре ЕАЭС и других актах Союза. Они должны действовать пропорционально характеру, масштабу и сложности рисков, присущих финансовой деятельности конкретного финансового учреждения [9, р. 31].

Учитывая, что в рамках ЕАЭС сочетается межгосударственный и наднациональный подходы к управлению, а регулирование финансовых рынков по сути является сферой совместного ведения государств-членов и Союза, следует заранее регламентировать вопросы взаимодействия между национальными регуляторами и наднациональным органом. На первых этапах функционирования общего финансового рынка такое взаимодействие, как можно предположить, будет носить, скорее, информационно-консультационный характер, однако, учитывая дальнейшее углубление интеграции и расширение полномочий наднационального органа важно заранее проработать разные варианты этого взаимодействия.

Во-первых, при разработке унифицированных стандартов и правил регулирования финансового рынка (в части, в которой это будет предусмотрено международным договором) важно распределить полномочия следующим образом: наднациональный орган будет разрабатывать и утверждать такие стандарты (на основе международных актов в это сфере), тогда как национальные регуляторы будут участвовать в данном процессе через представителей в органах управления наднационального органа.

Во-вторых, необходимо четко отладить процессы обмена информацией и данными о состоянии финансового рынка. Национальные регуляторы должны быть обязаны в силу соответствующего международного договора предоставлять наднациональному органу регулярную отчетность и данные о финансовых институтах и операциях на своей территории. Наднациональный орган, в свою очередь, должен анализировать полученную информацию, выявляя риски и тенденции развития ОФР ЕАЭС. Результаты такого анализа впоследствии должны быть доведены до сведения национальных регуляторов и использоваться для выработки согласованной политики. Таким образом, в данном аспекте взаимодействие будет осуществляться с целью макропруденциального надзора, выявления системных рисков для финансовой системы ЕАЭС.

В-третьих, взаимодействие должно быть отлажено и в сфере надзора за соблюдением единых стандартов и правил, принятых на ОФР. Соответствующее полномочия в перспективе может осуществлять наднациональный орган (в лице своих «секторальных» комитетов); объектами надзора в данном случае могут быть финансовые учреждения, осуществляющие свою деятельность на территории сразу нескольких государств-членов ЕАЭС. При этом национальные регуляторы будут осуществлять надзорные функции в отношении всех прочих финансовых учреждений, действуя в соответствии с едиными стандартами ОФР ЕАЭС. Наднациональный орган в этой части может быть наделен правом проводить инспекции и запрашивать информацию у национальных регуляторов в случае, если возникает такая необходимость.

В-четвертых, международным соглашением должен быть предусмотрен и механизм разрешения споров между участниками финансового рынка. В задачи наднационального органа, на наш взгляд, должно входить создание правового механизма досудебного урегулирования споров между финансовыми учреждениями из разных государств-членов ЕАЭС. Решения наднационального органа по таким спорам должны быть обязательными для исполнения национальными регуляторами, которые, в свою очередь, должны оказывать содействие в исполнении решений наднационального органа.

Наконец, взаимодействие следует отлаживать в части координации действий в кризисных ситуациях (как это было сделано в ЕС после финансового кризиса 2008–2009 гг.). Наднациональный орган должен разрабатывать планы действий в случае возникновения системных рисков и кризисных ситуаций на финансовом рынке ЕАЭС, для чего национальные регуляторы будут предоставлять всю необходимую информацию и оказывать содействие наднациональному органу в практической реализации разработанных антикризисных мер. Кроме того, наднациональный орган должен иметь право рекомендовать национальным регуляторам применение определенных мер в отношении фи-

нансовых учреждений, если такие меры направлены на управление системными рисками.

Выводы

Таким образом, несмотря на ключевую роль национальных регуляторов в проведении финансовой политики государств-членов ЕАЭС, в Договоре о ЕАЭС и других правовых актах прямо предусматривается создание наднационального органа, ответственного за регулирование и управление на общем финансовом рынке Союза – причем такой орган должен быть создан уже в 2025-м году, после завершения гармонизации законодательства государств-членов ЕАЭС в сфере финансовых рынков. В числе основных этапов формирования наднационального органа можно выделить разработку правовой основы его функционирования (заключение соответствующего международного договора, который станет частью права ЕАЭС), определение структуры, задач, полномочий, механизмов финансирования и ответственности, а также установление порядка информационного взаимодействия между всеми субъектами управления общим финансовым рынком (как наднационального, так и национального уровня).

Можно утверждать, что на ранних этапах функционирования наднационального органа его функции будут ограничиваться содействием гармонизации финансового законодательства, ведением специализированных информационных реестров и систем, взаимодействием с третьими странами и международными организациями, однако в перспективе желательным видится передача ему дополнительных полномочий в области нормотворчества и надзора за субъектами, действующими на ОФР.

При организации конкретных комитетов внутри наднационального органа можно учитывать «секторальный» подход, выработанный в рамках ЕАЭС с двухуровневой системой макропруденциального (системные риски) и микропруденциального надзора (текущая деятельность трех надзорных ведомств в сфере банковских, страховых услуг, а также рынка ценных бумаг). В целях исключения противоречий между суверенитетом государств-членов ЕАЭС в сфере финансовой политики и целями финансовой интеграции ЕАЭС (построения ОФР) важно заблаговременно продумать механизмы взаимодействия между наднациональным органом и национальными регуляторами.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29.05.2014 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 16.01.2015, N 0001201501160013
2. Концепция формирования общего финансового рынка ЕАЭС. Принята Решением ВЕЭС 1 октября 2019 г. [Электронный ресурс]. URL:

<https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf> (дата обращения: 14.08.2024)

3. Шумилов В.М. Международное экономическое право: учебник для магистров. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016.
4. Табах А.В., Подругина А.В. Наднациональное мегарегулирование: зарубежный опыт и перспективы ЕАЭС // Вестник Московского Университета. Сер. 6. Экономика. 2015. № 4.
5. Котляров М.А., Платонов С.Р., Рыкова И.Н. Формирование финансовых надзорных органов ЕАЭС: адаптация европейского опыта // Финансовый журнал. 2015. № 3.
6. Алексеенкова А. ЕАЭС к 2025 г.: приоритеты и ожидания государств-членов. Рабочая тетрадь РСМД: спецвыпуск. 2017.
7. Касьянов Р.А., Толстопятенко Г.П. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС. М.: МГИМО, 2021.
8. Касьянов Р.А. Регулирование рынка финансовых услуг по праву ЕС и ЕАЭС. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2020.
9. Marjosola H. Shadow Rulemaking: Governing Regulatory Innovation in the EU Financial Markets. Cambridge University Press, 2022.

THE ROLE OF SUPRANATIONAL BODIES OF THE EAEU IN THE CREATION AND FUNCTIONING OF THE COMMON FINANCIAL MARKET

Mejotov T.V.

Law Institute of Peoples' Friendship University of Russia

The processes of forming a common financial market within the framework of integration associations require not only the creation of an appropriate regulatory framework of an international or supranational nature, but also the formation of an effective system for managing such a market, where an important role is assigned not only to national regulators, but also to specialized supranational institutions. In the context of deepening Eurasian integration in the financial and economic sphere, the issue of establishing a supranational body in the near future, whose functions will include regulating the common financial market, is becoming relevant. This article assesses possible models for organizing such a body (including taking into account the experience of the European Union), considers the prospects for its functions, powers, and framework for interaction with other EAEU bodies and national regulators of the EAEU member states.

Keywords: EAEU, Eurasian integration, common financial market, securities market, insurance market, banking services market, supranationality, financial regulation, financial services.

References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union. Signed in Astana on 29.05.2014 // Official Internet portal of legal information www.pravo.gov.ru, 16.01.2015, N 0001201501160013
2. Concept of formation of the common financial market of the EAEU. Adopted by the Decision of the Supreme Eurasian Economic Council on October 1, 2019 [Electronic resource]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/ddd/Kontseptsiya-OFR.pdf> (date of access: 14.08.2024)
3. Shumilov V.M. International economic law: textbook for masters. 6th ed., revised. and additional. M.: Yurait, 2016.
4. Tabakh A.V., Podrugina A.V. Supranational Mega-Regulation: Foreign Experience and Prospects of the EAEU // Moscow University Bulletin. Series 6. Economy. 2015. No. 4.
5. Kotlyarov MA, Platonov SR, Rykova IN Formation of Financial Supervisory Bodies of the EAEU: Adaptation of European Experience // Financial Journal. 2015. No. 3.

6. Alekseenkova A. The EAEU by 2025: Priorities and Expectations of Member States. RIAC Working Notebook: Special Issue. 2017.
7. Kasyanov RA, Tolstopiatenko GP Regulation of the Financial Services Market under the Law of the EU and the EAEU. Moscow: MGIMO, 2021.
8. Kasyanov RA Regulation of the Financial Services Market under the Law of the EU and the EAEU. Diss. Cand. of Law. M., 2020.
9. Marjosola H. Shadow Rulemaking: Governing Regulatory Innovation in the EU Financial Markets. Cambridge University Press, 2022.

Международное сотрудничество по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем

Рахманов Роман Арсланович,

аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: roma.r1108@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности международного сотрудничества по противодействию легализации доходов, полученных преступным путем. Криминальные финансовые потоки, проникающие в легальную экономику, несут в себе разрушительный потенциал для всего общества. Масштабы проблемы многократно увеличиваются, когда нелегальные доходы проникают в международную финансовую систему. Выявлять и предотвращать подобные случаи возможно с помощью всестороннего и скоординированного международного сотрудничества, а также с помощью организаций и специально созданных групп, имеющих полномочия по предотвращению отмыванию доходов полученных преступным путем. Когда деньги от нелегальной деятельности и налоговых махинаций вливаются в официальный оборот, это приводит к серьезным социально-экономическим последствиям. Особенно опасным становится искажение рыночных процессов и рост инфляции, а также постепенное проникновение криминала в торговую и производственную сферы. В фокусе внимания находятся современные международные инструменты борьбы с финансированием террористической деятельности и отмыванием криминальных доходов в международном масштабе.

Ключевые слова: легализация, доход, международное сотрудничество, мошенничество.

Введение

В современном мире незаконные финансовые операции и отмывание преступных доходов представляют серьезную угрозу, особенно когда они охватывают несколько государств одновременно. Именно поэтому в наши дни особое внимание уделяется межгосударственному взаимодействию контролирующих органов в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (далее ПОД/ФТ). Процессы экономической интеграции и развитие международных отношений в XXI веке существенно повлияли на методы и способы отслеживания финансовых транзакций, сделав их более комплексными и технологичными [1].

Цель исследования – рассмотрение особенностей международного сотрудничества в сфере ПОД/ФТ.

Материалы и методы исследования

Общенаучные методики познания: анализ, синтез, обобщение, сравнение, систематизация.

Результаты исследования. Борьба с ПОД/ФТ требует активного взаимодействия между странами. Компетентные органы Российской Федерации (РФ) участвуют в международных соглашениях, становясь стороной существующих договоров или заключая новые. Такая деятельность регламентируется специальным Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма». Контрольные мероприятия в рамках международной кооперации проводятся на различных этапах, начиная со сбора информации. Эффективное достижение целей, поставленных законодательством в сфере ПОД/ФТ, во многом зависит от качества межгосударственного взаимодействия уполномоченных органов России. Судебные решения подлежат исполнению после завершения процесса, включающего сбор данных, следственные действия и рассмотрение дела в суде [4].

Многочисленные страны, включая государства Центральной Азии, Ближнего Востока, Европы, а также Соединенные Штаты Америки (США), Южно-Африканскую Республику (ЮАР) и Индию, объединяют усилия в борьбе с финансовыми аспектами афганского наркобизнеса. Под эгидой УНП (управление по наркотикам и преступности) ООН международное сообщество, руководствуясь принципами Парижского пакта (Венская декларация),

занимается детальным анализом и картографированием денежных потоков наркоторговли из Афганистана. Различные международные структуры, в первую очередь Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег Financial Action Task Force, FATF (ФАТФ), проводят углубленные исследования финансовых механизмов [3].

ФАТФ осуществляет выработку мер по борьбе с ОД/ФТ, проверяет соответствие практики применения этих мер в других странах, а также соответствие национального законодательства рекомендуемым ФАТФ методикам. Также ФАТФ занимается мониторингом текущей финансовой ситуации в особо проблемных регионах, где выявляется активность преступной деятельности в денежной эмиссионной сфере и многими другими направлениями, которые обеспечивают комплексную систему по борьбе с ОД/ФТ.

Отдельно стоит отметить важную роль Интерпола, который координирует расследования как на международном, так и на национальном уровнях для предотвращения международной организованной преступности.

В современном мире противодействие наркобизнесу требует тесной международной кооперации, что подтверждает успешный опыт операции «Канал». Особенно это важно, учитывая, что пути перемещения наркотиков не совпадают с направлениями денежных переводов от их реализации. Преступники активно осваивают новые технологии, используя криптовалюты и онлайн-платежи через интернет для маскировки финансовых операций. Полученные от наркоторговли средства перенаправляются через специальные финансовые прослойки, которые служат промежуточными пунктами в схемах отмывания денег. Эти центры принимают нелегальные доходы из стран-потребителей наркотиков и обеспечивают их дальнейшее распределение. В операции приняли участие многие государства, включая США, Турцию, Польшу, Нидерланды, а также страны входящие в состав ОДКБ – Армения, Казахстан, Беларусь. Эффективность взаимодействия на международном уровне подтвердилась успешным выявлением финансовых схем наркоторговли. Интеграция усилий финансовых разведок стран-участниц ЕАГ и ОДКБ, включая Пенсионный фонд России и силовые структуры, позволила достичь значительных результатов [3].

В области борьбы с ОД/ФТ действует целый ряд влиятельных международных структур.

Помимо ФАТФ, ключевыми игроками в этой сфере выступают несколько организаций. Среди них особую роль играет группа «Эгмонт», объединяющая подразделения финансовой разведки разных стран, а также МАНИВЭЛ – экспертный комитет при Совете Европы. Важный вклад в развитие международной системы ПОД/ФТ вносят Базельский комитет, осуществляющий банковский надзор, и ОЭСР. На евразийском пространстве активно функционирует ЕАГ – региональная группа по противодействию криминальным доходам. Все

эти организации непрерывно развивают механизмы взаимодействия, укрепляя глобальную систему финансовой безопасности. Росфинмониторинг, являющийся органом финансовой разведки РФ, тесно взаимодействует с международным сообществом в области противодействия отмыванию денег. Ключевым инструментом международных институтов в этой сфере выступает создание нормативной базы и стандартов ПОД/ФТ [3].

Международные организации и группы разрабатывают рекомендательные документы, предлагают странам присоединиться к их выполнению и формируют единые правила противодействия легализации преступных доходов. Федеральная служба по финансовому мониторингу России активно участвует в реализации этих международных инициатив [2].

За прошедшие полтора десятилетия Росфинмониторинг существенно расширил свое международное присутствие в области противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма. Являясь связующим звеном между финансовыми органами Азии и Европы, ведомство заняло лидирующие позиции среди аналогичных структур в странах бывшего СССР. Независимые профильные организации высоко оценивают растущую роль Росфинмониторинга на международной арене. В перспективе намечается дальнейшее управление и расширение международных связей этого ведомства в сфере финансового контроля [1].

Заключение

Таким образом, в современных условиях российские органы финансовой разведки выстроили продуктивное взаимодействие с ключевыми международными структурами, включая ФАТФ. Основным приоритетом работы в данном направлении является развитие взаимодействия с другими странами (как двустороннего, так и многостороннего), предоставление странам-партнерам своевременной и качественной информации в рамках борьбы с ОД/ФТ и др.

Примером такого многостороннего сотрудничества является участие в работе Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ), Евразийской группы по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ), Региональной группы по типу ФАТФ на Ближнем Востоке и в Северной Африке (МЕНАФАТФ), международного профессионального объединения подразделений финансовой разведки (ПФР) – Группы «Эгмонт», Совета руководителей подразделений финансовой разведки государств-участников Содружества Независимых Государств (СРПФР СНГ), ряда иных международных структур, а также в мероприятиях, проводимых под эгидой ООН. Объединения межнациональных групп финансовой разведки формируют базовые принципы и методологию противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

При условии наличия соответствующих политических решений, текущие тенденции в развитии глобальной системы противодействия легализации преступных доходов создают благоприятную основу для успешного решения Россией национальных задач в данной сфере.

Литература

1. Александров, Н.Д. Международное сотрудничество Росфинмониторинга в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма / Н.Д. Александров // Инновации. Наука. Образование. – 2022. – № 50. – С. 1160–1164.
2. Левакин, И.В. Международное сотрудничество в области противодействия легализации доходов от преступной деятельности / И.В. Левакин, Н.В. Морозов // Право и современные государства. – 2016. – № 3. – С. 13–18.
3. Турдукулов, А.Ф. Международное сотрудничество в сфере борьбы с легализацией доходов, полученных преступным путем, и финансированием терроризма, как фактор укрепления глобальной и региональной безопасности / А.Ф. Турдукулов, Ф.З. Турдукулов // Вестник Кыргызского государственного университета имени И. Арабаева. – 2021. – № 2. – С. 253–257. – DOI 10.33514/1694–7851–2021–2–253–257.
4. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 N 115-ФЗ

INTERNATIONAL COOPERATION ON COUNTERING THE LEGALIZATION OF PROCEEDS FROM CRIME

Rakhmanov R.A.

Russian Academy of National Economy and Public Administration

The article considers the features of international cooperation to counter the legalization of proceeds of crime. Criminal financial flows penetrating the legal economy carry a destructive potential for the whole society. The scale of the problem increases many times when illegal income penetrates the international financial system. It is possible to identify and prevent such cases through comprehensive and coordinated international cooperation, as well as through organizations and specially established groups with the authority to prevent the laundering of proceeds of crime. When money from illegal activities and tax fraud is poured into official circulation, it leads to serious socio-economic consequences. The distortion of market processes and the growth of inflation, as well as the gradual penetration of crime into the trade and production spheres, become especially dangerous. The focus is on modern international instruments to combat the financing of terrorist activities and the laundering of criminal proceeds on an international scale.

Keywords: legalization, income, international cooperation, fraud.

References

1. Alexandrov, N.D. International cooperation of Rosfinmonitoring in the field of countering the legalization (laundering) of proceeds of crime and the financing of terrorism / N.D. Alexandrov // Innovations. Science. Education. – 2022. – № 50. – P. 1160–1164.
2. Levakin, I. C International cooperation in the field of countering the legalization of proceeds from criminal activities / I. C Levakin, N. C Morozov // Law and modern states. – 2016. – № 3. – S. 13–18.
3. Turdukulov, A.F. International cooperation in the field of combating the legalization of proceeds of crime and the financing of terrorism as a factor in strengthening global and regional security / A.F. Turdukulov, F.Z. Turdukulov // Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabayeva. – 2021. – № 2. – P. 253–257. – DOI 10.33514/1694–7851–2021–2–253–257.
4. Federal Law “On Counteracting Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and Financing of Terrorism” dated 07.08.2001 N 115-FZ

Классификация интернет-угроз, реализуемые в отношении детей, опыт зарубежных стран по борьбе с ними

Титов Матвей Андреевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет»; прокурор отдела по надзору за соблюдением прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних прокуратуры Республики Саха (Якутия)
E-mail: mathewstitov@yandex.ru

Сегодня информационное интернет-пространство используется всеми жителями планеты, в том числе более 90% населения Российской Федерации [13]. Оперативный доступ к электронной информации облегчил общественную жизнь, вместе с тем открыл «двери» для распространения деструктивной информации в виртуальном пространстве, создав условия для совершения несовершеннолетними и в их отношении преступлений и иных противоправных явлений. В настоящей работе предложена классификация интернет-угроз в зависимости от их общественной опасности, проанализирован опыт зарубежных стран по противодействию данному явлению. Цель: Сформировать классификацию интернет-угроз, определив их в зависимости от общественной опасности. Выработать и предложить наиболее эффективные меры по борьбе с интернет-угрозами, реализуемыми в отношении детей, в том числе путем внесения организационных и правовых изменений. Методы: Методологической базой исследования являются общенаучные и частнонаучные методы познания. В работе использовались формально-логический, сравнительно-правовой, системно-аналитический, диалектико-материалистический методы. Результаты: Обоснование классификации интернет-угроз в зависимости от степени общественной опасности (вредности), опыт нивелирования процессов воздействия деструктивной информации в зарубежных странах, раскрытия его содержания, выработка изменений, позволяющих предупредить совершение несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий, наряду с имеющимися профилактическими мероприятиями. Выводы: С учетом состояния подростковой преступности, виктимизации детей в интернете полагаю, что действующие механизмы борьбы с виртуальной зависимостью нуждаются в комплексных правовых, организационных и иных изменениях, которые предложены в настоящей работе.

Ключевые слова: интернет-угрозы; несовершеннолетние; классификация; механизмы; меры.

Введение

Интернет-угрозы представляют опасность для развития ребенка в силу его неопытности и отсутствия должного критического мышления. Данное явление негативно влияет и на общественные отношения, распространяя различные деструктивные идеи, реализуемые подростками в реальной жизни. Формированию эффективных механизмов предшествует определению уровня «вредности» тех или иных угроз на различном этапе развития общественных отношений в виртуальном пространстве. Для целей эффективного нивелирования деструктивных процессов в интернете целесообразно проанализировать опыт других стран с точки зрения наличия эффективных механизмов.

Материалы и методы

В работе использовался формально-логический (при формировании логических цепочек, заключений, обосновании позиций и выдвижения предположений), сравнительно-правовой (посредством которого проведен анализ российского и зарубежного законодательства, в том числе организационных и иных правовых мер по борьбе с указанным явлением), системно-аналитический (при определении связей уровня интернет-угроз и мер по их нивелированию), диалектико-материалистический (в ходе исследования становления и развития процессов, обеспечивающих создание цифровой безопасности детей) методы.

Литературный обзор

По состоянию на 2025 г. число российских интернет-пользователей составило около 131 млн. При этом указанные статистические показатели ежегодно растут, также возрастает и время, проведенное в виртуальном пространстве [4]. Доступ к виртуальному пространству обуславливает оперативность решения различных задач (получение информации, оказания услуг, покупка товаров, коммуникация на дальние расстояния). Несмотря на явные положительные характеристики виртуального пространства, нахождение в нем может создавать определенные угрозы для интернет-пользователей, в особенности таким угрозам подвержены лица с неустойчивой, несформировавшейся психикой. К таким лицам в силу отсутствия опыта и критического мышления относятся несовершеннолетние, которые в ряде случаев не осознают в полной степени риск влияния на них деструктивной информации.

Законодательного закрепления понятия «интернет-угроз» в российском законодательстве нет, однако стоит выделить существенные характеристики данного явления.

1. Передается с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, то есть в виртуальном пространстве.
2. Негативно влияет на здоровье интернет-пользователя, в особенности психологическое, побуждает антисоциальное или противоправное поведение.
3. Как правило такая информация ограничена или запрещена в свободном доступе либо для всех, либо для определенной категории лиц, законодательно предусмотрены механизмы блокировки доступа к такой информации.
4. Имеет характер вирусного распространения посредством передачи её другим интернет-пользователям.

Анализируя указанные признаки данного явления следует определить его как информацию, распространяемую в виртуальном пространстве, деструктивно влияющую на психику и сознание интернет-пользователя, побуждающего его к совершению противоправных (антиобщественных) действий.

К интернет-угрозам относят кибербуллинг, груминг, секстинг, интернет-зависимость, влияние различных деструктивных интернет-сообществ и идей (колумбайн, скулшутинг, суицидальные группы и т.д.). Воздействие интернет-угроз на поведение и сознание несовершеннолетних определяется уровнем их «вредности» на ребенка, с точки зрения его здоровья, а иногда и жизни.

К примеру, участие ребенка в суицидальных интернет-группах создает предпосылки к склонению последнего к депрессивному состоянию, нарушению его нормального развития, суициду или его попытке. Сравнивая последствия влияния вышеуказанного явления с популярным сегодня в сети «Интернет» «квадробингом» (копированием несовершеннолетними поведения животных), очевидно, что «квадробинг» не несет такого вреда для жизни и здоровья детей как участие в суицидальных группах, однако его популяризация также отрицательно сказывается на формировании психики ребенка (стирается грань между притворством и имитацией поведения животных).

Так, в 2024 году на детской площадке г. Краснодара несовершеннолетняя «квадробирша» покусала малолетнего ребенка [1]. В г. Омске мать ребенка вышла со своим ребенком на улицу с паводком, поскольку ребенок подражал собаке [11].

Последствия воздействий интернет-угроз в отношении ребенка различны, исходя из названного критерия их условно можно разделить на 3 группы в зависимости от степени вредности, то есть опасности как для самого несовершеннолетнего, так и для общества и государства.

Первую группу составляют интернет-угрозы, направленные на разрушение государства в целом, его функционирование. К таковым следует отнести

пропаганду виртуальных «разрушительных идей» (колумбайн-идеи, лгбт-сообщества, различные группы, пропагандирующие криминальную идеологию, а также проукраинские антироссийские группы, деятельность которых направлена на нарушения конституционного строя России). Указанные интернет-угрозы носят террористический и экстремистский характер.

К примеру, решением Верховного суда Российской Федерации общественное движение «Арестантское уголовное единство», пропагандирующее криминальную идеологию, признано на территории нашего государства экстремистским и его деятельность запрещена [8].

Как правило, участие в таких сообществах или вовлечение в них детей, финансирование их деятельности в различных странах наказывается уголовно. Так, в Российской Федерации вышеперечисленные действия образуют признаки преступлений, предусмотренных статьями 282.2, 282.3 Уголовного кодекса Российской Федерации [15]. Пропаганда, свободное функционирование и распространение в сети «Интернет» обозначенных интернет-угроз несет потенциальную угрозу основам конституционного строя, являются наиболее опасными с точки зрения задач формирования безопасной интернет-среды для несовершеннолетних. Согласно официальным данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации только за 2023 г. заблокировано 306 сайтов с призывами к финансированию Вооруженных сил Украины [3].

Вторую группу интернет-угроз условно можно обозначить как угрозы, деятельность которых негативно влияет на поведение детей, способствует у них развитию антисоциального, замкнутого поведения. Если в первом случае деятельность интернет-угроз направлена непосредственно на разрушение существующих в государстве общественных отношений, создание иного «антигосударственного, антиобщественного порядка», то данный вид угроз нацелен непосредственно на изменение поведения ребенка и связан антиобщественным поведением. Данную группу составляют такие интернет-угрозы как интернет-зависимость, кибербуллинг, секстинг, троллинг, квадратобинг и так далее. Предупреждение воздействия данных угроз, как правило, сводится к проведению с детьми в школах профилактических мероприятий, поскольку степень их опасности значительно ниже.

И последнюю группу составляют интернет-угрозы, вовлекающие детей в совершение правонарушений (административных и уголовно наказуемых). С точки зрения последствий данные угрозы, в первую очередь, представляют опасность для общества, поскольку вред причиняется не только ребенку, в отношении которого реализуется интернет-угроза, но и иному лицу (группе, обществу). К ним можно отнести сетевой наркомаркетинг, зацепинг, руфферство, сталкинг и прочее.

В зависимости от степени опасности воздействия и отнесение к той или иной группе конкрет-

ных интернет-угроз на различных стадиях их развития может меняться.

Например, в силу участвовавших случаев суицидов детей в 2017 году криминализована организация «игр смерти» (синий кит, разбуди в 4.20, Тихий дом, f57 и т.д.). В уголовный кодекс в 2017 году введены дополнительные статьи 110.1 («Склонение к совершению самоубийства, в том числе в отношении несовершеннолетних и через интернет») и 110.2 («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства, в том числе через интернет») [9].

Предложенная классификация интернет-угроз служит «ориентиром» для фокусирования внимания на наиболее опасных проявлениях влияния информации в интернет-среде на различных этапах становления общества. Отнесения конкретной угрозы к той или иной группе определяют действия и меры, направленные на нивелирование её влияния, степень опасности для ребенка, общества и государства.

Уровень развития механизмов борьбы с интернет-угрозами в странах отличается в зависимости от правовых традиций, степени проникновения интернета (количества интернет-пользователей, развития интернета), структуры экономики, внедрения информационных технологий, уровнем преступности в информационно-телекоммуникационной сфере и так далее.

Учитывая вышеизложенные механизмы борьбы с интернет-угрозами в странах различны, начиная от криминализации некоторых наиболее опасных их проявлений (секстинг, кибербуллинг, пропаганда различных деструктивных идей) [14] и заканчивая техническими и организационными ограничениями виртуального пространства для детей.

Например, в Китае для детей до 18 лет введены ограничения времени использования интернета. Все компании-производители обязывают предусматривать «режим несовершеннолетних» при использовании их продукта (для детей до 8 лет – не более 40 минут в день, от 8 до 16 лет – час в день, от 16 до 18 – не более 2-х часов) [6]. Данная мера, наряду со специализированными лагерями для интернет-зависимых детей [7], позволяет минимизировать проблемы зависимости детей от виртуальной среды.

В Израиле в целях формирования информационной культуры детей с 2016 года введены специальные школьные курсы, на которых детям прививают правильное поведение в интернете, в том числе при взаимодействии с деструктивной информацией. Аналогичные меры приняты в Канаде, США, Великобритании.

В Федеральной Республике Германии с 2021 года реализуется закон, благодаря которому интернет-провайдеры в отношении несовершеннолетних интернет-пользователей должны фильтровать информацию, принимать меры по защите подростков от травли, кибербуллинга и преступлений [10].

В Объединенных Арабских Эмиратах существует комплексный подход к формированию безопас-

ного интернет-пространства. На наиболее популярных интернет-платформах возможно завести аккаунт только лицам с 13 лет, при этом родителям рекомендуют устанавливать программы, контролирующие поведение детей в интернете. В школах и других общественных местах несовершеннолетним заблокирован доступ к социальным сетям.

В Саудовской Аравии детям до 16 лет необходимо получать согласие родителей для регистрации в социальных сетях.

Примечательный опыт Великобритании, которая еще в 2024 году приняла комплексный закон о защите безопасности детей в интернете. Данный акт предусматривает обязанность интернет-провайдеров ограждать детей от опасного контента (порнографии, суицидального контента, призывов к насилию и иной противоправной деятельности и прочее) путем мониторинга виртуального пространства, в зависимости от возраста подростка ограничения функции, вызывающей у детей привыкание («бесконечная информационная лента», «таргетированная реклама», «реклама азартных игр» и так далее), а также технологию верификации возраста ребенка [5].

В некоторых странах ряд интернет-угроз ввиду их общественной опасности криминализован.

Например, в большинстве штатов Америки за кибербуллинг предусмотрена уголовная ответственность [2].

Сегодня во многих странах, в том числе и в России, идет процесс обсуждения законодательных инициатив, направленных на ограничение пребывания детей в интернете, доступа к информации в зависимости от характеристик ребенка.

В Российской Федерации уже приняты ряд дополнительных мер, направленных на нивелирование деструктивной информации, ограничения использования детьми виртуального пространства.

Так, в августе 2024 года в качестве отягчающего наказания обстоятельства за совершение преступления включено «совершение преступления с публичной в интернете», в декабре прошлого года в статьи 150, 151 УК РФ внесены изменения в части вовлечения детей в совершение преступлений (антиобщественных действий) посредством использования интернета. В конце 2023 года для детей ограничили использование средств связи, в том числе интернета, во время проведения учебных занятий [12].

Вместе с тем в целях минимизирования интернет-угроз в подростковой среде необходимо не ограничиваться данными мерами, использовать, в том числе опыт зарубежных стран, формируя у несовершеннолетних культуру информационной безопасности и цифрового суверенитета от деструктивной виртуальной информации.

Результаты

В настоящей работе исследованы признаки понятия интернет-угроз, предложено определение данного явления. С учетом степени общественной опасности

интернет-угрозы разделены на 3 группы: интернет-угрозы, направленные на разрушение государства (1), деятельность которых в первую очередь негативно влияет на поведение детей (2), вовлекающие детей в совершение правонарушений (административных и уголовно наказуемых) (3).

В ходе исследования отражен опыт других стран по борьбе с интернет-зависимостью, предложено рассмотреть возможность заимствования наиболее эффективных из них.

Результаты исследования в дальнейшем могут служить основой анализа интернет-угроз, выработки наиболее эффективных механизмов их предупреждения, нивелирования процессов которого будет способствовать снижению совершения несовершеннолетними и в их отношении противоправных действий в сети «Интернет».

Заключение

Негативные последствия воздействия на детей интернет-угроз служат причинами совершения детьми и в их отношении противоправных действий. Формирование эффективных механизмов по их предупреждению является составной частью политики по борьбе с подростковой преступностью и совершенных в отношении детей преступлений в интернете, обеспечивающей решение задач формирования цифрового суверенитета и достижения информационной безопасности несовершеннолетних.

Литература

1. «Представилась собакой»: Девочка-квадробер укусила ребенка на детской площадке в Краснодаре [Электронный ресурс] URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27642/4992440/> (дата обращения: 08.02.2025).
2. Bullying Laws Across America // Legiscan.com: the official Website that provides information on cyberbullying: [Electronic resource]. – URL: <https://cyberbullying.org/bullying-laws> (дата обращения: 16.02.2025). (Авторский перевод).
3. В России заблокировали более 300 сайтов с призывом финансировать ВСУ [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree-news/659b845f9a7947cf977fb140> (дата обращения: 08.02.2025).
4. Давыдов С.Г., Казарян К.Р., Сайкина М.В. Интернет в России. – М.: Дизайн-студия REFORM, 2023. – 207 с. [Электронный ресурс] URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (дата обращения: 08.02.2025).
5. Дети и соцсети: как защищают детей от киберугроз в разных странах [Электронный ресурс] URL: <https://www.forbes.ru/education/527611-deti-i-socseti-kak-zasisaut-detej-ot-kiberugroz-v-raznyh-stranah> (дата обращения: 16.02.2025).
6. Как различные страны законодательно защищают несовершеннолетних в интернете [Электронный ресурс] URL: <https://habr.com/ru/articles/575684/> (дата обращения: 16.02.2025).
7. Китай лечит интернет-зависимых подростков в исправительных лагерях [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20140702/1014397624.html> (дата обращения: 16.02.2025).
8. Международное общественное движение «АУЕ» признано экстремистским и его деятельность на территории Российской Федерации запрещена [Электронный ресурс] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/activity/legal-education/explain?item=55586426 (дата обращения: 08.02.2025).
9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федеральный закон от 07 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102434813> (дата обращения: 08.02.2025).
10. О детях и интернете в разных странах [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/2021/12/06/odetiah-i-internete-v-raznyh-stranah.html> (дата обращения: 16.02.2025).
11. Омске женщина выгуливала своего ребенка на поводке [Электронный ресурс] URL: <https://ura.news/news/1052824107> (дата обращения: 08.02.2025).
12. Принят закон о запрете для учащихся пользоваться средствами связи во время проведения учебных занятий [Электронный ресурс] URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/83039.html> (дата обращения: 16.02.2025).
13. Сколько пользователей интернета в мире? (2025) [Электронный ресурс] URL: <https://inclient.ru/users-internet-stats/> (дата обращения: 16.02.2025).
14. Титов М.А. О некоторых вопросах криминализации наиболее опасных интернет-угроз, реализуемых в отношении несовершеннолетних [Электронный ресурс] URL: <https://zakonivlast.ru/upload/iblock/fcf/a2uvnsa1i107hk0i33b0dqdx-f1zitrl/N%206%202024%203иВ.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
15. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 08.02.2025).

CLASSIFICATION OF INTERNET THREATS AGAINST CHILDREN, THE EXPERIENCE OF FOREIGN COUNTRIES IN COMBATING THEM

Titov M.A.
Ural State Law University

Today, the Internet information space is used by all residents of the planet, including more than 90% of the population of the Russian

Federation [13]. Quick access to electronic information has facilitated public life, and at the same time opened the “doors” for the dissemination of destructive information in the virtual space, creating conditions for minors and minors to commit crimes and other illegal phenomena. This paper proposes a classification of Internet threats depending on their social danger, and analyzes the experience of foreign countries in countering this phenomenon. Objective: To formulate a classification of Internet threats, defining them depending on the social danger. To develop and propose the most effective measures to combat Internet threats implemented against children, including through the introduction of organizational and legal changes. Methods: The methodological basis of the study is general scientific and specific scientific methods of cognition. The work used formal-logical, comparative-legal, system-analytical, dialectical-materialistic methods. Results: Substantiation of classification of Internet threats depending on the degree of public danger (harmfulness), experience of leveling the processes of influence of destructive information in foreign countries, disclosure of its content, development of changes allowing to prevent commission of illegal actions by minors and against them, along with existing preventive measures. Conclusions: Taking into account the state of juvenile delinquency, victimization of children on the Internet, I believe that the current mechanisms of combating virtual addiction need comprehensive legal, organizational and other changes, which are proposed in this work.

Keywords: Internet threats; minors; classification; mechanisms; measures.

References

1. “Pretended to be a dog”: A quad bike girl bit a child on a playground in Krasnodar [Electronic resource] URL: <https://www.kuban.kp.ru/daily/27642/4992440/> (accessed: 02/08/2025).
2. Bullying Laws Across America // Legiscan.com: the official Website that provides information on cyberbullying: [Electronic resource]. – URL: <https://cyberbullying.org/bullying-laws> (accessed: 02/16/2025). (Author’s translation).
3. More than 300 websites calling for funding the Ukrainian Armed Forces have been blocked in Russia [Electronic resource] URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/659b845f9a7947cf977fb140> (accessed on 02/08/2025).
4. Davydov S.G., Kazaryan K.R., Saykina M.V. Internet in Russia. – M.: Design Studio RE-FORM, 2023. – 207 p. [Electronic resource] URL: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/internet-v-rossii-v-2022-2023-godah.pdf> (accessed on 02/08/2025).
5. Children and social networks: how children are protected from cyber threats in different countries [Electronic resource] URL: <https://www.forbes.ru/education/527611-deti-i-socseti-kak-zasisaut-detej-ot-kiberugroz-v-raznyh-stranah> (date of access: 02/16/2025).
6. How different countries legally protect minors on the Internet [Electronic resource] URL: <https://habr.com/ru/articles/575684/> (date of access: 02/16/2025).
7. China treats Internet-addicted teenagers in correctional camps [Electronic resource] URL: <https://ria.ru/20140702/1014397624.html> (date of access: 02/16/2025).
8. The international public movement “AUE” is recognized as extremist and its activities on the territory of the Russian Federation are prohibited [Electronic resource] URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_25/activity/legal-education/explain?item=55586426 (date of access: 02/08/2025).
9. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in terms of establishing additional mechanisms to counteract activities aimed at inciting children to suicidal behavior: Federal Law of June 7, 2017 No. 120-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102434813> (date of access: 02/08/2025).
10. About children and the Internet in different countries [Electronic resource] URL: <https://rg.ru/2021/12/06/o-detiah-i-internete-v-raznyh-stranah.html> (date of access: 02/16/2025).
11. In Omsk, a woman walked her child on a leash [Electronic resource] URL: <https://ura.news/news/1052824107> (date of access: 02/08/2025).
12. A law has been adopted banning students from using communication devices during classes [Electronic resource] URL: <https://www.consultant.ru/law/hotdocs/83039.html> (date of access: 02/16/2025).
13. How many Internet users are there in the world? (2025) [Electronic resource] URL: <https://inclient.ru/users-internet-stats/> (date accessed: 16.02.2025).
14. Titov M.A. On some issues of criminalization of the most dangerous Internet threats implemented against minors [Electronic resource] URL: <https://zakonivlast.ru/upload/iblock/fcf/a2uvn-sa1i107hk0j33b0dqd1xf1zitr/№6%202024%203иВ.pdf> (date accessed: 16.02.2025).
15. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 No. 63-FZ // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (date of access: 08.02.2025).

Пробелы в правовом регулировании международной электронной торговли в странах Евразийского Экономического Союза

Тюхтенкова Екатерина Игоревна,

преподаватель кафедры английского языка в сфере таможенной деятельности, Российская таможенная академия
E-mail: e.tyuhchenkova@customs-academy.ru

Электронная торговля становится привычным аспектом общественного развития. Покупка товаров на маркетплейсах становится одним из повседневных будней современных людей. Активное развитие международной электронной торговли в последние годы требует эффективности нормативно-правового регулирования, что обусловлено как необходимостью установления правового статуса субъектов электронной торговли, так и их защиты. В данной статье поднимается один из актуальных и значимых вопросов, связанных с пробелами правового регулирования международной электронной торговли международной электронной торговли в странах ЕАЭС. Законодательная основа ЕАЭС как экономического союза имеет свои особенности. Одной из проблем современного законодательного регулирования является то, что электронная торговля развивается гораздо быстрее, чем создается система регулирования. Это в свою очередь приводит к определенным пробелам, которые негативно сказываются как на участниках данной торговли, так и в целом на глобализации рынков и роли ЕАЭС в международных хозяйственных связях.

Ключевые слова: пробел, правовое регулирование, международная электронная торговля, экономический союз, проблемы регулирования, нормы права.

Введение

Актуальность обращения к существующим пробелам правового регулирования международной электронной торговли в странах ЕАЭС обуславливается наличием проблем в области практического осуществления торговли дистанционным способом, что связано как с многочисленными нарушениями, так и необходимостью защиты субъектов права. В широком понимании наличие пробелов в правовом регулировании препятствует активному включению ЕАЭС в систему мирохозяйственных связей, не позволяет наращивать темпы торговли с еще большей быстротой. Наличие пробелов в любом праве создает ряд негативных последствий для участников международной электронной торговли. Поскольку законодательство не стоит на месте важно выделить конкретные проблемы. На сегодняшний день, данная тема является недостаточно изученной.

Целью научной статьи является исследование пробелов правового регулирования международной электронной торговли международной электронной торговли в странах ЕАЭС.

Задачами исследования являются следующие:

- изучить теоретические подходы к понятию и сущности пробелов в системе регулирования;
- определить пробелы в системе правового регулирования международной электронной торговли;
- раскрыть особенности пробелов и их влияния на международную электронную торговлю и деятельность ее участников.

Методами, используемыми для изучения пробелов правового регулирования международной электронной торговли международной электронной торговли в странах ЕАЭС, явились: метод анализа нормативно-правового регулирования, формально-юридический метод, метод дедукции и индукции.

Обсуждение

Прежде чем раскрыть особенности пробелов правового регулирования международной электронной торговли международной электронной торговли в странах ЕАЭС необходимо в первую очередь определиться в теоретическом ключе, что понимается под пробелом в правовом регулировании. Пробелы в правовом регулировании встречаются не только в системе международной электронной торговли ЕАЭС, но и в целом являются одним из негативных явлений в современной юриспруденции и встречаются в различных видах права.

Наличие пробелов в праве негативно сказывается на системе регулирования. Прежде всего, пробелы «дестабилизируют существующий в обществе правопорядок» [1]. «Пробельность нарушает единство правового пространства, снижает качество правового воздействия. Наличие пробелов свидетельствует о том, что нормативно-правовые акты «не способны как следует выполнять регулятивную функцию, из-за них снижается эффективность правовой системы в целом» [2, с. 396]. При наличии пробелов в праве нельзя говорить об эффективной системе защиты прав различных субъектов тех или иных правоотношений.

Обращение к теоретическим подходам в области пробелов позволяет указать на то, что в науке используется как понятие «пробел в праве», так и «пробел в законе». Теоретические разработки в целом о сущности такого правового явления как пробелы в праве первоначально складывались в системе проблем законодательной техники, то есть в юридико-техническом аспекте правового регулирования.

Пробел в праве понимается С.Н. Подлесных как определенный «дефект законодательства, который требует скорейшего восполнения или преодоления компетентными субъектами» [3, с. 4]. На этой же позиции стоит и П.Д. Портянова, которая указывает, что пробелы в праве являются предметом теории дефектологии [4, с. 7].

Ряд исследователей в теоретико-методологическом аспекте рассматривают пробелы в правовом регулировании в широком и узком понимании. Так, например, можно встретить широкое понимание пробела в праве через «состояние права, при котором в рамках его реализации не соблюдается баланс интересов общества и государства» [5, с. 16].

В узком понимании пробел может касаться как конкретного нормативно-правового акта, так и сферы правового регулирования. А.А. Петров, рассматривая пробел права в узком понимании, указывает, что «признаком пробела в праве выступает отсутствие правовых норм для регулирования определенных общественных отношений» [6, с. 3].

Узкое понимание пробелов в правовом регулировании касается конкретных актов, в связи с чем, ряд ученых предлагает различать пробел в праве, и пробел в законе [7, с. 6]. В этом ключе, интересной представляется позиция М.А. Кауфмана, который под пробелом в праве понимает «отсутствие нормативного акта вообще, а во втором случае, когда «... нормативный акт, регулируя общественные отношения в общей форме, оставляет какие-то их аспекты без необходимого правового опосредования» [8, с. 33].

В узком понимании в рамках конкретного нормативного акта при отсутствии определенной нормы права, стоит говорить об определенных недостатках законодательной техники, об определенных упущениях допущенных законодателем. Однако стоит учитывать и то, что правовое регулирование не является чем статичным.

Видоизменения общественных отношений требуют внесения изменений и пробел в праве может образоваться и при учете законодателем на момент принятия акта большей части общественных отношений, которые необходимо урегулировать. В этой связи, в современных условиях стремительных изменений пробел в правовом регулировании это не всегда проблема только законодательной техники.

Таким образом, применяя теоретические положения различных наук к пониманию пробелов в правовом регулировании к системе отношений связанных с международной электронной торговлей в странах ЕАЭС, стоит говорить о двух возможных видах пробелов:

- пробелов в праве – а именно отсутствие конкретных нормативно-правовых актов, регулирующих отношения в области международной электронной торговли в ЕАЭС;
- пробелов в уже существующих законах в рамках конкретных норм, в которых существует острая потребность.

Сложность правового регулирования международной электронной торговлей в ЕАЭС заключается, прежде всего, в многообразии различных правоотношений. Это и система перемещения товаров из одного государства в другое, и особенности технического и иного регулирования отдельных видов товаров, учитывая их множество.

Кроме этого, это и правоотношения участников международной электронной торговли, их правового статуса, а также правоотношений связанных с таможенными органами, осуществлением контроля, а также выполнением правоохранительных функций в отношении товаров.

Кроме этого, если рассматривать структуру отношений в рамках международной электронной торговли, в ней существует также масса различных отношений (рис. 1).

Как видно из рис. 1. электронная торговля охватывает большое количество правоотношений, связанных с международными расчетами, с агрегированием товаров и услуг, с обслуживанием покупателей и др. Все это требует соответствующего правового регулирования. На сегодняшний день, в Цифровой повестке ЕАЭС система этих отношений носит название экосистемы цифровой торговли.

Большое количество различных правоотношений регулируется в огромном количестве нормативно-правовых актов, которые постоянно нуждаются в пересмотре, в рамках трансформации общественных отношений связанных с международной электронной торговлей ЕАЭС.

Наднациональная система регулирования связана с особенностями функционирования экономического союза. «В рамках ЕАЭС обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, проводится единая торговая политика в отношении третьих стран. При этом право ЕАЭС не только регулирует внутрорегиональную торговлю, но и оказывает гармонизирующее воздействие

на национальные правовые системы государств-членов в сфере технического регулирования, за-

щиты конкуренции, осуществления государственных закупок и т.д.» [10, с. 231].

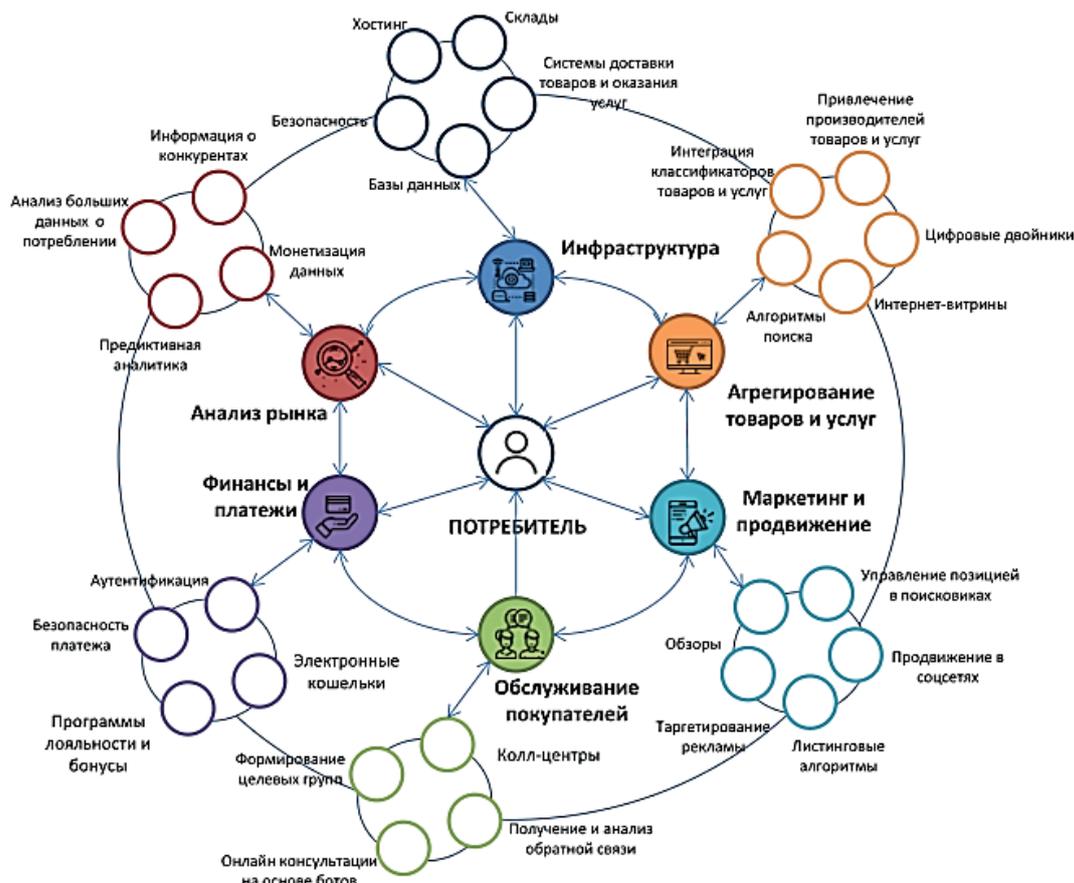

Рис. 1. Система отношений в электронной торговле

Источник: составлено по данным: [9, с. 116]

Когда были приняты первые акты о создании ЕАЭС, электронная торговля только зарождалась. Однако сейчас, когда идет бурное развитие, одним из пробелов в праве является отсутствие единого нормативного акта в области электронной торговли в ЕАЭС. В этой связи, 2023 г. был представлен Проект Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС. Существующая система выработки конкретных актов в рамках устранения пробела в праве в ЕАЭС достаточно длительная.

Так, анализ Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС показывает, что сначала акт проектировался, затем с 2023 по 2024 г. шли обсуждения этого акта. И только в настоящее время обсуждения закончены и акт в скорейшем времени начнет действовать. В этом смысле, пока акт разрабатывается и согласовывается, к моменту его вступления в силу за год меняются кардинально общественные отношения, что ведет к возникновению новых пробелов в акте, которые еще не согласованы.

Однако процедура согласования в ЕЭС представляет необходимость соблюдения принципа единой политики ЕАЭС, что должно обеспечиваться консенсусом всех государств-участников экономического союза. В настоящее время пока Соглашение об электронной торговле товарами в ЕАЭС не начал действовать, пробел в правовом регули-

ровании международной экономической торговли ЕАЭС не устранен.

Исходя из Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС, большое значение имеют нормы о защите прав потребителей. Так, по п. 3 ст. 5 Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС «потребитель вправе отказаться от товара надлежащего качества в течение 14 календарных дней с даты его получения. Вместе с тем проект допускает альтернативу в виде права государств-членов установить иной срок, что полностью нивелирует изначальное императивное положение, лишая его смысла, поскольку установление иного срока (который может быть как длиннее, так и короче) отражается на защите прав потребителей» [11].

При этом в государствах-членах заявленные сроки возврата товара надлежащего качества могут отличаться, что идет вразрез с целью проекта – введением единых правил электронной торговли в рамках ЕАЭС. В п. 4. ст. 5 Соглашения об электронной торговле товарами в ЕАЭС специально устанавливается «обязанность профессионального участника электронной торговли вернуть потребителю в случае его отказа от товара надлежащего качества уплаченные денежные средства, за исключением расходов на доставку от потребителя возвращенного товара» [11].

Стоит отметить, что на сегодняшний день в рамках единого акта об электронной торговле актуализируется в опрос о понятии данной торговли. То есть о закреплении в едином акте ЕАЭС дефиниции «электронная торговля». При этом учитывая, что уже сейчас обсуждается перевод электронной торговли в «цифру», то это создает необходимость формирования не термина «электронная торговля» в будущем законодательном акте, а дефиниции «цифровая торговля», что будет отвечать потребностям времени.

Если рассматривать проблемы в законе в рамках правового регулирования международной экономической торговли ЕАЭС, то актуальным является наличие пробелов в Таможенном кодексе ЕАЭС [12] (далее по тексту – ТК ЕАЭС). Пробелы в ТК ЕАЭС негативно сказываются не только на участниках внешнеэкономической деятельности, но и ведут к росту различных нарушений. При этом, с каждым годом растет динамика перемещения товаров. Так, в частности «объем экспресс-грузов, доставляемых в адрес физических лиц в рамках международной электронной торговли, составил в 2023 году свыше 41 млн отправок (в 2022 году – свыше 33 млн. отправок)» [13, с. 23].

Наличие пробелов в ТК ЕАЭС во многом связано как с оформлением товаров, так и осуществлением контроля в отношении них. До 2023 г. в рамках пробелов в ТК ЕАЭС можно отметить такие как:

- правовой статус товаров в рамках внешнеэкономической деятельности, используемых в электронной торговле;
- правовой статус оператора электронной торговли;
- нормы о декларации в рамках международной электронной торговли.

Для устранения данных пробелов в 2023 году «ФТС России активно участвовала в работе по совершенствованию ТК ЕАЭС. 25 декабря 2023 г. подписан протокол о включении в ТК ЕАЭС положений, регулирующих оборот товаров электронной торговли. Принято участие в проведении внутригосударственного согласования комплексного проекта протокола о внесении изменений в ТК ЕАЭС. Согласованы поправки в ТК ЕАЭС по 83 вопросам, из них 12 инициированы ФТС России» [13, с. 6].

Протоколом предусмотрено выделение товаров, приобретенных в рамках международной электронной торговли, в отдельную категорию товаров, с определением порядка таможенного администрирования таких товаров, введение института оператора электронной торговли, декларации на товары электронной торговли, а также использование процедуры таможенного склада к товарам электронной торговли (аналог «бондовых» складов).

Результатом данной работы стало принятие Протокола о регулировании электронной торговли товарами в рамках ЕАЭС [12]. Как следствие при-

нятия и ратификации Протокола создало возможности внесения изменений в ТК ЕАЭС.

На сегодняшний день к пробелам в правовом регулировании в рамках «пробелов в законе», а именно законодательстве ЕАЭС, стоит указать на такие пробелы как:

- пробел установления формата внешнеэкономического контракта как электронного документа, требования нему в рамках международной цифровой торговли;
- отсутствие надлежащих правовых мер защиты интеллектуальной собственности применительно к осуществлению электронной торговли;
- регулирования валютного контроля в каналах трансграничной электронной торговли в случае, когда эти сделки привязаны к оплате криптовалютой.

Результаты

Исследование показало, что следует различать понятие пробела в праве и пробела в законе. На основании теоретических положений о пробелах в правовом регулировании было выявлено, что пробел в праве представляет собой отсутствие того или иного закона, а пробел в законодательстве указывает на отсутствие конкретной нормы, что ведет к дефекту законодательства. Изучение различных пробелов в правовом регулировании международной электронной торговли в странах ЕАЭС показало, что в последние годы посредством органов ЕАЭС, осуществляется работа по устранению существующих пробелов. Однако как показывает практика, законодательство не поспевает за трансформацией общественных отношений, складывающихся в международной электронной торговле.

Заключение

Наличие пробелов в праве негативно сказывается на процессах международной электронной торговли, что влияет не только на ЕАЭС, но и в целом на отношения в данной области в глобальном смысле развития. Исследование показало, что требуется в некоторой мере, упростить систему устранения пробелов в праве в рамках обсуждений. Безусловно, согласованность позиций играет большую роль, однако странам-участницам ЕАЭС стоит учитывать, что длительное обсуждение ведет к тому, что ко времени принятия акта, кардинально меняется картина правоотношений.

Литература

1. Большая российская энциклопедия. Пробелы в праве // [Электронный ресурс]: <https://bigenc.ru/c/probely-v-prave-f6716e>
2. Лушников П.В. Пробелы в праве и способы их восполнения // Вестник удмуртского университета. серия экономика и право 2020. Т. 30. № 3. С. 396–405.

3. Подлесных С.Н. Пробелы в уголовно-процессуальном праве: монография / С.Н. Подлесных. – М.: Юрлитинформ, 2013. – 182 с.
4. Портянова П.Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты: монография / П.Д. Портянова; под редакцией Г.С. Демидовой. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 158 с.
5. Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в Российской Федерации // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21.
6. Петров А.А. Пробелы и коллизии в праве: научно-практическое пособие / А.А. Петров, Е.Ю. Тихонравов. – М.: Проспект, 2017. – 80 с.
7. Пробелы в уголовно-процессуальном праве России: монография / Н.О. Овчинникова. – М.: Юрлитинформ, 2018. – 165 с.
8. Кауфман М.А. Пробелы в уголовном праве: понятие, причины, способы преодоления [Текст] / М.А. Кауфман. – М.: Юрлитинформ, 2007. – 299 с.
9. Цифровая повестка ЕАЭС 2016–2019–2025. Сборник. – М.: Евразийская экономическая комиссия, 2019. С. 116.
10. Исполинов А.С. Евразийский экономический союз и региональная интеграция: уроки для будущего. – М.: Инфотропик Медиа. 2020. С. 231.
11. О проекте Соглашения об электронной торговле в Евразийском экономическом союзе // [Электронный ресурс]: <https://docs.eaeunion.org/documents/416/7496/>
12. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019) (приложение № 1 к Договору о Таможенном кодексе Евразийского экономического союза) // [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/
13. «Таможенная служба ФТС России». Сборник. 2023 г. – М.: ФТС России, 2024.
14. Россия ратифицировала протокол о регулировании электронной торговли в ЕАЭС // [Электронный ресурс]: https://www.alt.ru/ts_news/112199/

GAPS IN THE LEGAL REGULATION OF INTERNATIONAL ELECTRONIC COMMERCE IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION

Tyuhtenkova E.I.
Russian Customs Academy

Electronic commerce is becoming a familiar aspect of social development. Buying goods on marketplaces is becoming one of the everyday routines of modern people. The active development of international electronic commerce in recent years requires the effectiveness of legal regulation, which is due to both the need to establish the legal status of e-commerce entities and their protection. This article raises one of the current and significant issues related to the gaps in the legal regulation of international electronic commerce in the EAEU countries. The legislative basis of the EAEU as an economic union has its own characteristics. One of the problems of modern legislative regulation is that electronic commerce is developing much faster than the regulatory system is being created. This, in turn, leads to certain gaps that negatively affect both the participants in this trade and, in general, the globalization of markets and the role of the EAEU in international economic relations.

Keywords: gap, legal regulation, international electronic commerce, economic union, regulatory issues, legal norms.

References

1. The Great Russian Encyclopedia. Gaps in Law // [Electronic resource]: <https://bigenc.ru/c/probely-v-prave-f6716e>
2. Lushnikov P.V. Gaps in Law and Ways to Fill Them // Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series 2020. Vol. 30. No. 3. Pp. 396–405.
3. Podlesnykh S.N. Gaps in Criminal Procedure Law: monograph / S.N. Podlesnykh. – М.: YurLitinform, 2013. – 182 p.
4. Portyanova P.D. Defects of the Institute of Civil Law Protection: monograph / P.D. Portyanova; edited by G.S. Demidova. – М.: YurLitinform, 2022. – 158 p.
5. Mateikovitch M.S. Defects of constitutional and legal regulation in the Russian Federation // State and Law. 2007. No. 12. Pp. 15–21.
6. Petrov A.A. Gaps and conflicts in the law: a scientific and practical manual / A.A. Petrov, E. Yu. Tikhonravov. – М.: Prospect, 2017. – 80 p.
7. Gaps in the criminal procedure law of Russia [Text]: monograph / N.O. Ovchinnikova. – М.: YurLitinform, 2018. – 165 p.
8. Kaufman M.A. Gaps in criminal law: concept, reasons, ways to overcome [Text] / M.A. Kaufman. – М.: YurLitinform, 2007. – 299 p.
9. Digital agenda of the EAEU 2016–2019–2025. Collection. – М.: Eurasian Economic Commission, 2019. P. 116.
10. Ispolinov A.S. Eurasian Economic Union and regional integration: lessons for the future. – М.: Infotropic Media. 2020. P. 231.
11. On the draft Agreement on Electronic Commerce in the Eurasian Economic Union // [Electronic resource]: <https://docs.eaeunion.org/documents/416/7496/>
12. Customs Code of the Eurasian Economic Union (as amended on 05/29/2019) (Appendix No. 1 to the Treaty on the Customs Code of the Eurasian Economic Union) // [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_215315/
13. “Customs Service of the Federal Customs Service of Russia”. Collection. 2023 – М.: FTS of Russia, 2024.
14. Russia ratified the protocol on regulation of electronic commerce in the EAEU // [Electronic resource]: https://www.alt.ru/ts_news/112199/

Современные формы коммуникации как инструмент повышения качества законодательства и укрепления доверия граждан к представительной власти

Давлетшина Наталья Викторовна,
к.и.н., доцент кафедры ЗР и ВП, РГГУ
E-mail: ndavlet@gmail.com

Развитие IT-технологий во всем мире оказывает существенное влияние на расширение коммуникационных возможностей, в том числе на развитие взаимодействия властных структур с гражданами. Следствием расширения этих процессов стало развитие гражданского общества. В настоящее время продолжают создаваться все новые сетевые формы политической жизни, однако трансформация законодательной и исполнительной власти не всегда успевает за меняющимися общественными запросами. Это противоречие возникло в РФ достаточно давно, однако усилия, предпринимаемые властными структурами различных уровней, не всегда дают ожидаемый эффект. По нашему мнению, до настоящего времени так и не удалось в полной мере сформировать эффективные инструменты для консолидации общества и законодателей за счет объединения интеллектуального потенциала депутатов, независимых экспертов и граждан, хотя потребность в них была очевидна как минимум пятнадцать лет назад.

Ключевые слова: IT-технологии, современные формы коммуникации, представительная власть, повышение качества законодательства.

Развитие IT-технологий во всем мире оказывает существенное влияние на расширение коммуникационных возможностей, в том числе на развитие взаимодействия властных структур с гражданами. Это стало очевидно достаточно давно, в частности, американский футуролог Джон Нейсбитт в соавторстве со своей супругой Патрицией Эбурдин в 1982 году опубликовали работу «Мегатенденции» в которой авторы подчеркивали, что «в условиях, когда компьютер расширил могущество личности, граждане могут более эффективно следить за действиями своих правительств, нежели правительства могут следить за действиями граждан...»¹.

Следствием расширения этих процессов стало развитие гражданского общества, изменение общественного сознания². Человек по-новому стал осознавать мир.

Россия не была исключением в данных процессах, взаимодействие власти и общества рассматривалось в нашей стране «как фактор созидающего, предопределяющего дальнейшее развитие цивилизации, способствующего укреплению основных ценностей и формированию свободно развивающегося общества»³.

В настоящее время продолжают создаваться все новые сетевые формы политической жизни, однако трансформация законодательной и исполнительной власти не всегда успевает за меняющимися общественными запросами. И хотя это противоречие хорошо осознается властью и определенные шаги по его преодолению делались⁴, тем не менее предпринимаемые властными структурами различных уровней усилия, не всегда дают ожидаемый эффект.

Так, еще в 2012 году Президент РФ В.В. Путин подчеркивал, что «внедрение информационных технологий сделает более прозрачным общение граждан с властью», «повысит открытость государственных и муниципальных структур»⁵.

Это противоречие возникло в РФ достаточно давно, однако усилия, предпринимаемые власт-

¹ Нейсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992.

² Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

³ Коган В.З. *Маршрут в страну информологию*. М., 1985.

⁴ Чеснаков А.А. ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 1999. № 4.

⁵ Путин В.В. Внедрение информационных технологий сделает более прозрачным общение граждан с властью // Файл-Р Ф. Ежедневная электронная газета. 2012. 17 февраля. URL: <http://file-rf.ru/context/1309>

ными структурами различных уровней, не всегда дают ожидаемый эффект. По нашему мнению, до настоящего времени так и не удалось, например, в полной мере сформировать эффективные инструменты для консолидации общества и законодателей за счет объединения интеллектуального потенциала депутатов, независимых экспертов и граждан, хотя потребность в них была очевидна как минимум пятнадцать лет назад. Так в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва в 2011–2016 гг. автор настоящей статьи, являясь координатором проекта «Электронный парламент», принимал непосредственное участие в создании инструментов транспарентности представительной власти и возможности ее контроля со стороны общества. Задачей проекта «Электронный парламент» было обеспечение открытости законодательного процесса и создание инструментов, позволяющих комплексно оценивать деятельность законодательной власти и обеспечивать тесное взаимодействие депутатов с избирателями за счет выявления реальных позиций депутатов, мониторинга законопроектов на всех стадиях обсуждения, доступа к трансляциям и видеоархиву. Для депутатов это была возможность максимальной мобильности, оперативной связи с избирателями, доступа к документам при условии наличия интернета, возможности оперативного взаимодействия с коллегами и экспертами всех уровней. Одной из важных задач проекта было снижение затрат на содержание законодательных органов. Проект открывал возможность использования новых коммуникационных трендов – политики участия, парламент – live, «депутат под микроскопом», публикации результатов поименного голосования¹, внедрения Wi-Fi во всех помещениях ГД (для сравнения в СФ эта проблема до сегодняшнего дня не решена), оснащения 35 залов ГД оборудованием, позволяющим записывать и транслировать заседания фракций, комитетов и комиссий и создания единой системы видеоконференцсвязи с законодательными собраниями субъектов РФ, включая с 2015 года Законодательные собрания Крыма и Севастополя. Практически полностью были либо созданы с нуля, либо модернизированы информационно-технологические, телекоммуникационные и прикладные программные системы – 13 прикладных систем, образующих единую государственную автоматизированную систему.

В эпоху новых медиа удалось создать специальный портал «Видео-Дума»² – инструмент прямой видеотрансляции проводимых мероприятий – уникальный и единственный столь масштабный видеоархив действующих органов власти. Параллельно создавался конструктор с целью подключения к нему каналов Законодательных органов власти всех субъектов федерации. «Парламентская библиотека»³ и Система учета архивных материалов и ведения электронного архив создавали основу

¹ См. <http://vote.duma.gov.ru/>

² См. <https://video.duma.gov.ru/>

³ См. <https://parlib.duma.gov.ru/>

знаний, необходимых при принятия важнейших законодательных решений. В ходе реализации проекта были оцифрованы коллекции материалов парламентских слушаний и «круглых столов», более 2500 единиц хранения за период с 1994 по 2013 гг. Использовались решения по оцифровке и распознаванию текстов компании *КСЕРОКС*, на сегодняшний день ушедшей с российского рынка.

Важной составляющей стала система электронного документооборота, обеспечивающая безопасный доступ депутатов ГД к электронным документам открытого контура ГАС «Законотворчество», то есть, выгрузке документов, оформленных в виде запросов депутатов, парламентских запросов, а также документов-ответов на них из САДД ГД (системы автоматизации документооборота и делопроизводства) и возможность их публикации в открытом доступе. А также реализован портал «Приемная Государственной Думы»⁴ – это возможность контролировать прохождение и рассмотрение обращений граждан, сокращающий трудозатраты на обработку обращений граждан и организаций в Приемной ГД за счет автоматизации приема обращений, упрощения записи гражданин на прием во фракцию или к депутату Государственной Думы, возможность для депутатов проводить прием в режиме видеоконференцсвязи. Справедливости ради следует признать, что подбор тематики и подсказки адресата, выделение группы массовых обращений, формирование ответов и возможность отправить его заявителю по электронной почте, формируя реестр на почтовую отправку осуществляется на западном софте компании *ABBYY Text Classifier*, также ушедшей сегодня с российского рынка.

Важное место в проекте занимала Система обеспечения законодательной деятельности СОЗД⁵, которая из всех систем наиболее активно используется на сегодняшний день.

И, наконец, система «Парламентский портал»⁶, выходящий за границы законодательной деятельности и направленный на взаимодействие внутри депутатского корпуса. Участники проекта исходили из того, что в России более 245 тысяч депутатов всех уровней, включая муниципальных, но они никак не взаимодействуют друг с другом тем более на регулярной основе, тогда как значительную часть проблем можно и нужно решать исключительно общими усилиями. Парламентский портал как раз и мог бы помочь наладить эти связи, сделать их удобными и эффективными, убрать барьеры, которые мешают подобной коммуникации. В Государственной Думе, что было очевидно, внедрение новых технологий затронет все стадии законодательного процесса, взаимодействия депутатов со своими избирателями, что должно было повысить качество законопроектной работы за счет того, что законопроекты будут в большей степени отвечать потребностям общества и соответство-

⁴ См. <https://priemnaya.duma.gov.ru/>

⁵ См. <https://sozd.duma.gov.ru/>

⁶ См. <http://portal.duma.gov.ru/>

вать его ожиданиям. Подобная открытость должна была стимулировать работу депутатов, делая ее более ответственной.

В условиях современных коммуникаций, когда мы видим в СМИ и блогах моментальную реакцию на обсуждаемые решения, важно было обеспечить возможность привлечения широких масс граждан с использованием новых технологий в сам процесс законотворчества. Это касалось как экспертов, так и граждан, мнение которых по тем или иным вопросам, должны были бы учитываться и влиять на формирование повестки дня законодательной и исполнительной власти. Кроме того, депутат занимается не только законодательной деятельностью, но и деятельностью представительской и деятельностью по защите прав граждан, а значит должен максимально быстро реагировать на любые случаи нарушений прав граждан. Поэтому система электронного парламента, за счет возможностей Интернета, позволяла депутату постоянно держать связь со своими избирателями и при возникновении вопросов и проблем максимально оперативно на них реагировать.

А в масштабах страны, учитывая ее размеры, система электронного парламента должна была обеспечить максимально комфортную работу депутатов вне зависимости от того, где они находятся: в регионах, в командировках или в зале заседаний. Вне зависимости от места нахождения депутата все материалы и документы должны были быть им доступны.

Все вышеперечисленные проекты удалось запустить и отладить полностью или в пилотном режиме к концу деятельности ГД РФ VI созыва. Принципиально важно, что вся информация на интернет ресурсах Государственной Думы была представлена по стандартам открытых данных и доступна для всех желающих, в том числе для машинной обработки. Параллельно планировался запуск англоязычной версии и публикация не только информации о законодательной деятельности, но и данных о тех депутатских запросах, которые идут в ответ на обращения избирателей и данных о командировках депутатов, чтобы было видно, насколько эффективно осуществляется их представительская деятельность.

В ГД было запущено несколько приложений, облегчающих работу депутатов, что было принципиально важно для динамичной законотворческой деятельности, реализовывая дополнительный функционал позволяющий подписаться на получение уведомлений об изменении в статусе рассмотрения конкретного законопроекта, законопроектов по определенной тематике, сфере интересов пользователя, в том числе профессиональной, или всех законопроектов конкретного депутата. Эти приложения существовали как на iOS, так и на платформе Android. Разработчики полагали, что размещение в открытом доступе объективной статистики законодательной деятельности позволит гражданам оценивать результативность работы каждого депутата: сколько и какие депутаты внесли зако-

нопроектов, с какой скоростью проходит их рассмотрение, какой процент из них принят или отклонен. Каждый пользователь мог так настроить приложение, чтобы видеть интересующие именно его законопроекты. Было принципиально важно сделать избирателей и пользователей не просто сторонними наблюдателями законодательного процесса, но и вовлечь их в непосредственную работу над законопроектами. Поэтому организация совместного обсуждения законопроектов с депутатами регионального и муниципального уровней, а также с экспертами и специалистами, которые без отрыва от своей профессиональной деятельности могли бы вносить свои замечания и комментарии по рассматриваемым документам было принципиально важно. И, наконец, была уверенность в том, что процесс не должен быть односторонним, что необходимо дать гражданам возможность вносить интересные законодательные предложения по актуальным проблемам, требующим регулирования¹ Созданный механизм отличается от механизма сайта Российской общественной инициативы, поскольку голосование граждан в поддержку той или иной инициативы становилось основанием для взятия соответствующих вопросов под особый контроль. Также было предложено создать в Государственной Думе комиссию, которая будет рассматривать эти инициативы по специально принятой процедуре. Понятно, что никто не мог гарантировать, что законодательная инициатива, получившая поддержку граждан, будет принята, но инструменты были созданы.

Наконец, была создана возможность для депутатов получать служебную корреспонденцию в электронном виде через мобильные устройства и шла работа над тем, чтобы обеспечить депутатам возможность получения в электронном виде справочно-аналитической информации, необходимой для работы над законопроектами: данные о деятельности федеральных органов исполнительной власти, о показателях социально-экономического развития, в том числе по отдельным регионам и отраслям. Все эти данные должны были предоставляться в удобной и доступной форме и оперативно обновляться. Также стояла задача полного перевода работы над законопроектами в безбумажную форму и более активного использования видеоконференцсвязи, поскольку эти технологии позволяли получить существенную экономию за счет сокращения огромных расходов, которые тратятся на пересылку и обработку корреспонденции в бумажном виде, на служебные поездки, командировки и так далее.

То есть, в ГД VI созыва были созданы максимум возможностей для того, чтобы те, кому граждане отдали свой голос будь то законодательная (всех уровней) или исполнительная власть (в лице муниципальных депутатов) могли максимально ши-

¹ Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов: указ Президента РФ от 9.02.2011 г. № 167 // Российская газета. 2011. 11 февраля.

роко взаимодействовать со своими избирателями по всем интересующим граждан вопросам и в том числе привлекать граждан к проблемам, которые, по мнению депутатов, важны.

Следует подчеркнуть, что функционирование всего этого достаточно широкого инструментария осуществлялось ограниченным количеством людей, но в момент передачи этих систем аппарату Государственной Думы возникли трудности. Во-первых, поддержание функционирования систем ГАС «Законотворчество» в аппарате ГД готовы были осуществлять штатом в три раза превышающим необходимый для этого штат. Во-вторых, с огромным трудом продвигалась передача проектов соответствующим отделам аппарата ГД, за исключением, пожалуй, библиотеки и оргуправления ГД. В-третьих, сложно внедрялся процесс наполнения необходимой информацией систем, хотя технически этот процесс был максимально прост. И, наконец, когда в целом был отлажен перевод систем сотрудникам аппарата, новое руководство ГД отказалось использовать ряд инструментов под предлогом неготовности брать на себя ответственность за позиции депутатского корпуса на региональном уровне и тем более депутатов муниципального уровня, хотя каждая система четко определяла не только персональную ответственность депутатов, но и предполагала ответственность экспертов и обычных граждан, так как была предусмотрена регистрация для участников и даже система практически мгновенной автоматической блокировки постов, авторы которых нарушали основные принципы общения в социальных сетях (использования ненормативной лексики, например). В результате ряд возможностей взаимодействия граждан с представительными органами, к сожалению, были упущены.

Однако, как показала практика, такое общение было необходимо для граждан, поэтому постепенно оно переместилось во взаимодействия между отдельными гражданами. Создавались группы по интересам, начиная от проблем воспитания детей, решения многочисленных бытовых и социальных проблем, до выдвижения требований к властным структурам. При этом выстроить конструктивный диалог с властью с использованием социальных сетей гражданам удавалось достаточно редко, хотя количество запросов достаточно быстро росло. Поэтому в определенный момент исполнительная власть попыталась взять инициативу в свои руки и повсеместно стали возникать инструменты по взаимодействию граждан и органов исполнительной власти, позволяющих гражданам высказать определенные претензии, а власти, в свою очередь, брать на себя обязательства исправить недостатки (в относительно короткие сроки), либо объяснить когда, какими усилиями и за счет каких средств будут исправлены недостатки. То есть, все взаимодействие было сведено к возможности для граждан высказать определенные претензии к властным структурам. Так по этой схеме работает система Добродел в Московской

области и большинство аналогичных систем в различных регионах страны. Но этот алгоритм существенно отличался от предлагаемого ранее алгоритма и не предполагал участия граждан в формировании повестки дня, их привлечения к выявлению вопросов, требующих серьезной совместной проработки и принятия конструктивных решений. Инструмент соучастия был заменен инструментом «доведения до сведения власти», а гражданин из участника процесса переводился в разряд просителя, так как исполнение того или иного запроса контролировалось по – сути теми же исполнителями. И если в 2010–2015 гг. гражданское общество начинало все больше и больше влиять на ситуацию в стране, то в последующий период такая активность постепенно сокращалась, граждане все меньше стремились к конструктивному взаимодействию с властью.

Нельзя не упомянуть о том, что на сегодняшний день, например, федеральные органы исполнительной власти пытаются создавать различные инструменты, облегчающие гражданам получать определенную информацию или решать те или иные вопросы с минимальной затратой личного времени в том числе через портал Госуслуг, что, безусловно имеет огромное значение, но тем ни менее, все эти инструменты делают человека полноправным соучастником процесса взаимодействия с представителями властных структур. И сказать будут ли в этом направлении происходить какие-то существенные подвижки крайне сложно, это покажет время.

Литература

1. Об общественном обсуждении проектов федеральных конституционных законов и федеральных законов: указ Президента РФ от 9.02.2011 г. № 167 // Российская газета. 2011. 11 февраля.
2. Путин В.В. Внедрение информационных технологий сделает более прозрачным общение граждан с властью // Файл-Р Ф. Ежедневная электронная газета. 2012. 17 февраля. URL: <http://file-rf.ru/context/1309>
3. Публикации результатов поименного голосования <http://vote.duma.gov.ru/>
4. «Видео-Дума» <https://video.duma.gov.ru/>
5. «Парламентская библиотека» <https://parlib.duma.gov.ru/>
6. «Приемная Государственной Думы» <https://priemnaya.duma.gov.ru/>
7. Система обеспечения законодательной деятельности <https://sozd.duma.gov.ru>
8. «Парламентский портал» <http://portal.duma.gov.ru>
9. Добродел <https://dobrodel.mosreg.ru>
10. Портал Государственных услуг <https://www.gosuslugi.ru>
11. Deibert R.J. *Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation*. N.Y.: Columbia University Press, 1997.

12. Кисилев А. Г., Киричѐк П.Н. Тренды политической коммуникации в контексте социальной модернизации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2019. Т. 19. № 2. С. 322–336.
13. Коган В.З. Маршрут в страну информологию. М., 1985.
14. Макаров Д.В. Коммуникации в государственном управлении Российской Федерации // Коммуникология. 2020. Том 8. № 2. С. 135–144. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-135-144.
15. Нэсбитт Дж., Эбурдин П. Что нас ждет в 90-е годы. Мегатенденции. Год 2000. М.: Республика, 1992.
16. Федосеева Н.Н., Чайковская М.А. Понятие и сущность концепции электронного государства // Российская юстиция. 2011. № 11.
17. Чеснаков А.А. ресурсы INTERNET и российские политические технологии: состояние и перспективы развития // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология, 1999. № 4.

MODERN FORMS OF COMMUNICATION AS A TOOL FOR IMPROVING THE QUALITY OF LAWMAKING AND STRENGTHENING CITIZENS' TRUST IN REPRESENTATIVE AUTHORITIES

Davletshina N.V.

Russian State University for the Humanities

The development of IT technologies throughout the world has a significant impact on the expansion of communication capabilities, including the development of interaction between government agencies and citizens. The expansion of these processes has resulted in the development of civil society. At present, new network forms of political life continue to be created, but the transformation of the legislative and executive branches does not always keep up with changing public demands. This contradiction arose in the Russian Federation quite a long time ago, but the efforts made by government agencies at various levels do not always produce the expect-

ed effect. In our opinion, to date it has not been possible to fully form effective tools for the consolidation of society and legislators by combining the intellectual potential of deputies, independent experts and citizens, although the need for them was obvious at least fifteen years ago.

Keywords: IT technologies, modern forms of communication, representative power, improving the quality of lawmaking.

References

1. On public discussion of draft federal constitutional laws and federal laws: Decree of the President of the Russian Federation of 09.02.2011 No. 167 // Rossiyskaya Gazeta. 2011. February 11.
2. Putin V.V. The introduction of information technologies will make communication between citizens and the authorities more transparent // File-R F. Daily electronic newspaper. 2012. February 17. URL: <http://file-rf.ru/context/1309>
3. Publication of the results of roll-call voting <http://vote.duma.gov.ru/>
4. "Video-Duma" <https://video.duma.gov.ru/>
5. "Parliamentary Library" <https://parlib.duma.gov.ru/>
6. "Reception of the State Duma" <https://priemnaya.duma.gov.ru/>
7. The system of supporting legislative activity <https://sozd.duma.gov.ru>
8. "Parliamentary portal" <http://portal.duma.gov.ru>
9. Dobrodel <https://dobrodel.mosreg.ru>
10. Portal of State Services <https://www.gosuslugi.ru>
11. Deibert R.J. Parchment, Printing, and Hypermedia: Communications in World Order Transformation. N.Y.: Columbia University Press, 1997.
12. Kisilev A.G., Kirichek P.N. Trends in Political Communication in the Context of Social Modernization // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2019. Vol. 19. No. 2. Pp. 322–336.
13. Kogan V.Z. Route to the Country of Informology. Moscow, 1985.
14. Makarov D.V. Communications in Public Administration of the Russian Federation // Communicology. 2020. Vol. 8. No. 2. Pp. 135–144. DOI: 10.21453/2311-3065-2020-8-2-135-144.
15. Nasbitt J., Eburdine P. What Awaits Us in the 90s. Megatrends. Year 2000. Moscow: Republic, 1992.
16. Fedoseeva N.N., Chaikovskaya M.A. Concept and essence of the concept of electronic state // Russian Justice. 2011. No. 11.
17. Chesnakov A.A. INTERNET resources and Russian political technologies: status and development prospects // Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and political science, 1999. No. 4.

Иващенко Вадим Александрович,

старший преподаватель Высшей школы Педагогики
и истории, Тихоокеанский государственный университет
E-mail: 003990@togudv.ru

Статья посвящена исследованию неоднородных эволюционных процессов, лежащих в основе формирования правовых основ политических режимов в различных исторических условиях. Актуальность работы обусловлена продолжающимся ростом числа «гибридных» государственно-правовых моделей и необходимостью их комплексного осмысления. Новизна состоит в системном анализе ключевых факторов – культурно-исторических предпосылок, правовых традиций, трансформации институтов власти, – влияющих на становление современных режимов. В рамках работы описаны классические и нестандартные (гибридные) формы правления, изучены колебания между авторитарными и демократическими практиками, выявляются источники противоречий, препятствующие консолидации правовых принципов. Особое внимание уделено механизмам «сдержек и противовесов», которые призваны обеспечивать равновесие ветвей власти. Работа ставит цель прояснить закономерности исторического развития правовых конструкций, для чего применяются сравнительный метод и анализ публикаций авторов, специализирующихся на проблематике эволюции режимов. В заключении обозначаются направления будущих исследований, связанные с уточнением факторов «гибридности» и перспектив совершенствования государственно-правовых институтов. Статья будет полезна историкам права, специалистам в области политологии и практикам государственного управления.

Ключевые слова: политический режим, эволюция права, демократизация, авторитаризм, гибридные институты, историческая динамика, правовые основы, государственная власть, принцип разделения властей, конституционные реформы.

Введение

Актуальность темы определяется тем, что в разных регионах мира продолжается поиск оптимальных правовых механизмов, формирующих устойчивое функционирование государства. При этом исторический опыт показывает, что политические режимы нередко сочетают традиционные и инновационные институты, создавая уникальные «гибридные» формы правления. Цель данного исследования – выявить ключевые векторы исторической динамики правовых основ политических режимов и определить факторы, препятствующие или способствующие утверждению демократических принципов.

Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

- 1) сравнить классические и современные подходы к типологии политических режимов и оценить их применимость в современных условиях;
- 2) проанализировать основные противоречия, возникающие при становлении гибридных институтов и «смешанных» правовых конструкций;
- 3) выявить, какие культурно-исторические особенности влияют на формирование механизмов «сдержек и противовесов».

Научная новизна исследования состоит в интегральном рассмотрении правовых и политических предпосылок становления режимов, что позволяет связать данные сравнительного анализа разных эпох и регионов с современными дебатами о будущем институционального развития.

Материалы и методы

В ходе работы привлечен круг источников, позволяющий всесторонне отразить эволюцию правовых и политических конструкций. Так, в статье А.М. Борисова [1] освещена научная дискуссия историков права, показана ценность форумов исследователей для методологических прорывов. М.А. Воронкова [2], используя сравнительно-правовой анализ, раскрывает особенности авторитарных и демократических тенденций в современной России. Н.Э. Гареева и С.Н. Шкель [3] изучают динамику политико-режимных трансформаций в постсоветском пространстве, выделяя несколько этапов эволюции политической мысли. Ц.С. Дондоков и Д.А. Кужинов [4] обращаются к концептуальным вопросам принципа разделения властей. В исследованиях А.С. Макаровой и Л.А. Курышовой [5] раскрыта история развития политических режимов и их эволюция, а Е.В. Морозова и И.В. Мирошниченко [6] акцентируют внимание на феномене гибридных

институтов в современных полициях. О.А. Назаренко [7] в своей работе детально характеризует теоретико-правовые параметры политического режима. Д.А. Пашенцев [8] анализирует государственные преобразования в петровское время сквозь призму историко-антропологической теории права. Д.В. Потапов [9] предлагает классификацию политических режимов с учетом социо-исторического контекста, а Л.И. Черкесова [10] рассматривает историко-правовые аспекты формирования одного из высших государственных органов в периоде имперской России.

Для получения обобщенных выводов применены следующие методы: сравнительный метод (сопоставление различных теорий и конкретных исторических контекстов), анализ источников и синтез, позволяющий выявить общие закономерности и объединить результаты в единую систему.

Результаты

Выявленные свидетельства исторических источников и анализ выбранных научных публикаций указывают на неоднородный характер развития политико-правовых механизмов, определявших функционирование режимов в разные исторические периоды. В ряде трудов отмечено, что постепенные изменения, связанные с формированием новых парадигм власти, возникали вследствие социально-экономических преобразований и идеологических колебаний в обществах с различным культурным наследием [5]. Уже в ранние эпохи мысли древних философов способствовали выработке подходов к описанию политико-правовых связей, хотя упорядоченное конституирование самих режимов сложилось значительно позднее.

Существует мнение, что государственные образования Старого Света демонстрировали эволюцию от абсолютной монархии к гибридным конструкциям, ориентированным на ограниченное представление населения в делах управления. Впоследствии опыт Восточной Европы, особенно после крушения империй и расшатывания прежних административных систем, инициировал новые формы правовых институтов [9]. Исследователи, изучавшие транзит от авторитарных форм к потенциальной демократизации, отмечали, что в постсоветский период возникали модели, где признаки демократических процедур сочетались с властными практиками, исключавшими подлинное равенство политических сил. Подобное расхождение приняло столь систематический характер, что трудно было отнести данные феномены напрямую к демократии или к классическому авторитаризму [3]. В определенных государствах усилилось влияние президентской ветви при одновременном ослаблении парламентских инструментов и независимого суда, что выражалось в консолидации исполнительного аппарата и усложнении механизмов обратной связи с обществом.

Эксперты выделяют несколько стадий развития правовых оснований, объясняющих трансфор-

мацию режимов в мировом контексте. При ранних моделях политической модернизации преобладало упование на внедрение классических конституционных схем, базировавшихся на идеях разделения властей и провозглашенных свобод. Однако в реальной практике обнаруживалось, что в условиях разнообразия культур и исторических традиций появлялись своеобразные конструкции, сочетающие элементы республиканского правления и авторитарных установлений [5]. Этот феномен получили назвать «гибридностью»: власть, сохраняя видимость легитимных выборов и формальной многопартийности, фактически ограничивала действия политических оппонентов, используя полулегальные ограничения или административные рычаги [6].

Любопытно отметить, что исследователи, обращавшиеся к анализу тоталитарных практик первой половины XX столетия, обнаруживали предпосылки для гипертрофированного разрастания государственного контроля. Постепенно в ряде стран наблюдались переходы к менее жестким формам, но сохранялась идея вертикально организованной системы принуждения. В то же время в литературе встречается описание сценариев, при которых даже внутри авторитарных образований возникали «островки» относительной свободы и публичных дискуссий, что помогало позже конструировать более сложные формы политической консолидации [10].

Проведенная систематизация материалов выявила, что конституционно-правовые перемены иной раз приобретали противоречивые очертания: декларируемые принципы демократии сосуществовали с практикой сильной исполнительной власти, уравновешиваемой лишь фрагментарной деятельностью судов или псевдонезависимыми законодательными институтами. По мнению отдельных авторов, в этих условиях законодатели принимали новые нормы, ориентированные на формальную либерализацию, хотя основной массив властных полномочий оставался под контролем президентских структур. Наряду с этим в отдельных государствах возникали специальные механизмы участия граждан в законотворческом процессе, к примеру, краудсорсинговые платформы, что свидетельствовало о попытках взаимодействия общества и власти [8].

В ходе анализа мнений о соотношении традиционных режимов и динамических форм политико-правовой организации прослеживается вывод, что закрепление демократических ценностей нередко оставалось недостижимым из-за интересов элит, стремящихся к сохранению личного влияния. При этом события перестроенного и постперестроенного периода способствовали обновлению доктрины суверенитета, где прежние ориентиры социалистической законности трансформировались в сторону признания плюрализма и конкуренции политических сил [2]. Подобные процессы сопровождались принятием конституционно закрепленных принципов о правах и свободах человека, а также децен-

трализацией государственной структуры. В ряде источников зафиксировано, что в новейшее время указанные элементы стали предметом экспертных обсуждений, ведь появилось стремление усовершенствовать конституционный строй и повысить прозрачность публичного управления.

Одновременно наблюдается закономерная тенденция к усложнению институтов власти, когда классические формы (парламентская республика, президентская республика, конституционная монархия) дополняются гибридными вариациями, в рамках которых указанные в теории элементы переплетаются со своеобразной централизацией властных рычагов или смешиванием конституционных моделей [7]. В целом выявлено, что исторические сдвиги в подходе к построению государства и закреплению нормативных основ власти зависели от факторов менталитета, культурного опыта и внешнеполитических ориентиров, благодаря чему даже в близких по составу политических союзах государства демонстрировали различные пути эволюции режимов.

По результатам рассмотрения структуры политико-правовых систем разных эпох можно заключить, что переходные периоды обычно отличались комплексной перестройкой институтов, а закреплённые нормативные формулы не всегда приносили ожидаемое укрепление демократических порядков. В некоторых случаях достигался лишь частичный расклад полномочий, при котором центральное руководство приобретало решающее влияние, ограничивая оппозиционные проявления. Одновременно крепились основания для развития механизмов правовой защиты гражданских прав, и через некоторое время это оказывало оздоравливающее воздействие на само понимание функций режима. Именно поэтому в научных работах приводятся примеры, когда синтез авторитарных методов управления и демократической риторики формировал промежуточные результаты и порождал эффект стагнации в политической системе [1]. Такой двойственный характер не редкость в мировой практике, и он объясняет многочисленные коллизии государственного управления, в том числе в новейших опытах конституционного реформирования.

Обсуждение

В ранее опубликованных работах [3; 5; 9] описаны множественные варианты эволюции политико-правовых схем при формировании исторической динамики режимов. Наблюдения, полученные в ходе описанного анализа, подтверждают идею, что ни одна из исследованных государственно-правовых систем не демонстрировала линейного и окончательного перехода к единой модели правления. Вместо этого прослеживается тенденция к длительным стадиям, когда внешне демократические процедуры сопряжены с сохранением авторитарных механизмов, фактически ограничивающих конкурентное участие общества в принятии стратегических решений.

Сопоставление проведенных здесь наблюдений с данными других исследований [1] показывает, что описанные режимы чаще не вписываются в традиционные схемы «чистого» демократизма либо авторитаризма, а формируют многообразные синтетические формы. Подобная неоднородность затрудняет однозначное позиционирование страны в привычных типологиях и указывает на необходимость более гибкой трактовки критериев, отличающих их друг от друга. Анализ подтверждает вывод, что гибридные формы регулярно воспроизводятся при условии отсутствия устоявшихся правовых традиций и устойчивого гражданского контроля. Наблюдения демонстрируют наличие циклических черт: определенные механизмы огосударствления политической жизни регулярно ужесточают правила, а в иной период возникают обратные тенденции к расширению общественного влияния.

Среди обнаруженных закономерностей заслуживает внимания следующая: ранее считалось, что частичная правовая модернизация способна активизировать качественный политический транзит. Но выявленная эмпирическая база подтверждает, что масштабные реформы не всегда приводят к укреплению конституционных начал: иногда власти лишь декларируют свободы, продолжая контролировать оппозиционные проявления. Параллельно сохраняется значительная востребованность в изучении локальных факторов (культурных, ментальных, социально-экономических), позволяющих объяснять расхождения между декларируемыми нормами и фактическими практиками.

Обнаружены не только вполне закономерные для исследуемого периода расхождения между литературными оценками и реальной политической динамикой, но и ряд неожиданных подробностей, связанных с частичным вовлечением институтов гражданского общества в процесс принятия нормативно-правовых актов. Так, краудсорсинговые онлайн-платформы и сетевые практики упоминаются в ряде исследований, что свидетельствует о попытках совместить классический механизм законодательной деятельности и современные формы коллективного участия. Такой опыт пока не получил универсального распространения, но он важен для понимания процессов переосмысления роли института государства.

В сопоставлении с иными исследованиями усматривается, что многие промежуточные институты сохраняются достаточно долго, не перетекая в однозначные формы консолидированной демократии или чистого авторитаризма. Предположительно, подобное смешение в значительной мере поддерживается интересами элит, которые стремятся удерживать власть, сочетая легитимные элементы выборной системы с формальными барьерами для полной конкуренции. При этом опора на нормативную базу и внешние международные ориентиры не всегда предопределяет переход к правовой прозрачности, поскольку доминирова-

ние той либо иной политической группы усиливается за счет избирательного применения законодательства.

Дальнейшие исследования могли бы акцентировать внимание на типологии гибридных институтов и возможностях их трансформации. Кроме того, отмечается нехватка работ, системно разбирающих связь между уровнем развития сети гражданских инициатив и степенью их влияния на формирование правового поля. Вклад данной работы состоит в том, что проведенная аналитика демонстрирует вариативность политических режимов, основываясь на данных об их историческом становлении и нынешнем состоянии, а также призывает к более детальному изучению факторов, содействующих либо препятствующих утверждению правового баланса внутри систем власти. В итоге создается предпосылка для дальнейших теоретических и практических исследований, направленных на проверку гипотез о том, насколько сочетание формальных норм с реальными социальными практиками способно стимулировать демократизацию или, напротив, консервировать неравномерное распределение власти.

Заключение

Изучение исторической динамики правовых основ политических режимов позволило, во-первых, сравнить различные подходы к типологии (первая задача) и выявить, что классические схемы не всегда адекватны гибридным реальностям. Во-вторых, анализ особенностей смешанных институтов и конституционных конструкций (вторая задача) показал, что в ряде случаев власть, сохраняя внешние демократические атрибуты, фактически блокирует оппозиционные механизмы. В-третьих, уяснена роль локальных культурных факторов (третья задача): исторические традиции, менталитет и социально-экономическая среда могут по-разному направлять развитие правовых институтов.

Так, была достигнута основная цель исследования – систематизированы ключевые векторы эволюции правовых основ политических режимов и дана оценка тем аспектам, которые сдерживают либо стимулируют демократизацию. Результаты подтверждают важность дальнейшего анализа гибридных конструкций, а также усиления внимания к факторам правового сознания и гражданской инициативы. Представленные выводы расширяют понимание механизмов исторического становления институтов власти и могут служить стимулом для новых исследований в области конституционного права и политической истории.

Литература

1. Борисов, А.М. Историко-правовая наука в поиске новых методологических решений (Обзор второго Всероссийского форума историков права, Санкт-Петербург, 8–10 июня 2023 года) // Новый ракурс. – 2023. – № 2. – С. 34–42.

2. Воронкова, М.А. Особенности политического режима в современной России: сравнительно-правовой анализ // Глобус. – 2020. – № 3 (49). – С. 58–66.
3. Гареева, Н. Э., Шкель, С.Н. Динамика политикорежимных трансформаций в странах постсоветского пространства: этапы эволюции политической мысли // Вестник Башкирского университета. – 2011. – № 3. – С. 45–52.
4. Дондоков, Ц. С., Кужиков, Д.А. Понятие принципа разделения властей: историко-правовой аспект // Вестник ЗабГ У. – 2014. – № 7. – С. 73–81.
5. Макарова, А. С., Курышова, Л.А. Политические режимы: история и эволюция // Материалы X Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». – 2018. – С. 88–95.
6. Морозова, Е. В., Мирошниченко, И.В. Гибридные политические институты в современных полициях // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). – 2015. – № 3. – С. 92–100.
7. Назаренко, О.А. Политический режим: теоретико-правовая характеристика // Polit-Book. – 2013. – № 2. – С. 19–27.
8. Пашенцев, Д.А. Государственные преобразования Петровского времени через призму историко-антропологической теории права (К 300-летию провозглашения Российской империи) // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2021. – № 1 (41). – С. 77–84.
9. Потапов, Д.В. Категория и классификация политических режимов: социально-исторический анализ // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 5. – С. 101–110.
10. Черкесова, Л.И. Историко-правовые аспекты деятельности Государственного совета Российской империи (1810–1906 гг.) // Право и практика. – 2022. – № 1. – С. 56–64.

HISTORICAL DYNAMICS OF THE LEGAL BASIS OF POLITICAL REGIMES

Ivaschenko V.A.

Higher School of Pedagogy and History of the Pacific National University

The article is devoted to the study of heterogeneous evolutionary processes underlying the formation of legal foundations of political regimes in various historical conditions. The relevance of the work is due to the continuing growth in the number of “hybrid” state-legal models and the need for their comprehensive understanding. The novelty lies in the systemic analysis of key factors – cultural and historical prerequisites, legal traditions, transformation of government institutions – influencing the formation of modern regimes. The work describes classical and non-standard (hybrid) forms of government, studies fluctuations between authoritarian and democratic practices, identifies sources of contradictions that impede the consolidation of legal principles. Particular attention is paid to the mechanisms of “checks and balances” that are designed to ensure the balance of branches of government. The work aims to clarify the patterns of historical development of legal structures, for which a comparative method and analysis of publications of authors specializing in the problems of regime evolution are used. The conclusion outlines the directions of future research related to the clarification of the factors of “hybridity” and the prospects for improving state and legal institutions. The article will be useful for historians of law, specialists in political science and public administration practitioners.

Keywords: political regime, evolution of law, democratization, authoritarianism, hybrid institutions, historical dynamics, legal foundations, state power, principle of separation of powers, constitutional reforms.

References

1. Borisov, A.M. Historical and legal science in search of new methodological solutions (Review of the Second All-Russian Forum of Legal Historians, St. Petersburg, June 8–10, 2023) // *Novy Rakurs*. – 2023. – No. 2. – P. 34–42.
2. Voronkova, M.A. Features of the political regime in modern Russia: comparative legal analysis // *Globus*. – 2020. – No. 3 (49). – P. 58–66.
3. Gareeva, N. E., Shkel, S.N. Dynamics of political and regime transformations in the post-Soviet countries: stages of the evolution of political thought // *Bulletin of Bashkir University*. – 2011. – No. 3. – P. 45–52.
4. Dondokov, C. S., Kuzhikov, D.A. The concept of the principle of separation of powers: historical and legal aspect // *Bulletin of ZabS U*. – 2014. – No. 7. – P. 73–81.
5. Makarova, A. S., Kuryshova, L.A. Political regimes: history and evolution // *Proceedings of the X International student scientific conference “Student Scientific Forum”*. – 2018. – P. 88–95.
6. Morozova, E. V., Miroshnichenko, I.V. Hybrid political institutions in modern polities // *Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (state and society)*. – 2015. – No. 3. – P. 92–100.
7. Nazarenko, O.A. Political regime: theoretical and legal characteristics // *PolitBook*. – 2013. – No. 2. – P. 19–27.
8. Pashentsev, D.A. State transformations of Peter the Great's time through the prism of the historical and anthropological theory of law (On the 300th anniversary of the proclamation of the Russian Empire) // *Bulletin of Moscow State Pedagogical Univ. Series: Legal sciences*. – 2021. – No. 1 (41). – P. 77–84.
9. Potapov, D.V. Category and classification of political regimes: socio-historical analysis // *Social and humanitarian knowledge*. – 2022. – No. 5. – P. 101–110.
10. Cherkesova, L.I. Historical and legal aspects of the activities of the State Council of the Russian Empire (1810–1906) // *Law and Practice*. – 2022. – No. 1. – P. 56–64.

Об оценке действий должника по совершению сделок при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства

Климова Анна Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: a.klimova@365.rsu.edu.ru

Клепикова Ольга Геннадьевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина»
E-mail: o.klepikova@365.rsu.edu.ru

Исследование судебной практики показало, что гражданин не освобождается от дальнейшего исполнения обязательства перед кредитором при наличии судебного акта об отказе в признании сделки недействительной в связи с пропуском срока исковой давности, поскольку данные обстоятельства не препятствуют суду оценить действия должника по совершению сделок при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства. В статье исследуется неопределенность в вопросе о том, позволяют ли положения абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» арбитражному суду давать оценку действиям должника по совершению сделки за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства при наличии судебного акта об отказе в признании сделки должника недействительной в связи с пропуском срока исковой давности. Авторы делают вывод о том, что такое истолкование закона по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, не является конституционным, поэтому для разрешения данного вопроса и выявления истинной воли законодателя при установлении срока исковой давности при оспаривании сделки необходимо обращение к органу конституционного контроля.

Ключевые слова: дело о банкротстве, завершение процедуры банкротства, оценка действий должника по совершению сделок, неосвобождение от исполнения обязательств.

Вопросам, возникающим в рамках дела о банкротстве физического лица при завершении процедуры банкротства, посвящено достаточно много исследований, поскольку целью проведения процедуры банкротства является освобождение гражданина от последующего исполнения обязательств, и для соблюдения баланса прав кредитора и должника необходимо не допустить использование механизма освобождения гражданина от обязательств при недобросовестном поведении должника, когда его действия были совершены с намерением причинить вред кредитору, поэтому данные обстоятельства исследуются судом именно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства гражданина. Так, авторами исследовались конституционные основы правовых институтов, применяемых при завершении процедуры банкротства гражданина при неосвобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств, с целью определения возможности обращения к органу конституционного контроля для защиты прав должника и обеспечения баланса интересов должника и кредитора [1], рассматривались вопросы о неприменении правила об освобождении должника от исполнения обязательств в деле о банкротстве за совершенную должником сделку по отчуждению имущества при наличии в рамках обособленного спора судебного акта об отказе в признании данной сделки должника недействительной [2] и другие. Также по схожему предмету исследования института завершения процедуры банкротства и оспариванию нормы права – статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» имеется уже достаточное количество решений органа конституционного контроля, которые Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации были систематизированы по часто обжалуемой статье закона с 2017 года [3]. Наиболее подходящим решением органа конституционного контроля к рассматриваемому нами вопросу является определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 марта 2024 года № 753-О, в котором указаны следующие фактические обстоятельства дела, при завершении процедуры реализации имущества к должнику не применены правила об освобождении от обязательства перед кредитором в связи с совершением сделки по безвозмездному отчуждению имущества, но в требовании о признании данной сделки дарения недействительной было отказано в связи с пропуском срока исковой давности для ее оспаривания. При этом заявителем перед органом конституционного контроля

был поставлен вопрос только в части обнаружившейся неопределенности о возможности допущения в рамках дела о банкротстве повторного судебного притязания кредитора, который в ходе исполнительного производства при реализации имущества должника отказался оставить это имущество за собой в счет погашения задолженности, в результате чего оно было возвращено должнику.

Однако, полагаем, что заявителю необходимо было по иному сформулировать вопрос, поскольку в данном случае обнаруживается неопределенность в том, позволяют ли положения абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 2 статьи 181 ГК РФ давать оценку действиям должника по совершению сделки за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника применительно к указанной норме непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства при наличии судебного акта об отказе в признании сделки должника недействительной в связи с пропуском срока исковой давности.

В правоприменительной практике указано, что положения абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не предусматривают необходимости обязательного получения судебного акта о признании сделки должника недействительной для последующего решения вопроса об освобождении его от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами. Оценка действий должника по совершению сделок применительно к указанной норме может быть дана непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства за пределами срока исковой давности по недействительным сделкам (годового срока по требованию о признании оспоримой сделки недействительной) – постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2023 г. по делу № А54–5488/2019 (абзац 4 страницы 11) [4].

Из этого следует, что необходимо определить, с какой целью законом устанавливается срок исковой давности для оспаривания сделок должника, если арбитражный суд непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства вправе оценить действия должника по совершению сделки и при наличии судебного акта в рамках обособленного спора об отказе в признании сделки должника недействительной в связи с пропуском срока исковой давности и вообще без получения судебного акта о признании сделки должника недействительной.

При этом такой момент о возможности дать оценку действиям должника по совершению сделки без получения судебного акта о признании сделки недействительной в ст. 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» не определен, в том числе не определен и в другом действующем законодательстве Российской Федерации.

Позиция по рассматриваемому вопросу о несоответствии взаимосвязанных положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 2 статьи 181 ГК РФ Конституции Российской Федерации в той мере, в какой указанные положения, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют арбитражному суду давать оценку действиям должника по совершению сделки за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства при наличии судебного акта об отказе в признании сделки должника недействительной в связи с пропуском срока исковой давности, и ее правовое обоснование со ссылкой на соответствующие нормы Конституции Российской Федерации.

1. Нарушение части 1 (принципа *non bis in idem*) и части 3 статьи 17, части 1 и части 2 статьи 19, части 2 и части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации.

Такое истолкование абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 2 статьи 181 ГК РФ, которое дается арбитражным судом, наделяет его правом давать оценку действиям должника по совершению сделок применительно к пункту 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства без обязательного получения судебного акта о признании сделки должника недействительной. Таким образом, действия должника по совершению сделки могут быть оценены арбитражным судом и за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника и судебной защиты прав кредитора.

В рамках рассматриваемого дела о банкротстве был заявлен обособленный спор о признании сделки должника по отчуждению земельного участка недействительной, но за пределами срока для оспаривания сделки должника, поэтому постановлением Арбитражного суда Центрального округа от 21 февраля 2023 года по делу № А54–5488/2019 было отказано в удовлетворении требований о признании недействительным договора дарения земельного участка.

Из сказанного следует, что судебная защита кредитора от действий должника по совершению сделок в порядке применения положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» при наличии судебного акта об отказе в признании сделки должника по отчуждению земельного участка недействительной недопустима, поскольку кредитор не воспользовался в установленный законом срок по предъявлению требования о признании оспоримой сделки недействительной.

Полагаем, что самостоятельно принцип добросовестности в порядке абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несо-

стоятельности (банкротстве)» применяется только к таким действиям должника, которые совершены не в форме сделки и не подлежат защите специальными нормами права, то есть не могут быть рассмотрены в рамках обособленного спора об оспаривании сделки должника с соблюдением определенных установленных законом правил.

Иными словами, совершенная должником сделка, которая могла быть оспорена в судебном порядке по правилам Главы III.1. Оспаривание сделок должника» Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», то есть являлась оспоримой сделкой и могла быть признана незаконной только судом в рамках конкретного обособленного спора в установленный годичный срок исковой давности. Пропуск срока исковой давности для оспаривания сделки должника лишает материального средства защиты кредитора, лишает права защиты кредитора на предмет сделки.

Поэтому отсутствие судебного акта о признании сделки недействительной (незаконной), в том числе и по причине того, что кредитор не позаботился в срок оспорить сделку должника, в силу принципа *non bis in idem* запрещают повторно привлекать должника к гражданско-правовой ответственности в виде не освобождения должника от дальнейшего исполнения обязательств перед кредитором, потому что отсутствует надлежащее доказательство (судебный акт о признании сделки недействительной) о совершении должником гражданского правонарушения.

Оценка действий должника по совершению сделки может быть дана только судом в специальной процедуре, в рамках обособленного спора, по правилам Главы III.1. Оспаривание сделок должника» Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Необходимо отметить, что с заявлением об оспаривании сделки должника вправе обращаться кредитор и финансовый управляющий, и в случае пропуска срока исковой давности на оспаривание сделки должника, кредитор вправе защитить свое нарушенное имущественное право на предмет сделки путем предъявления требований к финансовому управляющему о возмещении убытков, если будет доказано, что кредитор имел право притязание на предмет сделки, а не за счет применения к должнику без признания в судебном порядке сделки должника незаконной, без установления судом в специальной процедуре (обособленный спор) по специальным критериям доказывания, в отсутствие состава гражданского правонарушения, положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Пропуск срока исковой давности для оспаривания сделки должника влечет прекращение права судебной защиты для кредитора на предмет сделки, и суд не вправе рассматривать действия должника по совершению сделки за пределами срока для оспаривания сделки должника и давать оценку действиям должника по совершению сделки, иное

противоречит принципам правовой определенности и предсказуемости.

2. Нарушение принципа – *res judicata* (выявляющегося путем толкования части 1 статьи 1, части 4 статьи 15, части 1 и 2 статьи 19 Конституции Российской Федерации, обозначающего «признание законной силы судебных решений, их неопровержимости, без чего недостижим баланс публично-правовых и частно-правовых интересов»), части 2 статьи 45, части 1 статьи 46, части 2 статьи 55, части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации.

В материалах рассматриваемого дела о банкротстве № А54–5488/2019 имеется вступивший в законную силу судебный акт об отказе в признании сделки должника по отчуждению земельного участка недействительной – постановление Арбитражного суда Центрального округа от 21.02.2023 г.

В пункте 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» разъяснено: «45. Согласно абзацу четвертому пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве освобождение должника от обязательств не допускается, если доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве должника, последний действовал незаконно, в том числе совершил действия, указанные в этом абзаце. Соответствующие обстоятельства могут быть установлены в рамках любого судебного процесса (обособленного спора) по делу о банкротстве должника, а также в иных делах.»

Другими словами, в рассматриваемом деле имеется вступивший в законную силу судебный акт, принятый в рамках обособленного спора, который, напротив, исключает факт признания действий должника по совершению сделки незаконным, сделка не признана недействительной (незаконной), сделка не являлась ничтожной, мнимой и т.д.

Таким образом, судебные акты по обособленным спорам об оспаривании сделок должника в нарушение принципа *res judicata* теряют признание законной силы решения суда, его неопровержимости, поскольку, если судебный акт принят не в пользу кредитора по основанию пропуска срока исковой давности для оспаривания сделки должника, то арбитражный суд вправе дать оценку действиям должника по совершению данной сделки, срок для оспаривания которой истек, при рассмотрении вопроса о неприменении правил в отношении должника об освобождении от исполнения обязательств.

Абзац четвертый пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве применен арбитражным судом в таком истолковании, которое позволяет обесценить судебное разбирательство в рамках обособленного спора, в случае, если сделка должника не признана недействительной по основанию пропуска

срока исковой давности, что нарушает общепризнанный принцип *res judicata*, так как позволяет повторно дать квалификацию поведения должника по совершению конкретной сделки не в рамках обособленного спора, а при применении абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, лишив при этом должника права судебной защиты, не рассмотрев доводы должника о цели совершения сделки, а также обстоятельства совершения сделки.

Такое применение и истолкование пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», не позволяют определить обстоятельства, подлежащие доказыванию при разрешении вопроса о завершении расчетов с кредитором и освобождение гражданина от обязательств, на должника возлагается обязанность доказывать, что сделка не была направлена на причинение вреда кредитору, то есть те юридически значимые обстоятельства по делу, которые относятся к обособленному спору об оспаривании сделки должника, за пределами пропуска срока для оспаривания сделки должника, что создает правовую неопределенность и лишает предсказуемости.

Так, под правом лица, подлежащим защите судом, понимается субъективное гражданское право конкретного лица. Исковая давность как срок, в течении которого управомоченное лицо может путем заявления требования в суд и разрешения спора получить удовлетворение своих требований к обязательному по отношению к нему лицу. Исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре. Должником было заявлено в рамках обособленного спора о применении судом пропуска срока исковой давности по требованию о признании оспариваемой сделки недействительной.

Данный довод подтверждает, что в настоящем деле не подлежит применению пункт 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» только на основании совершения сделки должника в преддверии банкротства и оценки действий должника по совершению сделки, срок исковой давности по которой для оценивания судом истек.

Такое истолкование положений абзаца 4 пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве и пункта 1 статьи 166, пункта 2 статьи 181 ГК РФ, части 1 статьи 61.1, статьи 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которое применено в рассматриваемом деле, обесценивает само право судебной защиты в рамках обособленных споров об оспаривании сделок должника, лишает права (гарантии) защиты своих прав всеми не запрещенными законом способами (статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации), подрывает доверие к судебной системе и правосудию в целом, а также ставит должника в неравное положение в процедуре банкротства по сравнению с кредитором (в нарушение части 1 статьи 19 и части 3 статьи 123 Конституции Российской Федерации).

Положения Главы III.1. «Оспаривание сделок должника» Федерального закона «О несостоя-

тельности (банкротстве)», а именно ст. 61.2 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», пресекает возможность извлечения сторонами сделки, причиняющей вред, преимуществ из их недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 Гражданского кодекса Российской Федерации), однако пропуск срока исковой давности является самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований о признании сделки недействительной, защищает стороны сделки от оценивая их действия со совершению сделки, прекращает право кредитора на судебную защиту в отношении данной сделки.

Таким образом, для устранения нарушения баланса прав должника и кредитора необходимо лишение неконституционных предписаний юридической силы положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», которые позволяют арбитражному суду предоставлять кредитору защиту путем дачи оценки действиям должника по совершению сделки за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника и при отсутствии судебного акта о признании сделки должника недействительной при разрешении вопроса о завершении процедуры реализации имущества должника.

Обращение к органу конституционного контроля является действенным способом оказать воздействие на правоприменительную практику арбитражного суда [5], и несмотря на то, что ранее уже были обращения к органу конституционного правосудия по вопросам, возникающим при применении положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», но данные обстоятельства не исключают возможность по иному сформулировать неопределенность в вопросе о соответствии оспариваемой нормы Конституции Российской Федерации, указать другое правовое обоснование. Так, в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2015 № 23-П этому доводу дано следующее пояснение: «Поставленный заявителем вопрос ранее уже затрагивался в жалобах, направляемых в Конституционный Суд Российской Федерации, по которым принимались решения, однако в связи с продолжающимся поступлением обращений о нарушении конституционных прав граждан указанными нормами, а также учитывая сложившуюся практику их применения Конституционный Суд Российской Федерации полагает возможным вернуться к вопросу об их конституционности и принять жалобу... к рассмотрению».

Поэтому полагаем необходимым поставить перед органом конституционного правосудия вопрос о признании взаимосвязанных положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 2 статьи 181 ГК РФ не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой указанные положения, по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, позволяют арбитражному суду давать оценку действи-

ям должника по совершению сделки за пределами срока исковой давности для оспаривания сделки должника непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства при наличии судебного акта об отказе в признании сделки должника недействительной в связи с пропуском срока исковой давности.

Дефектность положений абзаца четвертого пункта 4 статьи 213.28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» заключается в том, что они позволяют арбитражному суду не предусматривать необходимость обязательного получения судебного акта о признании сделки должника недействительной для последующего решения вопроса об освобождении его от дальнейшего исполнения своих обязательств перед кредиторами, а также давать оценку действий должника по совершению сделки применительно к указанной норме непосредственно при вынесении судебного акта о завершении процедуры банкротства за пределами срока исковой давности для оспаривания данной сделки должника, что создает правовую неопределенность и лишает предсказуемости.

Литература

1. Клепикова О.Г. К вопросу о неприменении правила об освобождении должника от дальнейшего исполнения обязательств в деле о банкротстве // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения 2024. Гатчина. 2024. С. 152–155.
2. Клепикова О.Г., Климова А.Н., Кошкина И.Г. Конституционная судебная защита при разрешении неопределенности в вопросе о неприменении правила об освобождении должника от исполнения обязательств в деле о банкротстве // Закон и Власть. 2024. № 1. С. 9–14.
3. Подборка решений по закону о несостоятельности // Официальная страница (сайт) Конституционного Суда РФ. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Compilation/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83%20%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
4. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 20.04.2023 г. по делу № А54–5488/2019// Инф. система «Картошка арбитражных дел». URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/7097dca3-63a3-486c-bc62-d38c29b2860b/A54-5488-2019_20230420_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.02.2025).

noj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 28.02.2025).

5. Клепикова О.Г., Gladun A.N. Потенциал конституционного контроля в области защиты прав и свобод гражданина // Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток. 2023. С. 50–54.

ON THE ASSESSMENT OF THE DEBTOR'S ACTIONS IN EXECUTING TRANSACTIONS WHEN ISSUING A COURT ORDER ON COMPLETING THE BANKRUPTCY PROCEDURE

Klimova A.N., Klepikova O.G.

Ryazan State University named after S.A. Yesenin

The study of judicial practice has shown that a citizen is not released from further performance of an obligation to a creditor in the presence of a judicial act refusing to recognize a transaction as invalid due to the expiration of the limitation period, since these circumstances do not prevent the court from assessing the debtor's actions in concluding transactions when issuing a judicial act on the completion of bankruptcy proceedings. The article examines the uncertainty in the issue of whether the provisions of paragraph four of clause 4 of Article 213.28 of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" allow the arbitration court to assess the debtor's actions in concluding a transaction outside the limitation period for challenging the debtor's transaction directly when issuing a judicial act on the completion of bankruptcy proceedings in the presence of a judicial act refusing to recognize the debtor's transaction as invalid due to the expiration of the limitation period. The authors conclude that such an interpretation of the law in the sense given to it by law enforcement practice is not constitutional, therefore, in order to resolve this issue and identify the true will of the legislator when establishing the limitation period when challenging a transaction, it is necessary to contact the constitutional control body.

Keywords: bankruptcy case, completion of bankruptcy proceedings, assessment of the debtor's actions in making transactions, failure to release from fulfilling obligations.

References

1. Klepikova O.G. On the issue of non-application of the rule on the release of the debtor from further performance of obligations in a bankruptcy case // Actual problems of science and practice: Gatchina readings 2024. Gatchina. 2024. Pp. 152–155.
2. Klepikova O.G., Klimova A.N., Koshkina I.G. Constitutional judicial protection in resolving uncertainty in the issue of non-application of the rule on the release of the debtor from the performance of obligations in a bankruptcy case // Law and Power. 2024. No. 1. Pp. 9–14.
3. A selection of decisions on the law on insolvency // Official page (website) of the Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://ksrf.ru/ru/Decision/Documents/Compilation/%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D0%B1%D0%BE%D1%80%D0%BA%D0%B0%20%D1%80%D0%B5%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%83%20%D0%BE%20%D0%BD%D0%B5%D1%81%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8.pdf> (accessed on 28.02.2025).
4. Resolution of the Twentieth Arbitration Court of Appeal dated 20.04.2023 in case No. А54–5488/2019 // Inf. system "Card index of arbitration cases". URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/76eb9f60-a9ce-477d-9e26-728eaa7c9d72/7097dca3-63a3-486c-bc62-d38c29b2860b/A54-5488-2019_20230420_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (accessed: 28.02.2025).
5. Klepikova O.G., Gladun A.N. Potential of constitutional control in the field of protection of rights and freedoms of a citizen // Collection of articles based on the materials of the All-Russian scientific and practical conference. Vladivostok. 2023. Pp. 50–54.

Трансформация налогового мониторинга в Российской Федерации от внедрения к цифровой эволюции

Лексин Евгений Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского»
E-mail: 79053883247@mail.ru

В данной статье рассматривается эволюция налогового мониторинга в Российской Федерации – от первых шагов по внедрению институтов горизонтального взаимодействия между налогоплательщиками и налоговыми органами до современной цифровой трансформации. На основе анализа нормативно-правовой базы, официальных разъяснений и научных публикаций определяются ключевые этапы развития системы налогового мониторинга, выявляются законодательные особенности и перспективы дальнейшего совершенствования.

Ключевые слова: налоговый мониторинг, трансформация, цифровая эволюция, горизонтальный контроль, правовое регулирование, цифровые технологии, система внутреннего контроля, электронное взаимодействие, блокчейн, мотивированное мнение, информационная безопасность.

Введение

Современные экономические условия и стремительное развитие цифровых технологий стимулируют государства к поиску более гибких форм взаимодействия с налогоплательщиками. В Российской Федерации одним из ключевых направлений реформы налогового администрирования стало внедрение института мониторинга (также известного как «горизонтальный мониторинг»). Изначально данный механизм был направлен на повышение прозрачности, сокращение проверок и оперативный обмен информацией между налоговыми органами и крупнейшими налогоплательщиками. Со временем юридические инструменты и технологическая база совершенствовались, что привело к постепенной цифровизации процедур налогового контроля.

Цель данной статьи – провести подробный обзор правового регулирования и практических шагов по внедрению и развитию налогового мониторинга, а также показать, каким образом цифровые инструменты трансформировали данный институт, и какие вызовы существуют в его дальнейшей эволюции.

Степень разработанности темы исследования

В контексте трансформации налогового мониторинга в России исследователи указывают на всё более тесную взаимосвязь правового регулирования и применения современных ИТ-решений. В.В. Литвинова трактует налоговый мониторинг как инновационную форму контроля, способствующую прозрачности и снижению рисков. Ключевыми проблемами выступают доступ к бухгалтерским системам организаций, защита конфиденциальных данных и выстраивание доверительных правовых отношений между бизнесом и государством [11, с. 505]. А.В. Фирагина, Н.Н. Губернаторова делают акцент на процедуре мониторинга и критериях отбора участников (объёмы выручки, сумма налогов и др.), описывая обязанности по предоставлению пояснений и документов, а также возможность досрочного его прекращения [18, с. 86]. А.Н. Егорова сравнивает мониторинг с традиционными проверками, выделяя его оперативность, доверительный формат отношений и перспективы совершенствования за счёт электронного документооборота и анализа больших данных [10, с. 140]. Рост числа компаний-участниц, несмотря на высокие критерии, подтверждает выгоду от внедрения внутреннего контроля. Т.О. Графова, В.А. Гладченко рассматривают методику перехода к мониторингу, в том

числе анализ систем внутреннего контроля (СВК), рекомендации по автоматизации обмена данными с ФНС и оценку экономического эффекта для крупных организаций. Учёные подчёркивают не только снижение фискальных рисков, но и повышение прозрачности финансово-хозяйственной деятельности как фактора инвестиционной привлекательности [9, с. 10]. Н.В. Расколова, О.В. Старова уделяют внимание цифровому аспекту, включая сервисы ФНС, возможности интеграции блокчейна и риски, связанные с защитой данных. По мнению указанных авторов, ключом к совершенствованию мониторинга выступает создание «цифровой экосистемы» и правовое регулирование вопросов безопасности [14, с. 332]. А.Ю. Половинко показывает исторические предпосылки появления мониторинга в России и подчёркивает его предупредительную функцию, актуальные правовые особенности и необходимость вовлечения среднего бизнеса за счёт снижения порогов [13, с. 624]. Д.Е. Симакова, Ф.П. Харитонов делают акцент на разработке единой правовой базы для онлайн-контроля, унификации стандартов обмена информацией и устранении цифровых барьеров (к которым относятся слабая инфраструктура, нехватка IT-специалистов) [16, с. 142]. По мнению указанных авторов, мониторинг – это принципиально иная модель партнёрства государства и бизнеса. Е.А. Александрова концентрируется на цифровых платформах, сокращающих время на отчётность, автоматизирующих сверку операций и позволяющих в реальном времени взаимодействовать с налоговыми органами. Автор подчёркивает, что эффективное участие в мониторинге напрямую зависит от внедрения сквозного электронного документооборота и внутреннего архива [7, с. 5]. И.А. Севостьянов, С.А. Чинянин, А.М. Краснов проводят SWOT-анализ мониторинга. К преимуществам данные авторы относят гибкое реагирование на нарушения и развитие предсказуемости администрирования, а к недостаткам – высокие требования к участникам, неопределённость в части правовых гарантий защиты данных и значительные расходы на совершенствование систем внутреннего контроля. Применение современных IT-решений позволяет снизить «человеческий фактор» и повысить точность контроля [15, с. 186]. В свою очередь, В.В. Солдатова и И.А. Сергеева подчёркивают, что налоговый мониторинг как новая форма контроля, ориентированная на риск-ориентированный подход, требует непрерывного совершенствования на базе современных информационных средств и технологий. Авторы указывают, что такие меры не только стимулируют организации к улучшению учётных систем, но и создают возможности для более оперативного взаимодействия между налогоплательщиком и налоговым органом, способствуя росту поступлений в бюджет [17, с. 175]. Внедрение цифровых инструментов усиливает угрозы информационной безопасности, а значит, обуславливает необходимость дополнительных мер защиты и повышения доверия со стороны государства и бизнеса.

Таким образом, современные исследования последовательно раскрывают эволюцию налогового мониторинга как инструмента взаимодействия государства и бизнеса, придавая всё большее значение правовому регулированию и цифровым технологиям, призванным повысить прозрачность и эффективность налоговой сферы.

Результаты исследования

Институт налогового мониторинга был закреплён в части первой Налогового кодекса РФ (далее – НК РФ) федеральными законами 2014–2015 годов. Одним из ключевых актов, которым официально заложены основы этого механизма, считается Федеральный закон от 04.11.2014 № 348-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в части совершенствования механизмов налогового контроля и взаимодействия налоговых органов с налогоплательщиками» [2]. Данные поправки утвердили форму «горизонтального контроля» и определили рамочные условия для участия в мониторинге.

По первоначальному замыслу, налоговый мониторинг был ориентирован в первую очередь на крупные корпорации и организации, имеющие значительную сумму выручки и налогооблагаемой базы. В последующие годы были приняты дополнительные законодательные акты, в частности Федеральный закон от 29.12.2014 № 452-ФЗ «О внесении изменений в статью 165 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» [3], которые уточняли пороговые показатели для участников мониторинга и систему критериев отбора.

Налоговый мониторинг в российском правовом поле (ст. 105.26 НК РФ) представляет собой особую форму контроля, при которой налогоплательщик предоставляет налоговым органам доступ к своим системам учета и обязуется взаимодействовать в формате постоянного информационного обмена [1]. Предметом мониторинга является проверка правильности и своевременности исчисления (удержания), а также уплаты (перечисления) налогов, сборов и страховых взносов. Условия для участия в мониторинге включают выполнение пороговых показателей (сумма налогов, выручка, совокупная стоимость активов) либо принадлежность к определенным категориям организаций (например, резиденты особых экономических зон). Период мониторинга совпадает с календарным годом, а решение о его проведении принимается налоговым органом на основании заявления организации и соответствующего регламента информационного взаимодействия. При несоблюдении установленных условий (например, систематическое непредставление данных или предоставление ложной информации) налоговый мониторинг может быть досрочно прекращен.

Принцип «горизонтального взаимодействия» подразумевает добровольность, прозрачность и оперативность обмена информацией. В юридической доктрине отмечают, что такая модель конт-

роля создает дополнительные гарантии для участников рынка, позволяя им заранее урегулировать спорные вопросы с налоговым органом, что способствует сокращению количества выездных проверок [8, с. 26].

Основные положения и принципы заключаются в следующем:

- открытость информации о системе внутреннего контроля организации, предоставляемой налоговому органу;
- оперативные консультации с инспекцией ФНС по вопросам применения налогового законодательства;
- сокращение традиционных мер контроля (камеральных и выездных проверок) в отношении участников мониторинга.

Чтобы обеспечить единообразие практики, Федеральная налоговая служба России (ФНС) выпустила ряд разъяснительных писем и методических рекомендаций:

- Письмо от 13.03.2024 № СД-4–23/2854@ «О представлении в ФНС России документов, используемых при подготовке к переходу на налоговый мониторинг» [4];
- Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7–23/518@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля» [5].

Указанные документы устанавливают критерии оценки рисков, структуру и состав документов, необходимых для подтверждения надлежащего уровня внутреннего контроля, а также регламентируют процедуру информационного обмена.

Первые пилотные проекты по налоговому мониторингу показали, что данный формат взаимодействия выгоден как налогоплательщикам, так и налоговым органам ввиду того, что:

- снижается риск налоговых споров и начисления дополнительных сумм по итогам проверок;
- повышается предсказуемость фискальной политики для бизнеса;
- ускоряется возврат НДС и прочие операции, требующие согласований с инспекцией.

Однако специалисты указывают на сложность подготовки для вступления в мониторинг, связанную с необходимостью доказывать эффективность системы внутреннего контроля (СВК) организации.

Мотивированное мнение выступает дополнительным механизмом взаимодействия между налоговым органом и организацией, находящейся в режиме мониторинга. Оно фиксирует позицию инспекции по вопросам правильности исчисления и уплаты налогов, предлагая налогоплательщику при необходимости внести корректировки без штрафных санкций. Запрос мотивированного мнения может исходить как от самого налогоплательщика при наличии сомнений в применении налогового законодательства, так и от контролирующего органа при выявлении противоречий в документах. При согласии с позицией ФНС организация уве-

домляет о выполнении мотивированного мнения и вносит соответствующие изменения в учет и отчетность [19]. Несогласие инициирует взаимосогласительную процедуру с участием ФНС России, после чего мотивированное мнение либо остается без изменения, или корректируется. В случае отказа от исполнения мотивированного мнения до установленного срока может быть назначена выездная налоговая проверка по соответствующим вопросам. При этом суды рассматривают мотивированное мнение как рекомендацию, не влекущую автоматических санкций и сохраняющую за налогоплательщиком возможность корректировать свои обязательства добровольно.

В условиях цифровизации, поддерживаемой государственной программой «Цифровая экономика Российской Федерации» [6], ФНС активно внедряет электронные сервисы:

- личный кабинет налогоплательщика (для организаций): обеспечивает доступ к сведениям о расчётах с бюджетом, возможностям оперативной отправки пояснений и документов;
- автоматизированные системы анализа данных: использование Big Data и алгоритмов для обработки большого объёма первичной документации, поступающей от предприятий.

Данные сервисы позволяют переходить от традиционной схемы «запрос-ответ» к постоянному онлайн-мониторингу. Таким образом, налоговые органы могут в режиме реального времени проверять корректность учёта определенных операций, а компании – быстро получать обратную связь.

В некоторых исследованиях рассматривается возможность применения технологии блокчейн для [12, с. 693]:

- защиты данных от несанкционированного доступа и фальсификации;
- автоматической сверки документов из разных источников (банк, бухгалтерия, поставщики);
- сокращения сроков и трудозатрат на проверку подлинности операций.

В настоящее время рассмотренный подход остается в основном на уровне экспериментальных проектов, но тенденция к применению распределённых реестров в финансовом секторе очевидна.

Под прямым контактом (just-in-time approach) понимается непрерывный дистанционный аудит, когда обработка и контроль информации происходят «по факту» свершения хозяйственных операций. Законодательных положений, прямо регулирующих такого рода «онлайн-аудит», пока не достаточно, но существующие нормы о налоговом мониторинге постепенно расширяются, давая возможность реализовывать подобную модель.

Актуальные проблемы и вызовы налогового мониторинга представлены в табл. 1.

Таким образом, ключевые проблемы внедрения и развития налогового мониторинга лежат в плоскости технологических, правовых и финансовых вопросов. Необходима более чёткая регламентация электронного взаимодействия, масштабируемая цифровая инфраструктура и надёжная защита

коммерческой информации. Дополнительные затраты на внедрение ИТ-решений оправдываются

перспективами повышения прозрачности и доверия в налоговых отношениях.

Таблица 1. Актуальные проблемы и вызовы налогового мониторинга

Проблема	Содержание
Конфиденциальность и защита данных	Участие в налоговом мониторинге предполагает открытие значительного массива коммерческой информации. Поэтому важно обеспечивать надёжные механизмы защиты от утечек
Финансовые и организационные затраты	Внедрение систем внутреннего контроля, интегрированных с ИТ-платформами ФНС, требует существенных инвестиций в программное и аппаратное обеспечение.
Необходимость совершенствования нормативной базы	Законодателю предстоит детальнее прописать регламенты цифрового взаимодействия, определить правовой статус электронных документов и регулировать вопросы электронного доказывания.
Разнообразие форматов и платформ	На практике у разных компаний используется различный софт и методики бухгалтерского и налогового учета. Стандартизация обмена данными требует согласованных форматов и протоколов обмена.

Источник: разработано автором

Выводы

Трансформация налогового мониторинга в Российской Федерации прошла путь от добровольного «горизонтального» контроля для крупных налогоплательщиков до всеохватывающей системы цифрового взаимодействия, которая может в перспективе стать доминирующей формой контроля за исполнением налоговых обязанностей. Законодательная база, в первую очередь Налоговый кодекс РФ и соответствующие подзаконные акты ФНС, постепенно дополняются и уточняются для учёта новых технологических возможностей.

Цифровая эволюция налогового мониторинга способствует:

- повышению прозрачности налоговой среды;
- ускорению процессов администрирования;
- снижению рисков и конфликтных ситуаций между бизнесом и государством.

Вместе с тем, остаются вопросы информационной безопасности, правового статуса электронных доказательств и объёма обязанностей по предоставлению данных. Развитие института налогового мониторинга следует рассматривать как часть общей стратегии цифровизации государственного управления, где особая роль отводится правовому регулированию и защите прав участников.

Литература

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025)
2. Федеральный закон «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации» от 04.11.2014 № 348-ФЗ
3. Федеральный закон «О внесении изменений в статью 165 части второй Налогового кодекса Российской Федерации» от 29.12.2014 № 452-ФЗ
4. Письмо от 13.03.2024 № СД-4–23/2854@ «О представлении в ФНС России докумен-

тов, используемых при подготовке к переходу на налоговый мониторинг»

5. Приказ ФНС России от 25.05.2021 № ЕД-7–23/518@ «Об утверждении Требований к организации системы внутреннего контроля, а также форм и форматов документов, представляемых организациями при раскрытии информации о системе внутреннего контроля»
6. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7)
7. Александрова, Е.А. Перспективы развития цифрового взаимодействия налоговых органов и бизнеса в рамках налогового мониторинга // Цифровое пространство: экономика, управление, социум: сборник научных статей VI Всероссийской научной конференции, Смоленск, 24 апреля 2024 года. – Смоленск: ЗАО «Университетская книга», 2024. – С. 5–11.
8. Горина Г.А., Ахмадеев Р.Г. Горизонтальный налоговый мониторинг – Международный опыт // Финансы и кредит. – 2014. – № 38 (614). – С. 26–31.
9. Графова, Т. О., Гладченко, В.А. Основы применения системы налогового мониторинга в Российской Федерации на современном этапе // Вестник Таганрогского института управления и экономики. – 2024. – № 1(41). – С. 10–15.
10. Егорова, А.Н. Особенности и преимущества налогового мониторинга как формы налогового контроля // Научное обозрение: актуальные вопросы теории и практики: сборник статей XI Международной научно-практической конференции, Пенза, 10 мая 2024 года. – Пенза: Наука и Просвещение, 2024. – С. 140–142.
11. Литвинова, В.В. Правовые аспекты налогового мониторинга в России / В.В. Литвинова // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. – 2021. – № 1. – С. 505–508.
12. Лютова О.И., Фиалковская И.Д. Применение технологии блокчейн в налоговом админи-

стрировании // RUDN Journal of Law. – 2021. – Т. 25. – № 3. – С. 693–710.

13. Половинко, А.Ю. Особенности развития налогового мониторинга как новой формы налогового контроля // Epomen. Global. – 2023. – № S34. – С. 624–627.
14. Расколова, Н. В., Старова, О.В. Цифровая трансформация налоговых органов при проведении налогового мониторинга // Интеллектуальная инженерная экономика и Индустрия 5.0 (ИНПРОМ-2024): сборник трудов X Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2024 года. – Санкт-Петербург: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2024. – С. 332–336.
15. Севостьянов, И. А., Чинянин, С. А., Краснов, А.М. Преимущества и недостатки налогового мониторинга в процессе осуществления налогового администрирования // Приоритеты устойчивого развития экономики России на современном этапе: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 30 ноября 2022 года. – Саратов: Изд-во «КУ-БиК», 2022. – С. 186–190.
16. Симакова, Д. Е., Харитонов, Ф.П. Концепция развития налогового мониторинга: актуальные проблемы и анализ // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 6(58). – С. 142–147.
17. Солдатова, В.В. Регулирование налогового мониторинга в РФ: основные проблемы и пути совершенствования / В.В. Солдатова, И.А. Сергеева // Проблемы и перспективы развития российской экономики: Сборник статей по материалам XI научно-практической конференции, Пенза, 17–18 декабря 2021 года / Под общей редакцией И.А. Сергеевой, А.Ю. Сергеева. – Москва: Издательство «Перо», 2022. – С. 175–176.
18. Фирагина, А. В., Губернаторова, Н.Н. Порядок проведения налогового мониторинга // Наука, техника и образование. – 2021. – № 8(83). – С. 86–88.
19. Лайкам А. Мотивированное мнение в налоговом мониторинге: общие положения, преимущества для налогоплательщиков, практика применения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/about_fts/fts/structure_fts/mri_fns/mi_kn_5/mrikn9/info/15214622.pdf (дата обращения 04.03.2025)

TRANSFORMATION OF TAX MONITORING IN THE RUSSIAN FEDERATION: FROM IMPLEMENTATION TO DIGITAL EVOLUTION

Leksin E.A.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

This article examines the evolution of tax monitoring in the Russian Federation – from the initial steps introducing horizontal interaction between taxpayers and tax authorities to the modern era of digital transformation. Based on an analysis of the regulatory framework, official clarifications, and scholarly publications, it identifies the key stages in the development of the tax monitoring system, as well as legislative features and prospects for further improvement.

Keywords: tax monitoring, transformation, digital evolution, horizontal control, legal regulation, digital technologies, internal control system, electronic interaction, blockchain, reasoned opinion, information security.

References

1. The Tax Code of the Russian Federation (Part One) dated July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on November 29, 2024, as amended on January 21, 2025) (as amended and supplemented, entered into force on February 5, 2025)
2. Federal Law “On Amendments to Part One of the Tax Code of the Russian Federation” dated November 4, 2014 No. 348-FZ
3. Federal Law “On Amendments to Article 165 of Part Two of the Tax Code of the Russian Federation” dated December 29, 2014 No. 452-FZ
4. Letter dated March 13, 2024 No. SD-4–23/2854@ “On Submission to the Federal Tax Service of Russia of Documents Used in the Preparation of to the transition to tax monitoring”
5. Order of the Federal Tax Service of Russia dated 25.05.2021 No. ED-7–23/518@ “On approval of the Requirements for the organization of the internal control system, as well as the forms and formats of documents submitted by organizations when disclosing information on the internal control system”
6. Passport of the national project “National Program” Digital Economy of the Russian Federation “(approved by the Presidium of the Presidential Council of the Russian Federation for Strategic Development and National Projects, minutes of 04.06.2019 No. 7)
7. Aleksandrova, E.A. Prospects for the development of digital interaction between tax authorities and business within the framework of tax monitoring // Digital space: economy, management, society: collection of scientific articles of the VI All-Russian scientific conference, Smolensk, April 24, 2024. – Smolensk: ZAO “Universitetskaya kniga”, 2024. – P. 5–11.
8. Gorina G.A., Akhmadeev R.G. Horizontal tax monitoring – International experience // Finance and credit. – 2014. – No. 38 (614). – P. 26–31.
9. Grafova, T.O., Gladchenko, V.A. Basics of applying the tax monitoring system in the Russian Federation at the present stage // Bulletin of the Taganrog Institute of Management and Economics. – 2024. – No. 1 (41). – P. 10–15.
10. Egorova, A.N. Features and advantages of tax monitoring as a form of tax control // Scientific review: topical issues of theory and practice: collection of articles from the XI International scientific and practical conference, Penza, May 10, 2024. – Penza: Science and Education, 2024. – P. 140–142.
11. Litvinova, V.V. Legal aspects of tax monitoring in Russia / V.V. Litvinova // Intellectual resources – to regional development. – 2021. – No. 1. – P. 505–508.
12. Lyutova O. I., Fialkovskaya I.D. Application of blockchain technology in tax administration // RUDN Journal of Law. – 2021. – Vol. 25. – No. 3. – P. 693–710.
13. Polovinko, A. Yu. Features of the development of tax monitoring as a new form of tax control // Epomen. Global. – 2023. – No. S34. – P. 624–627.
14. Raskolova, N. V., Starova, O.V. Digital transformation of tax authorities during tax monitoring // Intelligent engineering economy and Industry 5.0 (INPROM-2024): collection of works of the X International scientific and practical conference, St. Petersburg, April 25–28, 2024. – St. Petersburg: POLYTECH-PRESS, 2024. – P. 332–336.
15. Sevostyanov, I. A., Chinyanin, S. A., Krasnov, A.M. Advantages and disadvantages of tax monitoring in the process of tax administration // Priorities of sustainable development of the Russian economy at the present stage: Materials of the All-Russian scientific and practical conference, Saratov, November 30, 2022. – Saratov: Publishing house “KUBiK”, 2022. – P. 186–190.
16. Simakova, D. E., Kharitonov, F.P. The concept of tax monitoring development: current issues and analysis // Skif. Issues of student science. – 2021. – No. 6 (58). – P. 142–147.
17. Soldatova, V.V. Regulation of tax monitoring in the Russian Federation: main problems and ways of improvement / V.V. Soldatova, I.A. Sergeeva // Problems and prospects for the development of the Russian economy: Collection of articles based on the materials of the XI scientific and practical conference,

- Penza, December 17–18, 2021 / Under the general editorship of I.A. Sergeeva, A. Yu. – Moscow: Pero Publishing House, 2022. – P. 175–176.
18. Firagina, A. V., Gubernatorova, N.N. The procedure for conducting tax monitoring // Science, technology and education. – 2021. – No. 8 (83). – P. 86–88.
19. Laikam A. Reasoned opinion in tax monitoring: general provisions, advantages for taxpayers, application practice [Electronic resource]. – Access mode: https://www.nalog.gov.ru/html/sites/www.new.nalog.ru/files/about_fts/fts/structure_fts/mri_fns/mi_kn_5/mrikn9/info/15214622.pdf (date of access 03/04/2025)

Доктринальные противоречия в определении правовой природы исключительных прав на средства индивидуализации

Неминуций Дмитрий Дмитриевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности»

E-mail: dneims@mail.ru

В статье исследуются ключевые доктринальные противоречия в определении правовой природы исключительных прав на средства индивидуализации. Автор анализирует дискуссионные аспекты структуры правомочий правообладателя, в частности, проблему включения правомочия использования в конструкцию исключительного права. На основе изучения специфики правового режима наименований мест происхождения товаров обосновывается необходимость признания правомочия использования неотъемлемым элементом исключительного права. Рассматриваются различные научные подходы к вопросу оборотоспособности исключительных прав на средства индивидуализации, анализируется дифференциация законодательных режимов оборота различных объектов. Выявляются проблемы, связанные с отсутствием нормативного определения понятия «средство индивидуализации» и субъективностью критериев оценки сходства обозначений до степени смешения. Предлагаются пути совершенствования правового регулирования для устранения выявленных доктринальных противоречий и повышения эффективности защиты исключительных прав.

Ключевые слова: исключительные права, средства индивидуализации, правомочие использования, оборотоспособность, доктринальные противоречия, сходство до степени смешения, правовая природа.

Введение

Актуальность исследования доктринальных противоречий в определении правовой природы исключительных прав на средства индивидуализации обусловлена усложнением правового регулирования интеллектуальной собственности в условиях цифровизации экономики и международной интеграции. Существующие теоретические разногласия между проприетарной концепцией, рассматривающей данные права как разновидность права собственности, и концепцией исключительных прав как особого института препятствуют формированию единообразной правоприменительной практики. Это создает правовую неопределенность в вопросах защиты брендов, доменных имен и других средств индивидуализации, особенно в трансграничных спорах. Необходимость устранения противоречий между различными доктринальными подходами становится еще более значимой в контексте развития новых бизнес-моделей и форм коммерческого использования средств индивидуализации в цифровой среде, что подчеркивает важность теоретического осмысления их правовой природы для совершенствования механизмов правовой защиты и эффективного регулирования экономического оборота.

Основная часть

На основе проведенного анализа научных трудов и концептуальных разработок ученых-правоведов в области интеллектуальной собственности удалось сформулировать комплексное представление о термине «средства индивидуализации», который в действующем законодательстве не имеет четкого нормативного определения [14], [17].

Теоретическое исследование показало, что средства индивидуализации представляют собой особую категорию объектов интеллектуальной собственности, основная функция которых заключается в выделении и отличительной идентификации как товаров и услуг, так и субъектов права. В отличие от результатов интеллектуальной деятельности, средства индивидуализации не обязательно содержат творческий элемент и зачастую используют уже существующие словесные или графические обозначения, приобретающие новую смысловую нагрузку в коммерческом обороте. Отсутствие творческого компонента обуславливает и специфическую правовую природу данных объектов – для них не предусмотрена фигура автора как первоначального правообладателя.

Российское гражданское законодательство признает пять основных видов средств индивидуализации: фирменные наименования (названия коммерческих юридических лиц), товарные знаки (обозначения товаров, работ и услуг), географические указания и наименования мест происхождения товаров (связывающие качество товара с его географическим происхождением), а также коммерческие обозначения (для индивидуализации предприятий как имущественных комплексов) [1]. Однако существенным недостатком действующего правового регулирования является ограниченность перечня, представленного в статье 1225 Гражданского кодекса РФ, который не охватывает множество объектов, фактически выполняющих функцию индивидуализации. За рамками законодательного регулирования остаются такие значимые объекты как нетрадиционные товарные знаки (звуковые, обонятельные, тактильные и другие), наименования некоммерческих организаций, которые по своей функциональной направленности и экономической значимости вполне соответствуют критериям средств индивидуализации, но не получают адекватной правовой защиты в существующей системе интеллектуального права.

В своём исследовании Емжуева А.В. рассматривает дискуссионный вопрос о правовой природе нетрадиционных товарных знаков [12]. Несмотря на их официальное признание средствами индивидуализации через процедуру регистрации, некоторые правоведы, включая Новоселову Л.А., выдвигают альтернативную концепцию, относя их к категории промышленных образцов [15, с. 89]. Сторонники данной позиции проводят разграничение по функциональному признаку: традиционные товарные знаки преимущественно выполняют идентификационную функцию и указывают на происхождение продукции, тогда как промышленные образцы ориентированы на создание рыночного преимущества через эстетические решения. Однако такой подход вызывает обоснованные возражения. Получение конкурентных преимуществ через визуальную выразительность не может служить определяющим критерием для перекалфикации нетрадиционных товарных знаков в промышленные образцы, поскольку это лишь сопутствующий эффект, а не основное назначение средства индивидуализации. Принципиальное различие прослеживается и в требованиях охраноспособности: для товарных знаков критерии новизны и оригинальности не являются обязательными, в отличие от промышленных образцов, где они выступают ключевым условием патентования. Следовательно, классификация нетрадиционных товарных знаков как промышленных образцов методологически некорректна ввиду различий в их правовой сущности, целевом назначении и критериях охраноспособности, даже если отдельные объекты потенциально могут получить охрану в обеих категориях.

Исследуя правовой статус наименований некоммерческих организаций, необходимо отметить неоднозначность их квалификации в судеб-

ной практике как средств индивидуализации. Показательный пример представлен в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 53-КГ17–12 от 11.07.2017 [4]. В данном споре благотворительный фонд «ПОДАРИ ЖИЗНЬ», зарегистрированный в ноябре 2006 года, инициировал судебное разбирательство против НО БФ «Подари жизнь», требуя запретить использование идентичного словосочетания в наименовании ответчика на основании нарушения своих исключительных прав. Примечательно, что судебные инстанции первого и апелляционного уровней заняли негативную позицию относительно охраноспособности наименований некоммерческих юридических лиц. Их правовая логика базировалась на тезисе о непринадлежности таких наименований к категории средств индивидуализации, что автоматически исключало возможность предъявления требований об их правовой защите. Однако высшая судебная инстанция сформулировала диаметрально противоположную правовую позицию. Верховный Суд РФ, отменив предыдущие судебные акты, сформулировал принципиальное положение: собственное наименование представляет собой не просто формальный атрибут, а обязательный идентификационный признак любого юридического лица как субъекта гражданского оборота, выполняющий функцию его индивидуализации независимо от организационно-правовой формы и целей деятельности. Анализ мнений правоведов и судебной практики позволяет утверждать, что использование перечня (ст. 1225 ГК РФ) в рамках отнесения объекта к «средству индивидуализации» является недостаточным: необходимо раскрыть содержание термина в нормативном правовом акте.

В доктрине интеллектуального права наблюдаются фундаментальные противоречия относительно юридической природы исключительных прав на средства индивидуализации. Особую остроту приобретают дискуссии о составе и характере правомочий, принадлежащих владельцам таких объектов. Центральным камнем преткновения в теоретических спорах выступает вопрос о месте и значении правомочия использования в структуре исключительного права на средство индивидуализации. Юридическая квалификация данного правомочия имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение, поскольку определяет границы монополии правообладателя и механизмы защиты его интересов.

Представители проприетарного направления в теории интеллектуальных прав, включая таких видных правоведов как В.А. Дозорцев и В.А. Белов, настаивают на фундаментальной значимости правомочия использования в конструкции исключительного права. В методологической системе В.А. Белова владение интерпретируется как фактическая монопольная возможность субъекта устанавливать параметры доступа третьих лиц к определенному объекту, что подразумевает инкорпорацию правомочия использования в структуру исключительного права [8, с. 100–102]. Концептуальные воззрения Дозорцева базируются на бинарной

структуре исключительного права, интегрирующей правомочия использования и распоряжения как необходимые конституирующие элементы [10, с. 48].

Альтернативная научная позиция, артикулированная Е. Дедковым и М.В. Лабзиным, радикально отрицает принадлежность правомочия использования к юридической конструкции исключительного права. Согласно Е. Дедкову, традиционная коррелятивная связь «право-обязанность» в отношении исключительных прав реализуется не через негативную обязанность третьих лиц не препятствовать использованию, а через их пассивную обязанность воздержания от самостоятельного использования охраняемого объекта [9, с. 90]. М.В. Лабзин развивает этот тезис, утверждая, что использование следует квалифицировать как фактическое поведение, не нуждающееся в юридической легитимации через категорию правомочия [13].

Однако критический анализ системы правовой охраны наименования места происхождения товара (далее – НМПТ) демонстрирует ограниченность данного подхода [18]. Специфический режим НМПТ, закрепленный в ст. 1519 ГК РФ, устанавливает особую конструкцию прав его обладателей, где центральным элементом выступает именно право использования, а не запретительные полномочия [1]. Законодательная модель допускает мульти-субъектность законных пользователей НМПТ при отсутствии классической монополии, что принципиально отличает данный институт от других объектов интеллектуальных прав.

Представляется обоснованным признание правомочия использования в качестве неотъемлемого и квалифицирующего элемента исключительного права на средство индивидуализации. Эта позиция подтверждается как системным анализом положений части четвертой ГК РФ, так и телеологическим толкованием института исключительных прав, направленного на стимулирование легального хозяйственного оборота и защиту правообладателей. Отрицание данного правомочия неизбежно приводит к деформации юридической конструкции исключительного права и ограничению механизмов его защиты.

В правовой доктрине не утихают споры не только относительно содержания правомочий обладателя исключительных прав на средства индивидуализации, но и касательно фундаментальных атрибутов самого исключительного права как юридической конструкции.

Среди представителей научного юридического сообщества особого внимания заслуживает вопрос оборотоспособности исключительных прав. Научный анализ данного аспекта демонстрирует наличие диаметрально противоположных концепций. Согласно позиции, аргументированной Д.А. Сидиковым, правообладатель наделен широким спектром возможностей по распоряжению своим исключительным правом в рамках законодательных ограничений, что свидетельствует о полноценной интеграции исключительных прав в систему гражданско-правового оборота [16].

Альтернативная точка зрения, представленная в работах И.Ю. Еланского, акцентирует внимание на неоднородности оборотоспособности различных объектов интеллектуальных прав [11]. Детальный анализ законодательства действительно выявляет существенную дифференциацию режимов оборотоспособности. В частности, законодатель устанавливает абсолютный запрет на отчуждение исключительных прав на фирменные наименования и коллективные товарные знаки, равно как и на предоставление права их использования через лицензионный механизм. Значительными ограничениями характеризуется также гражданский оборот исключительных прав на коммерческие обозначения и наименования мест происхождения товаров, что создает многоуровневую систему правового регулирования их оборотоспособности.

При исследовании вопроса о корреляции между имущественной природой исключительного права и его оборотоспособностью следует опираться на экономико-правовой анализ. Имущественный характер исключительного права проявляется прежде всего в его экономической сущности – способности выступать объектом стоимостной оценки и участвовать в товарно-денежных отношениях. Примечательно, что даже безвозмездное распоряжение исключительным правом не элиминирует его стоимостную природу, поскольку сама возможность экономической оценки данного права сохраняется независимо от конкретной формы его передачи.

Мнение относительно оборотоспособности исключительных прав заключается в следующем. Системное толкование нормативных положений, в частности статьи 1226 Гражданского кодекса РФ, позволяет сделать вывод о законодательном признании имущественного характера исключительных прав, которые наряду с личными неимущественными и иными правами формируют комплексный институт интеллектуальных прав. Такая правовая конструкция обеспечивает баланс между экономическими интересами правообладателей и публично-правовыми ограничениями, необходимыми для функционирования эффективной системы правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации.

Анализ судебной практики по делам, связанным с интеллектуальными правами, позволяет выделить следующую проблему, связанную с правовой природой исключительных прав на средства индивидуализации: признание средства индивидуализации сходным до степени смешения с другим средством индивидуализации. ГК РФ не содержит четкого определения понятия «сходство до степени смешения» применительно к средствам индивидуализации. Доктринальный подход предполагает, что такое сходство присутствует, когда несмотря на определенные различия, обозначение создает устойчивую ассоциацию с защищенным средством индивидуализации. Данная концепция изначально

но сформулирована в п.п. 1, 41 Правил (утв. Приказом Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 [2]) для товарных знаков, однако судебная практика экстраполирует её и на иные средства индивидуализации, что подтверждается позицией Суда по интеллектуальным правам (Постановление от 11.02.2019 № С01–1205/2018) [5]. ВС РФ придерживается позиции, что для констатации сходства достаточно общего впечатления средне-статистического потребителя. Смещение может иметь место, когда потребитель ассоциирует новое обозначение с правообладателем или аффилированными с ним структурами (п. 162 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10) [3].

При оценке сходства обозначений с товарными знаками Правила (п.п. 42–44) устанавливают триаду критериев: фонетический (звуковой), визуальный (графический) и семантический (смысловой). Фонетическая близость определяется наличием совпадающих звуков и ударений; семантическое сходство – через близость идей и концепций, заложенных в сравниваемые обозначения. Судебная практика при анализе сходства обозначений с товарными знаками не ограничивается указанными критериями. Согласно Обзору практики (утв. Президиумом ВС РФ 15.11.2023 [7]) и п. 162 Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10, суды также учитывают: значимость сходных элементов (сильные/слабые), игнорируя сходство не охраняемых компонентов; фактическое использование знака правообладателем (продолжительность и объем); узнаваемость товарного знака и уровень внимательности целевой потребительской аудитории; доказательства фактического смещения, включая результаты потребительских опросов. Судебная практика (Постановление СИП от 25.09.2017 № С01–682/2017 [6]) демонстрирует тенденцию к применению аналогичных критериев при оценке сходства и в отношении иных средств индивидуализации, например, коммерческих обозначений.

Детальный анализ критериев, применяемых судами при оценке сходства обозначений до степени смещения, выявляет существенную проблему: как минимум половина используемых критериев носит ярко выраженный субъективный характер и апеллирует к восприятию потребителей, мнение которых подвержено многочисленным внешним влияниям. В то время как фонетический и визуальный критерии можно относительно объективно измерить с помощью лингвистических и графических методов, такие параметры как «узнаваемость товарного знака», «уровень внимательности целевой аудитории» и «доказательства фактического смещения» базируются на субъективном восприятии и личном потребительском опыте. Особую обеспокоенность вызывают потребительские опросы как способ доказывания смещения, поскольку их результаты легко поддаются манипуляции через грамотно сформулированные вопросы, выбор определенной выборки респондентов и условия проведения исследования. Кроме того, субъективная оцен-

ка «сильных» и «слабых» элементов обозначения также часто определяется не объективными параметрами, а восприятием потребителей конкретного сегмента рынка, которое формируется под влиянием рекламы и маркетинговых стратегий. Ангажированность потребительского мнения создает существенные риски для объективности судебных решений, особенно учитывая, что судьи не всегда обладают специальными познаниями в области семиотики и психологии восприятия брендов. Отсутствие четких количественных критериев оценки сходства, преимущественно качественный характер анализа и опора на изменчивое общественное мнение формируют почву для правовой неопределенности, затрудняют формирование предсказуемой правоприменительной практики и создают условия для принятия противоречивых судебных решений по аналогичным делам.

Заключение

Проведенное исследование доктринальных противоречий в определении правовой природы исключительных прав на средства индивидуализации позволяет сделать ряд существенных выводов. Фундаментальные разногласия в правовой доктрине проявляются прежде всего в вопросе о составе правомочий правообладателя. Противостояние проприетарной концепции, представленной В.А. Дозорцевым и В.А. Беловым, включающей правомочие использования в структуру исключительного права, и альтернативной позиции Е. Дедкова и М.В. Лабзина, отрицающей данное правомочие, создает серьезную теоретическую дихотомию. Анализ специфического режима НМПТ демонстрирует несостоятельность подхода, исключающего правомочие использования, поскольку для данного объекта именно это правомочие является центральным элементом правового режима. Мы разделяем позицию о необходимости включения правомочия использования в структуру исключительного права, что подтверждается системным анализом положений ГК РФ и телеологическим толкованием института исключительных прав. Не менее острые противоречия наблюдаются в вопросах оборотоспособности исключительных прав, где законодательство устанавливает дифференцированные режимы: от абсолютного запрета на отчуждение и лицензирование некоторых объектов (фирменные наименования, коллективные товарные знаки) до относительно свободного оборота других. Представляется, что имущественный характер исключительного права определяется не столько фактической возможностью распоряжения, сколько экономической способностью данного права выступать объектом стоимостной оценки. Отсутствие законодательного закрепления понятия «средство индивидуализации» порождает правовую неопределенность и создает риски произвольного толкования. Для решения данной проблемы необходимо дополнить положения ГК РФ легальным определением, отражающим существенные характеристики этих объектов как средств

дифференциации товаров, услуг и субъектов в коммерческом обороте. Особую проблему представляет субъективность критериев отнесения объектов к средствам индивидуализации и определения их сходства до степени смешения. Преобладание качественных параметров оценки над количественными, опора на изменчивое потребительское восприятие и отсутствие единообразных методик экспертизы создают предпосылки для противоречивых судебных решений. Решение данной проблемы видится в разработке и законодательном закреплении четких объективных критериев оценки, основанных на междисциплинарных методиках с применением семиотического, лингвистического и статистического анализа, а также создании специализированных экспертных органов для обеспечения единообразия правоприменительной практики в этой сфере.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения: 27.02.2025).
2. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 (ред. от 20.09.2024) «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков...». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/ (дата обращения: 27.02.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения: 27.02.2025).
4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 11.07.2017 № 53-КГ17-12. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11072017-n-53-kg17-12/> (дата обращения: 27.02.2025).
5. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 11.02.2019 № С01-1205/2018 по делу № А53-27686/2017. URL: <https://base.garant.ru/72172810/> (дата обращения: 27.02.2025).
6. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25.09.2017 № С01-682/2017 по делу № А08-9373/2016. URL: <https://base.garant.ru/71988982/> (дата обращения: 27.02.2025).
7. «Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/ (дата обращения: 27.02.2025).
8. Белов В.А. Исключительные права и конкуренция / В.А. Белов // Законодательство. 2013. № 12. С. 10–23.
9. Дедков Е. Пресечение и запрещение нарушения исключительного права // Хозяйство и право. 2011. № 2(409). С. 87–95.
10. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: Сб. статей / В.А. Дозорцев; В.А. Дозорцев; Исслед. центр част. права. Москва: Статут, 2003. 225 с.
11. Еланский И.Ю. Актуальные вопросы оборотоспособности интеллектуальной собственности // Наука и инновации – современные концепции: сборник научных статей по итогам работы Международного научного форума, Москва, 05 октября 2023 года. Том 2. Москва: Инфинити, 2023. С. 32–36.
12. Емжуева А.В. Место нетрадиционных товарных знаков в системе средств индивидуализации // Цивилист. 2023. № 3(43). С. 69–77.
13. Лабзин М.В. Пассивно-обязывающая концепция исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации // Хозяйство и право. 2022. № 12(551). С. 103–121.
14. Пиддубривная А.Ю. Особенности правовой охраны средств индивидуализации товаров / А.Ю. Пиддубривная, Г.В. Лукьянова // Закон. Право. Государство. 2023. № 4(40). С. 67–69.
15. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / под редакцией Л.А. Новоселовой. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Издательство Юрайт, 2025. 335 с.
16. Сидиков Д.А. Правовые аспекты оборотоспособности исключительных (имущественных) прав / Д.А. Сидиков // Законодательство. 2021. № 2(42). С. 27–30.
17. Чалов И.А. Особенности правового режима средств индивидуализации в соотношении с результатами интеллектуальной деятельности / И.А. Чалов // Юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации: Материалы VI Национальной (Всероссийской) научно-практической конференции, Белгород, 20–21 февраля 2023 года. Белгород: Белгородский университет кооперации, экономики и права, 2023. С. 234–238.
18. Щербачева Л.В. Правомочие использования исключительного права на наименование места происхождения товара / Л.В. Щербачева // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 101–104.

DOCTRINAL CONTRADICTIONS IN DETERMINING THE LEGAL NATURE OF EXCLUSIVE RIGHTS TO MEANS OF INDIVIDUALIZATION

Neminushchiy D.D.

Russian State Academy of Intellectual Property

The article studies the key doctrinal contradictions in determining the legal nature of exclusive rights to means of individualisation. The author analyses the debatable aspects of the structure of the right holder's rights, in particular, the problem of including the right of use in the construction of the exclusive right. Based on the study of the specifics of the legal regime of appellations of origin of goods, the author substantiates the necessity of recognising the right of use as an integral element of the exclusive right. Different scientific ap-

proaches to the issue of turnover of exclusive rights to means of individualisation are considered, differentiation of legislative regimes of turnover of various objects is analysed. The problems associated with the lack of a normative definition of the concept of 'means of individualisation' and subjectivity of criteria for assessing the similarity of designations to the degree of confusion are revealed. The ways of improvement of legal regulation for elimination of the revealed doctrinal contradictions and increase of efficiency of protection of exclusive rights are offered.

Keywords: exclusive rights, means of individualisation, right of use, negotiability, doctrinal contradictions, confusing similarity, legal nature.

References

1. Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation (Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date of access: 02/27/2025).
2. Order of the Ministry of Economic Development of Russia dated 07/20/2015 No. 482 (as amended on 09/20/2024) "On approval of the Rules for drafting, submitting and reviewing documents that are the basis for performing legally significant actions for state registration of trademarks...". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_184868/ (date of access: 02/27/2025).
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 23.04.2019 No. 10 "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation". URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (date of access: 27.02.2025).
4. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.07.2017 No. 53-KG17-12. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11072017-n-53-kg17-12/> (date of access: 27.02.2025).
5. Resolution of the Intellectual Property Court dated 11.02.2019 No. C01-1205/2018 in case No. A53-27686/2017. URL: <https://base.garant.ru/72172810/> (date of access: 27.02.2025).
6. Resolution of the Intellectual Property Court dated 25.09.2017 No. C01-682/2017 in case No. A08-9373/2016. URL: <https://base.garant.ru/71988982/> (date of access: 27.02.2025).
7. "Review of judicial practice in cases related to the assessment of actions of trademark owners" (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 15.11.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_461874/ (date of access: 27.02.2025).
8. Belov V.A. Exclusive rights and competition / V.A. Belov // Legislation. 2013. No. 12. Pp. 10–23.
9. Dedkov E. Suppression and prohibition of violation of an exclusive right // Business and Law. 2011. No. 2 (409). Pp. 87–95.
10. Dozortsev V.A. Intellectual rights: Concept. System. Codification tasks: Coll. articles / V.A. Dozortsev; V.A. Dozortsev; Research center of private law. Moscow: Statut, 2003. 225 p.
11. Elansky I. Yu. Current issues of intellectual property transferability // Science and innovation – modern concepts: collection of scientific articles based on the results of the International Scientific Forum, Moscow, October 5, 2023. Volume 2. Moscow: Infinity, 2023. Pp. 32–36.
12. Emkuzheva A.V. The place of non-traditional trademarks in the system of means of individualization // Civilist. 2023. No. 3 (43). Pp. 69–77.
13. Labzin M.V. Passive-binding concept of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization // Business and Law. 2022. No. 12 (551). P. 103–121.
14. Piddubrivnaya A. Yu. Features of legal protection of means of individualization of goods / A. Yu. Piddubrivnaya, G.V. Lukyanova // Law. Right. State. 2023. No. 4 (40). P. 67–69.
15. Intellectual Property Law: textbook for universities / edited by L.A. Novoselova. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2025. 335 p.
16. Sidikov D.A. Legal aspects of the transferability of exclusive (property) rights / D.A. Sidikov // Legislation. 2021. No. 2 (42). P. 27–30.
17. Chalov I.A. Features of the legal regime of means of individualization in relation to the results of intellectual activity / I.A. Chalov // Jurisprudence: topical issues, achievements and innovations: Proceedings of the VI National (All-Russian) scientific and practical conference, Belgorod, February 20–21, 2023. Belgorod: Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 2023. Pp. 234–238.
18. Shcherbacheva L.V. Authority to use the exclusive right to the name of the place of origin of goods / L.V. Shcherbacheva // Bulletin of Economic Security. 2019. No. 3. Pp. 101–104.

Проблема квалификации преимущественного права на заключение гражданско-правового договора как обязательного основания его заключения

Осипова Анастасия Юрьевна,
заместитель директора, ООО «Юридическое бюро
Осиповой А.Ю»
E-mail: anosipova@yandex.ru

Автор обратился к такому явлению как преимущественное право, поскольку, его реализация напрямую связана с принципом ограничения свободы договора и принципом равенства участников правоотношений. Автором выявлено, что преимущественное право имеет признаки обязательных оснований заключения соглашения, но при этом оно является составляющим обязательства. Оно никогда не существует само по себе, а неразрывно связано с уже существующими между сторонами правоотношениями. В связи с этим выявлена проблема признания обязательным основанием самого договора, содержащего в себе условия о преимущественном праве, или закон закрепивший такие условия, или же преимущественное право представляет из себя уникальное отсроченное по времени основание.

Ключевые слова: преимущественное право, право, свобода договора, договор, равенство сторон, соглашение, обязательное основание, основание, правоотношение, преимущество.

Статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] подчёркивает значимость ключевого фундамента гражданского права, известного как принцип равенства участников правовых отношений. Этот фундаментальный принцип находит своё воплощение в обеспечении законом одинаковых условий для всех сторон в рамках правовых отношений, исключая предоставление преференций одной стороне в ущерб другой в процессе реализации прав и исполнения обязательств. Впрочем, существуют ситуации, когда законодательство предоставляет определённым участникам правоотношений специфические права, создавая тем самым исключения из принципа равенства и предоставляя им некое юридическое превосходство над остальными участниками гражданских правоотношений.

Так, ГК РФ предусматривает преимущественное право покупки долей в условиях совместной собственности, а также преимущественное право на заключение договоров аренды. В соответствии с Федеральным Заком «Об обществах с ограниченной ответственностью» [2] и законодательством, регулирующим деятельность обществ с ограниченной ответственностью, участникам таких обществ предоставляется возможность первоочередного приобретения долей в уставном капитале. Правовая система в сфере наследования содержит определённые особенности применения данного права. В Водном кодексе Российской Федерации [3] урегулированы условия преимущественного права на аренду водных объектов. Таким образом, институт преимущественного права регулируется как в контексте вещных, так и обязательственных правоотношений.

Вопросы связанные с преимущественным правом являются дискуссионными в научной среде. Значительный вклад в анализ этого явления внес Грибанов В.П. [4, с. 315], проведя углубленные исследования. Однако отсутствие общепринятого определения преимущественного права затрудняет проведение исследований.

Целью изучения данного вопроса в контексте исследования обязательных оснований заключения гражданско-правовых договоров является определение потенциала установления преимущественного права как обязательного основания заключения гражданско – правового договора, используя для этого признаки характерные обязательным основаниям заключения соглашения.

Исследование автором обязательных оснований заключения гражданско-правовых договоров

позволило определить понятие таких оснований, и выявить признаки таких оснований [6, с. 325–328]. К ним относятся наличие ограничений свободы волеизъявления при заключении договора; законность; возникновение при наличии определенных обстоятельств объективной реальности; отношение к одной или обеим сторонам договора; влекут возникновение обязанности заключения не абстрактного, любого договора, а его определенного вида и на заранее определённых условиях.

Автором рассмотрена проблема с точки зрения анализа положений ст. 621 ГК РФ, которая регулирует отношения по предоставлению арендующему лицу преимущественного права на заключение договора аренды на новый срок. Согласно приведенному законоположению если законом или договором не установлено иное, арендатор, в случае полного соблюдения своих обязательств по договору, имеет при прочих равных условиях приоритетное право перед другими лицами право на заключение договора на новый срок [1] (*ius praefereodi* (лат.)). При этом, если в течении одного года владелец объекта аренды отказавший в заключении контракта, заключит аналогичный арендный договор с другим лицом, то арендатор вправе потребовать в судебном порядке аннулировать отношения с новым арендатором, путем перевода на себя соответствующих прав и обязанностей по заключенному договору. Также он может потребовать возмещения убытков причиненных отказом, то есть фактическим нарушением приоритетного (преимущественного) права. Либо вправе просить только возмещения убытков причиненных отказом в заключении договора [7].

Изложенное позволяет сделать вывод, что в случае неправомерного поведения обязанной стороны при заключении договора, заинтересованная сторона имеет право обратиться в суд с требованием передать ей права и обязательства по уже заключенному контракту, признав стороной соглашения, принуждая таким образом нарушителя уважать её преимущественное право [5, с. 30]. Это подразумевает определённые ограничения для владельца аренды в свободе выбора контрагента при заключении договора.

Необходимо отметить, что норма о заключении договора на новый срок является диспозитивной, и сторонами такое право вовсе может быть не предусмотрено.

Учитывая возможность свободного выбора порядка субъектами рассматриваемого правоотношения своими правами, возникает вопрос о характере преимущественного права – является ли оно добровольным обязательством или обязательным по закону. Применяя буквальное толкование статьи, следует, что данное право может иметь как законодательное основание, так и основываться на взаимном согласии сторон, в случае если договор не указывает иного. Отсутствие противоположных условий в законе или не включение таких условий в договор реализует преимущественное право в виде ограничения арендодателя

в выборе контрагента по новой договоренности. Существование такого права предполагает необходимость действий со стороны арендодателя по заключению нового контракта с арендатором на заранее известных условиях, если последний выразит такое желание.

Автором выявлено, что преимущественное право характеризуется временной определенностью, носит срочный характер. В это время на второй стороне в правоотношениях лежит обязательство уважать это право путем вступления в соответствующее договорное соглашение. Пренебрежение этими правилами приводит к аннулированию преимущественного права совершать действие, а следовательно, и основания для заключения контракта с обязанной стороны пропадает в момент нарушения условий его использования.

Таким образом, полагаем соответствие преимущественного права выявленным нами признакам обязательных оснований заключения гражданско-правового договора. Между тем, преимущественное право, будучи закрепленным законом или договором, приобретает обязывающее свойство, активизируется только после того, как его владелец проявит свою волю к его реализации, что в некотором роде превращает его в «спящий» элемент в системе обязательств по договору. В случае же, если это право нарушено стороной, обязанной его соблюдать, обладатель права вправе требовать в судебном порядке перехода прав и обязанностей по договору.

Таким образом, автором выявлено, что преимущественное право имеет признаки обязательных оснований заключения соглашения, но при этом оно является составляющим обязательства. Оно никогда не существует само по себе, а неразрывно связано с уже существующими между сторонами правоотношениями. В связи с этим выявлена проблема признания обязательным основанием самого договора, содержащего в себе условия о преимущественном праве, или закон закрепивший такие условия, или же преимущественное право представляет из себя уникальное отсроченное по времени основание.

Разрешение проблемы может быть достигнуто через проведение более углубленного анализа сущности преимущественного права. Автором выявлено наличие проблемы квалификации преимущественного права в виде обязательного основания заключения гражданско-правового договора как уникального, самостоятельного основания, отсроченного во времени. Вместе с тем, считаем, что для ее решения необходимо выделение преимущественного права в самостоятельную структуру в рамках гражданского права, а также целесообразно внести в Гражданский кодекс общие положения о преимущественном праве.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) //

Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 08.02.1998 N 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 785.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 г. N 74-ФЗ (ВК РФ) (с изменениями и дополнениями) опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 10.08.2023
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: 32 Статут, 2001. 315 с.
5. Леонова Л.Ю. Преимуществовые права в гражданском праве: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Леонова Людмила Юрьевна. – Москва, 2005. – 30 с. – EDN LZVDDY.
6. Осипова А.Ю. Понятие и виды обязательных оснований заключения гражданско-правовых договоров / А.Ю. Осипова // Современный ученый. – 2023. – № 3. – С. 325–328. – EDN CYSTSW.
7. Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 января 2002 г. N 66 «Обзор практики разрешения споров, связанных с арендой» // «Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации», 2002 г., N 3

THE PROBLEM OF QUALIFYING THE PRE-EMPTIVE RIGHT TO CONCLUDE A CIVIL CONTRACT AS A MANDATORY BASIS FOR ITS CONCLUSION

Osipova A.Y.

Limited Liability Company “Legal Bureau of Osipova A.Yu.”

The author turned to such a phenomenon as pre-emptive law, since its implementation is directly related to the principle of limitation of freedom of contract and the principle of equality of participants in legal relations. The author has revealed that the pre-emptive right has signs of mandatory grounds for concluding an agreement, but at the same time it is a component of the obligation. It never exists by itself, but is inextricably linked to the legal relations already existing between the parties. In this regard, the problem of recognizing the mandatory basis of the contract itself, which contains conditions on the pre-emptive right, or the law that fixed such conditions, or the pre-emptive right is a unique delayed basis.

Keywords: preemptive right, law, freedom of contract, contract, equality of the parties, agreement, binding basis, foundation, legal relationship, advantage.

References

1. Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on April 16, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 32. Art. 3301.
2. Federal Law of February 8, 1998 N 14-FZ (as amended on June 13, 2023) “On Limited Liability Companies” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 7. Art. 785.
3. Water Code of the Russian Federation of June 3, 2006 N 74-FZ (VK RF) (with amendments and additions) is published on the Official Internet Portal of Legal Information <http://pravo.gov.ru>, 10.08.2023
4. Griбанov V.P. Implementation and protection of civil rights. M.: 32 Statut, 2001. 315 p.
5. Leonova L. Yu. Preemptive rights in civil law: specialty 12.00.03 “Civil law; business law; family law; international private law”: abstract of a dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Leonova Lyudmila Yurievna. – Moscow, 2005. – 30 p. – EDN LZVDDY.
6. Osipova A. Yu. Concept and types of mandatory grounds for concluding civil law contracts / A. Yu. Osipova // Modern scientist. – 2023. – No. 3. – P. 325–328. – EDN CYSTSW.
7. Information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated January 11, 2002, No. 66 “Review of the practice of resolving disputes related to rent” // “Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation”, 2002, No. 3

Пильчина Дамира Жангазыевна,

ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт
E-mail: Damira03@mail.ru

В статье, с учетом распространенности упрощенного судопроизводства в правоприменительной практике, рассмотрены и проанализированы особенности реализации принципа состязательности в рамках арбитражного судопроизводства, реализуемого через упрощенные судебные процедуры. Автором подтвержден вывод, что упрощенное арбитражное судопроизводство оставляет ограниченную возможность для процессуальной состязательности, поскольку основано на рассмотрении спора исключительно по письменным доказательствам, предоставление которых также ограничено. В ряде ситуаций, исходя из существа рассматриваемого спора, ограниченная состязательность сторон может быть обоснована задачами процессуальной экономии и сокращения временных, материальных и иных издержек судопроизводства. Определенное сходство упрощенного арбитражного судопроизводства можно отметить при сопоставлении данных процедур с приказным судопроизводством, а также заочным производством, применяемым судами общей юрисдикции при отсутствии ответчика, также основанных на ограничении состязательности участников. При этом ограниченная состязательность сторон не должна приводить к ущемлению процессуальных прав участников судопроизводства, поскольку отдельные участники упрощенного арбитражного судопроизводства не всегда могут повлиять на выбор такой процедуры для решения их спора, при этом упрощенность судопроизводства сохраняется и на стадиях обжалования судебного акта.

Ключевые слова: арбитражный процесс, упрощенное судопроизводство, состязательность, стороны арбитражного процесса, доказывание.

Усложнение общественных и, прежде всего хозяйственных отношений, привело к появлению многообразных форм правоотношений. Для разрешения спорных ситуаций, связанных с ними, в правовой доктрине и в законодательной практике разрабатываются новые, более современные способы разрешения гражданско-правовых дел. Задача индивидуализации спора, решения его максимально эффективным способом, наряду с повышением качества и скорости рассмотрения дел является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед арбитражным процессом. Одним из способов, нашедшим свое место в современной судебной практике, выступило упрощенное арбитражное судопроизводство. Доля дел, рассмотренных в упрощенном порядке арбитражными судами, составляет, в среднем, 30–35% в периоды 2019–2021 годов [11], что является значительным в общем числе рассмотренных дел, имеет тенденцию к росту. Позиция Верховного Суда РФ является однозначной¹ в отношении того, что суды не должны выполнять техническую работу по документарному оформлению бесспорных ситуаций гражданского оборота, а должны решать сложные экономические споры с высокой ценой иска. Все эти факторы безусловно свидетельствуют о значимости исследований вопросов упрощенного арбитражного судопроизводства для повышения его эффективности.

В связи с внесением Федеральным законом от 25 июня 2012 г. № 86-ФЗ кардинальных правок в главу 29 Арбитражного процессуального кодекса РФ «Упрощенное производство» в российском арбитражном процессе, появилось упрощенное арбитражное судопроизводство как ответ на потребности правоприменительной практики [9]. Упрощенное арбитражное судопроизводство не является самостоятельным, новым видом судопроизводства, а выступает как измененный вид преимущественно искового производства.

Упрощенное арбитражное судопроизводство часто называют «усеченным», поскольку оно, безусловно, с изъятиями, базируется на общих правилах судопроизводства, а равно и осуществляется судами как институтами судебной власти, также отмечается, что «наличие некоторых отступлений нельзя признать значительным и меняющим сущность процесса» [5].

Упрощенное арбитражное судопроизводство предполагает сокращенные сроки рассмотрения дел (до 2–3 месяцев в целом на рассмотрение дела по существу, с продлением срока в исключительных случаях), а также означает фактическое письменное судопроизводство, с рассмотрением дела по письменным доказательствам и пояснениям, представленными лицами, участвующи-

ми в деле, без явки сторон либо представителей сторон в судебное заседание. Из истории изменений ст. 227 АПК РФ следует тенденция к повышению пороговых значений, в настоящее время, до 1,2 млн руб. в отношении юридических лиц, 600 тыс. руб. для индивидуальных предпринимателей. При этом суд вправе принять дело к рассмотрению в упрощенном порядке даже без выполнения количественных критериев, в силу бесспорности правовой ситуации.

Упрощенное рассмотрение арбитражного спора характеризуется тем, что в результате итоговый судебный акт является также «усеченным», по общему правилу, не имеет мотивировочной части. Составление полного текста судебного акта производится в случаях, когда обоснование судебного решения затребовано лицами, участвующими в деле, как правило, в целях дальнейшего оспаривания судебного акта в вышестоящих инстанциях. Само дальнейшее оспаривание сохраняет «усеченный» характер и также представляет собой письменное судопроизводство в виде обмена доказательствами и пояснениями участвующих лиц. Нельзя не согласиться с мнением, что упрощенное апелляционное производство не бесспорно, так как при наличии выраженного несогласия с принятым судебным актом, лишает несогласную сторону всей полноты состязательности в арбитражном процессе [6].

Необходимо сделать вывод, что решающее значение в выборе упрощенного арбитражного судопроизводства принадлежит суду, а не сторонам, при этом суд исходит из собственной оценки спора на момент принятия иска к производству. При таком подходе арбитражное процессуальное законодательство «навязывает» сторонам правила упрощенного судопроизводства без их согласия, фактически императивно [1], без возможности сторонам каким-либо образом остановить переход к упрощенной процедуре, ориентируясь только на «предметный критерий» (цена иска, бесспорность обязательств) [10].

Принцип состязательности, переносящий доказывание с арбитражного суда на стороны, непосредственно заинтересованные в правовом результате разрешения спора, безусловно, является признанным в рамках арбитражного процесса. Важность состязательности подчеркивает и конституционный характер данного принципа (ст. 123 Конституции РФ). Процессуальное законодательство формально не предполагает изъятия принципа состязательности в упрощенном арбитражном процессе, «суд исследует изложенные в представленных сторонами документах объяснения, возражения и (или) доводы лиц, участвующих в деле, и принимает решение на основании доказательств, представленных в течение указанных сроков» (абз. 3 ч. 5 ст. 228 АПК РФ). Полное исключение принципа состязательности необходимо считать невозможным, учитывая конституционную основу состязательности. При этом нужно согласиться с выводом [3], что упрощенное арбитраж-

ное судопроизводство не является с точки зрения реализации принципа состязательности полным эквивалентом полноценного искового производства. Законодательное решение в виде упрощенного арбитражного процесса ограничивает состязательность сторон и их возможности для доказывания.

Исковое производство для сторон является более естественным с точки зрения доказывания правовых и фактических обстоятельств своей правовой позиции, поскольку такое взаимодействие более похоже на «живое общение». Суд и стороны при проведении очного судебного заседания могут более основательно понять изложенную правовую позицию, и, пользуясь процессуальными правами, задать взаимные вопросы и уточнить отдельные аспекты представленных доказательств. Упрощенный процесс, требующий представить письменные доказательства в строго ограниченные сроки, является более сложным для оперативной и качественной реализации сторонами. Не всегда такой подход можно объяснить бесспорностью правовой ситуации и незначительной стоимостью иска. В ряде споров по хозяйственным договорам, суды, рассматривая дела в порядке упрощенного арбитражного судопроизводства, пришли к выводу о недоказанности фактического основания иска, и, соответственно, в заявленных исковых требованиях было отказано [7]. С учетом специализированного характера спора о передаче товаров на реализацию через онлайн-маркетплейсы, особенного оформления передачи такого товара через фото и видеofиксацию, а также систему внутренних штрих-кодов (идентификаторов товара) и учета движения товара через онлайн-систему в рамках маркетплейса, отсутствия аналогичной судебной практики, такие споры, несмотря на выполнение формальных пороговых критериев для принятия иска к рассмотрению в порядке упрощенного производства, являются сложными для рассмотрения и приводят к судебным ошибкам по существу рассмотрения спора.

С точки зрения правил ст. 70 АПК РФ, обстоятельства незаявления своего несогласия или непредставления соответствующих доказательств в подтверждение доводов своих возражений, рассматриваются в судебной практике высших инстанций как бесспорные [8], представляющие собой отказ от участия в судебном состязании. Однако в упрощенном арбитражном процессе пассивное поведение стороны не всегда является признаком отсутствия возражений сторон по представленным в упрощенном деле доказательствам. Само по себе признание задолженности, подтверждение сверки расчетов является условием принятия судом иска для рассмотрения в упрощенном порядке, но не является автоматическим подтверждением правоты истца. Это принципиально отличает упрощенное арбитражное производство от приказного арбитражного производства, также не имеющего устной части процесса и основанного на изучении судом представленных заявителем письмен-

ных доказательств в обоснование иска. Приказное производство также характеризует ограниченная состязательность сторон, связанная с бесспорностью заявляемых требований.

Появившиеся на современном этапе развития онлайн-технологий способы электронного документооборота могут содействовать цели обеспечения реализации принципа состязательности в условиях упрощенного арбитражного процесса. Важно отметить оперативность и доступность электронного документооборота, что связано с распространением цифровых технологий, с включением в круг субъектов электронного доступа все большего числа участников споров. В научной литературе отмечается, что «электронная форма подачи исковых заявлений, жалоб, представлений и иных документов в суд утвердилась не только в законодательстве, но и на практике» [4]. Информатизация правосудия является не только перспективной целью, но и насущным явлением, в той или иной степени реализованных на всех стадиях арбитражного судопроизводства, что повышает его гибкость и адаптивность [2]. Согласно ст. 100 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в рамках письменного рассмотрения обособленных споров о включении в реестр требований кредиторов по делам о банкротстве предполагается исключительно электронная форма подачи заявлений, и только в случае предоставления доказательств уважительной причины невозможности электронного обращения допускается документарная форма.

С учетом изложенного необходимо отметить, что упрощенное арбитражное производство предполагает усеченную, ограниченную состязательность сторон. В ситуации сложной правовой ситуации, но при цене иска, не превышающей пороговых значений, установленных процессуальным законодательством для упрощенного арбитражного процесса, должны быть созданы условия для реализации ст. 9 АПК РФ. Цена иска, не превышающая определенные количественные критерии, не должна безусловно свидетельствовать о простоте дела и отсутствии в нем выраженного правового конфликта сторон. В ином случае задача упрощения судопроизводства будет решена за счет ущемления прав и процессуальных возможностей сторон.

Литература

1. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др.; под ред. В.В. Яркова. Москва: Статут, 2021. 460 с.
2. Выступление Председателя Совета судей Российской Федерации В.В. Момотова на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации // Судья. 2018. № 7. С. 12–20
3. Горябин А.А. О принципе состязательности при рассмотрении дел арбитражными судами

в упрощенном порядке // Арбитражный и гражданский процесс. 2022. № 4. С. 9–12.

4. Гриценко Е.В., Ялунер Ю.А. Право на судебную защиту и доступ к суду в условиях информатизации и цифровизации: значение опыта стран общего права для России // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3. С. 97–129.
5. Жукова Ю.А. Упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессе: Монография. М.: Зерцало-М, 2022. 164 с.
6. Пирко Г.О. Упрощение гражданского судопроизводства: вектор развития // Юрист. 2019. № 11. С. 49–59.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.02.2025 г. по делу № А40–172745/24 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/50f41510-66cd-4b44-8473-18fbd2b560dd/7780392f-b129-4a23-bc83-58bd1b78c505/A40-172745-2024_20250221_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 25.02.2025).
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 13 «О применении Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении дел в арбитражном суде кассационной инстанции» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 9, сентябрь, 2020.
9. Проект Федерального закона № 237135–8 «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» (ред., внесенная в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 17.11.2022) // СПС «Консультант Плюс».
10. Сахнова Т.В. «Неполные» судебные процедуры в современном цивилистическом процессе // Вестник гражданского процесса. 2021. № 4. С. 27–49.
11. Форма № 1 АС «Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел из гражданских и административных правоотношений по первой инстанции», Форма № 01АС «Оперативная статистическая отчетность о деятельности арбитражных судов Российской Федерации». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (дата обращения: 25.02.2025).

THE ADVERSARY CHARACTER OF SIMPLIFIED ARBITRATION PROCEEDINGS

Pilchina D.Z.

International Law Institute

In the article, taking into account the prevalence of simplified legal proceedings in law enforcement practice, the features of the implementation of the adversarial principle in the framework of arbitration proceedings implemented through simplified judicial procedures are considered and analyzed. The author confirms the conclusion that simplified arbitration proceedings leave a limited opportunity for procedural adversarial proceedings, since they are based on the consideration of a dispute solely based on written evidence, the provision of which is also limited. In some situations, based on the substance of the dispute under consideration, the limited competitiveness of the parties may be justified by the objectives of procedural economy and reduction of time, material and other costs of legal proceedings. A certain similarity of simplified arbitration proceed-

ings can be noted when comparing these procedures with writ proceedings, as well as correspondence proceedings used by courts of general jurisdiction in the absence of a defendant, also based on limiting the adversarial nature of the participants. At the same time, the limited competitiveness of the parties should not infringe on the procedural rights of participants in the proceedings, since individual participants in simplified arbitration proceedings may not always influence the choice of such a procedure to resolve their dispute, while the simplification of proceedings remains at the stages of appealing a judicial act.

Keywords: arbitration process, simplified court proceedings, adversarial proceedings, parties to the arbitration process, evidence.

References

1. Actual problems of civil and administrative proceedings / D.B. Abushenko, K.L. Branovitsky, S.K. Zagainova et al.; edited by V.V. Yarkov. Moscow: Statute, 2021. 460 p.
2. Speech by Chairman of the Council of Judges of the Russian Federation V.V. Momotov at the plenary session of the Council of Judges of the Russian Federation // Judge. 2018. № 7. pp. 12–20
3. Goryabin A.A. On the principle of competition in the consideration of cases by arbitration courts in a simplified manner // Arbitration and civil procedure. 2022. № 4. pp. 9–12.
4. Gritsenko E.V., Yaluner Yu.A. The right to judicial protection and access to court in the context of informatization and digitalization: the significance of the experience of common law countries for Russia // Comparative Constitutional Review. 2020. № 3. pp. 97–129.
5. Zhukova Yu.A. Simplified proceedings in civil and arbitration proceedings: Monograph. Moscow: Zertsalo-M, 2022. 164 p.
6. Pirko G.O. Simplification of civil proceedings: a vector of development // Lawyer. 2019. № 11. pp. 49–59.
7. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 02/21/2025 in case no. A40–172745/24 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/50f41510–66cd–4b44–8473–18fbd2b560d–d/7780392f–b129–4a23–bc83–58bd1b78c505/A40–172745–2024_20250221_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (date of request: 02/25/2025).
8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 30.06.2020 No. 13 “On the Application of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in the Consideration of Cases in the Arbitration Court of Cassation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 9, September, 2020.
9. Draft Federal Law No. 237135–8 “On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation Federation” (as amended by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, text as of 11/17/2022) // SPS Consultant Plus.
10. Sakhnova T.V. “Incomplete” judicial procedures in the modern civil process // Bulletin of Civil procedure. 2021. No. 4. pp.27–49.
11. Form No. 1 AS “Report on the work of the arbitration courts of the Russian Federation on the consideration of cases from civil and administrative legal relations in the first instance”, Form No. 01AS “Operational statistical reporting on the activities of the arbitration courts of the Russian Federation”. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5670> (date of request: 02/25/2025).

Делегирование властных полномочий федеральными органами исполнительной власти: теоретико-правовая характеристика

Царапкина Дарья Романовна,

аспирант кафедры административного права и процесса
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: dary.tsarapkina@yandex.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятия «делегирование властных полномочий». Проведен анализ функций и целей делегирования в системе исполнительной власти. Выявлена сущность принципа единства власти в контексте концепции делегирования. Представлены ограничения делегирования властных полномочий. Обозначены принципы, на основании которых исполнительные полномочия могут быть делегированы. Представлен анализ российской практики делегирования властных полномочий федеральных органов исполнительной власти. Сделан вывод о том, что в России и во многих других странах мира наблюдается тенденция к модернизации модели исполнения обязанностей государства, результирующая в вовлечение в процессы управления все большего числа сторонних субъектов посредством механизмов делегирования властных полномочий.

Ключевые слова: делегирование, делегирование власти, исполнительная власть, субъект РФ, федеральный орган власти.

На текущий момент мы наблюдаем кардинальные трансформации в системе институтов публичной власти – как в нашей стране, так и за рубежом. Предпринимаются попытки переосмыслить природу публичной власти, сущности государства и механизмов распределения властных полномочий. В данной связи каждое государство осуществляет поиск оптимальной модели публичного управления, которая бы обеспечила результативность функционирования общества и органов власти [5, с. 87]. В данной связи особенно актуальной представляется задача по анализу и оценке деятельности государственных органов в контексте механизмов и процедур делегирования полномочий.

Властные полномочия федеральных органов исполнительной власти можно определить в качестве юридически зафиксированных возможностей органов исполнительной власти в области принятия обязательных для исполнения решений, издания нормативных правовых актов, контроля за их исполнением, применения санкций и обеспечения государственного управления в подведомственных сферах (экономика, здравоохранение, оборона и проч.).

Любой орган государственной власти создается с целью выполнения возложенных на него функций. Для их реализации орган власти наделяется определенными полномочиями, а объем подобных полномочий фиксируется в основном акте и может быть рассмотрен как первичный (базовый) [9, с. 719]. Несмотря на то, что каждый орган власти обладает собственными полномочиями, все они являются неразрывно связанными между собой, что, в свою очередь, образует единство публичной власти.

Принцип единства публичной власти, согласно О.Н. Диденко и В.Д. Гавриловой, можно определить как стремление к согласованному и эффективному взаимодействию «функционально объединенных органов публичной власти» [3, с. 39]. При несоблюдении данного принципа органы власти действуют разобщенно, вступают в противоречие друг с другом, что в результате существенно снижает качество государственного управления. В данной связи органы власти должны постоянно взаимодействовать между собой, а формами подобного взаимодействия выступают: (1) организационно-правовая; (2) функциональная; (3) финансово-бюджетная.

При этом, несмотря на взаимодействие, полномочия каждого из органов власти должны быть четко разграничены, чтобы исключить дублирование и конфликт в их деятельности. Таким образом,

принцип единства публичной власти тесно связан с принципом, который на первый взгляд оппонирует ему – принципом разделения властей.

По мнению Д.Д. Якадина, концепция разделения властей выступает базисом функционирования государственного аппарата, «выполняет роль политико-правового балансира, обеспечивающего гармоничное взаимодействие высших органов законодательной, исполнительной и судебной власти», а также органов разных уровней властной иерархии. Принцип разделения властей, по мнению автора, следует рассматривать как разграничение полномочий разных государственных органов, относительную автономность и независимость при реализации властных полномочий [9, с. 720].

На сегодняшний день в России и во многих других странах мира наблюдается тенденция к модернизации модели исполнения конституционных обязанностей государства, результирующая в вовлечение в процессы управления все большего числа сторонних субъектов посредством механизмов делегирования властных полномочий. Д.В. Рузаева пишет о том, что зачастую расширение перечня субъектов, наделенных властью, приводит к параллельному расширению т.н. «негосударственного» компонента в системе публичной власти. Так, в процессе принятия важных решений принимают участие государственные корпорации и организации, органы местного самоуправления, частные организации, экспертные организации – помимо непосредственных институтов государственного аппарата [5, с. 89].

А.В. Корепина говорит о том, что органы исполнительной власти наделены правом на реализацию своих полномочий исключительно в пределах компетенций, зафиксированных соответствующими нормативно-правовыми актами. Эти нормативные акты, в свою очередь, концептуально восходят к конституционным положениям о разграничении предметов ведения и полномочий органов власти. Тем не менее, как Конституция, так и законодательный массив являют собой константу, зафиксированную преимущественно на продолжительный период в эволюции управленческой системы страны. Тем не менее, изменчивость социальной, экономической и институциональной среды требует дополнительных вариантов изменения объема и характера компетенции органов исполнительной власти [4, с. 43]. Все это, в свою очередь, порождает такой механизм реализации власти, как делегирование полномочий.

Делегирование в общем виде можно определить передачу части полномочий от одного государственного органа к другому. В данном контексте рассматривается передача властных полномочий от федеральных органов исполнительной власти к: региональным органам власти (субъектам РФ); муниципальным органам власти; подведомственным учреждениям (агентствам, службам, госкорпорациям); частным организациям (в рамках государственно-частного партнёрства) [1, с. 88].

Д.Д. Якадин предлагает понимать делегирование как инструмент обеспечения баланса централизации и децентрализации в решении политических вопросов. Возможность делегирования властных полномочий между федеральным уровнем, региональным и уровнем местного самоуправления благотворно сказывается на управляемости политической и социально-экономической систем [8, с. 648].

В публикации А.В. Шиндиной можно встретить аналогичное умозаключение: делегирование исполнительной власти выполняет двоякую роль: во-первых, делегирование приводит к децентрализации управления, будучи направленным на перенос полномочий на более «мелкие», в т.ч. локальные уровни; во-вторых, при передаче полномочий от органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации федеральным органам исполнительной власти баланс политической силы переходит наверх, что свидетельствует о централизации. Делегирование, по мнению исследователя, выполняет важнейшую задачу по координации деятельности различных звеньев системы исполнительной власти [6, с. 480].

А.В. Шиндина, кроме того, предлагает понимать термин «делегирование власти» предельно широко – как обобщающее понятие, охватывающее делегирование законодательных, исполнительных, должностных полномочий [6, с. 481].

А.В. Корепина, в свою очередь, рассматривает лишь нисходящий вектор делегирования и говорит о том, что делегирование является особым соглашением, согласно которому управленческие функции органов власти более высокого уровня передаются субъектам управления нижних уровней [4, с. 46]. Делегирование полномочий органов исполнительной власти определяется в качестве способа «перераспределения компетенции органов исполнительной власти, который заключается в передаче одним органом исполнительной власти другому осуществления части своих полномочий в целях успешного функционирования исполнительной власти» [4, с. 46].

Делегирование полномочий федеральных органов исполнительной власти целесообразно с позиции ряда функций. Рассмотрим эти функции более подробно. Во-первых, делегирование полномочий федеральных органов исполнительной власти выступает способом оптимизации системы государственного управления. Федеральные органы власти, особенно в российских реалиях, не всегда способны эффективно управлять всеми процессами на местах, поэтому передача части полномочий позволяет оптимизировать реализацию власти. Во-вторых, учитывая вариативность социально-экономических, культурных, климатических и иных условий различных регионов России, важную роль играет функция учета региональной специфики. Передача полномочий на уровень субъектов или муниципалитетов позволяет учитывать локальные особенности при реализации государственной политики. В-третьих, делегирование благотворно

сказывается на повышении оперативности и гибкости управления. Федеральные органы работают на общегосударственном уровне и не всегда способны быстро реагировать на локальные проблемы. Делегирование полномочий ускоряет процесс принятия решений и их реализацию. В-четвертых, делегирование необходимо с точки зрения снижения нагрузки на федеральные органы власти. Передача полномочий позволяет федеральным органам власти сосредоточиться на стратегических вопросах и координации работы. Наконец, в-пятых, делегирование выполняет функцию эффективизации распределения ресурсов. В ряде случаев выполнение определенных функций федеральными органами слишком затратно и порождает риски коррупции, и их передача на локальный уровень управления позволяет оптимизировать расходы.

Правовым базисом для реализации механизмов делегирования властных полномочий федеральных органов исполнительной власти выступают: Конституция Российской Федерации (закрепляет разграничение полномочий между уровнями власти), Федеральные законы, Указы Президента РФ и постановления Правительства (регулируют конкретные случаи делегирования), административные регламенты (определяют порядок реализации переданных функций).

Несмотря на то, что в Конституция Российской Федерации не фиксирует термин «делегирование полномочий», данная концепция все же находит свое отражение в конституционных положениях. Так, Конституция закрепляет два способа делегирования: «наделение полномочиями» и «передача полномочий». Наделение полномочиями реализуется исключительно на основании законодательства и закреплено ст. 132 Конституции в отношении деятельности органов местного самоуправления. Передача одним органом исполнительной власти другому, согласно положениям ст. 78, возможна посредством взаимной передачи полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации на основании соглашений.

Следует также отметить, что в системе делегирования полномочий органов исполнительной власти происходит передача «родственных полномочий». Речь идет о том, что федеральный орган исполнительной власти передает на реализацию исполнительному органу власти субъекта только тех полномочий, которые непосредственно касаются сферой и компетенцией делегирующего органа. Данный принцип в современной научной литературе именуется отраслевым. Еще одним принципом рассматриваемой нами прикладной области выступает, по мнению А.В. Шиндиной, принцип контроля и ответственности делегирующего органа власти. Данный принцип зафиксирован в положениях ст. 26.8 Закона № 184-ФЗ: федеральные органы исполнительной власти, передавшие свои полномочия соответствующим исполнительным органам государственной власти субъекта, должны

реализовывать контроль исполнения возложенных задач и нести ответственность за ненадлежащее осуществление переданных полномочий [6, с. 482].

Важным принципом, на основании которого реализуется делегирование исполнительных полномочий, является принцип транспарентности (информационной открытости и подотчетности). К примеру, орган государственной власти субъекта Российской Федерации, не являющийся стороной соглашения, имеет право получить проект соглашения о делегировании полномочий между федеральным органом исполнительной власти и органом исполнительной власти субъекта.

Помимо функций и принципов делегирования полномочий органов исполнительной власти, следует также упомянуть еще один важный параметр данной концепции – параметр ограничений. Безусловно, орган исполнительной власти не может передавать все полномочия, возложенные на него, без каких-либо ограничений. Ограничения могут носить нормативно-правовой, институциональный и функциональный характер. Делегирование полномочий осуществляется в рамках законодательства Российской Федерации, включая Конституцию РФ, федеральные законы и подзаконные акты. Органы исполнительной власти не имеют права передавать властные полномочия в том случае, если это прямо противоречит законодательным нормам или выходит за пределы их компетенции. Институциональные ограничения обозначают то, что делегирование возможно исключительно в рамках установленной системы институтов государственной власти. Например, передача полномочий не должна нарушать принцип соподчиненности властных ведомств. Функциональные ограничения имеют место следующим образом: некоторые полномочия, относящиеся к ключевым государственным функциям (например, вопросы национальной безопасности, внешней политики, судебная власть), не могут быть переданы на региональный или муниципальный уровень исполнительной власти, поскольку их реализация требует централизованного управления и координации на общегосударственном уровне. Целью таких ограничений выступает обеспечение баланса во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти, сохранение основ конституционного строя страны.

В последнее десятилетие ведется активная законодательная работа в области совершенствования механизмов делегирования полномочий федеральных органов исполнительной власти. В частности, еще в 2011 г. в Бюджетном послании к Федеральному собранию Российской Федерации от 29.06.2011 г. «О бюджетной политике в 2012–2014 годах» было акцентировано стремление к децентрализации полномочий между уровнями публичной власти в пользу субъектов Российской Федерации и местного самоуправления. Впоследствии был принят Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных)

и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», который внес некоторые изменения в механизмы делегирования полномочий [4, с. 44].

Поправки в Конституцию Российской Федерации, внесенные в 2020 г., принятие Федерального закона от 21 декабря 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» свидетельствуют о наступлении нового этапа в развитии системы делегирования полномочий органов исполнительной власти. Общей тенденцией является наделение субъектов большим объемом полномочий с целью повышения гибкости федеративных отношений [7, с. 88], [2, с. 175]. Тем не менее, некоторые исследователи высказывают мнение о том, что недавние законодательные новеллы не смогли, к сожалению, фактически расширить компетенции органов муниципальной власти. По мнению С.А. Васильева, требуется введение новых законов, которые смогут органично встроить муниципалитеты в мероприятия общей государственной политики [1, с. 88].

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам. Делегирование властных полномочий федеральных органов исполнительной власти представляет собой инструмент оптимизации государственного управления, обеспечивающий децентрализацию управленческих функций и повышение эффективности системы публичного управления. Передача полномочий способствует повышению оперативности и адаптивности государственной политики в условиях территориальной и социально-экономической дифференциации Российской Федерации.

Литература

1. Васильев, С.А. Ценность местного самоуправления в процессе его соотношения с государством: конституционно-правовой аспект / С.А. Васильев // *Lex Russica*. – 2024. – № 4 (209). – С. 86–97.
2. Воробьева, Д.С. Передача государственных полномочий Российской Федерации субъектам Федерации: анализ нормативно-правового регулирования и некоторые вопросы практики / Д.С. Воробьева // *Вестник СГЮА*. – 2023. – № 4 (153). – С. 174–180.
3. Диденко, О.Н. Принцип единства публичной власти: сущность, уровни, формы взаимодействия / О.Н. Диденко, В.Д. Гаврилова, // *Право и практика*. – 2023. – № 1. – С. 35–40.
4. Корепина, А.В. Делегирование полномочий как метод государственного управления / А.В. Корепина // *Пенитенциарная наука*. – 2016. – № 2 (34). – С. 42–48.
5. Рузаева, Д.В. Современные условия реализации конституционных обязанностей государ-

ства / Д.В. Рузаева // *Наука. Общество. Государство*. – 2024. – № 3 (47). – С. 85–92.

6. Шиндина, А.В. Делегирование полномочий в системе исполнительной власти Российской Федерации / А.В. Шиндина // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. – 2016. – № 4. – С. 480–487.
7. Хонгор, Н.Н. Особенности разграничения государственных полномочий в условиях становления единой системы публичной власти / Н.Н. Хонгор // *Аудиторские ведомости*. – 2023. – № 4. – С. 87–93.
8. Якадин, Д. Д. О потенциале культуры юридического делегирования / Д.Д. Якадин // *Юридическая техника*. – 2016. – № 10. – С. 648–652.
9. Якадин, Д.Д. Коллизии делегирования полномочий на различных уровнях государственной власти / Д.Д. Якадин // *Юридическая техника*. – 2017. – № 11. – С. 719–722.

POWERS OF FEDERAL EXECUTIVE BODIES AS AN OBJECT OF DELEGATION: THEORETICAL AND LEGAL CHARACTERISTICS

Tsarapkina D.R.

Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The article considers the definitions of the concept of “delegation of powers”. The analysis of the functions and purposes of delegation in the system of executive power is carried out. The essence of the principle of the unity of power in the context of the concept of delegation is revealed. The limitations of delegation of powers are presented. The principles on the basis of which executive powers can be delegated are outlined. The analysis of the Russian practice of delegation of powers of federal executive bodies is presented. It is concluded that in Russia and in many other countries of the world there is a tendency to modernize the model of fulfilling the constitutional duties of the state, resulting in the involvement of an increasing number of third-party entities in governance processes through mechanisms for delegating authority.

Keywords: delegation, delegation of power, executive power, subject of the Russian Federation, federal authority.

References

1. Vasiliev, S.A. The value of local self-government in the process of its relationship with the state: constitutional and legal aspect / S.A. Vasiliev // *Lex Russica*. – 2024. – No. 4 (209). – P. 86–97.
2. Vorobyova, D.S. Transfer of state powers of the Russian Federation to the constituent entities of the Federation: analysis of legal regulation and some issues of practice / D.S. Vorobyova // *Bulletin of SSLA*. – 2023. – No. 4 (153). – P. 174–180.
3. Didenko, O.N. The principle of unity of public authority: essence, levels, forms of interaction / O.N. Didenko, V.D. Gavrilo-va, // *Law and Practice*. – 2023. – No. 1. – P. 35–40.
4. Korepina, A.V. Delegation of powers as a method of public administration / A.V. Korepina // *Penitentiary science*. – 2016. – No. 2 (34). – P. 42–48.
5. Ruzaeva, D.V. Modern conditions for the implementation of constitutional duties of the state / D.V. Ruzaeva // *Science. Society. State*. – 2024. – No. 3 (47). – P. 85–92.
6. Shindina, A.V. Delegation of powers in the executive system of the Russian Federation / A.V. Shindina // *News of Saratov University. Nov. series. Series. Economy. Management. Law*. – 2016. – No. 4. – P. 480–487.
7. Khongor, N.N. Features of the delimitation of state powers in the context of the formation of a unified system of public authority / N.N. Khongor // *Audit statements*. – 2023. – No. 4. – P. 87–93.
8. Yakadin, D.D. On the potential of the culture of legal delegation / D.D. Yakadin // *Legal technique*. – 2016. – No. 10. – P. 648–652.
9. Yakadin, D.D. Collisions of delegation of powers at various levels of government / D.D. Yakadin // *Legal technique*. – 2017. – No. 11. – P. 719–722.

Шимко Светлана Евгеньевна,

аспирант заочной формы обучения, кафедра уголовного права, процесса и криминалистики, ФГБОУ ВО «Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова»; начальник отдела по работе с гражданами Российской Федерации, Управление по вопросам миграции МВД по Республике Бурятия

На базе статистических сведений, предоставленных Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, проведено исследование криминальной активности иностранцев и апатридов на территории России. В работе представлен детальный разбор структуры правонарушений, совершаемых данной категорией лиц, с учетом их гражданской принадлежности. Авторами составлен криминологический портрет типичного преступника-иностранца и выявлены характерные особенности противоправных деяний в зависимости от страны происхождения правонарушителей. Особое внимание уделено анализу ключевых детерминант, способствующих развитию преступности среди мигрантов. В завершение предложен комплекс профилактических мер, направленных на снижение уровня криминальной активности среди иностранных граждан и лиц без гражданства.

Ключевые слова: мигрант, преступность иностранных граждан, личность преступника, предупреждение преступности.

Экономический спад в постсоветских государствах спровоцировал интенсификацию миграционных потоков. Стихийная и нелегальная миграция стала рассматриваться как существенная угроза безопасности российского государства и общества ввиду ее деструктивного влияния на социальную стабильность.

Для эффективного управления миграционными процессами и обеспечения правовой защиты иностранцев и апатридов российское законодательство регулярно совершенствуется. Правовую базу составляют различные нормативные акты, включая ФЗ «О гражданстве РФ», Концепцию миграционной политики, а также специальные программы, среди которых особое место занимает инициатива по содействию переселению соотечественников из-за рубежа. Законодательство также охватывает вопросы противодействия нелегальной миграции, миграционного учета и передвижения иностранных граждан.

Актуальная Концепция миграционной политики РФ, рассчитанная на период 2019–2025 годов, выдвигает в качестве ключевого принципа необходимость учитывать многообразие региональных и этнокультурных особенностей жизненного уклада населения страны. При этом документ подчеркивает важность научного подхода к анализу миграционной обстановки и разработке инструментария государственной политики в данной сфере [12].

Мигранты нередко становятся объектом вербовки со стороны криминальных и террористических организаций, действующих по этническому принципу. Особой уязвимостью отличаются выходцы из стран с депрессивной экономикой, прибывшие в Россию в поисках заработка. Оказавшись в сложной ситуации – будь то утрата работы, проблемы с легализацией или иные трудности – эти люди, лишённые доступа к государственной социальной поддержке, оказываются на грани нарушения закона.

В своих публичных выступлениях глава государства В.В. Путин неоднократно подчеркивал необходимость применения максимально строгих мер в отношении нелегальной миграции. По его словам, экстремистская деятельность, нарушения общественного порядка и незаконное трудоустройство должны становиться безусловным основанием для оперативной депортации нарушителей с последующим запретом на въезд в Российскую Федерацию [7].

К основным триггерам противоправного поведения мигрантов относятся проблемы социальной адаптации, продолжительная разлука с близкими, неудовлетворительные условия проживания и финансовая нестабильность, приводящие к социаль-

ной уязвимости. Криминогенную ситуацию усугубляет низкий уровень благосостояния трудовых мигрантов, вынужденных соглашаться на неквалифицированную и малооплачиваемую работу, зачастую без официального трудоустройства. Особенно уязвимы нелегальные мигранты, которым работодатели систематически недоплачивают обещанные суммы. Опасаясь обращаться в правоохранительные органы из-за своего нелегального статуса, они нередко прибегают к противозаконным методам получения заработанных денег.

Как отметил в своем интервью «Российской газете» от 24 июля 2024 года глава Следственного комитета А.И. Бастрыкин, ведомство первым акцентировало внимание на проблеме миграционной преступности. По его словам, отсутствие должной социализации приводит к формированию замкнутых мигрантских сообществ с собственными правилами, что потенциально чревато криминальными проявлениями. Такая ситуация негативно влияет на социальную стабильность и требует комплексного подхода к решению проблемы преступности среди мигрантов [3].

В рамках исследования был проведен анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, касающихся правонарушений, совершенных иностранцами и апатридами в первом полугодии 2024 года. Применение метода научного обобщения позволило выявить специфические характеристики преступлений, совершаемых гражданами стран СНГ, других государств и лицами без гражданства.

Исследование показало корреляцию между гражданской принадлежностью правонарушителей и особенностями совершаемых ими преступлений. Криминальная активность иностранцев в России тесно связана с тремя основными миграционными векторами: среднеазиатским, закавказским и западным. При этом граждане европейских государств демонстрируют минимальный уровень криминальной активности.

Статистика за первое полугодие 2024 года показывает снижение общего количества преступлений, совершенных иностранцами и апатридами, до 20,9 тыс. (на 6,4% меньше по сравнению с аналогичным периодом 2023 года). При этом на долю граждан стран СНГ приходится 17,5 тыс. преступлений (-4,7%), что составляет 83,6% от общего числа. Однако наблюдается рост удельного веса преступлений, совершенных гражданами СНГ, на 1,5% [10].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в первом полугодии 2024 года доля иностранных граждан и апатридов среди всех осужденных в России составила 4% (10 161 человек из общего числа 252 310 осужденных). Это показывает незначительное увеличение по сравнению с аналогичным периодом 2023 года, когда этот показатель составлял 3,9% (10 465 из 268 921 осужденных).

В структуре осужденных иностранцев подавляющее большинство составляют граждане стран

СНГ – 9 328 человек, что эквивалентно 91,8% от общего числа осужденных иностранцев и лиц без гражданства. Существенно меньшую долю занимают граждане других государств – 450 человек (4,4%), а также лица без гражданства – 383 человека (3,8%) [9].

Анализ криминальной статистики выявил характерную структуру правонарушений среди мигрантов. Лидирующую позицию занимают преступления, связанные с подделкой и оборотом фальшивых документов (24,6%). На втором месте находятся кражи (19,5%), за ними следуют наркопреступления (17,9%). Значительную долю составляют коррупционные преступления и нарушения государственной границы (по 8,2% каждое). Меньший процент приходится на управление транспортом в нетрезвом состоянии (3,8%), причинение тяжкого вреда здоровью (2,3%), грабежи (2%), разбойные нападения (1,5%), организацию нелегальной миграции (0,9%) и убийства (0,8%). Примечательно, что подавляющее большинство преступлений (99,3%) носит умышленный характер.

Криминологический анализ показывает существенные различия в характере преступности между выходцами из дальнего зарубежья и гражданами СНГ. Представители дальнего зарубежья реже совершают преступления, связанные с подделкой документов, наркотиками, нарушением правил дорожного движения, насильственными преступлениями против личности и собственности. Однако они чаще привлекаются к ответственности за незаконное пересечение границы, организацию нелегальной миграции и посредничество во взяточничестве.

Криминологический анализ показывает особую специфику преступности среди лиц без гражданства. В отличие от иностранных граждан, они не фигурируют в делах о взяточничестве и организации нелегальной миграции, однако демонстрируют более высокие показатели по насильственным преступлениям, включая убийства, причинение тяжкого вреда здоровью, а также имущественным преступлениям – кражам и грабегам.

Гендерный анализ выявляет преобладание мужчин среди преступников-мигрантов (70–78%), тогда как доля женщин составляет 30–32%. Среди женщин-правонарушителей встречаются как беременные, так и имеющие двух и более малолетних детей. Показательно, что 11% женщин-преступниц имели криминальное прошлое.

Возрастной профиль правонарушителей распределяется следующим образом: молодежь 14–29 лет составляет более 20%, основная группа 30–49 лет – свыше 65%, остальные возрастные категории – до 15%. Примечательно, что 94% правонарушителей относятся к категории трудовых мигрантов, причем 34% имеют высшее образование, 26% – среднее специальное, 35% – среднее образование.

На основе статистических данных за первое полугодие 2024 года можно составить типовой портрет преступника-мигранта: это мужчина 30–49 лет со средним образованием, приехавший на зара-

ботки в Россию. Изначально имея легальный статус и доход, впоследствии он утрачивает законные основания для пребывания в стране, что часто становится триггером криминального поведения.

Причины преступности иностранных граждан и лиц без гражданства могут быть различными и обусловлены рядом факторов, из которых можно выделить следующие:

1. Среди ключевых криминогенных факторов особое место занимает экономическая составляющая. Подавляющее большинство иностранцев прибывает в Россию с целью трудоустройства, соглашаясь на заработную плату, которая, хотя и кажется непривлекательной для местного населения, представляется достаточной для приезжих. Однако при возникновении проблем с трудоустройством или в ситуациях недобросовестного поведения работодателей, выражающегося в невыплате обещанного вознаграждения, мигранты оказываются в уязвимом положении. В таких обстоятельствах они становятся потенциальными участниками теневого сектора экономики и нередко вовлекаются в противоправную деятельность как способ решения своих финансовых проблем.

2. Второй существенный фактор связан с особенностями правового статуса иностранцев в России. Согласно ФЗ № 115 от 25.07.2002 «О правовом положении иностранных граждан в РФ», длительность законного пребывания иностранца ограничивается либо сроком действия визы, либо, для граждан стран с безвизовым режимом, периодом в 90 суток в течение календарного года.

Для продления срока пребывания иностранцу необходимо получить соответствующий правовой статус путем оформления одного из легализующих документов: патента, разрешения на работу, разрешения на временное проживание или вида на жительство. При отсутствии оснований для получения данных документов иностранец обязан покинуть территорию России. Нарушение этого требования переводит мигранта в категорию нелегально пребывающих лиц, что существенно повышает риск их вовлечения в теневую экономику и криминальную деятельность.

3. Социальная адаптация мигрантов осложняется экстремальными условиями пребывания в России, которые существенно влияют на их психологическое состояние и поведенческие паттерны. Комплекс факторов, включающий языковой барьер, разрыв привычных социальных связей и недостаточное знание российского законодательства, создает серьезные препятствия для успешной интеграции в новую среду.

Ситуацию усугубляет противоречивая информация, получаемая мигрантами от соотечественников и средств массовой информации, что порождает состояние неуверенности и страха. Неспособность адаптироваться к новым условиям жи-

ни приводит к хроническому стрессу и психологической нестабильности. В результате повышается риск совершения импульсивных действий, в том числе противоправного характера.

4. Культурно-религиозные различия между коренным населением России и мигрантами становятся значимым криминогенным фактором. Сложности в принятии и понимании ценностей, традиций и обычаев принимающей страны создают серьезные барьеры для адаптации. Различия в представлениях о допустимом и запретном, обусловленные культурными особенностями стран происхождения мигрантов, нередко приводят к межнациональным и межконфессиональным конфликтам, перерастающим в противоправные действия.

Особую опасность представляет уязвимость мигрантов перед экстремистской пропагандой. Находясь вдали от привычного окружения и поддержки близких, они становятся первоочередной мишенью для вербовщиков экстремистских организаций. Лидеры таких группировок умело манипулируют религиозными чувствами мигрантов, вовлекая их в различные формы противоправной деятельности – от наркотрафика и трудового рабства до торговли людьми и сексуальной эксплуатации.

5. Недостаточная правовая грамотность выступает еще одним существенным фактором риска. Значительная часть иностранцев прибывает в Россию, не имея базовых знаний о действующем законодательстве и правилах пребывания в стране. Зачастую они полагаются на информацию, полученную от соотечественников, которая может быть неполной или устаревшей, что повышает вероятность непреднамеренного нарушения закона.

Важно отметить, что влияние всех перечисленных факторов не является статичным и может меняться в зависимости от социально-экономической ситуации как в странах исхода мигрантов, так и в принимающей стране. Глубокое понимание причин и механизмов формирования преступного поведения среди мигрантов имеет ключевое значение для разработки эффективной превентивной политики и совершенствования миграционного законодательства. При этом критически важно учитывать специфические особенности криминальной активности различных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства, обусловленные их происхождением и правовым статусом.

Для эффективного предупреждения преступности среди мигрантов первостепенное значение приобретает контроль над процессом их социальной адаптации в российском обществе. Ключевую роль в этом процессе целесообразно делегировать национальным общественным объединениям – диаспорам и землячествам. Пользуясь доверием и авторитетом среди соотечественников, эти организации могут эффективно транслировать информацию о культурных нормах, правовых требованиях и других особенностях жизни в России.

Существенным шагом в данном направлении может стать создание при органах местного самоуп-

правления специализированных центров поддержки иностранных граждан и лиц без гражданства. Такие центры призваны оказывать комплексную информационную помощь мигрантам, оказавшимся в сложной ситуации, предоставляя достоверные сведения по правовым и социальным вопросам.

Важно подчеркнуть, что большинство иностранцев, стремящихся интегрироваться в российское общество, демонстрируют законопослушное поведение и уважение к местным традициям. Поэтому меры по противодействию миграционной преступности должны реализовываться без элементов дискриминации и с неукоснительным соблюдением прав и законных интересов всех категорий мигрантов.

Литература

1. Антонов-Романовский Г.В., Коимшиди Г.Ф., Чирков Д.К., Литвинов А.А. Миграционная преступность: учеб. пособ. для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 227 с.
2. Гончарова М.В. Современные тенденции преступности мигрантов / М.В. Гончарова, В.И. Шиян // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2024. – № 3(45). – С. 76–83.
3. Интервью Председателя СК России «Российской газете». URL: <https://rg.ru/2024/07/24/sleduet-schitat.html/> (дата обращения 18.02.2025).
4. Капинус О.С. Преступность иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации / О.С. Капинус // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 1. – С. 145–151.
5. Новичков В.Е. Некоторые аспекты криминологической характеристики преступности иностранцев и лиц без гражданства, прибывших в Российскую Федерацию // Юридический вестник ДГУ. 2024. Т. 49, № 1 (69). С. 131–140.
6. Петров П.К. Детерминанты преступности иностранных граждан и лиц без гражданства / П.К. Петров // Социальное управление. – 2024. – Т. 6, № 2. – С. 63–69.
7. Путин призвал принимать против нелегальных мигрантов самые жесткие меры // Российская газета. 17.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/17/putin-prizval-prinimat-protiv-nelegalnyh-migrantov-samye-zhestkie-mery.html> (дата обращения 18.02.2025).
8. Рашитов Л.Р. Понятие, состояние и структура преступности мигрантов в современной России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2021. Т. 12, № 2 (44). С. 214–219.
9. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 1 полугодие 2024 года. Судебный департамент Верховного суда Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775> (дата обращения 18.02.2025).

10. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2023 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40116049/>; Состояние преступности в Российской Федерации за январь – июнь 2024 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/53218362/> (дата обращения 18.02.2025).

11. Рыбаковский Л.Л. Миграция населения: учебное пособие для вузов. М.: Юрайт, 2023. 480 с.

12. Указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (ред. от 12.05.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

FEATURES OF CRIMINALITY OF FOREIGN MIGRANTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Shimko S.E.

Buryat State University named after Dorzhi Banzarov, Migration Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Buryatia

Based on statistical information provided by the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, a study of the criminal activity of foreigners and stateless persons in Russia was conducted. The paper presents a detailed analysis of the structure of offenses committed by this category of persons, taking into account their citizenship. The authors have compiled a criminological portrait of a typical foreign criminal and identified the characteristic features of illegal acts depending on the country of origin of the offenders. Special attention is paid to the analysis of key determinants contributing to the development of crime among migrants. Finally, a set of preventive measures aimed at reducing the level of criminal activity among foreign citizens and stateless persons is proposed.

Keywords: migrant, crime of foreign citizens, criminal identity, crime prevention.

References

1. Antonov-Romanovsky G.V., Koimshidi G.F., Chirkov D.K., Litvinov A.A. Migration crime: a textbook for universities. 2nd ed., revised and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 227 p.
2. Goncharova M.V. Modern trends in migrant crime / M.V. Goncharova, V.I. Shiyani // Investigation of crimes: problems and solutions. – 2024. – No. 3 (45). – P. 76–83.
3. Interview of the Chairman of the Investigative Committee of Russia to Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2024/07/24/sleduet-schitat.html/> (accessed 18.02.2025).
4. Kapinus O.S. Crime of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation / O.S. Kapinus // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – No. 1. – P. 145–151.
5. Novichkov V.E. Some aspects of the criminological characteristics of the crime of foreigners and stateless persons who arrived in the Russian Federation // Legal Bulletin of DSU. 2024. Vol. 49, No. 1 (69). P. 131–140.
6. Petrov P.K. Determinants of crime of foreign citizens and stateless persons / P.K. Petrov // Social management. – 2024. – Vol. 6, No. 2. – P. 63–69.
7. Putin called for taking the toughest measures against illegal migrants // Rossiyskaya Gazeta. 17.02.2022. URL: <https://rg.ru/2022/02/17/putin-prizval-prinimat-protiv-nelegalnyh-migrantov-samye-zhestkie-mery.html> (date of access 18.02.2025).
8. Rashitov L.R. Concept, state and structure of migrant crime in modern Russia // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. Vol. 12, No. 2 (44). P. 214–219.
9. Consolidated statistical information on the state of criminal records in Russia for the first half of 2024. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775> (date of access 18.02.2025).

10. The state of crime in the Russian Federation for January – June 2023. URL: <https://мвд.рф/reports/item/40116049/>; The state of crime in the Russian Federation for January – June 2024. URL: <https://мвд.рф/reports/item/53218362/> (date of access 02/18/2025).
11. Rybakovsky L.L. Population migration: a textbook for universities. Moscow: Yurait, 2023. 480 p.
12. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 No. 622 “On the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019–2025” (as amended on 05/12/2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2018. No. 45, art. 6917.

Правовое регулирование лесоклиматических проектов в Российской Федерации

Ларин Дмитрий Алексеевич,

аспирант, кафедра «Государственно-правовые и финансово-правовые дисциплины», МФЮА
E-mail: argschool01@gmail.com

Статья посвящена анализу правового регулирования лесоклиматических проектов в Российской Федерации. Рассматриваются ключевые нормативно-правовые акты, регулирующие реализацию данных проектов, включая законодательство в сфере лесопользования и охраны окружающей среды. Особое внимание уделяется положениям Лесного кодекса, регулирующим вопросы лесопользования, восстановления лесов и их охраны. Выявлены правовые пробелы и ограничения, препятствующие эффективному развитию лесоклиматических инициатив. Особое внимание уделено перспективам развития правового регулирования и реформирования российского законодательства, в том числе с учетом международного опыта.

Ключевые слова: лесоклиматический проект, лесовосстановление, устойчивое развитие, правовое регулирование, Лесной кодекс РФ, низкоуглеродная экономика, декарбонизация.

Индустриализация и научно-технический прогресс существенно увеличили потребность человечества в природных ресурсах. Сегодня масштаб и темпы потребления природных ресурсов существенно превышают темпы восстановления биосферы. Достигнув существенного роста, многие страны столкнулись с проблемой истощения природных ресурсов, а в ряде случаев – с полномасштабными экологическими кризисами [2, с. 61]. В данной связи правительства большинства стран мира реализуют проекты в области восстановления природной среды, «зеленой» энергетики, обеспечения устойчивого развития. Тем не менее, эти проекты не всегда оказываются эффективными. Кроме того, до сих пор не наблюдается единства мнений о синергетических эффектах и причинно-следственных связях между экологическими инициативами и уже существующими социально-экономическими и экологическими факторами [9, с. 199].

Несмотря на последовательное сокращение объема участия нашей страны в международных инициативах и соглашениях, Россия, тем не менее, сохраняет свою приверженность к декарбонизации экономики. Так, в тексте Стратегии низкоуглеродного развития от 2021 г. декларируется цель по достижению углеродной нейтральности национальной экономики к 2060 г. Главная роль в этом движении отводится мероприятиям по фиксации углерода лесами страны [4].

Как отмечает Д.А. Гершиноква, на территории Российской Федерации произрастает около 20% лесных ресурсов мира. Лесные насаждения играют значимую роль в поддержании глобального и странового углеродного баланса [1, с. 171].

Особый интерес представляют так называемые лесоклиматические проекты. Концепция лесоклиматических проектов исходит из естественной способности лесов поглощать углекислый газ из атмосферы посредством механизмов фотосинтеза. Благодаря этому углекислый газ удаляется из атмосферы, что положительно сказывается на углеродном балансе. Важную роль лесных насаждений в поддержании благоприятного состояния окружающей среды подчеркивают многие международные соглашения: Рамочная конвенция ООН об изменении климата, Киотский протокол, Парижское соглашение и проч.

Лесоклиматические проекты – одна из разновидностей т.н. природных решений (*nature-based solutions*), направленных на сохранение биоразнообразия, регуляцию водного режима, защиту почв от эрозии и в целом – на митигацию антропогенных

изменений климата [6, с. 39]. При этом лесоклиматические проекты являются весьма сложными, ресурсозатратными и трудоемкими с точки зрения организации и реализации [6, с. 45]. Реализация подобных инициатив требует специальных знаний и навыков высококвалифицированных специалистов, координации усилий различных государственных и частных структур, эффективных методологий оценки и, кроме того, надежной и детализированной законодательной базы.

На текущем этапе в России уже имеются законодательная и нормативно-правовая основы для осуществления деятельности в сфере климатической повестки и низкоуглеродной экономики. Тем не менее, данный сегмент законодательства продолжает интенсивно развиваться: принимаются новые законы и подзаконные акты, расширяются и уточняются существующие нормы.

Правовое регулирование лесоклиматических проектов концептуально восходит к конституционным положениям. Так, ст. 42 Конституции Российской Федерации закрепляет право граждан на благоприятную окружающую среду, на получение достоверных данных о ее текущем статусе и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу в результате совершения экологических правонарушений. Ст. 58 устанавливает обязанность сохранять природу и окружающую среду, а также бережно относиться к природным ресурсам. Данное положение является ключевым в реализации лесоклиматических проектов [5].

Одним из первых официальных документов в рассматриваемой нами области является Указ Президента Российской Федерации от 1 апреля 1996 г. № 440, посредством которого была утверждена Концепция перехода России к устойчивому развитию. Концепция зафиксировала цели и задачи в области устойчивого развития, восстановления естественных экосистем, обеспечения стабильности окружающей среды [12].

Следование концепции устойчивого развития было впоследствии подтверждено положениями Лесного Кодекса Российской Федерации. Кодекс акцентировал потребность в обеспечении рационального и неистощительного использования лесов, их охраны, защиты и воспроизводства [8]. Вопросы лесовосстановления были раскрыты в рамках Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 212-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Новое в регулировании обязанностей недропользователей по «компенсационному» лесовосстановлению (лесоразведению) Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения». Закон установил обязанность для арендаторов лесных участков принимать меры по лесовосстановлению (лесоразведению) на площади, равной площади вырубленных лесных насаждений, не позднее, чем через один год после рубки леса [15].

Важным законодательным актом, регулирующим проектирование и реализацию лесоклиматических

проектов, выступает Федеральный закон от 2 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» [14].

В соответствии с положениями Закона, исполнителями лесоклиматических проектов могут выступать юридические лица, индивидуальные предприниматели или физические лица. Пользователями лесов, в свою очередь, могут быть только лица, зарегистрированные согласно Федеральному закону от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Мероприятия по увеличению поглощения или предотвращению или сокращению выбросов парниковых газов составляют суть лесоклиматических проектов. Увеличение поглощения обеспечивается лесоразведением, то есть созданием лесных массивов на землях, где ранее леса не было; лесовосстановлением, то есть восстановлением леса там, где он произрастал, подвержен деструкции в результате неблагоприятных воздействий (лесных пожаров, вредителей и др.); сохранением лесов, отказом от вырубki.

Кроме того, в 2021 г. был принят Федеральный закон № 303-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [16], в рамках которого была реформирована система лесовоспроизводства. Основным рычагом для увеличения эффективности стратегий в области восстановления лесов стало увеличение объема обязательств для недропользователей. Закон включил в себя норму, предусматривающую проведение работ по лесовосстановлению с привлечением государственных (муниципальных) учреждений [11, с. 101].

Правовой механизм реализации лесоклиматических проектов на данном этапе основан на описанных выше и иных законодательных актах, правил реализации климатических проектов и международных регламентах. Лесоклиматические проекты реализуются на основании следующего алгоритма. Исполнитель проекта определяет мероприятия, которые приведут к увеличению поглощения либо к сокращению или предотвращению выбросов, разрабатывает проектную документацию, утверждает ее, регистрирует в реестре углеродных единиц. Далее происходит стадия реализации проекта и его мониторинг. Результаты проекта верифицируются независимой организацией, по итогам чего выпускаются углеродные единицы в объеме, подтвержденном аккредитованным верификатором.

В 2022 г. было принято несколько актов, существенно изменивших правовое регулирование лесовосстановления: фактически было запрещено лесоводство на сельхозземлях. Среди этих документов следует выделить: Постановление Правительства РФ от 08.06.2022 года № 104339; Федеральный закон от 05.12.2022 года № 507-ФЗ40; Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 года № 3841.

Зачастую правоведа критикуют нормы, представленные в Постановлении Правительства РФ от 08.06.2022 года № 1043 [10, с. 42]: по их мнению, законодатель ввел трудновыполнимые, коррупциогенные процедуры, которые существенно осложняли практики лесовосстановления. Та, к примеру, земельные участки должны быть не менее чем на 75% покрыты лесами. Кроме того, было введено требование по составлению проекта освоения лесов, требование о подаче декларации, отчетности об использовании лесов, об охране лесов от пожаров, о защите лесов, о воспроизводстве лесов и лесоразведении.

Федеральный закон от 05.12.2022 года № 507-ФЗ, в свою очередь, упростил и сократил механизм изъятия земельных участков при наличии формальных признаков их неиспользования согласно целевому назначению.

Сегодня деятельность в области лесовосстановления и устойчивого развития в целом реализуется в рамках положений Климатической доктрины, утвержденной 26 октября 2023 г. Указом № 812 Президента РФ [13].

В апреле 2024 г. профильный комитет Госдумы РФ, ведающий вопросами устойчивой повестки, поддержал законопроект о лесоклиматических проектах. Новый закон непосредственно посвящен регулированию данной прикладной области и представляет широкий перечень процедур и мероприятий, направленных на увеличение лесных массивов, воспроизводство лесов и лесоразведение, охрану лесов от пожаров и защиту лесных экосистем от вредителей и болезней.

В декабре 2024 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 492-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2025 г. Нормативный акт вводит понятие «лесоклиматические проекты» и устанавливает правовые основы для реализации подобных проектов [17].

Согласно обновлённой редакции Лесного Кодекса (ст. 66.2), лесоклиматический проект представляет собой «климатический проект, реализуемый в лесах, расположенных на землях лесного фонда и землях иных категорий, за исключением земель сельскохозяйственного назначения» [8].

Согласно закону, лесоклиматические проекты представляют собой добровольные инициативы, направленные на сохранение и увеличение климаторегулирующего потенциала лесов, что способствует сокращению выбросов и увеличению поглощения парниковых газов. Для реализации таких проектов предусмотрено заключение соглашений между Федеральным агентством лесного хозяйства (Рослесхоз) и заинтересованными организациями. В соглашениях определяются границы и площадь лесных участков, виды, объемы и сроки проведения мероприятий по сохранению лесов. Закон, кроме того, также устанавливает основания для отказа в заключении соглашения о реализации лесоклиматического проекта. К таким основаниям относятся: предоставление недо-

стоверных или неполных сведений в заявлении; отсутствие письменного согласия правообладателей лесных участков; несоответствие планируемых мероприятий требованиям лесного законодательства.

Принятие данного закона направлено на стимулирование экологических инициатив и охрану лесных экосистем, а также на выполнение международных обязательств России по снижению выбросов парниковых газов и достижению углеродной нейтральности к 2060 г.

Постановлением Правительства РФ от 28 ноября 2024 года № 1644, вступающим в силу 1 марта 2025 г., урегулирован порядок проведения оценки воздействия на окружающую среду (ОВОС). Данный нормативный акт устанавливает правила проведения оценки в отношении тех видов деятельности, которые могут оказывать прямое или косвенное воздействие на окружающую среду, включая лесоклиматические проекты.

Говоря о перспективах развития системы правового регулирования лесоклиматических проектов в России, можно отметить следующее. На начало 2025 г. в России официально зарегистрировано лишь три реализованных лесоклиматических проекта. Многие правоведа отмечают, что для стимулирования участия бизнеса в лесовосстановлении требуется внести соответствующие изменения в Налоговый Кодекс. В настоящее время основным барьером для активного участия коммерческих структур является отсутствие достаточных налоговых льгот и экономических стимулов, делающих подобные инициативы финансово привлекательными. Целесообразным, по нашему мнению, представляется предоставление налогового вычета по налогу на прибыль для компаний, инвестирующих в лесовосстановление, посадку лесов и другие климатические инициативы. Данный механизм уже имеется в отношении благотворительных организаций, когда часть средств, направленных на социально значимые проекты, вычитается из налогооблагаемой базы. Можно также предположить пользу от такой меры, как уменьшение или полное освобождение от земельного налога для участков, занятых под лесоклиматические проекты.

Кроме того, необходим законодательный базис для внедрения мер поддержки в форме государственного субсидирования, например, на возмещение части затрат на реализацию климатического проекта и/или на уплату процентов по кредитам и займам, купонного дохода по облигационным займам [7, с. 125].

Как показывает зарубежный опыт, целесообразным является принятие законов, налагающих обязательства по восстановлению лесов для компаний, использующих древесину, или же компаний, относимых ко «вредным» производствам. Такой закон может предусматривать, что предприятия, деятельность которых отрицательно влияет на окружающую среду, обязаны компенсировать свой экологический след путем посадки новых де-

ревьев. На сегодняшний день, безусловно, нужны дополнительные административные преференции для экологически ответственного бизнеса, среди которых – упрощение процедур получения разрешений, снижение бюрократических барьеров для компаний, ведущих деятельность в сфере лесоклиматических проектов.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам:

- Одним из наиболее эффективных инструментов достижения ключевых показателей декарбонизации российской экономики выступают климатические проекты, в т.ч. лесные.
- Лесоклиматические проекты – подвид природных решений (nature-based solutions), направленных на сохранение биоразнообразия, регулицию водного режима, защиту почв от эрозии и т.п. Концепция лесоклиматических проектов основана на способности лесов поглощать углекислый газ из атмосферы.
- Лесоклиматические проекты являются весьма сложными, ресурсозатратными и трудоемкими с точки зрения организации и реализации.
- В России уже имеется законодательный массив в сфере климатической повестки и низкоуглеродной экономики. Правовое регулирование лесоклиматических проектов концептуально восходит к Конституции Российской Федерации. Кроме того, деятельность в области лесовосстановления и устойчивого развития в целом реализуется в рамках положений Климатической доктрины от 2023 г.
- Среди актов, регулирующих реализацию лесоклиматических проектов, отмечаются следующие: Лесной Кодекс Российской Федерации, Федеральный закон № 296-ФЗ, Федеральный закон № 303-ФЗ, Постановление Правительства РФ от 08.06.2022 года № 104339; Федеральный закон от 05.12.2022 года № 507-ФЗ40; Постановление Пленума Верховного суда РФ от 15.12.2022 года № 3841.
- В декабре 2024 г. в Российской Федерации был принят Федеральный закон № 492-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации», который вступил в силу с 1 января 2025 г., где ключевое место занимают нормы, посвященные лесоклиматическим проектам.
- На сегодняшний день в России лесоклиматические проекты реализуются крайне редко. Для стимулирования участия бизнеса в лесовосстановлении требуется внести соответствующие изменения в Налоговый Кодекс в части налоговых льгот и экономических стимулов, вычетов из налогооблагаемой базы. Кроме того, необходим законодательный базис для внедрения мер поддержки в форме государственного субсидирования, а также принятие законов, налагающих обязательства по восстановлению лесов для компаний, использующих древесину, или же компаний, относимых ко «вредным» производствам.

Литература

1. Гершинкова, Д. А. О формировании административно-правового регулирования вопросов реализации лесоклиматических проектов в России / Д.А. Гершинкова // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 8 (153). – С. 169–178.
2. Горбунова, О.И. Природные климатические решения и их роль в развитии устойчивого управления лесными ресурсами / О.И. Горбунова, А.Н. Кулагина, Е.Ю. Богомолова // Дискуссия. – 2024. – № 5 (126). – С. 59–66.
3. Жаворонкова, Н.Г. Климатическое законодательство Российской Федерации: возможности и потенциал в условиях энергетического перехода / Н.Г. Жаворонкова, В.Б. Агафонов // Lex Russica. – 2022. – № 1 (182). – С. 29–37.
4. Клименко, В. Дорога к климатической нейтральности: через леса под землю / В. Клименко, А. Клименко, А. Терешин, О. Локтионов // ЭП. – 2023. – № 7 (185). – С. 8–25.
5. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.constitution.ru/>. – Дата доступа: 21.02.2025.
6. Коротков, В.Н. Лесные климатические проекты в России: ограничения и возможности / В.Н. Коротков // Russian Journal of Ecosystem Ecology. – 2022. – № 4. – С. 39–46.
7. Котова, Е.В. Совершенствование правового регулирования в области снижения выбросов парниковых газов в Российской Федерации / Е.В. Котова // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – № 3. – С. 122–132.
8. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 26.12.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2025) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. – Дата доступа: 21.02.2025.
9. Морковина, С.С. Управление реализацией лесоклиматических проектов в РФ: перспективы и риски / С.С. Морковина, Е.А. Панявина, И.С. Зиновьева // ЕГИ. – 2022. – № 2 (40). – С. 198–203.
10. Родина, М.Е. Выращивание леса на землях сельскохозяйственного назначения в России: законодательные новеллы и их реализация / М.Е. Родина, Н.В. Закалюжная // Правовой порядок и правовые ценности. – 2023. – № 2. – С. 34–46.
11. Спиридонова, Е.В. Новое в регулировании обязанностей недропользователей по «компенсационному» лесовосстановлению (лесоразведению) / Е.В. Спиридонова // Имущественные отношения в РФ. – 2022. – № 5 (248). – С. 96–104.
12. Указ Президента Российской Федерации от 01.04.1996 г. № 440 «О Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию» // Президент России. [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>. – Дата доступа: 21.02.2025.

13. Указ Президента РФ от 26.10.2023 N 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460556/ – Дата доступа: 21.02.2025.
14. Федеральный закон от 02 июля 2021 г. № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ – Дата доступа: 21.02.2025.
15. Федеральный закон «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части совершенствования воспроизводства лесов и лесоразведения» от 19.07.2018 N 212-ФЗ // КонсультантПлюс. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302854/. – Дата доступа: 21.02.2025.
16. Федеральный закон «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.07.2021 N 303-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388985/ – Дата доступа: 21.02.2025.
17. Федеральный закон от 26.12.2024 № 492-ФЗ «О внесении изменений в Лесной кодекс Российской Федерации» // Официальное опубликование правовых актов. – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202412260016>. – Дата доступа: 21.02.2025.

LEGAL REGULATION OF FOREST CLIMATE PROJECTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Larin D.A.

Moscow University of Finance and Law

The article is devoted to the analysis of legal regulation of forest climate projects in the Russian Federation. The key legal acts governing the implementation of these projects are considered, including legislation in the field of forest management and environmental protection. Particular attention is paid to the provisions of the Forest Code governing forest management, forest restoration and protection. Legal gaps and restrictions that hinder the effective development of forest climate initiatives are identified. Particular attention is paid to the prospects for the development of legal regulation and reform of Russian legislation, including taking into account international experience.

Keywords: forest climate project, forest restoration, sustainable development, legal regulation, Forest code RF, low-carbon economy, decarbonization

References

1. Gershinkova, D.A. On the formation of administrative and legal regulation of the implementation of forest climate projects in Russia / D.A. Gershinkova // *Actual problems of Russian law*. – 2023. – No. 8 (153). – P. 169–178.
2. Gorbunova, O.I. Natural climate solutions and their role in the development of sustainable forest management / O.I. Gorbunova, A.N. Kulagina, E. Yu. Bogomolova // *Discussion*. – 2024. – No. 5 (126). – P. 59–66.
3. Zhavoronkova, N.G. Climate legislation of the Russian Federation: opportunities and potential in the context of the energy transition / N.G. Zhavoronkova, V.B. Agafonov // *Lex Russica*. – 2022. – No. 1 (182). – P. 29–37.
4. Klimenko, V. The Road to Climate Neutrality: Through Forests Underground / V. Klimenko, A. Klimenko, A. Tereshin, O. Loktionov // *EP*. – 2023. – No. 7 (185). – P. 8–25.
5. Constitution of the Russian Federation [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.constitution.ru/>. – Access date: 21.02.2025.
6. Korotkov, V.N. Forest climate projects in Russia: limitations and possibilities / V.N. Korotkov // *Russian Journal of Ecosystem Ecology*. – 2022. – No. 4. – P. 39–46.
7. Kotova, E.V. Improving legal regulation in the field of reducing greenhouse gas emissions in the Russian Federation / E.V. Kotova // *Theoretical and applied jurisprudence*. – 2024. – No. 3. – P. 122–132.
8. Forest Code of the Russian Federation of 04.12.2006 N 200-FZ (as amended on 26.12.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2025) // *ConsultantPlus*. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64299/. – Access date: 21.02.2025.
9. Morkovina, S.S. Management of the implementation of forest climate projects in the Russian Federation: prospects and risks / S.S. Morkovina, E.A. Panyavina, I.S. Zinovieva // *EGL*. – 2022. – No. 2 (40). – P. 198–203.
10. Rodina, M.E. Growing forests on agricultural lands in Russia: legislative innovations and their implementation / M.E. Rodina, N.V. Zakalyuzhnaya // *Legal order and legal values*. – 2023. – No. 2. – P. 34–46.
11. Spiridonova, E.V. New in the regulation of the responsibilities of subsoil users for “compensatory” forest restoration (afforestation) / E.V. Spiridonova // *Property relations in the Russian Federation*. – 2022. – No. 5 (248). – P. 96–104.
12. Decree of the President of the Russian Federation of 01.04.1996 No. 440 “On the Concept of the Transition of the Russian Federation to Sustainable Development” // *President of Russia*. [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/9120>. – Access date: 21.02.2025.
13. Decree of the President of the Russian Federation of 26.10.2023 N 812 “On approval of the Climate Doctrine of the Russian Federation” // *ConsultantPlus*. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460556/ – Access date: 21.02.2025.
14. Federal Law of July 2, 2021 No. 296-FZ “On Limiting Greenhouse Gas Emissions” // *ConsultantPlus*. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388992/ – Access date: 02/21/2025.
15. Federal Law “On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Improving Forest Reproduction and Afforestation” dated July 19, 2018 N 212-FZ // *ConsultantPlus*. – [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302854/. – Access date: 02/21/2025.
16. Federal Law “On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” dated 02.07.2021 N 303-FZ // *ConsultantPlus*. [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388985/ – Access date: 21.02.2025.
17. Federal Law dated 26.12.2024 N 492-FZ “On Amendments to the Forest Code of the Russian Federation” // *Official publication of legal acts*. – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202412260016>. – Access date: 21.02.2025.